ISSN 0130-2620

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

267

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
267

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИА РАН

МОСКВА 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 267. 2022

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК РФ.
Специальность 5.6.3. Археология.

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд,
д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
акад. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.267

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2022
© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Корниенко Т. В. Основные типы общественных сооружений культового назначения на поселениях Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита 7
Петрова Н. Ю. Варка пищи в неолите Плодородного Полумесяца 30
Янковский-Дьяконов А. И., Амиров Ш. Н., Меньшиков М. Ю., Джотери Дж. Второй сезон Российско-Иракской экспедиции на Телле Дехайла-1 (2021 г.) 44

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Шишлина Н. И., Жилин М. Г., Ковалев Д. С. Кости диких птиц в культуре населения эпохи бронзы на юге Русской равнины 59
Пелих А. Л., Скаков А. Ю. Предметы эпохи поздней бронзы и начала раннего железа из музеев Лабинского района Краснодарского края 72
Березин Я. Б., Маслов В. Е. Кобанское погребение близ Солнечнодольска 85

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И АНТИЧНОСТЬ

Антонов Е. Е. Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма: принципы организации застройки и их изменения 102
Малышев А. А., Новичихин А. М. Население Южной Синдики в эпоху Великой греческой колонизации 124
Кузнецова Е. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Монахов С. Ю. Погребение с книдскими амфорами из могильника Старокорсунского городища № 2 . . . 139
Журавлев Д. В., Камышанов А. М., Кудряшова А. И., Шлотцауер У. Городище Красный Октябрь 1 на Таманском полуострове: первые итоги исследований 152
Столяров Е. В., Радюш О. А. Уникальный клад предметов мужской воинской культуры II–I вв. до н. э. с территории Курской области 169

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

Исланова И. В. Соболево 2 – поселение финального этапа позднедьяковской культуры на Верхней Волге 185
Воронятов С. В., Кропотов В. В. Браслет стиля восточноевропейских выемчатых эмалей из некрополя Неаполя Скифского 198
Биркина Н. А. Предметы круга варварских эмалей из собрания В. В. Хвойко в фондах ГИМ 207
Казанский М. М., Мастыкова А. В. Акациры: северная окраина кочевой степи после Аттилы 221
Хомякова О. А. Пряслица юго-восточной Прибалтики (по материалам культур Калининградского полуострова I–VIII вв.) 242
Колоколов А. М. Находка подковообразной фибулы с зооморфными окончаниями из раскопа XXVIII на городище Супруты 261

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Степанов В. Б., Хамакава М., Красильникова Н. А. Геоинформационная система «Археологическая карта Московской области» как инструмент в области охраны объектов археологического наследия 275
Зеленцова О. В., Холошин П. Р. Мурома на археологической карте России: исследования прошлого и современная ситуация 290
Бортникова С. В. Минеральные источники серебра и серебряная металлургия в Европе и на Ближнем Востоке в эпоху раннего металла 308
Кренке Н. А., Ершова Е. Г., Ершов И. Н., Раева В. А., Ганичев К. А., Александровский А. Л., Кулькова М. А., Киттель П., Певзнер М. М., Пономаренко Е. В., Лавренов Н. Г., Лавриков М. В., Чаукин С. Н. Радиоуглеродное датирование археологических и природных объектов Смоленщины в 2014–2021 гг. 320

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «БОЛЬШОЙ ШИГИРСКИЙ ИДОЛ В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВА КАМЕННОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ» (ЕКАТЕРИНБУРГ, 12–16 ИЮНЯ 2017 г.)

Шмидт И. В. Ромбовидные знаки Черноозерья II и Пегана – орнаментальные инварианты? Попытка обоснования и локализации стиля. 345
Йонукс Т. Х. Антропоморфные фигуры каменного века из кости и рога из Эстонии – разные стили, разные толкования? 364
Кокшаров С. Ф. Антропоморфы Большого Шигирского идола (историографический аспект) 381

ГОРОДА И ФОРТИФИКАЦИИ

Медведь А. Н. Древо-земляные укрепления в Италии XVI в. – становление традиции 396
Коваль В. Ю. К поискам «итальянского следа» в древо-земляной фортификации Руси 410
Вдовиченко М. В. Источники о сложении архитектурного облика набережных Приказов XVII в. 419

ИСТОРИЯ НАУКИ

Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. «НУЖЕН СОВЕРШЕННО НОВЫЙ МУЗЕЙ»: Российская академия истории материальной культуры и проект создания Центрального музея истории материальной культуры в 1920-е гг. 437

CONTENTS

RESEARCH IN THE NEAR EAST

Kornienko T. V. Main Types of Public Constructions for Religious Worship at the Northern Mesopotamia Sites Dating to the Aceramic Neolithic 7
Petrova N. Yu. Cooking Food in the Fertile Crescent Neolithic 30
Jankowski-Diakonoff A. I., Amirov Sh. N., Menshikov M. Yu., Jotheri J. The Second Season of the Russian-Iraqi Expedition at Tell Dehaila-1 (2021) 44

BRONZE AGE

Shishlina N. I., Zhilin M. G., Kovalev D. S. Bones of Wild Birds in the Culture of the Bronze Age Population in the South of the Russian Plain 59
Pelikh A. L., Skakov A. Yu. Bronze Age and Early Iron Age Items from the Museums in the Labinsk District of the Krasnodar Region 72
Berezin Ya. B., Maslov V. E. A Koban Burial near Solnechnodolsk 85

IRON AGE AND CLASSICAL ANTIQUITY

Antonov E. E. Late Scythian Settlements in Northwestern Crimea: Principles of Housing Construction and their Changes 102
Malyshev A. A., Novichikhin A. M. Southern Sindica Population during the Great Greek Colonization 124
Kuznetsova E. V., Limberis N. Yu., Marchenko I. I., Monakhov S. Yu. The Burial with Knidian Amphorae from the Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement No. 2 139
Zhuravlev D. V., Kamyshanov A. M., Kudryashova A. I., Schlotzhauer U. The Krasnyy Oktyabr 1 Hillfort on the Taman Peninsula: First Results of the Research 152
Stolyarov E. V., Radyush O. A. A Unique Hoard of Male Military Culture Items of the II–I Centuries BC from the Kursk Region 169

MEDIEVAL ANTIQUITIES

Islanova I. V. Sobolevo 2 – Settlement of the Late D'yakovo Final Stage in the Upper Volga Region 185
Voroniatov S. V., Kropotov V. V. A Bracelet of the East European Enameled Ornaments Style from the Scythian Neapolis Necropolis 198
Birkina N. A. Items from the Barbarian Champlevé Contexts from V. V. Khvoiko Collection in the Holdings of the State Historical Museum 207
Kazanski M. M., Mastykova A. V. The Acatziri: Northern Borderlands of the Nomadic Steppe after Attila 221
Khomyakova O. A. Spindle Whorls of the Southeastern Baltic Region (based on the Materials of the Kaliningrad Peninsula, 1st–8th Centuries) 242
Kolokolov A. M. The Discovery of a Horseshoe-shaped Fibula with Zoomorphic Termination from Excavation Trench No. 28 at the Supruty Hillfort 261

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

Stepanov V. B., Hamakawa M., Krasilnikova N. A. Geographical Information System «Archaeological Map of the Moscow Region» as a Tool in the Field of Protection of Archaeological Objects 275
Zelentsova O. V., Kholoshin P. R. The Muroma on the Russian Archaeological Map: Research of the Past and the Present Situation 290
Bortnikova S. V. Mineral Sources of Silver and Silver Metallurgy in Europe and the Near East during the Early Metal Period 308
Krenke N. A., Ershova E. G., Ershov I. N., Raeva V. A., Ganichev K. A., Aleksandrovskiy A. L., Kulkova M. A., Kittel P., Pevzner M. M., Ponomarenko E. V., Lavrenov N. G., Lavrikov M. V., Chaukin S. N. Radiocarbon Dating of Archaeological Sites and Natural Features in the Smolensk Region in 2014–2021 320

PROCEEDINGS OF THE CONFERENCE «THE BIG SHIGIR IDOL IN THE CONTEXT OF STONE AGE ART OF NORTH EURASIA» (YEKATERINBURG, 2017, JUNE 12–16)

Shmidt I. V. Rhombic signs from Chernoozerye II and Pegan: Ornamental invariants? Attempt to justify and localize the style 345
Jonuks T. H. Bone and Antler Anthropomorphic Figures Dating to the Stone Age from the Territory of Estonia – Different Styles, Different Interpretations?. 364
Koksharov S. F. Anthropomorphs of the Big Shigir Idol (historiographical aspect) 381

CITIES AND FORTIFICATIONS

Medved A. N. Wood and Earth Fortifications in 16th-Century Italy – Establishment of the Tradition 396
Koval V. Yu. Searching the «Italian Trace» in the Wood and Earth Fortification of the Medieval Russia 410
Vdovichenko M. V. Sources on Development of Prikaz Embankment Architectural Look in the 17th Century 419

HISTORY OF SCIENCE

Ananyev V. G., Bukharin M. D. «An Absolutely New Museum is Needed»: the Russian Academy for the History of Material Culture and the Project on Creating the Central Museum for the History of Material Culture in the 1920s 437

Т. В. Корниенко

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИЯХ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ ЭПОХИ ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА

Резюме. Опубликованные за последние 10–15 лет материалы активно проводившихся в Северной Сирии и Юго-Восточной Турции раскопок дают возможность точнее проследить ареал, типологию и эволюцию становления культовой архитектуры раннего неолита на территории Северной Месопотамии. Исходя из специфики источников, важным представляется контекстный анализ для определения материальных остатков общественных построек культового назначения. При выделении основных типов общественных сооружений культового назначения на поселениях Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита особое внимание было обращено на морфологические, конструктивные, образно-композиционные и функциональные особенности этих строений. Выделенные типы не являлись жестко установленными канонами: их характеристики иногда сильно варьируют; особенности разных типов могли совмещаться в отдельных строениях. Крайне интересно, что не только сопутствующие объекты, элементы оформления интерьера, но в ряде случаев и сами архитектурные конструкции, морфология общественных построек культового назначения передают устойчивые образы важнейших символических элементов в картине мира жителей ранненеолитических поселений (архаичного жилища, букрании и, возможно, других). В функциональном отношении у разных типов общественных построек культового назначения определенная специализация, соотносящаяся с их морфологическими и конструктивными особенностями, прослеживается начиная с эпохи развитого PPNA.

Ключевые слова: Северная Месопотамия, докерамический неолит, культовая архитектура, ритуальный контекст, строительные заклады, останки животных и человека, объекты изобразительного искусства.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.7-29

Состояние вопроса

Одной из отличительных черт материальной культуры раннего неолита Северной Месопотамии при ее сравнении с синхронными источниками соседних территорий является наличие многочисленных остатков символически выделяющихся из поселенческого контекста общественных строений («community buildings») (*Kozłowski, Aurenche*, 2005. P. 80). Данные значительной части этих построек по своим характеристикам выдерживают известные критерии выявления «археологических индикаторов ритуала» (*Renfrew, Bahn*, 1991. P. 359, 360) и определения собственно культовых сооружений, возводившихся для размещения материальных атрибутов присутствия сверхъестественных покровителей общины и проведения коллективных ритуальных действий (*Корниенко*, 2006. С. 6–13). В предыдущих работах были прослежены истоки и основные характеристики возведения подобных строений на северомесопотамских поселениях докерамического неолита А и Б (PPNA и PPNB[1]), а также в удаленных от поселений комплексах ритуального назначения (*Корниенко*, 2006; *Kornienko*, 2009). Опубликованные за последние 10–15 лет материалы активно проводившихся в Северной Сирии и Юго-Восточной Турции раскопок, тем не менее, дают возможность точнее проследить ареал, типологию и эволюцию становления культовой архитектуры раннего неолита в зоне «Золотого треугольника»[2] (рис. 1). К сожалению, по политическим причинам слабоизученной территорией с точки зрения археологии до сих пор остается североиракский очаг неолитизации.

Исходя из специфики источников, важным представляется контекстный анализ для определения материальных остатков общественных построек культового назначения. При выделении основных типов общественных сооружений культового назначения на поселениях Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита особое внимание было обращено на морфологические, конструктивные, образно-композиционные и функциональные особенности этих строений.

Период финального эпипалеолита и PPNA (XI – середина IX тыс. до н. э., здесь и далее даты калиброванные)

Первые данные специального оформления ритуального пространства общественного назначения на поселениях Северной Месопотамии относятся ко времени протонеолита и раннего докерамического неолита. Они представлены материалами открытых участков с остатками проведения культовых практик,

[1] Подробнее о терминологии и хронологии в изучении процесса неолитизации Передней Азии см.: (*Корниенко*, 2021).

[2] «The Golden Triangle» – термин, предложенный С. Козловским и О. Оранж для обозначения Северной Месопотамии эпохи неолитизации с целью подчеркнуть особую роль этого региона в процессах становления неолитического образа жизни на Ближнем Востоке (*Kozłowski, Aurenche*, 2005. P. 46, 47, 63, 80. Tabl. 0.12).

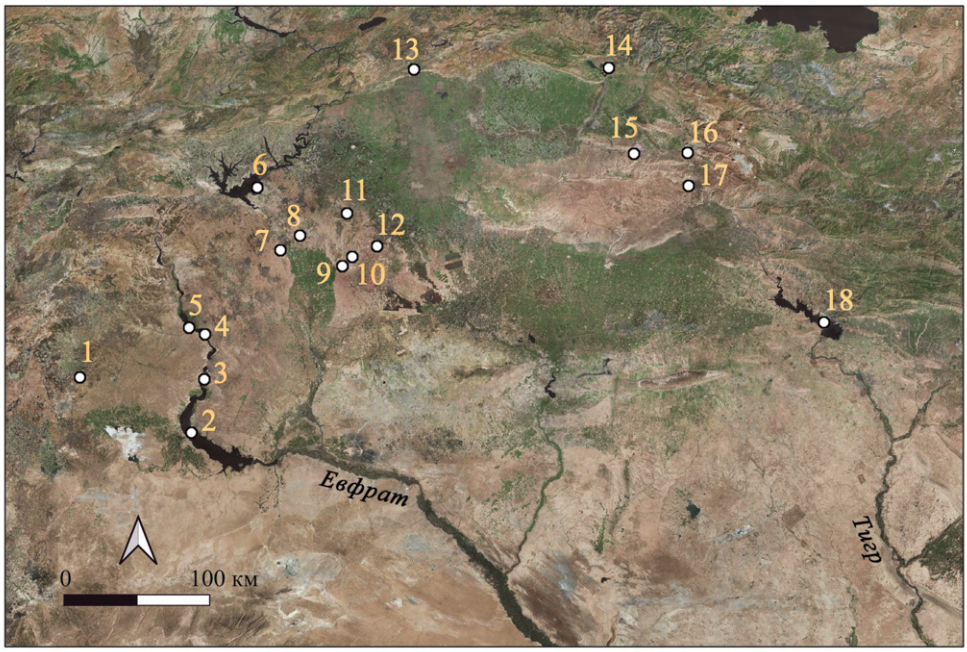


Рис. 1. Карта Северной Месопотамии
с обозначением упоминаемых в статье памятников

Северная Сирия: *1* – Телль Карамель; *2* – Телль Мурейбит; *3* – Джерф эль-Ахмар; *4* – Джаде эль-Мугара; *5* – Телль Абр 3; *Юго-Восточная Турция*: *6* – Невали Чори; *7* – Ени Махалле; *8* – Гёбекли Тепе; *9* – Харбетсуван Тепеси; *10* – Карахан Тепе; *11* – Ташли Тепе; *12* – Сефер Тепе; *13* – Чайоню Тепеси; *14* – Халлан Чеми; *15* – Хасанкейф Хююк; *16* – Гусир Хююк; *17* – Бонджуклу Тарла; *Северный Ирак*: *18* – Немрик 9/10

а также материалами неординарных по конструкции, заполнению и/или оформлению, как правило, бóльших по размеру, чем бытовые постройки, сооружений.

Открытые в Телле Карамель (Северо-Западная Сирия) «башни» V-I являются одними из наиболее древних неординарных строений общественного назначения. Эти углубленные в почву, круглоплановые с массивными каменными стенами структуры возводились на одном и том же месте северо-восточной окраины поселения (со стороны реки) с эпохи протонеолита до развитого PPNA. Более позднее сооружение строилось на выровненных остатках предыдущего. По сравнению с современными им жилыми домами и бытовыми постройками, «башни» имели выдающиеся размеры: d – от 5,5 до 7,5 м, толщина стен – от 0,8 до 2,25 м. Самая поздняя из этой серии неординарных строений, Башня I, уровни горизонта H3, датируется развитым PPNA. Имевшая наиболее мощные стены Башня II относится к горизонту H2 и была возведена в начале PPNA. Остальные три «башни» – V-III – относятся к горизонту H1 (ок. 10898–9670 гг. до н. э.), материалы которого исследователи памятника определяют периодом протонеолита (*Mazurowski et al.*, 2012. P. 48–52).

Нет данных о том, что «башни» Телля Карамель отличались особой высотой[3], соответственно, название «башни» для обсуждаемых построек Телля Карамель можно принять как условное. Эти сооружения были сделаны из камней разных размеров и скрепляющей их глины. Внутри находились примыкавшие к стенам платформы и расположенный на возвышении в центре помещения очаг. Размеры, мощность стен, специфика внутреннего устройства, оформление полов, заклад в юго-восточной стене Башни I из четырех человеческих черепов и двух нижних челюстей человека (не относящихся к тем же индивидам, что и черепа) заметно выделяют эти сооружения из поселенческого контекста исследованных участков Телля Карамель (*Mazurowski et al.*, 2012. P. 34, 48–54; *Chamel*, 2014. P. 119; *Kanjou*, 2018. P. 16). По мнению исследователей памятника, более молодые «башни» II-I могли выполнять оборонительные функции, служить убежищем и наблюдательным пунктом, а также местом для собраний уважаемых в сообществе людей. Тогда как «башни» V-III, помимо отмеченных функций играли роль в культовой сфере, о чем свидетельствуют элементы их внутренних конструкций (*Mazurowski et al.*, 2012. P. 48).

Из-за позднейших повреждений данные о внутреннем устройстве «башен» II-I отсутствуют. Однако сложно согласиться с тем, что «башни» II-I, возведенные на том же месте, по тому же плану, что и их предшественницы, утратили имевшееся ранее у сооружений этой серии сакральное значение. Оборонительные функции «башен» II-I помимо массивности их стен и нахождения этих построек на краю поселения ничем не подтверждаются. Анализ остеологических останков людей из этого и других ранненеолитических памятников выявил отсутствие убедительных данных о ведении войн или крупных межпоселенческих конфликтах на территории Северной Месопотамии в эпоху раннего докерамического неолита (*Erdal Y., Erdal O.*, 2012; *Chamel*, 2014). Экстраординарный заклад человеческих черепов со следами ускоренного отделения челюсти на одном из фрагментов[4] в стене Башни I

[3] Как, например, известная башня из Телля эс-Султан (Иерихон, Южный Левант) времени PPNA, построенная из необработанных камней и глины, с сохранившейся высотой 8,2 м, толщиной стен около 1,5 м, диаметром у основания – 9 м и в верхней части – 7 м (*Kenyon*, 1981; *Bar-Yosef*, 1986. P. 157). Внутренние конструкции башни Телля эс-Султан, функциональное назначение которой остается дискуссионным, и «башен» Телля Карамель заметно различаются.

[4] На правой половине мужской нижней челюсти зафиксировано множество сделанных каменным орудием порезов при удалении мягких тканей в древности (*Kanjou et al.*, 2015. Fig. 4). Подавляющее большинство обнаруженных в протонеолитических и неолитических памятниках Передней Азии отдельно от остальных частей скелета черепов и челюстей человека следов порезов не имеет. Черепа извлекали из могил приблизительно через год после захоронения покойника (когда мягкие ткани уже истлевали) для осуществления с ними последующих ритуальных действий. В крайне редких случаях на черепах, челюстях или сохранившихся с черепами шейных позвонках фиксируются посмертные и близкие к моменту смерти порезы, что говорит о возникавшей иногда необходимости ускорить процесс отделения черепов и челюстей от тел

показывает особую символическую значимость этой последней в серии «башен» V-I постройки. На наш взгляд, материалы данного заклада, так же как и увеличившаяся толщина стен Башни II на позднем этапе и следующей за ней Башни I по сравнению с предыдущими «башнями» V-III и раннего этапа Башни II, могли быть связаны с подготовкой к ритуальному закрытию этого действовавшего на протяжении столетий общинного центра. Такое решение, вероятно, было принято после случившегося в Башне II пожара, следы которого зафиксированы в ходе раскопок (*Mazurowski et al.*, 2012. P. 50–52), но, возможно, и по другим причинам.

Весьма интересно, что в горизонте H3 на восточной окраине поселения Телля Карамель одновременно с завершением функционирования последней из «башен» и недалеко от места ее расположения были возведены два новых сооружения общественного значения, которые использовали для ритуальных целей. Одно из них – Строение 10 или Святилище / Общинный дом (Locus 10 or Shrine / Common House) – вытянутая по оси запад – восток постройка размером 10 × 5 м (рис. 2: *1*). Она состояла из трех располагавшихся анфиладой помещений, соединенных между собой двумя проходами. В центральной круглой в плане комнате (d – ок. 5 м) сохранились остатки выложенных из камней платформ, которые примыкали к стенам, и находившегося в центре очага (d – ок. 1 м). Уровень пола этого помещения был занижен. В заполнении окруженного камнями очага обнаружены длинные кости массивного животного со следами огня. С запада к центральному помещению Строения 10 примыкала полукруглая комната, так называемая апсида, с установленной каменной стелой на сложенном из глины и камней постаменте. Эта стела, очаг центральной комнаты, проходы между помещениями и вход в постройку располагались на центральной оси плана Строения 10. С восточной стороны от центрального помещения находилась прямоугольная комната с фундаментом типа построек гриль-плана. В ее восточной стене выявлен вход в Строение 10 (*Mazurowski et al.*, 2012. P. 52–54. Pl. 37, 41, 42).

Под полом и стенами Строения 10 открыты 9 человеческих погребений (одно из них – под полом и стеной апсиды – коллективное, содержит останки трех индивидов) и 3 погребения животных (представителя семейства кошачьих под стеной апсиды и двух диких быков, симметрично погребенных под боковыми стенами центрального помещения). Часть погребений захоронены под стенами постройки, что позволяет их трактовать в качестве строительных закладов. Снаружи, в непосредственной близости от стен Строения 10 выявлено еще несколько захоронений людей и животных. Всего на памятнике во всех горизонтах открыто 34 таких захоронения, из них 25 – в границах и снаружи у стен Строения 10 (*Gawrońska et al.*, 2012. P. 60–66). Единственная обнаруженная в Телле Карамель антропоморфная фигурка (из известняка, высота – 8,1 см) была открыта при разборе стен фундамента восточного помещения Строения 10 (*Mazurowski*, 2012. P. 84. Pl. 132). Массивное с большим

для использования их в ритуальных целях (*Kanjou et al.*, 2015; *Erdal*, 2015; *Kornienko*, 2015).

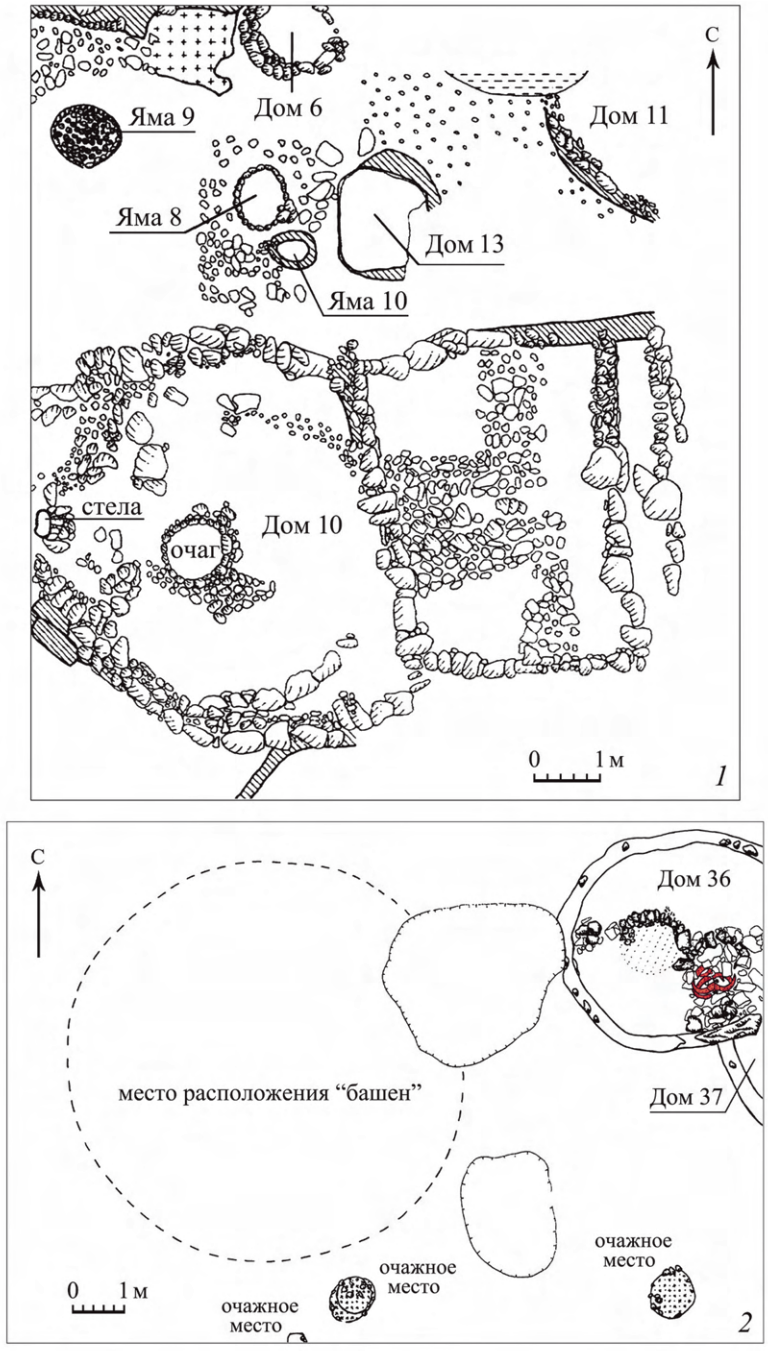


Рис. 2. Телль Карамель. Общественные строения культового назначения

1 – Строение 10 / «Общинный дом», план раскопа (по: Tell Qaramel..., 2012. Pl. 37); *2* – Строение 36 / «Дом букраний», план раскопа (по: Ibid. Pl. 14)

мастерством сделанное из кремня тесло иерихонского типа также открыто среди камней фундамента вестибюльного помещения Строения 10. Исследователи Телля Карамель отмечают, что данная находка имеет южнолевантийское происхождение и является исключительной редкостью для материалов докерамического неолита Северной Сирии (*Mazurowski et al.*, 2012. P. 54. Pl. 138B).

Таким образом, Строение 10 символически явно выделяется из поселенческого контекста исследованных участков Телля Карамель своими размерами, особенностями планировки и интерьера, строительными закладами, среди которых есть уникальные для этого памятника объекты, а также концентрацией погребений людей и животных в районе его расположения. Можно согласиться с исследователями памятника, что данная постройка играла особую роль в жизни поселения и, судя по рассмотренным выше материалам, была многофункциональна. Очевидно, она служила местом для проведения собраний и совершения ритуальных действий, в том числе связанных с наличием стелы в помещении апсиды.

По конструкции Строение 10 представляет совмещение в одном сооружении характеристик построек разных типов. План, углубленность в почву и оформление центрального помещения очагом и примыкающими к стенам платформами напоминает внутреннее устройство лучше других сохранившихся «башен» V и III Телля Карамель, а также двух многофункциональных общественных построек уровня 1 Халлан Чеми (*Rosenberg*, 1999. P. 26, 27. Fig. 2). Апсида с вмурованной в постамент каменной стелой (западное помещение Строения 10) отчасти сопоставима с апсидой Сооружения А Гёбекли Тепе (*Schmidt*, 2006. S. 112–127. Abb. 39). Тип построек гриль-плана, который проявился в конструкции восточного прямоугольного помещения Строения 10, хорошо известен по материалам ряда поселений Юго-восточной Анатолии эпохи докерамического неолита, как правило, остатков жилищ и сооружений бытового назначения (*Erim-Özdoğan*, 2011; *Hauptmann*, 2011; и др.). По выполнявшимся функциям, особенностям планировки и конструкций Строение 10 можно отнести к комбинированному варианту построек общественного назначения. Центральное его помещение по ряду показателей соотносится с другими самыми ранними общественными строениями, выявленными на поселениях Северной Сирии и Юго-Восточной Анатолии переходной к неолиту эпохи (табл. 1: *mun I*).

Строение 36, или «Дом букраний», находилось на расстоянии менее 3 м восточнее места расположения «башен». Это круглая в плане постройка (d – ок. 4,5 м) с толщиной стен приблизительно 35 см. Для строительства использовались глиняные блоки, содержащие вкрапления мелкой гальки, наряду с блоками чистой глины и камнями разных размеров. Пол выложен галькой, покрытой слоем утрамбованной глины. Примечательно, что по сравнению со стенами, возведенными на поверхности земли, пол Строения 36 был углублен в землю. В центре помещения открыт большой шестигранный блок из известняка, от которого отходили две низкие полукруглые в плане стены, построенные из скрепленных глиной камней (рис. 2: *2*). Эта конструкция располагалась в помещении по оси запад – восток и по форме напоминает изображение

рогатой головы тура. В изгибе ее восточной полукруглой стены, ниже уровня пола обнаружена облицованная камнями яма с плотно уложенными в ряд лобными частями четырех черепов тура с массивными рогами, между которыми найдены кремневые орудия. Данный заклад/захоронение бычьих черепов сверху был заложен камнями. С юго-восточной стороны к Дому букраний примыкала глинобитная стена, вероятно, принадлежавшая соседней постройке, раскопки которой не проводились (*Gawrońska et al.*, 2012. P. 62; *Mazurowski et al.*, 2012. P. 54–56. Pl. 14, 57).

Исследователи Телля Карамель замечают, что на Среднем Евфрате подобные закладам Строения 36 заклады букраний в постройках известны по материалам поселения Джерф эль-Ахмар, относящимся к более позднему времени. Тогда как «сделанная из камней стилизация букрании внутри Строения 36 является абсолютно уникальной и не имеет аналогов на каких-либо памятниках акерамического неолита, исследованных на сегодняшний день»[5]. Использование архитектурных элементов неординарных построек в качестве стилизованных изображений букраний на поселениях Северной Месопотамии периода PPNA, тем не менее, предполагается и по материалам ряда других памятников. Так, раздваивающиеся стены с обеих сторон от входов неординарных строений A и B первого уровня в Халлан Чеми могли образно представлять рога (*Rosenberg*, 1999. P. 26, 27. Fig. 2). В так называемом «Доме картин» Джаде эль-Мугара, углубленном в землю и круглом в плане, конструкция стен помещения с тремя мощными раскрашенными внутренними выступами, по мнению исследователей памятника, вполне вероятно, представляла три поставленных в круг букрании (*Coqueugniot*, 2014. P. 102, 103. Fig. 16, 17). Реконструированный внешний вид центральных платформ строений M1a и M10b Телля Абр 3 (рис. 3: *2e, f*) по хорошо сохранившимся после пожара фрагментам конструкций стилизовано передает образы быка (*Yartah*, 2013. P. 100–106. Fig. 59–67; 2016. P. 33, 36, 37. Fig. 12). Следует заметить, что в заполнении, под полами, в стенах и/или платформах названных построек и/или поблизости от них были размещены кости, черепа и рога тура/барана/козла/оленя (рис. 3: 2*a, b*). В случае с данными Телля Абр 3 среди многочисленных объектов закладов (включавших и рога, черепа, кости тура) открыты изделия, изображающие быка, а также с мотивом букрании (рис. 3: *2c, d*). В целом образ быка/козла/барана (часто через букрании в виде натуральных черепов с рогами или изображений рогатой головы быка) представлен на ранненеолитических поселениях Северной Месопотамии многочисленными символическими объектами разных категорий. В том числе различными способами образ быка/козла/барана, весьма вероятно, представляли архитектурные конструкции отмеченных выше строений.

Функционально постройки с архитектурными элементами в виде мотивов быка/козла/барана, судя по особенностям их конструкций, разнице в размерах и сопутствующем материале, заметно различались. Например, в районе неординарных построек первого уровня Халлан Чеми, в отличие от остальной

[5] «The stone stylization of the bucranium inside Loc. 36 is absolutely unique with no counterparts anywhere on any of the Aceramic Neolithic sites explored to date» (*Mazurowski et al.*, 2012. P. 56).

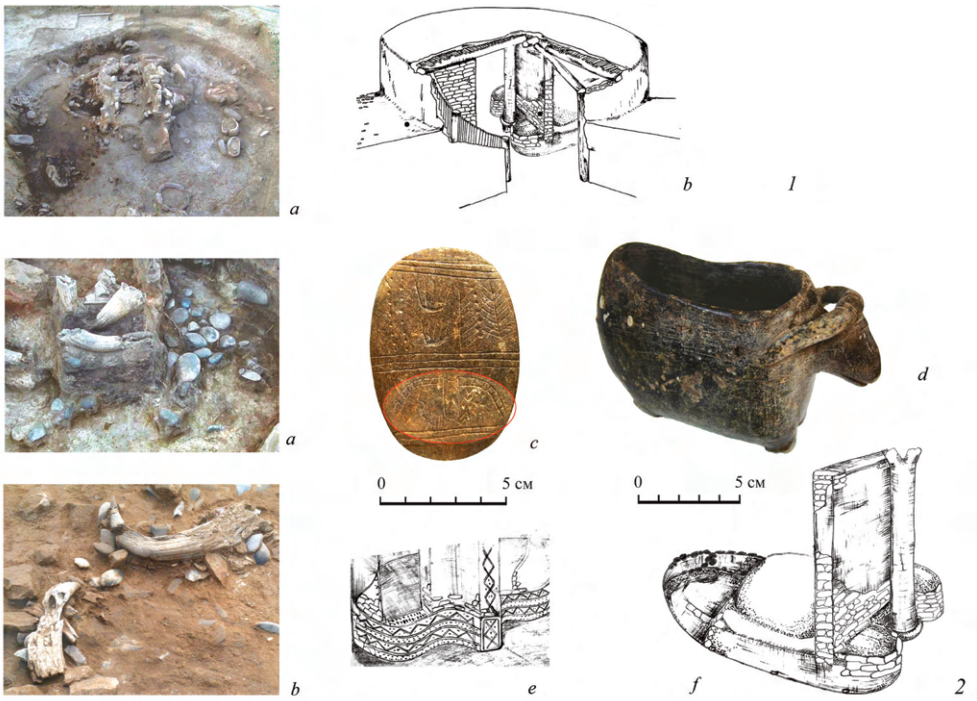


Рис. 3. Телль Абр 3

1 – Строение M1a: *a* – момент раскопок, фото; *b* – аксонометрическая реконструкция (по: *Yartah*, 2013. Fig. 61.4, 63.1); *2* – мотив быка в ритуальных объектах и архитектурных конструкциях: *a, b* – рога тура в момент расчистки закладов в центральной платформе Строения M1a и у стены Строения M10a, фото (по: Ibid. Fig. 81.5, 33.1); *c, d* – хлоритовые плакетка и сосуд из заклада в основании западной стены Строения M1a, фото; *e, f* – аксонометрическая реконструкция центральных платформ из строений M1a и M10b (по: Ibid. Fig. 186.7–10)

исследованной территории, помимо символических объектов и комплексов были четко локализированы привозные высоко ценимые материалы – обсидиан и медная руда, а также следы их обработки (*Корниенко*, 2006. С. 25–32). М. Розенберг отмечает, что присутствие здесь импортных материалов, с одной стороны, подтверждает существование системы обмена товарами на большие расстояния даже для столь ранней эпохи, а с другой, показывает, что значительные по размерам (d – 5–6 м), углубленные в землю неординарные строения Халлан Чеми были каким-то образом связаны с этой торговлей. Вероятно, они играли особую роль в установлении и поддержке межпоселенческих контактов (*Rosenberg*, 1999. P. 26, 27). Подобные связи могли укрепляться при помощи дарообмена, о значении которого в архаичных сообществах хорошо известно. «Дом букраний» Телля Карамель и «Дом картин» Джаде эль-Мугара, судя по их заполнению и оформлению, вероятно, в большей степени предназначались для отправления культовых практик, чем для других целей. Тогда как строения M1a и M10b Телля Абр 3 помимо явно представленных ритуальных

объектов и комплексов (платформ, оформленных в виде букраний, с многочисленными сделанными в них закладами; остатков руки человека, частично сохранившихся в анатомическом порядке на одной из платформ, и прочих) содержат значительное количество объектов хозяйственной деятельности. Среди них: крупные каменные сосуды, зернотерки, терочные камни, песты, орудия из кремня и кости, «выпрямители древков» и другое (*Yartah*, 2013. P. 94, 95, 104, 105, 107–110, 142. Fig. 59–87, 141–147, 151–164; 2016. P. 33). Отдельно стоит отметить обнаруженную у восточной стены в помещении строения M1a концентрацию большого количества обугленных зерен ржи (Ibid. P. 107) и примыкавший к данному строению открытый участок с вымосткой, пятью большими очажными ямами и сооружением для отходов, где найдено множество костей животных (Ibid. P. 142). Сопутствующие материалы указывают на то, что общественно значимые строения M1a и M10b Телля Абр 3 были полифункциональны, они играли важную роль в проведении ритуальных действий, коллективном хранении и приготовлении пищи.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что архитектурные элементы, выполненные в виде фигуры быка или букраний, так же как и другие способы представления дикого быка/барана/козла (от натуральных черепов с рогами или их фрагментов до различного вида изображений), использовались в качестве атрибутов этого почитаемого животного при сооружении разных типов общественных строений культового назначения. Статистически наличие таких атрибутов явно преобладает в материалах построек первого и второго типов.

Для этапа развитого PPNA по материалам ряда соседних поселений среднеевфратского региона морфологически, конструктивно и функционально выделяется особый тип неординарных строений (табл. 1: *тип II*). Впервые он был выявлен при сопоставлении материалов строений EA7, EA30 из Джерф эль-Ахмар и Дома 47 Телля Мурейбит (*Stordeur et al.*, 2001; *Корниенко*, 2006. С. 34–40. Рис. 7–10). Впоследствии исследования строений M3 и M10a в Телле Абр 3 подтвердили распространение таких построек общественного назначения на поселениях развитого PPNA в среднеевфратском регионе (*Yartah*, 2013. P. 37–39, 86–89, 116–118. Fig. 25–34, 101–109, 133–135, 175–179, 189; 2016. P. 37. Fig. 8). Этот тип общественных построек представлен большими круглоплановыми углубленными в землю строениями, сооруженными из камней, глины и дерева (d – от 5,5 до 7,5 м). Внутренние конструкции их однокомнатных помещений состояли из нескольких радиально расположенных вокруг центрального пространства ячеек, отделенных друг от друга низкими перегородками и иногда платформами (рис. 4). Как правило, постройки данного типа были оборудованы очагом или очагами. В их заполнении обнаружены объекты и остатки масштабной хозяйственной деятельности. Вместе с тем, в их границах найдены заклады из рогов, черепов и крупных костей животных (преимущественно тура), иногда антропоморфные статуэтки или экстраординарные человеческие погребения, а также заклады из черепов и костей человека.

Таблица 1. Основные типы общественных сооружений культового назначения эпохи докерамического неолита по материалам Северной Сирии и Юго-Восточной Анатолии

Тип	Основные характеристики	Примеры	Период и регион распространения
I	Круглоплановые, как правило, однокомнатные и углубленные в землю постройки с примыкающей по периметру стены платформой или платформами. В ряде случаев содержат объекты и остатки общественно значимой хозяйственной деятельности. Иногда помещения этого типа имеют очаг / очаги / очажную яму / очажные ямы; центральную платформу-реликварий и/или другие элементы интерьера, в нескольких случаях стилизовано оформленные в виде головы быка. Как правило, эти постройки включают заклады/погребения из рогов, черепов и крупных костей животных, преимущественно тура, иногда вместе с орудиями из кремня и обсидиана, декорированными каменными предметами и другими объектами символической ценности. В нескольких постройках данного типа выявлены экстраординарные погребения, заклады из черепов и костей человека	Башни V-I, центральное помещение Строения 10 и Строение 36 Телля Карамель; Строения M1a, M1b, M10b Телля Абр 3; Строения A и B 1-го уровня Халлан Чеми	Протонеолит и PPNA, Северная Сирия и Юго-Восточная Анатолия
II	Круглоплановые однокомнатные углубленные в землю постройки с радиально расположенными вокруг центрального пространства ячейками, разделенными внутренними перегородками и иногда платформами; как правило, с очагами, объектами и остатками масштабной хозяйственной деятельности. Включают заклады из рогов, черепов и крупных костей животных, преимущественно тура; иногда экстраординарные погребения, заклады из черепов и костей человека; антропоморфные статуэтки	Строение 47 Телля Мурейбит; Строения EA7, EA30 Джерф эль-Ахмар; Строения M3, M10a Телля Абр 3	PPNA, среднеевфратский регион (Северная Сирия)
III	Большие круглоплановые, подпрямоугольные или прямоугольные в плане, обычно углубленные в землю, однокомнатные постройки с выразительным символическим оформлением (плиточным или терраццо покрытием полов, крупноформатной скульптурой, рельефно оформленными стелами, иногда росписью стен и др.); часто с примыкающей по периметру помещения платформой, в которую вмурованы стелы, столбы, пилястры. В центральной части помещения нередко устанавливали пару наиболее монументальных стел	Строение B2 Телля Абр 3; Строения EA53, EA 100 Джерф эль-Ахмар; «Дом картин» Джаде эль-Мугара; «Строение с плитами», «Строение с мозаичным полом» Чайоню Тепеси; Строения комплексов Гёбекли Тепе и Карахан Тепе; Строения II и III Невали Чори; и др.	PPNA – средний PPNB, Северная Сирия и Юго-Восточная Анатолия
IV	Округлой и прямоугольной планировки, неоднократно перестраивавшиеся, состоящие из нескольких помещений строения. Под полами комнат этих построек и/или в их заполнении, а также в ямах в непосредственной близости от сооружений в большом количестве были сконцентрированы различного типа захоронения, преимущественно коллективные	«Дом черепов» Чайоню Тепеси; «Дом мертвых» Джаде эль-Мугара	PPNA – средний PPNB, Северная Сирия и Юго-Восточная Анатолия

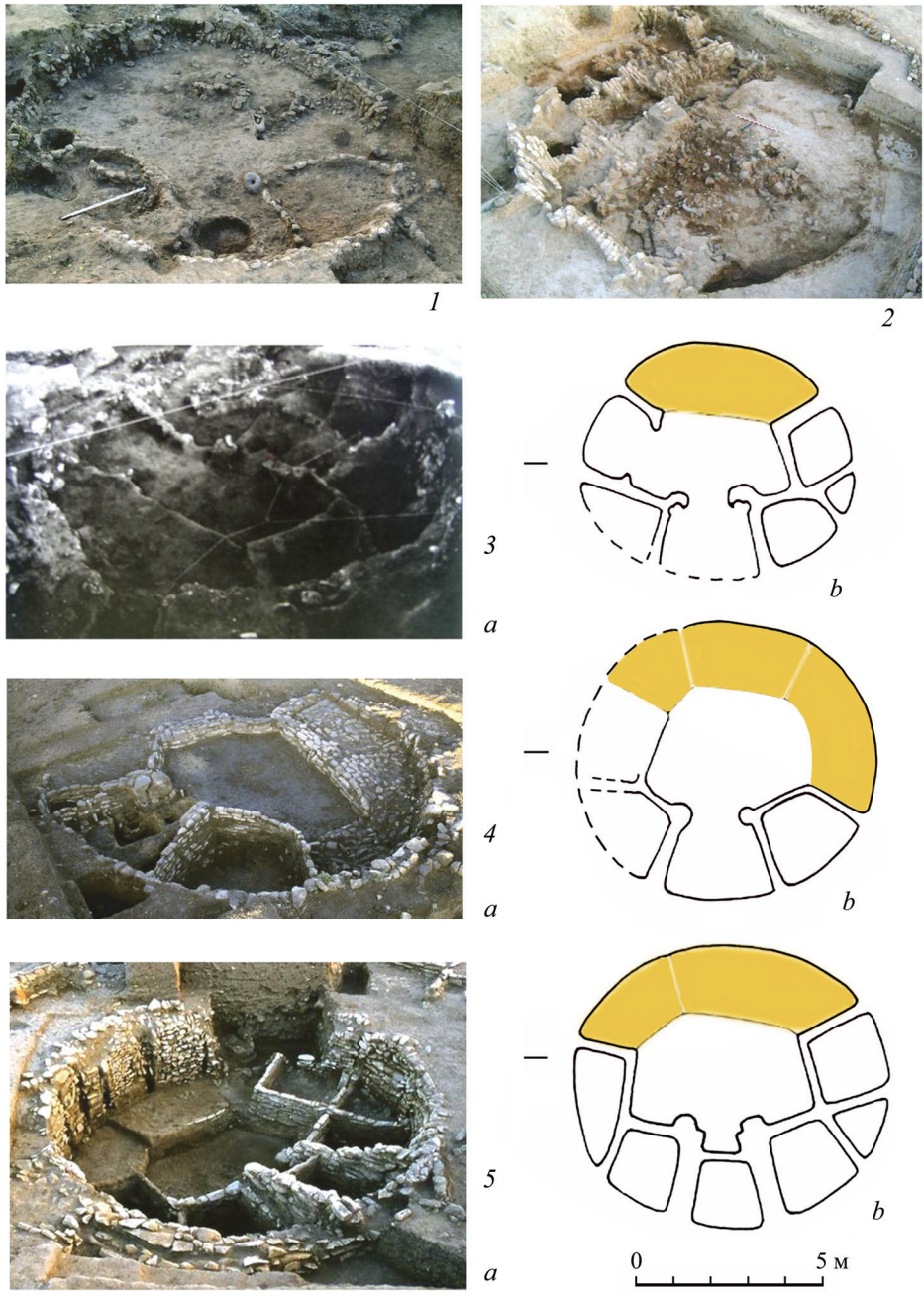


Рис. 4. Общественные строения культового назначения II типа

1 – Телль Абр 3, Строение М3, фото; *2* – Телль Абр 3, Строение М10а, фото; *3* – Телль Мурейбит, Строение 47, фото и план; *4* – Джерф эль-Ахмар, Строение EA 7, фото и план; *5* – Джерф эль-Ахмар, Строение EA 30, фото и план (по: *Yartah*, 2013. Fig. 189)

Период развитого PPNA – среднего PPNB (первая половина X – середина VIII тыс. до н. э.)

Третий определяемый тип общественных построек культового назначения выявлен по полученным на территории Северной Сирии и Юго-Восточной Анатолии данным развитого PPNA – среднего PPNB времени в ходе раскопок Джерф эль-Ахмар (*Stordeur et al.*, 2001; *Stordeur*, 2015), Телля Абр 3 (*Yartah*, 2013; 2016), Джаде эль-Мугара (*Coqueugniot*, 2014), Чайоню Тепеси (*Schirmer*, 1983; 1990), Невали Чори (*Hauptmann*, 1993; 1999) и других памятников (табл. 1: *mun III*). Среди отличительных черт функционирования общественных построек этого типа подчеркнем наличие на поселениях или вблизи поселений долговременных символически оформленных участков с такими строениями, а также удаленных от ординарных поселений, находившихся в горах монументальных культовых комплексов с несколькими подобными сооружениями. Помимо известного с конца XX в. комплекса Гёбекли Тепе (*Schmidt*, 2006) начавшиеся в 2019 г. раскопки Карахан Тепе дали новые убедительные данные времени PPN о функционировании культовых центров в районе гор Тэк-Тэк (Юго-Восточная Анатолия) (*Karul*, 2021). Судя по материалам разведок и кратковременных спасательных раскопок (*Çelik*, 2000; 2015; 2016; 2017; *Güler et al.*, 2013), остатки общественных построек третьего типа сохранились в окружающих долину Харран горах также и на других памятниках PPN, а именно в Ени Махалле, Сефер Тепе, Харбетсуван Тепеси, Ташли Тепе. Вместе с тем, спасательные раскопки последних лет в районе слияния рек Батман Чаяи и Верхнего Тигра впервые зафиксировали на поселениях этого региона эпохи докерамического неолита – Хасанкейф Хююк (*Miyake*, 2016), Бонджуклу Тарла (*Kodaş*, 2019) и Гусир Хююк (*Karul*, 2020) – остатки общественных сооружений культового назначения. Среди них, исходя из обнаружения стел и по ряду других характеристик, можно предположить наличие построек третьего типа.

Третий тип общественных сооружений культового назначения сформировался на основе опыта строительства и функционирования ранней домашней архитектуры эпохи верхнего эпипалеолита и PPNA (подробнее см.: *Корниенко*, 2006. С. 21–25; *Kornienko*, 2021), а также общественных строений двух предыдущих рассмотренных типов. Он характеризуется следующими признаками:

– расположение неординарных построек, как правило, в особом районе на поселении и в удаленных от поселений комплексах;

– преемственность в выборе места для строительства и специальная подготовка этого места;

– бóльшие размеры по сравнению с жилыми домами и бытовыми постройками;

– обычно углубленная в землю конструкция постройки с единственным помещением;

– включение архитектурных и скульптурных элементов древнейших сооружений в конструкции последующих, наличие других строительных закладов;

– как правило, трудоемкое, иногда плиточное или терраццо покрытие пола;

– нередко наличие массивной каменной скамьи, примыкающей к стене или стенам помещения;

– сохранность следов цветной штукатурки, выгравированных рисунков и/или рельефов на стелах, внутренней поверхности стен, иногда плитах, облицовывающих скамью;

– установление монолитных стел, пилястр, декорированных столбов, крупноформатных скульптурных объектов внутри построек;

– иногда наличие ниш и/или «подиумов»/«алтарей», каналов и других специально оформленных углублений в полу, редко очажных сооружений;

– в большинстве случаев фиксируются следы обряда захоронения самих построек общественного назначения, проведенного в конце периода их функционирования через сожжение или засыпку после специальной подготовки помещений (*Корниенко*, 2006. С. 23–74; *Kornienko*, 2009).

Одним из важных отличий сооружений третьего типа от остальных общественных строений культового назначения является преобладание в оформлении их помещений среди атрибутов присутствия сверхъестественных сил не останков животных и человека, а крупноформатных изобразительных объектов: стел, пилястр, скульптур, фресок, рельефов, гравировок. Как правило, крупноформатные изобразительные объекты общественных построек III типа находились на специально отведенных для них местах открытыми для взгляда посетителей. Исключение составляют обычно сломанные крупноформатные изобразительные объекты из предшествовавших строений, вмурованные в кладку или размещенные под полами новых построек. Реликвии общественных сооружений других типов, прежде всего – рога, черепа с рогами и кости диких животных, были размещены преимущественно в закладах, ямах и склепах, располагавшихся в символически значимых частях конструкций.

Распространенной (но не единственной) моделью сооружения построек третьего типа является однокомнатное, углубленное в поверхность земли (или скалы) сооружение с примыкающей по всему периметру скамьей, в которую приблизительно на равном расстоянии друг от друга были вмурованы стелы/столбы или пилястры. Пара наиболее массивных и выразительно оформленных стел, как правило, устанавливалась в центре помещения (рис. 5). Материалы и технологии строительства таких построек могли различаться при использовании схожей модели и устойчивых символов в оформлении. Одним из хорошо узнаваемых символов общественных построек третьего типа в Юго-Восточной Анатолии является выполненный из известняка прямоугольный в срезе Т-образный (реже Г-образный) столб (*Корниенко*, 2011; *Kornienko*, 2018). Наличие рельефных изображений на части подобных столбов, убедительно демонстрирует представление этими объектами антропо- и зооантропоморфных персонажей (*Hauptmann*, 1993; *Schmidt*, 2006; и др.). На Среднем Евфрате стелы/столбы были круглыми или округлыми в срезе без Т- или Г-образных наверший. Обычно их делали из стволов тополей, которые после обработки и установки покрывали обмазкой, иногда с нанесением по ее сырому слою выгравированного рисунка. Тем не менее и по среднеевфратским источникам известны редкие примеры оформления построек третьего типа выполненными из известняка стелами с рельефными и скульптурными изображениями в виде антропо- или зооантропоморфного существа (*Stordeur et al.*, 2001. Fig. 11; *Yartah*, 2013. Fig. 125).

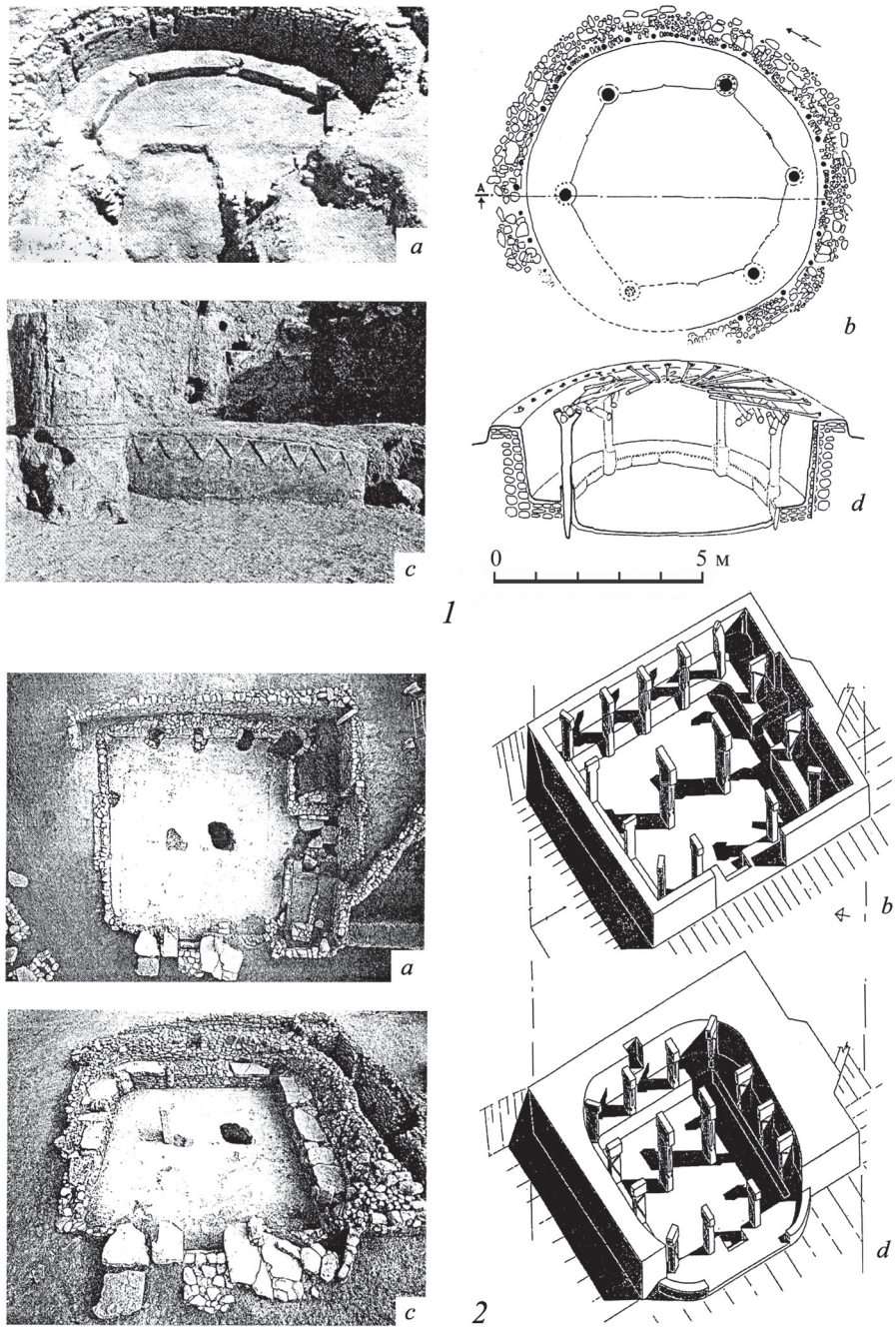


Рис. 5. Общественные строения культового назначения III типа

1 – Джерф эль-Ахмар, Строение EA 53: *a* – общий вид сооружения, фото; *b* – план сооружения; *c* – приближенный вид примыкающей к стене скамьи и вмурованного в нее основания для столба, украшенных рельефными рисунками, фото; *d* – аксонометрическая реконструкция сооружения (по: *Stordeur et al.*, 2001. Fig. 8, 9); *2* – Невали Чори: *a* – общий вид Строения II, фото; *b* – аксонометрическая реконструкция Строения II; *c* – общий вид Строения III, фото; *d* – аксонометрическая реконструкция Строения III (по: *Hauptmann*, 1999. Fig. 7–9).

Пространственное отделение сакральных зон от современных им бытовых (жилых и хозяйственных) четче прослеживается по материалам функционирования общественных построек третьего типа. При этом крайне интересно, что морфология и конструкция построек третьего типа (однокомнатных, без внутренних перегородок, часто с примыкающей к стене скамьей, на ранних этапах круглоплановых, углубленных в землю) сохраняет основные черты **архаичного жилища**. Такие особенности фиксируются даже в тех уровнях, когда на поселениях жилые дома строились уже на поверхности земли, прямоугольной конструкции и многокомнатными. Сохранение и намеренная консервация традиций, являясь известной характеристикой сакральной сферы, вместе с нахождением атрибутов сверхъестественных сил и остатков проведения обрядовых действий, служит дополнительным маркером для выделения ритуального пространства, в данном случае **жилища / места обитания сверхъестественных покровителей коллектива**.

Четвертый тип общественных построек культового назначения можно выделить на основании пока не многочисленных, но весьма выразительных данных времени развитого PPNA, раннего и среднего PPNB (табл. 1: *тип IV*). Это так называемые «дома мертвых», которые были многокомнатными, неоднократно перестраивались и на протяжении длительного периода служили для жителей поселения местом проведения сложных многоступенчатых погребальных практик.

Хорошо исследованным строением данного типа является «Дом черепов» Чайоню Тепеси (верховья р. Тигр, Юго-Восточная Анатолия). Он перестраивался на одном месте несколько раз в восточной части поселения, где на протяжении многих поколений возводили и другие общественные сооружения культового назначения (*Schirmer*, 1983; 1990; *Özdoğan*, 1999; *Корниенко*, 2006; *Erim-Özdoğan*, 2011; и др.). «Дом черепов» в Чайоню Тепеси более ранних уровней был овальным в плане, но начиная с уровней субфазы строений с полами из булыжников (cobble-paved buildings, PPNB) его возводили прямоугольным, размером приблизительно 9,7 × 8 м (рис. 6: *1*). В пределах постройки обнаружены останки не менее 400 человек, что составило приблизительно 70 % от общего количества выявленных на памятнике погребенных. Под полами сооружения и в его помещениях открыты наполненные человеческими костями ямы, склепы и единичные захоронения. Некоторые из них содержали останки обезглавленных трупов, реже – полных костяков, но большинство – различные фрагменты человеческих скелетов. Помимо черепов предпочтение отдавалось длинным костям, которые укладывали в определенном порядке, иногда нарушаемом последующими погребениями. Среди человеческих костей встречены бусины, орудия, останки животных и другие объекты. В развалинах самого позднего строительного уровня собраны многочисленные фрагменты черепов как минимум 71 индивида (мужчин, женщин, детей). Большинство из них найдено в восточной части сооружения вместе с костями различных животных. У одной из стен с внутренней стороны большого помещения (вероятно, двора) обнаружен череп тура с рогами. Рядом с западной стеной этого помещения найдена отполированная каменная плита размером в плане 260 × 165 см. Лабораторные исследования выявили на ней следы человеческой крови и крови животных (крупный и мелкий рогатый

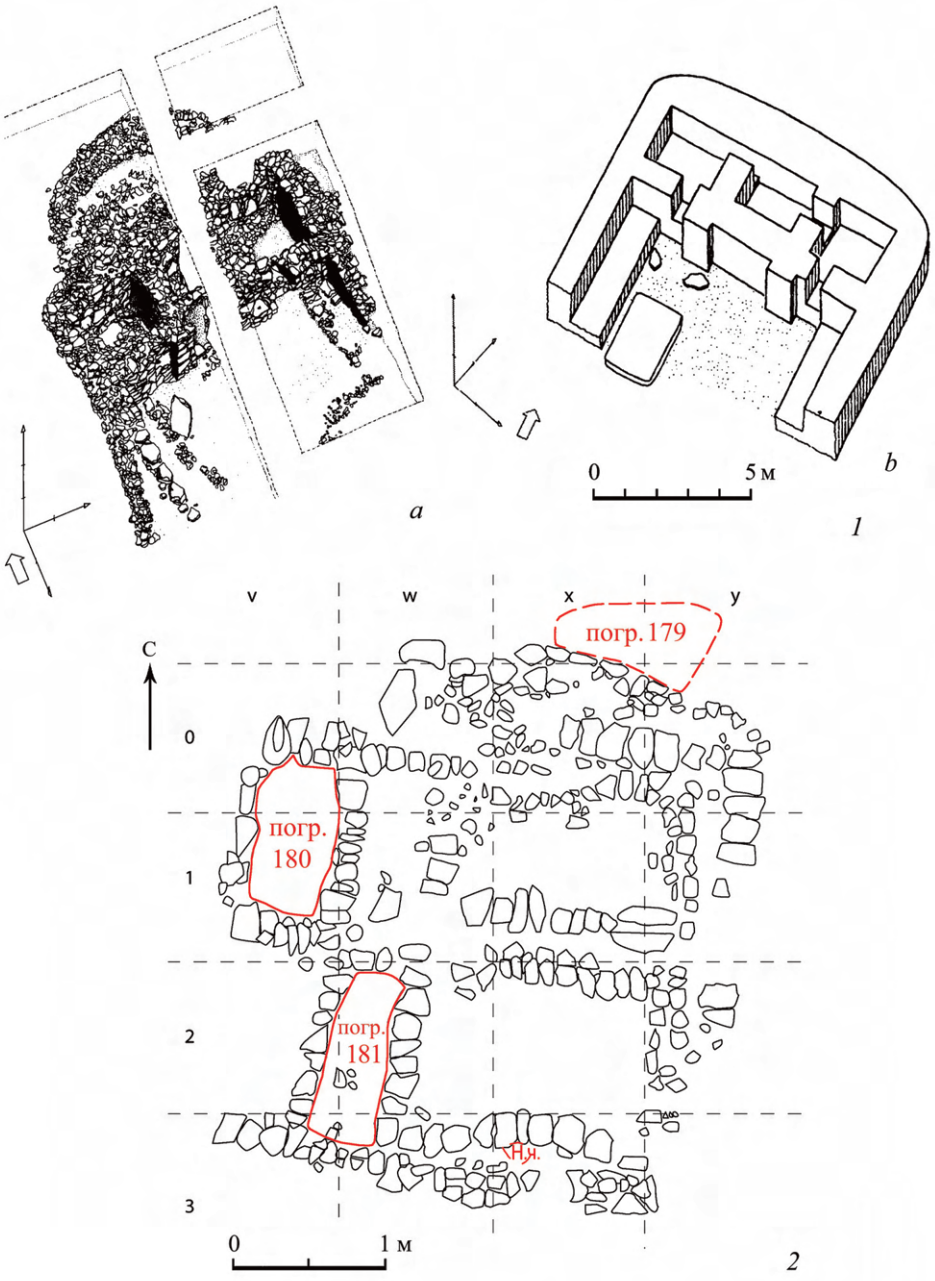


Рис. 6. Общественные строения культового назначения IV типа

1 – Чайоню Тепеси. «Дом черепов»: *a* – изометрический план расположения камней постройки, видна часть нижнего овального сооружения ВМ1, планировка верхнего более позднего строения ВМ2, прямоугольная (по: *Schirmer*, 1983. Abb. 6); *b* – изометрическая реконструкция ВМ2 (по: *Schirmer*, 1990. Fig. 12); *2* – Джаде эль-Мугара, план структуры 155 «Дома мертвых» с обозначением коллективных погребений № 179, 180, 181 и строительного заклада из нижней челюсти человека (по: *Chamel*, 2014. Fig. 94)

скот), что дает основание предположить использование плиты в качестве места жертвоприношений и/или манипуляций с телами недавно умерших (*Kornienko*, 2015. P. 45). Материалы финального уровня «Дома черепов» показали следы намеренного его разрушения и пожара. Мощным слоем камней были завалены остатки строения. Исследователи памятника сообщают, что после совершения, таким образом, церемонии «захоронения» самого «Дома черепов», фундаменты жилых построек, как и прежде, стали использоваться жителями поселения в качестве погребальных помещений (*Özdoğan*, 1999. P. 52; *Erim-Özdoğan*, 2011. P. 208–210).

О «Доме мертвых» Джаде эль-Мугара (Средний Евфрат, Северная Сирия), остатки которого обнаружены в уровнях фазы Dj III, EPPNB, данных значительно меньше. Границы постройки выходили за пределы раскопа, и она не была исследована полностью. По материалам раскопанного участка определено, что это прямоугольное, состоявшее из нескольких комнат строение (рис. 6: *2*), перестраивалось из камней и глины на одном и том же месте примерно по одному и тому же плану не менее семи раз. Размеры и количество внутренних помещений от уровня к уровню иногда менялись. С четвертого строительного уровня и далее большая часть полов в помещениях сохранила вымостку из камней (*Chamel*, 2014. P. 194–201). Обычные дома этого периода в Джаде – небольших размеров, прямоугольные, часто однокомнатные глинобитные постройки с укрепленным камнями основанием (*Coqueugniot*, 2014. P. 94, 105).

На всех уровнях внутри и вокруг «Дома мертвых» открыты коллективные и индивидуальные захоронения с останками не менее 80 человек, что составляет 94 % от общего количества выявленных погребенных в уровнях фазы Dj III (*Chamel, Coqueugniot*, 2019. P. 61). Данные погребальных практик, осуществлявшихся в «Доме мертвых» Джаде, сильно напоминают материалы «Дома черепов» Чайоню. При совершении вторичных захоронений предпочтение также отдавалось черепам и длинным костям человека, которые в ряде случаев зафиксированы уложенными в определенном порядке (Ibid. Fig. 3). На последнем этапе перестройки «Дома мертвых» уровень глиняного пола был поднят не менее чем на 30 см, что не связано с какими-либо захоронениями (*Chamel*, 2014. P. 259). Возможно, такие действия были проведены в связи готовящимся ритуальным закрытием самого сооружения, по аналогии с закрытием ям и склепов коллективных долговременных погребений фазы Dj III, которые после завершения их использования замуровывали либо слоем глины, либо вымосткой из мелких камней.

В материалах Строения 10 Телля Карамель (*Mazurowski et al.*, 2012; *Gawrońska et al.*, 2012) и Строения 3 Хасанкейф Хююк (*Miyake*, 2016) совмещаются характеристики общественных сооружений культового назначения разных типов. Судя по их размерам, конструкции и сопутствующим данным, они использовались не только для проведения ритуальных собраний, но являлись и предпочтительным местом для совершения захоронений.

В целом в Передней Азии на протяжении всей эпохи неолита была широко распространена практика хоронить умерших под полами жилых строений или поблизости от них. Вместе с тем, данные «домов мертвых» из Чайоню Тепеси и Джаде эль-Мугара, а также «кладбища» североиракского памятника Немрик (*Sołtysiak*

et al., 2015) показывают, что на этапе развитого докерамического неолита А, раннего и среднего PPNB на некоторых поселениях Северной Месопотамии функционировали отдельные участки или специальные постройки для проведения погребальных обрядов, несомненно, игравших важную роль в социально-идеологической жизни коллектива.

Заключение

Выделенные типы общественных сооружений культового назначения Северной Месопотамии эпохи PPN не являлись жестко установленными канонами: их характеристики иногда сильно варьируют; особенности разных типов могли совмещаться в конструкциях отдельных строений. IV тип, так называемые «дома мертвых», выделен предварительно, на основании пока еще ограниченных данных.

Постройки II типа в настоящее время известны только по материалам памятников северосирийского очага неолитизации.

В результате изучения стратиграфии конкретных памятников и датировок этих материалов, сравнительного анализа данных общественных построек культового назначения и выявления характеристик их разных типов, можно отметить, что прослеживается эволюционная линия развития от архаичных жилищ, общественных строений I и II типа к строениям III типа, наиболее монументальным и символически выразительным. Крайне интересно, что не только сопутствующие объекты, особенности оформления интерьера, но в ряде случаев и сами архитектурные конструкции, морфология общественных построек культового назначения передают устойчивые образы важнейших символических элементов в картине мира жителей ранненеолитических поселений Северной Месопотамии (архаичного жилища, букрании).

С эпохи развитого PPNA прослеживается определенная специализация в функциональном отношении у разных типов общественных построек культового назначения, соотносящаяся с их морфологическими и конструктивными особенностями. Так, общественные строения II типа в большей степени были связаны с хозяйственной деятельностью, III – с ритуальными собраниями представителей коллектива, VI – с проведением обрядов захоронения. Материалы хронологически более ранних общественных строений культового назначения I типа в большинстве случаев демонстрируют полифункциональный характер этих сооружений.

Нет сомнений, что будущие полевые исследования дадут новые источники для уточнения представленной типологии. Наиболее перспективным в плане получения новой информации по данному вопросу, на наш взгляд, является район Верхнего Тигра.

Благодарности

Сердечно благодарю сирийского археолога, руководителя раскопок Телля Абр 3, д-ра Т. Ярта (T. Yartah), а также физического антрополога д-ра Б. Шамель (B. Chamel) из Национального центра научных исследований Франции (CNRS) за предоставленную возможность познакомиться с неопубликованными материалами их диссертаций.

ЛИТЕРАТУРА

Корниенко Т. В., 2006. Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб.: Алетейя. 312 с.

Корниенко Т. В., 2011. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // АВ. № 17. С. 70–95.

Корниенко Т. В., 2021. Вопросы физической географии, периодизации и хронологии в исследовании первичных очагов «неолитической революции» на территории центральной части Плодородного полумесяца // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 4. С. 5–16.

Bar-Yosef O., 1986. The walls of Jericho: an alternative explanation // Current Anthropology. No. 27. P. 157–162.

Çelik B., 2000. An Early Neolithic Settlement in the Center of Şanllurfa, Turkey // Neo-Lithics. No. 2–3. P. 4–6.

Çelik B., 2015. New Neolithic cult centres and domestic settlements in the light of Urfa Region Surveys // Doc. Praehist. Vol. XLII. P. 353–264.

Çelik B., 2016. A small-scale cult centre in Southeast Turkey: Harbetsuvan Tepesi // Doc. Praehist. Vol. XLIII. P. 421–428.

Çelik B., 2017. A new Pre-Pottery Neolithic site in Southeastern Turkey: Ayanlar Höyük (Gre Hut) // Doc. Praehist. Vol. XLIV. P. 360–367.

Chamel B., 2014. Bioanthropologie et pratiques funéraires des populations néolithiques du Proche-Orient. L'impact de la Néolithisation. Etude de sept sites syriens 9820–6000 cal. BC: Thèse d'Archéologie des Mondes Anciens pour obtenir le grade de Docteur de l'Université Lumière – Lyon 2. Lyon. 784 p.

Chamel B., Coqueugniot E., 2019. Human Self-perception and Self-expression during the 9th Millennium calBC: Funerary Practices and Symbolic Meaning of the Human Representations at Dja'de el-Mughara (Syria) // Human Iconography and Symbolic Meaning in Near Eastern Prehistory / Eds.: J. Becker, C. Beuger, B. Müller-Neuhof. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press. P. 57–70.

Coqueugniot E., 2014. Dja'de (Syrie) et les représentations symboliques au IXe millénaire cal. BC // La transition néolithique en Méditerranée. The Neolithic transition in the Mediterranean / Eds.: C. Manen, T. Perrin, J. Guilaine. Arles; Toulouse: Éditions Errance: Archives d'Écologie Préhistorique. P. 91–108.

Erdal Y. S., 2015. Bone or Flesh: Defleshing and Post-Depositional Treatments at Körtik Tepe (Southeastern Anatolia, PPNA Period) // European Journal of Archaeology. Vol. 18. Iss. 1. P. 4–32.

Erdal Y. S., Erdal O. D., 2012. Organized violence in Anatolia: A retrospective research on the injuries from the Neolithic to Early Bronze Age // International Journal of Paleopathology. Vol. 2. P. 78–92.

Erim-Özdoğan A., 2011. Çayönü // The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. P. 185–269.

Gawrońska J., Grabarek A., Kanjou Y., 2012. Human and animal graves // Tell Qaramel 1999–2007: Protoneolithic and Early Pre-pottery Neolithic Settlement in Northern Syria. Warszawa: Polish Centre of Mediterranean Archaeology, University of Warsaw. P. 60–71.

Güler G., Çelik B., Güler M., 2013. New Pre-Pottery Neolithic sites and cult centres in the Urfa Region // Doc. Praehist. Vol. XL. P. 291–303.

Hauptmann H., 1993. Ein Kultgebäude in Nevali Çori // Between the rivers and over the mountains / Eds.: M. Frangipane, H. Hauptman, M. Liverani, P. Matthiae, M. Mellink. Roma: Università di Roma «La Sapienza». P. 37–69.

Hauptmann H., 1999. The Urfa Region // Neolithic in Turkey: the cradle of civilizations. New Discoveries / Eds.: M. Özdogan, N. Bajgelen. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. P. 65–86.

Hauptmann H., 2011. The Urfa Region // The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Euphrates basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. P. 85–138.

Kanjou Y., 2018. Archaeological Excavations at Tell Qaramel 1999–2011 (Aleppo-North Syria) // Archaeological Explorations in Syria 2000–2011: Proceedings of ISCACH-Beirut 2015 / Eds.: J. Abdul Massih, S. Nishiyama. Oxford: Archaeopress Archaeology. P. 13–20.

Kanjou Y., Kuijt I., Erdal Y. S., Kondo O., 2015. Early Human Decapitation, 11,700–10,700 cal BP, within the PrePottery Neolithic Village of Tell Qaramel, North Syria // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 25. Iss. 5. P. 743–752.

Karul N., 2020. The beginning of the Neolithic in southeast Anatolia: Upper Tigris Basin // Doc. Praehist. Vol. XLVII. P. 76–95.

Karul N., 2021. Buried Buildings at Pre-Pottery Neolithic Period Sites: Karahantepe // Turkish Journal of Archaeology and Ethnography. Iss. 82. P. 21–31.

Kenyon K., 1981. Excavations at Jericho. Vol. III. The Architecture and Stratigraphy of the Tell. London: British School of Archaeology in Jerusalem. 2 parts.

Kodaş E., 2019. Un nouveau site du Néolithique Précéramique dans la Vallée du Haut Tigre: Résultats préliminaires de Boncuklu Tarla // Neo-Lithics. Vol. 19. No. 1. P. 3–15.

Kornienko T. V., 2009. Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 68. No. 2. P. 81–102.

Kornienko T. V., 2015. On the problem of human sacrifice in Northern Mesopotamia in the pre-pottery neolithic // AEAE. Vol. 43. No. 3. P. 42–49.

Kornienko T. V., 2018. On the Interpretation of Stelae in the Cult Complexes of Northern Mesopotamia during the Pre-Pottery Neolithic // AEAE. Vol. 46. No. 4. P. 13–21.

Kornienko T. V., 2021. Houses of Northern Mesopotamia during the transition to Neolithic: utilitarian and sacral contexts // Studia Praehistorica. Vol. 15. P. 9–35.

Kozłowski S. K., Aurenche O., 2005. Territories, boundaries and cultures in the Near East. Oxford: Archaeopress. 275 p. (BAR International Series; 1362.)

Mazurowski R. F., 2012. Ground and pecked stone industry and objects of art // Tell Qaramel 1999–2007 / Eds.: R. F. Mazurowski, Y. Kanjou. Warsaw: Polish Centre of Mediterranean Archaeology University of Warsaw. P. 72–89.

Mazurowski R. F., Biatowarczuk M., Januszek K., 2012. Architecture // Tell Qaramel 1999–2007 / Eds.: R. F. Mazurowski, Y. Kanjou. Warsaw: Polish Centre of Mediterranean Archaeology University of Warsaw. P. 34–59.

Miyake Y., 2016. Tarihöncesi dönemde Hasankeyf // Aktüel Arkeoloji. Sayi 53. S. 26–39.

Özdoğan A., 1999. Çayönü // Neolithic in Turkey: the cradle of civilizations: new discoveries / Eds.: M. Ozdogan, N. Basgelen. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. P. 35–64.

Renfrew C., Bahn P., 1991. Archaeology: Theories, Methods and Practice. London: Thames & Hudson. 640 p.

Rosenberg M., 1999. Hallan Çemi // Neolithic in Turkey: The Cradle of Civilization: new discoveries / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. P. 25–33.

Schirmer W., 1983. Drei Bauten des Çayönü Tepesi // Beitrage zur Altertumskunde Kleinasiens: Festschrift fur Kurt Bittel / Eds.: R. M. Boehmer, H. Hauptmann. Mainz: Philipp von Zabern. S. 463–476.

Schirmer W., 1990. Some aspects of building at the «aceramic-neolithic» settlement of Çayönü Tepesi // World Archaeology. Vol. 21. Iss. 3. P. 363–387.

Schmidt K., 2006. Sie bauten die ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München: C. H. Beck. 282 S.

Sołtysiak A., Wiercińska A., Kozłowski S. K., 2015. Human remains from Nemrik, Iraq. An insight into living conditions and burial customs in a Pre-Pottery Neolithic village // Paléorient. Vol. 41. No. 2. P. 101–114.

Stordeur D., 2015. Le village de Jerf el Ahmar (Syrie, 9500–8700 avant JC). L'architecture, miroir d'une société complexe. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique. 372 p.

Stordeur D., Brenet M., Der Aprahamian G., Roux J.-C., 2001. Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // Paléorient. Vol. 26. No. 1. P. 29–44.

Tell Qaramel 1999–2007 / Eds.: R. F. Mazurowski, Y. Kanjou. Warsaw: Polish Centre of Mediterranean Archaeology University of Warsaw, 2012. 288 p.

Yartah T., 2013. Vie quotidienne, vie communautaire et symbolique à Tell 'Abr 3 – Syrie du Nord, données nouvelles et nouvelles réflexions sur l'horizon PPNA au nord du Levant 10 000 à 9 000 BP: Thèse pour l'obtention du titre de Docteur de l'Université Lumière Lyon 2: Langue, histoire et civilisations des mondes anciens. Lyon. 2 vols.

Yartah T., 2016. Typologie de bâtiments communautaires à Tell 'Abr 3 (PPNA) en Syrie du Nord // Neo-Lithics. No. 2. P. 29–49.

Сведения об авторе

Корниенко Татьяна Владимировна, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия; e-mail: zigzinatvk@gmail.com

T. V. Kornienko

MAIN TYPES OF PUBLIC CONSTRUCTIONS FOR RELIGIOUS WORSHIP AT THE NORTHERN MESOPOTAMIA SITES DATING TO THE ACERAMIC NEOLITHIC

Abstract. The published materials from excavations intensely conducted in Northern Syria and Southeastern Turkey in recent 10–15 years provide an opportunity to study the area, typology, emergence and evolution of architecture for religious worship in Northern Mesopotamia during the Early Neolithic. Depending on specific features of the sources, context analysis seems to be important for identifying material remains of public constructions for religious worship. In identifying main types of public constructions for religious worship at the Northern Mesopotamia sites from the Aceramic Neolithic period, morphological, technical design, figurative and compositional as well as functional features of such constructions are particularly emphasized. The types identified are not cut in stone, sometimes their characteristics vary strongly; some constructions could be characterized by a combination of several types. It is highly interesting that not only accompanying objects, elements of interior decoration but also, in some cases, architectural constructions for religious worship themselves exhibit sustained images of key symbolic elements related to the world view of the occupants of Early Neolithic sites (archaic dwellings, bucrania and, possibly, others). Functionally, various types of public constructions for religious worship had certain specialization correlated with their morphological and technical design features starting from the developed PPNA.

Keywords: Northern Mesopotamia, Aceramic Neolithic period, constructions for religious worship, ritual context, construction sacrifices, human and animal remains, figurative art objects.

REFERENCES

Kornienko T. V., 2006. Pervye khramy Mesopotamii. Formirovanie traditsii kul'tovogo stroitel'stva na territorii Mesopotamii v dopis'mennuyu epokhu [The first temples of Mesopotamia. Forming the tradition of cult construction in prehistoric Mesopotamia]. St. Petersburg: Aleteyya. 312 p.

Kornienko T. V., 2011. Stely Severnoy Mesopotamii epokhi rannego neolita: predvaritel'nyy obzor [Pillars of Northern Mesopotamia of the Early Neolithic period: preliminary review]. *AV*, 17, pp. 70–95.

Kornienko T. V., 2021. Voprosy fizicheskoy geografii, periodizatsii i khronologii v issledovanii pervichnykh ochagov «neoliticheskoy revolyutsii» na territorii tsentral'noy chasti Plodorodnogo polumesyatsa [Issues of physical geography, periodization and chronology in the study of the primary foci of «Neolithic Revolution» in the central part of Fertile Crescent]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]*, 4, pp. 5–16.

About the author

Kornienko Tatiana V., Voronezh State Pedagogical University, ul. Lenina, 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; e-mail: zigzinatvk@gmail.com

Н. Ю. Петрова

ВАРКА ПИЩИ В НЕОЛИТЕ ПЛОДОРОДНОГО ПОЛУМЕСЯЦА

Резюме. В статье приводится обзор информации о наличии варки пищи в неолите Плодородного Полумесяца. В период докерамического неолита предполагается варка в органических и каменных емкостях с помощью раскаленных камней. Очажные ямы с обожженными камнями зафиксированы в этот период в различных местах Ближнего Востока. В начальный период керамического неолита эта технология также могла использоваться. Первые керамические сосуды западной части Верхней Месопотамии содержат крупную намеренно добавленную минеральную примесь, что считается очень подходящим для использования изделий для приготовления пищи. Сосуды восточной части Верхней Месопотамии (периодов Протохассуны и Хассуны) изготовлены из глины с большой концентрацией известняка. Считается, что они не могли применяться для приготовления пищи, так как известняк разрушается при нагреве. Однако следы нагара и копоти на сосудах, наличие крышек, а также тот факт, что фрагменты керамики не разрушились после повторного обжига при температуре 850 °С, свидетельствуют об обратном. Возможно, сосуды подвергались дополнительной обработке для устранения отрицательного воздействия известняка. Таким образом, в период керамического неолита варка пищи происходила повсеместно.

Ключевые слова: варка пищи, неолитическая керамика, Плодородный Полумесяц, Протохассуна, Хассуна, раскаленные камни, навоз.

Вопрос о наличии варки пищи в древних сообществах, способах организации этого процесса и подходящих для этой цели сосудах интересовал исследователей давно и изучался многосторонне. Первые свидетельства существования этого способа приготовления пищи на территории Плодородного Полумесяца появляются в период эпипалеолита – с начала XIII тыс. до н. э. – и известны в течение докерамического неолита (*Miyake*, 2016. P. 116), датируемого на разных территориях в пределах XI – перв. пол. VII тыс. до н. э. (*Корниенко*, 2021. С. 9). После появления керамики в начале VII тыс. до н. э.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.30-43

(*Nieuwenhuyse, Campbell*, 2017) исследователи пытаются определить, какие конкретно сосуды использовались для этой цели. При этом не во всех культурах керамического неолита признается существование варки пищи. Например, есть мнение, что сосуды культуры Протохассуны и Хассуны Верхней Месопотамии не могли для этого использоваться (*Le Mière, Picon*, 1998; 2003; *Le Mière*, 2009). Целью данного исследования является общий обзор информации о наличии варки пищи в неолите Плодородного Полумесяца, а также отдельное рассмотрение имеющихся свидетельств этого способа приготовления в культуре Протохассуны и Хассуны по материалам поселений Ярым-тепе I и телль Сотто.

Варка пищи в период докерамического неолита Плодородного Полумесяца

Известные на сегодняшний день глиняные сосуды докерамического неолита Ближнего Востока представляют собой либо большие сосуды- хранилища, либо достаточно разнообразные по форме, но очень небольшие по размеру изделия: см., например, Мурейбит (*Cauvin*, 1974), Чаеню (*Özdoğan M., Özdoğan A.*, 1993), Гандж Дарех (*Le Mière, Picon*, 1998). На данный момент прямых подтверждений того, что они могли использоваться для варки пищи, нет.

Вероятно, варка или как минимум кипячение воды, производились в это время в емкостях из других материалов (органических или каменных). Этому есть косвенное подтверждение. В слоях различных памятников Плодородного Полумесяца зафиксированы многочисленные очаги в ямах, заполненные обожженными камнями, для которых предполагается, что они в раскаленном виде опускались в воду и таким образом производилось кипячение воды и варка пищи. Подобная технология варки фиксируется у обществ, стоящих на пороге появления керамики, не только на Ближнем Востоке (*Skibo et al.*, 2009). Она также известна по многочисленным этнографическим примерам в Северной Америке, Африке и Папуа – Новой Гвинее (*Atalay*, 2005. P. 156).

Очаги с обожженными камнями существуют на территории Ближнего Востока очень длительный период: начиная с натуфийской культуры Леванта (XIII–X тыс. до н. э.) до начала периода керамического неолита (начало VII тыс. до н. э.) включительно. В период докерамического неолита они известны на поселениях Мурейбит, Кафер Хойюк (бассейн р. Евфрат) (*Miyake*, 2016. 116) и Магзалия в восточной части Верхней Месопотамии (*Бадер*, 1989. С. 27). На последнем открыто несколько очажных ям глубиной 62–70 см, заполненных камнями. При описании очажной ямы № 106 упоминается, что она прокалена, а в ее заполнении много мелких слегка обожженных известняковых камней (Там же). По материалам поселения Чатал-хуюк было также высказано предположение, что функцию камней могли выполнять обожженные глиняные шарики, использование которых предполагалось Дж. Меллартом в качестве пуль для пращи (*Atalay*, 2005). Однако по результатам липидного анализа связь глиняных шариков с приготовлением пищи не подтвердилась (*Copley et al.*, 2005. P. 174).

В период раннего керамического неолита подобные ямы известны на поселениях Салат Джами Яни в предгорьях Тавра (*Miyake*, 2016. P. 116; 2017. P. 57) и Джармо в предгорьях Загроса (*Braidwood*, 1983. Fig. 29). Подробное их описание приводится для поселения Салат Джами Яни, где в период раннего керамического неолита (фазы 1 и 2) были обнаружены более ста ямочных очагов. Эти кухонные принадлежности обычно имеют удлиненно-овальную форму переменных размеров. Стены ямы, как и камни, сильно прокалены. Кроме того, ямы были заполнены пеплом и древесным углем, используемым в качестве топлива. На ранних сосудах поселения Салат Джами Яни нет следов от соприкосновения с огнем на днище, зато отмечен нагар на внутренней поверхности сосуда, исходя из чего также предполагается варка с помощью горячих камней (*Miyake*, 2016. P. 116; 2017. P. 57).

Варка пищи в период керамического неолита Плодородного Полумесяца

После появления керамических сосудов фиксируется много свидетельств того, что жители Плодородного Полумесяца начинают активно их использовать для приготовления пищи на огне, и этот вопрос (благодаря хорошей сохранности керамики – в отличие от предыдущих емкостей) рассматривается многосторонне. Исследователи активно пытаются выделять подобные изделия. Обычно они совмещают данные изучения их морфологии и другого дополнительного метода. Общепринятым является отнесение к посуде для варки высоких сосудов прямой (банки) или закрытой (горшки) формы, повсеместно известных начиная со времени появления керамики (обожженных глиняных сосудов) – начала VII тыс. до н. э. (*Cruells et al.*, 2017; *Hole et al.*, 1969; *Last*, 2005; *Nishiaki, Le Miere*, 2005; и др.). Далее данные морфологии сопоставляются с результатами анализа следов использования в быту (потертостей), в огне (копоть) и оставшихся непосредственно от приготовления пищи (нагар). Например, подобные исследования производилось для керамики ярмукской культуры Южного Леванта (конец VII тыс. до н. э.) (*Vieugue et al.*, 2016) и халафской керамики Турции (вторая половина VI тыс. до н. э.) (*Hopwood*, 2013 P. 184). Изучении форм сосудов на предмет их принадлежности к приготовлению пищи производилась для керамики позднеолитического поселения тепе Сараб, расположенного в горах Загрос, при сопоставлении их с данными этнографии индейцев (*Henrickson, McDonalds*, 1983). Также изучались свойства примесей, добавлявшихся в формовочную массу сосудов ранней керамики западной части Верхней Месопотамии, в которых предполагалось приготовление пищи (*Le Mière, Picon*, 1998; 2003; *Le Mière*, 2009). Очень распространенными стали попытки изучения содержимого сосудов с помощью анализа органических остатков (*Copley et al.*, 2005; *Gregg*, 2009; *Özbal*, 2018; *Nieuwenhuyse et al.*, 2015).

Варка пищи в сосудах керамического неолита Верхней Месопотамии

М. Ле Мьер и М. Пикон связали появление варки пищи с самыми ранними керамическими сосудами начала VII тыс. до н. э., зафиксированными в западной части Плодородного Полумесяца – на территории Левантийского побережья, в западной части Верхней Месопотамии (Сирии и Юго-Восточной Турции). Это сосуды среднего размера с прямыми или немного округлыми стенками и ручками-ушками по бокам. Данные изделия содержат крупные искусственно добавленные минеральные примеси: дробленый кальцит и базальт (*Le Mière, Picon*, 1998; 2003; *Le Mière*, 2009). По мнению исследователей, подобная примесь обладает наилучшими свойствами, необходимыми для сосудов, используемых для приготовления пищи. Однако отмечается, что дробленый кальцит требует постоянного контроля температуры, и, следовательно, керамика у населения западной части Плодородного Полумесяца изначально применялась для других целей (например, хранение). На основании этого делается вывод, что традиция добавления минеральных примесей в формовочную массу керамики и вместе с ними идея варки пищи пришли извне: от населения, происхождение керамики у которого было связано с приготовлением пищи (*Le Mière*, 2009. P. 77).

Подобные сосуды с минеральной примесью, как естественного, так и искусственного происхождения, обожженные в восстановительной среде, с характерными ручками-ушками продолжали использоваться до конца неолита в западной части Плодородного Полумесяца и в Центральной Анатолии в керамике «Dark Faced Burnished Ware (DFBW)» (*Balossi Restelli*, 2006) и ее вариантах, например, «Dark Faced pattern burnished Ware» в Юго-Восточной Анатолии (*Tekin*, 2007), «Amuqian Dark Faced Unburnished Ware» в Сиро-Киликии (*Özbal*, 2018. P. 102, 103) и др.

Однако существует мнение, что в восточной части Верхней Месопотамии с самого начала появления керамического неолита, т. е. в период Протохассуны (середина VII тыс. до н. э.), а также и в последующие периоды хассунской культуры (архаический и стандартный), пищу в сосудах не варили. Считается, что кальцинированные глины, использовавшиеся при их изготовлении, непригодны для изделий, применение которых предполагало длительное соприкосновение с огнем. Следовательно, керамика неолита восточной части Верхней Месопотамии (культуры Протохассуны и Хассуны), изготовленная из таких глин без специально добавленных минеральных примесей, не могла использоваться для варки пищи (*Le Mière*, 2017. P. 14). Нужно пояснить, что при обжиге карбонатные включения в глине при температуре 400–700 °C[1] начинают разлагаться и расширяться, что приводит к их взрыву. Разложение заканчивается при температуре 850–950 °C (*Матвеев*, 1964. P. 58; *Rice*, 1987. P. 109; *Лопатина*, 2020).

Ответ на вопрос о том, подвергались ли сосуды подобной температуре при непосредственной установке их при приготовлении пищи в костер, насколько длительно и насколько это опасно с точки зрения разрушения сосуда с примесью

[1] Приводятся разные начальные температурные данные, что, «видимо зависит от времени, атмосферы, размера частиц, присутствия других минералов» (*Rice*, 1987. P. 109).

известняка, требует дополнительных экспериментов. Однако надо отметить, что существуют способы борьбы с подобным поведением известняка. Разложение кальцита может быть замедлено при опускании раскаленного изделия в воду, добавлении соли в формовочную массу, а также обжиге сосудов в восстановительной атмосфере (*Rice*, 1987. P. 81, 109). Последнее часто встречается в неолите западной части Верхней Месопотамии, в том числе в керамике с дробленными карбонатными включениями (например, керамика «Early Dark Ware» на поселении Секер аль-Ахеймар (Seker al-Aheimar) (*Le Mière*, 2009. P. 74)).

Использование другого метода – опускания раскаленного изделия в воду (закаливание) при изготовлении керамики – хорошо известно по данным этнографии (*Бобринский*, 1978. С. 216; *Rice*, 1987. P. 109). До недавнего времени оно также использовалось в строительстве при производстве кирпича (*Матвеев*, 1964. P. 59). По данным экспериментов О. А. Лопатиной, за счет применения этого способа уменьшается вредное воздействие примеси известняка, ведущее к образованию «выколов» на стенках сосуда. При этом уменьшение разрушающего воздействия известняка тем более явно, чем меньше его размер (0,5–2 мм), даже при высокой концентрации. Кроме того, после помещения в воду известковые включения уменьшаются в размере, так как вымывается разложившая фракция CaO (*Лопатина*, 2020. С. 67, 68). И, следовательно, они не представляют более опасности при повторном нагреве.

Варка пищи в сосудах культуры Протохассуны и Хассуны

Материалами для изучения вопроса о присутствии варки пищи в керамических сосудах у сообществ культур Протохассуны и Хассуны Верхней Месопотамии (середина VII – начало VI тыс. до н. э.) послужили фрагменты керамики, происходящие из памятников Ярым-тепе I (*Мунчаев, Мерперт*, 1981; *Merpert, Munchaev*, 1993) и Телль Сотто (*Бадер*, 1989; *Bader*, 1993). Были изучены фрагменты от 815 сосудов.

Данные о наличии нагара и копоти. На фрагментах сосудов периода Протохассуны и последующих периодов хассунской культуры указанных поселений, как на внутренней (рис. 1: *1б*), так и на внешней поверхности присутствует нагар разной степени сохранности, что оставляет мало сомнений в том, что данные изделия использовались для приготовления пищи. Изучение нагара с целью определения ингредиентов, использовавшихся для варки пищи, должно стать темой отдельного исследования. Также на внешней поверхности часто можно фиксировать следы копоти (рис. 1: *1а, 2–4*).

Данные морфологии. Судя по рисункам Н. О. Бадера и М. Я. Мерперта, в период Протохассуны горшки, которые можно связать с приготовлением пищи, были широкими, с ребром в нижней части (*Бадер*, 1989. Табл. 57) (рис. 2: *1*). В период Архаической Хассуны пропорции меняются – тулово становится более узким, ребро постепенно исчезает (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. Рис. 21) (рис 2: *2*). И судя по изученным фрагментам, горшки должны были быть толщиной 1–1,5 см.

По материалам халафской керамики конца неолита отмечается, что такой элемент, как изогнутый венчик, может служить захватом для перемещения

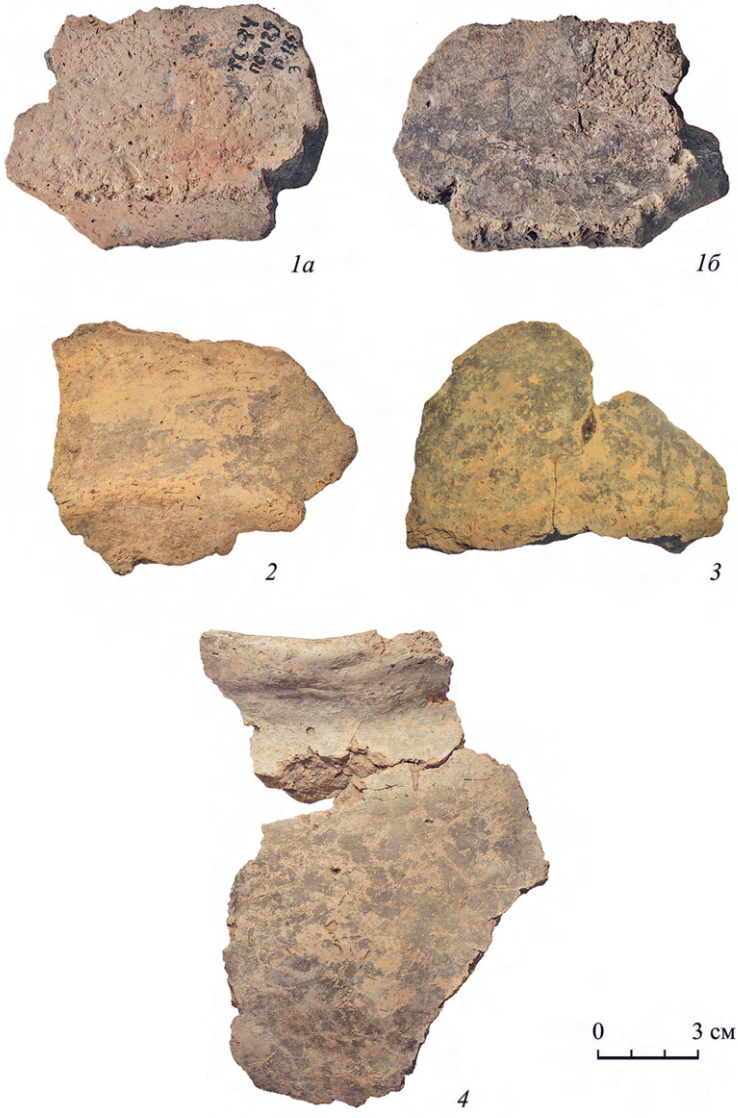


Рис. 1. Фрагменты керамики со следами копоти (*1а, 2, 3, 4*) и нагара (*1б*)

Протохассуна: *1* – Телль Сотто (1 горизонт); *2, 3* – Ярым-тепе I (12 горизонт); Стандартная Хассуна: *4* – Ярым-тепе I (5 горизонт)

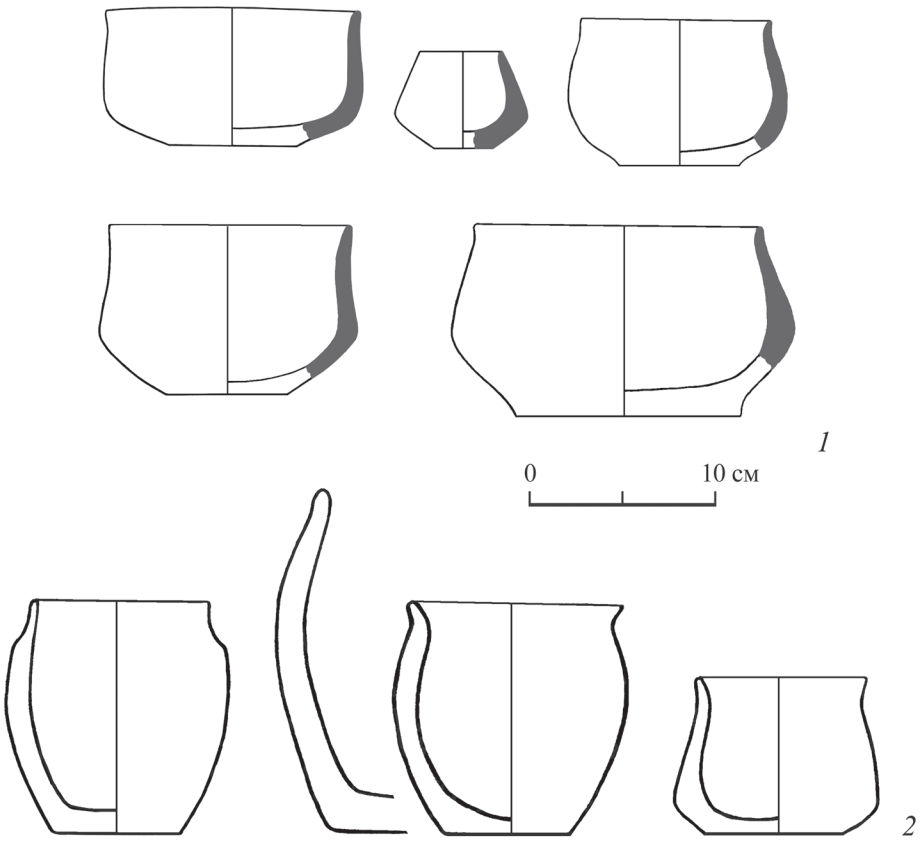


Рис. 2. Формы горшков периода Протохассуны (*1*) и Архаической Хассуны (*2*)

1 – телль Сотто (по: *Бадер*, 1989. Табл. 57, с модификациями Н. Ю. Петровой); *2* – Ярым-тепе I (по: *Мунчаев, Мерперт*, 1981. Рис. 21, с модификациями Н. Ю. Петровой; масштаб изначально не указан)

сосуда, выступом для поддержки твердой крышки или кромкой, позволяющей завязать мягкое покрытие над горлышком сосуда (*Hopwood*, 2013. P. 184). Этот признак появляется на горшках Ярым-тепе I уже в период Архаической Хассуны (рис. 2: *2*). Тогда же, начиная с 10-го горизонта, появляются глиняные крышки, ручки от которых фиксируются и позднее (рис. 3: *1–4*). Начиная с периода Стандартной Хассуны (5 горизонт) на Ярым-тепе I также известна и ручка-ушко на тулове горшка (рис. 3: *5*).

Данные изучения состава сырья и формовочной массы. Основным сырьем для изготовления сосудов периода Протохассуны и более поздних периодов хассунской культуры, как уже было отмечено, служила наиболее распространенная в регионе глина со значительной примесью известняка, предпочтительно слабозапесоченная. С течением времени от данного сырья начинают отказываться, предпочитая более запесоченное сырье, но без примеси известняка

Рис. 3. Поселение Ярым-тепе I. Ручки крышек (*1–4*) и ручка горшка (*5*)

Архаическая Хассуна: *1* – 10 горизонт, *2* – 9 горизонт; Стандартная Хассуна: *3–5* – 5 горизонт

(*Петрова*, 2016; *Petrova*, 2021), что, вероятно, связано с изменившимися условиями обжига глиняных сосудов – появления более высокотемпературного обжига в горнах (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. С. 26–56). Однако и в это время встречаются небольшие эксцессы, связанные с разрушением поверхности на месте большого включения известняка, не влияющие на общую сохранность сосуда (рис. 4: *3*).

Большая часть изученной керамики (небольшие фрагменты около 1 см от около 800 сосудов) была подвергнута дополнительному обжигу в муфельной печи при температуре 850 °С с целью определения степени ожелезненности. В результате этого было отмечено, что некоторые фрагменты действительно разрушались, но значительная часть оставалась целой (около 80 %). Эта ситуация может свидетельствовать о том, что, по крайней мере, часть сосудов могла подвергаться дополнительной обработке. При этом ситуация соответствует экспериментальным наблюдениям О. А. Лопатиной. Известняк в неразрушившихся фрагментах может быть в значительной концентрации, но очень мелкий (не более нескольких мм и меньше) (рис. 4: *1, 2*).

Кроме того, известно, что керамика периода Протохассуны, а также значительная часть изделий последующих периодов Хассуны были изготовлены с примесью навоза (*Бобринский*, 1989; 2006; *Петрова*, 2019; *Tsetlin*, 2003) (рис. 4: *1*),

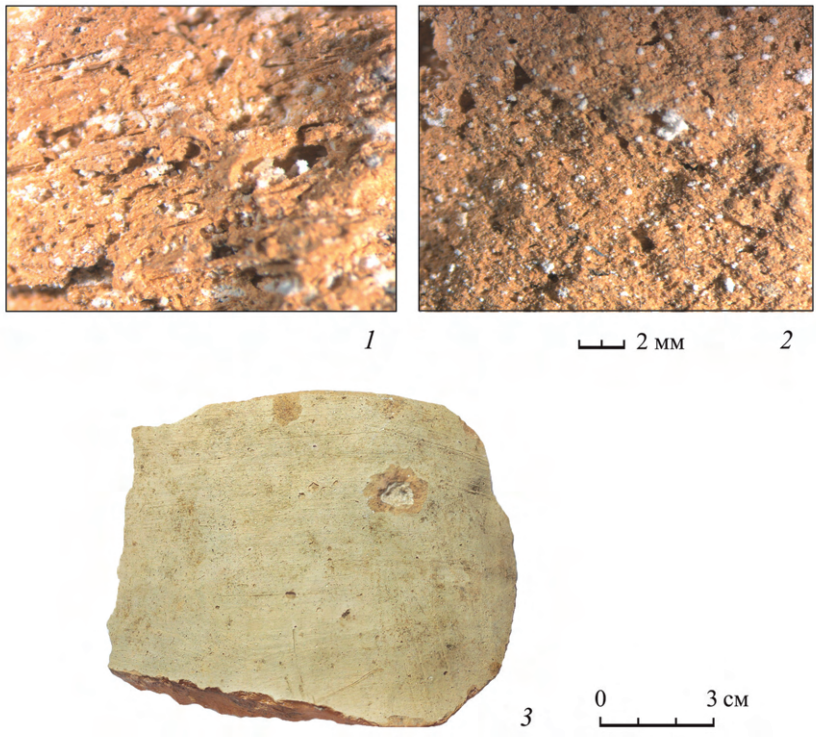


Рис. 4. Известняк в керамике Ярым-тепе I

1, 2 – керамика периода Протохассуны, микрофото; *3* – разрушение поверхности на месте крупного включения известняка

и в том числе сосуды, которые могли быть связанны с приготовлением пищи (горшки). В преобладающем большинстве случаев к изделиям, изготовленным только с примесью навоза, также относятся все виды столовых сосудов, кроме тонкостенных чаш и кувшинов небольшого размера, в формовочной массе которых не зафиксированы искусственные добавки. Сосуды с примесью только соломы или соломы и навоза в формовочной массе, как правило, более крупные, вероятно, связанные с хранением продуктов.

Навоз, помимо увеличения пористости изделий и очень благотворного влияния, которое он оказывает на свойства глиняного изделия при сушке и обжиге (значительно сокращается вероятность растрескивания), придает изделиям большую прочность (*Бобринский*, 1999. С. 86), что, вероятно, было дополнительным фактором, укрепляющим изделия из глины с примесью известняка. Пористая структура сосуда обеспечивает большую устойчивость посуды для приготовления пищи, так как поры играют большую роль в блокировании распространения трещин (*Iliescu*, 2020. P. 102), что в изучаемой керамике достигалось благодаря большой концентрации растительной органической примеси в формовочной массе. Обмазка поверхности сосудов дополнительным слоем глины могла служить для

меньшего испарения жидкости через поры сосудов с органической примесью (рис. 1: *1б*).

Данные об устройствах, которые могли использоваться для приготовления пищи на огне. На поселении телль Сотто были значительно распространены углубленные в землю очажные ямы, использование которых предполагается для кухонных целей. Однако Н. О. Бадер нигде больше не отмечает присутствия камней внутри очага. Помимо этого, на поселении, начиная со 2-го горизонта, существовали сводчатые печи, не сохранившиеся на полную высоту (*Бадер*, 1989. P. 115–119). На Ярым-тепе I зафиксированы как очаги[2] и печи, так и древнейшие гончарные горны[3]. С самого начала существования поселения «сосуществуют две основные формы печей – круглые с купольным сводом и прямоугольные с полуцилиндрическим, предназначенные для выпечки хлеба и других хозяйственных надобностей» (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. С. 26–56, 76). Но неясно, можно ли было ставить сосуд сверху на печь – имелось ли там необходимое по размеру отверстие. Единственное изображение целиком сохранившейся печи на пос. Ярым-тепе I из слоя Стандартной Хассуны (горизонт 4) имеет очень широкое отверстие, для того чтобы на нее ставили горшок (*Merpert, Munchaev*, 1993. P. 77). Вероятнее всего, это тонур.

Заключение

Варка пищи с использованием различных (неглиняных) емкостей и раскаленных камней была известна на Ближнем Востоке за несколько тысячелетий до появления керамики – со времени эпипалеолита – и присутствовала в течение всего периода докерамического неолита. В начале керамического неолита этот метод также мог некоторое время использоваться. Но все же, после массового распространения керамических сосудов приготовление пищи в целом и варки в частности связано именно с их использованием, а также с использованием огня и, вероятнее всего, очагов. Была ли задействована при этом печь, а тем более горн, остается вопросом.

Не оставляет сомнений, что в период керамического неолита варка пищи была повсеместно распространена на территории Верхней Месопотамии, в том числе в культуре Протохассуны и Хассуны. Однако у населения западной и восточной части Верхней Месопотамии различались подходы к изготовлению сосудов, предназначенных для этой цели, что отражает их различные культурные особенности.

[2] На Ярым-тепе I также найдены очаги в больших фрагментах сосудов-хранилищ, предназначенные, по мнению Н. Я. Мерперта, для обогрева помещений (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. С. 26–56, 76).

[3] Гончарные горны использовались в основном для обжига сосудов. Остатки самого древнего двухярусного горна зафиксированы в нижнем 10 горизонте Архаического периода Ярым-тепе I (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. С. 75). Это фрагменты массивного глиняного диска с отверстиями-продухами тепловодно-разделительного блока двухярусного горна с вертикальным током горячих газов. Горн был углублен в землю (печь 27, 10 горизонт, кв. 47а-1) (*Мерперт*, 1974. № 11. С. 86а; № 12. С. 98).

Тема приготовления и варки пищи в керамике Верхней Месопотамии может быть еще, безусловно, расширена и дополнена данными различных методов, как экспериментальных, так и лабораторных. Однако хотелось бы добавить, что при изучении органических остатков от пищи (липидный анализ), когда пробы берутся не на поверхности сосуда, а в порах, прилегающих к поверхности, необходимо учитывать присутствие распространенной в неолите региона примеси навоза в формовочной массе. Жирные кислоты, связываемые с животными жирами, помимо свидетельства потребления животной пищи также могут служить и признаком наличия данной примеси.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер Н. О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука. 368 с.

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А. А., 1989. Технологические характеристики керамики телль Сотто и Кюльтепе // *Бадер Н. О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука. С. 327–334.

Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография / Ред. А. А. Бобринский. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 5–109.

Бобринский А. А., 2006. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. № 4. С. 413–421.

Корниенко Т. В., 2021. Вопросы физической географии, периодизации и хронологии в исследовании первичных очагов «Неолитической революции» на территории центральной части Плодородного Полумесяца // Вестник Воронежского государственного педагогического университета. Серия: История. Политология. Социология. № 4. С. 5–16.

Лопатина О. А., 2020. Об одном технологическом приеме уменьшения вредного влияния примеси известняка в керамике // Вестник «История керамики». Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 67–78.

Матвеев Г. В., 1964. Опыт борьбы с дутиком и улучшение качества кирпича на заводах Гострансстроя // Улучшение качества глин строительного кирпича. М.: Легкая индустрия. С. 58–68.

Мерперт Н. Я., 1974. Иракская экспедиция 1974. Ярым-тепе I. Дневники раскопок № 11 и 12 // Архив отдела теории и методики ИА РАН. На правах рукописи.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука. 320 с.

Петрова Н. Ю., 2016. Технологическое изучение керамики поселения Ярым-тепе I (периоды Протохассуны и Архаической Хассуны) // КСИА. Вып. 242. С. 48–59.

Петрова Н.Ю., 2019. Развитие технологии изготовления неолитической керамики в Восточной Джезире и горах Загроса (Северный Ирак и Западный Иран) // КСИА. Вып. 256. С. 329–343.

Atalay S., 2005. Domesticating Clay: The Role of Clay Balls, Mini Balls and Geometric Objects in Daily Life at Çatalhöyük // Changing materialities at Çatalhöyük. Reports from the 1995–99 seasons / Ed. I. Hodder. Cambrige: McDonald Institute of Archaeological research; London: British institute at Ankara. P. 139–168.

Bader N. O., 1993. The Early Agricultural settlement of tell Sotto // Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Northern Iraq / Eds.: N. Yoffee, J. J. Clark. Arizona: The University of Arizona Press. P. 41–54.

Balossi Restelli F., 2006. The development of «Cultural regions» in the Neolithic of the Near East. The «Dark Faced Burnished Ware Horizon». Oxford: Archaeopress. 305 p. (BAR International Series; 1482.)

Braidwood R. J., 1983. The site Jarmo and its architectural remains // Prehistoric archaeology along the Zagros flanks / Ed. L. S. Braidwood et al. Chicago: The University of Chicago Press. P. 155–208. (Oriental Institute Publication; vol. 105.)

Cauvin J., 1974. Les Dèbuts de la cèramique sur le Moyen-Euphrate: nouveaux documents // Palèorient. Vol. 2. Iss. 1. P. 199–205.

Copley M., Clark K., Evershed R., 2005. Organic-residue analysis of pottery vessels and clay balls // Changing materialities at Çatalhöyük. Reports from the 1995–99 seasons / Ed. I. Hodder. Cambrige: McDonald Institute of Archaeological research; London: British institute at Ankara. P. 169–174.

Cruells W., Faura J. M., Molist M., 2017. Akarçay Tepe and Tell Halula in the context of the earliest production of ceramics in West Asia // The Emergence of Pottery in West Asia / Eds.: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books. P. 27–42.

Gregg M. W., 2009. Organic residues analysis and the earliest uses of pottery in the ancient Middle East: A thesis… of Doctor of Philosophy / University of Toronto. Toronto. 232 p.

Henrickson E. F., McDonalds M., 1983. Ceramics form and function: an ethnographic search and an archaeological application // American Anthropologist. New Series. Vol. 85. Iss. 3. P. 630–643.

Hole F., Flannery K. V., Neely J. A., 1969. Prehistory and human ecology of the Deh Luran plain. An early village sequence Khuzistan, Iran. Ann Arbor, University of Michigan. 518 p. (Memoirs of the Museum of Anthropology; 1.)

Hopwood M., 2013. Food, community and the archaeological past: creating community during the Halaf period at Fistikli Höyük, Turkey // Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia / Eds.: O. P. Nieuwenhuyse et al. Turnhout: Brepols Publishers. P. 183–190.

Iliescu I., 2020. Technological choices in ancient cooking vessels manufacrure // Revista Cicsa. Vol. VI. P. 97–106.

Last J., 2005. Pottery from the East Mound // Changing materialities at Çatalhöyük. Reports from the 1995–99 seasons / Ed. I. Hodder. Cambrige: McDonald Institute of Archaeological research; London: British institute at Ankara. P. 101–138.

Le Mière M., 2009. Early Neolithic pottery from the Near East: the question of temper and its implications // Methodes d'approche des premieres productions ceramiques: etude de cas dans les Balkans et au Levant / Eds.: L. Astruc, A. Gaulon, L. Salanova. Rahden: Marie Leidorf. P. 73–80.

Le Mière M., 2017. The earliest pottery of West Asia: questions concerning causes and consequences // The Emergence of pottery in West Asia / Eds.: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books. P. 9–16.

Le Mière M., Picon M., 1998. Les dèbuts de la cèramique, Palèorient. Vol. 24. Iss. 2. P. 5–26.

Le Mière M., Picon M., 2003. Appearing and first development of cooking and non-cooking ware concepts in the Near East // Ceramic and Society / Eds.: V. Serneez, M. Maggetti. Fribourg: University of Fribourg. P. 175–188.

Merpert N., Munchaev R., 1993. Yarim Tepe I // Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Northern Iraq / Eds.: N. Yoffee, J. J. Clark. Arizona: The University of Arizona Press. P. 73–114.

Miyake Y., 2016. Origins of pottery as technological innovation in Southwest Asia // Der Anschitt. Beiheft 31. Anatolian Metal VII. Bochum. P. 115–124.

Miyake Y., 2017. The Earliest Pottery of Salat Camii Yanı // The Emergence of pottery in West Asia / Eds.: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books. P. 55–60.

Nieuwenhuyse O. P., Campbell S., 2017. Synthesis: the emergence of pottery in West Asia // The Emergence of pottery in West Asia / Eds.: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books. P. 167–192.

Nieuwenhuyse O. P., Roffet-Salque M., Evershed R. P., Akkermans P. M. M. G., Russell A., 2015. Tracing pottery use and the emergence of secondary product exploitation through lipid residue analysis at Late Neolithic Tell Sabi Abyad (Syria) // JAS. Vol. 64. P. 54–66.

Nishiaki Y., Le Mière M., 2005. The oldest pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: new evidence from Seker al-Aheimar, the Khabur, Northeast Syria // Palèorient, Vol. 31. Iss. 2. P. 55–68.

Özbal R., 2018. The cooking pot in perspective: the case of six millennium tell Kurdu // II Workshop on Late Neolithic ceramics in Ancient Mesopotamia: pottery in context / Eds.: A. Gómez-Bach, J. Becker, M. Molist. Barcelona: Museu d'Arqueologia de Catalunya. P. 15–24. P. 99–108.

Özdoğan M., Özdoğan A., 1993. Pre-Halafian pottery of Southeastern Anatolia with special reference to the Çayönü sequence // Between the rivers and over the mountains / Eds.: M. Frangipane et al. Roma: Universita di Roma «La Sapienza». P. 87–103.

Petrova N., 2021. Neolithic pottery technology of Sinjar Valley, Northern Iraq (Proto-Hassuna and Archaic Hassuna periods) // Neolithic pottery from the Near East. Production, distribution and use / Eds.: R. Özbal, M. Erdalkiran, Y. Tonoike. Istanbul: Koç university. P. 213–228. (Koç university press; 259.)

Rice P. M., 1987. Pottery Analysis. A sourcebook. University of Chicago press. Chicago and London. 559 p.

Skibo J. M., Malainey M. E., Drake E. C., 2009. Stone boiling, fire-cracked rock, and nut oil: exploring the origins of pottery making on Grand Island // The Wisconsin Archeologist. Vol. 90. No. 1–2. P. 47–64.

Tekin H., 2007. New discoveries concerning the relationship between the upper Tigris region and Syro-Cilicia in the Late Neolithic // Anatolian Studies. Vol. 57. P. 161–169.

Tsetlin Yu. B., 2003. Organic tempers in ancient ceramics // Ceramic in the Society. Proceedings of the 6th European Meeting on Ancient Ceramics / Eds.: S. Di. Pierro, V. Serneels, M. Maggetti. Fribourg. P. 289–310.

Vieugue J., Garfinkel Y., Barzilai O., Van den Brink E. C. M., 2016. Pottery function and culinary practices of Yamukian societies in the late 7th millennium cal. BC: First results // Paléorient. Vol. 42. Iss. 2. P. 97–115.

Сведения об авторе

Петрова Наталья Юрьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: petrovanatalya7@mail.ru

N. Yu. Petrova

COOKING FOOD IN THE FERTILE CRESCENT NEOLITHIC

Abstract. The article provides an overview of information concerning the presence of cooking in the Fertile Crescent Neolithic. During the period of the pre-pottery Neolithic, cooking in organic and stone containers was done with the help of red-hot stones. Hearths with burnt stones are recorded during this period in various places in the Near East. In the initial period of the Pottery Neolithic, this technology could also be used. The vessels of the eastern part of Upper Mesopotamia (Proto-Hassuna and Hassuna periods) are made of clay with a high concentration of limestone. It is believed that they could not be used for cooking, because limestone breaks down when heated. However, traces of soot and smoke on the vessels, the presence of lids, as well as the fact that the ceramic fragments didn't collapse after repeated firing at a temperature of 850 °C indicate the opposite. It is possible that the vessels were subjected to additional processing to eliminate the negative effects of limestone. Thus, during the period of the Pottery Neolithic, cooking took place everywhere.

Keywords: cooking, Neolithic pottery, Fertile Crescent, Proto-Hassuna, Hassuna, red-hot stones, dung.

REFERENCES

Bader N. O., 1989. Drevneyshie zemledeltsy Severnoy Mesopotamii [Earliest farmers of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 368 p.

Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bobrinskiy A. A., 1989. Tekhnologicheskie kharakteristiki keramiki tell Sotto i Kyultepe [Technological characteristics of tell Sotto and Kultepe ceramics]. *Bader N. O. Drevneyshie zemledeltsy Severnoy Mesopotamii [Earliest farmers of Northern Mesopotamia]*. Moscow: Nauka, pp. 327–334.

Bobrinskiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery-making technology as an object of historical and cultural study]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva: kollektivnaya monografiya [Topical problems of studying ancient pottery: a collective monograph]*. A. A. Bobrinskiy, ed. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109.

Bobrinskiy A. A., 2006. Dannye tekhnologii o proiskhozhdenii goncharstva [Technology data on the origin of pottery-making]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Issues of archaeology of Volga region]*, 4. Samara, pp. 413–421.

Kornienko T. V., 2021. Voprosy fizicheskoy geografii, periodizatsii i Khronologii v issledovanii pervichnykh ochagov «Neoliticheskoy revolyutsii» na territorii central'noy chasti Plodorodnogo polumesyatsa [Issues of physical geography, periodization and chronology in the study of primary foci of the «Neolithic revolution» in the territory of central part of Fertile Crescent]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya [Bulletin of Voronezh State pedagogical university. Series: History. Political science. Sociology]*, 4, pp. 5–16.

Lopatina O. A., 2020. Ob odnom tekhnologicheskom prieme umen'sheniya vrednogo vliyaniya primesi izvestnyaka v keramike [On one technological method of reducing harmful effect of limestone admixture in ceramics]. *Vestnik «Istoriya keramiki» [Bulletin «History of ceramics»]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 67–78.

Matveev G. V., 1964. Opyt bor'by s dutikom i uluchshenie kachestva kirpicha na zavodakh gostransstroya [Experience in dealing with dutik and improving quality of building clay bricks at Gostransstroy plants]. *Uluchshenie kachestva glinyanogo stroitel'nogo kirpicha [Improving quality of clay building bricks]*. Moscow: Legkaya industriya, pp. 58–68.

Merpert N. Ya., 1974. Irakskaya ekspeditsiya 1974. Yarym-tepe I. Dnevniki raskopok № 11 i 12 [The Iraq Expedition 1974. Yarym-tepe I. Excavation diaries No. 11 and 12]. *Arkhiv otdela teorii i metodiki IA RAN [Archive of Department of theory and methodic, IA RAS]*.

Munchaev R. M., Merpert N. Ya., 1981. Rannezemledelcheskie poseleniya Severnoy Mesopotamii [Early agricultural settlements of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 320 p.

Petrova N. Yu., 2016. Tekhnologicheskoe izuchenie keramiki poseleniya Yarymtepe I (periody Protokhassuny i Arkhaicheskoy Khassuny) [Technological studies of ceramics from Yarym-tepe I (proto-Hassuna and archaic Hassuna periods)]. *KSIA*, 242, pp. 48–59.

Petrova N. Yu., 2019. Razvitie tekhnologii izgotovleniya neoliticheskoy keramiki v Vostochnoy Dzhezire i gorakh Zagrosa (Severnyy Irak i zapadnyy Iran) [Development of Neolithic pottery production technology in Eastern Jezirah and the Zagros Mountains (Northern Iraq and Western Iran)]. *KSIA*, 256, pp. 329–343.

About the author

Petrova Natalya Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: petrovanatalya7@mail.ru

А. И. Янковский-Дьяконов, Ш. Н. Амиров,
М. Ю. Меньшиков, Дж. Джотери

ВТОРОЙ СЕЗОН РОССИЙСКО-ИРАКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ТЕЛЛЕ ДЕХАЙЛА-1 (2021 г.)

Резюме. В ходе второго сезона Российско-Иракской комплексной экспедиции на Телле Дехайла-1 в Южном Ираке (рис. 1: *1*) были пройдены до материка два шурфа, № 1 на берегу поздней поймы реки Эриду (рис. 1: *2*; 3: *1*) и № 2 на центральном участке города (рис. 1: *2*; 2: *1*). Установлено, что самый ранний слой обживания в шурфе № 1 покоился на стерильном грунте, перемещенном из поймы реки с целью защиты от сезонных затоплений (рис. 3: *1*). В шурфе № 2 раскрыта система монументальных сооружений из сырцового кирпича, в том числе стена шириной 4 м, сохранившаяся на общую высоту 2 м (рис. 2). Постройка этой стены на промоине приуслового вала реки свидетельствует, что перед нами может быть участок первоначального строительства данного поселения. Характер раскрытых архитектурных сооружений заставляет предположить, что они составляли часть внутренних обводных стен священного участка (теменоса) перв. пол. II тыс. до н. э. Новые поверхностные и стратифицированные находки предметов I тыс. до н.э. подкрепляют представления о наличии также позднего присутствия на Телле Дехайла; однако поздняя фаза в пределах шурфа на теменосе представлена только полукочевым лагерем.

Ключевые слова: Месопотамская аллювиальная равнина, старовавилонский период, первая династия Приморья, касситский период, нововавилонский период, деурбанизация, Телль Дехайла, группа теллей Нун.

В апреле 2021 г. состоялся второй сезон Российско-Иракской комплексной экспедиции (РИКЭ) на Телле Дехайла-1 в *мухафазе* (провинции) Ди Кар в Южном Ираке (рис. 1: *1*).

Основным дискуссионным вопросом для Телля Дехайла-1 остается наличие и значимость слоев обживания времени постулируемой деурбанизации Южной Месопотамии, примерно совпадающей со временем правления Первой династии Приморья (около 1730–1460 гг. до н. э. по средней хронологии). Главной целью земляных работ второго сезона было знакомство со стратиграфией

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.44-58

памятника и уточнение его датировки на двух разных участках в центральной и центрально-восточной частях города (рис. 1: *2*)[1].

На сезон 2021 г. было запланировано пройти до материка шурф № 1 в центрально-восточной части вблизи древнего русла реки Эриду (одного из древних рукавов Евфрата), начатый в 2020 г. (рис. 3: *1*), и заложить один-два шурфа в центральной части города.

Современная дневная поверхность 2021 г. в районе шурфа № 1 была зафиксирована на уровне +2,18…+2,33 м от нуля памятника[2]. Материк был достигнут 15 апреля на уровне +0,51…+0,54 м. Контрольное заглубление пройдено до уровня +0,32…+0,38 м. Общая мощность культурных отложений на шурфе № 1 составила около 1,8 м.

Материковый слой представлен плотными глинистыми отложениями темно-коричневого цвета с вкраплениями и прослоями светлых оттенков, возможно, связанных с осадочными известковыми натеками.

Выше него лежала супесь сероватого цвета, мощностью около 60 см, без следов осадочного накопления. Этот слой представлял собой рукотворную нивелировочную подсыпку, сформированную песчаным стерильным грунтом, принесенным из поймы реки, чтобы поднять уровень обитаемой дневной поверхности выше уровня затопления в ходе сезонного разлива реки.

Непосредственно на этом слое подсыпки зафиксирован слой обитания мощностью около 10 см, сформированный аккумуляциями коричневого суглинка с фрагментами керамики и изделиями из камня.

Этот слой, в свою очередь, был перекрыт слоем сероватой супеси мощностью 7–10 см, без существенных отличий от первого слоя супеси. Он мог быть аллювиальным наносом, перекрывшим антропогенный слой в результате необычно высокого подъема воды в реке, или же вторым слоем перемещенного грунта. Во втором случае его присутствие может объяснить малую мощность предшествующего слоя обживания: подъем дневной поверхности оказался недостаточным, чтобы предотвратить затопление, и потребовалось добавить подсыпку.

После отложения этого слоя, каково бы ни было его происхождение, обитаемый берег был надолго стабилизирован. Вышележащие отложения, начиная с уровня +0,95…+1,05 м – коричневый суглинок с фрагментами керамики, представляют собой долговременно существовавшие дневные поверхности поселения.

К этому слою относилась стена из сырцового кирпича, шедшая параллельно реке и раскрытая в предыдущем сезоне (*Янковский-Дьяконов и др.*, 2020. С. 16–18). Верхняя граница слоя находилась на уровне +1,61…+1,49 м, его общая мощность была около 50 см.

---

[1] Мы благодарим участника экспедиции Л. А. Гусак за техническую помощь в подготовке иллюстраций.

[2] Условный высотный ноль выбран в 2020 г. у подошвы стены из обожженного кирпича вблизи русла или в русле реки Эриду (рис. 1: *2*) и, предположительно, был близок к уровню среднего уреза воды в реке на поздних этапах существования города. Все высоты в тексте данной статьи и на рис. 3: *1*, *4* даны от этого условного ноля (R0), если специально не оговорено иное.

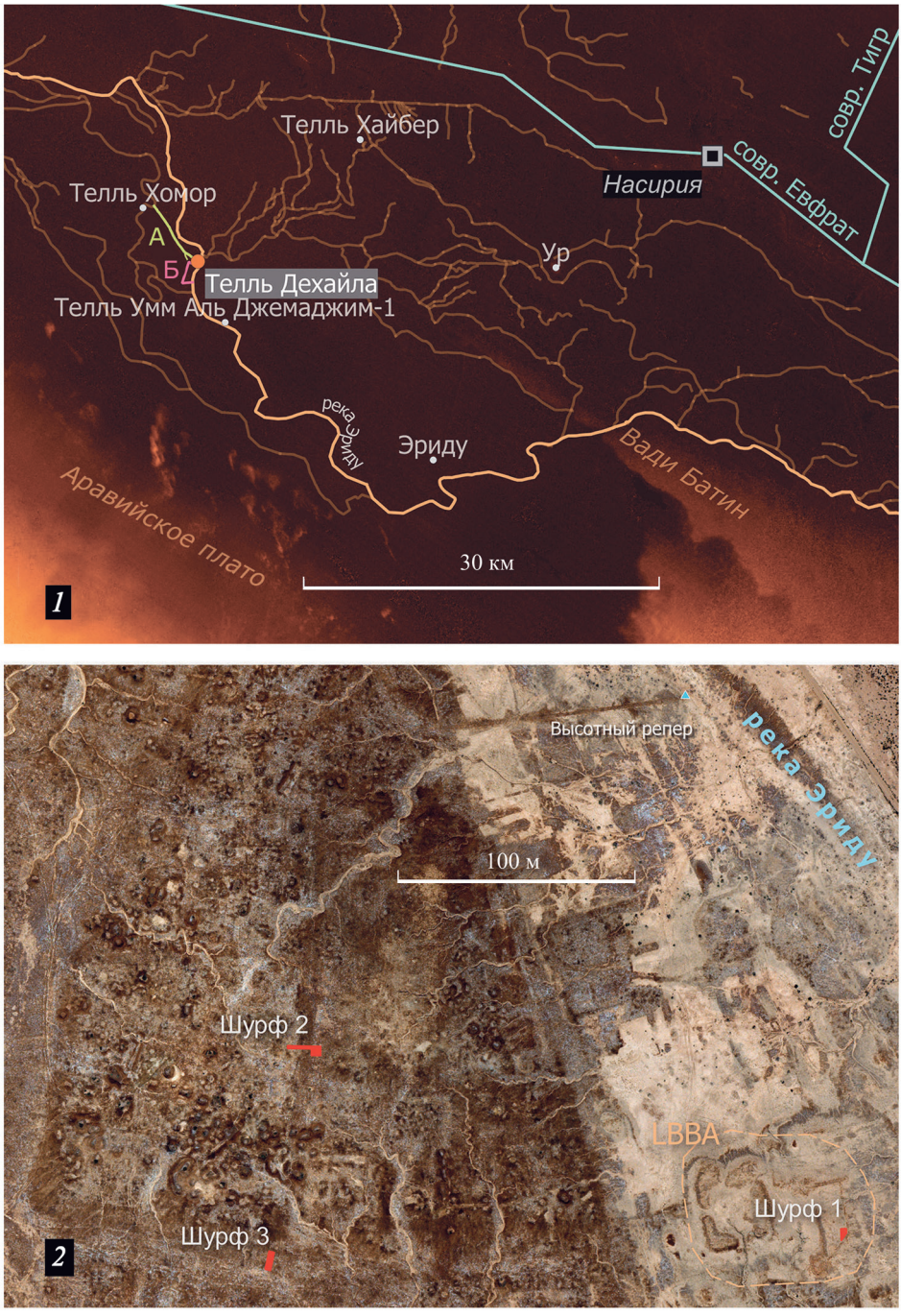


Рис. 1. Месторасположение Телля Дехайла

1 – Телль Дехайла в географическом контексте на цифровой модели рельефа юго-западной части Месопотамской равнины (интервал высот 1–70 м над уровнем моря): *А* – Хоморский канал; *Б* – оборонительный ров. Современное течение Евфрата и Тигра показано схематически; *2* – центральная часть телля на ортофотоплане В. В. Новикова (10.04.2019, UTM 38N)

Вышележащие слои (отдельный слой обживания мощностью 15–30 см и самый верхний слой, представлявший собой переотложенный грунт из грабительской ямы) в пределах шурфа были мало информативны.

Главной задачей земляных работ 2021 г. было изучение стратиграфии на подтреугольном участке в центре города (рис. 1: *2*), который А. Хамдани определил как «теменос» (священный участок), по аналогии с соседним Уром, лежащим в 30 км к востоку от Дехайлы (рис. 1: *1*). Сходство, которое А. Хамдани увидел в градостроительном устройстве обоих поселений, заставило его считать город Телля Дехайлы «альтернативным Уром», куда население Ура могло перейти после его разрушения Самсуилуной в 1740–1738 гг. до н. э., основав здесь, по мнению исследователя, столицу Приморской династии (*Hamdani*, 2015). Если это предположение верно, то древнее название города могло быть Эурукуг (*Boivin*, 2018).

Данный участок размером около 5,5 га является также и самой высокой территорией телля с характерными высотами современной дневной поверхности более 3 м. Для краткости мы будем называть эту территорию теменосом без особых оговорок. По соображениям гидрографического характера (подробнее см.: *Янковский-Дьяконов и др.*, 2020. С. 15), центральная часть теменоса могла быть и местом первоначального возникновения поселения.

Очертания сырцовых стен в центральной части Телля Дехайла-1, за редким исключением, не видны. Детали, очевидные на сделанном в апреле 2019 г. ортофотоплане В. В. Новикова, на местности с достаточной определенностью не читаются. С запада на восток на этом участке имеется понижение. Западная часть теменоса, по-видимому, изначально более высокая, сильно разграблена, в настоящий момент она кажется еще выше из-за многочисленных грабительских отвалов.

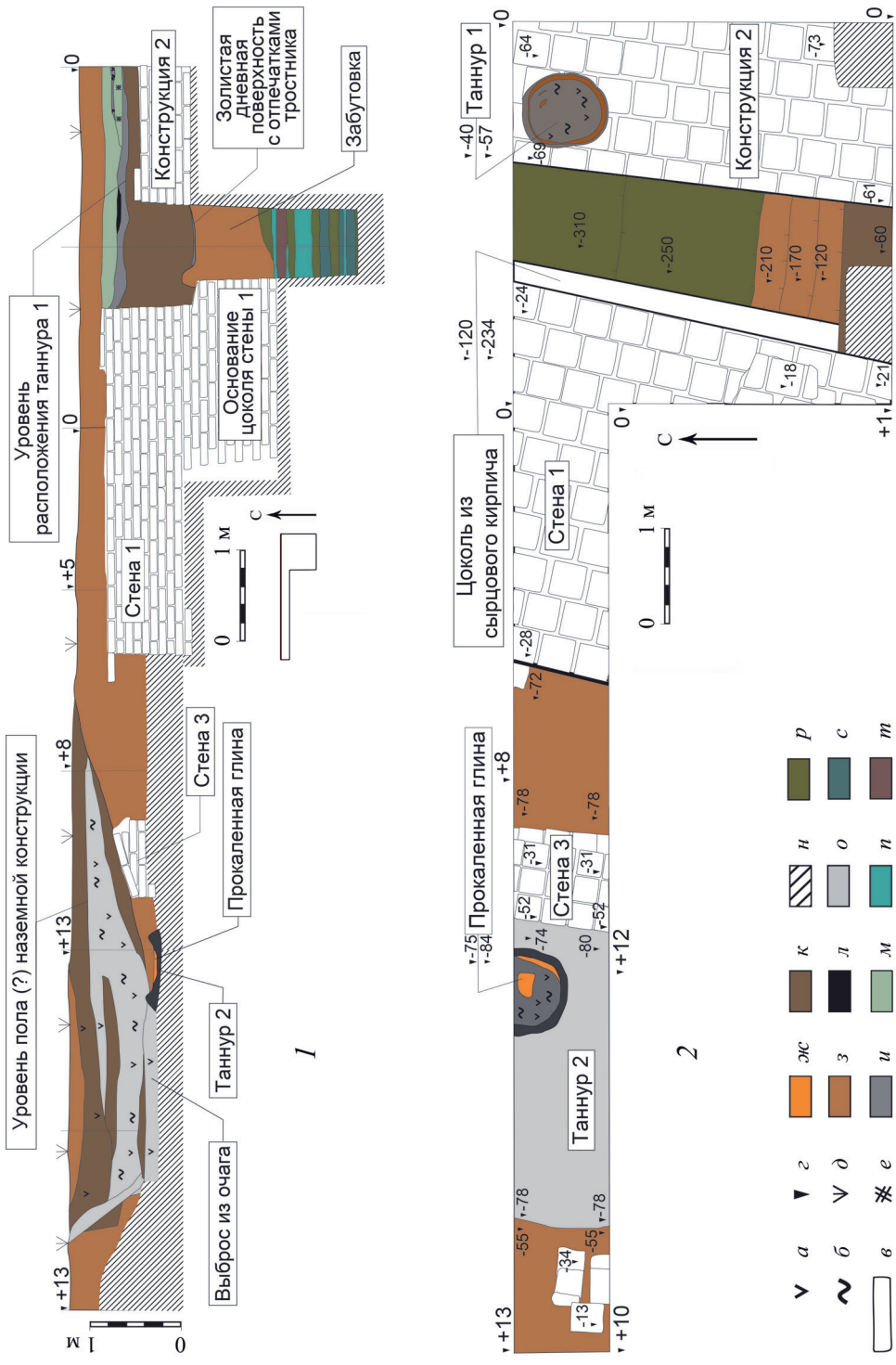
Было решено использовать для шурфовки юго-западный угол внутренней трапеции теменоса; предполагалось, что это может быть угол внутренней обводной стены.

Для того чтобы найти этот угол или Т-образное примыкание к темной полосе трапеции, мы воспользовались характерным рисунком эрозионных ручьев, которые можно было найти на ортофотоплане и отождествить на местности. На пересечении линий, соединявших истоки эрозионных ручьев с запада и востока от предполагаемого шурфа, и от характерной излучины эрозионного ручья к северу от него, была заложена поисковая траншея № 1 длиной 10 и шириной 1 м.

В восточной части траншеи выявлен западный фас массивной стены, сложенной сырцовой кладкой. Для вскрытия восточного фаса этой стены к траншее № 1 был добавлен раскоп площадью 4 × 4 м, который и стал наиболее информативным шурфом сезона 2021 г., под № 2 (рис. 2). Современная дневная поверхность фиксировалась на уровне +3,0…+3,04 м.

Общая ширина сырцовой стены, первоначально вскрытой в траншее № 1 и затем продолжающейся в шурф № 2, составила 3,96 м. Следуя по восточному фасу стены, шурф № 2 был пройден до уровня наносных неантропогенных отложений, которые были обнаружены на уровне +0,46…+0,51 м от нуля памятника (около 2,5 м от современной дневной поверхности).

В нижней части шурфа, дополнительно пройденной до отметки -0,08 – -0,14 м для контроля отсутствия антропогенных остатков, зафиксировано двенадцать тонких слоев чередующихся зеленоватых супесей и бурых суглинков.


Уровень пола (?) наземной конструкции
Уровень расположения таннура 1
Конструкция 2
Золистая дневная поверхность с отпечатками тростника
Забутовка
Основание цоколя стены 1
Стена 1
Стена 3
Прокаленная глина
Таннур 2
Выброс из очага
1 м
0
1
Таннур 1
Конструкция 2
Цоколь из сырцового кирпича
Стена 1
Прокаленная глина
Стена 3
Таннур 2
2
а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м
н
о
п
р
с
т

Этот тип почвы характерен для промоины прируслового вала[3], *crevasse splay*, образовавшейся в результате экстраординарного подъема уровня воды в реке. «Твердый сток» реки, содержание которого особенно значительно в период наводнений, оседает в промоине, создавая новое возвышение над окружающей поймой, что удобно для первоначального строительства поселения на этом месте. Однако те немногие фрагменты керамики, которые удалось найти в нижних слоях шурфа № 2, не дают повода для более ранних датировок, чем старовавилонский период.

Более подробные сведения о керамике Телля Дехайла-1 будут приведены в отдельной публикации.

Самая нижняя конструкция в шурфе № 2 – это основание вышеупомянутой монументальной стены, расположенное на стерильных отложениях и выступающее относительно верхней части стены примерно на 25 см. Это основание, или цоколь, было засыпано если не во время строительства, то во время использования стены по прямому назначению; иными словами, монументальная стена № 1 имела надземную и подземную части.

Верх засыпки, примерно совпадающий с верхним откосом цоколя (на уровне +1,75…+1,85 м), представляет из себя дневную поверхность времени функционирования монументальной стены (№ 1) по своему исходному назначению. Сохранившаяся надземная часть имеет такую же высоту, как и подземная, около 1 м.

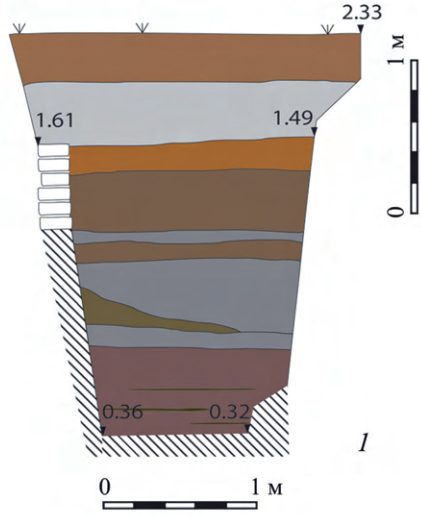
В восточной части шурфа № 2 была открыта вымостка из сырцового кирпича (конструкция № 2). Это сооружение на вскрытом участке представлено его западной стеной (или краем) и фрагментом вымостки, сложенной регулярной кладкой из квадратного сырцового кирпича (36 × 36 см), аналогичного тому, из которого сложено тело монументальной стены. Максимальная сохранность

[3] Прирусловой вал (*levée*) – важнейшее явление месопотамской аллювиальной геоморфологии. Прирусловые валы создаются осаждением нерастворимых частиц во время эпизодов подъема воды; в результате все реки и каналы на аллювии текут несколько выше поймы и имеют прирусловые валы шириной до нескольких километров. Как в древности, так и сейчас жители используют их для гравитационного орошения, прорезая перпендикулярными к течению основного русла каналами. Из-за превышения уровня всей системы над поймой, вода идет по таким каналам самотеком. Однако во время наводнения прирусловой вал может быть прорван; эти прорывы могут иметь большую ширину (сотни метров).

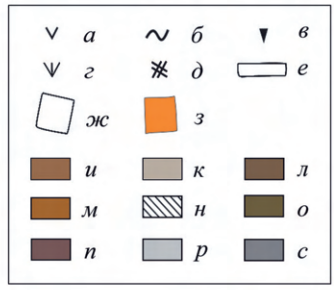
Рис. 2 (с. 48). Телль Дехайла. Шурф № 2

1 – северный профиль; *2* – план. Глубины даны от современной дневной поверхности

Условные обозначения: *а* – включения угля; *б* – включения золы; *в* – сырцовый кирпич; *г* – отметка глубины от ДП; *д* – современная дневная поверхность; *е* – печина; *ж* – обожженная глина; *з* – плотный коричневый суглинок; *и* – зола; *к* – слой разрушения стен; *л* – уголь; *м* – серо-коричневый суглинок; *н* – не копалось; *о* – серый суглинок; *п* – зеленая супесь; *р* – плотная коричневая глина; *с* – зеленая супесь со следами намывов; *т* – коричневый материковый суглинок


2.33
1 м
1.61
1.49
0
0.36
0.32
0
1 м

1

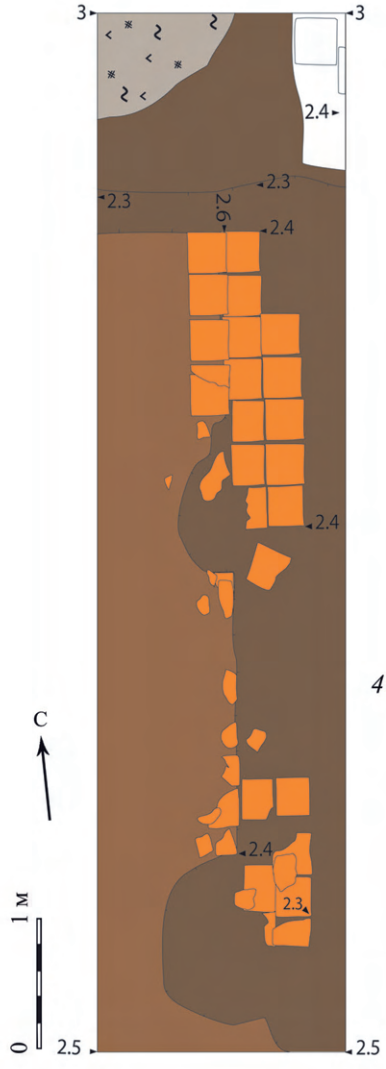

а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м
н
о
п
р
с

DE-0-61
ExStore.ru

2

DE-0-81
ExStore.ru

3


3
3
2.4
2.3
2.3
2.6
2.4
2.4
С
2.4
2.3
1 м
0
2.5
2.5

4

кладки конструкции № 2 – около 60 см. Ее основание находится на уровне верхней части цоколя стены № 1 (+1,75…+1,85 м).

Конструкция № 2 была построена в течение периода функционирования стены № 1, причем, судя по стратиграфии накопления слоя между этими архитектурными объектами, время ее сооружения не может быть значительно позже времени постройки монументальной стены № 1.

Западная стена (или край) конструкции № 2 почти параллельна стене № 1 и отстоит от нее примерно на 1,1 м.

На уровне верхнего обреза цоколя стены № 1 находился тонкий золистоугольный слой черного цвета мощностью менее 0,5 см, что может быть предварительно интерпретировано как сгоревшая циновка. Отпечаток подобной тростниковой циновки найден в вышележащих слоях траншеи № 1.

Черный слой сгоревшей поверхности был прослежен по всей вскрытой площади шурфа, с одной стороны он упирался в стену №1, а с другой – уходил под основание конструкции № 2. С этим тонким слоем дневной поверхности времени функционирования стены № 1 было связано скопление керамики. На этом же горизонте, на уровне +1,73…+1,75 м, было зафиксировано скорченное погребение новорожденного. Контуры погребальной ямы не обнаружены. Время этого погребения могло быть близким времени функционирования стены № 1 и раннего этапа жизни конструкции № 2.

Выше сгоревшей циновки находился горизонт разрушения главной монументальной стены и конструкции № 2.

На небольшой высоте над западным краем конструкции № 2 в вышележащем слое находился один из двух очагов – таннур[4] № 1, опиравшийся на западный край конструкции № 2. С ним, а также с аналогичным таннуром № 2 на том же уровне в траншее № 1 в 9 м к западу от первого, связаны зольные аккумуляции, выявленные на всей площади шурфа и в той части траншеи, которая не занята монументальной стеной.

Этот второй, западный, таннур расположен в 50 см от западного фаса еще одной стены (№ 3), проходившей к западу параллельно монументальной стене № 1. Все три конструкции – с запада на восток: стены № 3 и 1, а также конструкция № 2 – представляют собой единую систему, выстроенную в одном

[4] Под «таннуром» («печь» по-арабски) здесь понимается круглая глиняная печь для выпечки хлеба и приготовления пищи, яма, обмазанная глиной (аккадское *tinūru*).

Рис. 3 (с. 50). Телль Дехайла

1 – шурф № 1, южный профиль; *2* – глиняная шкатулка DE21-0-61; *3* – фрагмент глиняной фигурки дромадера DE21-0-81; *4* – шурф № 3, план

Условные обозначения: *а* – включения угля; *б* – включения золы; *в* – высота от R0; *г* – современная дневная поверхность; *е*, *ж* – сырцовый кирпич; *з* – обожженный кирпич; *и* – плотный коричневый суглинок; *к* – зола; *л* – коричневый суглинок, слой разрушения стен; *м* – то же, но более рыхлый; *н* – не копалось; *о* – плотная комковатая коричневая глина; *п* – коричневый материковый суглинок; *р* – светло-серая супесь, эоловые отложения; *с* – серая супесь

направлении ~7° относительно истинного севера. Их монументальный стройный характер и хорошее качество кладки, с большой долей вероятности, говорят об общественном, скорее всего – религиозном назначении этих конструкций; иными словами, существует объективная возможность того, что перед нами действительно обводные стены священного участка – темеоноса поздней старовавилонской или ранней приморской эпохи.

Основание таннура № 1 (восточного) находится на уровне +2,43…+2,64 м (примерно в 50 см ниже современной дневной поверхности). Западный таннур (№ 2) лежит чуть ниже, на уровне +2,21…+2,28 м, но, без сомнения, в том же слое обживания.

Этот слой, для краткости названный нами «слоем таннуров», принципиально отличается от слоя того времени, когда монументальная система стен использовалась по прямому назначению, и свидетельствует о совершенно другом периоде в жизни поселения Дехайла-1. Факт одновременного функционирования, по меньшей мере, двух очажных конструкций говорит о том, что поселение этого времени могло быть сезонным лагерем, местом пребывания, по крайней мере, нескольких семейных групп.

Таннур № 2 был непосредственно перекрыт еще одной дневной поверхностью, представленной полом жилой конструкции, исследованной на площади 1 × 2,5 м, где обнаружено несколько керамических сосудов *in situ*. По-видимому, конструкция представляла собой легкое жилище типа тростникового дома или палатки кочевников. Никаких следов архитектурных сооружений, связанных с верхними слоями, на вскрытой площади не отмечено. Найденных сосудов для датировки слоя недостаточно; по мнению Д. Кальдербанка, сами сосуды можно отнести к позднему старовавилонскому или приморскому периодам (*Calderbank*, 2021a. P. 17).

Среди находок в «слое таннуров» оказались два сильно окисленных железных предмета, скорее всего, наконечники стрел. Находки железных предметов в элитных контекстах здесь возможны не ранее XIII в. до н. э. (*Moorey*, 1994. P. 288), а в рядовых – гораздо позднее. Типичных касситских маркеров в керамике шурфа № 2, да и в поверхностном сборе, нет; есть только предположения о возможности касситской датировки некоторых образцов поверхностной керамики и не в районе шурфов. Железные предметы в «слое таннуров» и глубже заставляют, тем самым, думать не о касситской, а о более поздней принадлежности слоя.

Помимо двух описанных шурфов, была предпринята расчистка кладки, которая обнажилась в результате недавних (после 2019 г.) действий грабителей непосредственно под южной границей теменоса, в 90 м к юго-юго-западу от траншеи № 1. В этом месте был заложен шурф № 3 (рис. 3: *4*) с целью проследить протяженность кладки и, в случае, если грабительские перекопы ушли ниже уровня основания кладки, изучить стратиграфию подстилающих слоев. Поскольку кладка продолжала на теменосе линию сооружений, которые предстояло нащупать в траншее № 1, то первоначально была надежда, что эта кладка как-то связана с объектами, представленными на теменосе темными линиями, идущими под углом около 7°. В том же направлении шли и разграбленная кладка, и траншея для ее расчистки.

Размеры шурфа № 3 составили 8 × 2 м. Ямы перекопов (диаметром 120–150 см наверху) были прослежены в его северной, центральной и южной частях. Вместе с грунтом грабители вынесли отдельные кирпичи.

В северной части ниже обычного для всего памятника верхнего слоя плотного коричневого суглинка (до 40 см вне пределов стены и до 15 см над стеной) был прослежен слой серо-коричневого суглинка, на котором расчищено пятно угля и фрагментов прокаленной глины, что могло быть выбросом из очага, расположенного к северу и западу от шурфа.

В северо-восточном углу раскопа выявлена вымостка из сырцового кирпича (шириной в пределах раскопа около 40 см, длиной до 115 см, высотой не менее двух кирпичей), идущая в том же направлении 7°.

В центральной части раскопа с севера на юг шла выкладка из обожженного кирпича (32 × 32 × 6 см) в один ряд в ширину. Эти кирпичи аналогичны использованным в Уре для старовавилонских построек (современные раскопки Элизабет Стоун и Вильяма Хаффорда; В. Хаффорд – личное сообщение). Высота выкладки до 25–27 см (4 ряда кирпичей); кладка выполнена в перевязку, прослежена на протяжении 488 см. Северный торец выкладки имел хорошо выраженный фас, южный – упирался в яму перекопа.

С востока к кладке на уровне подошвы нижнего кирпича стены примыкала кирпичная вымостка, сохранившаяся на отдельных участках на ширину в два кирпича. К сожалению, участок южнее был полностью разрушен грабительским перекопом, как и центральная часть вымостки.

Как показали работы на шурфе № 3, грабительские ямы не были впущены ниже уровня стен из обожженного кирпича. Первоначально предполагавшаяся связь с сооружениями, раскрытыми в шурфе № 2, не просматривалась – разве что общая градостроительная: приблизительное совпадение линии выкладки с мысленно продолженной линией монументальной стены теменоса. Было принято решение не продолжать работы на данном участке и законсервировать стену отработанным грунтом. Датирующих предметов обнаружено не было.

Стратифицированные находки из всех шурфов, помимо фрагментов посуды, немногочисленны. К ним относятся уже упомянутые железные предметы, пращевой камень и глиняный токен из того же контекста таннуров. Заметим, что один из железных предметов, более всего похожий на наконечник стрелы (DE21-2-6), обнаружен ниже слоя таннуров, на глубине 80–90 см от основной дневной поверхности, в слое разрушения основной стены.

В этом же слое разрушения, ближе к дневной поверхности времени главной стены (на глубине 1 м от ДП), найдены маленький глиняный токен с прочерченными лучами, отходящими от центра, похожий на клинописный знак DINGIR, и предмет из песчаника, напоминающий палетку для косметики.

Поверхностные индивидуальные находки более примечательны: прежде всего, керамическая шкатулка с орнаментом (DE21-0-61, рис. 3: *2*), возможно, для косметики, и две фрагментированные глиняные фигурки верблюдов-дромадеров (DE21-0-41, DE21-0-81).

В Месопотамии железного века с начала I тыс. до н. э., несомненно, были известны одомашненные дромадеры; более ранние даты их приручения пока являются дискуссионными. Шумерское слово anše.a.ab.ba, «заморский осел», уже

во II тыс. до н. э. использовалось в значении «одомашненный верблюд» (*Heide*, 2010. P. 348). На одной из фигурок верблюда (DE21-0-81) есть вдавленная линия, которую можно интерпретировать как изображение сбруи (рис. 3: *3*).

Находка фигурок верблюдов (может быть, детских игрушек?) на Дехайле заслуживает особого внимания: это первый крупный город «Страны моря» на Месопотамской равнине, который должны были встретить на своем пути кочевники из Аравийской пустыни.

Глиняная шкатулка (DE21-0-61) имеет параллель, хотя и не очень близкую, среди экспонатов нововавилонского зала Иракского национального музея. В отличие от шкатулки Иракского музея, предмет из Дехайлы имеет более грубое оформление и у него отсутствуют ножки.

Другие индивидуальные находки с поверхности, помимо керамики, включают одиночные бусины из сердолика (DE21-0-54, 56), пращевые камни (например, DE21-0-43), две раковины каури (DE21-0-57, DE21-0-89), кремневый наконечник стрелы (DE21-0-88) и токен (DE21-0-53), возможно, для игры. Также был обнаружен обожженный кирпич с процарапанными линиями, наподобие игральной доски.

Важной частью нашей программы на Телле Дехайла является изучение древней гидрографии. Два вопроса из предыдущего сезона перешли в нынешний: 1) соединение гипотетического Хоморского канала с сетью внутренних городских водных коммуникаций и 2) более подробное изучение громадного оборонительного рва, проходящего по южной границе Телля Дехайла-1.

По своему расположению относительно города и реки Эриду Хоморский канал – типичный вспомогательный канал для питания города в эпоху, когда главная река стала заиливаться (рис. 1: *1, A*). Встает вопрос об относительной хронологии этого канала и того района, где в 2020 г. был заложен шурф № 1. Последний, первоначально названный нами «портовым» (по очертанию участков, поросших растительностью, напоминавших гавани, а также в силу непосредственного соседства с рекой), можно также назвать «районом сооружений из крупноформатного обожженного кирпича» (Large Baked Bricks Area, LBBA) (рис. 1: *2*). Такие кирпичи размером до 65 × 64 см, нехарактерные для старовавилонского строительства, встречаются на Дехайле только в этом районе и только в виде вымосток высотой в один кирпич, которые, очевидно, представляли собой основания сырцовых построек, полностью унесенных эрозией.

Если мы отнесем сооружения, построенные на этих вымостках в непосредственной близости от реки (т. е. как-то связанные с ее течением), к позднему (например, нововавилонскому) периоду, то возникает вопрос: когда же мог функционировать Хоморский канал, в еще более позднюю эпоху? Керамики, которую можно считать нововавилонской, на памятнике вообще немного, в подъемном материале вокруг устья Хоморского канала она пока не зарегистрирована. К концу нововавилонского или ахеменидского периода река Эриду перестала существовать (*Wright*, 1981. P. 334–336).

Остается предположить, что Хоморский канал действовал в эпоху основного заселения города, т. е. в старовавилонско-приморскую, а необходимость в нем была обусловлена какими-то особенными обстоятельствами, ограничившими сток реки Эриду.

Участок extra muros при входе Хоморского канала в город, как на ортофотоплане, так и на местности, выглядит как серия темных полос (цвет грунта с повышенным накоплением влаги), возможно, показывающих серию же сменявших друг друга русел канала или какое-то сооружение, связанное с его функционированием. Непосредственно к северу от входа – за городской стеной, возможно, находилась заводь или небольшая гавань шириной 65 м. Место соединения intra muros сильно пострадало от эрозии, что может быть дополнительным доказательством присутствия здесь канала. По опыту исследования гидротехнических сооружений в Уре группой Йорга Фассбиндера (*Parsi et al.*, 2019. P. 208), целесообразно провести здесь электротомографию (ERT), прежде чем планировать земляные работы.

Оборонительный ров был открытием сезона 2020 г., о нем не упоминали предыдущие исследователи Дехайлы (рис. 1: *1, Б*). На существование этой, тогда еще не прочитанной на спутниковом снимке, геометрической фигуры впервые указал Мустафа Фадл (*Янковский-Дьяконов и др.*, 2020. С. 19. Рис. 12). В 2021 г. мы провели пешую разведку северного звена оборонительного рва; можно предположить, что оборонительное сооружение было ориентировано против неприятеля, приходящего из пустыни, поскольку грунт, вынутый из траншеи, складывали на противоположной (речной) стороне рва. На берегу реки Эриду, внутри периметра рва мы обнаружили небольшой телль площадью около 2 га, расположенный примерно в 300 м к юго-западу от южной границы Дехайлы-1 и незарегистрированный на известных нам картах. На телле были видны несколько грабительских ям и встретились фрагменты керамики, которые можно предположительно отнести к касситскому периоду, но для сколько-нибудь уверенной датировки телля этих фрагментов далеко недостаточно. Поскольку ближайшие зарегистрированные телли относятся к группе Нун (от Нун-1 до Нун-4), мы дали этому небольшому поселению рабочее название Нун-5[5]. Если наша оценка границ телля верна, то на его восточной окраине прямой линией проходит наиболее раннее русло реки (Эриду-1, до начала меандрирования)[6]. К касситскому и даже к старовавилонскому времени это русло не должно было уже функционировать, но в нем могла быть стоячая вода.

С юга Нун-5 ограничен последней фазой русла реки (Эриду-3), другими словами, это небольшое поселение стояло на той же реке, что и город Дехайлы-1, немного ниже его по течению.

Наличие гидрографического препятствия для развития поселения Нун-5 к востоку в виде остатков русла Эриду-1, при том что само поселение стояло на берегу Эриду-3, позволяет предположить, что вся история меандрирования

[5] Телли этой группы не упомянуты в книге А. Хамдани (*Hamdani*, 2015), где приведен список поселений, относящихся, по его мнению, к периоду Приморской династии. Неподалеку от нашего Телля Нун-5 там (Ibid.) указаны Телль Дехайла-13 (№ 262 в неопубликованном каталоге разведок А. Хамдани) и Телль Дехайла-14 (№ 342), оба постулируются им как относящиеся к приморскому периоду.

[6] Обсуждение истории русел и их порядковых номеров см.: (*Янковский-Дьяконов и др.*, 2020. С. 14,15).

от Эриду-1 до Эриду-3 могла занять не очень большую часть времени от общего 4000-летнего срока существования реки Эриду.

Общая площадь раскопок 2021 г. на Телле Дехайла-1 составила 58 кв. м. По их результатам можно с уверенностью сказать, что стратифицированные находки фрагментов керамики и монументальные сырцовые стены дают картину крупного городского поселения старовавилонской традиции (в широком смысле); позднее негородское поселение без постоянных построек возникло на руинах старовавилонского города.

Если окажется, что город Телля Дехайла продолжал существовать, а возможно, даже был основан после разгрома Самсуилуной южных городов в конце 1740-х гг. до н. э., т. е. иными словами, если заселение Дехайлы непосредственно примыкает сверху к старовавилонской эпохе (в узком смысле), то заметного отличия датировочных маркеров Дехайлы от старовавилонских мы можем и не увидеть – в отличие от керамики Телля Хайбер, где, по крайней мере, одна фаза заселения относится уже к правлению Айадарагаламы, т. е. к 1600-м гг. до н. э. (*Calderbank*, 2021b. P. 78).

Постройка стены теменоса на промоине приуслового вала, наряду с отсутствием во всех предыдущих разведках на Телле Дехайла[7] данных о керамике, датируемой ранее периода Исин-Ларса, оставляет мало шансов на обнаружение здесь поселения более раннего, чем вторая четверть II тыс. до н. э., хотя на сравнительно недалеко расположенных теллях группы Хомор (ES36) и Умм Аль-Джемаджим Г. Райт встречал глиняные серпы, давшие ему основание для датировки этих поселений периодом Убейд 4 (*Wright*, 1981. P. 324).

Тем самым, имеющиеся данные до сих пор не противоречат гипотезе А. Хамдани, что город Телля Дехайла был создан как убежище для населения Ура после его разрушения Самсуилуной (*Hamdani*, 2015) либо с нуля, либо в результате расширения уже существовавшего поселения, возникшего не ранее периода Исин-Ларса.

Самые верхние слои шурфа № 2 свидетельствуют о негородском поселении, вероятно, полукочевом лагере. Эти «слои таннуров» похожи на верхние слои Телля Хайбер, но там с ними связаны находки касситской керамики, в то время как на Дехайле по стратифицированным находкам железных предметов и обломков сосуда *in situ*, нетипичного для традиции II тыс. до н. э., надо предположить, что лагерь следует датировать уже I тысячелетием.

Примеры керамики I тысячелетия, скорее всего, нововавилонской, встречаются в поверхностных сборах и на других участках телля.

По результатам первых двух сезонов исследования Телля Дехайла-1 представляется вероятным, что город мог пережить военные события 10–12 гг. Самсуилуны (1740–1738 гг. до н. э.), или даже был выстроен после них, однако все же не пережил всю длительность южномесопотамской деурбанизации, и последующие эпохи унаследовали руины, кладбище, сады к югу от города и полукочевой лагерь на месте исторического центра старовавилонского или приморского города.

[7] Г. Райт в 1965 г. (*Wright*, 1981), А. Хамдани в 2003–2008 гг. (*Hamdani*, 2015), Дж. Мун, Р. Киллик и Д. Кальдербанк в 2017 г. (Д. Кальдербанк – личные сообщения 2017 и 2020 гг.).

Благодарности

Проведение второго сезона РИКЭ стало возможным благодаря финансированию со стороны Фонда развития науки и культуры «Таволга» и НИПИИ ЭТ «Энерготранспроект». Работа по выполнению отчета о втором сезоне для Государственного Совета по древностям и наследию Ирака (ГСДН) была сделана при финансовой поддержке Фонда развития ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Мы сердечно признательны руководству ГСДН, его Председателю доктору Лейту Хуссейну, директору Отдела археологических исследований Али Шалгаму, директору Отдела дистанционных исследований и геоинформатики Рияду Хатему, директору Отдела международных связей Луме Джуда, руководителям регионального Инспектората по *мухафазе* Ди Кар Тахиру Аль-Хоссейни и Амару Раззаку, последовательно занимавшим этот пост во время наших работ.

Официальными представителями иракской стороны в 2021 г. были Амджад Неама, Мустафа Джасим Аль-Хуссини и Фаркад Бакир; первые двое работают с нашей экспедицией начиная с ее самих первых шагов, молодой археолог Фаркад Бакир присоединился к нам в этом сезоне. Мы сердечно признательны им всем за профессионализм, неравнодушие к родному наследию и товарищескую атмосферу, которую они неизменно поддерживают в нашем коллективе.

Мы всегда помним дружескую помощь доктора Абдуламира Аль-Хамдани, который еще в 2016 г. предложил нам работать на Телле Дехайла. Он сыграл решающую роль в обеспечении доброго приема и юридической возможности для возвращения российских археологов в Ирак, начав свои усилия задолго до того, как стал министром культуры Ирака, и продолжив их во время своей службы министром.

ЛИТЕРАТУРА

Янковский-Дьяконов А. И., Кальдербанк Д., Джотери Дж., Новиков В. В., 2020. Результаты пробного сезона российско-иракской экспедиции на телле Дехайла-1 // Восток (Oriens). № 5. С. 9–21.

Boivin O., 2018. The First Dynasty of the Sealand in Mesopotamia. Berlin: De Gruyter. 293 p.

Calderbank D., 2021a. Bulk ceramics of 2021 // Iraqi-Russian Multidisciplinary Project Season 2021 [Field Report for the State Board of Antiquities and Heritage of Iraq]. St. Petersburg. P. 17–22.

Calderbank D., 2021b. The Pottery from Tell Khaiber. A Craft Tradition of the First Sealand Dynasty. Archaeology of Ancient Iraq 1. Ludlow: Moonrise Press. 304 p.

Hamdani A., 2015. Shadow States. The Archaeology of Power in the Marshes of Southern Mesopotamia. PhD Dissertation. New York: Stony Brook University. 273 p.

Heide M., 2010. The Domestication of the Camel: Biological, Archaeological and Inscriptional Evidence from Mesopotamia, Egypt, Israel and Arabia, and Literary Evidence from the Hebrew Bible // Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas. Münster. Bd. 42. P. 331–384.

Moorey P., 1994. Ancient Mesopotamian Materials and Industries. The Archaeological Evidence. Oxford: Clarendon Press. 415 p.

Parsi M., Fassbinder J., Papadopoulos N., Scheiblecker M., Ostner S., 2019. Revealing the Hidden Structure of the Ancient City Ur (Iraq) with Electrical Resistivity Tomography // New Global Perspectives on Archaeological Prospection / Ed. J. Bonsall. Oxford: Archaeopress Publishing. P. 206–208.

Wright H., 1981. The Southern Margins of Sumer. An Archaeological Survey of Areas of Eridu and Ur // Adams R. M. Heartland of Cities. Chicago: University of Chicago Press. P. 295–362.

Сведения об авторах

Янковский-Дьяконов Алексей Игоревич, Институт восточных рукописей РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: jankowski-diakonoff@yandex.ru;

Амиров Шахмардан Назимович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: shahmardan@mail.ru;

Меньшиков Максим Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maxim-menshikov@yandex.ru;

Джотери Джаафар, Университет Ал-Кадисия, Аль-Дивания, Ирак; e-mail: jaafar.jotheri@qu.edu.iq

A. I. Jankowski-Diakonoff, Sh. N. Amirov, M. Yu. Menshikov, J. Jotheri

THE SECOND SEASON OF THE RUSSIAN-IRAQI EXPEDITION AT TELL DEHAILA-1 (2021)

Abstract. During the second season of the Iraqi-Russian Multidisciplinary Project at Tell Dehaila-1 in Southern Iraq (Fig. 1: *1*), two soundings were excavated down to the virgin soil, No. 1 on the edge of the latest Eridu River floodplain (Fig. 1: *2*; 3: *1*) and No. 2 in the central part of the city (Fig. 1: *2*; 2). The earliest occupation layer in Sounding 1 reposes on a sterile man-made ballast brought from the river to protect the habitable surface from seasonal flooding (Fig. 3: *1*). In Sounding 2, a monumental system of mudbrick structures was uncovered, including a wall 4 m wide, preserved to a height of 2 m including a 1 m high foundation (Fig. 2). The foundation of this wall was built upon a crevasse splay, a strong argument in favour of this area being the place of the initial building activity at the site. The character of the uncovered structures suggests they were part of the inner walls of the sacred area (temenos) dating to the first half of the 2nd millennium BC. New surface and stratified finds of objects datable to the 1st millennium BCE speak for a later presence at Tell Dehaila as well; however, the late occupation phase within the sounding on the temenos is represented only by a seminomadic camp.

Keywords: Mesopotamian alluvial plain, Old Babylonian period, First Sealand Dynasty, Kassite period, New Babylonian period, deurbanization, Tell Dehaila, Tell Noon group.

REFERENCES

Jankowski-Diakonoff A. I., Calderbank D., Jotheri J., Novikov V. V., 2020. Rezul'taty probnogo sezona rossiysko-irakskoy ekspeditsii na telle Dekhayla-1 [Results of the test season of the Iraqi-Russian expedition at Tell Dehaila-1]. *Vostok (Oriens) [Orient (Oriens)]*, 5, pp. 9–21.

About the authors

Jankowski-Diakonoff Alexey I., Institute of Oriental Manuscripts Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: jankowski-diakonoff@yandex.ru;

Amirov Shahmardan N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: shahmardan@mail.ru;

Menshikov Maxim Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maxim-menshikov@yandex.ru;

Jotheri Jaafar, University of Al-Qadisiyah, Ad Dīwānīyah, Iraq; e-mail: jaafar.jotheri@qu.edu.iq

Н. И. Шишлина, М. Г. Жилин, Д. С. Ковалев

КОСТИ ДИКИХ ПТИЦ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЮГЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ[1]

Резюме. В статье анализируются наборы из костей птиц, происходящих из погребений эпохи бронзы III тыс. до н. э. юга Русской равнины (рис. 1). Орнитологические определения костей позволили отнести их к 9 видам диких птиц – водоплавающих и хищных. Все они относятся к степным видам, гнездование которых проходит по берегам озер и рек. Несмотря на скотоводческую направленность экономики, степное население занималось и охотой. Полученные данные позволили высказать предположение, что охотились и на диких птиц. Некоторые исследователи полагали, что кости птиц из аналогичных захоронений могут отождествляться с антропоморфными фигурами и служили своеобразными идолами. Однако проведенный трасологический анализ костей птиц выявил следы производства и использования, которые позволили выдвинуть гипотезу, что кости птиц были игрушками – свистками или палочками для игр. Расширение источниковой базы позволит уточнить контекст этой обрядовой традиции.

Ключевые слова: эпоха бронзы, степная зоны юга Русской равнины, наборы из костей птиц, орнитологические определения, трасологический анализ.

Введение

Погребальный обряд и инвентарь населения степной зоны Русской равнины эпохи бронзы характеризуется общими традициями и локальными вариациями (*Андреева*, 1989; *Шишлина*, 2007). Разнообразные предметы материальной культуры, кости животных, птиц и рыб отражают те природные ресурсы, которые человек осваивал и использовал в своей повседневной жизни и ритуалах. Хотя остатки птиц в курганах и погребениях гораздо менее многочисленны, чем

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 21-18-00026.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.59-71

остатки млекопитающих, что связано, скорее всего, со значительно меньшей ролью птиц в повседневной жизни древнего человека, тем не менее кости птиц помещали в захоронения, придавая им, вероятно, обрядовый смысл.

Проанализированные ранее органические материалы из могильника Зунда-Толга, расположенного на юге Калмыкии в бассейне р. Восточный Маныч, включали фрагменты скорлупы яиц из насыпи и погребений курганов восточноманычской катакомбной культуры, которые принадлежали утке (подсемейство *Anatinae*), фазановым (*Phasianidae*), чайковым (*Laridae*) или цаплевым (*Ardeidae*) (*Кириллова и др.*, 2000. С. 33–35). Эти данные свидетельствуют, что в ареале катакомбных групп встречались типичные обитатели околоводных мест: приречных травянистых лугов, сухих тростниковых прибрежных, сухих открытых травянистых участков.

Среди погребальных наборов исследователи выделили наборы из костей птиц, подчеркивая их особое значение как своеобразных антропоморфных идолов (*Избицер*, 2004; *Калмыков*, 2012); они полагали, что наборы костей разной длины, часто со срезанными эпифизами и иногда орнаментированные горизонтальными полосками, нанесенными красным или черным пигментом, – это т. н. флейты пана (*Избицер*, 2004). Однако кости птиц не были идентифицированы даже до семейства.

Материалы

Благодаря раскопкам в окрестностях с. Ремонтное Ростовской области в 2021 г. и более ранним полевым работам в отделе археологических памятников Исторического музея собраны кости птиц из шести курганных могильников, расположенных на степных участках Южных Ергеней (Му-Шарет-1, Манджикины-2), Кумо-Манычской впадины (Чограй VIII, Ставрополье; Шахаевский II, Ростовская область; Зунда-Толга, Калмыкия); Сальских степей (Песчаный IV) (табл. 1, рис. 1). Задача данного исследования – анализ археологического контекста находок птичьих костей, их идентификация, проведение трасологического анализа и выявление роли наборов из костей птиц в погребальном обряде культур эпохи бронзы в степной зоне Русской равнины.

Таблица 1. Памятники юга Русской равнины с находками наборов костей птиц

№ п/п	Географическое положение	Могильник	Курган/ погребение
1	Калмыкия, Южные Ергени	Му-Шарет-1	кург. 6, погр. 4
2	« »	Манджикины-2	кург. 11, насыпь
3	Калмыкия, Кумо-Манычская впадина	Зунда-Толга	кург. 3, насыпь
4	Нижний Дон, Кумо-Манычская впадина	Шахаевский II	кург. 3, погр. 7
5	Нижнее Подонье, Сальские степи	Песчаный IV	кург. 19, погр. 2
6	Ставропольский край, Кумо-Манычская впадина	Чограй VIII	кург. 3, погр. 3

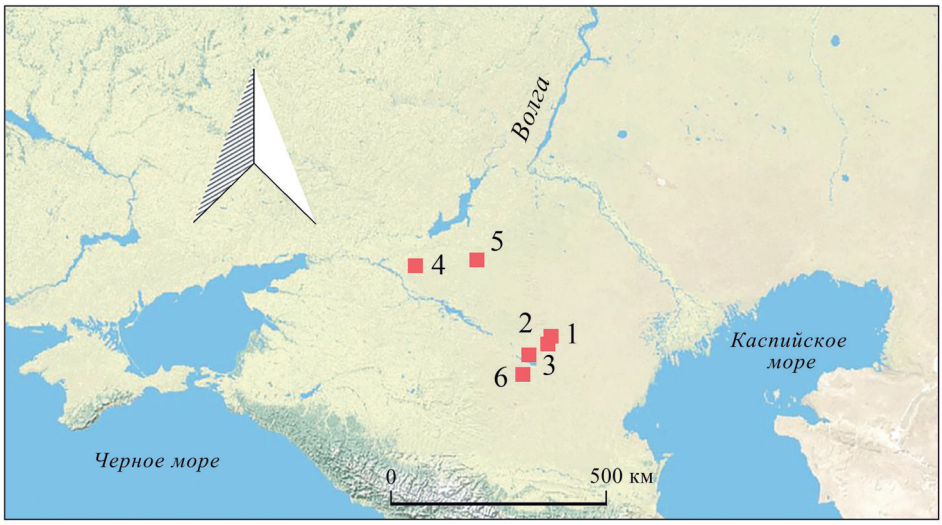


Рис. 1. Погребения с наборами костей птиц

1 – Му-Шарет-1, кург. 6, погр. 6; *2* – Манджикины-2, кург. 11, насыпь; *3* – Зунда-Толга, кург. 3, насыпь; *4* – Шахаевский II, кург. 3, погр. 7; *5* – Песчаный IV, кург. 19, погр. 2; *6* – Чограй VIII, кург. 3, погр. 3

Методы

Определен хронологический интервал и культурная принадлежность захоронений и курганов, откуда взяты кости птиц для анализа. Орнитологическое определение проведено по сравнительно-анатомической эталонной коллекции костей птиц в Палеонтологическом институте РАН[2]. Трасологический анализ костей проведен при помощи бинокулярного микроскопа Carl Zeiss Stemi 2000dc с камерой AxioCamERc5s с увеличением от 6,5 до 70 крат.

Археологический и хронологический контекст

Погребения можно объединить в три хронологические и культурные группы.

Группа 1: ямная культура. Кости птиц найдены в кург. 11 м-ка Манджикины-2. На основании радиоуглеродного датирования образцов основные ямные захоронения этого кургана отнесены к интервалу 2628–2467 гг. до н. э. Кости птиц и фрагменты лепного сосуда располагались на древней дневной поверхности вокруг основного захоронения и на жертвенной площадке в насыпи кургана

[2] Приносим благодарность сотруднику Палеонтологического института РАН Н. В. Зеленкову за орнитологическое определение костей птиц.

Рис. 2. Наборы из костей птиц из погребений эпохи бронзы

1 – Му-Шарет-1, кург. 6, погр. 4: *а, б* – кряква (*Anas platyrhynchos*); *в* – плечевые кости мелкого и крупного орлов (*Aquila* sp.); *2* – Чограй VIII, кург. 3, погр. 3: *а* – левая плечевая кость орла-подорлика *Aquila* sp. (возможно, *A. clanga*); *б* – правая плечевая кость самки ястреба-тетеревятника (*Accipiter gentilis*); *в* – правая плечевая кость стрепета (*Tetrax tetrax*); *3* – Шахаевский II, кург. 3, погр. 7: *а, б* – кости кряквы (*Anas platyrhynchos*); *в* – кость лысухи (пастушковые) (*Fulica atra*); *4* – Песчаный IV, кург. 19, погр. 2: *а* – левая плечевая кость сипа белоголового (*Gyps fulvus*); *б* – фрагмент правой плечевой кости крупной дневной хищной птицы, Accipitridae, возможно, сипа

(*Шишлина*, 2007. С. 69–71), а также в насыпи ямного кург. 3 м-ка Зунда-Толга-2 (Там же. С. 63).

В кург. 3 м-ка Шахаевский II кости птиц найдены в ямном захоронении 7. На дне четырехугольной ямы лежали на спине скорченно два скелета взрослых людей, ориентированные черепами на запад. Между ними находились кости младенца, в области груди которого найдены обломки заполированных трубочек из костей птицы, размерами 4,9; 5,2; 2,1 и 2,2 см (рис. 2: *3*). У колен южного скелета найден сосуд, у головы северного – обломки рогов козла и кусок древесины, а их черепа, стопы ног и колени окрашены красным пигментом (*Федорова-Давыдова*, 1983).

Группа 2: степная северокавказская культура. В парном захоронении м-ка Му-Шарет-1 (кург. 6, погр. 4) два детских скелета 6–8 и 4–5 лет лежали на спине

вытянуто и были ориентированы головой на юг (*Шишлина*, 2007). Их сопровождал богатый погребальный инвентарь: бронзовые и серебряные детали налобных повязок, перламутровые бусы; костяные детали пояса. Среди находок – кости птиц размерами 13,4, 7,8, 6,7 и 7,2 см (рис. 2: *1*). Погребение датировано 2636–2565 гг. до н. э. (GrA-34098, 4065 ± 40 BP).

Группа 3: раннекатакомбная и западноманычская катакомбная культуры. Погребения этой группы датируются 2650–2300 гг. до н. э. Погр. 3, кург. 3 из Чограя VIII относится к раннекатакомбной культуре. В камере Т-катакомбы на дне лежал вытянуто на спине скелет ребенка 9–12 лет, ориентированный головой на юго-восток. Его сопровождал богатый инвентарь: бронзовые детали головного убора – бусины; детали браслета или расшивки рукава – четыре бронзовые подвески в виде перевитого стержня; у локтя лежали костяные молоточковидная булавка, четыре округлых бляхи и фрагмент раковины; рядом с черепом – глиняная модель повозки, внутри которой располагалась глиняная модель люльки и три кости птиц размерами 15,3, 8,5 и 8,4 см (рис. 2: *2*) (*Андреева*, 1984. С. 202–205).

В погр. 2 западноманычской катакомбной культуры из кург. 19 курганной группы Песчаный IV на дне погребальной камеры лежал скорчено на правом боку скелет подростка 5–9 лет, ориентированный черепом на юг. Под деформированным черепом были обнаружены бронзовые шнуровые подвески – детали головного убора. Погребальный инвентарь включал жаровню из крупной глиняной корчаги, два миниатюрных глиняных сосудика и модель люльки. У восточной стенки погребальной камеры располагались птичьи кости размерами 17,7, 8,8 и 4,1 см (рис. 2: *4*).

Таким образом, наборы из костей птиц входили в состав погребального инвентаря и жертвенников нескольких археологических культур бронзового века III тыс. до н. э. Рассмотрим таксономический состав птичьих остатков.

Орнитологический контекст

Все исследованные кости птиц плечевые, принадлежали взрослым особям (рис. 2) и относятся к 9 таксонам.

Ямная культура. В насыпи ямного кург. 11 м-ка Манджикины-2 найдены кости стрепета (*Tetrax tetrax*) и пеганки (*Tadorna tadorna*); вокруг основной могилы также лежали кости стрепета (*T. tetrax*). Кости дрофы (*Otis tarda*) обнаружены в насыпи ямного кург. 3 м-ка Зунда-Толга-2. У костей кряквы (*Anas platyrhynchos*) (рис. 2: *3а, б*) и плечевой левой кости лысухи (пастушковые) (*Fulica atra*) (рис. 2: *3в*) из погр. 7 кургана 3 м-ка Шахаевский II удалены эпифизы.

Степная северокавказская культура. В детское захоронение 4 кург. 6 м-ка Му-Шарет-1 положили кости утки – предположительно, кряквы (*Anas platyrhynchos*) (рис. 2: *1а, б*); там же лежали плечевые кости: правая – мелкого орла (*Aquila* sp.) и левая – крупного орла (*Aquila* sp.) (рис. 2: *1в*).

Раннекатакомбная и западноманычская катакомбные культуры. В м-ке Чограй VIII (кург. 3, погр. 3) найдена левая плечевая кость орла-подорлика *Aquila* sp. (возможно, *A. clanga*) (рис. 2: *2а*) – семейство ястребиные, отряд

Ястребообразные; правая плечевая кость самки ястреба-тетеревятника (*Accipiter gentilis*) (рис. 2: *2б*); а также правая плечевая кость стрепета (*Tetrax tetrax*), отряд Дрофообразные (рис. 2: *2в*).

В погр. 2 кургана 19 м-ка Песчаный IV найдены левая плечевая кость сипа – предположительно, сипа белоголового (*Gyps fulvus*) (рис. 2: *4а*); два фрагмента левой плечевой кости, фрагмент правой плечевой кости крупной дневной хищной птицы, Accipitridae, возможно – сипа (рис. 2: *4б*); несколько десятков мелких фрагментов диафиза трубчатых костей, вероятно, от тех же экземпляров.

Результаты трасологического анализа

На костях сипа из захоронения могильника Песчаный IV не прослежено никаких следов обработки. На костях птиц из других захоронений обнаружены следы обработки и использования.

Ямная культура. На костях кряквы сохранились следы обработки: эпифиз на одном конце обломан, на другом – преднамеренно удален, один конец диафиза тщательно выровнен на мелкозернистой абразивной плитке (рис. 3: *2*). Поверхность диафиза частично выровнена тонким продольным скоблением (рис. 3: *4*), после чего тщательно полирована в продольном и поперечном направлениях при помощи мягкого абразива (кожа, растительный материал) до зеркального блеска (рис. 3: *4, 5*), на фоне заполировки видны многочисленные тонкие хаотично расположенные царапины (рис. 3: *4, 5*) – следы от рук в процессе длительного использования. Эпифизы другой кости обломаны: один частично сохранился, у слома два коротких надпила (один сквозной – рис. 3: *2*), оставшиеся от соскакивания лезвия пилки при разметке кости перед удалением эпифиза. Поверхность диафиза полирована продольно и поперечно мягким материалом до зеркального блеска. На изделиях фиксируются следы длительного интенсивного износа, аналогичные описанным выше.

Степная северокавказская культура. Кости кряквы и орла явно обработаны: часть эпифизов целая, другие обломаны; на отдельных участках – следы продольного и косого скобления, остальная поверхность эродирована; фиксируются также следы обработки и износа, аналогичные описанным выше.

Раннекатакомбная культура. Один эпифиз костей стрепета и подорлика сохранен, другой, вероятно, отпилен, срез тщательно выровнен на мелкозернистом абразиве. Поверхность диафиза и выступы сохраненного эпифиза тщательно отполированы продольно и поперечно мягким материалом до зеркального блеска. На поверхности видны многочисленные хаотические линейные следы на фоне яркой заполировки от длительного использования. Поверхность диафиза кости ястреба-тетервятника перед полировкой с одной стороны выровнена наискось на мелкозернистом абразиве (рис. 3: *3*). На конце диафиза близ удаленного эпифиза видны две поперечные темные полосы, распадающиеся на тонкие параллельные полоски (рис. 3: *6*) – следы обмотки.

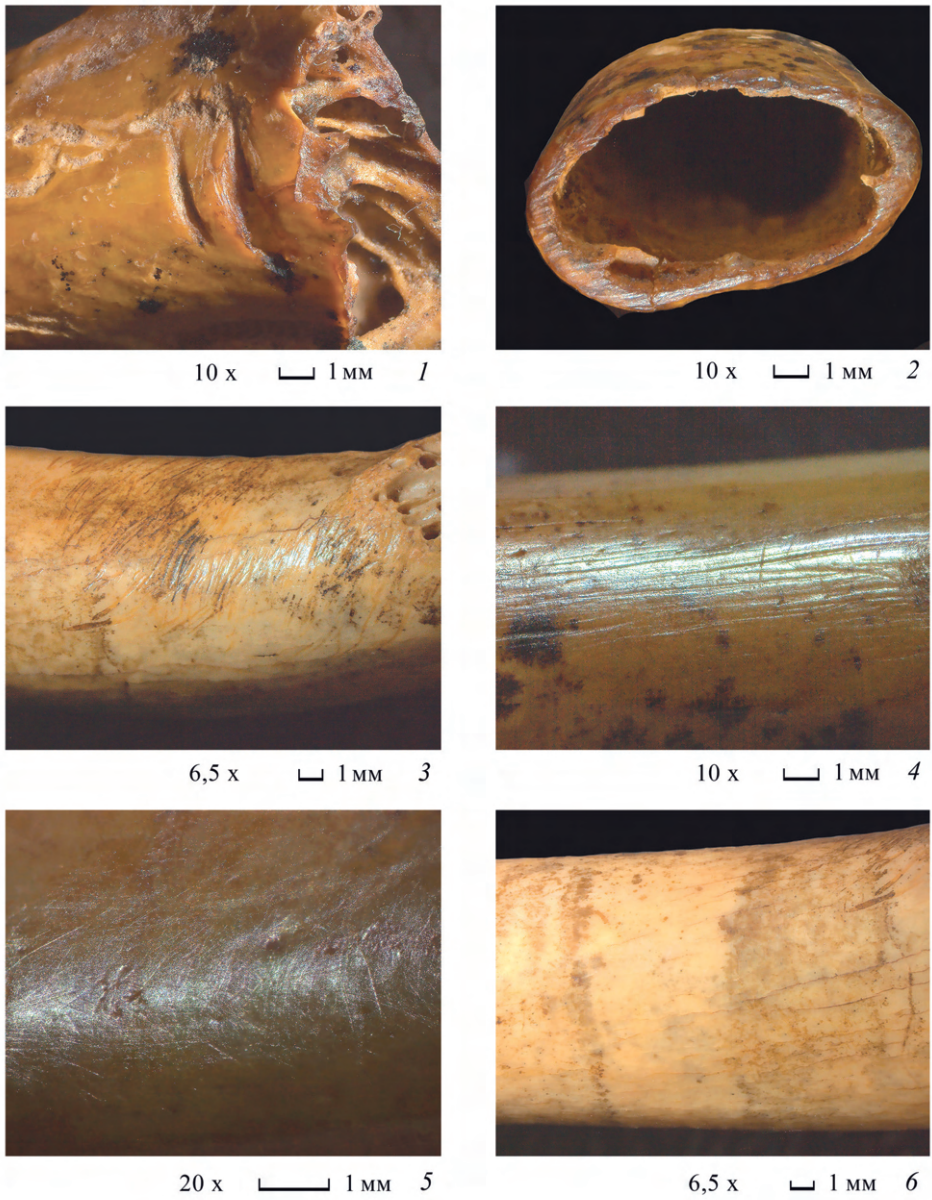


Рис. 3. Следы обработки на поверхности костей птиц (фото)

1 – Шахаевский II, кург. 3, погр. 7; *2, 4, 5* – Му-Шарет-1, кург. 6, погр. 4; *3, 6* – Чограй VIII, кург. 3, погр. 3

Увеличение: *1, 2, 4* – 10х; *3, 6* – 6,5х; *5* – 20х

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют обсудить тип естественных степных ландшафтов эпохи бронзы юга России, методы обработки кости, а также некоторые аспекты ритуальной жизни отдельных групп ямной, степной северокавказской, раннекатакомбной и западноманычской катакомбной культур в степной зоне юга Русской равнины, на территории Южных и Средних Ергеней и Кумо-Манычской впадины.

Степная зона характеризуется разнообразием природных ресурсов, среди которых особое место занимают птицы. Они являются самой богатой по видовому составу группой позвоночных. В настоящее время только на территории степного заповедника «Ростовский» на юге Ростовской области известно 240 видов птиц (*Миноранский, Чекин*, 2003). Через Кумо-Манычскую впадину проходят крупнейшие в Евразии миграционные пути птиц. Водные резервуары этого региона являются остановками мигрирующих гусеобразных и околоводных птиц (*Савицкий*, 2018).

Среди птиц, кости которых обнаружены в захоронениях III тыс. до н. э., можно выделить водоплавающих и хищных. К водоплавающим птицам относятся пеганка, кряква и лысуха.

Пеганка (*Tadorna tadorna*) – водоплавающая птица семейства утиных, весом до 1,5 кг. Она гнездится на берегах соленых или солоноватоводных водоемов, совершает сезонные миграции.

Кряква (*Anas platyrhynchos*) – самая распространенная в северном полушарии водоплавающая птица из семейства утиных отряда гусеобразных, весом до 1–1,5 кг. В зоне пустынь встречается в заболоченных местностях (Птицы Советского Союза…, 1952), является обычным пролетным и гнездящимся видом (*Савицкий*, 2018).

Лысуха (*Fulica atra*) – водоплавающая птица семейства пастушковые, весом до 1 кг. Ее ареал захватывает всю Евразию; является обычным пролетным и гнездящимся видом, в теплые зимы может остаться на зимовку (Там же).

К хищным птицам относятся дрофа, стрепет, орел, ястреб, сип.

Стрепет (*Tetrax tetrax*) – птица из семейства дрофиных весом до 900 г. (Там же). Она обитает на открытых пространствах целинных степей. Ведет одиночный образ жизни, собираясь в большие стаи только для перелетов на зимовку.

Дрофа, или дудак (*Otis tarda*) – крупная птица семейства дрофиных, обитатель открытых пространств степных и полупустынных районов Евразии (Там же). Вес самок достигает 8, а самцов – 16 кг. В южной части ареала обычно оседают; могут быть частично перелетными (*Черников*, 1881).

Орел (*Aquila* sp.) – представитель хищных птиц семейства ястребиных. В Евразии распространены от лесотундры до пустынь. Группа включает несколько видов, отличающихся размерами, внешним видом и поведением.

Ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*) – представитель рода ястребов семейства ястребиных. В Евразии распространен широко, преимущественно в горных и лесных территориях.

Сип (*Gyps* cf. *fulvus*) – гриф из отряда Соколообразных. В Европе сипы распространены на юге, преимущественно в горных районах и засушливых степях.

В России в настоящее время гнездится на северных склонах Большого Кавказа, а также в полупустыне и пустыне. В гнездовой период птицы оседлы. В данном регионе наиболее вероятно обитание *Gyps* cf. *fulvus* – сипа белоголового.

Таким образом, все птицы, кости которых обнаружены в погребениях III тыс. до н. э., относятся к степным видам, которые гнездуются у берегов озер и рек; полынно-злаковая растительность и тростниковые заросли являются благоприятной средой их обитания.

Кумо-Манычская впадина и располагающееся на ее территории озеро Маныч-Гудило – крупнейший регион: к северу и северо-востоку от озера расположены бассейн р. Сал и отроги Южных Ергеней. Даже небольшая проанализированная выборка продемонстрировала, что в погребениях использовали кости разных птиц. Можно предположить, что на водоплавающих птиц охотились и употребляли в пищу их мясо. Степные жители бронзового века охотились и на хищных птиц. Использовали ли их (например, ястребов) для охоты на мелких степных млекопитающих (зайца, лисицы, суслика), неизвестно. Однако отметим, что ястребиная и соколиная охота была широко распространена в степных регионах в эпоху средневековья (*Дементьев*, 2004).

Кости птиц в степной зоне юга Русской равнины использовали и для многочисленных костяных поделок, в первую очередь – пронизей, мастерами культур бронзового века (*Синицын*, 1978).

Четыре погребения детей возрастом до 8–12 лет ямной, степной северокавказской и катакомбной культур характеризуются присутствием наборов из костей диких водоплавающих и хищных птиц. Эти захоронения сопровождались богатым погребальным инвентарем (А*ндреева*, 1984; *Федорова-Давыдова*, 1983), включающим детали одежды (головные уборы/налобные повязки с многочисленными бронзовыми и костяными украшениями, пояса с бляхами), глиняные сосуды и жаровни, костяную молоточковидную булавку, а в двух случаях – особый тип глиняного изделия – модель люльки (рис. 4).

Эти комплексы входят в группу детских погребений с наборами птичьих костей эпохи бронзы. Самый ранний комплекс (Шахаевский II) относится к ямной культуре. Позже эта традиция становится характерной для детских погребений северокавказской культуры и комплексов раннекатакомбного горизонта Нижнего Подонья (*Избицер*, 2004) и северокавказских Закубанья и Прикубанья (Там же).

Для двух захоронений с люльками можно указать широкий круг аналогий в раннекатакомбных захоронениях с богатым погребальным инвентарем, включающим бронзовые булавки, бляхи, височные кольца, но также и наборы из костей птиц (*Калмыков*, 2012). В степной зоне Центрального Предкавказья в катакомбных захоронениях детей примерно 8–10/13 лет с глиняными моделями люлек найдены наборы из крупных и мелких костей птиц (от одной до 9). Они располагались в углу камеры, внутри люлек (от одной до трех). Все кости, которые лежали внутри люлек или моделей повозок, кроме одной обработаны: они заполированы, дистальные и проксимальные эпифизы убраны (Там же).

Исследователи выдвинули гипотезу, согласно которой, кости птиц отождествляли с антропоморфными фигурами-идолами (*Избицер*, 2004). В захоронениях могильника Новый на Нижнем Дону кости птиц сопровождались миниатюрными бронзовыми пронизями и бисером (*Ильюков*, 1993; *Калмыков*, 2012).

Рис. 4. Модели люлек из погребений эпохи бронзы с наборами из костей птиц

1 – Песчаный IV, кург. 19, погр. 2; *2* – Чограй VIII, кург. 3, погр. 3

Трасологический анализ представленных материалов показал, что обработка и износ изделий из костей птиц из разных погребений, в целом, одинаковы. Отмечен интенсивный износ от рук, но отсутствуют следы использования в качестве орудий. Мы полагаем, что такие предметы могли употреблять как свистки (гудки, манки и т. п.) или палочки для игры (типа игры в бирюльки?) (*Марголис*, 2011). Они найдены в детских погребениях вместе с инвентарем, который можно отнести к категории «игрушки».

Заключение

Полученные результаты конкретизируют данные о видовом составе степной орнитофауны эпохи бронзы. Все 9 видов птиц входят в типичный орнитокомплекс степных регионов юга России (*Савицкий*, 2018).

Группы степных культур (ямной, северокавказской, катакомбной и др.) развивали пастушеское направление экономики, однако занимались и охотой на кулана, сайгу, лисицу (*Шишлина*, 2007). Новые результаты позволяют включить

в объекты охоты водоплавающих и хищных птиц. Возможно, охота была сезонной. Кости использовали как сырье для поделок. С начала III тыс. до н. э. в детских погребениях разных культур появляются наборы костей диких водоплавающих и хищных птиц. В таких захоронениях погребены дети возрастом примерно от 8 до 10–12 лет.

Что означал этот компонент в богатом погребальном инвентаре, неясно. Некоторые полагают, что этот обряд пришел в степь из погребальной традиции северокавказской культуры, где кости птиц приобретают статус некого антропоморфного божества, часто найденного вместе с глиняными моделями-люльками (*Избицер*, 2004).

Традиция помещать наборы костей диких птиц в детские захоронения переходит и в обрядность последующих катакомбных культур: раннекатакомбной, восточноманычской и западноманычской, причем сохраняется важный признак такого обряда: кости сопровождают по-прежнему только погребения детей от 6/8 до 10/12 лет.

Результаты трасологического анализа показали, что кости водоплавающих и хищных птиц могли быть тщательно обработаны и интенсивно использовались, но не в качестве каких-либо орудий. Часть костей, например, из Песчаного IV, вообще не обработаны. Мы полагаем, что их можно отнести к категориям игрушек – типа свистков или палочек для игр.

Расширение источниковой базы позволит уточнить контекст этой обрядовой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева М. В., 1984. Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени // СА. № 3. С. 201–205.

Андреева М. В., 1989. Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) / Древности Ставрополья / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: Наука. С. 24–124.

Дементьев Г. П., 2004. Охота с ловчими птицами. СПб.: Эра. 128 с.

Избицер Е. В., 2004. Модели «повозок», «флейты Пана» и северокавказская культура / Археолог: детектив и мыслитель: сб. ст., посвящ. 77-летию Л. С. Клейна / Отв. ред.: Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалев, О. А. Щеглова. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т. С. 409–421.

Ильюков Л. С., 1993. Археологические исследования на правобережье р. Сал в 1991 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып. 11 / Отв. ред. А. А. Горбенко, В. Е. Максименко. Азов: Азовский краевед. музей. С. 19–22.

Калмыков А. А., 2012. Глиняные модели из погребений эпохи средней бронзы Егорлык-Калаусского междуречья / Проблемы археологии Кавказа / Отв. ред.: Р. М. Мунчаев, С. Н. Кореневский. М.: Таус. С. 82–113.

Кириллова И. В., Гольева А. А., Клевезаль Г. А., Михайлов К. Е., Трунова Ю. Е., Шишлина Н. И., 2000. Комплексный метод определения сезона совершения погребений / Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке / Отв. ред. Н. И. Шишлина. М.: ГИМ. С. 30–41. (Труды ГИМ; вып. 120.)

Марголис А., 2011. Бирюльки: Самовар на кончике пальца / Отечество: История. Культура. Путешествия. № 4. С. 28–31.

Миноранский В. А., Чекин А. В., 2003. Государственный степной заповедник «Ростовский». Ростов-на-Дону: ЦВВР. 78 с.

Птицы Советского Союза. Т. 4 / Отв. ред.: Г. П. Дементьев, Н. А. Гладков. М.: Советская наука, 1952. 647 с.

Савицкий Р. М., 2018. Современное состояние популяций птиц долины озера Маныч-Гудило и прилегающих территорий / Труды Южного научного центра РАН. Т. 7. Ростов-на-Дону. С. 192–227.

Синицын И. В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1. Саратов: Саратовское кн. изд-во. 129 с.

Федорова-Давыдова Э. А., 1983. Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче // Древности Дона / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука. С. 35–72.

Черников Н. К., 1881. Очерки ружейной охоты на Задонских степях и по рекам Салу и Манычу // Природа и охота. Т. 2. С. 22–35.

Шишлина Н. И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V – III тысячелетия до н. э.). М.: ГИМ. 400 с. (Тр. ГИМ; вып. 165.)

Сведения об авторах

Шишлина Наталья Ивановна, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: nshishlina@mail.ru;

Жилин Михаил Геннадиевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru;

Ковалев Денис Сергеевич, ООО ГеоКорд, ул. 2-я Рощинская, 4, Москва, 115191, Россия; e-mail: prudon@yandex.ru

N. I. Shishlina, M. G. Zhilin, D. S. Kovalev

BONES OF WILD BIRDS IN THE CULTURE OF THE BRONZE AGE POPULATION IN THE SOUTH OF THE RUSSIAN PLAIN

Abstract. The paper analyzes sets of bird bones retrieved from the Bronze Age burials dating to III mill. BC in the South of the Russian Plain (Fig. 1). Based on identification of bird bones to species, all bones were referred to nine species of wild birds, both waterfowl and birds of prey. All these birds are steppe bird species which nest in lacustrine and riverine locations. While the economy of the steppe population was primarily herding, steppe people also practiced hunting. The data obtained suggest that they hunted wild birds. Some scholars believed that bird bones from such burials can be identified with anthropomorphic figurines and that they served as idols. However, traceware analysis of the bird bones revealed traces of production and use. This helped put forward a hypothesis to the effect that the bird bones were toys, for example, whistles or sticks for playing. A more expanded dataset will provide an opportunity to clarify the context of this ritual tradition.

Keywords: Bronze Age, steppe belt in the South of the Russian plain, sets of bird bones, identification of bird bones to species, traceware analysis.

REFERENCES

Andreeva M. V., 1984. Glinyanaya model' povozki iz pogrebeniya katakombnogo vremeni [Clay model of a cart from the burial of catacomb time]. *SA*, 3, pp. 201–205.

Andreeva M. V., 1989. Kurgany u Chograyskogo vodokhranilishcha (materialy raskopok ekspeditsii 1979 g.) [Kurgans near the Chogray reservoir (materials of 1979 expedition's excavations)].

Drevnosti Stavropol'ya [Antiquities of Stavropol region]. R. M. Munchaev, ed. Moscow: Nauka, pp. 24–124.

Chernikov N. K., 1881. Ocherki ruzheynoy okhoty na Zadonskikh stepyakh i po rekam Salu i Manychu [Essays on rifle hunting in Zadonsk steppes and along the Sal and Manych rivers]. *Priroda i okhota [Nature and hunting]*, 2, pp. 22–35.

Dement'ev G. P., 2004. Okhota s lovchimi ptitsami [Hunting with hunting birds]. St. Petersburg: Era. 128 p.

Fedorova-Davydova E. A., 1983. Raskopki kurgannoy gruppy Shakhaevskaya II na r. Manyche [Excavations of Shahaevskaya II kurgan group on Manych river]. Drevnosti Dona *[Antiquities of the Don]*. Yu. A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 35–72.

Il'yukov L. S., 1993. Arkheologicheskie issledovaniya na pravoberezh'e r. Sal v 1991 g. [Archaeological research on right bank of Sal river in 1991]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1991 godu [Historical and archaeological research in Azov and on Lower Don in 1991], 11*. A. A. Gorbenko, V. E. Maksimenko, eds. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 19–22.

Izbitser E. V., 2004. Modeli «povozok», «fleyty Pana» i severokavkazskaya kul'tura [Models of «wagons», «Pan's flutes» and North Caucasian culture]. *Arkheolog: detektiv i myslitel' [Archaeologist: detective and thinker]*. L. B. Vishnyatskiy, A. A. Kovalev, O. A. Shcheglova, eds. St.Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 409–421.

Kalmykov A. A., 2012. Glinyanye modeli iz pogrebeniy epokhi sredney bronzy Egorlyk-Kalausskogo mezhdurech'ya [Clay models from Middle Bronze Age burials from Egorlyk-Kalaus interfluve]. *Problemy arkheologii Kavkaza [Problems of archeology of the Caucasus]*. R. M. Munchaev, S. N. Korenevskiy, eds. Moscow: Taus, pp. 82–113.

Kirillova I. V., Gol'eva A. A., Klevezal' G. A., Mikhaylov K. E., Trunova Yu. E., Shishlina N. I., 2000. Kompleksnyy metod opredeleniya sezona soversheniya pogrebeniy [A comprehensive method for determining the burial season]. *Sezonnyy ekonomicheskiy tsikl naseleniya Severo-Zapadnogo Prikaspiya v bronzovom veke [Seasonal economic cycle of the population of North-Western Caspian Region in the Bronze Age]*. N. I. Shishlina, ed. Moscow: GIM, pp. 30–41. (Trudy GIM, 120.)

Margolis A., 2011. Biryul'ki: Samovar na konchike pal'tsa [Biryulki: A samovar at the tip of your finger]. *Otechestvo: Istoriya. Kul'tura. Puteshestviya [Fatherland: History. Culture. Journeys]*, 4, pp. 28–31.

Minoranskiy V. A., Chekin A. V., 2003. Gosudarstvennyy stepnoy zapovednik «Rostovskiy» [State steppe reserve «Rostovskiy»]. Rostov-na-Donu: TsVVR. 78 p.

Ptitsy Sovetskogo Soyuza [Birds of the Soviet Union], 4. G. P. Dement'ev, N. A. Gladkov, eds. Moscow: Sovetskaya nauka, 1952. 647 p.

Savitskiy R. M., 2018. Sovremennoe sostoyanie populyatsiy ptits doliny ozera Manych-Gudilo i prilegayushchikh territoriy [Current state of bird populations in the valley of Lake Manych-Gudilo and adjacent territories]. *Trudy Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN [Proceedings of Southern Scientific Center of RAS]*, 7. Rostov-na-Donu, pp. 192–227.

Shishlina N. I., 2007. Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tysyacheletiya do n. e.) [North-Western Caspian region in Bronze Age (V–III millennia BC)]. Moscow: GIM. 400 p. (Trudy GIM, 165.)

Sinitsyn I. V., 1978. Drevnie pamyatniki Vostochnogo Manycha [Ancient sites of Eastern Manych], 1. Saratov: Saratovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 130 p.

About the authors

Shishlina Natal'ya I., The State History Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: nshishlina@mail.ru;

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru;

Kovalev Denis S., OOO GeoKord, ul. 2-ya Roshhinskaya, 4, Moscow, 115191, Russian Federation; e-mail: prudon@yandex.ru

А. Л. Пелих, А. Ю. Скаков

ПРЕДМЕТЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И НАЧАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ МУЗЕЕВ ЛАБИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Резюме. В статье рассматриваются предметы конца эпохи бронзы – начала эпохи раннего железа из музеев Лабинского района Краснодарского края. Топор из ст. Бесленеевской имеет сходство как с топорами верхнекубанского типа, варианта А, характерными для прикубанского очага металлургии и металлообработки конца эпохи бронзы, так и с секирами, известными в протомеотской группе памятников начала эпохи раннего железа. Коленчатый серп из г. Лабинска типичен для прикубанского очага металлургии и металлообработки и относится к его поздним хронологическим группам – удобненской и бекешевской. Орнаментированный топор с дважды изогнутым корпусом датируется в пределах IX или IX–VIII вв. до н. э. и связан своим происхождением с центральнокавказским локальным центром кобано-колхидского графического стиля.

Ключевые слова: прикубанский очаг металлургии и металлообработки, эпоха поздней бронзы, кобано-колхидские топоры.

Цель настоящей статьи – публикация металлических предметов конца эпохи бронзы – начала эпохи раннего железа, хранящихся в музейных собраниях в Лабинском районе Краснодарского края[1].

В Лабинском музее истории и краеведения им. Ф. И. Моисеенко (г. Лабинск Краснодарского края)[2] хранятся два предмета этого времени – топор и серп, при

[1] Благодарим директора Лабинского музея истории и краеведения В. А. Бережную за возможность комфортной работы с материалами, хранящимися в фондах музея, и неоценимую помощь в ознакомлении с предметами из краеведческой комнаты Вознесенской детской библиотеки.

[2] Официальное название: Муниципальное бюджетное учреждение культуры Лабинского городского поселения Лабинского района «Музей истории и краеведения им. Ф. И. Моисеенко» (МБУК ЛМИК).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.72-84

этом топор неоднократно был представлен в публикациях (*Шабардин*, 1996; *Пелих*, 2003б. С. 68, 69. Рис. 4: *3*; *Сазонов*, 2006. С. 38. Рис. 5: *2*; *Эрлих*, 2007. С. 110. Рис. 165: *2*). Одна из целей настоящей работы – более полная и точная характеристика этого, казалось бы, уже хорошо известного топора.

Топор из ст. Бесленеевской[3], расположенной на р. Ходзь (левый приток р. Лабы), был передан в музей жителем этой станицы. Топор бронзовый, литой (рис. 1). На поверхности топора видны мелкие воздушные раковины как свидетельство не очень качественного литья. Спинка прямая. Длина – 14,7 см. Ширина слабо закругленного лезвия 6,2 см. Обух заканчивается пяткой высотой 1,3 см и длиной 2 см, с плоской ударной поверхностью. На боковых гранях обуха – три рельефных продольных ребра-валика. Проушное отверстие – подовальной формы (4,5 × 3,5 см). При этом складывается впечатление, что проух топора расширялся механически изнутри, что и привело к изменению его формы с изначально овальной на подовальную. Лезвие топора – со следами использования: режущая кромка с вмятинами, на боковых гранях лезвия – царапины и несколько довольно глубоких борозд. Вес топора – 395,7 грамма. На поверхности частично сохранилась стертая зеленая патина.

Топор из Бесленеевской мы относим к первому варианту топоров-секир, по А. Л. Пелиху, – бронзовые проушные топоры с прямой спинкой, относительно узким лезвием, прямой пяткой (*Пелих*, 2003б. С. 68). Этот топор можно также отнести к типу 1 по В. Р. Эрлиху – к топорам, имеющим почти прямую верхнюю грань-спинку, желобчатую втулку, овальный обушок расположен близко к проушине и практически не имеет никакого выделенного перехода (*Эрлих*, 2007. С. 110). Можно заметить, что основания для выделения этого особого варианта/типа у обоих авторов, в целом, близки. Отметим, правда, что здесь мы имеем дело скорее не с желобчатой втулкой, а со втулкой с продольными ребрами.

Топор из ст. Бесленеевской наиболее близок топорику-секире из покупки 1906 г., обозначенной как происходящая из Майкопского округа (*Иессен*, 1951. С. 95, 105, 106. Рис. 41), и секире, найденной в с. Эшера близ Сухума (Там же. С. 101, 105, 106. Рис. 42: *1*). А. А. Сазонов даже предположил, что топор из Бесленеевской – прямой прототип топоров из Майкопа и Эшеры (*Сазонов*, 2006. С. 42). Такая схема развития возможна, но не менее возможно и их параллельное существование.

При этом видна связь секир данного типа с топорами варианта А верхнекубанского типа, характерными для прикубанского очага металлургии и металлообработки конца эпохи бронзы (далее – ПОММ) (*Пелих*, 2003б. С. 68; *Эрлих*, 2007. С. 110). Это топоры с «легким» прямым туловом и обухом с выделенной пяткой, с узким слабой округлости лезвием, овальной проушиной, с продольными ребрами на боковых гранях втулки (*Пелих*, 2003б. С. 62). Такие топоры, известные из Агурского (*Иессен*, 1951. С. 90. Рис. 18: *1*), Боргустанского (*Иессен*, 1951. С. 91. Рис. 20: *4*; *Козенкова*, 1995. Табл. XVIII: *2*), Упорненского (*Аптекарев, Козенкова*, 1986. Рис. 1: *7*) кладов, из покупки из с. Карт-Джюрт (*Иессен*, 1951. С. 90. Рис. 17), из Учкулана (Там же. С. 89. Рис. 15), в целом датируются

[3] Фонды Лабинского музея истории и краеведения, № ЛМ 852 А 400.

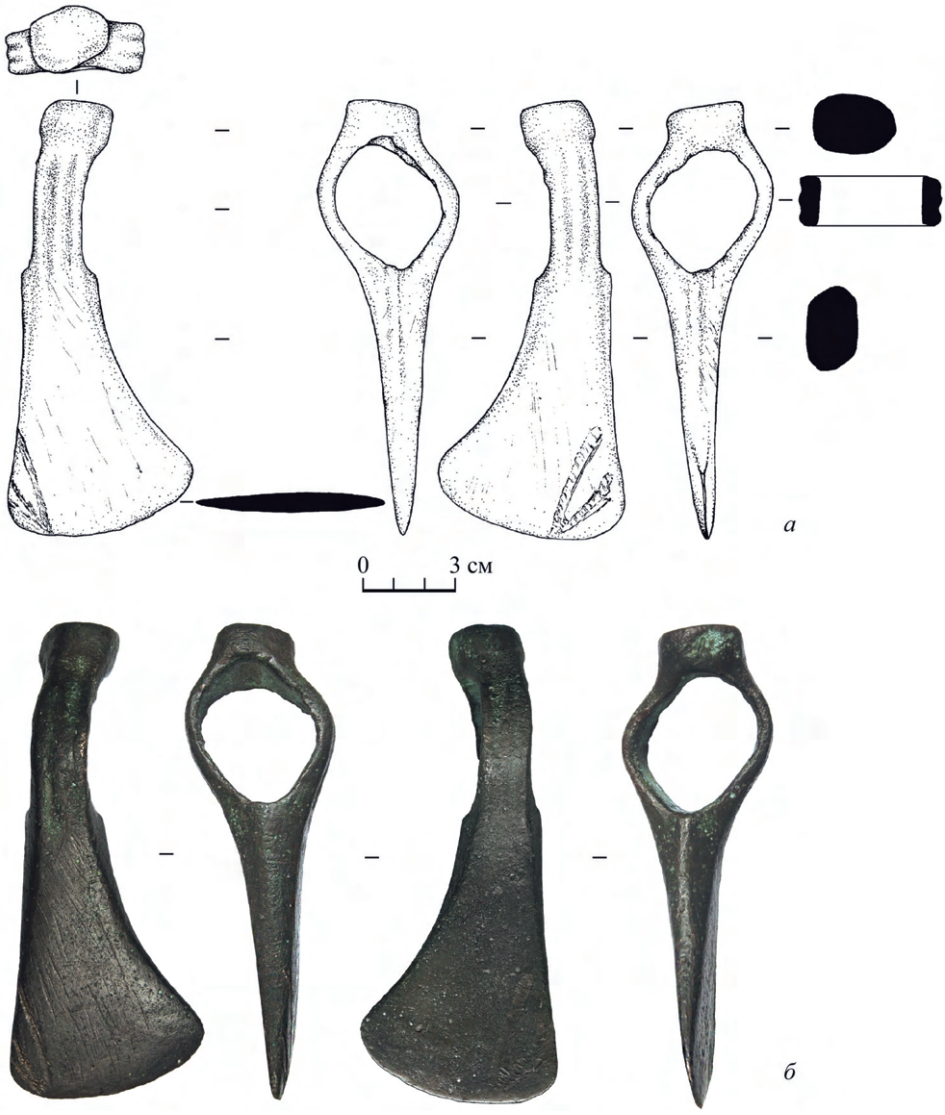


Рис. 1. Топор из ст. Бесленеевской

белозерским временем по степной восточноевропейской шкале, что соответствует бекешевскому (включающему и памятники ольгенфельдской группы) этапу ПОММ (*Бочкарев, Пелих*, 2019. С. 179). В абсолютных датах – это в основном XII–X вв. до н. э. (*Бочкарев, Пелих*, 2008. С. 66).

С верхнекубанскими топорами варианта А лабинскую секиру связывают обух с выделенной пяткой, ребристое оформление втулки, прямой со стороны спинки корпус и слабой округлости лезвие.

Важно сочетание таких двух особенностей морфологии рассматриваемой секиры как прямой со стороны спинки корпус и лезвие слабой округлости (*Пелих*, 2003б. С. 62). Это сочетание характерно для верхнекубанских топоров эпохи финала бронзы, есть на протомеотских секирах начала раннего железа, но не характерно для изделий кобанской общности, где мы видим либо сильную округлость лезвия (которое при этом может расширяться как с стороны брюшка, так и, менее значительно, со стороны спинки), либо изогнутый корпус, либо сочетание этих признаков.

Топор из Бесленеевской нельзя далеко отрывать от секир 2 типа, по В. Р. Эрлиху. Так, с секирой из ст. Каменномостской (*Иессен*, 1951. С. 95, 106. Рис. 42: *2*) его сближают форма лезвия и рельефные продольные ребра на боковых гранях обуха. А с топориком из ст. Шапсугской (*Пьянков, Пономарев*, 1998. С. 15–18. Рис. 1) – прямая спинка и форма лезвия.

Секиры типа 2 вполне определенно связываются с протомеотской группой памятников (*Эрлих*, 2007. С. 110, 111), начало существования которой датируется временем не позднее перв. пол.VIII в. до н. э., с возможностью понижения этой даты до IX в. до н. э. (Там же. С. 187).

В пределах обозначенных выше культурных горизонтов и дат и следует трактовать топор из ст. Бесленеевской.

Также в Лабинском музее хранится бронзовый серп – случайная находка при выработке карьера в восточной части г. Лабинска (рис. 2). Он был принят на хранение согласно Акту приема № 7 от 26.10.2001 г. Конец лезвия обломан находчиками. Коленчатый. Максимальная длина лезвийной части – 19,3 см, хорда лезвия – 15,6 см, ширина лезвия – до 4 см, толщина лезвия – 2,8 мм, высота дуги изгиба спинки – 11,2 см. Соотношение длины лезвийной части к высоте дуги – 1,72. Вес (с обломком) – 150 граммов. Отлит в односторонней форме. Литье режущей кромки – под левую руку. Сечение лезвия линзовидное. Литник обрублен. Серп прокован, режущая часть не заострена. Штырь рукояти сформирован сильной поперечной сковкой, загнут, конец заострен. Поверхность покрыта (кроме мест механических современных повреждений) зеленой патиной.

Серпы, подобные лабинскому, неоднократно были предметом рассмотрения исследователей. А. А. Иессен определил их как категорию инвентаря, характерную для выделенного им прикубанского очага металлургии и металлообработки конца эпохи бронзы (*Иессен*, 1951. С. 108–111). Лабинский серп относится к первой группе серпов, по А. А. Иессену, – серпы с перегибом спинки к рукоятке почти под прямым углом. Этот основной признак – резкий перегиб спинки, иногда почти под прямым углом, при переходе от лезвийной части к рукояти – позволяет обозначить подобные серпы как коленчатые (*Пелих*, 2003а. С. 12, 13).

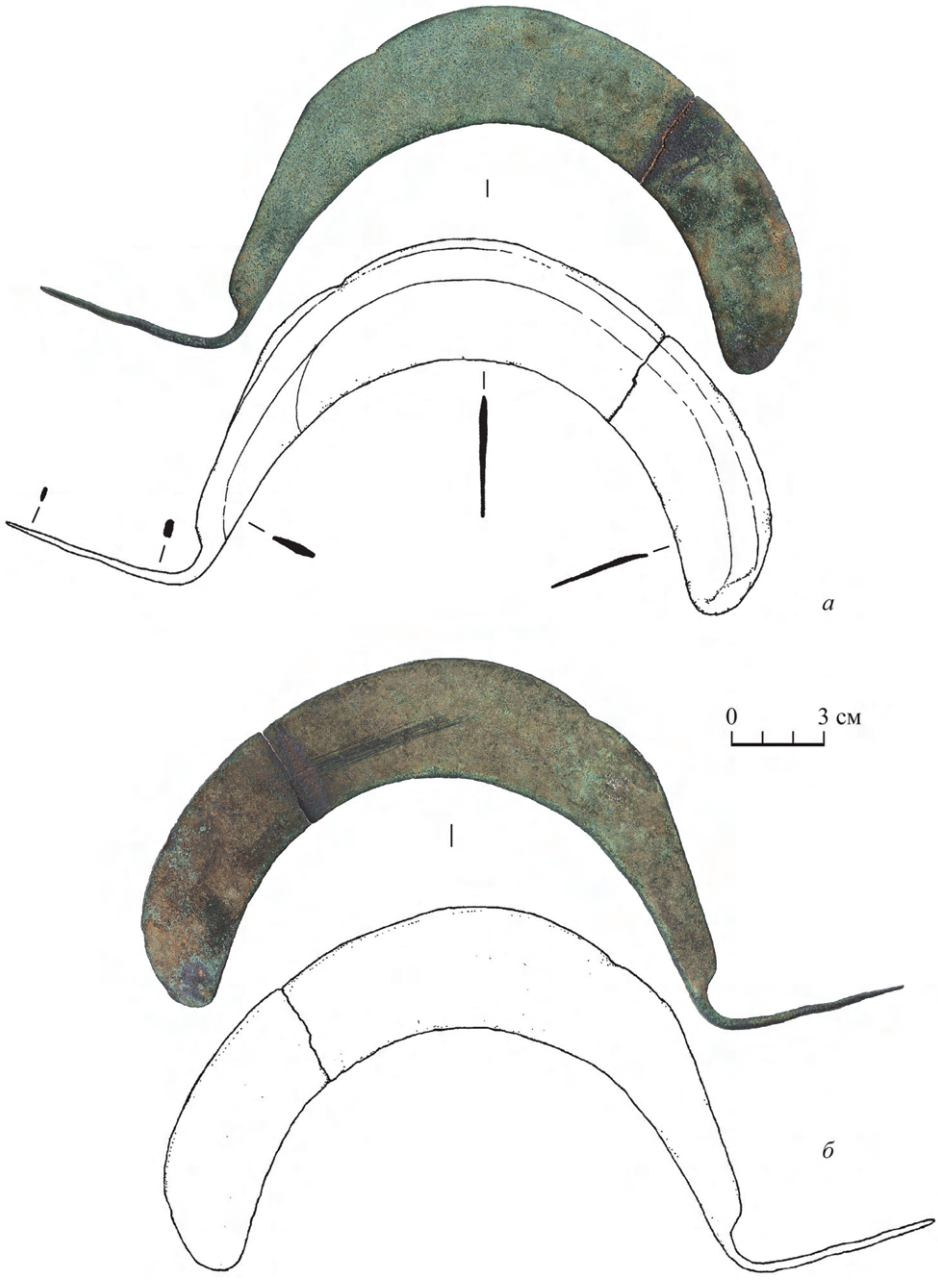


Рис. 2. Серп из г. Лабинска

Коленчатые серпы составляют основной массив изделий ПОММ. Причем для бекешевского этапа – это единственная группа серпов, зафиксированная в комплексах (*Бочкарев, Пелих*, 2019. С. 180, 181. Рис. 1). Кроме того, серпы с «длинным коленом», подобные лабинскому, появляются в комплексах ПОММ на ранее удобненского этапа, а в основной своей массе они встречаются в комплексах поздних этапов развития ПОММ, синхронизируемых, по В. С. Бочкареву, с VI–VII этапами эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы.

Таким образом, серп из Лабинска датируется этапами эпохи поздней бронзы, синхронизируемыми с удобненской и бекешевской (в широком смысле, включая выделяемую позднюю ольгенфельдскую группу) группами ПОММ. При этом преимущественно лабинский серп должен датироваться бекешевским временем, т. е. XII–X вв. до н. э.

Бронзовый орнаментированный кобано-колхидский топор проходит как старое поступление в краеведческую комнату Вознесенской детской библиотеки (ст. Вознесенская Лабинского района Краснодарского края)[4]. Сведения об обстоятельствах обнаружения и поступления не сохранились. Необходимо учитывать, сколь редкими в последние десятилетия являются находки кобано-колхидских орнаментированных топоров на Кавказе, особенно на Северном (*Скаков*, 2016).

Это бронзовый литой топор с дважды изогнутым корпусом, молоточковидным обухом, линзовидным проухом, лопастью полуовальной формы и с богатым декором (рис. 3). Длина топора – 17,7 см. Ширина лезвия – 6,7 см. Размеры проуха – 4,3 × 1,9 см. На боковых гранях обуха – три рельефных продольных ребра. Вес топора – 385,9 грамма. На режущей кромке есть небольшие вмятины. Металл топора частично затянут зеленой патиной, частично (в основном лезвие) не имеет ее, в этом случае бронза отличается бордово-коричневым цветом. Часть орнамента на лезвии, особенно ближе к режущей кромке, повреждена коррозией.

Поверхность предмета покрыта тонким гравированным орнаментом: верх и торцевые грани верхней части обуха украшены елочным орнаментом; поверхность средней части топора – от низа проуха до верха лезвия – покрывает сплошной елочный орнамент, образующий декоративный поясок; этот же елочный орнамент, отделенный неорнаментированным пространством от орнамента пояска в средней части, есть на торцевых гранях лезвия. Плоские грани лезвийной части вмещают изображение сложного прямого равноконечного креста, центр которого представляет собой орнаментированный елочным узором ромб, лучи сужаются к центру, образованные орнаментированными рядами точек треугольниками, в каждый из которых (кроме нижнего) вписан треугольник неорнаментированный. Подобный орнамент не мог, скорее всего, заполнять поврежденный коррозией нижний луч креста, так как сохранившаяся там точковка носит сплошной характер.

Систематизация орнаментированных кобано-колхидских топоров была предложена одним из авторов исходя из их декора, в первую очередь – декора

[4] Официальное название: краеведческая комната Вознесенской детской библиотеки Муниципального казенного учреждения культуры Вознесенского сельского поселения Лабинского района «Центр культуры и досуга» (МКУК «ЦКД ст. Вознесенской»).

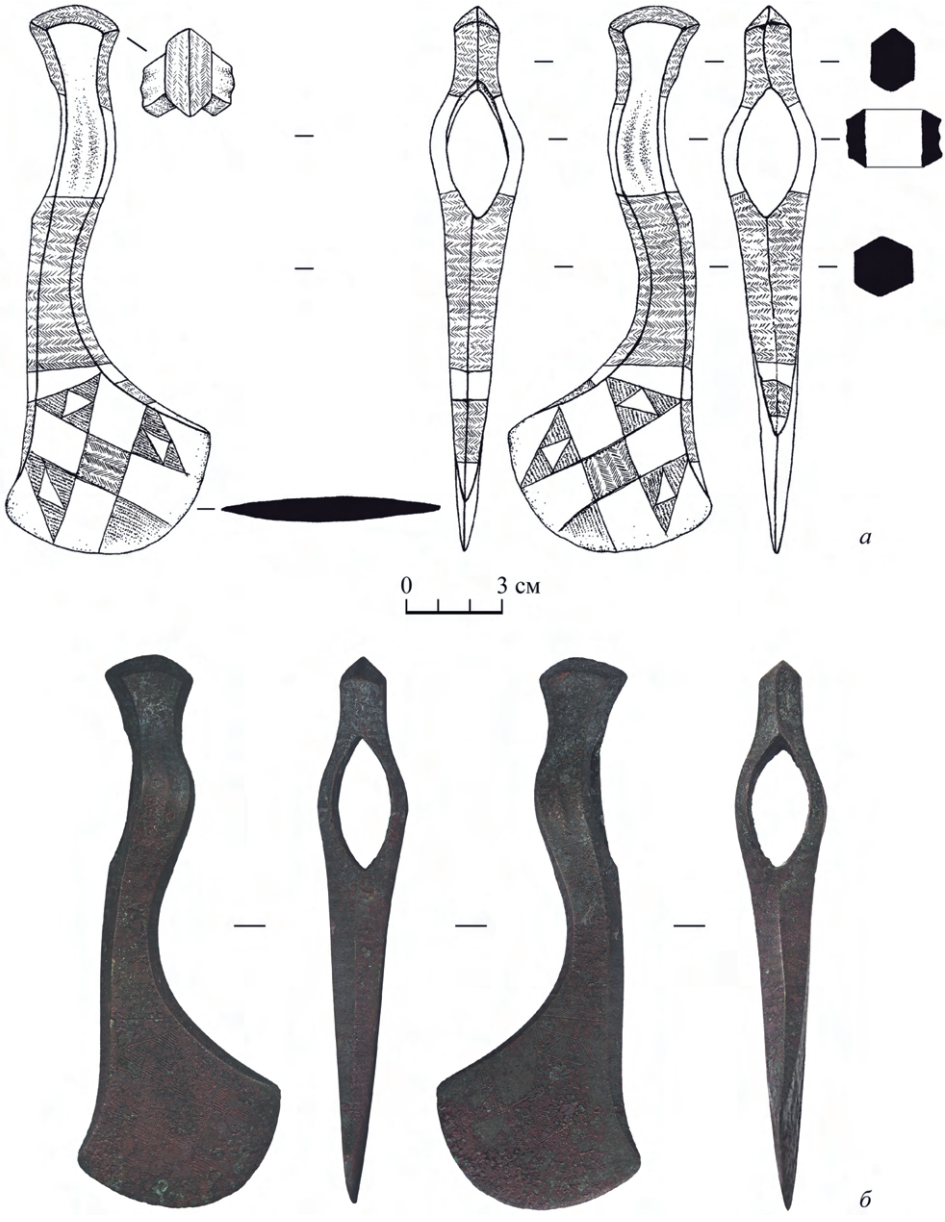


Рис. 3. Топор из краеведческой комнаты Вознесенской детской библиотеки

лопасти (*Скаков*, 1997). К выделенной группе 13 были отнесены топоры с изображением «мальтийского креста» на лопасти (Там же. С. 77), при этом заметим, что данное определение теперь кажется нам неточным, поскольку настоящий «мальтийский крест» является восьмиконечным. Поэтому более корректно говорить о топорах с изображением равноконечного креста на лопасти.

В 1997 г. нам было известно 7 топоров с таким декором лопасти. Из них два относятся к коллекции из Кобанского могильника, хранящейся в Венском музее естественной истории (Naturhistorisches Museum – NHMW), и опубликованы Ф. Ганчаром (*Hančar*, 1934. Abb. 1c. Taf. V: *2*). Два топора группы 13 происходят из Тлийского могильника, погребений 52 (*Техов*, 1980. Табл. 46: *6*; 1988. Рис. 121) и 201 (Там же. Табл. 88: *1*; 1988. Рис. 23). Три топора группы 13 было найдено на территории Абхазии, в Ачандаре (находка приблизительно 1910 г.) (*Лукин*, 1941. С. 54, 55. Рис. 5: *1, 2*), Отхаре (Там же. С. 53. Рис. 4), Ачкаце (находка 1948 г.) (*Воронов*, 1969. С. 22). Еще один топор этой группы, найденный в с. Заюково (Кабардино-Балкария) на «холме, где копают золото» (один из подвергающихся разграблению могильников), и использованный в одной из работ местного краеведа, был недавно введен одним из авторов в научный оборот (*Скаков*, 2016. С. 237, 238. Рис. 6: *1*).

В группе 13 три топора, происходящих из Абхазии, и экземпляр из погр. 52 Тлийского могильника относятся по своей форме к третьему типу (прямой корпус и клиновидный обух), а топоры из Кобанского могильника, погр. 201 Тлийского могильника и Кабардино-Балкарии, как и публикуемый нами экземпляр, – к первому типу (дважды изогнутый корпус и молоточковидный обух).

По оформлению равноконечного креста, с ромбом в срединной части, заполненным елочным орнаментом, и четырьмя оконечностями в виде треугольников, каждый (или три) из которых разделен на четыре треугольника, и три из них заполнены точечным орнаментом, декор лабинского топора находит ближайшие аналогии на топорах из Кобанского м-ка (*Hančar*, 1934. Abb. 1c) и погр. 201 Тлийского м-ка; в меньшей степени – на топоре из с. Заюково. Равноконечные кресты на топорах с территории Абхазии оформлены иначе, образуя комбинации треугольников; а равноконечные кресты на топорах из погр. 52 Тлийского м-ка и из Кобанского м-ка (Ibid. Taf. V: *2*) состоят из срединной части в виде крупного ромба, заполненного кружковым орнаментом, и четырех небольших треугольников. Эти два топора сближаются друг с другом и по богатому декору, покрывающему боковые грани.

Для хронологического распределения выделенных групп были определены два признака – наличие орнаментального пояска на «шейке» топора и шнурового орнамента на его гранях. На топорах первого хронологического периода (хронологические периоды в данном случае имеют относительный характер) нет ни пояска в средней части топора, ни шнурового орнамента по его граням; второго – есть пояс, но нет шнура; третьего – есть пояс и только появляется шнур; четвертого – есть и пояс, и шнур (*Скаков*, 1997. С. 72).

Исходя из такого хронологического распределения, наш топор, как и вся группа 13, относится ко второму периоду существования кобано-колхидских орнаментированных топоров. У лабинского топора, как и у других топоров группы, нет шнурового орнамента на гранях, но декоративный поясок в средней

части тулова уже присутствует, хотя в большинстве случаев не является сильно акцентированным. Аналогию такому пояску в нашей группе мы видим у одного из топоров Кобанского м-ка (*Hančar*, 1934. Abb. 1c). У топоров из погребения 201 Тлийского м-ка и Заюково четко выраженные пояски отсутствуют, их функции здесь выполняет верхняя часть подтреугольной рамки, занимающая елочным орнаментом среднюю часть тулова. У топоров из Ачандары и Ачкаца пояски, заполненные елочным орнаментом, присутствуют, но не охватывают все тулово топора, ограничиваясь только средними гранями. Пояски четко выражены и богато декорированы у топоров из погр. 52 Тлийского м-ка, из Кобанского м-ка (Ibid. Taf. V: *2*) и из Отхары.

Еще одним признаком, позволяющим определить хронологическое место той или иной группы, является наличие «пересечений» между ними, когда декор одной лопасти топора относится к одной группе, а декор второй лопасти – к другой. Возможен и другой вариант, свидетельствующий о наличии связей между группами или взаимовлияний, когда в декоре одной лопасти объединены характерные признаки двух групп. «Пересечения» между группами мы видим у топора из погребения 52 Тлийского м-ка, на одной из его лицевых сторон изображен горизонтально расположенный зверь, ограниченный пределами лопасти (группа 5 третьего хронологического периода) и у одного из топоров Кобанского м-ка (Ibid.), у которого на второй лицевой стороне изображены два вертикально расположенных зверя, фактически ограниченных (конечности и часть хвоста одного из животных немного переходят на боковую грань) пределами лопасти (подгруппа 4/2 второго хронологического периода – изображение вертикально расположенного зверя, ограниченного пределами лопасти, без рамки или обвода). У топоров из погр. 201 Тлийского м-ка и с. Заюково изображения равноконечного креста заключены в подтреугольную рамку, заполненную елочным орнаментом, что говорит о влиянии со стороны группы 2 первого и второго хронологических периодов. Еще одним показательным «пересечением» является декор топора из с. Заюково, у которого на обеих лопастях между подтреугольной рамкой и лезвием топора изображены рыбы, что характерно для подгруппы 2/2 первого хронологического периода. Отметим, что в эту группу входят, кроме экземпляра из с. Заюково, только два топора из погребений 16 и 18 Тлийского м-ка.

«Пересечением» также можно считать декор средней части равноконечного креста, оформленной в виде ромба, заполненного кружковым орнаментом, у топоров из Кобанского м-ка (Ibid. Taf. V: *2*) и погр. 52 Тлийского м-ка. Кружковый орнамент на лопасти украшает топоры подгруппы 12/1 второго хронологического периода, и для них, кстати, также характерно наличие на лопасти ограничивающей декор рамки или внешнего обвода, что сближает их с группой 2.

Упомянем также об изображениях равноконечного креста на топорах других групп. На лопасти одного из топоров группы 5 (третий хронологический период) из Кобанского м-ка равноконечный крест изображен над головой «собаки-волка» (*Доманский*, 1984. Рис. 14. Илл. 23). У двух топоров, из Кобанского м-ка (*Уварова*, 1900. Табл. VII: *1*) и погр. 87 Тлийского м-ка, подгруппы 2/5 первого хронологического периода, на лопасти которых помещена подтреугольная рамка с изображением ряда треугольников вершинами вниз, в сторону лезвия, равноконечные кресты нанесены на боковых гранях.

Таким образом, имеющиеся «пересечения» и «связи» (влияния) подтверждают хронологическое место группы 13, отнесенной нами ко второму периоду в развитии кобано-колхидского графического стиля. В абсолютных датах, с некоторой степенью условности, так как прямолинейное развитие стиля вряд ли возможно, это IX в. до н. э. Этой или несколько более широкой датировке IX–VIII вв. до н. э. не противоречат немногочисленные комплексы с топорами группы 13 – погребения 52 и 201 Тлийского м-ка, комплексы из Ачандары (со вторым топором, относящимся к группе 5 третьего хронологического периода) и Ачкаца.

Для второго хронологического периода выделяется два локальных центра кобано-колхидского графического стиля – центральнокавказский и абхазский. Группа 13 присутствует в обоих локальных центрах, при этом декор топора из погребения 52 Тлийского м-ка демонстрирует явное воздействие со стороны абхазского центра. Проявляется оно в позе изображенного зверя, в заполнении пояска кружковым орнаментом, в паре солярных знаков между обухом и проухом, в изображении «зверя» (также «собаки-волка») под обухом. В то же время полоски елочного орнамента и изображения рыб вокруг проуха (как и у топора из Заюково) характерны именно для центральнокавказского варианта графического стиля. Отметим также, что скромный декор боковых граней лабинского топора, ограниченный полосами и участками елочного орнамента, как и у топоров из погребения 201 Тлийского м-ка (на нем изображена еще пара рыб) и Кобанского м-ка (*Hančar*, 1934. Abb. 1c), соответствует традиции южноосетинского (тлийского) варианта графического стиля третьего и четвертого хронологических периодов. Таким образом, можно предположить, что лабинский топор, как и некоторые другие орнаментированные топоры второго хронологического периода, стоит у истоков формирования южноосетинского варианта графического стиля. В любом случае, абсолютно несомненно центральнокавказское происхождение лабинского топора. Учитывая, что данные об обстоятельствах его поступления на место нынешнего хранения не сохранились, этот топор вряд ли стоит увязывать происхождением с кубанскими памятниками.

ЛИТЕРАТУРА

Аптекарев А. З., Козенкова В. И., 1986. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // СА. № 3. С. 121–135.

Бочкарев В. С., Пелих А. Л., 2008. К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ. 21–25 апреля 2008 г.): тез. докл. Междунар. науч. конф. Владикавказ. С. 64–66.

Бочкарев В. С., Пелих А. Л., 2019. Клады с изделиями прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы Междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.): к 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева. СПб.: ИИМК РАН: Невская Типография. С. 179–183.

Воронов Ю. Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара. 95 с.
Доманский Я. В., 1984. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство. 240 с.
Иессен А. А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Ред. Е. И. Крупнов. М.; Л.: АН СССР. С. 75–124. (МИА; № 23.)
Козенкова В. И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ТИМР. 166 с. (САИ; вып. В2-5.)
Лукин А. Л., 1941. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Труды Отдела истории первобытной культуры ГЭ. Т. I / Ред. А. А. Иессен. Л. С. 17–97.
Пелих А. Л., 2003а. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб. 26 с.
Пелих А. Л., 2003б. Топоры верхнекубанского типа позднебронзового времени // МИАСК. Вып. 1. С. 62–74.
Пьянков А. В., Пономарев В. П., 1998. Бронзовый топор из окрестностей ст. Шапсугской // Древности Кубани. Вып. 7. Краснодар. С. 15–18.
Сазонов А. А., 2006. Бронзовые скипетры протомеотских вождей // МИАСК. Вып. 6. С. 33–59.
Скаков А. Ю., 1997. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии / Отв. ред.: С. В. Демиденко, Д. В. Журавлев. М.: МГУ. С. 70–87.
Скаков А. Ю., 2016. Обзор новых находок кобано-колхидских орнаментированных топоров // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти М. Н. Погребовой (Москва, 25–27 апреля 2016 г.) / Отв. ред.: А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда. М.: ИВ РАН. С. 229–241.
Техов Б. В., 1980. Тлийский могильник. I (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба. 196 с.
Техов Б. В., 1988. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси: Мецниереба. 86 с.
Уварова П. С., 1900. Могильники Северного Кавказа. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К. 382 с. (Материалы по археологии Кавказа; вып. VIII.)
Шабардин А. А., 1996. Бронзовый топор кобанского облика из станицы Бесленеевской // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения (Москва, апрель 1996 г.): тез. докл. / Отв. ред. Г. Е. Афанасьев. М.: ИА РАН. С. 160.
Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука. 430 с.

Hančar F., 1934. Die Beileaus Koban in der Wiener Sammlungkaukasischer Altertümer // Wiener Prähistorische Zeitschrift. XXI. Wien. S. 12–44.

Сведения об авторах

Пелих Алексей Леонидович, Армавирский государственный педагогический университет, ул. Розы Люксембург, 159, Армавир, 352901, Краснодарский край, Россия; e-mail: pelich1976@mail.ru;

Скаков Александр Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: skakov09@gmail.com

A. L. Pelikh, A. Yu. Skakov

BRONZE AGE AND EARLY IRON AGE ITEMS FROM THE MUSEUMS IN THE LABINSK DISTRICT OF THE KRASNODAR REGION

Abstract. The paper examines items dating to the Late Bronze Age – early Iron Age from the museums in the Labinsk district of the Krasnodar region. An axe from the Besleneyevskaya village shows similarity with axes of the Upper Kuban type, variant A, typical for the Kuban metallurgical and metal working center from the Late Bronze Age as well as with battle-axes known in the protomaeotic group of sites dating to the Early Iron Age. An angular sickle from the town of Labinsk is typical for the Kuban metallurgical and metal working center and is dated to its latest chronological groups, i. e. the Udobnaya and the Bekeshevskaya groups. The dating of an ornamented axe with a twice curved blade falls within the 9th or the 9th–8th centuries BC, its origin is linked to a central Caucasus local center of the Koban-Colchis graphic style.

Keywords: Kuban metallurgical and metal working center, Late Bronze Age, Koban-Colchis axes.

REFERENCES

Aptekarev A. Z., Kozenkova V. I., 1986. Klad epokhi pozdney bronzy iz stanitsy Upornoy [Late Bronze Age hoard from village Upornaya]. *SA*, 3, pp. 121–135.

Bochkarev V. S., Pelikh A. L., 2008. K khronologii pamyatnikov prikubanskogo ochaga metallurgii i metalloobrabotki [To the chronology of sites of the Kuban focus of metallurgy and metalworking]. *Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territoriy. Yubileynye XXV «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza [Reflection of civilizational processes in archaeological cultures of North Caucasus and adjacent territories. Anniversary XXV «Krupnov readings» on the archeology of North Caucasus]*. Vladikavkaz, pp. 64–66.

Bochkarev V. S., Pelikh A. L., 2019. Klady s izdeliyami prikubanskogo ochaga metallurgii i metalloobrabotki pozdnego bronzovogo veka [Hoards with products of the Late Bronze Age Kuban focus of metallurgy and metalworking]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii) [Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and South Siberia in context of relations and interactions in the Eurasian cultural space (new data and concepts)], II. Svyazi, kontakty i vzaimodeystviya drevnikh kul'tur Severnoy Evrazii i tsivilizatsiy Vostoka v epokhu paleometalla (IV–I tys. do n. e.) [Relations, contacts and interactions of ancient cultures of Northern Eurasia and civilizations of the Orient in the Early Metals era (IV–I mill. BC.)]*. A. V. Polyakov, E. S. Tkach, eds. St. Petersburg: IIMK RAN: Nevskaya Tipografiya, pp. 179–183.

Domanskiy Ya. V., 1984. Drevnyaya khudozhestvennaya bronza Kavkaza v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Ancient artistic Caucasus bronze in collection of the State Hermitage Museum]. Moscow: Iskusstvo. 240 p.

Erlikh V. R., 2007. Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov [Northwest Caucasus in the beginning of the Iron Age: proto-Maeotian group of sites]. Moscow: Nauka. 430 p.

Iessen A. A., 1951. Prikubanskiy ochag metallurgii i metalloobrabotki v kontse medno-bronzovogo veka [Kuban focus of metallurgy and metalworking at the end of the Copper-Bronze Age]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and research on the archeology of North Caucasus*]. E. I. Krupnov, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 75–124. (MIA, 23.)

Kozenkova V. I., 1995. Oruzhie, voinskoe i konskoe snaryazhenie plemen kobanskoy kul'tury (sistematizatsiya i khronologiya). Zapadnyy variant [Weapons, military and horse equipment of Koban culture tribes (systematization and chronology). Western variant]. Moscow: TIMR. 166 p. (SAI.)

Lukin A. L., 1941. Materialy po arkheologii Bzybskoy Abkhazii [Materials on archaeology of Bzyb Abkhazia]. *Trudy Otdela istorii pervobytnoy kul'tury GE [Proceedings of Department of the Prehistoric culture of State Hermitage]*, I. A. A. Iessen, ed. Leningrad, pp. 17–97.

Pelikh A. L., 2003a. Prikubanskiy ochag metallurgii i metalloobrabotki i ego mesto v sisteme mezhkul'turnykh svyazey epokhi pozdney bronzy Kavkaza i Yugo-Vostochnoy Evropy: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Kuban focus of metallurgy and metalworking and its place in system of intercultural relations of the Late Bronze Age of the Caucasus and South-Eastern Europe: PhD Thesis]. St. Petersburg. 26 p.

Pelikh A. L., 2003b. Topory verkhnekubanskogo tipa pozdnebronzovogo vremeni [Axes of the Upper Kuban type of the Late Bronze Age]. *MIASK*, 1, pp. 62–74.

P'yankov A. V., Ponomarev V. P., 1998. Bronzovyy topor iz okrestnostey st. Shapsugskoy [A bronze axe from the vicinity of Shapsugskaya village]. *Drevnosti Kubani [Antiquities of Kuban]*, 7. Krasnodar, pp. 15–18.

Sazonov A. A., 2006. Bronzovye skipetry protomeotskikh vozhdey [Bronze scepters of proto-Maeotian chieftains]. *MIASK*, 6, pp. 33–59.

Shabardin A. A., 1996. Bronzovyy topor kobanskogo oblika iz stanitsy Besleneevskoy [A bronze axe of Koban type from Besleneevskaya village]. *Aktual'nye problemy arkheologii Severnogo Kavkaza. XIX Krupnovskie chteniya [Topical problems of archeology of the North Caucasus. XIX Krupnov readings]*. G. E. Afanas'ev, ed. Moscow: IA RAN, p. 160.

Skakov A. Yu., 1997. K voprosu ob evolyutsii dekora kobano-kolkhidskikh bronzovykh toporov [On the evolution of Koban-Colchis bronze axes decoration]. *Drevnosti Evrazii [Eurasia antiquities]*. S. V. Demidenko, D. V. Zhuravlev, eds. Moscow: MGU, pp. 70–87.

Skakov A. Yu., 2016. Obzor novykh nakhodok kobano-kolkhidskikh ornamentirovannykh toporov [Review of new finds of Koban-Colchis ornamented axes]. *Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdney bronzy I rannego zheleza [The Caucasus and the Steppe at the turn of Late Bronze and Early Iron Ages]*. A. S. Balakhvantsev, S. V. Kullanda, eds. Moscow: IV RAN, pp. 229–241.

Tekhov B. V., 1980. Tliyskiy mogil'nik [Tli cemetery], I. Kompleksy XVI–X vv. do n. e. [(Complexes of XVI–X cc. BC)]. Tbilisi: Metsniereba. 196 p.

Tekhov B. V., 1988. Bronzovye topory Tliyskogo mogil'nika [Bronze axes from Tli cemetery]. Tbilisi: Metsniereba. 86 p.

Uvarova P. S., 1900. Mogil'niki Severnogo Kavkaza [Cemeteries of the North Caucasus]. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontovai K. 382 p. (Materialy po arkheologii Kavkaza, VIII.)

Voronov Yu. N., 1969. Arkheologicheskaya karta Abkhazii [Archaeological map of Abkhazia]. Sukhumi: Alashara. 95 p.

About the authors

Pelikh Aleksey L., Armavir State Pedagogical University, ul. Rozy Luxemburg, 159, Armavir, 352901, Krasnodar region, Russian Federation; e-mail: pelich1976@mail.ru;

Skakov Alexander Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: skakov09@gmail.com

Я. Б. Березин, В. Е. Маслов

КОБАНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ БЛИЗ СОЛНЕЧНОДОЛЬСКА[1]

Резюме. В статье рассматриваются материалы впускного погребения в курган эпохи бронзы, открытого в северо-западной части Ставропольского края. По обряду и основной части погребального инвентаря – набору украшений и бус данное захоронение можно отнести к западнокобанской культуре и сопоставить с материалами могильников Кавминвод VIII в. до н. э. Редкой находкой является зеркало, многочисленные аналогии которому имеются на востоке Евразии. Необычен также набор нашивных восьмеркообразных бляшек, имеющих очень широкий круг аналогий в культурах Восточной Европы начала I тыс. до н. э. Погребение открыто за пределами основного ареала западнокобанской культуры и, возможно, связано с существованием подвижных сезонных скотоводческих групп.

Ключевые слова: ранний железный век, кобанские древности Кавминвод, восьмеркообразные бляшки, зеркала.

В декабре 2020 г. археологическим отрядом ООО «Археос» (г. Ставрополь) на территории Изобильненского района Ставропольского края были проведены археологические раскопки курганов № 1–5 могильника Солнечнодольск-4. Исследования велись на основании Открытого листа № 2513–2020, выданного на имя Я. Б. Березина.

Могильник находился на юго-западной окраине одноименного поселка городского типа, на высокой коренной террасе левого берега р. Егорлык. Предварительные сведения об исследовании памятника подготовлены к изданию (*Березин, Коробицын*, 2022; *Березин, Нарожный*, 2022).

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.85-101

Курган № 3 находился в центральной части могильника и был сильно распахан. На момент начала работ его высота составляла 0,22 м, видимый диаметр около 22 м. Он был сооружен в эпоху средней бронзы и содержал 10 разновременных захоронений. Данная публикация посвящена материалам впускного погр. 5 эпохи раннего железа, обнаруженного в центральной части кургана.

Могильная яма имела в плане неправильную, близкую к трапециевидной, форму размерами 1,40 × 1,14 (С) – 1,40 (Ю) м. Длинной осью она была ориентирована по линии С–Ю с небольшим отклонением к западу. Дно ямы, изрытое норами грызунов, слабо понижалось к центру, на глубине 1,2 м от R_0 (рис. 1: *А*). Могильная камера, очевидно, имела перекрытие. Об этом косвенно свидетельствует коричневатый цвет костей человека, окрашенных снаружи органическим тленом.

Погребение одиночное. Представлены фрагменты практически всех отделов скелета. По определению научного сотрудника НИИ и музея антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ им. М. В. Ломоносова к. б. н. Н. Я. Березиной, по совокупности признаков на посткраниальном скелете индивид скорее женского пола. Сохранившиеся зубы верхней и нижней челюстей, а также признаки сращения апофиза левой седалищной кости с ее ветвью определяют биологический возраст индивида – 20–25 лет. На сохранившихся зубах фиксируются незначительные отложения зубного камня, на фрагментах черепа и посткраниального скелета видимых патологий не выявлено.

Погребенная была уложена скорченно, на правом боку, по диагонали камеры, по оси СЗ–ЮВ, головой на ЮВ. Череп раздавлен, его первоначальное положение не определяется. Кости грудной клетки, позвоночника и таза находились в положении «на правом боку».

Кость левого предплечья лежала на костях грудной клетки. Рука была согнута в локте под прямым углом. Кисть согнута вниз.

Кость плеча правой руки была вытянута вперед, в сторону от тела. Кости предплечья не сохранились. Кости кисти находились близ колен.

Бедренные кости образовывали прямой угол с осью позвоночника. Бедро левой ноги было уложено поверх правого, колено выступало вперед. Ноги были согнуты в коленях под острым углом. Кости голеней лежали параллельно: левая перед правой. Правая стопа находилась в положении «на боку», левая была перекрыта бронзовым зеркалом.

Поверх костей голени левой ноги была уложена кость конечности мелкого рогатого скота.

Следы подстилки под погребенной отсутствовали.

На черепе, вокруг него и на костях верхней части грудной клетки обнаружен ряд металлических украшений:

Подвески височные многовитковые, бронзовые, 2 экз. Свернуты в 3,5 оборота из округлого в сечении стержня, с заостренными концами. Размеры: 1,5–1,6 × 1,4–1,5 см, сечение – 0,2–0,3 см (рис. 2: *1*).

Это широко распространенный тип украшений в предскифский период, который бытует вплоть до раннескифского времени и встречается как в мужских, так и в женских захоронениях (*Козенкова*, 1998. С. 35. Табл. IX: *13-6*; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 371. Рис. 263: *1*).

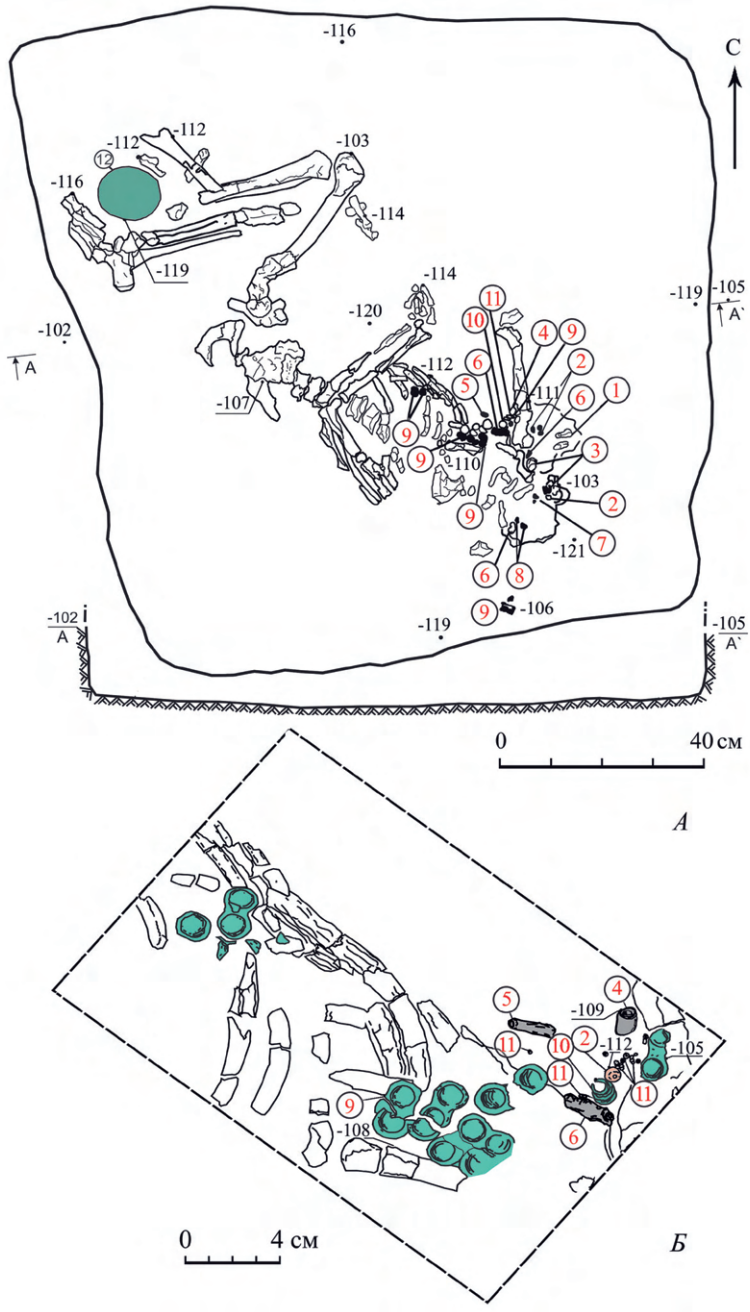


Рис. 1. Могильник Солнечнодольск-4, курган № 3, погребение № 5

А – план погребения; *Б* – деталь погребения

Условные обозначения: *1* – подвески из зубов; *2* – бусы сердоликовые; *3* – подвески височные бронзовые; *4* – пронизка гагатовая; *5* – пронизка из сурьмы; *6* – пронизки фигурные из сурьмы; *7* – бусы стеклянные; *8* – бусы «бородавчатые» стеклянные; *9* – бронзовые нашивные бляшки; *10* – пронизка бронзовая; *11* – бисер стеклянный и бусины из сурьмы; *12* – зеркало бронзовое

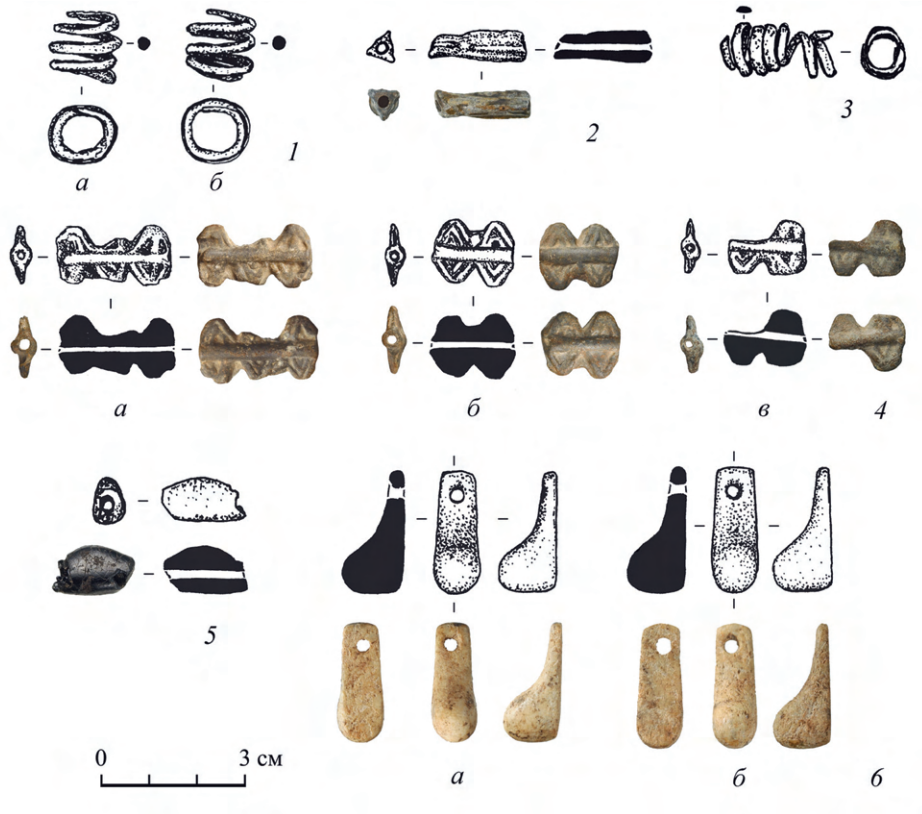


Рис. 2а. Могильник Солнечнодольск-4, курган № 3, погребение № 5. Погребальный инвентарь

1– височные подвески; *2–5* – пронизки; *6* – подвески

1, 3 – бронза; *2, 4* – сурьма; *5* – гагат; *6* – зубы оленя?

Литая пронизка из сурьмы[2]. Сечение треугольное. Вдоль длинной оси проходит сквозное отверстие. Длина – 2 см, ширина 0,5–0,6 см (рис. 2: *2*).

Точные аналогии ей найти не удалось, но трубчатые пронизки многоугольного сечения из сурьмы известны в предскифских комплексах в окрестностях Кисловодска (*Белинский, Дударев*, 2015. Рис. 263: *8*).

[2] Все определения состава металла, которые приводятся здесь и ниже, выполнены в ЦКП «Центр исследований минерального сырья и состояния окружающей среды» Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, к. г.-м. н. Ю. В. Поповым. Исследования проводились на растровом электронном микроскопе VEGA II LMU (Tescan) с системой энергодисперсионного микроанализа INCA ENERGY 450/XT. Изображения получены с использованием детектора BSE. Состав сплава – сурьма. Основные элементы-примеси – мышьяк (~ 1%), сера (< 0, 5 %), медь (< 0,1 %).

Рис. 2б. Могильник Солнечнодольск-4, курган № 3, погребение № 5. Погребальный инвентарь

7–11 – бусы

7 – сердолик; *10* – сурьма; *8, 9, 11* – стекло

Бронзовая спиральная пронизка. Свернута в 6,5 оборотов из тонкой плоской бронзовой полосы, с заостренными концами. Сохранившаяся длина около 2,5 см, диаметр – 1 см (рис. 2: *3*). Входила в состав шейных украшений.

Пронизки фигурные, отлитые из сурьмы (см. сноску 2), 3 экз. К выступающей центральной трубчатой втулке с двух сторон примыкают треугольные лопасти с рельефной окантовкой, формирующие ромбы. Представлены два варианта с 2 и 3 ромбами (рис. 2: *4*). Изделия потерты в процессе использования.

Размеры: 1,2–1,4 × 1,6–2,3 см, толщина центральной части 0,4–0,5 см, по краям – 0,1–0,2 см.

Исчерпывающе точных аналогий данной находке нет, но трубчатые пронизки из сурьмы с ажурными лопастями, декорированные с использованием мотива ромба, известны в могильниках Кисловодской котловины предскифского периода (*Козенкова*, 1998. С. 58. Табл. XIX: *3–6*). Очевидно, верной является их интерпретация как шейных украшений, которую предложил С. Л. Дударев, а не накладок на пояс, как это считала В. И. Козенкова (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 372).

Возможно, имитацией таких пронизок являются медные пластинчатые накладки – налобный венчик с ажурными ромбами из погр. 2 Старшего Ахмыловского могильника в Марийском Поволжье (*Патрушев, Халиков*, 1982. С. 10. Табл. 2: *2б*).

Между стопами погребенной находилось округлое бронзовое литое зеркало, уложенное поверх правой стопы лицевой стороной вверх. Его диск диаметром 11,6 см слегка вогнутый; в центре оборотной стороны расположена арочная петля, отлитая вместе с диском. Толщина диска в центре – 4 мм, к краям он утончается (рис. 3: *1*).

Восточные истоки происхождения данной находки не вызывают сомнений: зеркала с петельчатыми ручками появляются на севере Китая уже в XIII–XII вв. до н. э. (*Таиров*, 2007. С. 41) и, очевидно, отсюда попадают в Южную Сибирь, где известны в памятниках карасукской культуры (*Членова*, 1972. Табл. 30: *29*; 37: *10, 50, 54*). Позднее, в перв. пол. I тыс. до н. э., подобные зеркала встречаются в огромном ареале, охватывающем Синьян и Монголию, Южную и Западную Сибирь, Северный и Центральный Казахстан (*Членова*, 1967. Табл. 21: *3*; *Мартынов*, 1979. С. 54. Табл. 15: *1–8*; *Кирюшин, Тишкин*, 1997. С. 88. Рис. 66: *2, 3, 5, 6*; *Могильников*, 1997. С. 81. Рис. 59: *5, 6*; *Таиров*, 2007. Рис. 6: *7*; 7: *1, 2*; 11: *25, 35*; 12: *26, 28*). Из ареала сакской культуры они, очевидно, попадают в Волго-Камье (*Патрушев, Халиков*, 1982. Табл. 111: *1а*; 134: *2а*). Однако в раннескифских памятниках эпохи архаики подобные зеркала пока не обнаружены.

Архаичными чертами экземпляра из Солнечнодольска является слабая вогнутость в сочетании с общей массивностью (*Членова*, 1967. С. 90). Схожее зеркало с арочной петельчатой ручкой происходит из погр. 5 кургана 1 у с. Чобручи в Приднестровье (*Левицкий, Демченко*, 1995. С. 42, 44. Рис. 2: *6*). По всем параметрам оно близко к публикуемому экземпляру: его диаметр 15 см, оно слегка вогнутое. Именно на основании этой находки исследователи отнесли данный комплекс к скифским, отмечая, что погребальный обряд захоронения соответствует некоторым «киммерийским» погребениям. Следует заметить, что вещей скифского типа в этом погребении нет и его предскифская атрибуция весьма вероятна.

Но особенно важной для нас является находка из погр. 7 могильника у Мебельной фабрики в г. Кисловодске, которую Н. Л. Членова включила в состав датирующих вещей для карасукско-тагарских и предтагарских памятников (*Членова*, 1972. Табл. 25: *35*). Изображение этого зеркала было воспроизведено в соответствии с описанием и авторским рисунком в отчете А. П. Рунича (*Рунич*, 1958. С. 27. Рис. 82). Однако в двух других публикациях оно приводится неверно – с прямым диском (*Виноградов*, 1972. Рис. 17: *4*; *Козенкова*, 1998. С. 84, 154. Табл. XXVIII: *1*). Произошла досадная ошибка: изображенное зеркало входит в число находок из разрушенных погребений (*Рунич*, 1959. Табл. XI: *22*).

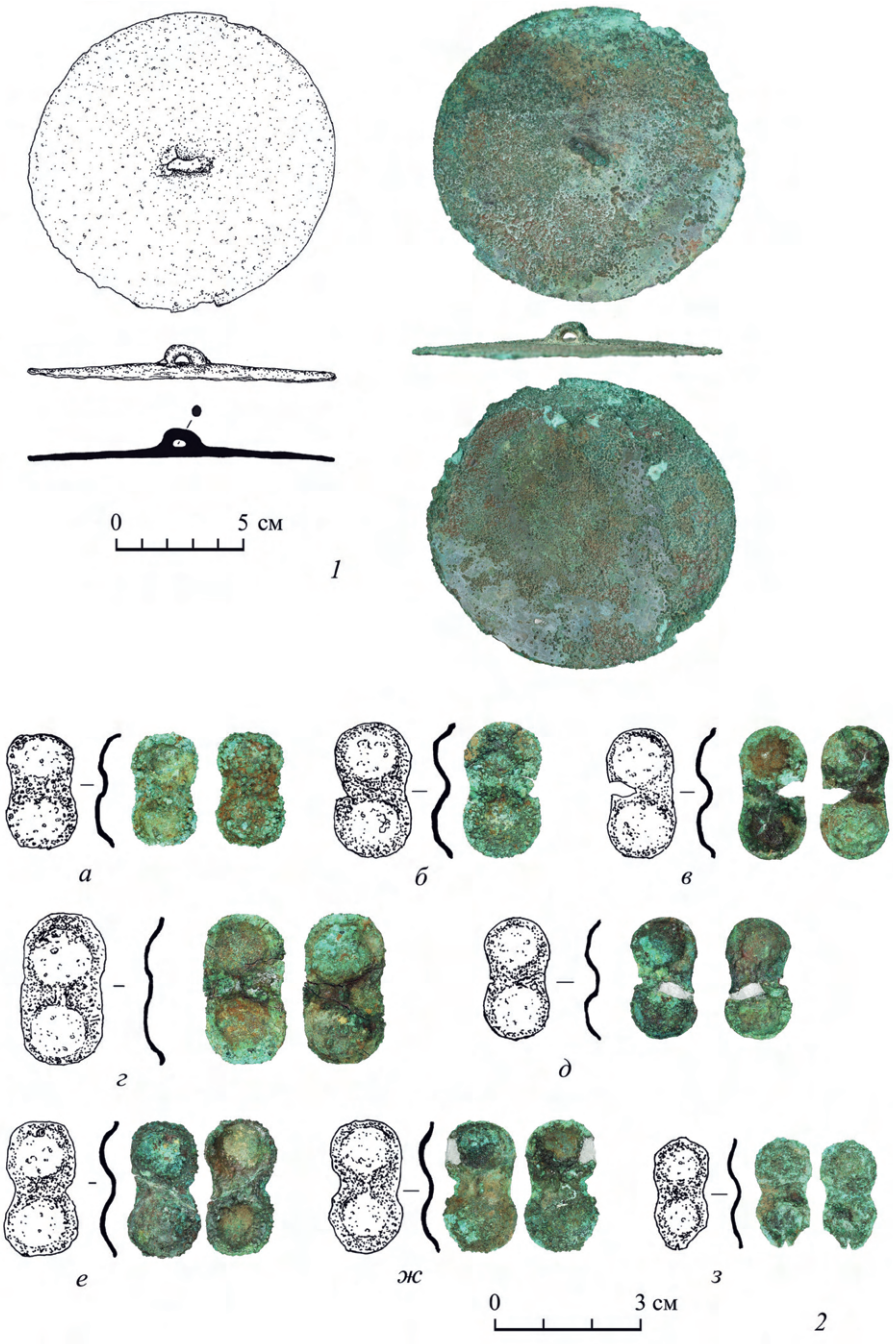


Рис. 3. Могильник Солнечнодольск-4, курган № 3, погребение № 5. Погребальный инвентарь

1 – зеркало бронзовое; *2* – бронзовые нашивные бляшки

В результате этой путаницы В. И. Козенкова рассматривала зеркало из погр. 7 как отдельную находку, аналогии которой ей неизвестны (*Козенкова*, 1998. С. 85. Табл. XXVIII: *2*). Диаметр его диска почти совпадает с размерами, приведенными в отчете А. П. Рунича: 12,2 см – по В. И. Козенковой – и 11,5 и 12 см – по А. П. Руничу.

Ошибка в атрибуции зеркала не повлияла на оценку комплекса. В. Б. Виноградов сопоставил зеркало из погр.7 с зеркалами из тагарских памятников VII–VI вв. до н. э. (*Виноградов*, 1972. С. 136). Позднее В. И. Козенкова отвергла это сравнение, совершенно не учитывавшее значительное удревнение материалов тагарской культуры. Исследователь рассматривала материалы данного погребения как «ярко выраженный объект новочеркасского периода». Зеркало из этого комплекса она включила в число появившихся в конце этого периода восточных инноваций – бронзовых котлов «бештаугорского» типа и «оленных камней» (*Козенкова*, 1998. С. 84, 85). В целом такая точка зрения представляется верной.

Кроме того, еще одно зеркало без бортика было найдено в предскифском по инвентарю погр. 2 1970 г. того же могильника у Мебельной фабрики (*Рунич*, 1970. С. 4. Рис. 5: *11*). Однако сохранность его была плохой, и о наличии петельки ничего не сообщается.

Бронзовые «восьмеркообразные» пластинчатые бляшки, выполненные штамповкой (?), были найдены на ребрах верхней части грудной клетки (рис. 1: *А, 9*; *Б, 9*). Овальных пластин с намеченным сужением в центре и двумя полыми полушаровидными выступами на концах сохранилось 12 целых экз. и фрагменты еще от 3. Размеры: 2,2–3,1 × 1,1–1,7 см (рис. 3: *2а–з*).

В конце II – начале I тыс. до н. э. территория распространения восьмерковидных бляшек, объединяющая несколько историко-культурных областей, огромна (*Членова*, 1972. С. 133. Табл. 63: *36–42*; *Мартынов*, 1979. С. 56. Табл. 20: *7, 11*). Вопрос о месте их появления и путях распространении остается открытым, поэтому будет целесообразно рассматривать наши находки на фоне только восточноевропейских древностей начала I тыс. до н. э.

На сегодняшний день не существует единой классификации данных предметов, которая охватывала бы эту территорию. Можно согласиться с Н. Ю. Смирновым, предложившим разделить все бляшки подобной формы на две основные группы: бляшки-накладки без отверстий и бляшки-пуговицы с отверстиями или арочными петлями для крепления (*Смирнов*, 2016). Однако морфологические вариации внутри 2-й группы очень значительны.

Публикуемые находки относятся к 1-й группе. Наибольшие серии подобных бляшек, насчитывающие десятки экз., происходят из Волго-Камья – из прединаньинской и сменившей ее ананьинской культурно-исторических областей (*Чижевский*, 2008. С. 18, 39, 51, 66, 74. Рис. 4: *3, 12*; 32, *24, 25*; 42: *7, 13*; 47: *7*; *Патрушев, Халиков*, 1982. Табл. 2: *6а*; 3: *4б*; 10: *1б*; 12: *2а*; 20: *3в*; и др.) и ареала чернолесской культуры на Правобережье Днепра (*Тереножкин*, 1961. С. 173, 174. Рис. 105: *1–7, 13–15*; 106: *3*; *Гершкович*, 2016. С. 118, 119. Рис. Е5: *4–18*; Е7; Е10: *2–7*). В Поднепровье отдельные бляшки этого типа встречаются и в более поздних скифских подкурганных захоронениях (*Ильинская*, 1968. С. 129. Табл. X: *18, 19*).

Серия накладных восьмеркообразных бляшек обнаружена в памятниках культуры Козия-Сахарна на Среднем Днестре (*Кашуба*, 2000. С. 328, 329. Рис. XXVII: *8, 12, 19, 21–23*) и гальштатском могильнике Картал-III на Нижнем Дунае (*Бруяко*, 2008. Рис. 2: *1–3*; 3: *3*). Известны они и в материалах высоцкой культуры в Галиции, где была найдена бронзовая матрица, возможно, использовавшаяся для их изготовления (*Крушельницька*, 1985. Рис. 26: *13, 15*).

Подобные бляшки встречаются в памятниках VIII–V вв. до н. э. кизил-кобинской культуры в горном Крыму (*Лесков*, 1965. Рис. 21: *40–42*; 25: *31*; 32: *11*; *Колотухин*, 1996. С. 49. Рис. 48: *25, 26*).

На Северном Кавказе несколько десятков отлитых из сурьмы миниатюрных «восьмерковидных» бляшек с гладким основанием встречены в четырех могильниках, расположенных в черте современного г. Кисловодска (*Козенкова*, 1998. С. 63. Табл. XX: *16*). Так, из каменного ящика погр. 44 Агачевского могильника происходят 44 бляшки (*Рунич*, 1965. С. 7. Рис. 11: *2*). В погр. 7 1958 г. могильника у Мебельной фабрики 107 таких бляшек были найдены вместе с 514 бусинами из сурьмы и большим набором предметов, возможно, относившихся к поясу или нагрудному украшению, а может быть, даже накидке или парадному платью. В центре этого скопления находилось уже упомянутое выше зеркало, аналогичное зеркалу из Солнечнодольска, что позволяет синхронизировать данные комплексы в рамках относительной хронологии (*Рунич*, 1958. С. 26, 27. Рис. 86; *Виноградов*, 1972. С. 136. Рис. 17; *Козенкова*, 1998. С. 84).

Подобные бляшки известны по материалам из Кобанского могильника (*Virchow*, 1883. Taf. X, *9*; *Уварова*, 1900. Табл. XXXVI: *3*) и Брильского могильника в Раче (*Лесков*, 1965. С. 155. Прим. 122). Очевидно, это чисто кавказская – «эндемичная» – разновидность нашивных бляшек, появившаяся здесь еще во втор. пол. II тыс. до н. э. Однако в материалах кобанских могильников представлены и восьмеркообразые бляшки из листовой бронзы (*Virchow*, 1883. Taf. I: *24*). Следует отметить, что данные бляшки, насколько об этом можно судить, происходят из женских захоронений.

Таким образом, бытование восьмеркообразных бляшек было связано с важнейшими очагами культурогенеза, сформировавшимися в финале эпохи бронзы. Опустевшие в этот период степные просторы Предкавказья и Причерноморья были освоены новыми группами скотоводческого населения, активно контактировавшего со всеми важнейшими культурными центрами (*Бочкарев, Кашуба*, 2018). В разрозненных степных захоронениях, которые объединены в рамках эфемерной черногоровской культуры, в удаленных друг от друга регионах также были обнаружены бронзовые восьмеркообразные бляшки 1-й группы (*Дубовская*, 1993. Рис. 77: *13*; *Потапов*, 1997; *Лукьяшко*, 1999. С. 187. Рис. 51: *2*; 54, *4*; 71: *2*; 72, *5*; *Махортых*, 2005. С. 68. Рис. 29: *10–14*). Была предпринята попытка рассматривать их в качестве этнокультурных индикаторов, подвергнувшаяся справедливой критике (*Дубовская*, 1993. С. 142; *Лукьяшко*, 1999. С. 188).

В отличие от восьмеркообразных бляшек 2-й группы, бляшки 1-й группы никогда не использовались для декора конской узды и вооружения. Интерпретировать их в качестве защитных нарукавных пластин, используемых при стрельбе из лука, также едва ли возможно (*Кашуба*, 2000. С. 289). Достоверных

данных о том, что они использовались для украшения колчанов или горитов, тоже нет[3].

Судя по материалам Волго-Камских могильников, подобные бляшки крепились к начельным лентам и головным уборам, поясам, одежде, редко к обуви (*Чижевский*, 2008).

В погр. 61 могильника Картал-III в Нижнем Подунавье четыре восьмеркообразные бляхи находились на затылочных костях черепа расположенными в ряд (*Бруяко*, 2008. Рис. 2: *1*).

В черногоровских погребениях они чаще всего также использовались как украшение очелий или головных уборов (*Потапов* 1997. С. 37, 38; *Махортых*, 2005. С. 68), однако в большинстве случаев в этих захоронениях обнаружены одна-две бляшки.

В нашем случае, где расположение бляшек было зафиксировано *in situ*, они определенно служили нагрудным украшением одежды (рис. 1: *Б, 9*). Происхождение их остается неясным.

Хронологический диапазон бытования бляшек 1-го типа в Восточной Европе очень широк, но большинство комплексов, их содержавших, относится к VIII в. до н. э.

Особое место занимали подвески из зуба оленя (?), 2 экз. Они обнаружены к западу от шеи погребенной. Длина – 2,2 и 2,3 см (рис. 2: *6, а, б*).

Использование зубов оленя для изготовления подвесок в степной зоне Северного Причерноморья имеет необычайно продолжительную историю, что, очевидно, было обусловлено представлениями о сакральной роли этого красивого зверя, сложившимися в ходе охотничьего промысла. Подобные изделия появляются здесь еще в неолите и используются для декора одежды (*Kotova*, 2010. Fig. 8: *7–9*; 9). На Северно-Западном Кавказе они обнаружены в новосвободненских дольменных гробницах (*Попова*, 1963. Рис. 8; *Резепкин*, 2012. Рис. 79: *4*), в подкурганных захоронениях новотиторовской культуры[4], «постдольменных» комплексах эпохи средней бронзы (*Эрлих и др.*, 2020. С. 275. Рис. 2: *10, 32*; 4: *10, 32, 34*; 6: *5, 8*). В Предкавказье такие пронизки встречаются в финальных комплексах эпохи средней бронзы (*Мимоход*, 2013. Рис. 98: *17*), в Северо-Западном Причерноморье – в памятниках белозерской культуры (*Ванчугов*, 1990. С. 103. Рис. 38: *1*), а в начале I тыс. до н. э. – в материалах культуры раннегальштатского круга Козия-Сахарна (*Кашуба*, 2000. С. 326. Рис. XXVII: *7, 9, 10*). На востоке Евразии в памятниках Горного Алтая раннескифского времени встречаются похожие подвески из добавочных клыков лося (*Кирюшин, Тишкин*, 1997. С. 89, 90. Рис. 51: *12, 13*).

В кобанских памятниках подобные подвески нам неизвестны. Скорее всего, они связаны с культурными традициями степного населения.

---

[3] Находку такой бляшки над плечом погребенного близ остатков горита в погр. 5 кургана 2 у г. Зимогорье нельзя рассматривать как такое украшение (*Дубовская*, 1985. С. 166. Рис. 1). Трактовать ее можно как угодно, например – как накладку на ременную портупею.

[4] Сведения предоставлены н.с. Отдела бронзового века ИА РАН, к. и. н. А. А. Клещенко, которому мы выражаем искреннюю признательность за консультацию и помощь.

Набор бус из разных материалов богат и разнообразен. В его состав входили:

Бусы сердоликовые, 13 экз. Поверхность заполирована, цвет варьирует от светло-розового до коричневато-красного. Форма бусин близка к уплощенно-цилиндрической. Диаметр – 0,5–10 мм (рис. 2: *7*). Различаются также способы сверления каналов: двусторонний и односторонний. Схожие характеристики имеют и наборы сердоликовых бус из Клин-Ярского могильника (*Belinskij, Harke*, 2018. P. 343).

Происхождение сердоликовых бус из памятников предскифского и раннескифского периодов на сегодняшний день неизвестно. Цвет камня и отличия в технологии сверления позволяют предполагать, что они поступали через Закавказье из разных источников.

Пронизка из гагата. Неправильной уплощенно-биконической формы, с отверстием вдоль длинной оси. Размеры: 1,6 × 0,9 × 0,6 см (рис. 2: *5*).

Подобные одиночные крупные гагатовые пронизки встречаются в наборах бус, куда входили и сердоликовые бусины, в женских по составу инвентаря предскифских погребениях в окрестностях Кисловодска (*Белинский, Дударев*, 2015. Рис. 29: *8*; 183: *6*; 219: *2*).

Бусины стеклянные цилиндрической формы, с 5 выступами по бокам – «бородавчатые», 2 экз. (рис. 2: *8*). Сильно иризированы, цвет утрачен. Размеры с учетом выступов: 1,4 × 1,5 см, высота – 0,8 см.

Глазурованные «бородавчатые» бусы различных типов получают широкое распространение в степных культурах финала средней – начала поздней бронзы. Выдвигались предположения об их местном производстве (*Мимоход*, 2013. С. 191–199). В предскифских памятниках эпохи раннего железа «бородавчатые» бусы сравнительно редки. Так, в Клин-Ярском III могильнике среди материалов более чем 200 опубликованных погребений только в двух комплексах есть стеклянные трехрожковые бусины (*Белинский, Дударев*, 2015. Рис. 219: *9*; *Belinskij, Harke*, 2018. Fig. 155: *5b*).

Возможно, большой набор «бородавчатых» бус (212 экз.) был в погр. 40 Агачевского могильника: «мелкие бусы из пасты неправильной формы» (*Рунич*, 1965. С. 7. Рис. 11: *3*). Однако по рисунку А. П. Рунича нельзя судить об этом с полной уверенностью.

Бусы из глухого стекла. Цвет утрачен. Обнаружены бусины уплощенно-шаровидной формы, 3 экз. (рис. 2: *9б*). Диаметр – 0,7–1 см. Найдены также бусины бочонковидной формы (рис. 2: *9а*). Длина – 0,6 см, диаметр – 0,5 см.

Стеклянные бусы из северокавказских памятников предскифского и раннескифского периодов не классифицированы и ждут своих исследователей.

Литые бусы из сурьмы – мелкие уплощенно-цилиндрические, часто неправильной формы, 165 экз. Их диаметр – 2–5 мм (рис. 2: *10*).

Большие наборы литых бус из сурьмы нескольких разновидностей – от 100 до 500 экз. – представлены в предскифских могильниках на территории Кисловодска: в уже упомянутом погр.7 могильника у Мебельной фабрики, погр. 163, 212, 307 Клин-Ярского могильника и др. (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 10, 70, 190. Рис. 1а: *4*; 59: *6*; 167: *5*).

Число разнообразных украшений из сурьмы в западнокобанских памятниках очень велико. Очевидно, что бусы – это массовая продукция западнокобанских металлургов.

Короткий цилиндрический бисер, покрытый глазурью сине-зеленого цвета (рис. 2: *11*). Основная масса бисерин одинарные, но есть и неразделенные трубочки – до 5 экз. вместе. Всего около 250 экз. Диаметр – 1,5–2 мм.

Наборы такого бисера встречаются в западнокобанских комплексах начала I тыс. до н. э. (*Козенкова*, 2004. С. 129. Табл. 45: *25*; 46: *30–33*; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 190. Рис. 167: *4*).

В Закавказье, начиная, по крайней мере, с эпохи поздней бронзы, существовала традиция ремесленного изготовления глазурованных бус. Мастерская VIII в. до н. э. по изготовлению бисера открыта в Двине (*Рябкова*, 2010. С. 185, 186). Вероятно, следует признать подобный бисер из северокавказских могильников закавказским импортом.

По набору погребального инвентаря погребение близ Солнечнодольска можно рассматривать как западнокобанское. Не противоречит этому и погребальный обряд: поза погребенной вполне соответствует стандартам западнокобанских захоронений. Нетипично лишь положение правой руки. Но захоронения с рукой, вытянутой к коленям, изредка встречаются в кобанских могильниках (*Белинский, Дударев*, 2015. Рис. 103: *1*). Различные нестандартные варианты положения тела погребенных по отношению к центральной оси могильной камеры также известны (Там же. Рис. 203: *1*; 216: *1*).

То, что женщина была погребена согласно кобанским канонам погребального обряда, свидетельствует, что она не была интегрирована в чуждую, обобщенно «кочевую» среду. В этой связи следует обратить внимание на необъяснимое расположение такого ценного предмета, как зеркало, в ногах, вместе с жертвенной пищей. Возможно, этот факт отражает невосприятие необычного привозного предмета в культовой практике. В двух погребениях могильника у Мебельной фабрики в Кисловодске зеркала размещались напротив тела. Их петелька предназначалась для подвешивания к поясу.

Набор погребального инвентаря позволяет предполагать, что женщина была представительницей племен, обитавших на территории Кавминвод. Как она попала на северо-западную степную периферию западнокобанской культуры, пока неясно. Возможно, здесь существуют еще не открытые поселения. Однако отсутствие в погребении керамики – почти обязательной принадлежности погребального инвентаря для кобанских могильников Кавминвод – позволяет в этом усомниться. Кроме того, В.И. Козенкова высказывалась в пользу сезонного перемещения отдельных групп населения Кавминвод вместе со стадами (*Козенкова и др.*, 1997. С. 17).

Хронология данного погребения, согласно всем изложенным выше данным о культурных параллелях, не выходит за рамки второй половины – последней трети VIII в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 446 с.

Березин Я. Б., Коробицын М. Н., 2022. Исследования курганного могильника в северо-западной части Ставропольского края. // АО 2020 г. М.: ИА РАН. (В печати.)

Березин Я. Б., Нарожный Е. И., 2022. Новое «захоронение» половецкого каменного изваяния на Ставрополье (вторая пол. XIII – XIV вв.) // Золотоордынское обозрение. Т. 10. № 1. С. 32–46.

Бочкарев В. С., Кашуба М. Т., 2018. Культурно-историческая ситуация на юге Восточной Европы накануне века железа // SP. № 3. С. 207–220.

Бруяко И. В., 2008. О костюме населения предскифской эпохи Северо-Западного Причерноморья // Revista Archeologica. Т. IV. № 2. С. 139–145.

Ванчугов В. П., 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка. 168 с.

Виноградов В. Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во. 389 с.

Гершкович Я. П., 2016. Суботовское городище. Киев: ИА НАНУ. 508 с.

Дубовская О. Р., 1985. Погребение лучника раннего железного века // СА. № 2. С. 166–172.

Дубовская О. Р., 1993. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // Археологический альманах. № 2 / Гл. ред. А. В. Колесник. Донецк: Донеччина. С. 137–160.

Ильинская В. А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка. 268 с.

Кашуба М. Т., 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // SP. № 3. С. 241–488.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. 232 с.

Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; вып. В2-5.)

Козенкова В. И., 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII – VIII в. до н. э. М.: Памятники исторической мысли. 220 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; вып. V.)

Козенкова В. И., Сосранов Р. С., Черджиев Э. Л., 1997. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред.: Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 14–18. (Материалы и исследования по археологии России; № 1.)

Колотухин В. А., 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века (Этнокультурные процессы). Киев: Южногородские ведомости. 161 с. (Материалы по археологии Крыма; вып. 3.)

Крушельницька Л. І., 1985. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза). Київ: Наукова думка. 164 с.

Левицкий О. Г., Демченко Т. И., 1995. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Т. V / Отв. ред. Г. Н. Тощев. Запорожье: Запорожский гос. ун-т; Запорожский обл. краевед. музей. С. 41–53.

Лесков А. М., 1965. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка. 198 с.

Лукьяшко С. И., 1999. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов: Азовский краеведческий музей. 240 с. (Донские древности; вып. 7.)

Мартынов А. И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука. 208 с.

Махортых С. В., 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях. 380 с.

Мимоход Р. А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН. 568 с.; ил. (Материалы охранных археологических исследований; Т. 16.)

Могильников В. А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пущинский науч. центр РАН. 195 с.

Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1982. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука. 280 с.

Попова Т. Б., 1963. Дольмены станицы Новосвободной / Ред. А. Я. Брюсов. М.: б. и. 48 с.; ил. (Труды ГИМ. Памятники культуры; вып. 34.)

Потапов В. В., 1997. Предскифские захоронения с восьмерковидными бляшками // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред.: Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 35–39. (Материалы и исследования по археологии России; № 1.)

Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 342 с.: табл., ил. (Тр. ИИМК РАН; т. XXXVII.)

Рунич А. П., 1958. Отчет[5] о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1720.

Рунич А. П., 1959. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2036.

Рунич А. П., 1965. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавказских Минеральных Вод за 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3033.

Рунич А. П., 1970. Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4179.

Рябкова Т. В., 2010. К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини // Археологический альманах. № 21. Изобразительное искусство в археологическом наследии / Гл. ред. А. В. Колесник. Донецк: Лебедь. С. 178–188.

Смирнов Н. Ю., 2016. «Восьмерковидные» бляшки Евразии I тыс. до н. э.: типология и распространение // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Отв. ред.: М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Чеченский гос. ун-т. С. 118.

Таиров А. Д., 2007. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т. 274 с.

Тереножкин А. И., 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Наукова думка. 248 с.

Уварова П. С., 1900. Могильники Северного Кавказа М.: Тип. А. И. Мамонтова и К. 381 с. (Материалы по археологии Кавказа; вып.VIII.)

Чижевский А. А., 2008. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области. Казань: Школа. 172 с.: ил. (Археология евразийских степей; вып. 5.)

Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука. 252 с.: ил.

Членова Н. Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. 248 с. (МИА; № 182.)

Эрлих В. Р., Гак Е. И., Клещенко А. А., 2020. Погребения среднего бронзового века археологического комплекса Шушук // АВ. Вып. 27. С. 253–278.

Belinskij A. B., Harke H., 2018. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt. 416 p. (Archäologie in Eurasien; Bd. 36.)

Kotova N., 2010. Burial clothing in Neolithic cemeteries of the Ukrainian steppe // Documenta Praehistorica. Vol. XXXVII. P. 167–177.

Virchow R., 1883. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus. Eine vergleichend-archäologische Studie. Atlas. Berlin: A. Asher & co. XI Taf.

[5] Все названия отчетов А. П. Рунича приводятся в авторской редакции, по их титульным листам.

Сведения об авторах

Березин Яков Борисович, Научно-исследовательский институт и музей антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ им. М. В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия; e-mail: yakov_berezin@mail.ru;

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru

Ya. B. Berezin, V. E. Maslov

A KOBAN BURIAL NEAR SOLNECHNODOLSK

Abstract. The paper examines materials of a dug-in burial in the Bronze Age kurgan discovered in the northwestern part of the Stavropol region. Based on the burial rite and the main components of the funerary offerings, such as a set of jewelry pieces and beads, this burial can be attributed to the West Koban culture. The grave goods can be compared with the artifacts from the cemeteries in the Caucasian Mineral Waters region (Kavminvody) dating to the 8th century BC. The burial contains a rare find, namely, a mirror, that has numerous parallels in the eastern part of Eurasia. A set of sewn-on 8-shaped plaques that have a very broad range of analogies in the East European cultures of the early first millennium BC is another rare find. The burial has been discovered outside the main region occupied by the West Koban population and is likely to be linked to mobile seasonal herding groups.

Keywords: Early Iron Age, Koban antiquities of the Caucasian Mineral Waters region, 8-shaped plaques, mirrors.

REFERENCES

Belinskiy A. B., Dudarev S. L., 2015. Mogil'nik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostey Kavkaza i Yugo-Vostochnoy Evropy nachala epokhi rannego zheleza [Klin-Yar III cemetery and its place among antiquities of the Caucasus and Southeastern Europe of the Early Iron Age]. Stavropol: Dizayn-studiya B. 446 p.

Berezin Ya. B., Korobitsyn M. N., 2022. Issledovaniya kurgannogo mogil'nika v severo-zapadnoy chasti Stavropol'skogo kraya [Research of the cemetery in northwestern part of the Stavropol Region]. *AO 2020*. Moscow: IA RAN. (In print.)

Berezin Ya. B., Narozhnyy E. I., 2022. Novoe «zakhoronenie» polovetskogo kamennogo izvayaniya na Stavropol'e (vtoraya pol. XIII – XIV vv.) [A new «burial» of a Kuman stone statue in Stavropol region (second half of XIII – XIV cc.)]. *Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde review]*, vol. 10, no. 1, pp. 32–46.

Bochkarev V. S., Kashuba M. T., 2018. Kul'turno-istoricheskaya situatsiya na yuge Vostochnoy Evropy nakanune veka zheleza [Cultural and historical situation in the South of Eastern Europe on the eve of the Iron Age]. *SP*, 3, pp. 207–220.

Bruyako I. V., 2008. O kostyume naseleniya predskifskoy epokhi Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [On the costume of population of pre-Scythian era of the North-west Pontic region]. *Revista Archeologica*, vol. IV, no. 2, pp. 139–145.

Chizhevskiy A. A., 2008. Pogrebal'nye pamyatniki naseleniya Volgo-Kam'ya v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaya i anan'inskaya kul'turno-istoricheskie oblasti [Burial sites of Volga-Kama region population in the latest Bronze – Early Iron Ages: Pre-Ananyino and Ananyino cultural and historical regions]. Kazan: Shkola. 172 p.: ill. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 5.)

Chlenova N. L., 1967. Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [Origin and early history of Tagar culture tribes]. Moscow: Nauka. 252 p.: ill.

Chlenova N. L., 1972. Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi [Chronology of sites of Karasuk epoch]. Moscow: Nauka. 248 p. (MIA, 182.)

Dubovskaya O. R., 1985. Pogrebenie luchnika rannego zheleznogo veka [Burial of an Early Iron Age archer]. *SA*, 2, pp. 166–172.

Dubovskaya O. R., 1993. Voprosy slozheniya inventarnogo kompleksa chernogorovskoy kul'tury [Issues of formation of inventory complex of Chernogorovo culture]. *Arkheologicheskiy almanakh [Archaeological miscellany]*, 2. A. V. Kolesnik, ed. Donetsk: Donechchina, pp. 137–160.

Erlikh V. R., Gak E. I., Kleshchenko A. A., 2020. Pogrebeniya srednego bronzovogo veka arkheologicheskogo kompleksa Shushuk [Burial of the Shushuk Middle Bronze Age archaeological complex]. *AV*, 27, pp. 253–278.

Gershkovich Ya. P., 2016. Subotovskoe gorodishche [Subotovskoe hillfort]. Kiev: IA NANU. 508 p.

Il'inskaya V. A., 1968. Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ya (kurgany Posul'ya) [Scythians of the Dnieper left bank forest-steppe (kurgans of Sula river region)]. Kiev: Naukova dumka. 268 p.

Kashuba M. T., 2000. Rannee zhelezo v lesostepi mezhdu Dnestrom i Siretom (kul'tura Koziya-Sakharna) [Early Iron Age in forest-steppe between Dniester and Siret (Kozia-Sakharna culture)]. *SP*, 3, pp. 241–488.

Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A., 1997. Skifskaya epokha Gornogo Altaya [Scythian epoch in the High Altai], 1. Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya [Culture of the population in Early Scythian time]. Barnaul: Altayskiy gos. universitet. 232 p.

Kolotukhin V. A., 1996. Gornyy Krym v epokhu pozdney bronzy – nachale zheleznogo veka (etnokul'turnye protsessy) [Mountainous Crimea in Late Bronze – Early Iron Ages (ethno-cultural processes)]. Kiev: Yuzhnogorodskie vedomosti. 161 p. (Materialy po arkheologii Kryma, 3.)

Kozenkova V. I., 1998. Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant [Material foundation of Koban tribes everyday life. Western variant]. Moscow: IA RAN. 200 p. (SAI.)

Kozenkova V. I., 2004. Biritualizm v pogrebal'nom obryade drevnikh «kobantsev». Mogil'nik Tereze kontsa XII – VIII vv. do n. e. [Biritualism in burial rite of ancient «Koban people». Tereze cemetery of late XII – VIII cc. BC]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 220 p. (Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza, V.)

Kozenkova V. I., Sosranov R. S., Cherdzhiev E. L., 1997. K voprosu o mezhlokal'nykh kontaktakh v kobanskoy kul'ture (kurgan u s. Sadovogo v Severnoy Osetii) [On the issue of interlocal contacts in Koban culture (kurgan near Sadovoe village in North Ossetia)]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy [Sites of pre-Scythian and Scythian time in the South of Eastern Europe]*. R. M. Munchaev, V. S. Olkhovskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 14–18. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 1.)

Krushel'nits'ka L. I., 1985. Vzaєmozv'yazky naselennya Prykarpattya i Volyni z plemenamy Skhidnoï i Tsentral'noï Єvropy (rubizh epokh bronzy i zaliza) [Interrelations of population of Carpathian region and Volynia with tribes of Eastern and Central Europe (turn of Bronze and Iron Ages)]. Kyïv: Naukova dumka. 164 p.

Leskov A. M., 1965. Gornyy Krym v I tysyacheletii do nashey ery [Mountainous Crimea in I millennium BC]. Kiev: Naukova dumka. 198 p.

Levitskiy O. G., Demchenko T. I., 1995. Pamyatniki skifskoy arkhaiki na territorii Moldovy [Archaic Scythian sites in territory of Moldova]. *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma [Antiquities of North Pontic region and Crimea]*, 5. G. N. Toshchev, ed. Zaporozh'e: Zaporozhskiy gos. universitet: Zaporozhskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey, pp. 41–53.

Luk'yashko S. I., 1999. Predskifskiy period na Nizhnem Donu [Pre-Scythian period on Lower Don]. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey. 240 p. (Donskie drevnosti, 7.)

Makhortykh S. V., 2005. Kimmeriytsy Severnogo Prichernomor'ya [Cimmerians of North Pontic region]. Kiev: Shlyakh. 380 p.

Martynov A. I., 1979. Lesostepnaya tagarskaya kul'tura [Forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka. 208 p.

Mimokhod R. A., 2013. Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka [Lola culture. North-Western Caspian region at the turn of Middle

and late periods of the Bronze Age]. Moscow: IA RAN. 568 p.: ill. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 16.)
Mogil'nikov V. A., 1997. Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n. e. [Population of Upper Ob region in the middle – second half of I millennium BC]. Moscow: Pushchinskiy nauch. tsentr RAN. 195 p.
Patrushev V. S., Khalikov A. Kh., 1982. Volzhskie anan'intsy (Starshiy Akhmylovskiy mogil'nik) [The Volga Anan'ino people (Starshiy Akhmylovskiy cemetery)]. Moscow: Nauka. 280 p.
Popova T. B., 1963. Dol'meny stanitsy Novosvobodnoy [Dolmens of Novosvobodnaya Cossack village]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 48 p., ill. (Trudy GIM. Pamyatniki kul'tury, 34.)
Potapov V. V., 1997. Predskifskie zakhoroneniya s vos'merkovidnymi blyashkami [Pre-Scythian burials with 8-shaped plaques]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy [Sites of pre-Scythian and Scythian time in the South of Eastern Europe]*. R. M. Munchaev, V. S. Olkhovskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 35–39. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 1.)
Rezepkin A. D., 2012. Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika «Klady») [Novosvobodnaya culture (based on materials from «Klady» cemetery)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 342 p.: ill., tabl. (Trudy IIMK RAN, XXXVII.)
Runich A. P., 1958. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kavminvod za 1958 g. [Report on field research in Kavminvody region for 1958]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Runich A. P., 1959. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kavminvod za 1959 g. [Report on field research in Kavminvody region for 1959]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Runich A. P., 1965. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kavkazskikh Mineral'nykh vod za 1965 g. [Report on field research in Kavkazskie Mineral'nye vody region for 1965]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Runich A. P., 1970. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kislovodska za 1970 g. [Report on field research in Kislovodsk region for 1970]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Ryabkova T. V., 2010. K voprosu o «skifskikh» busakh v Teyshebaini [On the issue of «Scythian» beads in Teishebaini]. *Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological miscellany], 21. Izobrazitel'noe iskusstvo v arkheologicheskom nasledii [Visual art in archaeological heritage]*. A. V. Kolesnik, ed. Donetsk: Lebed', pp. 178–188.
Smirnov N. Yu., 2016. «Vos'merkovidnye» blyashki Evrazii I tys. do n. e.: tipologiya i rasprostranenie [«8-shaped» plaques in Eurasia in I mill. BC: typology and spread]. *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya [Study and preservation of archaeological heritage of peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov readings]*. M. Kh. Bagaev, Kh. M. Mamaev, eds. Groznyy: Chechenskiy gos. universitet, p. 118.
Tairov A. D., 2007. Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–VI vv. do n. e. [Nomads of the Ural-Kazakh steppes in VII–VI cc. BC]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskiy gos. universitet. 274 p.
Terenozhkin A. I., 1961. Predskifskiy period na Dneprovskom Pravoberezh'e [Pre-Scythian period in the Dnieper right bank region]. Kiev: Naukova dumka. 248 p.
Uvarova P. S., 1900. Mogil'niki Severnogo Kavkaza [Cemeteries of the North Caucasus]. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova i K. 381 p. (Materialy po arkheologii Kavkaza, VIII.)
Vanchugov V. P., 1990. Belozerskie pamyatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e [Belozerka sites in North-West Pontic region]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.
Vinogradov V. B., 1972. Tsentral'nyy i Severo-Vostochnyy Kavkaz v skifskoe vremya (VII–IV vv. do n. e.) [Central and North-Eastern Caucasus in Scythian times (VII–IV cc. BC)]. Groznyy: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. 389 p.

About the authors

Berezin Yakov B., Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow State University, ul. Mokhovaya, 11, Moscow, 125009, Russian Federation; e-mail: yakov_berezin@mail.ru;

Maslov Vladimir E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maslovlad@mail.ru

Е. Е. Антонов

ПОЗДНЕСКИФСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА: ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАСТРОЙКИ И ИХ ИЗМЕНЕНИЯ[1]

Резюме. Основная задача статьи – описать модель изменения застройки на позднескифских поселениях Северо-Западного Крыма (около 120 г. до н. э. – начало II в. н. э.). Около 120–110 гг. до н. э. они представляли собой небольшие укрепления, основой которых были греческие сооружения предшествующего времени. После 110 г. до н. э., но уже до середины I в. до н. э. поселения застраиваются по новым принципам. Единицами новой застройки выступают многокомнатные дома, сгруппированные в кварталы. При этом часть сооружений используется с предыдущего подэтапа, применяются и некоторые строительные приемы предшествующего времени. Новая застройка окружена укреплениями, но уже до середины I в. до н. э. за их пределами появляются неукрепленные «предместья». После середины I в. до н. э. принципы застройки сохраняются, поселения достигают максимальных размеров. На заключительном этапе (около 20 г. н. э. – начало II в. н. э.) число поселений, их размеры и плотность застройки уменьшаются, большинство из них становятся неукрепленными, появляются новые разновидности домов. Особенно заметными эти перемены становятся после 65 г. н. э., они, вероятно, связаны с частичной сменой населения.

Ключевые слова: Позднескифская археологическая культура, Крымская Скифия, Северо-Западный Крым, античное домостроительство.

[1] Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.102-123

Рассмотрение застройки поселений на разных археологически различимых этапах (*Антонов*, 2017б; 2021а; 2021б) позволяет построить модель ее изменения. Она даст возможность выделить основные закономерности, а также проверить рабочую гипотезу о преемственности планировок на протяжении всего «позднескифского» периода. Рассмотрению этих вопросов и посвящена представляемая работа[2].

Позднескифская археологическая культура, к сожалению, во многих работах рассматривается как статичное явление, без достаточного внимания к ее эволюции и хронологическим изменениям. Как представляется, именно поэтому настолько затруднены вопросы о ее происхождении и конкретном содержании, когда тот или иной отдельно взятый компонент культуры (боспорский, сарматский, кельто-фракийский и т. д.) «назначается» определяющим весь ее облик (*Мордвинцева*, 2017а. С. 30). Такой подход, как справедливо отмечал по схожему поводу А. А. Масленников, нарушает принцип историчности (*Масленников*, 1990. С. 218).

Чтобы избежать этой ошибки, была проведена синхронизация строительных остатков позднескифских поселений Северо-Западного Крыма (*Антонов*, 2018), а результат сопоставлен с датами, полученными из письменных источников. Последние были заново проанализированы (*Антонов*, 2019б). В итоге на большинстве памятников удалось выделить три относительно крупных *археологически различимых* этапа. На части поселений возможно выделение и более мелких подэтапов. В целом эта хронологическая схема может быть представлена следующим образом:

Этап I. Около 120 г. до н. э. – середина I в. до н. э. (от занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами до развала Понтийской державы Митридата VI Евпатора).

Подэтап Iа: около 120–110 г. до н. э. (до походов Диофанта).

Подэтап Iб: около 110 г. до н. э. – 70-е гг. до н. э.

Подэтап Iв: вторая четверть I в. до н. э.

Этап II. Середина I в. до н. э. – около 20 г. н. э. (от развала Понтийской державы Митридата VI Евпатора до экспедиции Аспурга).

Подэтап IIа: середина I в. до н. э. – около 20 г. до н. э.

Подэтап IIб: около 20 г. до н. э. – около 20 г. н. э.

Этап III. Около 20 г. н. э. – начало II в. н. э. (от экспедиции Аспурга до запустения поселений Северо-Западного Крыма).

Подэтап IIIа: около 20–65 г. н. э. (до экспедиции Т. Плавтия Сильвана).

Подэтап IIIб: около 65 г. н. э. – начало II в. н. э.

Модель изменения застройки кратко уже представлялась публике (*Антонов*, 2019а), теперь есть возможность рассмотреть ее подробнее.

[2] Благодарю С. Ю. Внукова, С. Б. Ланцова и Е. А. Попову за разрешение использовать неопубликованные отчеты о раскопках, а также сотрудников архивов ИА РАН, ИА Крыма РАН, музея-заповедника «Херсонес Таврический» и Евпаторийского краеведческого музея – за содействие в работе с архивными материалами.

Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма на этапе I (около 120 г. до н. э. – середина I в. до н. э.)

Как отмечалось выше, в рамках первого этапа возможно выделение более узкодатированных подэтапов Ia, Iб и Iв. Они прослеживаются на тех памятниках, где достоверно зафиксировано сколько-нибудь продолжительное присутствие понтийских гарнизонов: на Калос Лимене и Кара-Тобе. Кроме того, на Чайке, Беляусе и Южно-Донузлавском поселении в рамках этапа выделяются по два хронологических отрезка. Рубежом, разделяющим их, по всей вероятности, были Диофантовы войны.

Такое хронологическое членение материалов позволяет детально проследить процесс изменения застройки, а также диктует порядок изложения: вначале рассматриваются узкодатированные строительные остатки, затем – те постройки, которые возможно датировать только в рамках всего этапа I.

Подэтап Ia
(до походов Диофанта; около 120–110 г. до н. э.)

Ко времени до походов Диофанта можно уверенно отнести строительный ярус С1 Калос Лимена, предположительно – горизонт IA Чайки (рис. 1: *Ia*), период VI Беляуса и период II раскопа I на Южно-Донузлавском поселении.

Поселения подэтапа Ia имеют ряд общих черт. Так, во всех случаях основой для застройки стали помещения, оставшиеся от греков. Собственно позднескифские строительные остатки рассматриваемого времени представляют собой лишь следы приспособления уже существовавших построек: новые ярусы стен, перегородки, небольшие пристройки (*Дашевская*, 1961. С. 9–11; 1962. С. 12–16; 1963. С. 12–14; 1967а. С. 8, 9; 1991. С. 12; *Дашевская, Голенцов*, 2004. С. 35; *Уженцев*, 2006. С. 95; *Попова*, 2017. С. 265–269). Новые пристройки, как показывают материалы Чайки, часто имели небольшую площадь – от 0,7 до 3,7 кв. м (*Попова*, 2017. С. 265–269), что исключает их жилое назначение.

Те же признаки приспособления греческих сооружений наблюдаются и в оборонительных системах. Как показывают материалы Калос Лимена и Чайки, поздние скифы используют греческие оборонительные сооружения, достраивая и укрепляя их. По-видимому, в подэтапе Ia поселения Северо-Западного Крыма представляли лишь небольшие укрепления – «цитадели» Калос Лимена[3] и Чайки (*Уженцев*, 2006. С. 95; *Попова*, 2017. С. 263; *Смекалова, Кутайсов*, 2017. С. 254), за пределами которых жилых построек не было: там бессистемно располагались нежилые строения (*Попова*, 1998. С. 186; *Внуков*, 2018. С. 69–71; *Кутайсов, Смекалова*, 2019. С. 91), а также полуземлянки (*Уженцев*, 2006. С. 92, 122; *Попова*, 2017. С. 281, 300, 301). Площади поселений, таким образом, значительно (в несколько раз) уменьшились по сравнению с греческим периодом.

[3] Судя по всему, именно цитадель Калос Лимена и осаждали войска Диофанта (IOSPE I2, 352).

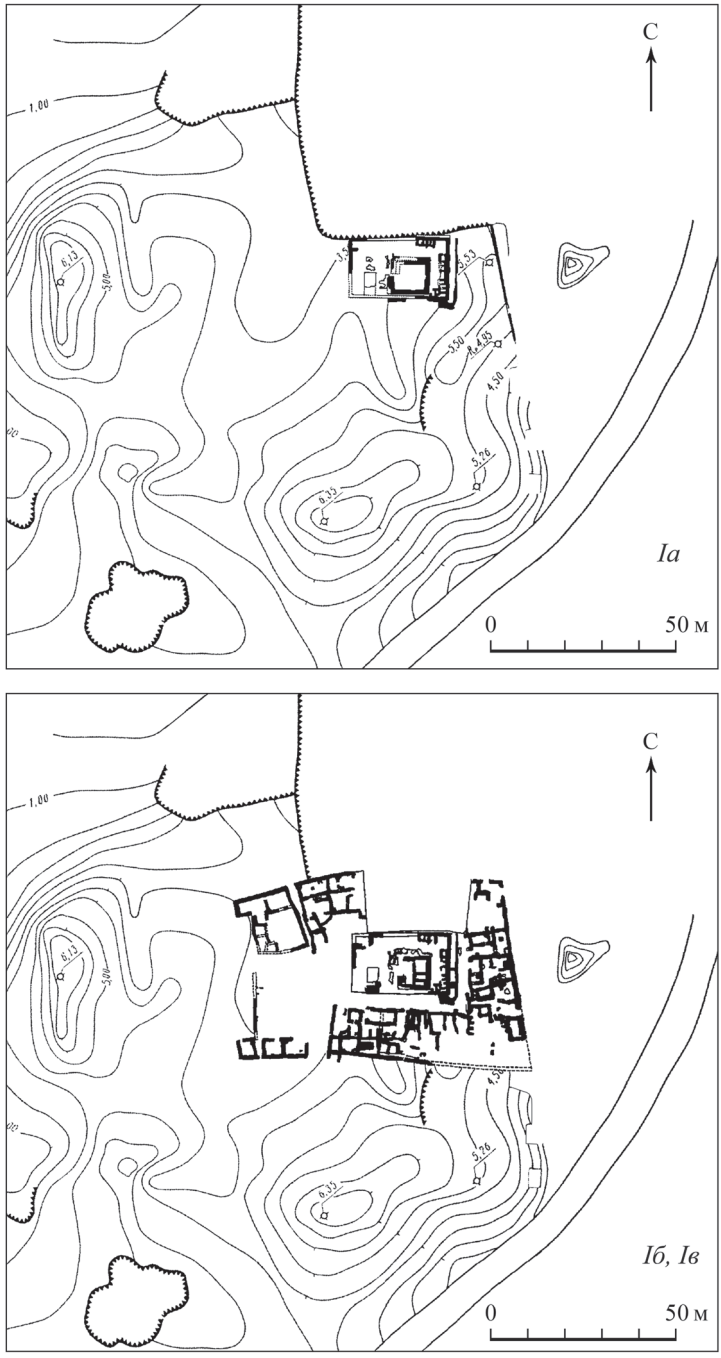


Рис. 1. Планировка Чайки на этапе I
(около 120 г. до н. э. – середина I в. до н. э.)

Ia, Iб, Iв – подэтапы. Совмещение планов (по: *Попова*, 2017) и топосъемки (по: *Карасев*, 1963а)

Некоторое новшество в оборонительных системах выделяется только на Чайке. Там восточную стену «цитадели» укрепили дополнительным поясом необычной конструкции: пространство между новый поясом и первоначальной стеной было поделено поперечными кладками на отсеки. Эти отсеки были заполнены грунтом и камнями (*Попова*, 2017. С. 263, 264). Аналогичную конструкцию имела оборонительная стена Неаполя (*Высотская*, 1979. С. 37, 38. Рис. 5; 1989. С. 16; *Колтухов*, 1999. С. 31, 32, 153. Рис. 33), с той лишь разницей, что в столице стена изначально состояла из двух панцирей, пространство между которыми было поделено на отсеки.

Застройка поселений после Диофантовых войн (подэтапы Iб и Iв; около 110 г. до н. э. – середина I в. до н. э.)

Строительный горизонт IВ Чайки (рис. 1: *Iб, Iв*), периода VII Беляуса и периода III раскопа I на Южно-Донузлавском поселении могут быть датированы только относительно широко – около 110 г. до н. э. – сер. I в. до н. э. Характерной чертой этого времени стало появление новой, собственно позднескифской застройки. Площадь поселений заметно увеличивается.

Новая застройка по-прежнему связана с более ранней греческой: некоторые греческие постройки продолжают использоваться, ориентация собственно позднескифских домов часто следует трассам более ранних греческих стен. На Чайке греческая усадьба, освоенная еще около 120–110 гг. до н. э., становится ядром – «цитаделью» – поселения.

В целом стены ориентированы по направлению сторон света, иногда с небольшими отклонениями от них. Заметно стремление выдержать единую ориентацию на разных участках поселения.

Единицей застройки выступают многокамерные дома. Судя по материалам Чайки, уже после 110 г. до н. э. они сгруппированы в кварталы, разделенные в большинстве случаев улицами. Почти все дома на Чайке пристроены к оборонительным стенам.

В оборонительных стенах Чайки имеются швы, которые в Северном квартале соответствуют границам домов (*Яценко*, 1983. С. 47, 48), в Восточном квартале – границам блоков из трех домов (*Карасев*, 1963б. С. 33; *Яценко*, 1970. С. 31, 32). Получившиеся куртины различаются по характеру кладки (*Попова*, 2017. С. 270, 271). Швы в оборонительной стене, скорее всего, свидетельствуют, что стена строилась с разных сторон одновременно. Следовательно, строители должны были иметь предварительно составленный план поселения.

Во втор. четв. – сер. I в. до н. э. за пределами оборонительных стен Чайки появляется «предместье» – дом, расположенный на расстоянии 6–7 м от юго-западного угла основного укрепления (*Попова, Коваленко*, 2005. С. 84–87, 90; *Попова*, 2009. С. 119). Очевидно, появление неукрепленного предместья – признак стабильности военно-политической ситуации.

Кара-Тобе во второй четверти I в. до н. э. (подэтап Iв)

Кара-Тобе – единственное поселение, на котором уверенно выделяются строительные остатки подэтапа Iв. Примечательно, что эти остатки имеют такой же характер, как на Чайке подэтапа Iа. Это отдельные перестройки в греческих помещениях (*Внуков*, 2006. С. 11, 12; 2012. С. 29–31; 2015а. С. 168, 170–172; 2015б. С. 55–67), очень маленькие постройки (площадью не более 4 кв. м) (*Внуков*, 1997. С. 6–8; 2015а. С. 67–75; 2015б. С. 170), дополнительные оборонительные пояса, полностью аналогичные чайкинскому. Единственное отличие кара-тобинских поясов – использование в качестве перегородок не только специально сооруженных для этого кладок, но и отрезков греческих стен (*Внуков*, 2003. С. 39; 2004. С. 20, 21; 2006. С. 22, 23; 2011а. С. 36–38).

Примечательно, что аналогичные по устройству дополнительные оборонительные пояса на Чайке и Кара-Тобе разделены значительным промежутком времени – около 35–45 лет. Это говорит об одинаковой тактике приспособления греческих укреплений, которая существовала около полувека. Интересно и то, что на Кара-Тобе дополнительный пояс «старой» конструкции строится в то время, когда на Чайке уже используются укрепления другого устройства. Тождественность оборонительных конструкций на Чайке и Кара-Тобе, так же как и другие следы приспособления греческих сооружений, открытые на этих двух поселениях, демонстрируют преемственность между этапами Iа и Iв.

Керкинитида около 120 г. до н. э. – середина I в. до н. э. (этап I)

Помещения горизонта А1, открытые в Керкинитиде, можно датировать только широко – в рамках всего этапа I. Эти строительные остатки заметно отличаются от рассмотренных выше. Во-первых, в Керкинитиде не зафиксированы следы использования греческих помещений (*Кутайсов*, 1990. С. 112). Во-вторых, у города не раскрыты укрепления, которые можно было бы связывать с поздними скифами (Там же. С. 67, 68).

В остальном застройка горизонта А1, открытая в Керкинитиде, сходна с застройкой описанных выше позднескифских поселений, которая датируется около 110 г. до н. э. – сер. I в. до н. э. Стены позднескифских построек в Керкинитиде ориентированы в одном направлении, по промежуточным сторонам света, т. е. так же, как и греческие кладки. Часть домов расположены довольно близко к друг другу (следы блокировки в кварталы?), между некоторыми домами оставались узкие пустые пространства, напоминающие улицы. Примечательно также то, что все дома многокамерные.

Позднескифская застройка, аналогичная открытой в Керкинитиде, на других поселениях Северо-Западного Крыма, как было показано выше, появляется после 110 г. до н. э. Это позволяет и застройку Керкинитиды предположительно датировать указанным временем. После 110 г. до н. э., но до середины I в. до н. э., как отмечалось выше, у Чайки появляется неукрепленное «предместье».

Если рассматривать это «предместье» отдельно от основного поселения, то оно будет обладать теми же отличиями, что и застройка Керкинитиды горизонта А1: отсутствием укреплений и следов использования греческих помещений. Это наводит на мысль, что в Керкинитиде открыта лишь окраинная часть позднескифского поселения, ядро же его остается неисследованным. Такая вероятность подтверждается вскрытой площадью – около 4 % всей площади городища (*Кутайсов*, 2016. С. 190). О том, что какие-то греческие кладки или даже помещения в неоткрытой части Керкинитиды могли использоваться поздними скифами, свидетельствует схожая ориентация стен греческого и позднескифского периодов.

Таким образом, анализ планировок позднескифских поселений Северо-Западного Крыма этапа I (около 120 г. до н. э. – сер. I в. н. э.) позволяет проследить две стадии освоения региона «варварами». Сначала поздние скифы максимально используют греческие помещения и укрепления. Затем переходят к полноценному освоению: расширяют поселения за счет строительства новых домов, сооружают новые укрепления. Переход к новому строительству, по всей вероятности, случился после окончания Диофантовых войн, когда поздние скифы становятся союзниками Митридата VI Евпатора[4]. Уже после 110 г. до н. э. планировки позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму становятся упорядоченными. Греческая усадьба на Чайке превращается в «цитадель» нового поселения. Единицами застройки являются многокамерные дома, они объединены в кварталы и часто примыкают к оборонительным стенам. К концу этапа I у поселений появляются неукрепленные «предместья».

Материалы Чайки и Кара-Тобе показывают прямую преемственность между практикой освоения поселений в 120–110 гг. до н. э. и во втор. четв. I в. до н. э.

Планировки позднескифских поселений Северо-Западного Крыма на этапе II (середина I в. до н. э. – около 20 г. н. э.)

Строительные остатки позднескифских поселений Северо-Западного Крыма могут быть соотнесены с этапом II с разной степенью точности. Так, в материалах двух поселений – Чайки и Кара-Тобе – в рамках этапа II выделяются два подэтапа: IIа (сер. I в. до н. э. – около 20 г. до н. э.) и IIб (около 20 г. до н. э. – около 20 г. н. э.). В Калос Лимене эти подэтапы неразличимы. Строительные периоды на Южно-Донузлавском и Беляусе можно соотнести с этапом II лишь предположительно. Кроме того, временем между серединой I в. до н. э. и примерно 20 г. н. э. датируются участки застройки на Кульчуке и один дом Керкинитиды (горизонт А2). На Тарпанчи строительные остатки рассматриваемого времени не зафиксированы. В соответствии с точностью этих датировок и строится настоящий раздел.

[4] Список свидетельств об этом союзе см.: (*Храпунов*, 2004. С. 87).

Чайка и Кара-Тобе в середине I в. до н. э. – около 20 г. до н. э. (подэтап IIа)

Чайка подэтапа IIа (рис. 2: *IIа*) в общих чертах сохраняет основы планировки, заложенные около 110 г. до н. э. – сер. I в. до н. э.: в центре поселения находится «цитадель», ее окружают кварталы из многокамерных домов, большинство кварталов отделены друг от друга улицами, большинство домов пристроены изнутри к оборонительным стенам, ориентация кладок близка сторонам света, продолжает существовать дом в «предместье».

Изменения связаны с ремонтом и реорганизацией укреплений: пристраиваются дополнительные пояса (*Яценко*, 1970. С. 32, 34; *Попова*, 1991. С. 39, 40; 2017. С. 275); северный (*Яценко*, 1975. С. 379, 380; 1983. С. 48; *Попова*, 2017. С. 275) и западный (*Попова*, 1998. С. 183) входы закрываются башнями (причем только западная из них была проходной), закладываются проход (*Попова*, 2017. С. 274, 275) и калитка (*Попова*, 1991. С. 45, 58) в южной стене. Кроме того, строятся новая западная стена и еще одна северо-западная башня (*Попова*, 2009. С. 118; 2017. С. 275–278). Очевидно, это не только следы расширения поселения к западу, но и признак напряженной военно-политической ситуации.

На Кара-Тобе строительные остатки середины I в. до н. э. (горизонт 2А) сохранились плохо. Судя по ним, уже в это время поселение было застроено многокамерными домами, окружавшими центральную понтийскую башню. Трассы новых стен совпадают с ориентацией помещений более ранней понтийской крепости, некоторые из этих ранних греческих помещений продолжают использоваться.

В том же подэтапе IIа центральная часть Кара-Тобе перестраивается (горизонт 2В) по принципам, аналогичным тем, что около 110 г. до н. э. – сер. I в. до н. э. были заложены в планировку Чайки. Центром поселения на Кара-Тобе тоже становится греческое здание – башня понтийской крепости. Вокруг нее огораживается оборонительной стеной почти квадратный участок – «цитадель» (*Внуков*, 2011б. С. 68, 69). К этим стенам изнутри примыкают многокамерные дома. От башни новые дома отделены улицами. Застройка, видимо, существовала и за пределами «цитадели», к востоку от нее. Однако там она сохранилась значительно хуже.

Главным отличием между двумя поселениями являются размеры. Если на Чайке греческое здание окружено кварталами, каждый из которых состоит из нескольких домов, то на Кара-Тобе понтийскую башню окружает всего несколько домов, которые вместе составляют один квартал («цитадель»).

Чайка и Кара-Тобе около 20 г. до н. э. – около 20 г. н. э. (подэтап IIб)

Основы планировок поселений подэтапа IIб (рис. 2: *IIб*) сохраняются прежними: греческое здание в центре, окружение из многокамерных домов, сгруппированных в кварталы, сходная ориентация стен. Вместе с тем поселения расширяются, застройка становится менее упорядоченной, происходят изменения в оборонительных системах.

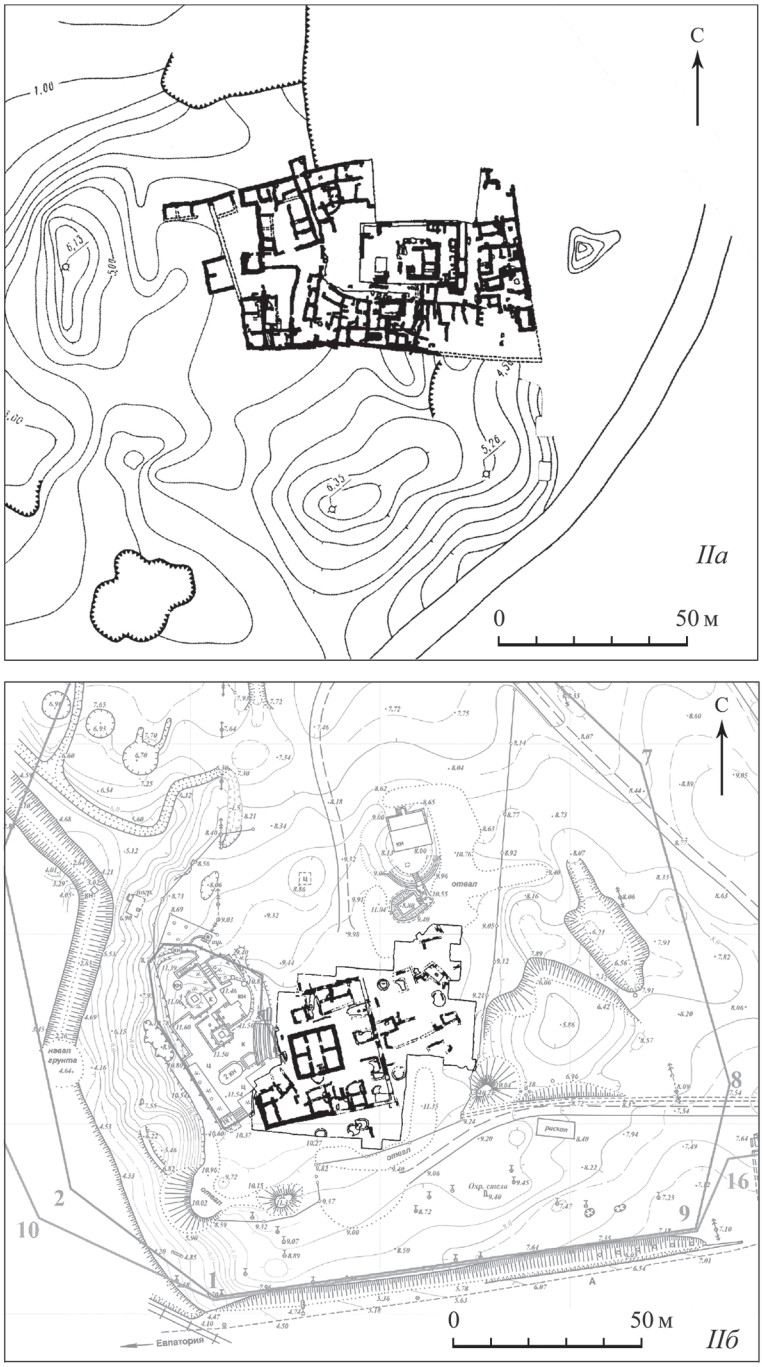


Рис. 2. Планировки позднескифских поселений Северо-Западного Крыма на этапе II (середина I в. до н. э. – около 20 г. н. э.)

IIа – Чайка подэтапа IIа. Совмещение плана (по: *Попова*, 2017) и топосъемки (по: *Карасев*, 1963а); *IIб* – Кара-Тобе подэтапа IIб. Совмещение плана (по: *Антонов*, 2017а), отчетов С. Ю. Внукова и топосъемки (по: *Внуков*, 2014).

В начале подэтапа IIб (около 20 г. до н. э.) на обоих поселениях ремонтируются оборонительные стены – к ним пристраиваются дополнительные пояса, на Кара-Тобе закладывают калитку в северо-восточном углу «цитадели». К концу подэтапа II укрепления теряют свое значение: застройка выходит за их пределы, местами новые помещения пристраиваются к оборонительным стенам или даже перекрывают их. Очевидно, что состояние укреплений отражает спокойную военно-политическую обстановку. Около 20 г. до н. э. она была напряженной и оборонительную систему поддерживают в хорошем состоянии, затем следует долгий период стабильности, который приводит к тому, что укрепления теряют свое значение.

Период стабильности сказывается и на расширении площади поселений: новые дома возникают к западу от основных укреплений Чайки, а также к северу и востоку от «цитадели» Кара-Тобе.

Калос Лимен в середине I в. до н. э. – около 20 г. н. э. (этап II)

Застройка Калос Лимена этапа II демонстрирует те же закономерности, что выявлены на Чайке и Кара-Тобе. Разница обусловлена, во-первых, размерами Прекрасной Гавани – это самое крупное поселение рассматриваемого времени в Северо-Западном Крыму. Во-вторых, в Калос Лимене невозможно детально продатировать изменения застройки, как это было сделано на материалах Чайки и Кара-Тобе.

Так, площадь Калос Лимена существенно увеличивается: дома поздних скифов появляются не только в цитадели, как раньше, но и в пределах внешних укреплений городка, а также вне их (*Кутайсов, Уженцев*, 1997. С. 55; *Уженцев*, 2006. С. 101]. Точно проследить последовательность роста поселения на имеющихся материалах нельзя, но можно предполагать, что как Чайка и Кара-Тобе, максимальных размеров Калос Лимен достигает в подэтапе IIб (после 20 г. до н. э.).

В Калос Лимене фиксируются и другие закономерности, выявленные на Чайке и Кара-Тобе. Так, основу застройки составляют многокамерные дома. В пределах внешних укреплений они сблокированы в кварталы, разделенные улицами. Некоторые из домов были пристроены к оборонительным стенам. В большинстве случаев кладки следуют трассам более ранних греческих стен. Хотя есть и отклонения, видимо, там, где более ранние кладки не сохранились. За внешними стенами застройка «кустовая» – дома располагаются небольшими группами (*Уженцев*, 2006. С. 101).

Изменения, аналогичные тем, что выявлены на Чайке и Кара-Тобе, характерны и для оборонительной системы Калос Лимена. Стены ремонтируются, их дополнительно защищают с помощью валов и рвов (Там же. С. 55, 57). Судя по материалам Чайки и Кара-Тобе (см. выше), это должно было происходить в начале этапа II. К его концу рвы на некоторых участках были засыпаны доверху (*Уженцев*, 2006. С. 57; *Смекалова, Кутайсов*, 2017. С. 254), а одну из башен цитадели разбирают до основания (*Кутайсов, Уженцев*, 1994. С. 177).

Другие поселения Северо-Западного Крыма в середине I в. до н. э. – около 20 г. н. э. (этап II)

Застройку этапа II других поселений Северо-Западного Крыма в силу разных причин можно охарактеризовать лишь в общих чертах. Наблюдения над материалами, доступными для исследования, показывают, что эта застройка обладает теми же признаками, что были выделены выше. Далеко не все признаки представлены на каждом отдельно взятом памятнике, что, скорее всего, обусловлено неполнотой источников, но в целом их набор тот же. Так, единицей застройки выступают многокамерные дома: Кульчук (*Ланцов*, 2009. С. 15–19. Рис. 5; 2010. С. 143. Рис. 2); Беляус; Южно-Донузлавское (*Дашевская*, 1960. С. 11–20; 1967а. С. 11, 12; 1968. С. 17; 1969. С. 6, 7; 1970б. С. 2), Керкинитида; они группируются в кварталы: Кульчук (*Ланцов*, 2009. С. 15–19. Рис. 5; 2010. С. 143. Рис. 2), Беляус (*Смекалова, Кутайсов*, 2017. С. 360; *Кутайсов, Смекалова*, 2019. С. 119). Кладки, как правило, следуют трассам более ранних греческих стен (Кульчук (*Ланцов*, 2009. С. 15–19. Рис. 5; 2010. С. 143. Рис. 2); Южно-Донузлавское (*Дашевская*, 1968. С. 9, 10); Керкинитида). Поселения достигают максимальных размеров, у них появляются «предместья»: Беляус (*Дашевская*, *Голенцов*, 2005. С. 512; *Ланцов*, 2011. С. 219; *Внуков и др.*, 2016. С. 246; *Ланцов, Филиппенко-Коринфский*, 2020. С. 327), Южно-Донузлавское (*Дашевская*, 1966. С. 119; 1970а. С. 256; 1972. С. 62), возможно, Керкинитида[5]. В начале этапа II поселения укреплены – Беляус (*Дашевская*, 1990. С. 146–149, 155, 156), Южно-Донузлавское; к концу этого этапа укрепления приходят в негодность – Беляус (Там же. С. 150, 153; *Дашевская, Голенцов*, 2004. С. 37).

В этом перечислении стоит выделить Южно-Донузлавское поселение: одно из его «предместий» было укреплено собственной стеной (*Дашевская*, 1967б. С. 65, 66; 1970а. С. 256), что на других памятниках Северо-Западного Крыма не фиксируется.

Таким образом, позднескифские поселения региона на этапе II (сер. I в. до н. э. – около 20 г. н. э.) застроены по одним и тем же принципам. Судя по увеличившимся размерам поселений и появлению неукрепленных предместий, этот этап – время длительной военно-политической стабильности, результатом которой был расцвет поселений. Детальная периодизация двух поселений позволяет проследить и некоторые изменения: около сер. I в. до н. э. и около 20 г. до н. э. возводятся новые укрепления или ремонтируются старые, ближе к 20 г. н. э. они приходят в негодность. То же касается и площадей поселений, – видимо, наибольших размеров они достигают после 20 г. до н. э.

[5] Предполагается, что раскопками 1980-х гг. раскрыта лишь окраинная часть позднескифского поселения в Керкинитиде – см. выше.

Планировки поселений Северо-Западного Крыма этапа III (около 20 г. н. э. – начало II в. н. э.)

Из восьми поселений римского времени, исследованных раскопками в Северо-Западном Крыму, только пять продолжают существование после 20 г. н. э. В рамках этапа III на некоторых поселениях выделяются подэтапы IIIа и IIIб. Так, строительные остатки подэтапа IIIа (около 20 г. н. э. – около 65 г. н. э.) зафиксированы на Кара-Тобе и в Калос Лимене, а подэтапа IIIб (около 65 г. н. э. – начало II в. н. э.) – на Кара-Тобе и Тарпанчи. Формально подэтап IIIб выделяется и в Калос Лимене, но сведения о его планировке в это время практически отсутствуют (*Уженцев*, 2006. С. 162. Рис. 26). Строительные остатки, обнаруженные на Беляусе и Южно-Донузлавском поселении, не могут быть датированы точнее, чем весь этап III (около 20 г. н. э. – начало II в. н. э.). При этом сведения о застройке Беляуса в рассматриваемое время ограничиваются лишь фактом ее существования на протяжении всего этапа III и следами разрушений около 65 г. н. э. (*Дашевская, Голенцов*, 2004. С. 37).

Как и в других случаях, точность датировок диктует порядок рассмотрения материалов.

Кара-Тобе и Калос Лимен около 20 г. н. э. – около 65 г. н. э. (подэтап IIIа)

Сохранность строительных остатков подэтапа IIIа на Кара-Тобе плохая, поэтому возможности сравнения их с застройкой Калос Лимена (рис. 3) ограничены. Очевидно сокращение площади поселений: исчезают постройки в пригороде Калос Лимена (*Уженцев*, 2006. С. 105), на Кара-Тобе они существуют только в центральной части (*Внуков*, 1999. С. 210). Продолжают использоваться греческие укрепления: центральная башня на Кара-Тобе (*Внуков*, 1993. С. 35; 1999. С. 210) и цитадель Калос Лимена (*Уженцев*, 2006. С. 57, 58). Хотя в случае Кара-Тобе доказать, что башня использовалась в подэтапе IIIа именно как укрепление, невозможно. В ряде случаев (в большинстве?) заметно стремление выдержать прежнюю ориентацию стен – они обычно следуют трассам, заложенным еще в греческий период.

В цитадели Калос Лимена, а также в пределах его внешних укреплений, зафиксирована новая квартальная застройка. Ее единицами, как и в предыдущем этапе, выступают многокамерные дома (Там же. С. 104).

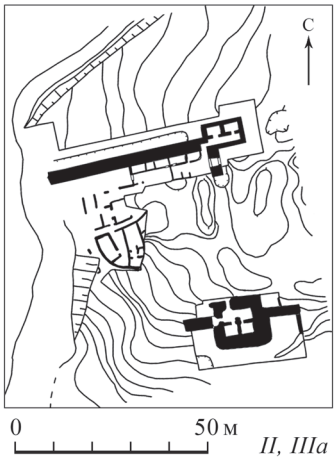


Рис. 3. Планировка цитадели Калос Лимена на этапе II и подэтапе IIIа (по: *Уженцев*, 2006)

Кара-Тобе и Тарпанчи около 65 г. н. э. – в начале II в. н. э. (подэтап IIIб)

Строительные остатки подэтапа IIIб немногочисленны, но и они позволяют выделить некоторые закономерности. И Кара-Тобе (*Внуков*, 1994. С. 62, 65; 1999. С. 210), и Тарпанчи (*Щеглов*, 1978. С. 39; *Смекалова, Кутайсов*, 2017. С. 342) после 65 г. н. э. лишены укреплений. Дома по-прежнему многокамерные, хотя их внутренняя планировка меняется. Кладки продолжают сохранять ориентацию, заложенную еще в позднеэллинистическое время (*Щеглов*, 1961. С. 3). На Кара-Тобе зафиксировано дальнейшее уменьшение площади поселения.

Южно-Донузлавское поселение около 20 г. н. э. – в начале II в. н. э. (этап III)

На Южно-Донузлавском поселении зафиксированы похожие изменения: площадь поселения, судя по всему, сокращается[6], укрепления уже не используются[7], а ориентация кладок, напротив, сохраняется прежней. Дома этапа III изначально однокамерные и полуподвальные (заглублены на 0,8–1 м), чем резко отличаются от более ранних (*Дашевская*, 1960. С. 23; 1961. С. 20, 23; 1962. С. 18; 1967а. С. 11).

Таким образом, поселения этапа III характеризуются рядом общих признаков. Среди них наиболее важными представляются отсутствие укреплений и появление новых разновидностей домов. Только на Калос Лимене зафиксированы и укрепления, и квартальная застройка, что, по-видимому, следует объяснять его размерами: Прекрасная Гавань остается самым крупным поселением Северо-Западного Крыма.

Подведем итог рассмотрению застройки поселений поздних скифов в Северо-Западном Крыму. На каждом из археологически выделяемых этапов и подэтапов застройка этих поселений обладает рядом схожих признаков.

Подэтап Ia (около 120–110 г. до н. э.). Позднескифские поселения представляют собой небольшие укрепления. «Варвары» используют оборонительные сооружения и помещения, сохранившиеся от предыдущего, греческого, периода. Маркерами присутствия поздних скифов выступают следы ремонта, незначительные перестройки внутри греческих помещений, а также небольшие по площади новые пристройки. На Чайке зафиксирован новый дополнительный пояс, пристроенный к оборонительной стене. Его конструкция аналогична устройству одного из участков оборонительной стены Неаполя.

После 110 г. до н.э. появляется новая, собственно – позднескифская, упорядоченная застройка. Ее единицами выступают многокамерные дома, они блокируются в кварталы. Кладки, как правило, следуют трассам более ранних греческих

[6] На раскопах за пределами центральной части поселения строительные остатки периода V не выявлены.

[7] Одна из построек прорезает вал и должна была перекрывать ров.

стен. На Чайке выделяется «цитадель» – укрепление в центре поселения, представляющее перестроенную греческую усадьбу. Примечательно использование на Кара-Тобе во второй четверти I в. до н. э. (подэтап Iв) тех же приемов и особенностей приспособления, что были характерны для Чайки около 120–110 гг. до н. э.

Этап II (середина I в. до н. э. – около 20 г. н. э.) характеризуется применением на всех поселениях принципов, заложенных около 110 г. до н. э. – сер. I в. до н. э. Поселения достигают максимальных размеров, у них появляются «предместья». В начале этапа все поселения укреплены, около 20 г. до н. э. они ремонтируются, ближе к 20 г. н. э. теряют свою оборонительную функцию. «Предместья» за единственным исключением (Южно-Донузлавское) не укреплены.

На этапе III (около 20 г. н. э. – начало II в. н. э.) сохраняется прежняя, заложенная греками, ориентация построек, но укрепления на большинстве поселений уже не используются, а площади поселений сокращаются. Квартальная застройка и укрепления зафиксированы только в Калос Лимене, что, видимо, объясняется его большими размерами и, вероятно, особой ролью. Новые дома на большинстве поселений многокамерные, но планировка их меняется.

Таким образом, в застройке позднескифских поселений Северо-Западного Крыма наблюдается преемственность примерно от 120 г. до н. э. как минимум до 20 г. н. э., а вероятно, и до 65 г. н. э. После этого преемственность нарушается. Изменения, зафиксированные в застройке после 65 г. н. э., совпадают по времени с другими переменами в материальной культуре населения Северо-Западного Крыма. Так, вероятно, именно во втор. четв. I в. н. э. появляется святилище на Сакской пересыпи (*Внуков*, 2007. С. 161). Если с середины I в. до н. э. на Кара-Тобе младенцев хоронят под полами жилых помещений, то с последней четверти I в. н. э. – вне помещений, в амфорах (*Попова*, 2020. С. 206, 207). В I в. н. э. несколько меняется погребальный инвентарь на некрополе Беляуса (*Мордвинцева*, 2017б. С. 133), в это же время там появляется новый тип конструкций – каменные склепы (*Дашевская*, 2014. С. 84; *Мордвинцева*, 2017б. С. 131).

Изменения в материальной культуре прослеживаются почти в то же самое время и в других регионах Крымской Скифии. Так, в Неаполе в середине – конце I в. н. э. запустевают почти все постройки, а на его некрополях прекращают массово использовать склепы-катакомбы, вместо них появляются подбойные могилы (*Зайцев*, 2003. С. 44, 45). Временем около 35–50 гг. н. э. А. Е. Пуздровский датировал появление богатых сарматских погребений на Усть-Альминском некрополе (*Пуздровский*, 2007. С. 199). Как представляется, все эти перемены, в том числе и в застройке поселений, могут быть связаны с частичной сменой населения.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов Е. Е., 2017а. Позднескифская «цитадель» городища Кара-Тобе: планировка, хронология, периодизация // SP. № 3. С. 223–237.

Антонов Е. Е., 2017б. Ранние поселения поздних скифов в Северо-Западном Крыму // ПИФК. № 3. С. 99–123.

Антонов Е. Е., 2018. Синхронизация строительных периодов позднескифских поселений Северо-Западного Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Т. 4 (70). № 3. С. 3–15.

Антонов Е. Е., 2019а. О типологии позднескифских поселений Северо-Западного Крыма // Вестник Танаиса. Вып. 5. Т. 1. С. 13–18.

Антонов Е. Е., 2019б. События позднескифской истории Северо-Западного Крыма и их датировка по письменным источникам // Hyparnis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 1. М.: ИА РАН. С. 33–42.

Антонов Е. Е., 2021а. Планировки поселений Северо-Западного Крыма во второй половине I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. // КСИА. Вып. 264. С. 346–365.

Антонов Е. Е., 2021б. Поселения Северо-Западного Крыма во второй четверти I – начале II в. н. э. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Т. VII. С. 10–17.

Внуков С. Ю., 1993. Исследования Кара-Тобинского отряда Крымской экспедиции // Археологічні дослідження в Україні 1992 р. С. 34–36.

Внуков С. Ю., 1994. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь: Таврия. С. 60–67.

Внуков С. Ю., 1997. Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 1996 г. Ч. 1. Отчет о раскопках городища Кара-Тобе // Архив Музея краеведения и истории грязелечения г. Саки.

Внуков С. Ю., 1999. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. // ПИФК. Вып. VIII. С. 207–211.

Внуков С. Ю., 2003. Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2002 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 27301.

Внуков С. Ю., 2004. Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2003 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 31881.

Внуков С. Ю., 2006. Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2005 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 36047.

Внуков С. Ю., 2007. Рец. на кн.: Ланцов С. Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев: Стилос, 2003. 118 с., ил. // РА. № 2. С. 158–163.

Внуков С. Ю., 2011а. Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2010 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 40224.

Внуков С. Ю., 2011б. Работы на городище Кара-Тобе // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ; Полтава: ІА НАНУ. С. 67–69.

Внуков С. Ю., 2012. Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2011 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 31175.

Внуков С. Ю., 2014. Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 38784.

Внуков С. Ю., 2015а. Отчет о раскопках греко-скифского городища Кара-Тобе в г. Саки (Республика Крым) в 2014 г. Т. 1. Текст // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 44567.

Внуков С. Ю., 2015б. Раскопки на городище Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) в 2014 г. // КСИА. Вып. 237. С. 167–176.

Внуков С. Ю., 2018. Позднескифские «землянки» городища Кара-Тобе // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Т. 4 (70). № 2. С. 51–73.

Внуков С. Ю., Ланцов С. Б., Власов В. П., Смекалов С. Л., Шапцев М. С., 2016. Раскопки на территории Кульчукского и Беляусского городищ и некрополей // АО 2014. М.: ИА РАН. С. 244–246.

Высотская Т. Н., 1979. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка. 208 с.

Высотская Т. Н., 1989. Скифские городища. 2-е изд., доп. Симферополь: Таврия. 96 с.

Дашевская О. Д., 1960. Отчет о работе Крымского отряда Скифской экспедиции Института археологии АН СССР и Одесского гос. археологического музея за 1960 год // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 2420.

Дашевская О. Д., 1961. Отчет о работе Крымского отряда Скифской экспедиции Института археологии Академии наук СССР и Одесского государственного археологического музея за 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 2617.

Дашевская О. Д., 1962. Отчет о работе Крымского отряда Скифской экспедиции Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1962 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 2627.

Дашевская О.Д., 1963. Отчет о работе Крымского отряда Скифской экспедиции Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1963 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 2828.

Дашевская О. Д., 1966. Раскопки в Северо-Западном Крыму // АО 1965. С. 117–120.
Дашевская О. Д., 1967а. Отчет о работе Крымского (Донузлавского) отряда Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1967 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 3617.
Дашевская О. Д., 1967б. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963–1965 гг. // КСИА. Вып. 109. С. 65–72.
Дашевская О. Д., 1968. Отчет о работе Донузлавского отряда Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1968 год // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 3835.
Дашевская О. Д., 1969. Отчет о работе Донузлавского отряда Института археологии Академии наук СССП и Евпаторийского краеведческого музея // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 4256.
Дашевская О. Д., 1970а. Донузлавская экспедиция // АО 1969. С. 256–257.
Дашевская О. Д., 1970б. Отчет о работе Крымского (Донузлавского) отряда Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1970 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 4291.
Дашевская О. Д., 1972. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966–1969 гг. // КСИА. Вып. 130. С. 62–69.
Дашевская О. Д., 1990. Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус // Проблемы скифо-сарматской археологии / Ред. А. И. Мелюкова. М.: ИА АН СССР. С. 143–158.
Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука. 141 с. (САИ; вып. Д1-7.)
Дашевская О. Д., 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь: Феникс. 284 с.
Дашевская О. Д., Голенцов А. С., 2004. К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма / Ред. Т. Е. Приднева. Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма. С. 26–41.
Дашевская О. Д., Голенцов А. С., 2005. Исследования на Беляусе // АО 2004. С. 511–512.
Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум. 209 с.
Карасев А. Н., 1963а. Отчет о раскопках городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. // Архив ИА НАНУ. Ф. 64. № 1963/40. 35 с.
Карасев А. Н., 1963б. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории // КСИА. Вып. 95. С. 33–42.
Колтухов С. Г., 1999. Укрепления Крымской Скифии: Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат. 224 с.
Кутайсов В. А., 1990. Античный город Керкинитида. VI–II вв. до н. э. Киев: Наукова думка. 176 с.
Кутайсов В. А., 2016. От Керкинитиды к Евпатории. Симферополь: Бизнес-Информ. 208 с.
Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н., 2019. Древние греки в Северо-Западной Таврике. Симферополь: Бизнес-Информ. 176 с.
Кутайсов В. А., Уженцев В. Б., 1994. Археологические исследования Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь: Таврия. С. 171–180.
Кутайсов В. А., Уженцев В. Б., 1997. Калос Лимена (раскопки 1988–1995 гг.) // Археология Крыма. Т. 1. Симферополь. С. 43–57.
Ланцов С. Б., 2009. Отчет об исследованиях Донузлавской археологической экспедиции на городище Кульчук в 2008 году // Архив ИА НАНУ. Ф. 64. № 2008/31.
Ланцов С. Б., 2010. Результаты исследования Кульчукского городища (IV в. до н. э. – I в. н. э.) на хоре Херсонеса Таврического // ΣΙΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / Ред.: А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин. М.; Киев: Триумф-принт. С. 142–151.
Ланцов С. Б., 2011. Работы Донузлавской экспедиции ИА НАНУ на Кульчукском и Беляусском городищах // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ; Полтава: ІА НАНУ. С. 217–219.
Ланцов С. Б., Филиппенко-Коринфский А. А., 2020. Античное городище Беляус – история и результаты исследования // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века: материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна. С. 315–330.
Масленников А. А., 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.: Наука. 228 с.
Мордвинцева В. И., 2017а. «Крымская Скифия» и «позднескифская культура Крыма». Формирование и развитие понятий // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком

и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.) / Ред.: А. И. Иванчик, В. И. Мордвинцева. М.; Симферополь: Зуев Т. В. С. 15–33.

Мордвинцева В. И., 2017б. Погребальный обряд Беляусского некрополя // Археология Северо-Западного Крыма: материалы III Междунар. науч. конф. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 129–139.

Попова Е. А., 1991. Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории / Ред.: Ю. Л. Щапова, И. В. Яценко. М.: МГУ. С. 37–75.

Попова Е. А., 1998. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н. э. – I в. н. э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка») // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / Ред.: В. Л. Янин, Т. А. Пушкина. М.: Памятники исторической мысли. С. 182–195.

Попова Е. А., 2009. Проблемы археологии и истории Северо-Западного Крыма в IV в. до н. э. – I в. н. э. (по материалам городища «Чайка» в Евпатории и некрополя у поселка Заозерное) // Вестник МГУ. Серия 8: История. № 3. С. 102–127.

Попова Е. А., 2017. Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н. э. – I в. н. э. // SP. № 3. С. 259–307.

Попова Е. А., 2020. Детские погребения на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму // КСИА. Вып. 258. С. 201–212.

Попова Е. А., Коваленко С. А., 2005. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М.: МГУ. 283 с.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А., 2017. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность СПб.: Алетейя. 448 с. (Материалы к археологической карте Крыма; вып. XVIII.) (Археологические атласы Северного Причерноморья; т. II.)

Уженцев В. Б., 2006. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.): Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат. 248 с.

Храпунов И. Н., 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Керчь; Симферополь. 240 с. (Боспорские исследования; вып. VI.)

Щеглов А. Н., 1961. Полевые работы Херсонесского музея в Северо-Западном Крыму в 1959–1960 гг. // Архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Ф. 1. № 765. Тезисы докладов на археологическом пленуме в г. Москве в 1961 г.

Щеглов А. Н., 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука. 159 с.

Яценко И. В., 1970. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967 гг.) // КСИА. Вып. 124. С. 31–38.

Яценко И. В., 1975. Раскопки скифского поселения в Евпатории // АО 1974. М.: Наука. С. 370–381.

Яценко И. В., 1983. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974–1975 гг.) // Население и культура Крыма в первые века н. э. / Ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка. С. 46–66.

IOSPE I². Vol. I. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum / Ed. B. Latyshev. Petropolis: Societatis archaeolgicae Imperii Russici, 1916. 594 p.

Сведения об авторе

Антонов Егор Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: antonov.yegor@gmail.com

E. E. Antonov

LATE SCYTHIAN SETTLEMENTS IN NORTHWESTERN CRIMEA: PRINCIPLES OF HOUSING CONSTRUCTION AND THEIR CHANGES

Abstract. The main task of this paper is to describe the pattern of changes in housing construction at late Scythian settlements in Northwestern Crimea (around 120 BC– early II century AD). In circa 120 – circa 110 BC these settlements were small forts built over earlier Greek constructions. After 110 BC and until mid I century BC new principles of house building at the settlements were employed, with multi-room houses grouped in residential quarters becoming units of new housing construction. Meanwhile, some constructions were used from the earlier substage, and some construction methods of the preceding period were practiced as well. New houses were enclosed by fortifications; however, by the middle of I century BC, unfortified outskirts had appeared outside the fortifications. After the middle of I century BC the same principles of housing development were applied and the settlements reached their maximum size. The final stage (circa 20 AD – early II century AD) saw decrease in the number of settlements, their size and housing density, most settlements became unfortified and new types of housing emerged. These changes were particularly obvious after 65 AD and were apparently linked to partial replacement of the population.

Keywords: Late Scythian archaeological culture, Crimean Scythia, Northwestern Crimea, construction of Ancient Geek houses.

REFERENCES

Antonov E. E., 2017a. Pozdneskifskaya tsitadel' gorodishcha Kara-Tobe: planirovka, khronologiya, periodizatsiya [Late Scythian citadel of Kara-Tobe hillfort: layout, chronology, periodization]. *SP*, 3, pp. 223–237.

Antonov E. E., 2017b. Rannie poseleniya pozdnikh skifov v Severo-Zapadnom Krymu [Early settlements of the Late Scythians in North-Western Crimea]. *PIFK*, 3, pp. 99–123.

Antonov E. E., 2018. Sinkhronizatsiya stroitel'nykh periodov pozdneskifskikh poseleniy Severo-Zapadnogo Kryma [Synchronization of construction periods of Late Scythian settlements in North-Western Crimea]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki [Scientific notes of Vernadsky Crimean Federal university. Historical sciences]*, vol. 4 (70), no. 3, pp. 3–15.

Antonov E. E., 2019a. O tipologii pozdneskifskikh poseleniy Severo-Zapadnogo Kryma [On typology of Late Scythian settlements in Northwestern Crimea]. *Vestnik Tanaisa [Tanais Bulletin]*, iss. 5, vol. 1, pp. 13–18.

Antonov E. E., 2019b. Sobytiya pozdneskifskoy istorii Severo-Zapadnogo Kryma i ikh datirovka po pis'mennym istochnikam [Events of Late Scythian history in Northwestern Crimea and their dating based on written sources]. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archaeology of IA RAS]*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 33–42.

Antonov E. E., 2021a. Planirovki poseleniy Severo-Zapadnogo Kryma vo vtoroy polovine I v. do n. e. – pervoy chetverti I v. n. e. [Layouts of settlements in Northwestern Crimea in the second half of I c. BC – first quarter of I c. AD]. *KSIA*, 264, pp. 346–365.

Antonov E. E., 2021b. Poseleniya Severo-Zapadnogo Kryma vo vtoroy chetverti I – nachale II v. n. e. [Settlements of Northwestern Crimea in the second quarter of I – early II c. AD]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Crimea in Sarmatian epoch (II c. BC – IV c. AD)]*, VII, pp. 10–17.

Dashevskaya O. D., 1960. Otchet o rabote Krymskogo otryada Skifskoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR i Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya za 1960 god [Report on the

work of Crimean group of Scythian expedition of the Institute of Archeology, AS USSR and Odessa state archaeological museum for 1960]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dashevskaya O. D., 1961. Otchet o rabote Krymskogo otryada Skifskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya za 1961 g. [Report on the work of Crimean group of Scythian expedition of the Institute of Archeology, AS USSR and Odessa state archaeological museum for 1961]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dashevskaya O. D., 1962. Otchet o rabote Krymskogo otryada Skifskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1962 g. [Report on the work of Crimean group of Scythian expedition of the Institute of Archeology, AS USSR and Evpatoria museum of local lore for 1962]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dashevskaya O. D., 1963. Otchet o rabote Krymskogo otryada Skifskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1963 g. [Report on the work of Crimean group of Scythian expedition of the Institute of Archeology, AS USSR and Evpatoria museum of local lore for 1963]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dashevskaya O. D., 1966. Raskopki v Severo-Zapadnom Krymu [Excavations in North-West Crimea]. *AO 1965*. Moscow: Nauka, pp. 117–120.

Dashevskaya O. D., 1967a. Otchet o rabote Krymskogo (Donuzlavskogo) otryada Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1967 g. [Report on the work of Crimean (Donuzlav) group of the Institute of Archeology, AS USSR and Evpatoria museum of local lore for 1967]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dashevskaya O. D., 1967b. Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishcha v 1963–1965 gg. [Excavations of South-Donuzlav hillfort in 1963–1965]. *KSIA*, 109, pp. 65–72.

Dashevskaya O. D., 1968. Otchet o rabote Donuzlavskogo otryada Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1968 god [Report on the work of Donuzlav group of the Institute of Archeology, AS USSR and Evpatoria museum of local lore for 1968]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dashevskaya O. D., 1969. Otchet o rabote Donuzlavskogo otryada Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya [Report on the work of Donuzlav group of the Institute of Archeology, AS USSR and Evpatoria museum of local lore]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dashevskaya O. D., 1970a. Donuzlavskaya ekspeditsiya [Donuzlav expedition]. *AO 1969*. Moscow: Nauka, p. 256.

Dashevskaya O. D., 1970b. Otchet o rabote Krymskogo (Donuzlavskogo) otryada Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriyskogo kraeve dcheskogo muzeya za 1970 g. [Report on the work of Crimean (Donuzlav) group of the Institute of Archeology, AS USSR and Evpatoria museum of local lore for 1970]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dashevskaya O. D., 1972. Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishcha v 1966–1969 gg. [Excavations of South Donuzlav hillfort in 1966–1969]. *KSIA*, 130, pp. 62–69.

Dashevskaya O. D., 1990. Pozdneskifskaya fortifikatsiya i ee variant na gorodishche Belyaus [Late Scythian fortification and its variant on the Belyaus hillfort]. *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii [Issues of Scythian and Sarmatian archaeology]*. A. I. Melyukova, ed. Moscow: IA AN SSSR, pp. 143–158.

Dashevskaya O. D., 1991. Pozdnie skify v Krymu [Late Scythians in Crimea]. Moscow: Nauka. 141 p. (SAI.)

Dashevskaya O. D., 2014. Nekropol Belyausa [Necropolis of Belyaus]. Simferopol: Feniks. 284 p.

Dashevskaya O. D., Golentsov A. S., 2004. K 40-letiyu raskopok gorodishcha Belyaus [On the 40th anniversary of excavations of Belyaus hillfort]. *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma [Archaeology of North-Western Crimea]*. T. E. Pridneva, ed. Simferopol: Center for Museum Technologies and Ethno-Cultural Tourism, pp. 26–41.

Dashevskaya O. D., Golentsov A. S., 2005. Issledovaniya na Belyause [Research at Belyaus]. *AO 2004*. Moscow: Nauka, pp. 511–512.

Karasev A. N., 1963a. Otchet o raskopkakh gorodishcha u sanatoriya «Chayka» bliz Evpotorii v 1963 g. [Report on excavations of the settlement at sanatorium «Chayka» near Evpotoriya in 1963]. *Archive of IA NANU*. (In Russian, unpublished.) 35 p.

Karasev A. N., 1963b. Raskopki na gorodishche Chayka bliz Evpatorii [Excavations at Chayka hillfort near Evpatoria]. *KSIA*, 95, pp. 33–42.

Khrapunov I. N., 2004. Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke [Ethnic history of Crimea in Early Iron Age]. Kerch; Simferopol. 240 p. (Bosporskie issledovaniya, VI.)

Koltukhov S. G., 1999. Ukrepleniya Krymskoy Skifii: Materialy po arkheologii Kryma [Fortifications of Crimean Scythia: Materials on the archeology of Crimea]. Simferopol: Sonat. 224 p.

Kutaysov V. A., 1990. Antichnyy gorod Kerkinitida. VI–II vv. do n. e. [Ancient city of Kerkinitida. VI–II cc. BC.]. Kiev: Naukova dumka. 176 p.

Kutaysov V. A., 2016. Ot Kerkinitidy k Evpatorii [From Kirkenetida to Evpatoria]. Simferopol: Biznes-Inform. 208 p.

Kutaysov V. A., Smekalova T. N., 2019. Drevnie greki v Severo-Zapadnoy Tavrike [Ancient Greeks in Northwestern Taurica]. Simferopol: Biznes-Inform. 176 p.

Kutaysov V. A., Uzhentsev V. B., 1994. Arkheologicheskie issledovaniya Kalos Limena [Archaeological research of Kalos Limen]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu [Archaeological research in Crimea]*, 1993. Simferopol: Tavriya, pp. 171–180.

Kutaysov V. A., Uzhentsev V. B., 1997. Kalos Limen (raskopki 1988–1995 gg.) [Kalos Limen. (excavations 1988–1995]. *Arkheologiya Kryma [Archeology of the Crimea]*, 1. Simferopol, pp. 43–57.

Lantsov S. B., 2009. Otchet ob issledovaniyakh Donuzlavskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na gorodishche Kulchuk v 2008 godu [Report on research of Donuzlav archaeological expedition at Kulchuk hillfort in 2008]. *Archive of IA NANU*. (In Russian, unpublished.)

Lantsov S. B., 2010. Rezul'taty issledovaniya Kul'chukskogo gorodishcha (IV v. do n. e. – I v. n. e.) na khore Khersonesa Tavricheskogo [Results of study of Kulchuk hillfort (IV c. BC – I c. AD) on the chora of Taurian Chersonese]. *ΣΙΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya [ΣΙΜΒΟΛΑ. Classical world of North Pontic region. The latest finds and discoveries]*. A. A. Maslennikov, N. A. Gavrilyuk, A. A. Zavoykin, eds. Moscow; Kiev: Triumf-print, pp. 142–151.

Lantsov S. B., 2011. Raboty Donuzlavskoy ekspeditsii IA NANU na Kulchukskom i Belyausskom gorodishchakh [Works of Donuzlav expedition of IA NANU at Kulchuk and Belyaus hilfforts]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni, 2010 [Archaeological investigations in Ukraine, 2010]*. Kyïv; Poltava: IA NANU, pp. 217–219.

Lantsov S. B., Filippenko-Korinfskiy A. A., 2020. Antichnoe gorodishche Belyaus – istoriya i rezul'taty issledovaniya [Ancient hillfort of Belyaus – history and research results]. *Bosporskiy fenomen. Bosporskoe tsarstvo M. I. Rostovtseva. Vzglyad iz XXI veka [Bosporan phenomenon. The Bosporan Kingdom of M. I. Rostovtsev. A look from XXI century]*, 2. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, pp. 315–330.

Maslennikov A. A., 1990. Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n. e. [Population of Bosporan state in the first centuries AD]. Moscow: Nauka. 228 p.

Mordvintseva V. I., 2017a. «Krymskaya Skifiya» i «pozdneskifskaya kul'tura Kryma». Formirovanie i razvitie ponyatiy [[«Crimean Scythia» and «Late Scythian culture of the Crimea». Formation and development of concepts]. *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdu Vostokom i Zapadom (III v. do n. e. – VII v. n. e.) [Crimean Scythia in the system of cultural relations between East and West (III c. BC – VII c. AD)]*. A. I. Ivanchik, V. I. Mordvintseva, eds. Moscow; Simferopol: Zuev T. V., pp. 15–33.

Mordvintseva V. I., 2017b. Pogrebal'nyy obryad Belyausskogo nekropolya [Burial rite of Belyaus necropolis]. *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Archeology of Northwestern Crimea: materials of III International scientific conference]*. Simferopol: Nasledie tysyacheletiy, pp. 129–139.

Popova E. A., 1991. Yugo-zapadnyy kvartal skifskogo poseleniya u sanatoriya Chayka bliz Evpatorii [South-western quarter of Scythian settlement at the Chayka sanatorium near Evpatoria]. *Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii [Iron Age sites in vicinity of Evpatoria]*. Yu. L. Shchapova, I. V. Yatsenko, eds. Moscow: MGU, pp. 37–75.

Popova E. A., 1998. O Severo-Prichernomorskom domostroitel'stve I v. do n. e. – I v. n. e. (po materialam kvartala Zapad-II gorodishcha «Chayka») [On North Pontic housing construction of I c. BC – I c. AD (based on materials from Zapad-II quarter of «Chayka» hillfort)]. *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Avdusina [Historical*

archeology. Traditions and prospects. To 80th anniversary of D. A. Avdusin]. V. L. Yanin, T. A. Pushkina, eds. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 182–195.

Popova E. A., 2009. Problemy arkheologii i istorii Severo-Zapadnogo Kryma v IV v. do n. e. – I v. n. e. (po materialam gorodishcha «Chayka» v Evpatorii i nekropolya u poselka Zaozernoe) [Issues of archeology and history of North-Western Crimea in IV c. BC – I c. AD (based on materials from «Chayka» hillfort in Evpatoria and the necropolis near settlement of Zaozernoye)]. *Vestnik MGU. Seriya 8: Istoriya [Bulletin of MGU. Series 8: History]*, 3, pp. 102–127.

Popova E. A., 2017. Gorodishche «Chayka» v Severo-Zapadnom Krymu vo II v. do n. e. – I v. n. e. [«Chayka» hillfort in North-Western Crimea in II c. BC – I c. AD]. *SP*, 3, pp. 259–307.

Popova E. A., 2020. Detskie pogrebeniya na gorodishche «Chayka» v Severo-Zapadnom Krymu [Children's graves at the «Chayka» settlement in the Northwestern Crimea]. *KSIA*, 258, pp. 201–212.

Popova E. A., Kovalenko S. A., 2005. Istoriko-arkheologicheskie ocherki grecheskoy i pozdneskifskoy kul'tur v Severo-Zapadnom Krymu (po materialam Chaykinskogo gorodishcha) [Historical and archaeological essays of Greek and Late Scythian cultures in Northwestern Crimea (based on materials from Chayka hillfort)]. Moscow: MGU. 283 p.

Puzdrovskiy A. E., 2007. Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia, II c. BC – III c. AD. Burial sites]. Simferopol: Biznes-Inform. 480 p.

Shcheglov A. N., 1961. Polevye raboty Khersonesskogo muzeya v Severo-Zapadnom Krymu v 1959–1960 gg. [Field work of Chersonesos museum in Northwestern Crimea in 1959–1960]. *Arkhiv Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy» [Archive of State historical and archaeological museum-reserve «Taurian Chersonesos»], Tezisy dokladov na arkheologicheskom plenume v g. Moskve v 1961 g. [Abstracts of reports at the archaeological plenum in Moscow in 1961]*. (In Russian, unpublished.)

Shcheglov A. N., 1978. Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu [Northwestern Crimea in Antiquity]. Leningrad: Nauka. 159 p.

Smekalova T. N., Kutaysov V. A., 2017. Arkheologicheskiy atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdniy bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost' [Archaeological atlas of North-Western Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Antiquity]. St.Petersburg: Aleteyya. 448 p. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma, XVIII.) (Arkheologicheskie atlasy Severnogo Prichernomor'ya, II.)

Uzhentsev V. B., 2006. Elliny i varvary Prekrasnoy Gavani (Kalos Limen v IV v. do n. e. – II v. n. e.): Materialy po arkheologii Kryma [Hellenes and barbarians in Beautiful Harbor (Kalos Limen in IV c. BC – II c. AD): Materials on archeology of Crimea]. Simferopol: Sonat. 248 p.

Vnukov S. Yu., 1993. Issledovaniya Kara-Tobinskogo otryada Krymskoy ekspeditsii [Research of Kara-Tobe team of the Crimean expedition]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 1992 r. [Archaeological research in Ukraine. 1992]*. Kyïv, pp. 34–36.

Vnukov S. Yu., 1994. Raskopki na Kara-Tobe u g. Saki [Excavations at Kara-Tobe near the city of Saki]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993 god [Archaeological research in Crimea. 1993]*. Simferopol: Tavriya, pp. 60–67.

Vnukov S. Yu., 1997. Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 1996 g. Chast' 1. Otchet o raskopkakh gorodishcha Kara-Tobe [Report on the work of Kara-Tobe team in 1996. Part 1. Report on excavations of Kara-Tobe hillfort]. *Arkhiv Muzeya kraevedeniya i istorii gryazelecheniya g. Saki [Archive of Museum of local lore and history of mud treatment in Saki]*. (In Russian, unpublished.)

Vnukov S. Yu., 1999. Raskopki gorodishcha i nekropolya Kara-Tobe u g. Saki v 1998 g. [Excavations of hillfort and necropolis of Kara-Tobe near the city of Saki in 1998]. *PIFK*, VIII, pp. 207–211.

Vnukov S. Yu., 2003. Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2002 g. [Report on the work of Kara-Tobe team in 2002]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Vnukov S. Yu., 2004. Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2003 g. [Report on the work of Kara-Tobe team in 2003]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Vnukov S. Yu., 2006. Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2005 g. [Report on the work of Kara-Tobe team in 2005]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Vnukov S. Yu., 2007. Retsenziya na knigu: Lantsov S. B. Antichnoe svyatilishche na zapadnom beregu Kryma. Kiev: Stilos, 2003 [Book review: Lantsov S. B. Ancient sanctuary on Crimea west coast. Kiev: Stilos, 2003]. *RA*, 2, pp. 158–163.

Vnukov S. Yu., 2011a. Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2010 g. [Report on the work of Kara-Tobe team in 2010]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Vnukov S. Yu., 2011b. Raboty na gorodishche Kara-Tobe [Works of Kara-Tobe hillfort]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2010 r. [Archaeological investigations in Ukraine 2010]*. Kiev; Poltava: IA NANU, pp. 67–69.

Vnukov S. Yu., 2012. Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2011 g. [Report on the work of Kara-Tobe team in 2011]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Vnukov S. Yu., 2014. Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2013 g. [Report on the work of Kara-Tobe team in 2013]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Vnukov S. Yu., 2015a. Otchet o raskopkakh greko-skifskogo gorodishcha Kara-Tobe v g. Saki (Respublika Krym) v 2014 g. Tom 1. Tekst [Report on excavations of the Greek-Scythian hillfort of Kara-Tobe in Saki (Republic of Crimea) in 2014. Vol. 1. Text]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Vnukov S. Yu., 2015b. Raskopki na gorodishche Kara-Tobe (Severo-Zapadnyy Krym) v 2014 g. [Excavations at the fortified settlement Kara-Tobe (North-Western Crimea), 2014]. *KSIA*, 237, pp. 167–176.

Vnukov S. Yu., 2018. Pozdneskifskie «zemlyanki» gorodishcha Kara-Tobe [Late Scythian «underground dwellings» of Kara-Tobe hillsfort]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki [Scientific notes of Vernadsky Crimean Federal university. Historical sciences]*, vol. 4 (70), no. 2, pp. 51–73.

Vnukov S. Yu., Lantsov S. B., Vlasov V. P., Smekalov S. L., Shaptsev M. S., 2016. Raskopki na territorii Kulchukskogo i Belyausskogo gorodishch i nekropoley [Excavations in territory of Kulchuk and Belyaus hillforts and necropolises]. *AO 2014*. Moscow: IA RAN, pp. 244–246.

Vysotskaya T. N., 1979. Neapol – stolitsa gosudarstva pozdnikh skifov [Naples – the capital city of late Scythians' state]. Kiev: Naukova dumka. 208 p.

Vysotskaya T. N., 1989. Skifskie gorodishcha [Scythian hillforts]. Simferopol: Tavriya. 96 p.

Yatsenko I. V., 1970. Issledovanie sooruzheniy skifskogo perioda na gorodishche Chayka v Evpatorii (1964–1967 gg.) [Research of structures of the Scythian period in Chaika settlement in Evpatoria (1964–1967)]. *KSIA*, 124, pp. 31–38.

Yatsenko I. V., 1975. Raskopki skifskogo poseleniya v Evpatorii [Excavations of a Scythian settlement in Evpatoria]. *AO 1974*. Moscow: Nauka, pp. 370–381.

Yatsenko I. V., 1983. Severnyy kvartal I skifskogo poseleniya na Chaykinskom gorodishche v Evpatorii (po materialam raskopok 1974–1975 gg.) [Northern quarter of Scythian settlement I at Chaika hillfort in Evpatoria (based on materials from 1974–1975 excavations)]. *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n. e. [Population and culture of Crimea in the first centuries AD]*. T. N. Vysotskaya, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 46–66.

Zaytsev Yu. P., 2003. Neapol Skifskiy (II v. do n. e. – III v. n. e.) [Scythian Naples (II c. BC – III c. AD)]. Simferopol: Universum. 209 p.

About the author

Antonov Egor E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: antonov.yegor@gmail.com

А. А. Малышев, А. М. Новичихин

НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОЙ СИНДИКИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ[1]

Резюме. В статье вводятся в научный оборот материалы могильника эпохи раннего железа ОПХ «Анапа», расположенного в окрестностях античного центра Горгиппия, который, как считается, до присоединения к Боспорскому государству назывался Синдская гавань. Хронология инвентаря погребений позволяет считать этот аборигенный некрополь одним из самых ранних в этом регионе, он датирует ранние контакты с греческим населением концом VII – началом VI в. до н. э. Сравнительный анализ комплексов могильника с материалами расположенного в 2 км восточнее некрополя у хутора Рассвет позволил связать их с единой группой местного синдского населения. Прекращение бытования могильника ОПХ «Анапа» могло быть обусловлено оттеснением аборигенного населения на восток в результате греческой торгово-экономической активности в регионе.

Ключевые слова: Горгиппия, Синдика, могильник, греческая колонизация, эпоха раннего железа, гробница, погребальный обряд, хронология.

Как показали археологические исследования, раннегреческое поселение, известное античным авторам как Синдская гавань, было основано во второй половине VI в. до н. э. на месте современной Анапы (*Алексеева*, 1990. С. 19–30; 1991. С. 3–27; 1997. С. 11–24), в непосредственной близости от Анапских плавней, которые в древности представляли собой обширный (ок. 12 кв. км), широтно ориентированный залив. Непосредственно на южном берегу этого залива известно Алексеевское поселение – самый ранний (конец VII – VI в. до н. э.) пункт присутствия греческих переселенцев в регионе (*Новичихин*, 2017а. С. 69–73). Судя по всему, в древности название залива, как и указанных поселений, было связано с обитавшим в окрестностях племенем синдов:

[1] Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект 22-28-01998 «Население предгорий Северо-Западного Кавказа в период Великой греческой колонизации».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.124-138

Синдская гавань, Синдика, деревня синдов (*Малышев*, 1989. С. 71–73; *Новичихин*, 2014. С. 39–45).

Сведения письменных источников о синдах немногочисленны (*Новичихин*, 2017б. С. 61–79): это варварское племя, по сведениям Псевдо-Арриана (65), было известно своим кротким нравом. Археологические материалы позволяют несколько детализировать ситуацию в окрестностях древнего залива (рис. 1). Недавно удалось осуществить развернутую публикацию погребальных комплексов и результатов комплексных исследований инвентаря синдского могильника у хут. Рассвет (Население архаической Синдики…, 2010). Погребальный памятник ближнего варварского окружения расположен в 10 км восточнее черноморского побережья и в целом синхронен Синдской гавани письменных источников.

В предлагаемой статье предпринята попытка сопоставить опубликованные данные с материалами из исследованного неподалеку (западнее на 2 км)[2] некрополя эпохи раннего железа (ОПХ «Анапа»). Выборку из 31 погребения с каменными конструкциями образуют девять комплексов из раскопок 1981 г. (*Алексеева*, 1981. С. 123–136) и 22 комплекса 1992–1993 гг. (*Зуйков*, 1992; 1993)[3]. Исследованные участки могильника были расположены на расстоянии в 80 м друг от друга по широтной оси, судя по всему, на склонах небольшого водотока, который впадает в речку Анапка.

Две третьих захоронений совершены на уровне древней дневной поверхности под каменными закладами овальной или округлой формы, окруженными по периметру обкладкой из двойного или одинарного ряда крупных камней (рис. 2: *I, II*), что типично для «каменных могильников» эпохи раннего железа этого региона в целом. В частности, на могильнике у хут. Рассвет такие погребения относятся к числу наиболее ранних и датируются первой половиной VI в. до н. э. (*Новичихин*, 2010а. С. 192). Известны такие захоронения на некрополях Красная Скала и Воскресенский близ Анапы (*Алексеева*, 1997. Табл. 20: *V*), в кургане 3 у ст. Раевской (*Дмитриев*, 1987. Л. 9–15), на Владимировском могильнике близ Новороссийска (*Шишлов, Федоренко*, 2006. С. 69) и на могильнике Шесхарис (*Дмитриев*, 1976. С. 20).

Предполагается, что обкладки из крупных камней по периметру закладов впоследствии трансформировались в кольцевые каменные оградки-кромлехи погребений в грунтовых ямах и каменных ящиках (*Новичихин*, 2006. С. 16). Дальнейшим развитием этой традиции могли стать обкладки могил в виде башенок, открытые на могильниках VI–IV вв. до н. э. в районе Новороссийска (*Дмитриев, Малышев*, 1999. С. 24–26, Рис. 8, 24; 2009. С. 56. Рис. 4).

Пять захоронений (16 %) совершено в каменных ящиках с перекрытием из плоских плит и округлой обкладкой из плоских камней на уровне перекрытия (рис. 3: *1, 2*). Каменные ящики – один из наиболее распространенных видов

[2] Судя по аэросъемке 1940-х гг., могильник ОПХ «Анапа» расположен на восточной оконечности древнего залива (ныне Анапские плавни).

[3] К настоящему времени опубликована небольшая часть комплексов из раскопок 1981 г. (*Алексеева*, 1991. С. 62–65. Табл. 45–48) и, довольно суммарно, материалы 1992 г. (*Зуйков*, 1994. С. 164–168).

Просторный
Чембурка
Нижнее Джемете
Супсех
Рассвет
Тарусин
Усатова Ба
Бужор
1 см
2а
0
2 км
I
II
III
1
2
3
4
5
6
7
8

погребальных конструкций «каменных некрополей» (*Новичихин*, 2006. С. 18–20). В районе Новороссийска, судя по материалам могильника Большие Хутора, захоронения в каменных ящиках совершались еще в VIII–VII вв. до н. э. (*Дмитриев*, 1976. С. 20; *Новичихин*, 2006. С. 18). На расположенном поблизости могильнике у хут. Рассвет захоронения в каменных ящиках, окруженных кромлехами, появляются во второй половине VI в. до н. э. и составляют более половины комплексов (*Новичихин*, 2010а. С. 193–195). Захоронения VI–V вв. до н. э. в каменных ящиках открыты на могильниках Красный Курган, Красная Скала, Воскресенский, Алексеевский, Владимировский (*Алексеева*, 1997, Табл. 20: *II*; *Новичихин*, 2006, С. 18–20; *Шишлов, Федоренко*, 2006. С. 63).

Останки погребенных удовлетворительно сохранились в 26 захоронениях. Погребенные были уложены вытянуто на спине и ориентированы головой в восточный сектор с небольшими (сезонными?) отклонениями. 24 погребения были одиночными, шесть – парными. Судя по размерам костяков, два одиночных погребения представляли собой захоронения детей в каменных ящиках.

Три погребения под каменными закладами сопровождались костями жертвенных животных: вероятно, сложенной шкурой лошади (фрагменты черепа и копыт: погр. 10), кости, по предположению автора раскопок, барана находились в ногах погребенных (погр. 27 и 30). Сходные жертвенные комплексы отмечены при раскопках могильника у хут. Рассвет: череп лошади с металлическим деталями узды (погр. 6), лопатка крупного животного, возможно барана, у плеча погребенного (погр. 100) (*Новичихин*, 2010а. С. 198, 199).

Погребальный инвентарь представлен комплексом керамической посуды, предметами наступательного вооружения, орудиями труда и украшениями. Достаточно разнообразен ассортимент лепной керамики. Закрытые формы сосудов представлены тремя разновидностями: крупными (корчагами), горшками и кувшинами.

Обширный круг аналогий выявлен для крупной корчаги с асимметрично-биконическим туловом, приземистым снизу и вытянутым кверху, отогнутым валикообразным венчиком и двумя вертикальными петлевидными ручками (погр. 9): раннемеотские памятники правобережья Средней Кубани (вариант III-С (первая половина – середина VI в. до н. э.): *Лимберис, Марченко*, 2012. С. 26–27. Рис. 12) и Центральное Предкавказье (западный вариант кобанской культуры (VII–V вв. до н. э.): *Козенкова*, 1998. С. 94. Табл. XXXII: *10, 11*).

Довольно многочисленные (4 экз.) крупные горшки-корчаги с биконическим или округло-биконическим туловом, выраженным горлом средней высоты и сильно отогнутым наружу венчиком обнаружены в погребениях под каменными закладами и в культурном слое некрополя. В расположенном поблизости могильнике

Рис. 1 (с. 126). Археологические памятники в окрестностях Синдской гавани

I – выкопировка из карты 1:100000; *II* – выкопировка из полуверстовой карты 1926 г.; *III* – аэросъемка 14.03.1944

Поселения: *1* – Синдская гавань; *2* – Алексеевское; *2а* – фрагмент расписного сосуда с изображением птицы (вторая половина VII в. до н. э.); *3* – Ленина; *4* – Урочище Самойленко. Могильники: *5* – ОПХ «Анапа»; *6* – у хут. Рассвет; *7* – Су-Псех; *8* – Бужор

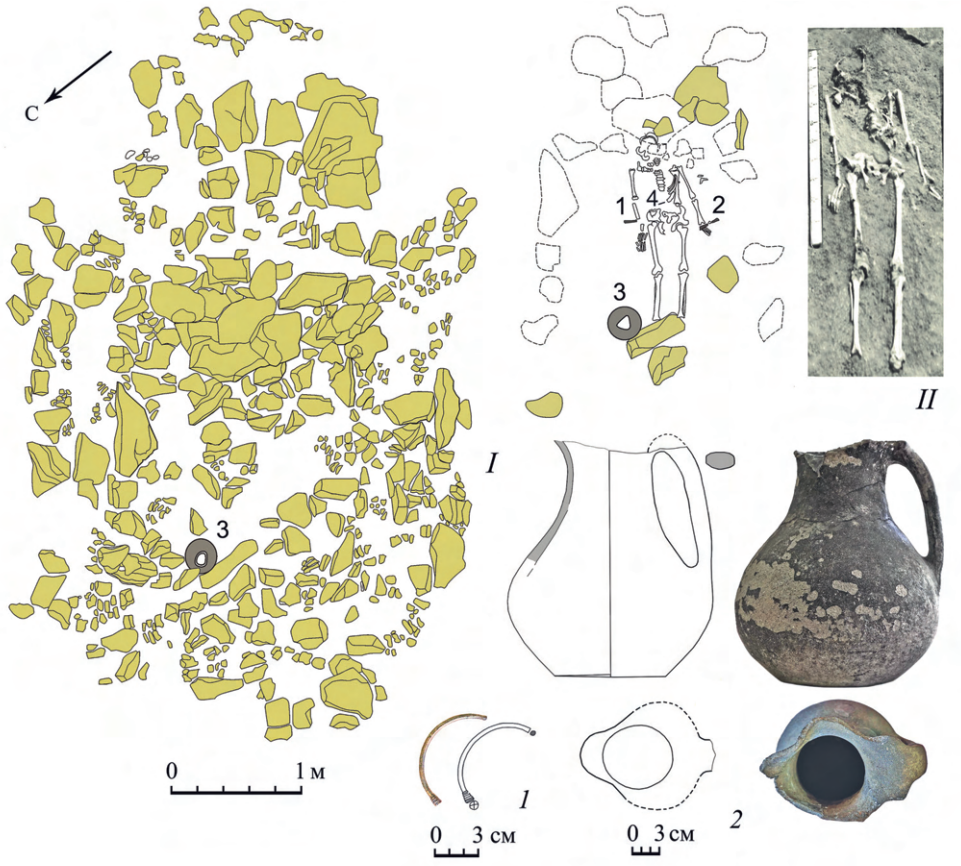


Рис. 2. Захоронение под каменным перекрытием (погр. 2)

I – развал перекрытия (план); *II* – план захоронения

1 – браслет бронзовый; *2* – браслет железный; *3* – лепной кувшин с ойнохоевидным горлом

у хут. Рассвет подобные корчаги (2 экз.) происходят из наиболее ранних (первой половины VI в. до н. э.), отнесенных к захоронениям под каменными закладами (*Новичихин*, 2010а. С. 179. Рис. 203: *1*; С. 186. Рис. 209: *2*; С. 220. Рис. 224), а наиболее многочисленные аналогии имеются в раннемеотских (VI–V вв. до н. э.) погребениях правобережья Средней Кубани (*Лимберис, Марченко*, 2012. С. 24–26. Табл. 11, 12).

Горшки – одна из самых многочисленных (9 экз.) форм всего комплекса лепной керамики – обнаружены в восьми захоронениях. Преобладают горшки с бочонковидным, округлым или округло-биконическим туловом и слегка отогнутым наружу верхним краем. Ареал аналогий включает не только могильники предгорий – могильники у хут. Рассвет (*Новичихин*, 2010б. С. 220. Рис. 224) и Владимирский (*Шишлов и др.*, 2007. С. 17. Рис. 6: *8, 10*), но и Западное Закубанье (*Новичихин*, 2006. С. 35. Рис. 32).

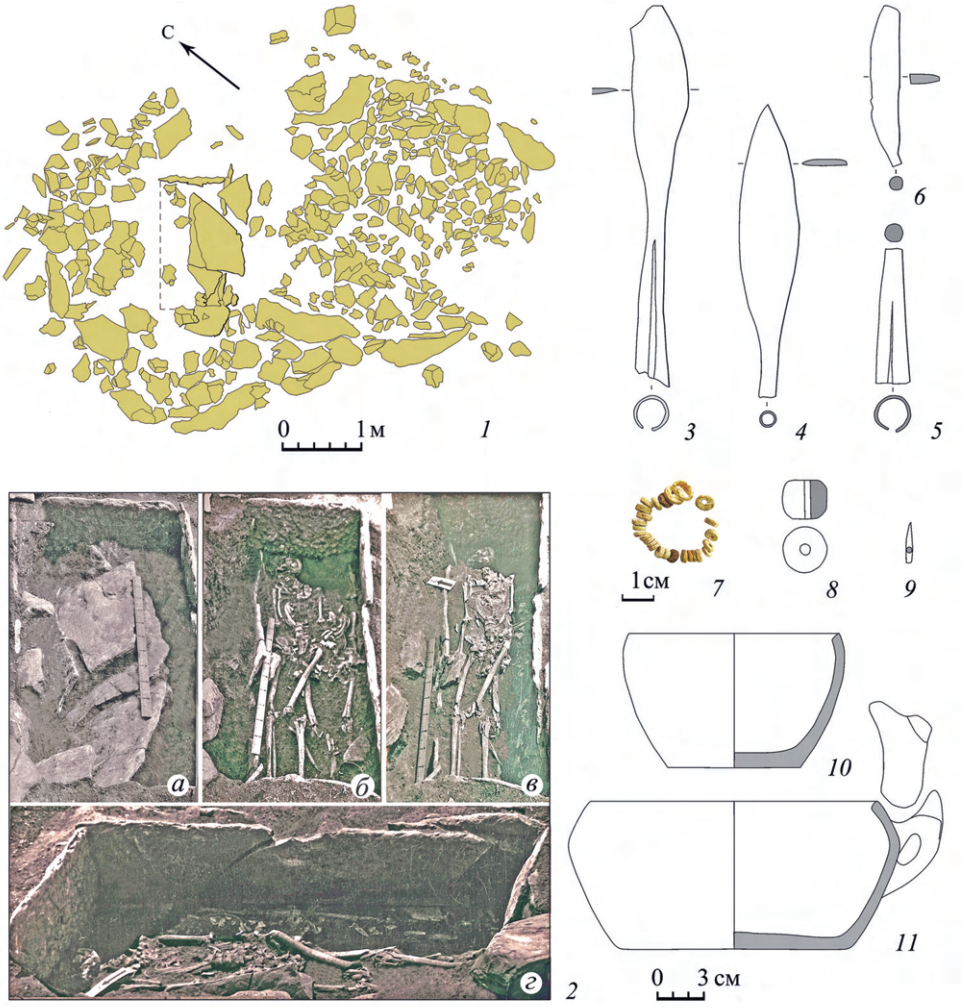


Рис. 3. Захоронение в каменном ящике (погр. 21)

1 – гробница под каменным завалом (план); *2а–в* – каменный ящик (фото); *3–5* – наконечники копий; *6* – нож; *7* – бусы; *8* – пряслице керамическое; *9* – шило; *10* – миска; *10* – ковш с вертикальной ручкой

Редкие формы лепной посуды – два примитивных кувшина (погр. 2 и 4) – происходят из захоронений под каменными закладами. Оба имеют округлое тулово и массивную, округлую в сечении ручку (рис. 2: *2*). Край горла одного из кувшинов оформлен в виде ойнохоевидного слива, что позволяет предположить появление этой формы в местном керамическом комплексе под влиянием античных традиций. Горшки с ойнохоевидным оформлением горла, но без ручки известны в материалах погребений могильника у хут. Рассвет (*Новичихин*, 2010б. С. 220. Рис. 222: *6, 15*).

Открытые формы представлены двумя разновидностями: миски и ковши. Плоскодонные, усеченно-конической формы миски с округленными стенками и мягко загнутым внутрь краем (рис. 3: *10*) встречены в семи комплексах. Начиная с протомеотского времени эта форма является одной из самых распространенных на Западном Кавказе в целом (Кубанский могильник: *Вальчак и др*., 2016. Рис. 30: *1*; 68: *2*; 82: *1*; 112: *2*; *Лимберис, Марченко*, 2012. Рис. 23; могильник у хут. Рассвет: *Новичихин*, 2006. С. 37. Рис. 35; 2010б. С. 212. Рис. 217).

Интереснейшую группу лепной керамики составляют ковши, представленные двумя разновидностями: с петлевидными рогатыми и плоскими ручками.

Ковши с туловом в форме сегмента шара, мягко загнутым внутрь краем и небольшой вертикальной ручкой, украшенной вверху парными выступами-рогами: в четырех захоронениях под закладами (погр. 10, 13, 15, 30) и в одном каменном ящике (погр. 21). У ковшей из погребений под закладами верх ручки крепился к краю венчика (рис. 4: *2*), у ковша из каменного ящика – под ним (рис. 3: *11*). Ручки отличаются высотой выступов рожек – у одних экземпляров они едва намечены, у других – высокие и слегка разведены в стороны. В районе Анапы ковш с ручкой, снабженной невысокими выступами, встречен в могильнике у хут. Рассвет, в погребении под каменным закладом, в комплексе с биконической корчагой (*Новичихин*, 2010б. С. 218. Рис. 209: *1*; 217: *157*). Три ковша с рогатыми ручками происходят из погребения Владимировского могильника близ Новороссийска (*Шишлов и др*., 2007. С. 17. Рис. 6: *2, 3*). Отметим находки фрагментов аналогичных рогатых ручек ковшей в ранних слоях поселения Урочище Самойленко, расположенного в 7 км к северо-востоку от исследуемого некрополя (*Иванов, Сударев*, 2018. С. 130. Рис. 1: *1*).

Ковши с пластинчатыми ручками представлены двумя находками: целым экземпляром (круглодонным, с туловом в форме сегмента шара, ручка в виде горизонтального сегментовидного выступа с отверстием) из погребения 14 и фрагментом края с ручкой в виде трапециевидного выступа с тремя отверстиями из погребения 26. В районе Анапы подобные сосуды встречены впервые, их возможные прототипы известны в протомеотских древностях (*Сазонов*, 1995. Табл. 1: *48, 73*).

Кружальная керамика, представленная двумя импортными античными сосудами – тарной амфорой (погр. 7, рис. 4: *1*) и крупным фрагментом ионийского килика (погр. 20, рис. 4: *3*), – позволяет уточнить абсолютную хронологию комплексов могильника в целом. Датировка амфоры «круга Клазомен» (*Монахов*, 2003. С. 50–55) или Теоса (*Sezgin*, 2017. P. 1539) концом VII – первой половиной VI в. до н. э. не вызывает сомнения. Некрополь ОПХ «Анапа» дает наиболее ранний пример помещения в погребение античных тарных амфор. Продолжение этой традиции отмечено в могильнике у хут. Рассвет (*Новичихин*, 2010б. С. 218).

Ионийские чаши с туловом в виде сегмента шара и вертикальным краем, внутренняя поверхность которого и венчик снаружи покрыты сургучно-красным лаком, известны в материалах Березанского (*Чистов и др*., 2012. Табл. 38: *1*; *Rosamentir*, 2006. Fig. 16) и Таганрогского (*Копылов*, 2011. Рис. 5; *Копылов, Литвиченко*, 2006. С. 15. Рис. 3) поселений первой половины VI в. до н. э.

Не менее важен для понимания особенностей быта населения южной Синдики в архаическое время довольно многочисленный и разнообразный по ассор-

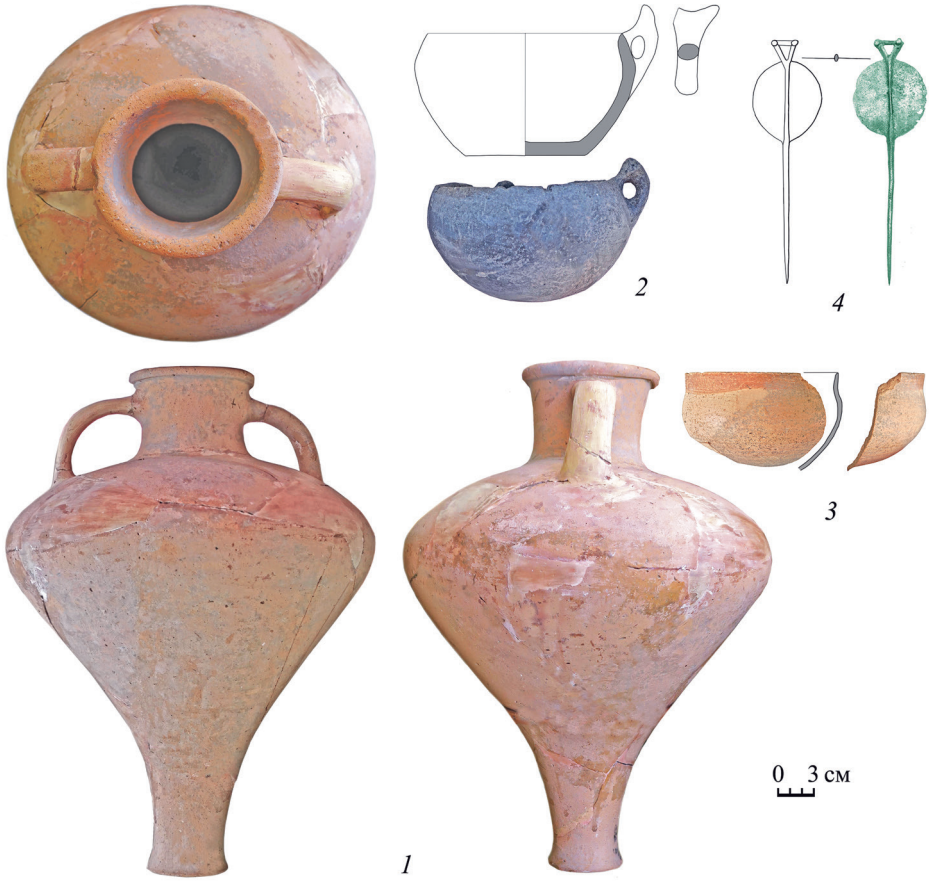


Рис. 4. Хроноиндикаторы погребальных комплексов могильника ОПХ «Анапа»

1 – амфора (погр. 7); *2* – ковш с вертикальной ручкой (погр. 30); *3* – венчик ионийской чаши (погр. 20); *4* – булавка типа Сукко (погр. 30)

тименту комплекс наступательного вооружения могильника «ОПХ Анапа», что не вполне согласуется с отмеченным Псевдо-Аррианом миролюбивым нравом синдов. В 20 % захоронений обнаружены типичные для этого региона в эпоху раннего железа (*Новичихин*, 2006. С. 53–54) втульчатые с пером лавролистных или ланцетовидных очертаний наконечники копий (13 экз.).

Причем дважды в комплексах обнаружено три (погр. 15, 21, рис. 3: *3–5*) или два (погр. 20, 27) копья, в остальных случаях (погр. 4, 12 и 19) – по одному. За исключением комплекса с топором (погр. 15), это единственный предмет вооружения в погребении.

Все топоры происходят из погребений с каменными закладами (погр. 10, 15, 26), во всех трех случаях они лежали справа от погребенного, обушком в сторону тела. Топоры имеют вытянутые треугольные бойки, овальную проушину для рукояти в средней части, но отличаются формой обушка. В комплексах

могильника у хут. Рассвет они неизвестны, ближайшие аналогии представлены в инвентаре погребений Владимировского могильника в Цемесской долине (*Шишлов и др*., 2007. С. 12. Рис. 2: *9, 10, 11*).

Единственный образец клинкового оружия – короткий (23,5 см) кинжал-акинак (погр. 9) с серповидным (в виде стержня с отогнутыми кверху концами) навершием, бабочковидным перекрестием, ручка плоская с ребрами по краям (тип 2, отдел I: *Мелюкова*, 1964. С. 49–51). По морфологическим признакам (сохранение элементов клинкового оружия предшествующего периода, угловатые бабочковидные перекрестия «келермесского типа») и обстоятельствам находки в погребениях такие мечи и кинжалы отнесены к числу наиболее ранних – второй половины VII – первой половины VI в. до н. э. (*Новичихин*, 2006. С. 47–48).

В захоронениях представлено и вооружение дистанционного боя: железные длинновтульчатые двухлопастные с лавролистной головкой (погр. 9[4], 26), бронзовые трехлопастные с короткой втулкой (погр. 14), а также костяные четырехгранные (погр. 26[5]) наконечники стрел. Расширяет круг захоронений с оружием находка в практически безынвентарном погребении 24 трех костяных застежек-столбиков, обычно интерпретируемых как детали горитов или колчанов (*Черненко*, 1981. С. 33–36. Рис. 21). Примечательно, что на некрополях раннего железного века в окрестностях Синдской гавани (Горгиппии) находки наконечников стрел – явление редкое. Так, в погребениях могильника у хут. Рассвет они неизвестны. Все три описанные разновидности наконечников представлены в материалах Владимировского могильника (*Шишлов и др*., 2007. С. 4–11. Рис. 1).

Помимо античной керамики о связях с античным миром свидетельствуют предметы комплекса украшений. В частности, в каждом пятом комплексе обнаружены бусы и бисер (погр. 4, 7, 9, 14, 21, 22, 29, 30, рис. 3: *7*), в том числе и четыре фаянсовых пронизи в виде скарабея (погр. 9).

Не менее популярны у населения Синдики были браслеты, которые представлены двумя разновидностями: из округлого или овального стержня, украшенные с внешней стороны зонами поперечных насечек, и с коническими утолщениями на концах, на торцах которых выгравированы крестики (рис. 2: *1*). Украшения обнаружены в шести погребениях: один (погр. 4, 5, 7), два (погр. 2 и 9) и даже пять (погр. 1) браслетов. Обе разновидности браслетов представлены в материалах Владимировского могильника (*Шишлов и др.*, 2007. С. 14–15. Рис. 5: *1, 3, 8*), браслеты с коническими утолщениями на концах встречены на некрополе у хут. Рассвет в погребениях, датируемых VI в. до н. э. (*Новичихин*, 2010б. С. 232).

Важным хроноиндикатором для могильника в целом является булавка типа Сукко с плоским круглым щитком с продольным ребром, являющимся продолжением иглы, и навершием в виде V-образных антенных выступов, завершающихся шишечками, соединенными перемычкой (погр. 30, рис. 4: *4*) (вариант 1: *Новичихин*, 2006. С. 63. Табл. 95; *Эрлих*, 2007. С. 160–161). Находка в комплексе с ковшом со слабо выраженными выступами-рогами (погр. 30) позволяет расширить традиционный период бытования этих булавок (VIII – первая половина VII в. до н. э.: *Эрлих*, 2007. С. 161) вплоть до конца VII – начала VI в. до н. э.

[4] В комплексе с кинжалом-акинаком.

[5] В комплексе с топором.

Таким образом, могильник ОПХ «Анапа» входит в группу некрополей раннего железного века с каменными конструкциями в окрестностях Анапы (хут. Рассвет, Красный Курган, Красная Скала, Воскресенский, Алексеевский), являясь одним из самых ранних. Наиболее выразительный в хронологическом отношении инвентарь (античная керамика, а также характерной формы корчаги, ковши, топоры, кинжал-акинак, костяные столбики-застежки, бронзовая булавка типа Сукко), происходит из погребений под каменными закладами (рис. 4), что дает основания датировать эту группу захоронений, возможно, концом VII – первой половиной VI в. до н. э.

Менее выразителен хронологически оказался инвентарь из каменных ящиков. Судя по материалам расположенного поблизости могильника у хут. Рассвет, захоронения в каменных ящиках получают распространение в регионе во второй половине VI в. до н. э. Материалы могильника «ОПХ Анапа» не противоречат этому, причем находка ковша с рогатой ручкой в каменной гробнице (погр. 21) может указывать на то, что традиция погребений в каменных ящиках возникает на некрополе в период, близкий середине VI в. до н. э.

Сопоставление особенностей погребального обряда и погребального инвентаря двух расположенных на правом пологом берегу реки Анапка могильников позволяет говорить о наличии между ними определенной хронологической взаимосвязи: в период завершения бытования могильника ОПХ «Анапа» (вторая половина VI в. до н. э.) начинает функционировать могильник у хут. Рассвет. Об этом свидетельствует смена в регионе такого значимого элемента погребальной обрядности, как форма погребальной конструкции. Если в могильнике ОПХ «Анапа» преобладают погребения под каменными закладами (82 %), то на некрополе у хут. Рассвет их доля совсем незначительна (4 % от общего числа) и они маркируют начальный период его возникновения. На этом могильнике, просуществовавшем более полутора столетий, преобладают погребальные конструкции, характерные для второй половины VI – начала IV в. до н. э., – каменные ящики и ямы с кольцевыми обкладками.

В погребальном инвентаре могильников имеются как черты сходства, так и различия. Последние могут объясняться не столько отличиями в материальной культуре оставившего могильники населения, сколько определенной разницей в хронологии памятников. Отличия проявляются, прежде всего, в такой социально значимой категории погребального инвентаря, как оружие.

Такие категории инвентаря, как столовая посуда, тарные амфоры, украшения, орудия труда, в комплексах обоих могильников близки, хотя и в них прослеживаются хронологические различия. Так, в некрополе у хут. Рассвет в погребениях второй половины VI – начала IV в. до н. э. широко представлена кружальная посуда античного происхождения, по вполне понятным причинам отсутствующая как в погребениях ранней группы (первой половины VI в. до н. э.) указанного могильника, так и в погребениях некрополя ОПХ «Анапа». Обращает на себя внимание почти полное отсутствие лепных ковшей в некрополе у хут. Рассвет (всего одна находка из погребения ранней группы), в то время как на некрополе ОПХ «Анапа» они широко представлены. Очевидно, что с расширением сферы греко-варварских контактов ковши в материальной культуре синдов были вытеснены античными сосудами для питья вина –

ионийскими чашечками с петельчатой ручкой и рюмкообразными чернолаковыми киликами.

Поскольку некрополи расположены в непосредственной близости (2 км) один от другого и, вероятно, оставлены тесно связанными между собой группами населения, имеются основания предполагать, что с возникновением могильника у хут. Рассвет к нему перешли функции основного кладбища этого населения, что привело к росту данного некрополя. Как один из вариантов прекращения бытования могильника ОПХ «Анапа» – его местоположение в непосредственной близости от сухопутной трассы из Синдской гавани (Горгиппии), которая вела на север к центрам азиатского Боспора и в Прикубанье, потребность в которой заметно возросла с основанием античного центра и привела к вытеснению аборигенного населения на восток.

Археологические остатки поселения (поселений), связанного с указанными некрополями, пока не открыты. Известное на сегодняшний день в регионе поселение Урочище Самойленко, среди материалов которого имеются фрагменты ковшей, сходных со встреченными в погребениях могильника ОПХ «Анапа», удалено от рассматриваемых могильников на 5–7 км к северу. Такое расстояние представляется слишком большим для того, чтобы связать поселение с указанными некрополями. Вероятнее всего, поиск варварского синдского поселения или поселений, жители которых погребали своих сородичей на могильниках ОПХ «Анапа» и у хут. Рассвет, следует вести в непосредственной близости от побережья древнего залива, обеспечивавшего их не только необходимыми морскими ресурсами, но и дававшего возможность прямых контактов с греками-колонистами, осваивавшими регион в конце VII – V в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М. Анапская экспедиция Института археологии АН СССР. Отчет о работе в 1981 г. // Научный архив ИА РАН. № Р-1. № 9484.

Алексеева Е. М., 1990. Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н. э.) // КСИА. Вып. 197. С. 19–30.

Алексеева Е. М., 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.: Наука. 144 с.

Алексеева Е. М., 1997. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС. 560 с.

Вальчак С. Б., Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., Эрлих В. Р., 2016. Кубанский могильник. Материалы раскопок Н. В. Анфимова 1965 года. М.: Краснодарский гос. ист.-культур. музей-заповедник. 208 с.

Дмитриев А. В. Отчет об археологических раскопках в зоне сооружения оросительных систем с/х «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлесхоза в 1987 г. // Научный архив ИА РАН. № 12836.

Дмитриев А. В., 1976. Новые материалы VIII–V вв. до н. э. из района Новороссийска // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения: тез. докл. М. С. 19–20.

Дмитриев А. В., Малышев А. А., 1999. Могильник VI–II вв. до н. э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический альманах. Вып. 5. Армавир; М.: Армавирский краевед. музей. С. 17–52.

Дмитриев А. В., Малышев А. А., 2009. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н. э. // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К. С. 53–73.

Зуйков Ю. В. Отчет о раскопках некрополя на территории опытного хозяйства «Анапа» в 1992 г. // Научный архив ИА РАН. № Р-1. 17261.

Зуйков Ю. В. Отчет о раскопках некрополя на территории опытного хозяйства «Анапа» в 1993 г. // Научный архив ИА РАН. № 18518.

Зуйков Ю. В., 1994. Раскопки некрополя на территории опытного хозяйства «Анапа» // Боспорский сборник. № 4. М.: Архэ. С. 164–168.

Иванов А. В., Сударев Н. И., 2018. «Урочище Самойленко» – поселение в Синдике (предварительное сообщение // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации: материалы междунар. науч. конф. / Ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Литвиненко Е. А. С. 179–184.

Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; вып. В2-5.)

Копылов В. П., 2011. Таганрогское поселение – гавань Кремны? (письменные источники и археологические реалии) // Античный мир и археология. Вып. 15 / Ред. С. Ю. Монахов. Саратов: Научная книга. С. 223–239.

Копылов В. П., Литвиченко Л. В., 2006. Расписные килики из Таганрогского поселения // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: сб. ст. по материалам IX Междунар. конф. / Ред. В. П. Копылов. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. пед. ун-т. С. 14–18.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 316 с.

Малышев А. А., 1989. К вопросу о ранних торговых связях синдов с греками (локализация Синдского порта) // Проблемы исследований античных городов: тез. докл. М.: ИА АН СССР. С. 71–73.

Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. М.: Наука. 90 с., 23 табл. (САИ; вып. Д1-4.)

Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.: Киммерида; Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 350 с.

Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет / Ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К, 2010. 270 с. (Некрополи Черноморья; т. III.)

Новичихин А. М., 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. По материалам погребальных памятников / Отв. ред. И. И. Ашкинадзе. Анапа: Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела. 220 с.

Новичихин А. М., 2010а. Погребальный обряд и планиграфия некрополя у хутора Рассвет // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет / Ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К. С. 192–203. (Некрополи Черноморья; т. III.)

Новичихин А. М., 2010б. Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К. С. 204–234. (Некрополи Черноморья; т. III.)

Новичихин А. М., 2014. Синдская топонимия // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории: сб. науч. тр. к 100-летию со дня рождения А. И. Салова / Ред. А. М. Новичихин и др. Краснодар; Анапа: Платонов. С. 39–45.

Новичихин А. М., 2017а. Греческая колонизация Синдики // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Вып. 9. С. 67–96.

Новичихин А. М., 2017б. Письменные источники о синдах и Синдике // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 7. С. 61–79.

Сазонов А. А., 1995. Протомеотский культовый комплекс в урочище Лининхабль на реке Пшиш // Археология Адыгеи / Ред. П. А. Дитлер. Майкоп: Меоты. С. 73–83.

Черненко Е. В., 1981. Скифские лучники. Киев: Наукова думка. 168 с.

Чистов Д. В., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю., 2012. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб.: Изд-во ГЭ. 298 с. (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции; т. 2.)

Шишлов А. В., Федоренко Н. В., 2006. Погребальный обряд племен Северо-Западного побережья Кавказа в конце VII – V вв. до н. э. (по материалам Владимировского могильника) // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. № 2. С. 63–73.

Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П., 2007. Материальная культура Владимировского могильника // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 5. Новороссийск: Новороссийский ист. музей-заповедник. С. 4–19.

Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказа в начале раннего железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука. 430 с.

Rosamentir R., 2006. The Greeks in Berezan and Naukratis: A Similar Story? // Naukratis: Greek diversity in Egypt: studies on East Greek pottery and exchange in the Eastern Mediterranean. London: British Museum. P. 159–167.

Sezgin Y., 2017. Arkaik dönemde teos'ta ticari amphora űretimi: sorunlar ve gözlemler // Anadolu (Anatolia). No. 43. P. 15–39.

Сведения об авторах

Малышев Алексей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maa64@mail.ru;

Новичихин Андрей Михайлович, Анапский археологический музей, ул. Протапова, 1г, Анапа, 353440, Россия; e-mail: yazamat10@yandex.ru

A. A. Malyshev, A. M. Novichikhin

SOUTHERN SINDICA POPULATION DURING THE GREAT GREEK COLONIZATION

Abstract. The paper introduces into scientific discourse materials from an Early Iron Age cemetery of the «Anapa» experimental farm. The site is located in the vicinities of an Ancient Greek center of Gorgippia before it joined the Bosporan Kingdom, it had been known as the Sindian Harbor. The chronology of the funerary offerings suggests that this indigenous necropolis was one of the earliest in the region, it dates the early contacts with the Greek population to the end of 7th – early 6th centuries BC. Comparative analysis of the funerary assemblages from the cemetery and those from the Rassvet farmstead located two kilometers east of the cemetery helped to link them to a single group of the local Sindian population. The abandonment of the «Anapa» farm cemetery was probably caused by retreat of the indigenous population to the east due to Greek trade and economic activity in the region.

Keywords: Gorgippia, Sindica, cemetery, Greek colonization, Early Iron Age, tomb, funerary rite, chronology.

REFERENCES

Alekseeva E. M. Anapskaya ekspeditsiya Instituta arkheologii AN SSSR. Otchet o rabote v 1981 g. [Anapa expedition of Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences. Report on the work in 1981]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Alekseeva E. M., 1990. Rannee poselenie na meste Anapy (VI–V vv. do n. e.) [Early settlement at the site of Anapa (VI–V cc. BC)]. *KSIA*, 197, pp. 19–30.

Alekseeva E. M., 1991. Grecheskaya kolonizatsiya Severo-Zapadnogo Kavkaza [Greek colonization of Northwest Caucasus]. Moscow: Nauka. 144 p.

Alekseeva E. M., 1997. Antichnyy gorod Gorgippiya [Ancient city of Gorgippia]. Moscow: Editorial URSS. 560 p.

Chernenko E. V., 1981. Skifskie luchniki [Scythian archers]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.

Chistov D. V., Zuev V. Yu., Il'ina Yu. I., Kasparov A. K., Novoselova N. Yu., 2012. Issledovaniya na ostrove Berezan' v 2005–2009 gg. [Research on Berezan island in 2005-2009]. St. Petersburg: GE. 298 p. (Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 2.)

Dmitriev A. V. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v zone sooruzheniya orositel'nykh sistem s/kh «Raevskiy» i o razvedkakh na territorii Natukhaevskogo i Raevskogo sel'sovetov i Novorossiyskogo mekhleskhoza v 1987 g. [Report on archaeological excavations in construction area of irrigation systems of cooperation «Rayevskiy» and exploration in the territory of Natukhaevsky and Raevsky village communities and Novorossiysk mekhleskhoz in 1987]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dmitriev A. V., 1976. Novye materialy VIII–V vv. do n. e. iz rayona Novorossiyska [New materials of VIII–V cc. BC from Novorossiysk region]. *Arkheologiya Severnogo Kavkaza. VI Krupnovskie chteniya [Archaeology of North Caucasus. VI Krupnov readings*. Moscow, pp. 19–20.

Dmitriev A. V., Malyshev A. A., 1999. Mogil'nik VI–II vv. do n. e. v ust'e Lobanovoy shcheli [Cemetery of VI–II cc. BC in estuary of Lobanova shchel]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh [Historical and archaeological miscellany]*, 5. Armavir; Moscow: Armavirskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 17–52.

Dmitriev A. V., Malyshev A. A., 2009. Naselenie predgoriy Severo-Zapadnogo Kavkaza v VIII–IV vv. do n. e. [Population of Northwestern Caucasus foothills in VIII–IV cc. BC]. *ABRAU ANTIQUA. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy drevnostey poluostrova Abrau [ABRAU ANTIQUA. Results of comprehensive studies of the antiquities of Abrau peninsula]*. A. A. Malyshev. Moscow: Grif i K, pp. 53–73.

Erlikh V. R., 2007. Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale rannego zheleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov [North-Western Caucasus at the beginning of Early Iron Age: proto-Maeotian group of sites]. Moscow: Nauka. 430 p.

Ivanov A. V., Sudarev N. I., 2018. «Urochishche Samoylenko» – poselenie v Sindike (predvaritel'noe soobshchenie [«Samoylenko locality» – a settlement in Sindica (preliminary report)]. *XIX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii [XIX Bosporan readings. Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Traditions and innovations]*. V. N. Zin'ko, ed. Simferopol; Kerch: Litvinenko E. A., pp. 179–184.

Kopylov V. P., 2011. Taganrogskoe poselenie – gavan' Kremny? (pis'mennye istochniki i arkheologicheskie realii) [Taganrog settlement – Kremna harbor? (written sources and archaeological realities)]. *Antichnyy mir i arkheologiya [Classical world and archaeology]*, 15. S. Yu. Monakhov, ed. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 223–239.

Kopylov V. P., Litvichenko L. V., 2006. Raspisnye kiliki iz Taganrogskogo poseleniya [Painted chalices from Taganrog settlement]. *Mezhdunarodnye otnosheniya v basseyne Chernogo morya v skifo-antichnoe vremya: IX mezhdunarodnaya konferentsiya [International relations in Black Sea basin in Scythian-Antique time: IX international conference]*. V. P. Kopylov, ed. Rostov-na-Donu: Rostovskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 14–18.

Kozenkova V. I., 1998. Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant [Material basis of life of the Koban tribes. Western variant]. Moscow: IA RAN. 200 p. (SAI.)

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2012. Meotskie drevnosti VI–V vv. do n. e. (po materialam gruntovykh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani) [Maeotian antiquities of VI–V cc. BC (based on materials of the ground cemeteries on right bank of Kuban)]. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet. 316 p.

Malyshev A. A., 1989. K voprosu o rannikh torgovykh svyazyakh sindov s grekami (lokalizatsiya Sindskogo porta) [On the early trade relations of the Sinds with the Greeks (localization of the Sindian port)]. *Problemy issledovaniy antichnykh gorodov [Issues of ancient cities research]*. Moscow: IA AN SSSR, pp. 71–73.

Melyukova A. I., 1964. Vooruzhenie skifov [Armament of the Scythians]. Moscow: Nauka. 90 p., 23 tabl. (SAI.)

Monakhov S. Yu., 2003. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare: katalog-opredelitel' [Greek amphorae in Pontic region. Typology of amphorae of leading centers-exporters of goods in ceramic containers: catalog-determinant]. Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskiy universitet. 350 p.

Naselenie arkhaicheskoy Sindiki. Po materialam nekropolya u khutora Rassvet [Population of archaic Sindica. Based on materials of the necropolis at Rassvet farmstead]. A. A. Malyshev, ed. Moscow: Grif i K, 2010. 270 p. (Nekropoli Chernomor'ya, III.)

Novichikhin A. M., 2006. Naselenie Zapadnogo Zakuban'ya v pervoy polovine I tysyacheletiya do n. e. Po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov [Population of Western Trans-Kuban region in the first half of I millennium BC. Based on materials of burial sites]. I. I. Ashkinadze, ed. Anapa: Sochinskiy gos. universitet turizma i kurortnogo dela. 220 p.

Novichikhin A. M., 2010a. Pogrebal'nyy obryad i planigrafiya nekropolya u khutora Rassvet [Burial rite and planigraphy of the necropolis at Rassvet farmstead]. *Naselenie arkhaicheskoy Sindiki. Po materialam nekropolya u khutora Rassvet [Population of archaic Sindica. Based on materials of the necropolis at Rassvet farmstead]*. A. A. Malyshev, ed. Moscow: Grif i K, pp. 192–203. (Nekropoli Chernomor'ya, III.)

Novichikhin A. M., 2010b. Pogrebal'nyy inventar' nekropolya u khutora Rassvet [Grave goods from necropolis at Rassvet farmstead]. *Naselenie arkhaicheskoy Sindiki. Po materialam nekropolya u khutora Rassvet [Population of archaic Sindica. Based on materials of the necropolis at Rassvet farmstead]*. A. A. Malyshev, ed. Moscow: Grif i K, pp. 204–234. (Nekropoli Chernomor'ya, III.)

Novichikhin A. M., 2014. Sindskaya toponimiya [Sindian placenames]. *Sindika, Gorgippiya, Anapa: issledovaniya po arkheologii i istorii [Sindica, Gorgippia, Anapa: research in archaeology and history]*. A. M. Novichikhin, ed. Krasnodar; Anapa: Platonov, pp. 39–45.

Novichikhin A. M., 2017a. Grecheskaya kolonizatsiya Sindiki [Greek colonization of Sindica]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya [Materials on archeology and history of ancient and medieval Pontic region]*, 9, pp. 67–96.

Novichikhin A. M., 2017b. Pis'mennye istochniki o sindakh i Sindike [Written sources on the Sinds and Sindica]. *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza [Archaeology and ethnology of the North Caucasus]*, 7, pp. 61–79.

Sazonov A. A., 1995. Protomeotskiy kul'tovyy kompleks v urochishche Lininkhabl' na reke Pshish [Proto-Maeotian cult complex in Leninhabl locality on Pshish river]. *Arkheologiya Adygei [Archaeology of Adygea]*. P. A. Ditler, ed. Maikop: Meoty, pp. 73–83.

Shishlov A. V., Fedorenko N. V., 2006. Pogrebal'nyy obryad plemen Severo-Zapadnogo poberezh'ya Kavkaza v kontse VII – V vv. do n. e. (po materialam Vladimirovskogo mogil'nika) [Burial rite of tribes of the Caucasus Northwestern coast in late VII – V cc. BC (based on materials from Vladimirovskiy cemetery)]. *Argonavt. Chernomorskiy istoricheskiy zhurnal [Argonaut. Black Sea historical journal]*, 2, pp. 63–73.

Shishlov A. V., Fedorenko N. V., Kolpakova A. V., Kononenko A. P., 2007. Material'naya kul'tura Vladimirovskogo mogil'nika [Material culture of Vladimirovskiy cemetery]. *Istoricheskie zapiski. Issledovaniya i materialy [Historical notes. Investigations and materials]*, 5. Novorossiysk: Novorossiyskiy istoricheskiy muzey-zapovednik, pp. 4–19.

Val'chak S. B., P'yankov A. V., Khachaturova E. A., Erlikh V. R., 2016. Kubanskiy mogil'nik. Materialy raskopok N. V. Anfimova 1965 goda [Kuban cemetery. Materials from excavations of N.V. Anfimov, 1965]. Moscow: Krasnodarskiy gos. istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik. 208 p.

Zuykov Yu. V. Otchet o raskopkakh nekropolya na territorii opytnogo khozyaystva «Anapa» v 1992 g. [Report on excavation of the necropolis in territory of «Anapa» experimental farm in 1992]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Zuykov Yu. V. Otchet o raskopkakh nekropolya na territorii opytnogo khozyaystva «Anapa» v 1993 g. [Report on excavation of the necropolis in territory of «Anapa» experimental farm in 1993]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Zuykov Yu. V., 1994. Raskopki nekropolya na territorii opytnogo khozyaystva «Anapa» [Excavation of the necropolis in territory of «Anapa» experimental farm]. *Bosporskiy sbornik [Bosporan collection]*, 4. Moscow: Arkhe, pp. 164–168.

About the authors

Malyshev Aleksey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maa64@mail.ru;

Novichikhin Andrej M., Anapa archaeological museum, ul. Protapova, 1g, Anapa, 353440, Russian Federation; e-mail: yazamat10@yandex.ru

Е. В. Кузнецова, Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, С. Ю. Монахов

ПОГРЕБЕНИЕ С КНИДСКИМИ АМФОРАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА СТАРОКОРСУНСКОГО ГОРОДИЩА № 2[1]

Резюме. В погребении № 381*в* были найдены две амфоры Книда, лепные и сероглиняные сосуды меотского производства, предметы туалета и украшения. Первая амфора (№ 6) – полностандартная, «пифоидного» варианта II типа, по строгим хронологическим привязкам датируется в пределах 320–310-х гг. Вторая (№ 3) – фракционная, аналогии ей пока не известны. Первая амфора дает возможность не только надежно датировать погребение, но и уточнить хронологию отдельных предметов, входивших в состав погребального инвентаря.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, городище, грунтовый могильник, амфоры, керамика, горгонейоны, хронология.

К востоку от г. Краснодара, на правом высоком берегу р. Кубань (ныне северный берег Краснодарского водохранилища), в среднем ее течении, между станицами Старокорсунской (Карасунский округ г. Краснодара) и Васюринской (Динской район Краснодарского края), на выступающем мысу расположен известный с 20-х гг. прошлого века памятник меотской культуры – Старокорсунское городище № 2. Городище имело пять линий обороны, построенных в разное время. Самые ранние оборонительные сооружения относятся ко втор. пол. IV в. до н. э., а позднейшие были возведены, скорее всего, на рубеже II–III вв. н. э. Известное охраняемое пространство вокруг Старокорсунского городища № 2 не было заселено, так как его занимали могильники.

Грунтовый могильник Старокорсунского городища № 2 является эталонным для меотской культуры. За три десятилетия спасательных раскопок Краснодарской археологической экспедицией Кубанского госуниверситета здесь было исследовано более 1000 погребений. Материал раскопок регулярно вводится

[1] Графическая, фотофиксация и изучение амфор выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096). Фиксация и исследование меотской керамики выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00134).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.139-151

в научный оборот и служит фундаментом для обобщающих работ как по типологии и хронологии отдельных категорий инвентаря, так и по хронологии разных периодов меотской культуры VI в. до н. э. – перв. пол. III в. н. э. Для узкой хронологии погребений особенно важное значение имеют находки амфор разных центров, количество которых неуклонно растет. В настоящее время общее число погребений, содержавших целые или археологически целые амфоры, достигло 55. Данная работа посвящена публикации материалов погребения № 381*в*, исследованного в 2020 г.

Погребение находилось в восточной части могильника, на расстоянии немногим более 200 м к северу от внешнего (позднейшего) рва городища. Погребальное сооружение представляло собой широкую яму со скругленными углами, длинной осью ориентированную по линии ЗСЗ–ВЮВ, размерами 2,4 × 1,8 м, на 33 см углубленную в слой глины, на уровне залегания которой и было выявлено пятно могильной ямы (рис. 1).

В северной половине ямы был расчищен скелет женщины (старше 55 лет)[2], лежавшей на спине, головой на ЮВ. Вдоль ЗСЗ стенки ямы, в ногах погребенной, располагалось несколько сосудов. В северном углу стоял лепной горшок (№ 1), к западу от которого находился узкогорлый (горло отбито в древности) сероглиняный сосуд (№ 2). Далее стояла небольшая книдская амфора (№ 3), завалившаяся горлом к северу. Между амфорой и горшком лежали бронзовое зеркало (№ 4) и песчаниковая плитка (№ 5). В западном углу стояла полностандартная книдская амфора (№ 6), прислоненная к стенке ямы. Вплотную к амфоре, с восточной стороны, стоял еще один лепной горшок (№ 7). В южной половине ямы лежали остатки напутственной пищи: разрубленные кости ног и ребра лошади. Тут же, в заполнении, стоял третий лепной горшок (№ 8). Между ребрами лошади находился железный нож (№ 9). Рядом с горшком № 8 лежала стеклянная бусина (№ 10). В свободной ЮВ части ямы стояла сероглиняная миска (№ 11). Под ребрами лошади была расчищена лепная курильница (№ 17). При скелете женщины были найдены два терракотовых горгонейона (№ 12), бусы и подвески из разных материалов (№ 13 и 14), бронзовый браслет (№ 15), глиняное пряслице (№ 16) и серебряное височное кольцо под черепом.

Керамический комплекс этого захоронения, в первую очередь – амфоры, дает хорошую возможность как для установления общей хронологии погребения, так и для уточнения датировок отдельных предметов, входящих в состав инвентаря.

Полностандартная амфора (№ 6) из этого погребения относится к «ранней» серии II-В-1 «пифоидного» варианта книдской тары. У нее небольшой валикообразный, чуть уплощенный венец, выделенный горизонтальной подрезкой и широким желобком; горло высокое, цилиндрическое, слегка припухлое в верхней части; тулово пифоидное с крутым изломом плеч; ножка кубаревидная с глубокой грибовидной выемкой (рис. 3: *12*). Глина светло-оранжевая, коричневатая, с мелким песком и примесью толченого известняка (белые включения). Подобные целые сосуды известны нам по множеству находок, в том числе

[2] Половозрастные определения выполнены научным сотрудником КГИАМЗ А. Н. Абрамовой.

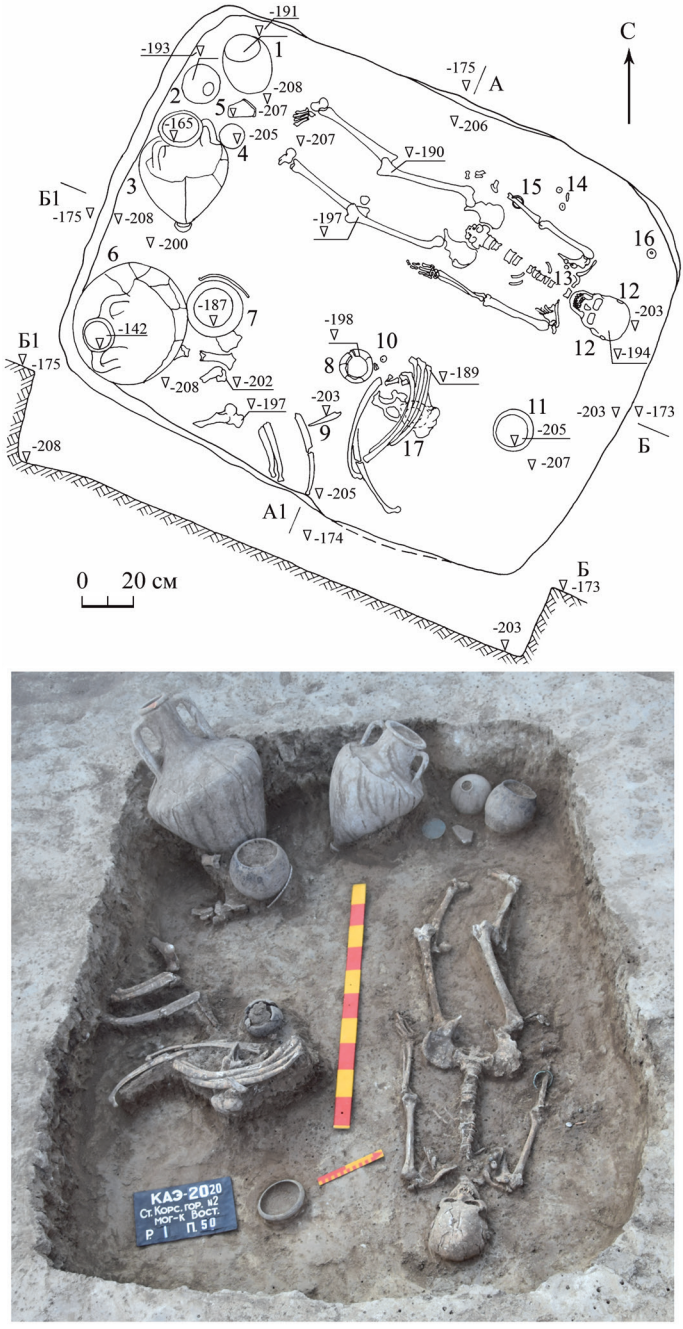


Рис. 1. Погребение № 381*в*, фото (внизу) и план (вверху)

1, 7, 8 – горшки лепные; *2* – кувшин сероглиняный; *3, 6* – амфоры; *4* – зеркало бронзовое; *5* – плитка песчаниковая; *9* – нож железный; *10* – бусина; *11* – миска сероглиняная; *12* – горгонейоны терракотовые; *13, 14* – бусы; *15* – браслет бронзовый; *16* – пряслице глиняное; *17* – курильница лепная

с монограммными клеймами (*Монахов*, 2003. С. 106. Табл. 73) из погребений у хут. Ленина (*Монахов, Кузнецова*, 2021. С. 197, 200. Рис. 7: *1*; 9: *4*), а также погребений № 66, 173 и 275 Прикубанского некрополя (*Монахов и др.*, 2021. С. 199 сл. Kn. 12–15). Очень близкий по морфологии сосуд, который найден вместе с амфорой Синопы конца третьей – начала последней четверти IV в. до н. э., происходит из погребения № 316 Прикубанского некрополя. Еще одна книдская амфора с таким же высоким горлом обнаружена в погребении № 331 того же некрополя вместе с фрагментированной амфорой Коса (Там же. С. 96, 97, 201. Kn. 16). К сожалению, большинство перечисленных комплексов имеют достаточно широкую хронологию в пределах от конца третьей четверти IV до начала III в. до н. э.

Однако есть и более строгие хронологические привязки. Это, прежде всего, так называемое «погребение № 25» Горгиппийского некрополя, где подобная книдская амфора найдена в контексте с синопской, гераклейской и косской, которые, как мы тогда считали, относятся к концу IV – началу III в. до н. э. (*Монахов*, 1999. С. 445, 446. Табл. 193; 2014. С. 208. Табл. 7: *30*).

Хронологические уточнения дает другая находка – типологически близкая нашей амфора из Китея с клеймом АПО(-) или ПАΘ(-) на ручке (*Молев*, 2010. С. 124. Табл. 11: *1*; *Монахов и др.*, 2016. С. 127. Kn. 1). Такие клейма, как было продемонстрировано 20 лет назад, стали появляться еще на книдских амфорах с грибовидными венцами (вариант I-C), а затем и на амфорах на кубаревидной ножке варианта II-A (*Монахов*, 2003. С. 105, 106. Табл. 72, 73), что скорее предполагает их хронологию в пределах третьей четверти – начала последней четверти IV в. (*Ефремов*, 2013. С. 408–413; 2018), т. е. 330–310-е гг. до н. э.

Особый интерес представляет вторая, фракционная, книдская амфора (№ 3) из этого погребения. У нее валикообразный, вытянутый по горизонтали венец; очень широкое короткое горло, в нижней части которого имеется небольшой уступ; овоидное тулово и небольшая кубаревидная ножка с неглубокой полусферической выемкой (рис. 3: *11*). Глина светло-бежевая, с мелким песком, серебристыми блестками и мелкими коричневыми включениями (шамот?). Морфологические особенности сосуда, как и характер глины, вызывают некоторые сомнений в его книдском происхождении.

Факт присутствия в комплексе погребения фракционной амфоры неудивителен. Подобные сосуды объемом в 3 аттических хоя (9,85 л) известны по материалам цистерны 1989 г. в Ольвии и кораблекрушения у Серке Лимана (*Монахов*, 2003. С. 107, 305. Табл. 75: *2, 3*). Еще один фракционный сосуд хранится в музее Бодрума (*Alpözen et al.*, 1995. P. 87). В Краснодарском музее есть еще один неопубликованный фракционный сосуд книдского производства, контекст обнаружения которого, к сожалению, неизвестен.

Следует заметить, что в амфорном производстве Книда известны сосуды гораздо меньших размеров. Совсем недавно была опубликована целая серия мини-амфор, обнаруженных в погребениях на Книдском полуострове, правда, несколько более позднего времени. Внешне они полностью копируют полностандартные образцы и имеют объем, соответствующий одному аттическому хою (3,27 л). Авторы странным образом предположили, что они специально изготавливались в ритуальных целях (*Doksanaltı et al.*, 2019. P. 303. Fig. 8–10).

Обращает на себя внимание необычная для тары Книда морфологическая особенность – очень широкое горло. Сразу вспоминается столь же редкий экземпляр синопской тары из Керченского музея, обнаруженный в море у мыса Тузла и отличающийся таким же широким горлом (*Зеест*, 1960. С. 91. Табл. XIV: *30б*). Высказано предположение, что в данном случае мы имеем дело с тарой для соленой рыбы (*Куликов, Федосеев*, 2010. С. 271. Рис. 2; *Монахов и др.*, 2016. С. 180. Sn. 21).

Набор сосудов местного производства в меотских погребениях с амфорами IV–III вв. до н. э., которые считаются «богатыми», обычно бывает более разнообразным. В данном погребении комплекс местной керамики представлен четырьмя лепными и только двумя сероглиняными сосудами.

Лепные горшки с загнутым краем (рис. 2: *3, 5*) принадлежат к основной форме кухонных сосудов, бытовавших на правобережье Кубани с раннемеотского времени до I в. до н. э. включительно (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 240). Этот тип горшков практически вытеснил горшки с отогнутым краем (рис. 2: *6*), которые встречаются очень редко, но все-таки известны в меотских могильниках с амфорами конца IV – первой трети III в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2007. С. 71, 72. Рис. 24: *8*; 30: *2*; *Бочковой и др.*, 2005. С. 172. Рис. 2: *2, 7*; *Монахов*, 2014. С. 210, 211. № 43).

Курильница лепная чернолощеная, почти шаровидной формы, с ручками-упорами, орнаментированная налепными ребрами и двумя рядами конусовидных налепов (рис. 2: *4*), относится к типу I нашей классификации меотских курильниц. Небольшие размеры (высота – 10 см, диаметр – 12,5 см) позволяют сопоставить ее с подтипом IБ, который представлен всего двумя экземплярами очень близкой морфологии вариантов 2б – с отогнутым краем (к которому, собственно, и принадлежит описываемый сосуд) и 3б – с выделенным горлом. Хронология вариантов по известным комплексам с амфорами была ограничена нами первой третью – серединой III в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 224. Рис. 1: *21*; 2006. С. 135. Рис. 3: *5, 6*; 7; 2007. С. 72. Рис. 27: 1). Находка курильницы в погребении № 381*в*, учитывая хронологию совместно встреченных амфор, позволяет уточнить датировку меотских лепных курильниц подтипа IБ в пределах последней трети IV – середины III в. до н. э.

Миска сероглиняная с резко загнутым бортиком, орнаментированным узкими желобками, имеет широкое дно на довольно высоком кольцевом поддоне и сильно округленные стенки (рис. 2: *2*). Бортик у мисок этой формы нередко бывает утолщенным, треугольным в сечении. Период бытования у меотов аналогичных мисок, известных из погребений Старокорсунского могильника № 2, имеющих узкие датировки по амфорной таре (Синопа, Кос, Эрифры), в том числе с клеймами, ограничивался ранее концом IV – первой третью III в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 223, 224, 233. Рис. 6: *14*; 2007. С. 71, 72. Рис. 13: *4*; 19: *1, 3*; 30: *1*; *Монахов*, 2012. С. 122. № 41; 2014. С. 204. № 18). Узкая датировка полностандартной амфоры из погребения № 381*в* указывает на существование этого типа мисок в последней трети IV в. до н. э.

Кувшин сероглиняный с округлым туловом, орнаментированным по плечикам горизонтальными рядами узких бороздок, имел узкое высокое горло, утраченное в древности. Два просверленных в основании горла отверстия свиде-

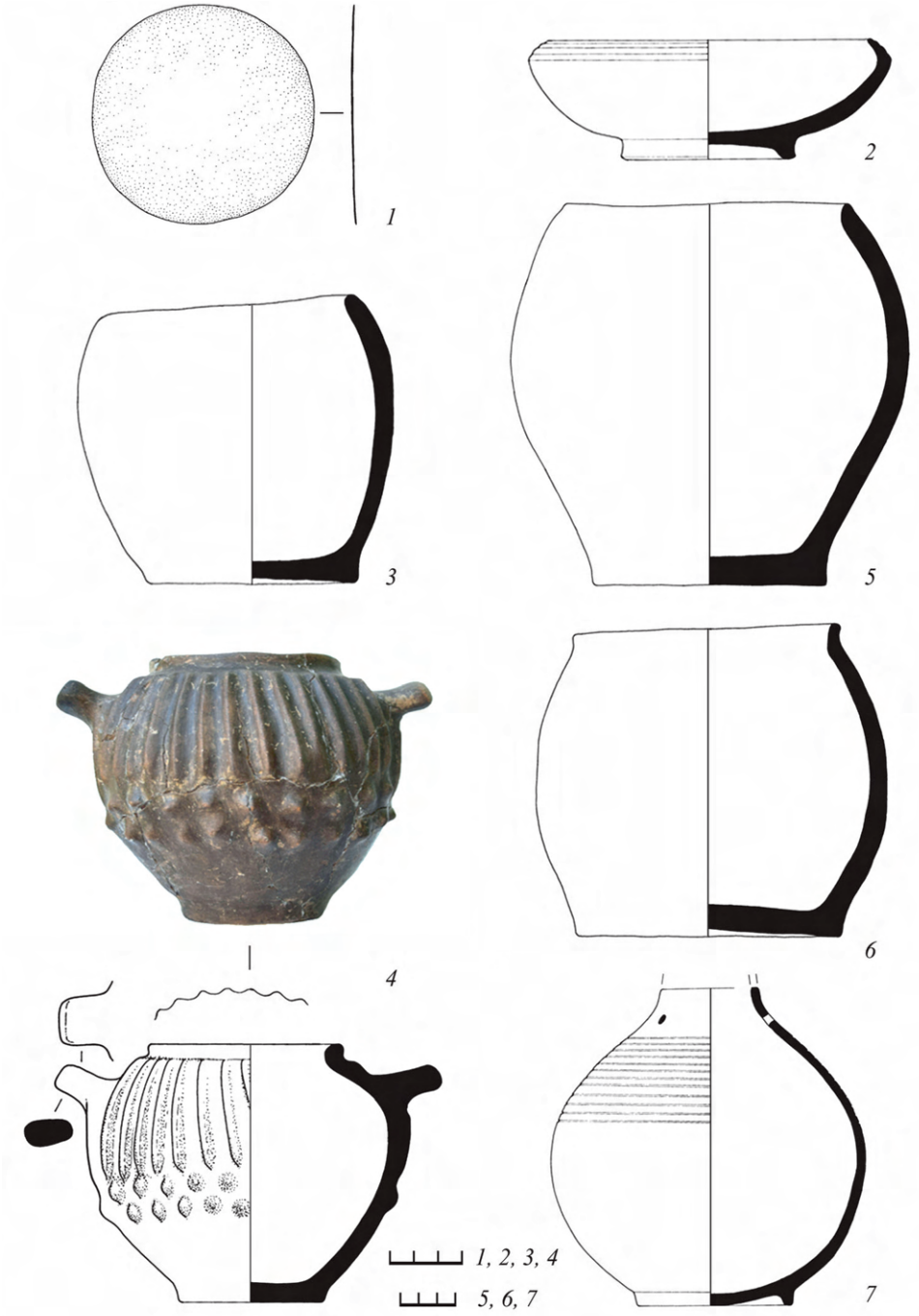


Рис. 2. Погребение № 381*в*. Погребальный инвентарь

1 – зеркало бронзовое; *2* – сероглиняная миска; *4* – курильница чернолощеная; *3, 5, 6* – лепные горшки; *7* – сероглиняный кувшин

тельствуют о попытке его починки (рис. 2: *7*). Подобные сероглиняные и лепные сосуды нередко использовались в погребальном обряде меотов примерно с третьей четверти IV до середины III в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 221, 223, 232. Рис. 10: *9*; 11: *2*; 2007. С. 71, 74–76. Рис. 6: *4*; 12: *4*; 20: *4*).

Среди мелких находок, которые могут быть использованы для датировки при отсутствии в погребении других хроноиндикатов, два терракотовых горгонейона со штампованным изображением головы медузы Горгоны, обрамленной одним кружком «жемчужного» орнамента (рис. 3: *1*). На лицевой стороне – светлая желтоватая грунтовка, сохранились крупицы позолоты. Оборотная сторона – с двумя точечными наколами для петельки (диаметр – 2,1 см), окрашена светло-красной краской. Подобные изделия относительно часто встречаются как в правобережных, так и в левобережных памятниках Прикубанья и даже в Центральном Предкавказье, но в античных памятниках Северного Причерноморья их находки довольно редки. По оформлению, в котором прослеживается сочетание архаических и эллинистических черт, А. А. Малышев отнес такие горгонейоны к «среднему» варианту (по старой типологии Г. Глотца) и датировал третьей четвертью IV – началом III в. до н. э., синхронизируя их с находками из Западного Причерноморья (*Малышев*, 1992. С. 49, 50. Рис. 1). По В. Р. Эрлиху, собравшему находки терракотовых горгонейонов с территории всего Северного Кавказа, аналогичные изделия относятся к «ранней» группе (*Эрлих*, 2012. С. 259–261. Рис. 2). Но едва ли не единственным хорошо датированным комплексом с такими горгонейонами является основное погребение Курджипского кургана, относящееся, по Л. К. Галаниной, к последней четверти IV в. до н. э. (*Галанина*, 1980. С. 54, 55, 88. Кат. № 29), а по С. В. Полину – к началу третьей четверти IV столетия (*Полин*, 2014. С. 487).

Хронология погребений с амфорами из Старокорсунского могильника № 2 позволяет предположить, что у меотов правобережья Кубани данный тип терракотовых изделий получил распространение в конце второй – третьей четвертях IV в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 221. Рис. 11: *12*; 14: *18*; 36: *15*; *Монахов*, 2014. С. 203. № 8).

Другой вид терракотовых украшений – подвеска-распределитель амфоровидной формы с выпуклой лицевой стороной (рис. 3: *7*), покрытой слоем светло-желтой грунтовки, с остатками позолоты, с рельефными желобками и двумя горизонтальными каналами отверстий в верхней части (сохранившаяся длина – 3,1 см). Такие подвески известны в некоторых памятниках Северного Кавказа и Восточного Крыма (*Пьянков*, 1998. С. 6–7. Рис. на с. 9: *9–11*; *Эрлих*, 2012. С. 266, 267, 269. Рис. 14: *1–3, 22–23*). Однако из надежно датированных комплексов, опять же, можно привести только основное погребение Курджипского кургана (*Галанина*, 1980. С. 88. Кат. № 31).

Таким образом, оба вида терракотовых изделий использовались меотами в погребальном обряде примерно с середины до конца IV – начала III в. до н. э.

Среди украшений были найдены бусы с неустановленной хронологией. Из них две бусины – биконические из глухого черного стекла, с белой накладной полосой на линии наибольшего диаметра (рис. 3: *4, 5*) относятся к типу 203а (по классификации Е. М. Алексеевой), представленному в ее своде единственным экземпляром, данных для датировки которого недостаточно

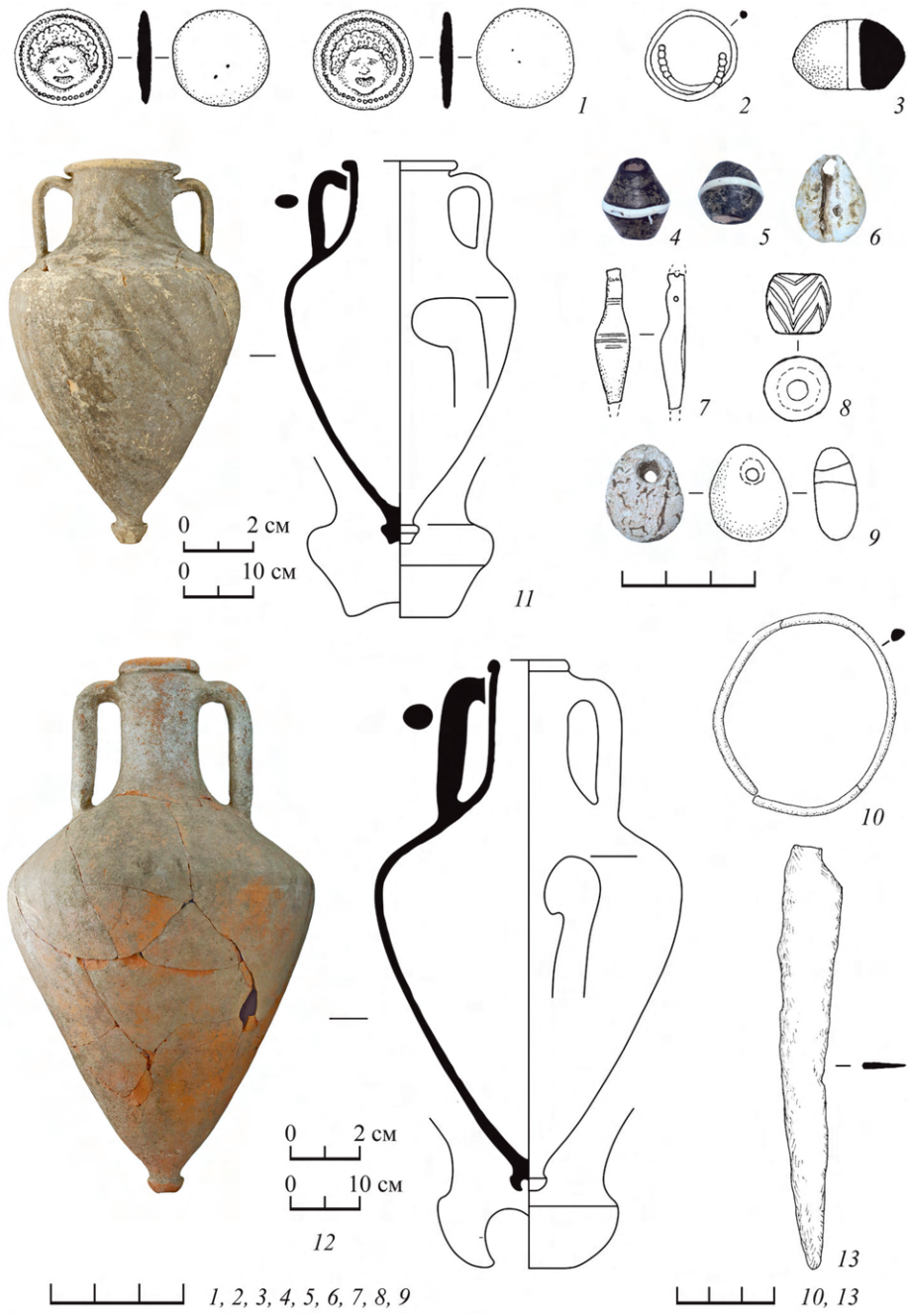


Рис. 3. Погребение № 381*в*. Погребальный инвентарь

1 – горгонейоны; *2* – кольцо височное; *3* – пряслице; *4–9* – бусы и подвески; *10* – браслет; *11, 12* – книдские амфоры; *13* – нож

1, *7* – терракота; *2* – серебро; *3, 8, 11, 12* – керамика; *4, 5* – стекло; *6* – раковина каури; *9* – камень; *10* – бронза; *13* – железо

(*Алексеева*, 1978. С. 44). Третья бусина – нового типа – у Е. М. Алексеевой не значится: керамическая, бочковидная, с плоскими торцами, покрытая тонким, ровным слоем блестящей стекловидной массы черного цвета (рис. 3: *8*). Предварительно на керамическое ядро (глина мелкозернистая, коричневая) был нанесен углубленный фестончатый орнамент, заполненный сверху (по стекловидному покрытию) густой ярко-желтой краской. Таким образом, датировка этих типов бус может быть привязана к погребению.

К другой категории предметов, хронология бытования которой может быть уточнена благодаря совместной находке с амфорами, относится бронзовое литое зеркало без ручки, диаметром 9 см (рис. 2: *1*). Такие зеркала диаметром 7–9 см впервые были найдены в Усть-Лабинском могильнике в погребениях, относящихся к третьей хронологической группе III – начала I в. до н. э. (*Анфимов*, 1951. С. 186. Рис. 13: *2*). Позднее в Прикубанье появились новые материалы из сарматских и меотских памятников, которые позволили ограничить основной период бытования этих зеркал (тип V, вариант 1) II–I вв. до н. э., так как за эти рамки не выходили немногочисленные комплексы с узкими датировками (*Марченко*, 1996. С. 19. Рис. 3). Находка из старокорсунского погребения № 381*в* позволяет говорить о гораздо более раннем времени появления этих зеркал у меотов Прикубанья.

Хронология погребения опирается на найденную в нем амфорную тару Книда, главным образом на полностандартную амфору «ранней» серии «пифоидного» варианта, которая по многочисленным аналогиям и совместно найденным с ними клейменым амфорам других центров твердо датируется в рамках 330–310-х гг. Фракционная амфора, полные аналогии которой пока не найдены, вероятно, синхронна первой.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. А., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 100 с., 34 табл. (САИ; вып. Г1-12.)

Анфимов Н. В., 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Ред. Е. И. Крупнов. М.; Л.: АН СССР. С. 155–207. (МИА; № 23.)

Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // МИАК. Вып. 5. С. 172–218.

Галанина Л. К., 1980. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. Л.: Искусство. 127 с.

Ефремов Н. В., 2013. Керамические клейма позднеклассического – раннеэллинистического Книда. «Протокнидские» клейма и клейма с «носом корабля» // Вопросы эпиграфики. Вып. VII. Ч. 1 / Ред. А. Г. Авдеев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 405–451.

Ефремов Н. В., 2018. Двадцать лет спустя. Примечания к керамическим клеймам раннеэллинистического Книда // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию профессора В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов-на-Дону: Наследие. С. 542–561.

Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора. М.: АН СССР. 180 с. (МИА; № 83.)

Куликов А. В., Федосеев Н. Ф., 2010. Керамическая тара для рыбных промыслов Боспора // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы / Ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская гор. тип. С. 270–278.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. Вып. 5. С. 218–324.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2006. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // МИАК. Вып. 6. С. 134–151.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // МИАК. Вып. 7. С. 70–150.

Малышев А. А., 1992. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. / Отв. ред.: Ю. Д. Щапова, И. В. Яценко. М.: МГУ. С. 49–56.

Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 237 с.

Молев Е. А., 2010. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина. 316 с.

Монахов С. Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Саратовский ун-т. 679 с.

Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров в керамической таре: каталог-определитель. Москва; Саратов: Киммерида: Саратовский ун-т. 352 с.

Монахов С. Ю., 2012. Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н. э.: дополнения к классификации // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. С. 111–124.

Монахов С. Ю., 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // SP. No. 3. С. 195–222.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2021. Уточненная хронология книдских амфор IV – начала III в. до н. э. по материалам керамических комплексов Кубани // SP. No. 6. С. 183–205.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б., 2016. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: каталог. Керчь; Саратов: Новый проект. 222 с.

Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына). Саратов: Волга. 324 с.

Полин С. В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV в. до н. э. на Херсонщине. Киев: Олег Филюк. 775 с.

Пьянков А. В., 1998. Керамические украшения с позолотой с северного берега Краснодарского водохранилища // Древности Кубани. Вып. 6. Краснодар. С. 3–12.

Эрлих В. Р., 2012. Украшения из золоченой терракоты в меотских памятниках Прикубанья (к проблеме культурных контактов в раннеэллинистическое время) // Евразия в скифо-сарматское время / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: ГИМ. С. 259–272. (Труды ГИМ; вып. 191.)

Alpözen T. O., Özdaş A. H., Berkaya B., 1995. Commercial amphoras of the Bodrum Museum of Underwater Archaeology. Maritime Trade of the Mediterranean in Ancient Times. Bodrum: Bodrum Museum of Underwater Archaeology. 128 p.

Doksanalti E. M., Karaoğlan İ., Candemir Z., 2019. The small Knidian amphora types // HEROM. Vol. 8. P. 283–316.

Сведения об авторах

Кузнецова Елена Владимировна, Институт археологии и культурного наследия Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, Саратов, 410012, Россия; e-mail: ev_kuznetsova@list.ru;

Лимберис Наталья Юрьевна, НИИ археологии Кубанского государственного университета, ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия; e-mail: limberis2@mail.ru;

Марченко Иван Иванович, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия; e-mail: meot@mail.ru;

Монахов Сергей Юрьевич, Институт археологии и культурного наследия Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, Саратов, 410012, Россия; e-mail: monachsj@mail.ru

E. V. Kuznetsova, N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko, S. Yu. Monakhov

THE BURIAL WITH KNIDIAN AMPHORAE FROM THE BURIAL GROUND OF STAROKORSUNSKAYA SETTLEMENT NO. 2

Abstract. Burial No. 381e of Starokorsunskaya settlement No. 2 yielded two Knidian amphorae, hand-made and gray-clay vessels of Maeotian production as well as toiletware and jewelry pieces. The first amphora (no. 6) which is a full-standard «pythoid» variant of type II is dated to 320–310s according to strict chronological markers. The second amphora (no. 3) is preserved in fragments, no analogies to it have been found yet. The first amphora makes it possible not only to reliably date the burial but also clarify the chronology of some items that formed part of the funerary assemblage.

Keywords: Kuban region, Maeotians, settlement, burial ground, amphorae, pottery, gorgoneions, chronology.

REFERENCES

Alekseeva E. A., 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of North Pontic region]. Moscow: Nauka. 100 p., 34 tabl. (SAI.)

Anfimov N. V., 1951. Meoto-sarmatskiy mogil'nik u stanitsy Ust'-Labinskoy [Maeoto-Sarmatian cemetery near village Ust-Labinskaya]. *Materialy iissledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]*. E. I. Krupnov, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 155–207. (MIA, 23.)

Bochkovoy V. V., Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2005. Pogrebeniya s amforami iz mogil'nika gorodishcha Spornoe [Burials with amphorae from the cemetery of the settlement Spornoe]. *MIAK*, 5, pp. 172–218.

Efremov N. V., 2013. Keramicheskie kleyma pozdneklassicheskogo – ranneellinisticheskogo Knida. «Protoknidskie» kleyma i kleyma s «nosom korablya» [Ceramic stamps of late Classical – early Hellenistic Knidus. «Proto-Knidian» stamps and stamps with «ship bow»]. *Voprosy epigrafiki [Problems of epigraphics]*, iss. VII, part 1. A. G. Avdeev, ed. M.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, pp. 405–451.

Efremov N. V., 2018. Dvadtsat' let spustya. Primechaniya k keramicheskim kleymam ranneellinisticheskogo Knida [Twenty years later. Notes on ceramic stamps of early Hellenistic Knidus]. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya [North Pontic region in ancient and early medieval times]*. A. N. Kovalenko, ed. Rostov-na-Donu: Nasledie, pp. 542–561.

Erlikh V. R., 2012. Ukrasheniya iz zolochenoy terrakoty v meotskikh pamyatnikakh Prikuban'ya (k probleme kul'turnykh kontaktov v ranneellinisticheskoe vremya) [Gilded terracotta ornaments in Maeotian sites of Kuban region (on cultural contacts in the Early Hellenistic period)]. *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya [Eurasia in Scythian-Sarmatian time]*. D. V. Zhuravlev, K. B. Firsov, eds. Moscow: GIM, pp. 259–272. (Trudy GIM, 191.)

Galanina L. K., 1980. Kurdzhipskiy kurgan. Pamyatnik kul'tury prikubanskikh plemen IV veka do n. e. [Kurdzhip kurgan. Monument of culture of Kuban tribes of IV c. BC]. Leningrad: Iskusstvo. 127 p.

Kulikov A. V., Fedoseev N. F., 2010. Keramicheskaya tara dlya rybnykh promyslov Bospora [Ceramic containers for Bosporan fisheries]. *XI Bosporskie chteniya [XI Bosporus readings]. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i sredneveko'ya. Remesla i promysly [Cimmerian*

Bosporus and barbarian world in Antiquity and Middle Ages. Production and crafts]. V. N. Zin'ko, ed. Kerch: Kerchenskaya gorodskaya tipografiya, pp. 270–278.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Chronology of ceramic complexes with antique imports from excavations of Maeotian cemeteries on Kuban right bank]. *MIAK*, 5, pp. 218–324.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2006. Tipologiya i khronologiya kuril'nits iz meotskikh mogil'nikov Prikuban'ya [Typology and chronology of incense burners from Maeotian cemeteries of Kuban region]. *MIAK*, 6, pp. 134–151.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2007. Raskopki mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 2006 g. [Excavations of the cemetery of the Starokorsunskaya hillfort № 2 in 2006]. *MIAK*, 7, pp. 70–150.

Malyshev A. A., 1992. Pozolochennye terrakotovye medal'ony s izobrazheniem Meduzy Gorgony v Prikuban'e [Gilded terracotta medallions with image of Gorgo Medusa in Kuban region]. *Grakovskie chteniya na kafedre arkheologii MGU 1989–1990 gg. [Grakov readings at the Chair of archeology of MGU, 1989–1990]*. Yu. L. Shchapova, I. V. Yatsenko, eds. Moscow: MGU, pp. 49–56.

Marchenko I. I., 1996. Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) [The Kuban Siraki (Based on materials of kurgan burials of Lower Kuban)]. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet. 237 p.

Molev E. A., 2010. Bosporskiy gorod Kitey [Bosporan city of Kitei]. Simferopol; Kerch: ADEF-Ukraina. 316 p.

Monakhov S. Yu., 1999. Grecheskie amfory v Prichernomor'e: kompleksy keramicheskoy tary VII–II vv. do n. e. [Greek amphorae in Pontic region: complexes of ceramic containers of VII–II cc. BC]. Saratov: Saratovskiy universitet. 679 p.

Monakhov S. Yu., 2003. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov v keramicheskoy tare: katalog-opredelitel' [Greek amphorae in Pontic region. Typology of amphorae of the leading exporting centers of ceramic containers: catalog-determinant]. Moscow; Saratov: Kimmerida: Saratovskiy universitet. 352 p.

Monakhov S. Yu., 2012. Amfory maloaziyskikh Erifr V–II vv. do n. e.: dopolneniya k klassifikatsii [Amphorae of Eriphras (Asia Minor) of V–II cc. BC: additions to the classification]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n. e. [Antiquities of the North Pontic region of III–II cc. BC]*. N. P. Tel'nov, ed. Tiraspol: Pridnestrovskiy gos. universitet imeni T. G. Shevchenko, pp. 111–124.

Monakhov S. Yu., 2014. Kosskie i psevdokosskie amfory i kleyma [Kos and pseudo-Kos amphorae and stamps]. *SP*, 3, pp. 195–222.

Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V., 2021. Utochnennaya khronologiya knidskikh amfor IV – nachala III v. do n. e. po materialam keramicheskikh kompleksov Kubani [The updated chronology of Knidian amphorae of IV – early III c. BC based on materials of Kuban ceramic complexes]. *SP*, 6, pp. 183–205.

Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V., Fedoseev N. F., Churekova N. B., 2016. Amfory VI–II vv. do n. e. izsobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika: katalog [Amphorae of VI–II cc. BC from the collection of East Crimean historical and cultural museum-reserve: catalogue]. Kerch; Saratov: Novyyproekt. 222 p.

Monakhov S. Yu., Marchenko I. I., Limberis N. Yu., Kuznetsova E. V., Churekova N. B., 2021. Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n. e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E. D. Felitsyna) [Amphorae of Kuban necropolis of IV – early III cc. BC (from the collection of Felitsyn Krasnodar State historical and archaeological museum-reserve)]. Saratov: Volga. 324 p.

Polin S. V., 2014. Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V–IV v. do n. e. na Khersonshchine [Zolotaya Balka Scythian kurgan cemetery of V–IV c. BC in the Kherson region]. Kiev: Oleg Filyuk. 775 p.

P'yankov A. V., 1998. Keramicheskie ukrasheniya s pozolotoy s severnogo berega Krasnodarskogo vodokhranilishcha [Ceramic ornaments with gilding from the Krasnodar reservoir northern shore]. *Drevnosti Kubani [Antiquities of Kuban]*, 6. Krasnodar, pp. 3–12.

Zeest I. B., 1960. Keramicheskaya tara Bospora [Ceramic containers of Bosporus]. Moscow: Nauka. 180 p.

About the authors

Kuznetsova Elena V., Institute of Archaeology and Cultural Heritage of Saratov State University, ul. Astrakhanskaya, 83, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: ev_kuznetsova@list.ru;

Limberis Natalya Yu., Scientific Research Institute of Archaeology of Kuban State University, ul. Stavropolskaya, 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation; e-mail: limberis2@mail.ru;

Marchenko Ivan I., Kuban State University, ul. Stavropolskaya, 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation; e-mail: meot@mail.ru;

Monakhov Sergey Yu., Institute of Archaeology and Cultural Heritage of Saratov State University, ul. Astrakhanskaya, 83, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: monachsj@mail.ru

Д. В. Журавлев, А. М. Камышанов, А. И. Кудряшова, У. Шлотцауер

ГОРОДИЩЕ КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ 1 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Резюме. Статья представляет первую специальную публикацию, посвященную археологическому комплексу Красный Октябрь 1 в Прикубанье. Разновременный памятник (рубеж VI–V вв. до н. э. – Новое время) имеет площадь около 70 га, частично перекрыт современной застройкой. Сохранилось центральное укрепление городища с высокими валами и рвами, а также вторая укрепленная площадка к западу от нее, возможно, относящиеся уже к XVIII – началу XIX в. Точное время возникновения фортификации на памятнике пока неизвестно. Раскопками обнаружены следы гончарного производственного комплекса первой половины I в. н. э., где изготавливали грузила и другие мелкие предметы. Среди находок – бронзовая статуэтка Зевса/Юпитера провинциально-римской работы, сероглиняный светильник в виде маски Силена, разнообразные курильницы.

Ключевые слова: городище, римское время, фотограмметрия, фортификация, гончарный комплекс, бронзовая статуэтка.

Работы Боспорской археологической экспедиции Государственного исторического музея, проводимые совместно с Евразийским отделом Германского археологического института, в последние годы постепенно смещаются в восточную часть Таманского полуострова. Одним из основных объектов мультидисциплинарных исследований с 2018 г. стал археологический комплекс Красный Октябрь 1 (см.: *Журавлев и др.*, 2019; 2020; *Журавлев и др.*, в печати). Памятник находится в Темрюкском районе Краснодарского края, у южной окраины п. Красный Октябрь и частично занят современной застройкой (рис. 1). Поселение расположено в 11–37 м над уровнем моря (эллипсоид WGS 84). Согласно Государственной геологической карте СССР, поселение стоит на голоценовых отложениях. Мыс, на котором находится памятник, огибается с северо-востока, востока и юго-востока старым руслом реки Курка.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.152-168

Рис. 1. Археологический комплекс Красный Октябрь 1

1 – космоснимок (GoogleEarthPro 2021): *а* – вероятные границы памятника; *б* – Укрепление 1; *в* – Укрепление 2; *г* – раскоп 1 (2018–2021)

Впервые этот памятник был отмечен еще на карте Е. Д. Фелицына как укрепление неподалеку от почтовой станции Андреевская (*Фелицын*, 1882). На карте С. Ф. Войцеховского городище имеет № 38 и подписано как «следы античной культуры», на карте А. А. Миллера оно охарактеризовано как памятник «римского периода», на карте Я. М. Паромова получило № 235 (*Паромов*, 1992. С. 697–702). Несмотря на сохранившиеся следы грандиозных фортификационных сооружений (рис. 2), до настоящего времени поселение и даже его укрепленная часть мало привлекали внимание археологов. Разведка в конце XX – начале XXI в. проводилась А. З. Аптекаревым, в 2008–2009 гг. – Н. И. Сударевым, а в 2015 и 2017 гг. небольшие работы на периферии памятника в рамках охранно-спасательных исследований выполнены К. А. Крутоголовенко (*Крутоголовенко*, 2017). В 2017 г. разведки проводились А. В. Романовой (*Романова*, 2017).

По данным Я. М. Паромова, размеры памятника составляют 1400 × 400–500 м, а площадь – около 50 га (*Паромов*, 1992. С. 697, 698. Рис. 254). Согласно наблюдениям К. А. Крутоголовенко, археологический комплекс простирается к северу от условных границ памятника как минимум на 250 м (*Крутоголовенко*, 2017. Рис. 1). Кроме того, по сообщению Н. И. Сударева, в ходе недавних разведок было установлено, что границы поселения расширяются и к востоку, в сторону

поймы[1]. Таким образом, площадь памятника может быть существенно больше и составить более 70 га. Есть основания предполагать наличие некрополя к западу от его выявленных границ. Во всяком случае, А. З. Аптекарев в свое время доследовал погребение, вскрытое скрепером, и датировал его серединой III в. до н. э. (*Крутоголовенко*, 2017. С. 142). Однако, по мнению Н. И. Сударева, погребение относится к середине IV в. до н. э., так как в нем был найден позднеклассический арибаллический краснофигурный лекиф с пальметтой.

К сожалению, у нас пока нет данных о том, была ли вся территория заселена единовременно или же границы археологического комплекса менялись в разные периоды. В любом случае, очевидно, что памятник значителен по размерам, но говорить о статусе этого древнего населенного пункта пока преждевременно. Современная застройка на бóльшей территории памятника, за исключением южной, укрепленной части, не позволяет точно определить границы и провести разведочные работы.

Я. М. Паромов первым описал остатки фортификации в центре памятника и дал их топографический план (*Паромов*, 1992. С. 700. Рис. 255; ср.: *Журавлев и др.*, в печати. Рис. 1). В центральной части поселения возвышается укрепление 1 (рис. 2), границей которого с юга является высокий уступ надпойменной террасы, с западной и восточной – глубокие балки, дополнительно расширенные и превращенные в рвы. С севера укрепление 1 отделено от поселения глубоким рвом, земля из которого, вероятно, была использована при насыпи вала. Укрепление 1 имеет форму четырехугольника; склоны выделяются четкими очертаниями высоких валов (со всех сторон, кроме южной, имеющей естественную границу в виде высокого уступа надпойменной террасы). По углам четырехугольник укрепления фланкирован выступами, напоминающими следы башен или бастионов; в южной и северной частях, немного смещаясь к западу и востоку от центральной осевой линии С–Ю, видны понижения, которые, возможно, являются местами въезда в крепость. Размеры по внешнему контуру укреплений: по оси С–Ю – 220 м, З–В – 335 м; по внутреннему: С–Ю – 170 м, З–В – 285 м. Общая площадь укрепления по внутреннему периметру составляет 4,05 га, площадь по внешнему краю вала – 6,88 га.

К северу от укрепления, за рвом, в рельефе прослеживается пандус, ведущий в восточную часть поселения, которая сейчас застроена современными постройками. Вдоль пандуса, по северному краю, на аэрофотосъемке также видны остатки фундаментов построек, обращенных ко рву, ограничивающему укрепление 1 с севера. Правда, неясно, к какому времени они относятся.

К западу от описанного укрепления фиксируется еще одна площадка, также имеющая отчетливо выраженные границы и подчетырехугольную форму (рис. 1; 2). К. А. Крутоголовенко предлагает называть ее цитаделью № 2 (*Крутоголовенко*, 2017. С. 142). Размеры площадки по внешнему контуру составляют по оси С–Ю – 235 м, З–В – 340 м; по внутреннему: С–Ю – 180 м, З–В – 290 м.

[1] Благодарим Н. И. Сударева за эту и другую информацию о работах на памятнике до начала работ нашей экспедиции, которые пока не нашли отражения в литературе.

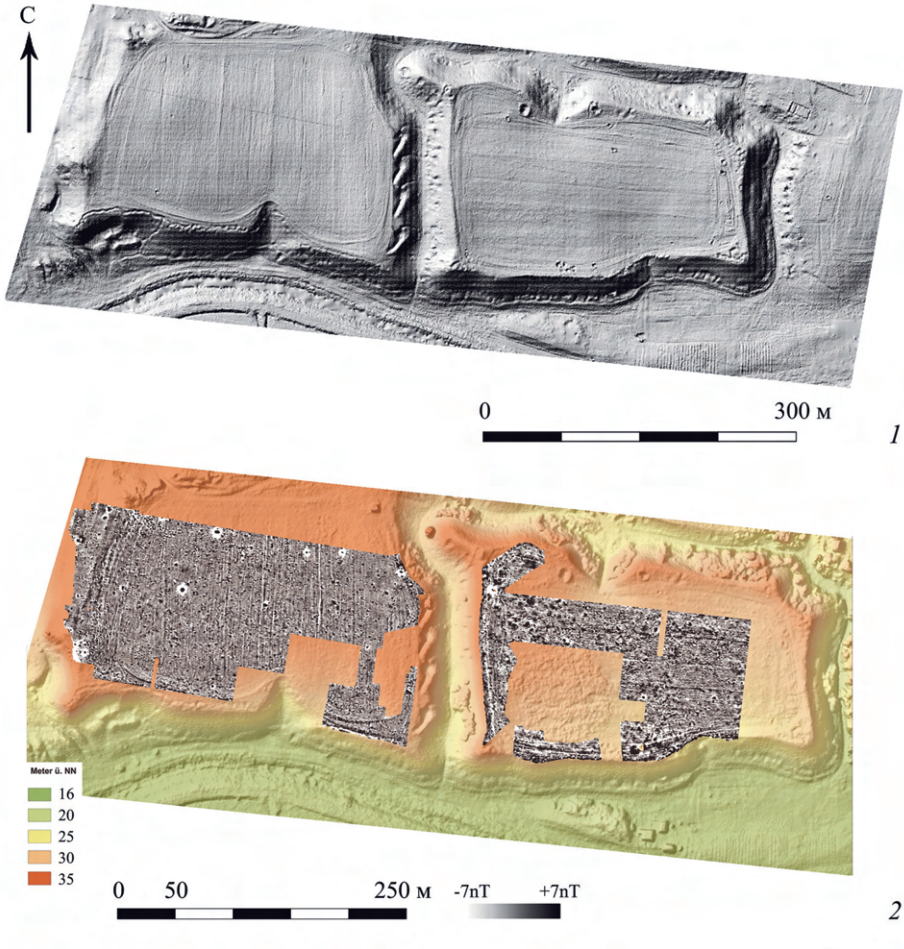
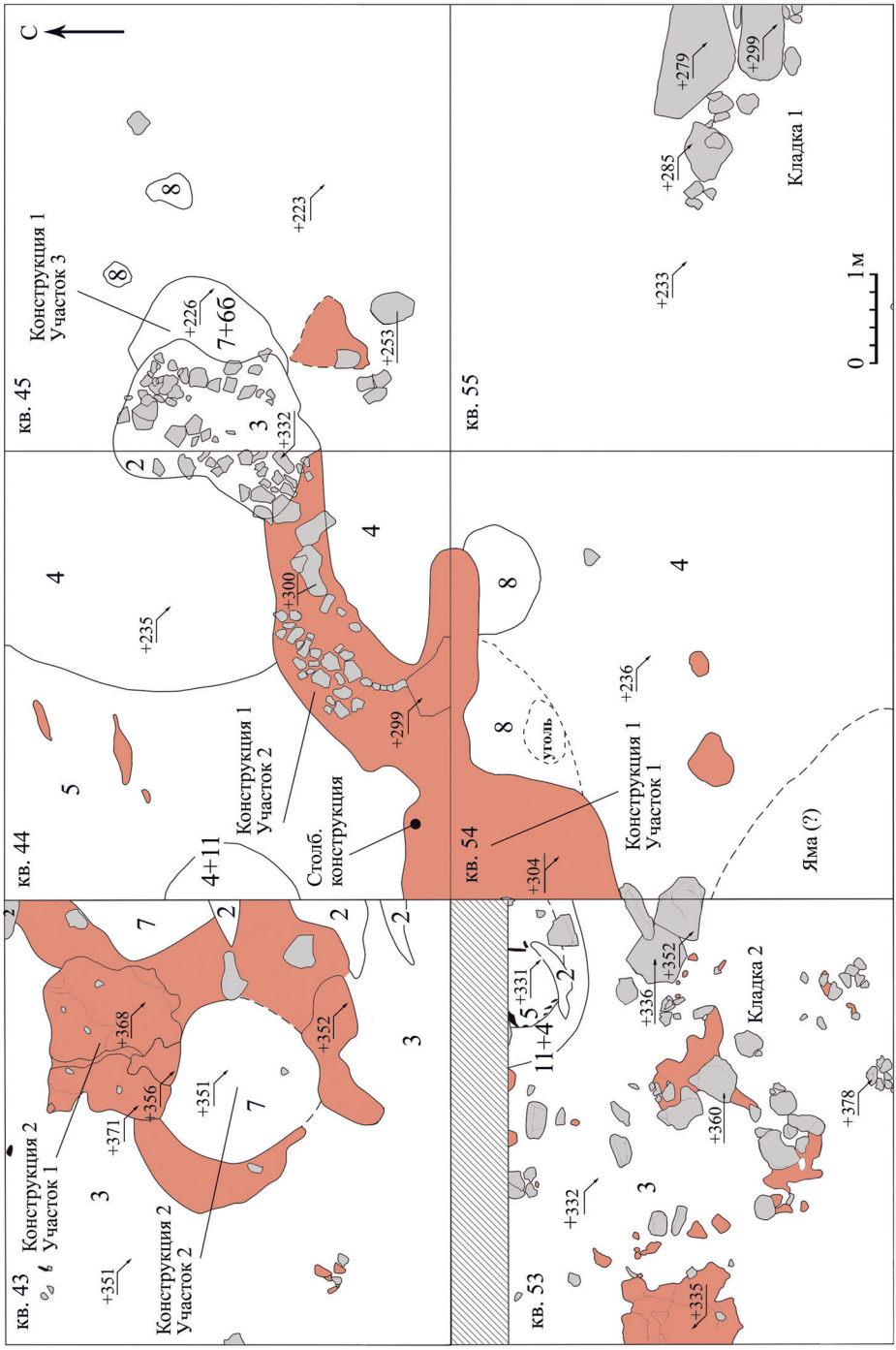


Рис. 2. Красный Октябрь 1

1 – результаты лидарной съемки северной части памятника (В. А. Брусило, Т. Н. Скрыпицына, В. М. Курков); *2* – результаты магнитной разведки (К. Мишка)

Meterü. NN = метров над уровнем моря

Она отделена от вышеописанного укрепления 1 глубоким рвом с восточной стороны, ее южная граница – высокий уступ надпойменной террасы, западная граница сегодня проходит по трассе Светлый Путь Ленина – Варениковская, которая, весьма вероятно, фиксирует подлинную границу по трассе древней балки или рва. На северной стороне заметные земляные сооружения сегодня отсутствуют, но и здесь фиксируется сильный перепад высот по предполагаемой северной границе укрепления 2. В целом укрепление 2 можно признать схожим по структуре с укреплением 1, хотя валы и рвы выражены не столь явно. В юго-западном, юго-восточном и северо-западном углах фиксируются небольшие возвышения, которые могут быть остатками башен. В этой связи интересна


С
кв. 43
кв. 44
кв. 45
кв. 53
кв. 54
кв. 55
Конструкция 2
Участок 1
Конструкция 2
Участок 2
Конструкция 1
Участок 2
Столб.
конструкция
Конструкция 1
Участок 3
Конструкция 1
Участок 1
уголь
Яма (?)
Кладка 1
Кладка 2
+351
+371
+368
+356
+351
+352
+235
+300
+299
+332
+226
+223
+253
+304
+331
+332
+335
+336
+352
+360
+378
+236
+285
+279
+299
+233
0
1м
а
б
в
г

информация А. З. Аптекарева. В 1980-х гг. он видел на юго-западном углу этого укрепления сооружение округлой формы (башню?), диаметром около 8 м, состоящее из нескольких рядов каменной кладки (*Крутоголовенко*, 2017. С. 142. Рис. 1). В южной части, так же как и в укреплении 1, несколько сместившись от центральной осевой линии С–Ю, находится понижение, которое могло служить въездом. Общая площадь второго укрепления по внутреннему периметру составляет 4,78 га, площадь по внешнему краю вала – 7,03 га.

Территория укрепленных частей, свободная от современной жилой застройки, сегодня эпизодически распахивается простым плугом, не исключена и возможность плантажной распашки в недалеком прошлом, свидетельством чего является культурный слой, местами нарушенный до 1 м. На современной дневной поверхности памятника видны многочисленные ямы, оставленные современными кладоискателями, а в восточной и южной частях укрепления 1 ими были выкопаны грабительские шурфы размерами от 1 × 1 до 2 × 4 м. Края этих шурфов заплыли, они служат местом сброса мусора для местного населения. Мощность культурного слоя в этих ямах составляет 2,5 м и более, но ни в одной из них нам не удалось на этой глубине зафиксировать материк.

С 2018 г. начались активные работы Боспорской археологической экспедиции ГИМ. Археологическим изысканиям предшествовала аэрофотосъемка, выполненная специалистами МИИГАиК и ООО «Аэрогеоматика» (рис. 2) с использованием беспилотных летательных аппаратов различных типов (о методике: *Скрыпицына и др.*, 2019). В результате фотограмметрической обработки были получены ортофотопланы, цифровые модели рельефа, трехмерные цифровые модели археологических объектов.

К сожалению, данные магнитометрической съемки (рис. 2: *2*), проведенной сотрудниками Института древнейшей истории Университета им. Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге (Германия) 4-датчиковым индукционным градиометром SENSYS, не выявили значимых аномалий в пределах обоих укреплений. Вероятно, это связано с насыщенностью земли металлом, в первую очередь, осколками бомб и снарядов времен Великой Отечественной войны. Сотрудниками отдела инженерных изысканий и специальных методов исследований ООО «Компания ВНИИСМИ» были проведены исследования при помощи геофизического комплекса (георадара) «Лоза-1В» с антеннами с центральной частотой 200 МГц (1,0 м). На валу, рядом с северным въездом в укрепление 1, было зафиксировано уплотнение грунта, которое можно предварительно интерпретировать как остатки башни.

Рис. 3 (с. 156). Красный Октябрь 1. Укрепление 1. План Раскопа 1

Условные обозначения: *2* – коричневый рыхлый гумусированный суглинок – пахота; *3* – светло-коричневый суглинок (с включением обожженной глины); *4* – серый золистый слой (с включением обожженной глины); *5* – коричнево-серый рыхлый слой (с включением угля); *6а* – желтая слабо прокаленная глина; *6б* – рыжевато-желтая прокаленная глина; *7* – темно-серый золистый слой; *8* – пепел; *11* – бежевый суглинок

а – нераскопанные части; *б* – обожженная строительная глина; *в* – камни; *г* – керамика

После сбора подъемного материала для уточнения мощности культурного слоя нами были заложены три разведочных шурфа в разных частях памятника. Два из них – в укреплении 1, один – в укреплении 2. Материал в пределах укрепления 1 значительно более обильный и разнообразный, нежели за его пределами. Для систематических исследований был выбран участок в северо-западной части укрепления 1, к юго-западу от въезда. К настоящему моменту площадь Раскопа 1 достигает 225 кв. м (рис. 3). В ходе работ на всей площади был снят пахотный слой, мощность которого составляла от 0,2 до 1 м, а находки были представлены материалом римского и раннесредневекового периода, а также значительным количеством перемещенных камней среднего размера. В этом слое был найден фрагмент черепа ребенка со следами деформации, а также другие отдельно залегавшие фрагменты человеческих останков.

В центре Раскопа 1 в 2019 г. была зафиксирована горизонтальная конструкция 1, условно разделенная на три участка. Первый участок представляет собой плотную платформу размерами 2,65 × 1,3 м, полукруглой формы, состоящую из лежащей слоями красной прокаленной глины, чередующейся со слоями пепла. Глина лежит слоями мощностью 0,05–0,15 м. Всего было зафиксировано три горизонта, между которыми залегали золистые прослойки. В северной части конструкции было обнаружено круглое отверстие диаметром 0,1 м, сделанное в плотной прокаленной желтой глине. Его назначение до конца неясно – это может быть как печной продух, так и столбовое отверстие.

Небольшая перемычка к северо-востоку от полукруглой конструкции соединяет платформу с ее второй частью из плотной желтой прокаленной глины. Часть платформы оказалась разрушена, но предположительно ее размеры реконструируются как 2,65 × 3,5 м. В средней части этой платформы был прослежен сегмент кладки из бутовых камней известняка размерами 1,6 × 3,1 м. Рядом с платформами выявлен третий участок, представляющий собой развал необработанных камней (1,2 × 1,5 м), зафиксированный в перемещенном состоянии. Поэтому сложно сказать, имеет ли он прямое отношение к двум другим частям конструкции. Завал широко датируется по найденным в нем фрагментам сосудов раннесредневековым временем. В раскопе выявлены также другие остатки глинобитных площадок, уничтоженных, однако, немецкой траншеей времен Великой Отечественной войны, прорезавшей напластования памятника.

Обнаруженную в Раскопе 1 конструкцию можно предварительно интерпретировать как часть гончарного производственного комплекса. Пока сложно однозначно сказать, были ли открытые площадки фрагментами пода печи. Но это весьма вероятно, учитывая сильную прокаленность глиняной платформы и многократные следы ремонта. Очевидно, в процессе работы слои глины постоянно подновлялись, чем объясняется чередование красной прокаленной глины и пепла. Камни, найденные в перемещенном состоянии, могли быть как остатками полностью разрушенной последующими строительными работами купольной части печи, так и частями более поздних объектов.

К юго-западу от этих конструкций расположен развал стены, несколько поврежденный современной распашкой, особенно в северной части, где отчетливо читался след от плуга. Здесь был обнаружен развал пифоса, а к югу от стены – каменная обкладка столбовой ямы, вероятно, относящиеся к позднеантичному

времени. Остатки стены представлены тремя отдельными завалами больших необработанных камней известняка размерами около 0,70 × 0,15–0,20 м.

К западу от конструкций, открытых в 2019 г., в 2021 г. выявлена глинобитная печь. Ее топочная камера диаметром около 1,5 м имеет округлую форму и заполнена серо-черным золистым слоем. Толщина стенок составляет 0,1–0,5 м. С северо-востока к этой конструкции примыкают остатки еще одной печи, суммарная толщина общей стенки достигает 0,7 м.

С севера вплотную к рабочему объему печи располагался завал обожженной глины, имевший подквадратную форму (1,6 × 1,5 м) с неровными краями. Он был частично поврежден в ходе современной распашки. Восточная и юго-восточная части завала прокалены значительно сильнее, чем западная и северо-западная – они более хрупкие и имеют характерный красный цвет, в отличие от желтой слабообожженной глины. В южной части завала открыта подтреугольная выемка с основанием 0,5 м и высотой 0,4 м, примыкающая к рабочему объему печи. От этой выемки к северной части завала в слабообожженной глине прослежен слегка изогнутый неровный сквозной желоб длиной около 1 м, толщиной 0,06–0,08 м и на 0,1 м выше выемки. Эти детали могут быть связаны с конструктивными особенностями печи, однако для окончательных выводов необходимы дальнейшие исследования. Работы в 2021 г. были приостановлены из-за неблагоприятных погодных условий.

Находки

Керамический материал представлен разнотипными красноглиняными и светлоглиняными амфорами, среди которых преобладают экземпляры типа CIVA, по С. Ю. Внукову (*Внуков*, 2003. С. 118–128). Столовая посуда разнообразна и многочисленна: фрагмент донца чаши *Easternsigillata B* с остатками клейма, краснолаковая керамика боспорского и понтийского производства, серолощеная и краснолощеная посуда. Лепная керамика находит параллели в прикубанских памятниках, в том числе на поселении Чекупс-2 (*Клемешова*, 2021. Рис. 1). Во множестве найдены лепные открытые курильницы на полой ножке, в которой часто присутствует круглое отверстие; многие курильницы сильно закопчены (рис. 4). На наш взгляд, именно наличие копоти не позволяет считать их крышками. Большинство находок относится к I в. н. э., точнее, к перв. пол. – третьей четв. столетия. При этом повсеместно встречается керамика эллинистического времени, а среди монет преобладает боспорская медь III в. до н. э.

Массовой находкой являются глиняные грузила различной формы, размера и степени обжига. Здесь же обнаружены разнообразные глиняные пряслица. Кроме того, найдены фрагментированные глиняные плитки различной формы, широко представленные на поселениях Прикубанья (ср.: *Соломоник*, 1979), назначение которых пока остается загадкой. Мы предполагаем, что исследуемый нами производственный комплекс служил для изготовления грузил, а возможно, и других глиняных изделий. Помимо этого были встречены находки металлического шлака, а также найдена каменная литейная форма, поэтому

Рис. 4. Красный Октябрь 1. Курильницы (?) со следами копоти.
Фото И. А. Седенькова

не исключено, что можно говорить и о следах металлургического производства на городище.

Наиболее интересной находкой является бронзовая статуэтка Зевса/Юпитера[2] (рис. 5). Статуэтка представляет собой стоящую мужскую фигуру, задрапированную в гиматий, переброшенный через левое плечо и крупными складками спускающийся ниже колен. Край накидки образует валик у правого бедра фигуры, торс и руки обнажены. Фигура опирается на прямую правую ногу, левая слегка согнута в колене, что характерно для контрапоста. Правая рука вытянута вперед, полусогнута и держит патеру. Согнутая в локте левая рука поднята вверх и как бы сжимает пальцами скипетр. Именно положение левой руки характеризует персонаж как Зевса/Юпитера. Голова божества слегка наклонена вправо, густые волосы уложены на прямой пробор, выполненный как подтреугольный вырез и заметный также при виде с затылка. Лоб высокий, нос длинный прямой, глаза узкие миндалевидные с узкими надбровными дугами, тонкие губы обрамлены пышными усами и короткой бородой. Складки плаща на лицевой стороне проработаны лучше, чем на оборотной. Ноги божества в высоких сандалиях (на левой ноге сзади отчетливо видна подошва). Вероятно, ноги могли припаиваться к постаменту, хотя их подошвы выровнены и статуэтка может устойчиво стоять. Высота статуэтки составляет 7,5 см.

Этот иконографический тип хорошо известен и представлен во многих музейных собраниях (*Величковић*, 1972. С. 15, 16. № 4–6; *Zadoks-Josephus Jitta et al.*, 1973. P. 13. No. 14; *Ognenova-Marinova*, 1975. P. 72–76. Fig. 64–70). Чаще всего, правда, фигура божества обнажена, и плащ (если он есть) лишь наброшен на его левую руку. Из наиболее близких по месту находки статуэток Юпитера с патерой укажем на случайные находки у ст. Самурская (*Трейстер*, 1992. С. 50. Рис. 5: *2*), Черниговская (На краю ойкумены…, 2002. С. 134, 135. Кат. № 631 (патера в левой руке, а правая поднята)), а также из Горгиппии (*Алексеева*, 1986. С. 38, 45. Рис. 3: *1*). Недавно найденная в Фанагории статуэтка Юпитера относится к иному иконографическому типу – божества с молнией (*Трейстер*, 2013. Рис. 1–2), хотя его драпировка значительно ближе к нашей, чем у приведенных выше параллелей (ср. также: *Ognenova-Marinova*, 1975. P. 76, 77. Fig. 71). В Северном Причерноморье статуэтки Юпитера известны также из Херсонеса (Культура и искусство…, 1983. № 263), святилища у перевала Гурзуфское Седло (*Новиченкова*, 2015. С. 188, 189. Рис. 246 (с предшествующими публикациями), а также из Пантикапея.

Большинство перечисленных выше статуэток, изображающих Зевса/Юпитера, датируются II–III вв. н. э. Лишь статуэтка из ст. Черниговской отнесена ко II–I вв. до н. э. Первой половиной I в. н. э. датируется и высокохудожественная статуэтка из Гурзуфского Седла. Особенностью нашей статуэтки является драпировка, закрывающая часть тела божества, как и на находке из крымского святилища. Кроме того, наша статуэтка найдена в слое, хорошо датирующемся

[2] Во время разведочных работ на городище Красный Октябрь 1 в 2008–2009 гг. Н. И. Сударевым была обнаружена еще одна бронзовая статуэтка, переданная в Таманский музейный комплекс и пока неопубликованная.

Рис. 5. Красный Октябрь 1. Бронзовая статуэтка Зевса/Юпитера. Фото И. А. Седенькова

перв. пол. – серединой I в. н. э., что и позволяет нам датировать ее также первой половиной столетия (ср.: *Трейстер*, 1992. С. 51; *Treister*, 1995. P. 346, 347).

К числу редких находок относится сероглиняный светильник в форме маски Силена (рис. 6), относящийся к типу 30 боспорских светильников (*Журавлев и др.*, 2010. С. 265–267) с широкой датой I–II вв. н. э. В I в. н. э. такие светильники известны также на территории современной Болгарии (*Минчев*, 2019. С. 37, 39. Обр. 2; 3; 5).

Уже первые результаты работ на памятнике позволили несколько удревнить время основания этого городища – до рубежа VI–V вв. до н. э. (в слое из раскопок цитадели присутствуют обломки амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне и Хиоса). В подъемном материале в изобилии представлена как античная, так и разнотипная средневековая керамика, в том числе поливная турецкого времени. Это может говорить о функционировании поселения с V в. до н. э. практически до настоящего времени, хотя точку в этом вопросе ставить рано.

На сегодняшний день у нас нет данных о времени возведения оборонительных сооружений поселения Красный Октябрь 1 и их синхронности исследуемым

Рис. 6. Красный Октябрь 1. Светильник в форме маски Силена. Фото И. А. Седенькова

нами слоям. Можем лишь осторожно предположить, что в их основе лежит крепость, спроектированная в античную эпоху, неоднократно перестраивавшаяся в более поздние эпохи.

Удобное стратегическое положение этого городища, вероятно, делало его важным пунктом обороны и в античное время, и в эпоху средневековья. Очевидно, что в современном виде и укрепление 1, и тем более земляное укрепление к западу от него больше напоминают редуты Нового времени, нежели античную крепость. Есть информация об активном использовании этого пункта некрасовцами в 1711–1737 гг., а также войсками А. В. Суворова (*Соловьев*, 1986. С. 14, 15;

ср.: *Крутоголовенко*, 2017. С. 141; *Каргин*, 2019. С. 165), но дальнейшая разработка этой темы требует тщательной работы с архивными документами. В разное время этот пункт носил разное название – редут Куркай, Ново-Троицкая крепость, Керменчук. Известно, что в этих местах располагался пост (кордон) Андреевский, входивший в систему укреплений Кордонной линии Российской империи XIX в. Для этих постов – основных укреплений Черноморской Кордонной линии – как раз характерны четырехугольные редуты (ср.: рис. 1) с бастионами, полубастионами, или кремальерами (небольшими выступами в укреплении, под углом 90°, позволяющими вести перекрестный огонь из ружей). Кордон окружался рвом, земляным валом, поверх которого устанавливался двойной плетень с земляной засыпкой. Гарнизон кордона состоял из 50–200 конных и пеших казаков (*Попко*, 1858. С. 221). По воспоминаниям инженер-генерала А. И. Дельвига, Андреевский пост был рассчитан на 200 казаков (*Дельвиг*, 1912–1913. С. 360).

Городище использовалось как объект фортификации и во время Великой Отечественной войны, в том числе в немецкой оборонительной Голубой линии (следы окопов и капониров хорошо заметны на поверхности и сегодня (рис. 2: *1*), а осколки бомб и мин во множестве встречаются в слоях памятника.

Таким образом, уже первые результаты работы на Красном Октябре 1 показали большие перспективы исследования этого интересного памятника. Основной задачей является продолжение изучения керамического производственного комплекса и других объектов во внутренней части укрепления 1, исследование оборонительных сооружений и установление даты их возведения, а также уточнение границ памятника.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М., 1986. Культы Горгиппии // СА. № 4. С. 34–52.

Величковић М., 1972. Римска ситна бронзана пластика у Народном музеју. Београд. 205 с., ил.

Внуков С. Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М.: ИА РАН. 235 с.

Дельвиг А. И., 1912–1913. Мои воспоминания. М.: Московский Публичный и Румянцевский музей. 4 т.

Журавлев Д. В., Батасова А. В., Кобзев А. А., Кудряшова А. И., Курков В. М., Скрыпицына Т. Н., Шлотцауер У., 2020. Разведки на городищах Красный Октябрь 1 и Семибратнее в Краснодарском крае // АО 2018 г. М. С. 245–247.

Журавлев Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У., Курков В. М., Скрыпицына Т. Н., Князь В. А., Кудряшова А. И., Кобзев А. А., Мишка К., 2019. Новые данные о структуре античных памятников Азиатского Боспора (по данным дистанционного зондирования) // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Ред.-сост.: В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь. С. 193–200.

Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л., 2010. Светильники второй половины III в. до н. э. – IV в. н. э. Импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники эллинистического времени: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Киев: Мистецтво. 335 с.

Журавлев Д. В., Камышанов А. М., Конотопов Н. П. Исследования Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2019–2021 гг.) // Таврические студии. Симферополь. (В печати.)

Каргин Ю., 2019. К вопросу о локализации казачьих селений на Кубани в 1690-е–1770-е гг. // Danubian Cossacks – origins and cohabitation in Northern Dobrudja: Proceedings of the International Conference (Tulcea, April 6, 2019) / Ed. M. Tiuliumeanu. Tulcea. С. 133–216.

Клемешова М. Е., 2021. Лепная керамика поселений юго-востока Азиатского Боспора II–III вв. н. э. (предварительные результаты изучения) // ДБ. Т. 26. М.: ИА РАН. С. 246–256.

Крутоголовенко К. А., 2017. Археологический комплекс «Красный Октябрь 1» // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: материалы Междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.) / Ред.: Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар. С. 141–145.

Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху. Выставка из собраний музеев Болгарии, Румынии и Советского Союза: каталог / Ред. А. К. Коровина. М.: Советский художник, 1983. 160 с.

Минчев А., 2019. Елинистически фигурални лампи от античното светилище на нос Свети Атанас край Бяла, Варненско // В поисках сущности: сб. ст. в честь 60-летия Н. Д. Руссева / Ред.: М. Е. Ткачук, Г. Г. Атанасов. Кишинев: Высшая Антропологическая школа. С. 35–42. (Библиотека Stratum.)

На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Выставка в Государственном историческом музее. 30 мая – 15 августа 2002 г. / Науч. ред. Д. В. Журавлев. М., 2002. 142 с.

Новиченкова Н. Г., 2015. Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э.: по материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Оріанда. 215 с.

Паромов Я. М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М. 2 ч. (1018 с.). Деп. в ИНИОН РАН 1.10.1992 г. № 47103.

Попко И. Д., 1858. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, о-ва, вооруж. силы и службы: в 17 рассказах, с эпилогом, карт. и четырьмя рисунками с натуры. СПб.: Тип. П. А. Кулиша. XIV, 2, 292, II, 2 с., 5 л. ил., карт.

Романова А. В., 2017. Отчет об археологических разведках на территории х. Суворово-Черкесский г.-к. Анапа, в окрестностях балки Сухая, х. Белый, Андреевой горы в Темрюкском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 56150.

Скрыпицына Т. Н., Курков В. М., Кобзев А. А., Журавлев Д. В., 2019. Данные дистанционного зондирования как геопространственная основа для археологических исследований // Инженерные изыскания. Т. XIII. № 3.С. 18–26.

Соловьев В. А., 1986. Суворов на Кубани. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во. 190 с.

Соломоник Э. И., 1979. Кубанские керамические плитки // СА. № 4. С. 167–179.

Трейстер М. Ю., 1992. Бронзовая статуэтка Юпитера Капитолийского из Мысхако // ВДИ. № 2. С. 41–53.

Трейстер М. Ю., 2013. Бронзовая статуэтка из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1. Материалы по археологии и истории Фанагории / Ред. В.Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 403–414.

Фелицын Е. Д., 1882. Археологическая карта Кубанской области. М. 1 л.

Ognenova-Marinova L., 1975. Statuettes en bronze du Musée national archéologique à Sofia (statuettes de culte). Sofia: Editions de l'Academie Bulgare des sciences. 169 p.

Treister M. Ju., 1995. A Bronze Statuette of Iupiter Capitolinus from Myskhako // Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992 / Eds.: S.T.A.M. Mols et al. Nijmegen: Provinciaal Museum G. M. Kam. P. 339–349. (Nederlandse archeologische Rapporten; 18.)

Zadoks-Josephus Jitta A. N., Peters W. J. T., Witteveen A. M., 1973. The Figural Bronzes. Nijmegen: Rijksmuseum G. M. Kam. 120 p. (Description of the Collections in the Rijksmuseum G. M. Kam at Nijmegen; VII.)

Сведения об авторах

Журавлев Денис Валерьевич, Государственный исторический музей. Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: denzhuravlev@mail.ru;

Камышанов Антон Михайлович, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский пр., 27/4. Москва, 119192, Россия; e-mail: akamysh010198@mail.ru;

Кудряшова Аксинья Ильинична, независимый исследователь, Берлин; e-mail: akskudryashova@gmail.com;

Шлотцауер Удо, Евразийский отдел Германского археологического института, Им Дол, 2–6, Берлин, 14195, Германия; e-mail: udo.schlotzhauer@dainst.de

D. V. Zhuravlev, A. M. Kamyshanov, A. I. Kudryashova, U. Schlotzhauer

THE KRASNYY OKTYABR 1 HILLFORT ON THE TAMAN PENINSULA: FIRST RESULTS OF THE RESEARCH

Abstract. This paper is the first special publication on the Krasnyy Oktyabr site in the Kuban region. This archaeological ensemble has been created and used in different time periods (turn of the 5th century BC – Modern Time), its area which is partially overlain by modern housing is around 70 ha. The survived structures of the ensemble include the central reinforced part of the settlement with high ramparts and ditches and the second reinforced area west of the central fortification, possibly, dating to the 18th – early 19th centuries. The exact dating of the fortification at the site is not yet known. The excavations discovered traces of a pottery production center dating to the first half of the 1st century AD where sinkers and other smaller items were produced. The finds include a bronze figurine of Zeus/Jupiter from a Roman province, a gray clay oil lamp in the form of a Silenus mask and various incense-burners.

Keywords: hillfort, Roman period, photogrammetry, fortification, pottery assemblage, bronze figurine.

REFERENCES

Alekseeva E. M., 1986. Kul'ty Gorgippii [Gorgippia cults]. *SA*, 4, pp. 34–52.

Delvig A. I., 1912–1913. Moi vospominaniya [My memoires]. Moscow: Moskovskiy Publichnyy i Rumyantsevskiy muzey. 4 vols.

Felitsyn E. D., 1882. Arkheologicheskaya karta Kubanskoy oblasti [Archaeological map of Kuban region]. Moscow. 1 p.

Kargin Yu., 2019. K voprosu o lokalizatsii kazach'ikh seleniy na Kubani v 1690-e – 1770-e gg. [On localization of Cossack villages on the Kuban in 1690s–1770s]. *Danubian Cossacks – origins and cohabitation in Northern Dobrudja: Proceedings of the International Conference*. M. Tiuliumeanu, ed. Tulcea, pp. 133–216.

Klemeshova M. E., 2021. Lepnaya keramika poseleniy yugo-vostoka Aziatskogo Bospora II–III vv. n. e. (predvaritel'nye rezul'taty izucheniya) [Hand-made ceramics from settlements of Southeast of Asian Bosporus, II – III cc. AD (preliminary results of the study)]. *DB*, 26. Moscow: IA RAN, pp. 246–256.

Krutogolovenko K. A., 2017. Arkheologicheskiy kompleks «Krasnyy Oktyabr' 1» [Arkheologicheskiy kompleks «Krasnyy Oktyabr' 1» [Archaeological complex «Krasny Oktyabr 1»]. *VII Anfimovskie chteniya po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie naseleniya Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e [VII Anfimov readings on the archaeology of West Caucasus. Socio-economic development of population of West Caucasus in antiquity and Middle Ages]*. R. B. Skhatum, V. V. Ulitin, eds. Krasnodar, pp. 141–145.

Kul'tura i iskusstvo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu. Vystavka iz sobraniy muzeev Bolgarii, Rumynii i Sovetskogo Soyuza: katalog [Culture and art of Pontic region in Antiquity. Exhibition from collections of museums in Bulgaria, Romania and Soviet Union: catalog]. A. K. Korovina, ed. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1983. 160 p.

Minchev A., 2019. Elinisticheski figuralni lampi ot antichnoto svetilishche na nos Sveti Atanas kray Byala, Varnensko [Hellenistic figurative lamps from Classical sanctuary in promontory St. Atanas near Byala, Varna region]. *V poiskakh sushchnosti [In search of the essence]*. M. E. Tkachuk, G. G. Atanasov, eds. Kishinev: Vysshaya Antropologicheskaya shkola, pp. 35–42. (Biblioteka Stratum.)

Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo: Vystavka v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee 30 maya – 15 avgusta 2002 g. [On the edge of the Ecumene. Greeks and Barbarians on the northern shore of the Euxine Pontus: Exhibition at the State Historical Museum May 30 – August 15, 2002]. D. V. Zhuravlev, ed. Moscow, 2002. 142 p.

Novichenkova N. G., 2015. Gornyy Krym II v. do n. e. – II v. n. e.: po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo [Mountainous Crimea II c. BC – II c. AD: based on materials from excavations of the sanctuary at Gurzufskoe Sedlo pass]. Simferopol: N. Orianda. 215 p.

Paromov Ya. M., 1992. Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova [Archaeological map of the Taman peninsula]. Moscow. 2 parts (1018 p.)

Popko I. D., 1858. Chernomorskie kazaki v ikh grazhdanskom i voennom bytu: ocherki kraya, obshchestva, vooruzhennoy sily i sluzhby: v 17 rasskazakh, s epilogom, kartoy i chetyr'mya risunkami s natury [Black Sea Cossacks in their civil and military life: essays of the region, society, armed forces and service: in 17 stories, with epilogue, a map and four drawings from nature]. St. Petersburg: Tipografiya P. A. Kulisha. XIV, 2, 292, II, 2 p., 5 l. ill., maps.

Romanova A. V., 2017. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii kh. Suvorovo-Cherkesskiĭ g.-k. Anapa, v okrestnostyakh balki Sukhaya, kh. Belyĭ, Andreevoĭ gory v Temryukskom raĭone Krasnodarskogo kraya [Report on archaeological exploration in the territory of Suvorovo-Cherkessky farmstead, city Anapa, in vicinity of Sukhaya Balka, Belyy farmstead, Andreeva Mountain in Temryuk district, Krasnodar Region]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Skrypitsyna T. N., Kurkov V. M., Kobzev A. A., Zhuravlev D. V., 2019. Dannye distantsionnogo zondirovaniya kak geoprostranstvennaya osnova dlya arkheologicheskikh issledovaniy [Remote sensing data as a geospatial basis for archaeological research]. *Inzhenernye izyskaniya [Engineering surveys]*, vol. XIII, no. 3, pp. 18–26.

Solomonik E. I., 1979. Kubanskie keramicheskie plitki [Kuban ceramic tiles]. *SA*, 4, pp. 167–179.

Solov'ev V. A., 1986. Suvorov na Kubani, 1778–1793 [Suvorov on the Kuban, 1778–1793]. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 190 p.

Treyster M. Yu., 1992. Bronzovaya statuetka Yupitera Kapitoliyskogo iz Myskhako [Bronze statuette of Jupiter Capitoline from Myskhako]. *VDI*, 2, pp. 41–53.

Treyster M. Yu., 2013. Bronzovaya statuetka iz Fanagorii [Bronze statuette from Phanagoria]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research], 1. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on the archaeology and history of Phanagoria]*, 1. V. D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 403–414.

Velichkoviћ M., 1972. Rimska sitna bronzana plastika u Narodnom muzeju [Roman portable bronze sculpture in People's museum]. Beograd. 205 p., ill.

Vnukov S. Yu., 2003. Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. (morfologiya) [North Pontic amphorae of I c. BC – II c. AD (morphology)]. Moscow: IA RAN. 235 p.

Zhuravlev D. V., Batasova A. V., Kobzev A. A., Kudryashova A. I., Kurkov V. M., Skrypitsyna T. N., Shlottsauer U., 2020. Razvedki na gorodishchakh Krasnyy Oktyabr' 1 i Semibratnee v Krasnodarskom krae [Exploration in the hillforts of Krasnyy Oktyabr 1 and Sevmibratnee in Krasnodar Region]. *AO 2018*. Moscow: IA RAN, pp. 245–247.

Zhuravlev D. V., Batasova A. V., Shlottsauer U., Kurkov V. M., Skrypitsyna T. N., Knyaz' V. A., Kudryashova A. I., Kobzev A. A., Mishka K., 2019. Novye dannye o strukture antichnykh pamyatnikov Aziatskogo Bospora (po dannym distantsionnogo zondirovaniya) [New data on structure of Ancient sites of Asian Bosporus (according to remote sensing data)]. *XX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy [XX Bosporan readings. Cimmerian Bosporus and barbarian world in Antiquity and Middle Ages. Main results and prospects of research]*. V. N. Zin'ko, E. A. Zin'ko, eds. Simferopol; Kerch, pp. 193–200.

Zhuravlev D. V., Bykovskaya N. V., Zheltikova A. L., 2010. Svetil'niki vtoroy poloviny III v. do n. e. – IV v. n. e. Importnye ellinisticheskie svetil'niki. Bosporskie svetil'niki ellinisticheskogo i rimskogo

vremeni: iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika [Lamps of the second half of III c. BC – IV c. AD. Imported Hellenistic lamps. Bosporan lamps of Hellenistic and Roman times: from collection of Kerch historical and cultural reserve]. Kiev: Mistetstvo. 335 p.

Zhuravlev D. V., Kamyshanov A. M., Konotopov N. P. Issledovaniya Bosporskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na Tamanskom poluostrove (2019–2021 gg.) [Research of the Bosporus archaeological expedition on Taman Peninsula (2019–2021)]. *Tavricheskie studii [Taurian studies]*. Simferopol. (In print.)

About the authors

Zhuravlev Denis V., The State Historical Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: denzhuravlev@mail.ru;

Kamyshanov Anton M., Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky pr., 27/4. Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: akamysh010198@mail.ru;

Kudryashova Aksin'ya I., Unabhängiger Forscher, Berlin, 14195, Bundesrepublik Deutschland; e-mail: akskudryashova@gmail.com;

Schlotzhauer Udo, Eurasien Abteilung des Deutsches Archäologisches Institut (DAI), Im Dol, 2–6, Berlin, 14195, Bundesrepublik Deutschland; e-mail: udo.schlotzhauer@dainst.de

Е. В. Столяров, О. А. Радюш

УНИКАЛЬНЫЙ КЛАД ПРЕДМЕТОВ МУЖСКОЙ ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ II–I вв. до н. э. С ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Резюме. В статье публикуется комплекс находок II–I вв. до н. э., происходящий с территории Курской области (среднее Посеймье). Данный комплекс представляет собой клад. Он может рассматриваться в контексте сложных историко-культурных процессов, протекавших на территории пограничья лесной и лесостепной зон центральной части Восточной Европы.

Ключевые слова: клад, зеркало, браслеты, наконечники копий, Посеймье, Курская область, ранний железный век, II–I вв. до н. э.

Обстоятельства и место находки клада

Информация о находке уникального для Курской области клада эпохи раннего железного века поступила поздней осенью 2017 г. от местных жителей, которые выразили желание сдать найденные вещи в музейную коллекцию. После того как клад был передан в фонды Государственного музея-заповедника «Куликово поле» (ГМЗ-КП-1821), начальником Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН О. А. Радюшем оперативно было обследовано место его находки – окрестности д. Ванина Октябрьского района Курской области (*Радюш*, 2019. Л. 37–39). На небольшом пространстве между старицей р. Сейм и оз. Радужное выявлена грабительская яма диаметром около 30 см, глубиной свыше 50 см. Вещи, по сообщению находчика, лежали в ямке компактно.

На месте грабительского разрытия был заложен шурф размером 2 × 2 м. В районе грабительской ямы были найдены несколько мелких фрагментов, связанных со втулками железных копий, что подтверждает точность локализации клада. Мощность почвенного горизонта в шурфе составила 35–37 см. Под дерном мощностью 5–7 см залегала серо-коричневая супесь, ниже располагался материк – плотная серо-коричневая супесь. Следы культурного слоя в шурфе отсутствовали (Там же. Л. 38–39).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.169-184

Рис. 1. Место находки клада (А) и план поселения 2 у д. Ванина (Б)

В непосредственной близости от места обнаружения клада, в 45 м к северу, расположено поселение 2 у д. Ванина (рис. 1: *А–Б*). Памятник был выявлен А. В. Кашкиным в 1983 г. и определен им предположительно как поселение эпохи позднего неолита или ранней бронзы (АКР. Курская область… С. 60; *Кашкин*, 1983. Л. 13–14).

Поселение расположено в 1,5 км к юго-востоку от центра д. Ванина, в 1,3 км к северу от д. Прямицыно, на слабо выраженной дюне юго-западного берега оз. Радужное, в пойме правого берега р. Сейм и левого берега р. Курица. Размеры поселения, по уточненным данным 2018 г., составили 80 × 60 м (рис. 1: *Б*). Собранный подъемный материал был незначителен и маловыразителен. Он представлен обломками 10 стенок груболепных тонкостенных сосудов с примесью дресвы или крупного песка в тесте. Данная керамика имеет сходство с керамикой лесостепной скифоидной культуры, памятники которой распространены в бассейне р. Сейм. Возможно, на основании находки клада памятник следует датировать ранним железным веком. Тем не менее клад, если он и был связан с поселением, был сокрыт за его пределами.

Уникальность клада не только для Курского Посеймья, но и сопредельных территорий послужила основанием для его публикации. Находка клада позволяет более рельефно осветить сложные историко-культурные процессы, протекавшие на территории пограничья лесной и лесостепной зон центральной части Восточной Европы.

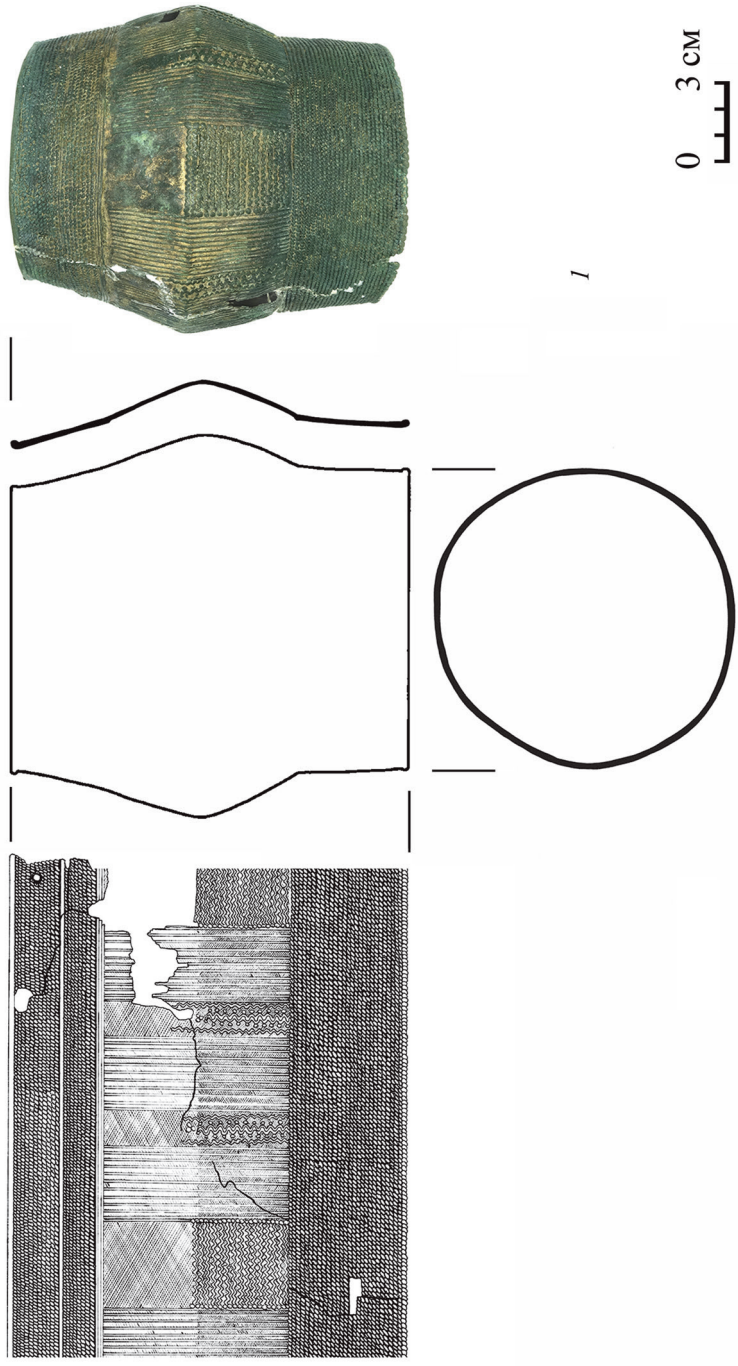
Состав Ванинского клада

Ванинский клад состоит из пяти предметов (ГМЗ-КП-1821/1-5). По составу набора находок комплекс вещей представлен двумя массивными бронзовыми браслетами (рис. 2), одним зеркалом цветного металла (рис. 4) и двумя железными втульчатыми наконечниками копий (рис. 5: *1–2*).

Для двух изделий из клада определен химический состава металла[1] (табл.). Браслет изготовлен из высоколегированной тройной бронзы. Данные по его химическому составу позволяют предварительно говорить о том, что он более близок к металлу лесостепной и степной зон, в частности металлу застежек андреевско-писеральского типа (*Столяров*, 2021а. С. 133). Химический состав зеркала – оловянистая бронза – может говорить о том, что это импортный предмет, не местного производства.

Браслеты – два массивных тонкостенных браслета биконической формы, выполненных в технике литья по восковой модели (ГМЗ-КП-1821/1-2) (рис. 2: *1–2*). Данная техника изготовления высокохудожественных бронз характерна для культур раннего железного века лесной и лесостепной зон Центральной России. Орнамент в центральной части браслетов образован комбинацией продольных и поперечных полосок, на манжетах жгутики идут вдоль, и они выполнены в псевдозерненой технике. Высота первого браслета – 15 см, диаметр – 10 см, второго – 12 см, диаметр – 10 см. На браслетах имеются следы ремонта в виде отверстий.

[1] Благодарим Ирину Анатольевну Сапрыкину за возможность использовать результаты ее исследований в данной публикации.


0 3 см
1

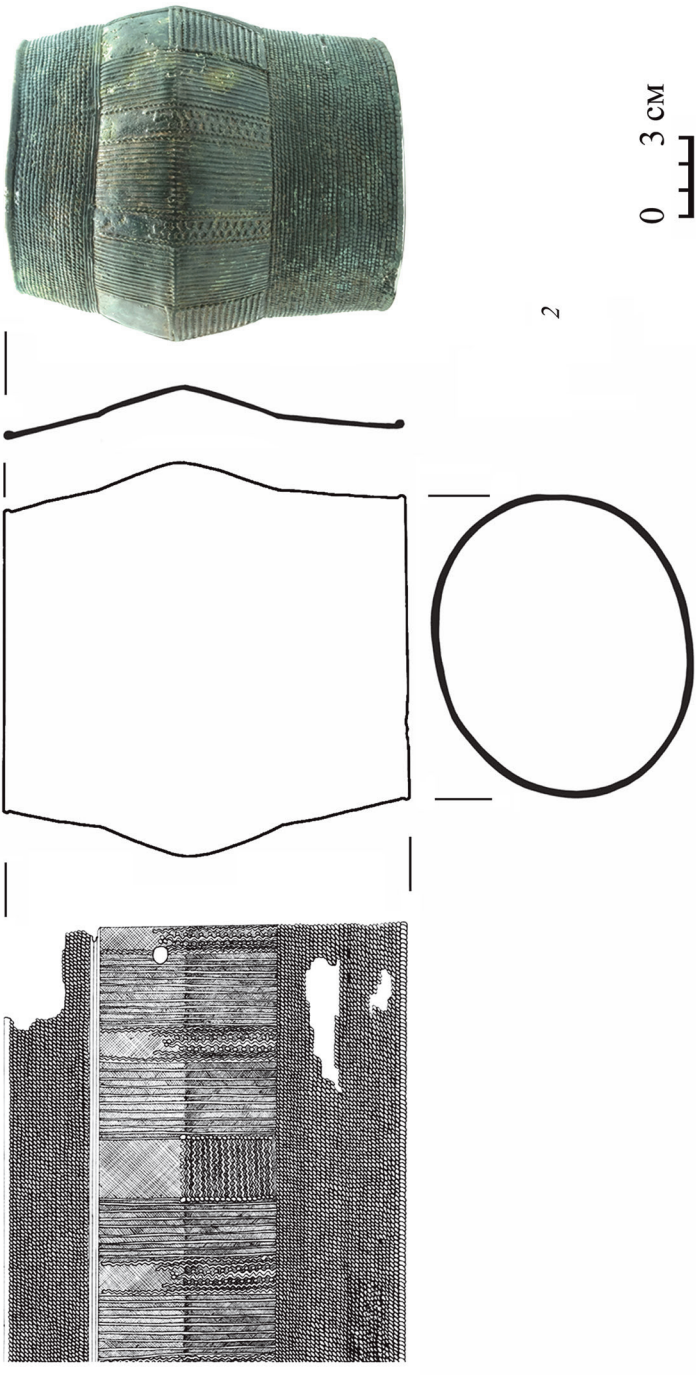


Рис. 2 (с. 172–173). Браслеты из клада у д. Ванина. Рисунок: М. Д. Медведева

Таблица 1. Результаты РФА-анализа находок браслета и зеркала

n/a	паспорт	Pb	Cu	Sn	Sb	Zn	Fe	Ag	As	Mn	Ni	Au
		с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
1	Браслет (ГМЗ-КП – 1821/2)	8	56,94	31,08	0,32	0,05	1,51	0,35	0,46	0	0,04	0
2	Зеркало (ГМЗ-КП – 1821/3)	0,19	65,76	31,91	0	0,08	1,4	0	0,21	0	0	0

Форма и размер браслетов, отчасти их орнаментация и оформление орнаментальных зон (центр и манжеты), обнаруживают схожесть с так называемыми бочонковидными браслетами (нем. *Tonnenarmbänder*; фр. *brassard' – tonnelet*) эпохи позднего гальштата (VII – середина VI в. до н. э.), происходящими из женских и реже – детских погребений с территории Западной и отчасти Восточной Европы: Швейцария, Германия (Бавария, Вюртемберг), юго-восточная Франция, Чехия (Южная Моравия) (*Gessner*, 1947. S. 136. Abb. 8) (рис. 3: *1–9*). По мнению В. Гесснер, эти браслеты являются выражением стиля барокко позднего периода гальштата (Ibid. S. 132).

Несмотря на визуальную схожесть с браслетами из Ванинского клада, западноевропейские бочонковидные браслеты имеют серьезные от них отличия: они выполнены в технике торевтики, геометрический орнамент наносился посредством гравировки или тиснения (*Rieth*, 1950. S. 1–10). Браслеты открыты с одной стороны, причем два длинных края плотно прилегают друг к другу. Надевались они на одежду (зафиксированы остатки тканей и кожи внутри них). Высота браслетов варьируется от 7 до 22 см, а длина – от 15 до 18 см. (*Gessner*, 1947. S. 130).

Как было отмечено выше, бочонковидные браслеты происходят из женских и реже – детских погребений, совершенных по обряду ингумации. Редко они встречаются в фрагментированном виде и в кремациях. Браслеты находят, как правило, парами *in situ* (Ibid. S. 133). Браслеты этого типа неизвестны как в древностях предшествующего времени (ступень гальштата С), так и более поздних материалах латенской культуры (Ibid. S. 135).

Для полноты аналогий необходимо отметить находки манжетовидных браслетов с территории западнобалтских культур. Нельзя исключать, что эти отдаленные параллели римского времени (фаза B2/C1) могут восходить к тем же прототипам, что и браслеты из Ванинского клада (*Khomiakova*, 2017. P. 63–85. Fig. 8, 9; *Bliujienė*, 2013. Pav. 322: *7*; 327: *2*; 339; *Хомякова*, 2022. С. 90–91). Данные наблюдения очень интересны и нуждаются в отдельных исследованиях.

Зеркало – бронзовое, диаметр зеркала 12 см, по краю диска идет широкий низкий валик, имеется небольшое ушко с двумя отверстиями для крепления рукояти заклепками к диску. Зеркало сломано (ГМЗ-КП-1821/3) (рис. 4). К сожалению, сложно сказать, было это сделано преднамеренно или это результат сохранности вещи. Здесь необходимо вспомнить про обычай порчи зеркал во время совершения погребений у сарматов (*Скрипкин*, 1990. С. 90). Не исключен и вариант преднамеренной порчи вещи перед сокрытием ее в кладе.

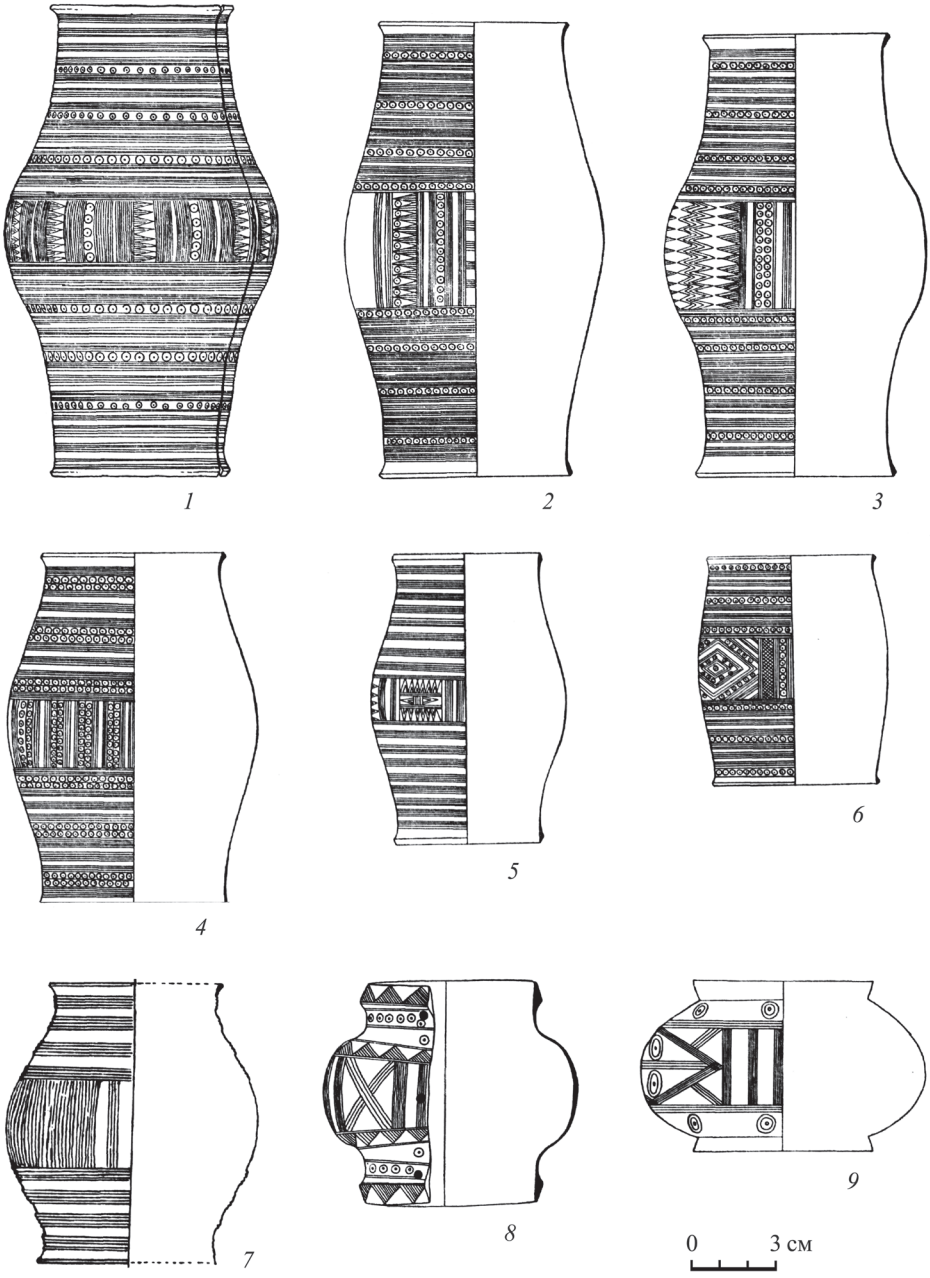


Рис. 3. Бочонковидные браслеты эпохи позднего гальштата с территории Германии (*1, 5, 7–8*), Швейцарии (*2–4, 6*) и Чехии (*9*) (по: *Rieth*, 1950)

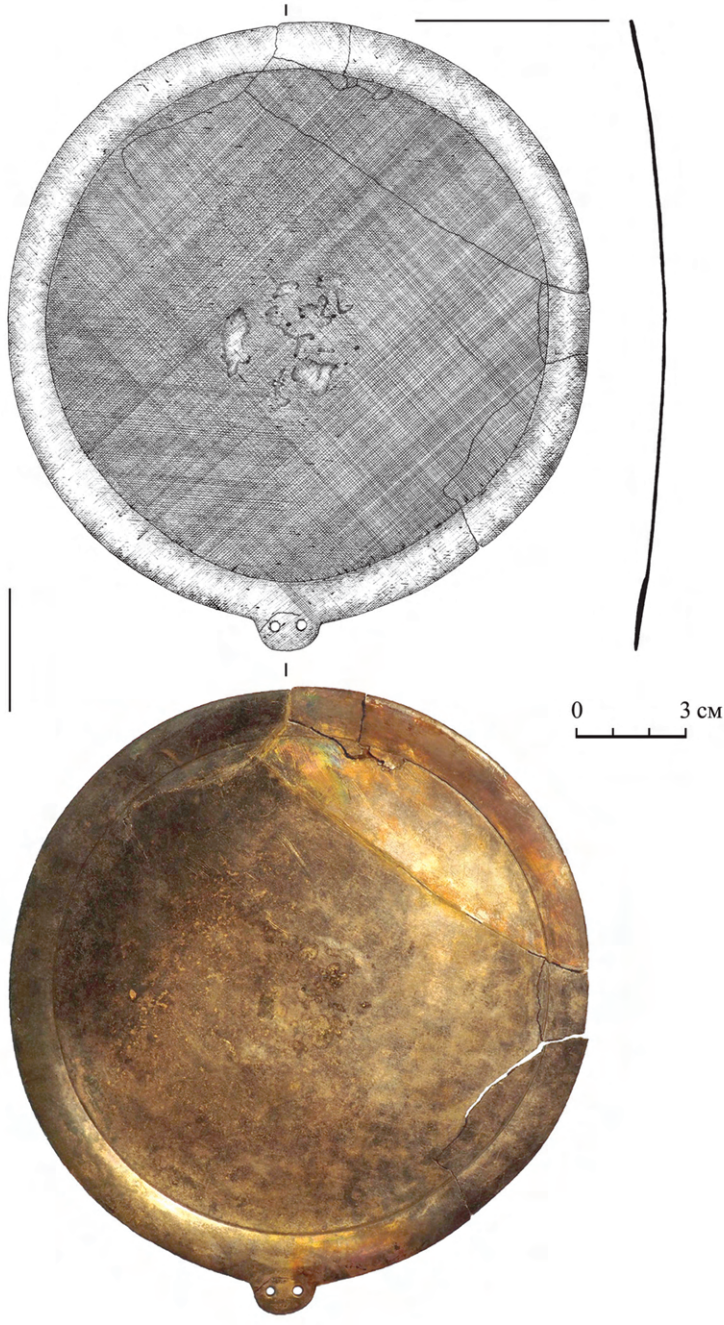


Рис. 4. Зеркало из клада у д. Ванина. Рисунок: М. Д. Медведева

В месте крепления ручки к диску (ушко с двумя отверстиями под клепки) нет следов коррозии или ржавчины, это говорит о том, что рукоять была, скорее всего, сделана из органики – дерево или кость. Как отмечает А. С. Скрипкин, зеркала с валиком по краю диска, но только со штырем, вероятно, во всех случаях имели ручки – деревянные, костяные или металлические (*Скрипкин*, 1990. С. 91).

По А. С. Скрипкину, зеркало из Ванинского клада относится к выделенному им типу 4.1 зеркал с валиком по краю плоского диска и с раздельной ручкой. На дисках сохраняются следы креплений для ручек. Диаметр дисков этого типа зеркал – 104–184 мм (Там же. С. 92–94), что хорошо согласуется с размерами нашей находки. Это малочисленный тип зеркал, верхняя дата существования которого строго не определена. Наиболее вероятный период их бытования определялся А. С. Скрипкиным в рамках III–II вв. до н. э. (Там же. С. 152–155). А. М. Хазанов также относил бытование зеркал с валиком по краю диска к этому же времени (*Хазанов*, 1963. С. 62). Согласно типологии М. Г. Мошковой зеркал с памятников прохоровской культуры, наша находка относится к отделу 2 типу 3 бронзовых зеркал с утолщенным краем и боковой металлической ручкой, которая отливалась вместе с диском. Причем наш экземпляр относится к какому-то варианту этого типа зеркал, у которого диски имели небольшие выступы длиной 0,5–1 см, с помощью которых зеркало скреплялось с деревянной или костяной рукояткой. Зеркала этого типа автор датировала III–II вв. до н. э. (*Мошкова*, 1963. С. 42. Табл. 28: *10–11*).

Зеркала большого диаметра с валиком по краю диска (отдел 2, по В. П. Глебову), но с клиновидной ручкой (у всех целых экземпляров) были наиболее популярны на Нижнем Дону в начале раннесарматского периода, какой-то части II в. до н. э. (*Глебов*, 2019. С. 87–88).

Для более узкой датировки зеркала из Ванинского клада имеет значение находка зеркала с небольшим штырем или даже ушком для крепления рукояти из богатого женского погребения (№ 20) кургана 3 у хутора Алитуба (Ростовская область). Глиняный бальзамарий и бронзовая сковородка италийского производства позволили определить дату погребения – II в. до н. э. (*Максименко*, 1983. Рис. 58: *15*).

Таким образом, наиболее вероятный период бытования данного типа зеркал определяется в рамках III–II вв. до н. э.

Необходимо отметить факт сочетания в кладе зеркала и наконечников копий. Начиная с IV в. до н. э. зеркала входят в состав инвентаря погребений сарматов, принадлежащих и мужчинам, и женщинам разных возрастных групп. Чаще всего в погребениях найдены отдельные фрагменты зеркал. В большинстве захоронений мужчин данная категория сопровождалась оружием. Такая тенденция сохранялась до конца раннесарматского времени (по материалам Южного Приуралья). Зеркало перестало быть частью исключительно «женского» набора инвентаря, но осталось при этом доступным лишь избранной части общества (*Фризен*, 2014. С. 124). В среднесарматское время происходит смена представления о значении зеркала как предмета домашнего культа, атрибута женского начала, об этом говорит большой процент нахождения зеркал в женских погребениях (*Вагнер*, 2012. С. 174).

Наконечники копий – 2 экз. (ГМЗ-КП-1821/4-5). Первый наконечник с длинной втулкой и пером листовидной формы ромбического сечения, обломанным на конце. Длина пера – 18 см, в нижней части втулки размещается муфта (усиливающее кольцо) (рис. 5: *1*). Второй наконечник, возможно, также был с длинной втулкой, но она не сохранилась. Перо листовидное, общая длина сохранившейся части 15 см (рис. 5: *2*). На наконечниках копий визуально прослеживались отпечатки ткани, в которую, возможно, были завернуты все предметы.

Наши наконечники относятся к так называемым листовидным наконечникам копий (*Хазанов*, 2008. Рис. 26: *1–7*), причем второй, вероятно, относится к наконечникам копий с массивным листовидным пером и короткой втулкой (Там же. Рис. 27: *1–4*), хотя ее сохранность не позволяет сделать однозначного вывода. Все наконечники этого типа можно датировать в пределах последних веков до н. э. – первых веков н. э. (Там же. С. 110). Они типичны как для среднедонских материалов скифского времени, где бытуют до начала III в. до н. э. (*Савченко*, 2004. С. 164–175; *Ворошилов*, 2004. С. 205. Рис. 3: *1–3*), так и для большинства погребений с оружием (I в.) Андреевского кургана (*Гришаков, Зубов*, 2009. С. 19–20. Рис. 24). Широкий временной диапазон бытования этого типа наконечников копий, к сожалению, не позволяет рассматривать их в качестве надежного хроноиндикатора.

Касаясь предметов вооружения, необходимо отметить, что наибольшее распространение копья получают в среднесарматское время. Хотя время освоения этого типа оружия приходится на предшествующий период (конец II в. до н. э. – I в. н. э.), когда оно было на вооружении отдельных знатных воинов (*Хазанов*, 2008. С. 106–108).

Культурно-исторический контекст и датировка клада

Находки бронзовых биконических браслетов на данный момент не имеют аналогий в древностях раннего железного века лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Возможными их прототипами являются массивные бочонковидные браслеты из древностей позднего гальштата. Если принять эту версию в качестве рабочей гипотезы, тем не менее остается неясным, как этот «образ вещи» мог сохраняться и передаваться на протяжении нескольких столетий. Ведь между временем бытования бочонковидных браслетов и временем сокрытия клада есть лакуна как минимум в 300 лет. Сравнивая браслеты визуально, складывается впечатление, что древний металлург был знаком или видел какие-то образцы бочонковидных браслетов. Но владея привычной для него и того времени и места техникой литья по восковой модели, он выполнил их именно в ней, а не в технике торевтики.

Несмотря на редкость и уникальность находок браслетов, авторами были найдены некоторые аналогичные вещи, происходящие с соседней с Посеймьем территории Верхнего Поочья. Во-первых, отдельные, маленькие фрагменты бронзовых изделий (3 шт.), очень напоминающие верхние части (манжеты) бочонковидных браслетов, происходят из погребения (?) памятников типа Упа 2 (рис. 6: *5–7*), обнаруженного в ходе работ 2017 г. на эпонимном поселении

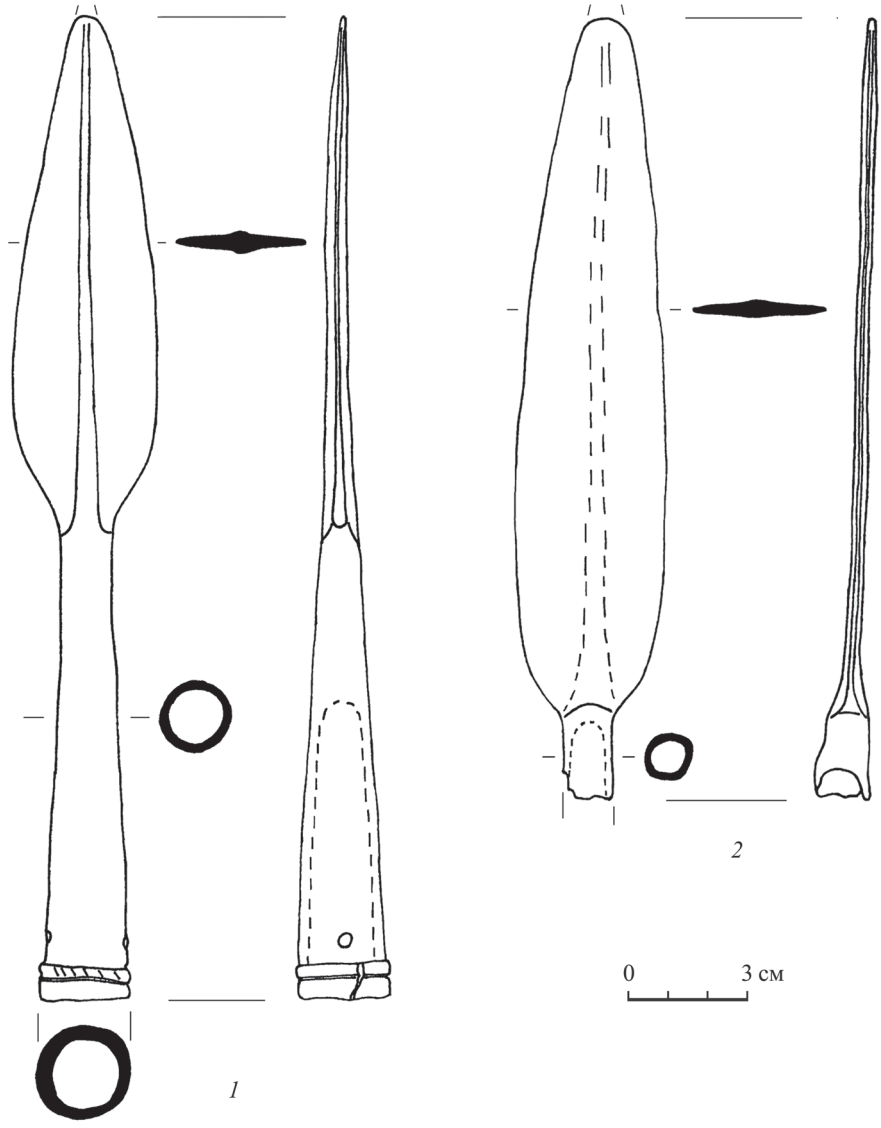


Рис. 5. Наконечники копий из клада у д. Ванина. Рисунок: Е. В. Столяров

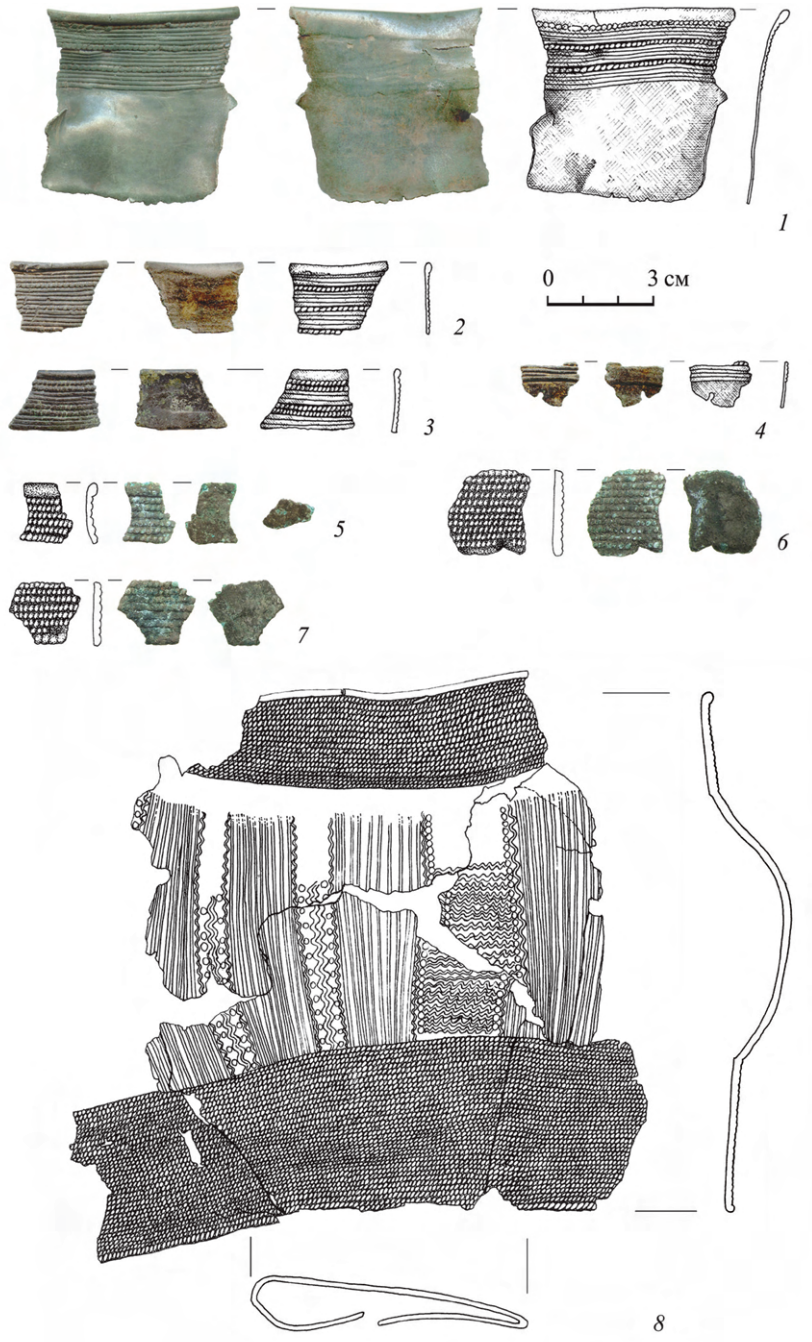


Рис. 6. Фрагменты браслетов с территории Верхнего Поочья

1–4 – городище 2 у д. Страхово, г. Тула; *5–7* – поселение Упа 2, г. Тула; *8* – д. Первый Воин, Мценский район, Орловская область

в черте города Тула[2]. Во-вторых, аналогичные фрагменты манжетов браслетов были найдены на городище 2 у д. Страхово (рис. 6: *1–4*), где зафиксирован слой пожара и, видимо, штурм поселения в середине – второй половине I в. (*Столяров*, 2021б. С. 183–185). Городище относится к горизонту памятников типа Упа 2. Еще одна находка подобного браслета (половина изделия), только несколько меньшего размера, чем браслеты из клада, происходит с территории Мценского района Орловской области (рис. 6: *8*) (район д. Первый Воин, в 15 км к юго-западу от г. Мценска). Все указанные находки вполне соотносятся с древностями рубежа эр.

Наконечники копий с вертикальным ребром на пере, с длинными втулками и усиливающим кольцом на конце втулки находят свои аналогии среди древностей как скифской эпохи Среднего Подонья (IV–III вв. до н. э.), так и сарматских древностей последних веков до нашей эры – первых веков нашей эры на территории Причерноморья, Подонья и Поволжья (*Хазанов*, 2008. С. 109).

Зеркала большого диаметра с широким валиком по краю диска, с раздельной ручкой известны в древностях раннесарматской культуры Подонья, Приуралья, где датируются III–II вв. до н. э.

Таким образом, учитывая датировки вещей, уникальность браслетов, а также находки фрагментов аналогичных браслетов в контексте горизонта памятников типа Упа 2 (II в. до н. э. – I в. н. э.), время сокрытия клада можно предварительно определить в рамках II–I вв. до н. э.

Находки наконечников копий, зеркала и парных крупного размера биконических браслетов, по-видимому, представляют собой предметы мужской воинской культуры.

В контексте данного клада хотелось бы остановиться на феномене «странных комплексов» или ритуальных/вотивных кладов III–I вв. до н. э., происходящих с территории от Северного Причерноморья до Волги (*Зайцев*, 2012; *Глебов и др*., 2020). Как показывает картография кладов, наш клад найден в восточной части ареала их распространения, приблизительно в 250 км к западу от самых северных находок этих комплексов. Как и вотивные/ритуальные клады, он найден, по-видимому, на слабозаселенной территории. Поселения и могильники этого времени в Курском Посеймье нам неизвестны. По хронологии он укладывается в интервал сокрытия кладов. Как в «странных комплексах», он содержит предметы вооружения (наконечники копий), хотя в нем и отсутствуют предметы конской упряжи (сохранность или полнота клада?). Также два крупных браслета могут претендовать на роль очень ценных и дорогих вещей, о чем свидетельствуют следы их ремонта. Весь набор клада укладывается в контекст предметов мужской воинской культуры. Разумеется, пока нет оснований включать Ванинский клад в перечень «странных комплексов». Учитывая надкультурный феномен ритуальных кладов, публикуемый клад может являться сходным культурным явлением и вполне выступать в качестве комплекса поминального характера, связанного с воинским культом или неким даром погибшему знатному воину/вождю.

Возможно, находка клада, как и отдельные находки биконических браслетов, маркируют продвижение в последние века до н. э. с юга на север лесостепного

[2] Выражаем благодарность А. М. Колоколову за возможность использовать неопубликованный материал раскопок поселения Упа 2 2017 г.

населения с ярко выраженной воинской культурой. Не исключено, что следующий этап этого «движения» мы фиксируем в виде череды военных конфликтов I в. н. э. практически по всей южной границе лесной зоны европейской части России (*Воронцов, Столяров*, 2019).

ЛИТЕРАТУРА

АКР. Курская область. Ч. 2 / Авт.-сост. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2000. 240 с.

Вагнер Е. В., 2012. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4: История. № 1 (21). С. 168–176.

Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2019. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // SP. № 4. С. 51–74.

Ворошилов А. Н., 2004. Копья населения среднедонской культуры скифского времени // Археологические памятники бассейна Дона: межвуз. сб. науч. тр. / Ред. А. Т. Синюк. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. С. 202–213.

Глебов В. П., 2019. Зеркала раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18. № 2. С. 86–104.

Глебов В. П., Гордин И. А., Дедюлькин А. В., 2020. Новые находки «ритуальных кладов» в Нижнем Подонье // Германия – Сарматия: сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы. Вып. 3 / Ред.: О. Радюш, А. Блюэнэ, М. Любичев. М.: ИА РАН. С. 355–384.

Гришаков В. В., Зубов С. Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Ин-т истории Акад. наук Республики Татарстан. 173 с. (Археология евразийских степей; 7.)

Зайцев Ю., 2012. Северное Причерноморье в III–II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. / Ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т. С. 67–72.

Кашкин А. В. Отчет о работе Центрально-Черноземного отряда ИА РАН СССР в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9606.

Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та. 224 с.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. М.: Изд-во АН СССР. 56 с. (САИ; вып. Д1-10.)

Радюш О. А., 2019. Отчет об археологических разведках Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН на территории Большесолдатского, Октябрьского, Рыльского районов Курской области, Урицкого района Орловской области и Грайворонского района Белгородской области, проведенных в 2017–2018 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

Савченко Е. И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН 2001–2003 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 151–277.

Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский ун-т. 300 с.

Столяров Е. В., 2021а. Сюльгамы андреевско-писеральского типа с территории Окско-Донского водораздела // ПА. № 1 (35). С. 131–147.

Столяров Е. В., 2021б. Раскопки городища 2 у деревни Страхово в городе Тула // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020. Липецк; Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд». С. 183–185.

Фризен О. И., 2014. Раннесарматские зеркала в системе хронологии наборов вооружения // SP. № 3. С. 113–127.

Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4. С. 58–71.

Хазанов А. М., 2008. Избранные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб.: СПбГУ. 294 с.

Хомякова О. А., 2022. Женский убор Самбийско-Натангийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология. М.: ИА РАН. 320 с. (Германия – Сарматия: Монографии; вып. 1.)

Bliujienė A., 2013. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla. 750 p. (Lietuvosarcheologija; III.)

Gessner V., 1947. Die Verbreitung und Datierung der hallstattzeitlichen Tonnenarmbänder // Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. Bd. 9. S. 129–142.

Khomiakova O., 2017. The Origins of Cuff Bracelets in West Balt Cultures (according to Data from Sambian-Natangian Culture Cemeteries) // Lietuvos Archeologia. T. 43. P. 63–85.

Rieth A., 1950. Werkstattkreise und Herstellungstechnik der hallstattzeitlichen Tonnenarmbänder // Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. Bd. 11. S. 1–22.

Сведения об авторах

Столяров Евгений Васильевич, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», пр. Ленина, 47, Тула, 300041, Россия; e-mail: stolarov_e@mail.ru;

Радюш Олег Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: radjush@mail.ru

E. V. Stolyarov, O. A. Radyush

A UNIQUE HOARD OF MALE MILITARY CULTURE ITEMS OF THE II–I CENTURIES BC FROM THE KURSK REGION

Abstract. The paper publishes an assemblage of finds from the Kursk region (the Middle Seim river basin) dating to the 2nd–1st centuries BC. This assemblage is a cache. It can be reviewed in the context of complex historical and cultural processes that unfolded in the borderland between the forest and the forest-steppe belts in the central part of Eastern Europe.

Keywords: hoard, mirror, bracelet, spearheads, Seim river basin, Kursk region, Early Iron Age, II–I centuries BC.

REFERENCES

AKR. Kurskaya oblast' [AKR. Kursk region], 2. A. V. Kashkin, comp. Moscow: IA RAN, 2000. 240 p.

Frizen O. I., 2014. Rannesarmatskie zerkala v sisteme khronologii naborov vooruzheniya [Early Sarmatian mirrors in chronological system of weaponry sets]. *SP*, 3, pp. 113–127.

Glebov V. P., 2019. Zerkala rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Podon'ya [Mirrors of early Sarmatian culture of Lower Don region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]*, vol. 18, no. 2, pp. 86–104.

Glebov V. P., Gordin I. A., Dedyul'kin A. V., 2020. Novye nakhodki «ritual'nykh kladov» v Nizhnem Podon'e [New finds of «ritual treasures» in Lower Don region]. *Germaniya – Sarmatiya [Germania – Sarmatia]*, 3. O. Radyush, A. Bliuene, M. Lyubichev, eds. Moscow: IA RAN, pp. 355–384.

Grishakov V. V., Zubov S. E., 2009. Andreevskiy kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoy Evropy [Andreevskiy kurgan in system of archaeological cultures of the Early Iron Age of Eastern Europe]. Kazan: Institut istorii AN Respubliki Tatarstan. 173 p. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 7.)

Kashkin A. V. Otchet o rabote Tsentral'no-Chernozemnogo otryada IA RAN SSSR v 1983 g. [Report on the work of Central Chernozem team of the IA RAS of the USSR in 1983]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Khazanov A. M., 1963. Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [Genesis of Sarmatian bronze mirrors]. *SA*, 4, pp. 58–71.

Khazanov A. M., 2008. Izbrannye trudy: Ocherki voennogo dela sarmatov [Selected works: Essays on warfare of Sarmatians]. St. Petersburg: SPbGU. 294 p.

Khomyakova O. A., 2022. Zhenskiy ubor Sambiysko-Natangiyskoy kul'tury I–IV vv. Analiz komponentov i khronologiya [Woman's attire of Sambian-Natangian culture of I–IV cc. Component analysis and chronology]. Moscow: IA RAN. 320 p. (Germaniya – Sarmatiya: Monografii, 1.)

Maksimenko V. E., 1983. Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu [Sauromatians and Sarmatians on the Lower Don]. Rostov-na-Donu: Rostovskiy universitet. 224 p.

Moshkova M. G., 1963. Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury [Prokhorovka culture sites]. Moscow: AN SSSR. 56 p. (SAI.)

Radyush O. A., 2019. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh Seyminsko-Sudzhinskoy ekspeditsii IA RAN na territorii Bol'shesoldatskogo, Oktyabr'ckogo, Ryl'skogo rayonov Kurskoy oblasti, Uritskogo rayona Orlovskoy oblasti i Grayvoronskogo rayona Belgorodskoy oblasti, provedennykh v 2017–2018 gg. [Report on archaeological exploration of the Seim-Sudzha expedition of IA RAS in Bolshesoldatskiy, Oktyabrskiy, Rylskiy districts, Kursk region, Uritskiy district, Orel region and Grayvoronskiy district, Belgorod region, conducted in 2017–2018 . *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Savchenko E. I., 2004. Vooruzhenie i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu [Weapons and equipment of population of Scythian time on the Middle Don]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN 2001–2003 gg. [Archaeology of Middle Don in Scythian era: Proceedings of the Don archaeological expedition of IA RAS 2001–2003]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 151–277.

Skripkin A. S., 1990. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt [Asian Sarmatia. Issues of chronology and its historical aspect]. Saratov: Saratovskiy universitet. 300 p.

Stolyarov E. V., 2021a. Syul'gamy andreevsko-piseral'skogo tipa s territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Andreyevsko-piseralsky type syulgams from the Oka-Don watershed]. *PA*, 1 (35), pp. 131–147.

Stolyarov E. V., 2021b. Raskopki gorodishcha 2 u derevni Strakhovo v gorode Tula [Excavations of hillfort 2 near village Strakhovo in the city of Tula]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e 2020 [Archaeological research in Central Chernozem region 2020]*. Lipetsk; Voronezh: Poligraficheskoe izdanie «Novyy vzglyad», pp. 183–185.

Vagner E. V., 2012. Istoriya izucheniya sarmatskikh bronzovykh zerkal [History of the study of Sarmatian bronze mirrors]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Series 4: Istoriya [Bulletin of Volgograd university. Series 4: History]*, 1 (21), pp. 168–176.

Vorontsov A. M., Stolyarov E. V., 2019. Voyna I veka na granitse lesnoy zony: Oksko-Donskoy vodorazdel [The war of I century on the border of the forest zone: the Oka-Don watershed]. *SP*, 4, pp. 51–74.

Voroshilov A. N., 2004. Kop'ya naseleniya srednedonskoy kul'tury skifskogo vremeni [Spears of the population of Middle Don culture of Scythian time]. *Arkheologicheskie pamyatniki basseyna Dona [Archaeological sites of the Don basin]*. A. T. Sinyuk, ed. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 202–213.

Zaytsev Yu., 2012. Severnoe Prichernomor'e v III–II vv. do n. e.: ritual'nye klady i arkheologicheskie kul'tury (postanovka problemy) [North Pontic region in III–II cc. BC: ritual hoards and archaeological cultures (raising the problem)]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n. e. [Antiquities of North Pontic region of III–II cc. BC]*. N. P. Tel'nov, ed. Tiraspol: Pridnestrovskiy gos. universitet, pp. 67–72.

About the authors

Stolyarov Evgeniy V., State museum-reserve «Kulikovo pole», prosp. Lenina, 47, Tula, 300041, Russian Federation; e-mail: stolarov_e@mail.ru;

Radyush Oleg A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: radjush@mail.ru

И. В. Исланова

СОБОЛЕВО 2 – ПОСЕЛЕНИЕ ФИНАЛЬНОГО ЭТАПА ПОЗДНЕДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ[1]

Резюме. При исследовании культурных трансформаций позднедьяковских древностей наиболее корректными источниками являются однослойные памятники, существовавшие небольшой промежуток времени. Одно из таких поселений V–VI вв. было выявлено в Верхнем Поволжье после анализа сохранившейся коллекции керамических материалов. Это неукрепленное поселение Соболево 2. Керамический и вещевой набор схож, но не аналогичен исследованным поблизости многослойным позднедьяковским городищам и также отличается от комплекса посуды мощинской культуры (отсутствуют миски с цилиндрической верхней частью и биконические пряслица с большим диаметром отверстия). Особо следует подчеркнуть наличие на Соболево 2 большого числа (45,7 %) лощеных и подлощенных фрагментов, а также обнаруженные остатки постройки с углубленным основанием или полуземляночного типа.

Ключевые слова: Верхнее Поволжье, позднедьяковская культура, мощинская культура, керамика, однослойное неукрепленное поселение.

Позднедьяковские памятники Верхневолжья, как правило, представлены многослойными укрепленными поселениями. Артефакты из переотложенных напластований городищ не являются полноценными источниками и не позволяют аргументированно анализировать происходившие культурные трансформации. Появление в верхних горизонтах посуды, называемой «керамикой мощинского круга» (*Исланова*, 2010. С. 205), схожей с посудой мощинской культуры, могли быть или «явлением моды» (*Кренке*, 2016. С. 282), или свидетельством мощного культурного импульса или появления нового населения.

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.185-197

Ответы на вопросы следует искать при анализе материалов однослойных поселений, существовавших относительно короткий промежуток времени. Такое неукрепленное поселение находится в микрорегионе Верхнего Поволжья, где известна серия городищ с позднедьяковскими слоями, исследованными в XX в.: Пекуново, Иваньковское, Санниковское (*Бадер*, 1950. С. 90–132), Графская Гора (*Смирнов*, 1977). Первоначально основной материал анализируемого поселения Соболево 2 был неточно атрибутирован, из-за чего памятник не попал в поле зрения исследователей дьяковских древностей.

История изучения и местоположение поселения

Археологический объект, названный как стоянка Соболево VI, был выявлен в 1969 г. Л. В. Кольцовым; тогда был собран подъемный материал. В 1970 г. объект был исследован раскопками и по найденным керамическому и кремневому материалам отнесен к рубежу II и I тыс. до н. э. (*Кольцов*, 1970; 1971. С. 37). В составленном Е. В. Бодуновым в 1974 г. паспорте этот памятник был назван поселением Соболево VI. В 1996 г. при инвентаризации объектов археологического наследия поселение Соболево 2 осматривалось А. В. Новиковым и Ю. А. Кобозевым (*Новиков*, 1996). В 2009 г. остатки этого объекта обследовались И. В. Ислановой (*Исланова*, 2013. С. 100–101). Как поселение Соболево 6, с датой – рубеж II и I тыс. до н. э., объект был упомянут А. Д. Максимовым в таблице исследованных памятников раннего железного века в Калининской (ныне Тверской) области (*Максимов*, 1983. С. 41). В своде памятников Тверской области это поселение как Соболево 2 (Соболево 6) отнесено в финальному этапу эпохи бронзы – начальному этапу раннего железного века (АКР, 2003. С. 279–280). Небольшая информация о поселении Соболево 2 была опубликована в 2010 г. при анализе древностей Верхнего Поволжья, имеющих напластования середины I тыс. н. э. (*Исланова*, 2010. С. 205. Рис. 7: *2, 3*[2]). Коллекция артефактов находится в фондах Тверского государственного объединенного музея и частично – в экспозиции его Кимрского филиала.

Поселение находится в 350 м к северо-востоку от д. Соболево Кимрского района Тверской области. Расположено на дюнном всхолмлении (береговом валу) высокой поймы левого берега р. Волги (Угличское водохранилище) между стоянками Соболево 4 и 7. Высота над уровнем воды в реке – 3,5–4 м (август 2009 г.). В 40 м к западу лежит заболоченная старица р. Волги. Размеры поселения, по Л. В. Кольцову, 60 × 40 м (*Кольцов*, 1970). В начале XXI в. мысовая южная часть всхолмления, где находилась основная территория поселения, была разрушена карьером. В 2009 г. на слабозадернованных участках вблизи карьера был собран подъемный материал.

[2] Подписи к рис. 7 и 8 при макетировании были перепутаны.

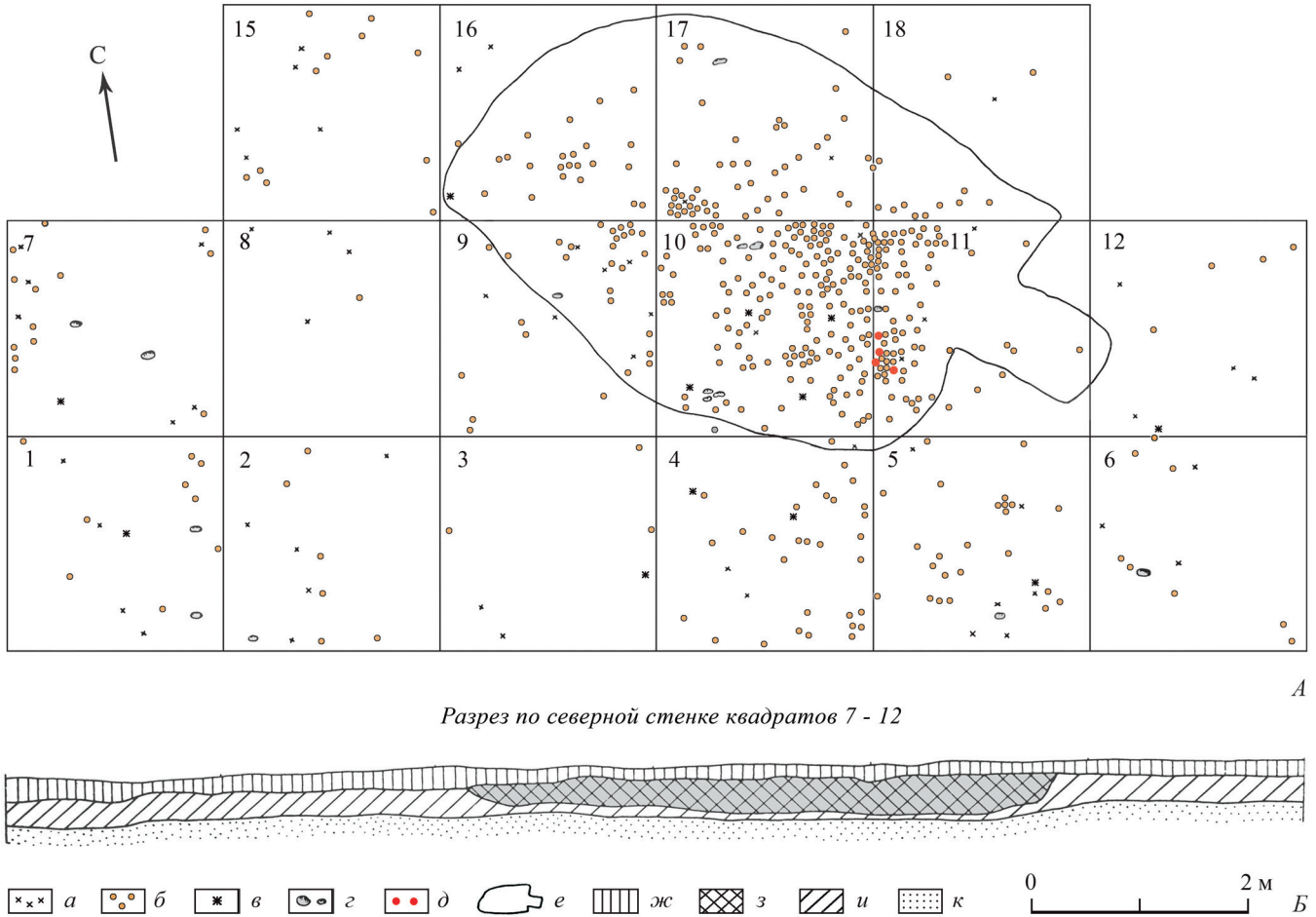


Рис. 1. Поселение Соболево 2. Планиграфия и стратиграфия раскопа 1970 г. (по: *Кольцов*, 1970)

Условные обозначения: *а* – кремень; *б* – керамика; *в* – орудие; *г* – камень; *д* – пряслице; *е* – очертания жилища; *ж* – почва; *з* – темно-серый песок; *и* – серый песок; *к* – светлый песок

Стационарное изучение поселения

В 1970 г. поселение Соболево 2 исследовалось Л. В. Кольцовым раскопом площадью 72 кв. м. Конкретное местоположение вскрытого участка на памятнике осталось неизвестным. В полевом отчете находится сводный планиграфический чертеж с обозначением всех найденных артефактов (индивидуальных предметов, фрагментов керамики и изделий из кремня) (рис. 1). Стратиграфия обозначена только в разрезе, видимо, первоначальной северной стенки раскопа (рис. 1), после чего была сделана прирезка для полного вскрытия выявленного пятна. В культурном слое мощностью 0,48–0,54 м были встречены артефакты как середины 1 тыс. н. э., так и конца эпохи бронзы – начала раннего железного века. Напластования состояли из верхнего «почвенного слоя» из темно-серого песка, видимо, с дерном, толщиной 0,18 м; а ниже – из «интенсивно серого» песка толщиной 0,3–0,36 м. Глубже залегал материковый желтый песок, подстилаемый желто-красным песком (Там же).

В «интенсивно сером» песке было зафиксировано подпрямоугольное пятно ямы – представлявшей остатки углубленной части постройки, ориентированной с северо-запада на юго-восток, размерами 4,84 × 3,5 м (рис. 1). Глубина ямы достигала в сером песке 0,33 м, а от дневной поверхности – 0,5 м. Под пятном ямы серый песок имел толщину от 0,04–0,06 м до 0,1 м. Судя по разрезу, уплощенное дно ямы имело наклон на восток. Западная стенка была пологая, восточная – крутая. С юго-востока находился выступ – предположительный вход – размерами 1,18 × 0,84 м (*Кольцов*, 1971).

Заполнение ямы состояло из темно-серого песка. Судя плану в отчете, помимо артефактов здесь были встречены единичные камни. Только в заметке в «Археологических открытиях» упомянуто об остатках очага из золы и мелких угольков, а следы постройки названы (и в отчете, и в заметке) «жилищем» (Там же). Однако отсутствие на чертеже скоплений обожженных камней, пятен крупных углей или прокаленного грунта не позволяет говорить о жилом характере остатков строения. Данная постройка могла быть или в основном наземной с немного углубленной нижней частью, или действительно полуземлянкой. Установить характер строения практически невозможно, так как культурные отложения на песчаной прибрежной поверхности за последние полторы тысячи лет сильно подверглись изменениям при различных природных процессах (см., например: *Сорокин*, 2008. С. 70–71).

В площади постройки концентрировались основные массовые и индивидуальные находки[3].

[3] На чертежах нет отметок глубин ни для керамики, ни для кремня (преимущественно отщепы); не все обозначения на чертеже совпадают с надписями на артефактах.

Индивидуальный материал

В углубленной части постройки было найдено четыре глиняных пряслица, а за ее пределами – фрагмент еще одного. Два целых и один фрагмент из постройки (рис. 2: *2–4*) можно отнести к типу 3, по К. А. Смирнову (*Смирнов*, 1974. С. 67); это т. н. цилиндрические пряслица. Основания их уплощенные; высота – 10–11 мм, боковые грани – почти отвесные или слегка выпуклые (в сечении прямоугольные или полуовальные). Наибольший диаметр пряслиц – 30; 35 и 32 мм, диаметр отверстия – 7; 7 и 8 мм. В глиняном тесте изделий присутствует примесь песка.

Ближайшие схожие по форме и размерам находки известны на москворецких и верхневолжских поселениях позднедьяковской культуры, например: три экз. на селище Килино (*Третьяков*, 1941. Рис. 45: *1–3*); два экз. на городище Березняки и один – на Попадьинском селище (Там же. Рис. 38: *7, 8*; 41: *4*); 13 экз. на Кикинском городище (*Вишневский*, 2021. С. 30. Рис. 32). Таких пряслиц нет в мощинской культуре, для которой характерны биконические изделия с широким отверстием (*Воронцов*, 2013. С. 36). Подобные встреченным на Соболево 2 изделия редки на памятниках эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья лесостепной и лесной зон Восточной Европы, где в основном известны биконические и овальные пряслица (*Шарова*, 2004).

Неизвестны аналоги происходящему из постройки плоскому пряслицу с коническими стенками и со ступенчатыми (а с одного края – подконическим) углубленными основаниями (рис. 2: *1*). Боковые стенки его немного подлощенные, глиняное тесто имеет примесь песка. Высота пряслица – 12–14 мм, наибольший диаметр – 32 мм, диаметр отверстия – 6–7 мм.

За пределами постройки в раскопе были найдены точильный камень и фрагмент высокого овального пряслица (рис. 2: *5, 6*). Основания пряслица – уплощенные, высота – 20 мм, наибольший диаметр – 30 мм, диаметр отверстия – 7,5–8 мм. Подобные находки единичны на дьяковских памятниках (*Смирнов*, 1974. С. 67) и редки на памятниках второй и третьей четвертей I тыс. н. э. Восточной Европы. Еще один точильный камень происходит из сборов на территории поселения.

Керамика

Сохранившаяся коллекция поселения Соболево 2 (работы 1970 г. и 2009 г.) насчитывает более 550 обломков лепной керамики. Из них 4,7 % (26 фрагментов) принадлежат фрагментам лепной посуды эпохи поздней бронзы с т. н. текстильной (сетчатой, по Л. В. Кольцову) поверхностью; 4 % (22 фрагмента) – к позднекруговым красно- и сероглиняным сосудам Нового времени. Остальная керамика принадлежит обломкам сосудов середины I тыс. н. э.

Среди этих лепных фрагментов более 70 экз. относятся к очень мелким обломкам (поперечником 10 мм и менее). Остальные 427 экз. (424 фрагмента из раскопа и 3 фрагмента – подъемный материал) можно дифференцировать в зависимости от характера внешней поверхности.

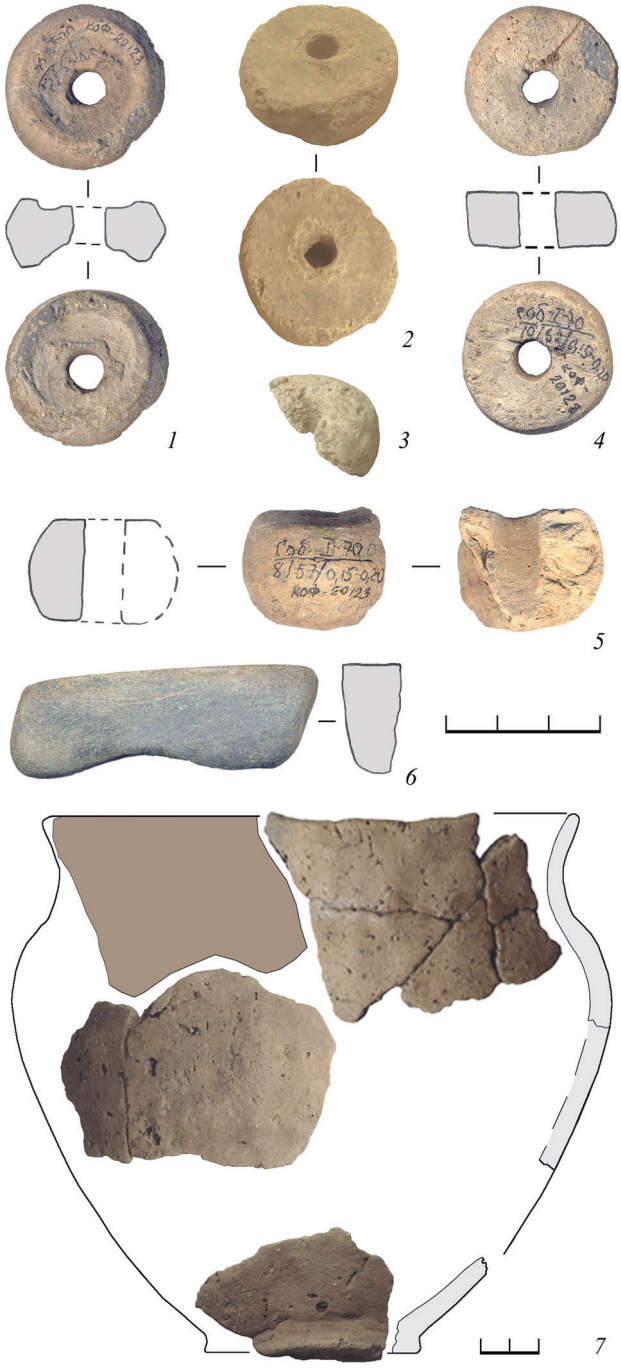


Рис. 2. Поселение Соболево 2. Индивидуальные находки и керамика

1–5 – глиняные пряслица; *6* – точильный камень; *7* – реконструкция лепного сосуда типа V–1

Больше половины – 54,3 % (232 экз.) – приходится на т. н. гладкостенные фрагменты, имеющие немного шероховатую поверхность; в глиняном тесте присутствует мелкая дресва и песок. Цвет керамики – от темно- до светло-коричневого. На обломках днищ двух сосудов были следы песчаной подсыпки. 36,8 % фрагментов (157 экз.) относятся к подлощенным сосудам. К такой керамике отнесены обломки с хорошо заглаженной (затертой) внешней поверхностью; в глиняном тесте – примесь песка. Цвет фрагментов также от темно- до светло-коричневого. 8,9 % (38 экз.) – это обломки лощеных сосудов. Фрагменты имеют хорошо заглаженную (до блеска) поверхность черного или светло-коричневого цвета. Следует отметить, что внешняя поверхность одного и того же сосуда могла варьироваться от лощеного (в верхней части) до подлощенного (в нижней части). Поэтому вполне обоснованно при подсчетах можно объединять находки лощеных и подлощенных фрагментов. На поселении Соболево 2 их 45,7 % от найденной лепной гладкостенной посуды.

В позднедьяковских слоях памятников Москворечья процент лощеной и подлощенной керамики весьма небольшой: например, на Троицком городище – 2,8 %, на Кикинском городище – 1,5 % (*Вишневский*, 2021. С. 49). На позднедьяковских городищах Верхнего Поволжья такой керамики известно больше: например, на городище Поминово 4,6 %, на городище Орлов Городок 6,6 %. На памятниках мощинской культуры лощеная и подлощенная посуда составляет: на Мощинском городище – 20 %, на Мощинском селище – 13 % (*Массалитина*, 1993. С. 47). Однако эти керамические массивы (и мощинских, и позднедьяковских памятников) не разделены на дробные хронологические этапы, фиксируемые по вещевым материалам и радиоуглеродным датам. Такой большой процент лощеной и подлощенной керамики на поселении Соболево 2, скорее всего, связан с узким хронологическим горизонтом памятника.

Большинство фрагментов керамики происходит из площади постройки (рис. 2: *7*; 3: *1, 2, 5, 6, 10, 11*; 4: *1–5*). Форма не менее чем 8 сосудов неясна (рис. 3: *1–5, 7, 10, 11*). От них сохранились обломки верхних частей, имеющие длинную слабо отогнутую шейку, характерную для керамики известной на памятниках мощинской культуры. Другие фрагменты верхних частей посуды позволяют судить о форме некоторых сосудов.

Реконструируемый сосуд S-видной формы (рис. 2: *7*) можно отнести к типу V-1, по А. М. Воронцову (*Воронцов*, 2013. Рис. 10). Видимо, еще один схожий по форме сосуд представлен небольшим фрагментом (рис. 3: *6*). Фрагменты от трех сосудов со слабо выраженным уступом в месте плеча (рис. 3: *8, 9*; 4: *1*) близки керамике из постройки 5 и скопления 2 позднемощинского городища Акиньшино (*Воронцов*, 2016. Рис. 11: *7*; 12: *1*; 15: *2*). Керамика, близкая остальным сосудам (рис. 4: *2–5*), известна на том же городище в постройках 2, 2а и 3 (соответственно: *Воронцов*, 2016. Рис. 16: *3*; 7: *10*; 9: *8*). В слое поселения Соболево 2 найден и фрагмент сосуда с нехарактерным для мощинской посуды утолщенным краем венчика (рис. 3: *12*).

В итоге на поселении Соболево 2 (в постройке) присутствует следующий керамический набор: 1) хорошо профилированные сосуды S-видной формы с наибольшим расширением в верхней части тулова (рис. 2: *7*); 2) сосуды с небольшим или очень слабо выраженным уступом в месте перехода от шейки

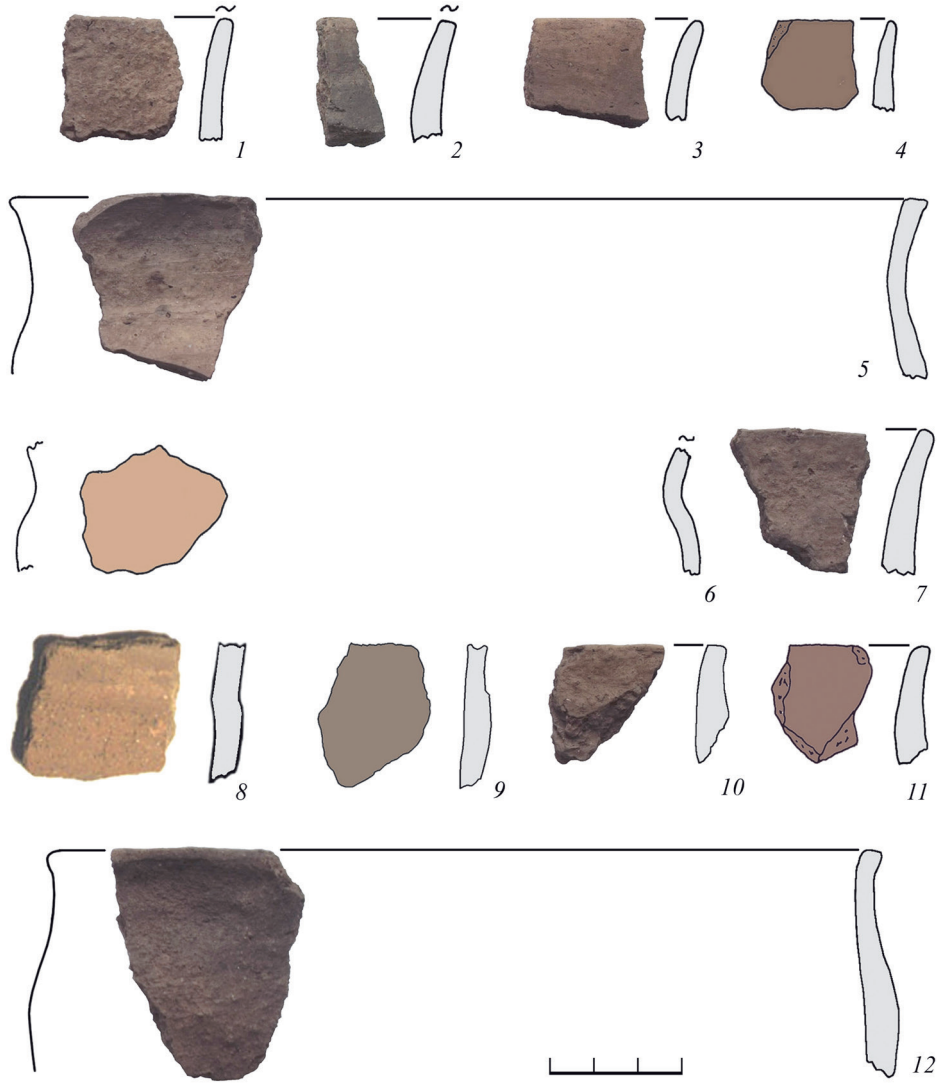


Рис. 3. Поселение Соболево 2. Фрагменты лепных сосудов

3, 4 – лощеные; *1, 5–7, 9–12* – гладкостенные; *2, 8* – подлощенные

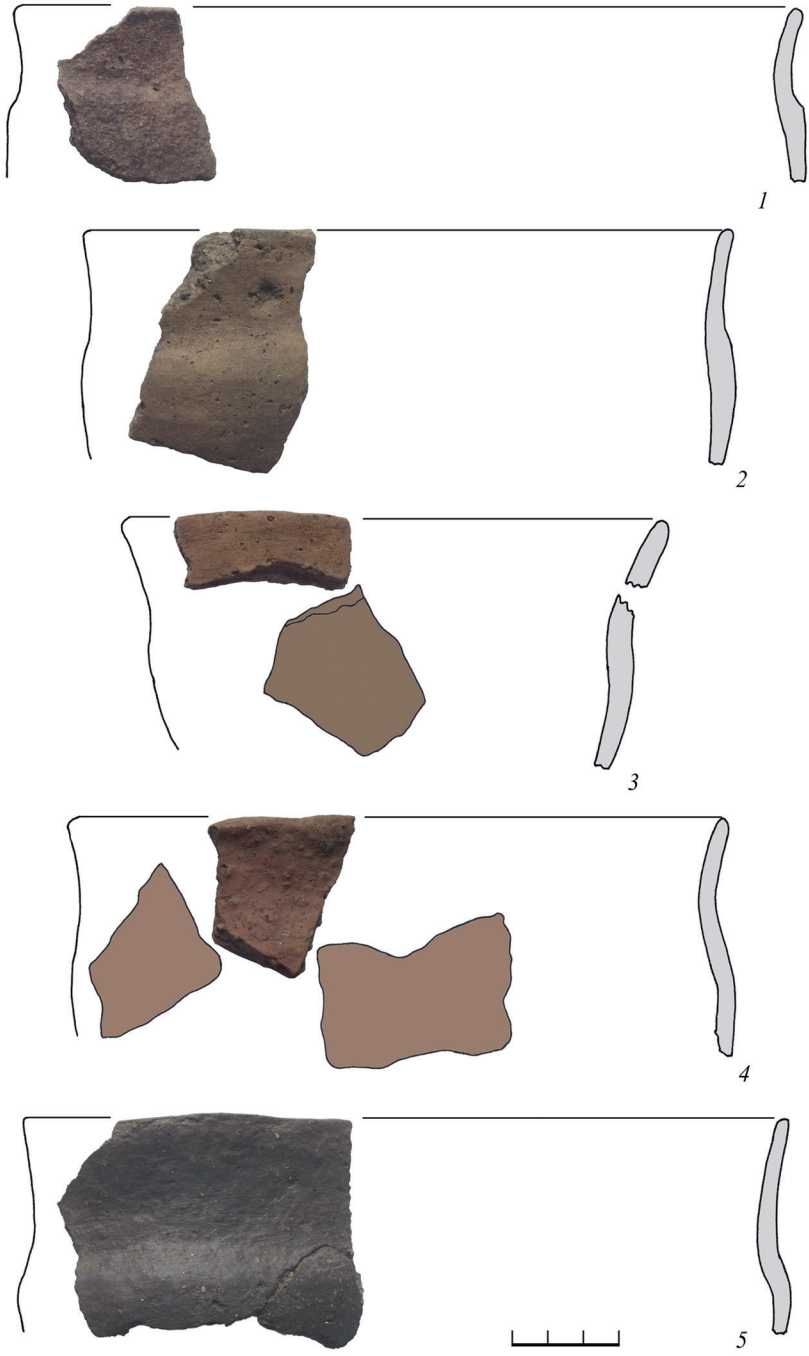


Рис. 4. Поселение Соболево 2. Фрагменты лепных сосудов
1 – гладкостенный; *2, 3, 5* – лощеные; *4* – гладкостенный

к тулову (рис. 4: *1*); 3) сосуды с длинным пологим плечом (рис. 4: *4*); 4) сосуды с резким крутым переходом от плеча к тулову (рис. 4: *5*); 5) мисковидные сосуды с плавным скругленным переходом от плеча к тулову (рис. 4: *3*).

Керамика, схожая с посудой мощинской культуры, встречена в верхних напластованиях всех исследованных позднедьяковских городищ Верхнего Поволжья; она отнесена в классификационной схеме позднедьяковской посуды к группе 5 (стилю Д) (*Исланова*, 2008. С. 35; 2010. С. 204–205). Близость, но не идентичность, с керамикой Верхнего Поочья позволила ввести для подобных артефактов Верхнего Поволжья такой термин, как ***керамика мощинского круга*** (*Исланова*, 2010. С. 205). Наличие на однослойном поселении Соболево 2 только такой керамики позволяет обоснованно заменить данный термин на *керамику финального этапа верхневолжских позднедьяковских поселений.*

На Соболево 2, как и на других верхневолжских памятниках, не встречены характерные для мощинского набора миски с цилиндрической или раструбообразной верхней частью, бытовавшие на протяжении всех этапов функционирования культуры (*Воронцов*, 2016. С. 226).

Следует отметить и другие особенности набора керамики Соболево 2. Здесь нет того разнообразия форм посуды, которое присутствует на многослойных верхневолжских городищах: нет мисок с крутым хорошо выраженным плечом, нет сосудов с т. н. перетяжкой (бороздкой) в месте перехода от шейки к плечу, отсутствует и орнаментированная керамика.

Установленное время бытования некоторых форм посуды на мощинских памятниках (Там же. С. 224–225, 231) позволяет весьма широко очертить хронологию исследованного участка анализируемого поселения: в пределах V–VI вв. Нельзя исключать и первую половину VII в., однако для такой датировки нет опорных вещевых материалов.

Заключение

Детальный анализ полевой документации и сохранившаяся коллекция позволили передатировать основные слой и материал поселения Соболево 2, а также установить его культурную принадлежность. Судя по господствующей керамике, можно говорить, что исследованное поселение – однослойный памятник финального этапа (поздней стадии) позднедьяковской культуры, по градации Н. А. Кренке (*Кренке*, 2016. С. 277, 282). Небольшим временным отрезком существования поселения и отсутствием инокультурных примесей в массовом материале, видимо, объясним большой процент обнаруженной здесь лощеной и подлощенной керамики. Хронологичеекие рамки – V–VI вв. – приблизительны и устанавливаются по общему набору керамики и по аналогам посуды, известной на мощинских поселениях. Как и на других позднедьяковских памятниках, здесь фиксируется определенное отличие от мощинских древностей по керамическому и индивидуальному материалам. В культурном слое Соболево 2 встречены единичные артефакты, связанные с эпохой поздней бронзы и с Новым временем.

ЛИТЕРАТУРА

АКР. Тверская область. Ч. 1. Г. Тверь, Зубцовский, Калининский, Калязинский, Кашинский, Кимрский, Конаковский, Лихославльский, Рамешковский, Спировский, Старицкий, Торжокский районы / Авт.-сост. Г. Г. Король; ред. Н. В. Малиновская. М.: ИА РАН. 2003. 528 с.

Бадер О. Н., 1950. Древние городища на Верхней Волге // Материалы по археологии Верхнего Поволжья / Ред. П. Н. Третьяков. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 90–132. (МИА; № 13.)

Вишневский В. И., 2021. Кикинское городище. Древнее поселение середины I тысячелетия до н. э. на севере Подмосковья. Сергиево-Посад: Сергиево-Посадский музей-заповедник. 223 с.

Воронцов А. М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела / Ред. И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле». 173 с. (Историко-археологические исследования региона Куликова Поля; вып. 1.)

Воронцов А. М., 2016. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н. э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред.: А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 221–260. (РСМ; вып. 17.)

Исланова И. В., 2008. Городище Отмичи. М.: ИА РАН. 283 с. (РСМ; вып. 11.)

Исланова И. В., 2010. Культурная принадлежность древностей 1 тыс. н. э. Верхнего Поволжья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1 / Отв. ред.: А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 203–217.

Исланова И. В., 2013. Охранные и научные исследования в Тверской области // АО 2009 г. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 100–101.

Кольцов Л. В., 1970. Отчет разведочного отряда Верхневолжской экспедиции за 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4553, 5451б.

Кольцов Л. В., 1971. Раскопки в Ярославской и Калининской областях // АО 1970 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. С. 37–38.

Кренке Н. А., 2016. Позднедьяковская культура на территории Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред.: А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 261–332. (РСМ; вып. 17.)

Максимов А. Д., 1983. К истории изучения памятников раннего железного века Верхнего Поволжья и Подвинья // Археологические исследования в Верхневолжье / Отв. ред. В. Л. Янин. Калинин: Калининский гос. ун-т. С. 40–50.

Массалитина Г. А., 1993. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. Вып. 208. С. 46–51.

Новиков А. В., 1996. Отчет о разведках в Кимрском районе Тверской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20843, 20844.

Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 7–89.

Смирнов К. А., 1977. Городище Графская Гора // КСИА. Вып. 148. С. 77–81.

Сорокин А. Н., 2008. Мезолитоведение Поочья. М.: ИА РАН. 328 с.

Третьяков П. Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. / Отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 150 с. (МИА; № 5.)

Шарова О. А., 2004. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в I тыс. н. э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: материалы VI науч. конф. Калуга: Изд-во Н. Ф. Бочкаревой. С. 65–72.

Сведения об авторе

Исланова Инна Васильевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ivisl@mail.ru

I. V. Islanova

SOBOLEVO 2 – SETTLEMENT OF THE LATE D'YAKOVO FINAL STAGE IN THE UPPER VOLGA REGION

Abstract. The studies of cultural transformations of the late D'yakovo antiquities demonstrate that one-layer sites that existed for a short period of time are the most reliable sources. One of such settlements dating to the 5th–6th centuries was discovered in the Upper Volga region after analysis of the preserved pottery collection. This unfortified settlement is known as Sobolevo 2. The ceramic and artifact assemblages are similar, though not analogous to those retrieved from nearby multi-layer late D'yakovo fortified settlements and are also distinguished from Moshchiny ceramic assemblages: no dishes with a cylindrical upper section and biconical spindle-whorls with a large diameter of the hole have been found. Presence of a large number of burnished and slightly burnished fragments (45,7 %) and discovered remains of a construction with sunken bottom or a construction of a semi-underground type should be highlighted.

Keywords: Upper Volga region, late D'yakovo culture, Moshchiny culture, ceramics, one-layer unfortified settlement.

REFERENCES

AKR. Tverskaya oblast' [AKR. Tver region], 1. G. Tver, Zubtsovskiy, Kalininskiy, Kalyazinskiy, Kashinskiy, Kimrskiy, Konakovskiy, Likhoslavl'skiy, Rameshkovskiy, Spirovskiy, Staritskiy, Torzhokskiy rayony [City of Tver, Zubtsovskiy, Kalininskiy, Kalyazinskiy, Kashinskiy, Kimrskiy, Konakovskiy, Likhoslavl'skiy, Rameshkovskiy, Spirovskiy, Staritskiy, Torzhokskiy districts]. G. G. Korol, comp., N. V. Malinovskaya, ed. Moscow: IA RAN. 2003. 528 p.

Bader O. N., 1950. Drevnie gorodishcha na Verkhney Volge [Ancient hillforts on Upper Volga]. *Materialy po arkheologii Verkhnego Povolzh'ya [Materials on the archeology of Upper Volga region]*. P. N. Tret'yakov, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 90–132. (MIA, 13.)

Islanova I. V., 2008. Gorodishche Otmichi [Otmichi hillfort]. Moscow: IA RAN. 283 p. (RSM, 11.)

Islanova I. V., 2010. Kul'turnaya prinadlezhnost' drevnostey 1 tys. n. e. Verkhnego Povolzh'ya [Cultural attribution of antiquities of 1 mill. AD of Upper Volga region]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 2 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in period of Roman influences and Migration. Conference 2]*, part 1. A. M. Vorontsov, I. O. Gavritukhin, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 203–217.

Islanova I. V., 2013. Okhrannye i nauchnye issledovaniya v Tverskoy oblasti [Protection and scientific research in Tver region]. *AO 2009*, pp. 100–101.

Kol'tsov L. V., 1970. Otchet razvedochnogo otryada Verkhnevolzhskoy ekspeditsii za 1970 g. [Report of exploration team of Upper Volga expedition for 1970]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Kol'tsov L. V., 1971. Raskopki v Yaroslavskoy i Kalininskoy oblastyakh [Excavations in Yaroslavl and Kalinin regions]. *AO 1970*, pp. 37–38.

Krenke N. A., 2016. Pozdned'yakovskaya kul'tura na territorii Moskvy-reki [Late D'yakovo culture in the territory of the Moskva River]. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early Medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (V–VII cc.)]*. A. M. Oblomskiy, I. V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 261–332. (RSM, 17.)

Maksimov A. D., 1983. K istorii izucheniya pamyatnikov rannego zheleznogo veka Verkhnego Povolzh'ya i Podvin'ya [On the history of study of Early Iron Age sites in Upper Volga and Dvina regions]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Verkhnevolzh'e [Archaeological research in Upper Volga region]*. V. L. Yanin, ed. Kalinin: Kalininskiy gos. universitet, pp. 40–50.

Massalitina G. A., 1993. Lepnaya keramika gorodishcha i selishcha Moshchiny [Hand-made ceramics of the Moshchiny hillfort and settlement]. *KSIA*, 208, pp. 46–51.

Novikov A. V., 1996. Otchet o razvedkakh v Kimrskom rayone Tverskoy oblasti v 1996 g. [Report on exploration in Kimry district, Tver region in 1996]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Sharova O. A., 2004. Dve traditsii izgotovleniya pryaslits Verkhnego Podneprov'ya i prilegayushchikh territoriy v I tys. n. e. [Two traditions of making spinning whorls in Upper Dnieper region and adjacent territories in I mill. AD]. *Voprosy arkheologii, istorii i kul'tury Verkhnego Pooch'ya: materialy VI nauchnoy konferentsii [Issues of archeology, history and culture of Upper Oka region: materials of VI scientific conference]*. Kaluga: N. F. Bochkareva, pp. 65–72.

Smirnov K. A., 1974. D'yakovskaya kul'tura (material'naya kul'tura gorodishch mezhdurech'ya Oki i Volgi) [D'yakovo culture (material culture of hillforts in Oka and Volga) interfluve)]. *D'yakovskaya kul'tura [*D'yakovo culture*]*. Yu. A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 7–89.

Smirnov K. A., 1977. Gorodishche Grafskaya Gora [Grafskaya Gora hillfort]. *KSIA*, 148, pp. 77–81.

Sorokin A. N., 2008. Mezolitovedenie Pooch'ya [Mesolithic research in Oka region]. Moscow: IA RAN. 328 p.

Tret'yakov P. N., 1941. K istorii plemen Verkhnego Povolzh'ya v pervom tysyacheletii n. e. [On the history of tribes of Upper Volga region in the first millennium AD]. M. I. Artamonov, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 150 p. (MIA, 5.)

Vishnevskiy V. I., 2021. Kikinskoe gorodishche. Drevnee poselenie serediny I tysyacheletiya do n. e. na severe Podmoskov'ya [Kikinskoe hillfort. An ancient settlement of mid I millennium BC in the north of Moscow region]. Sergiev-Posad: Sergievo-Posadskiy muzey-zapovednik. 223 p.

Vorontsov A. M., 2013. Kul'turno-khronologicheskie gorizonty pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural and chronological horizons of sites of II–V centuries in territory of the Oka-Don watershed]. I. O. Gavritukhin, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo Pole». 173 p. (Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya regiona Kulikova Polya, 1.)

Vorontsov A. M., 2016. Pamyatniki moshchinskoy kul'tury v tret'ey chetverti I tys. n. e. [Sites of Moshchiny culture in the third quarter of I mill. AD]. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early Medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (V–VII cc.)]*. A. M. Oblomskiy, I. V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 221–260. (RSM, 17.)

About the author

Islanova Inna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ivisl@mail.ru

С. В. Воронятов, В. В. Кропотов

БРАСЛЕТ СТИЛЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ ИЗ НЕКРОПОЛЯ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО[1]

Резюме. Статья посвящена републикации браслета стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (вторая половина II – IV в. н. э.) из подбойной могилы № 3 Восточного могильника Неаполя Скифского. Данное украшение нетипично для позднескифской культуры Предгорного Крыма и, возможно, сочетает в себе смешение двух ювелирных стилей. Фибулы и краснолаковые сосуды, сопровождавшие находку, позволяют датировать браслет первой половиной III в. н. э. Комплекс с этим уникальным изделием является важным хронологическим репером, уточняющим общую датировку украшений стиля восточноевропейских выемчатых эмалей, характерных по большей части для киевской культуры Среднего Поднепровья и днепровского Левобережья (III – начало V в. н. э.).

Ключевые слова: римское время, Крымский полуостров, Неаполь Скифский, могила, браслет, стиль восточноевропейских выемчатых эмалей.

Изучению феномена украшений стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (вторая половина II – IV в. н. э.), характерных по большей части для киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского левобережья (III – начало V в. н. э.), всегда сопутствовала проблема их случайного обнаружения. С конца XIX в. и вплоть до сегодняшнего дня количество бесконтекстных находок существенно превышает количество предметов, найденных в результате археологических раскопок. В последние десятилетия из-за повсеместного варварского увлечения населения металлопоиском ситуация только усугубилась, что не просто затрудняет датирование отдельных вещей круга выемчатых эмалей, но и препятствует построению их общей абсолютной хронологии.

[1] Работа С. В. Воронятова выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40093. Работа В. В. Кропотова выполнена при поддержке программы «Приоритет–2030» Севастопольского государственного университета, проект № 5.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.198-206

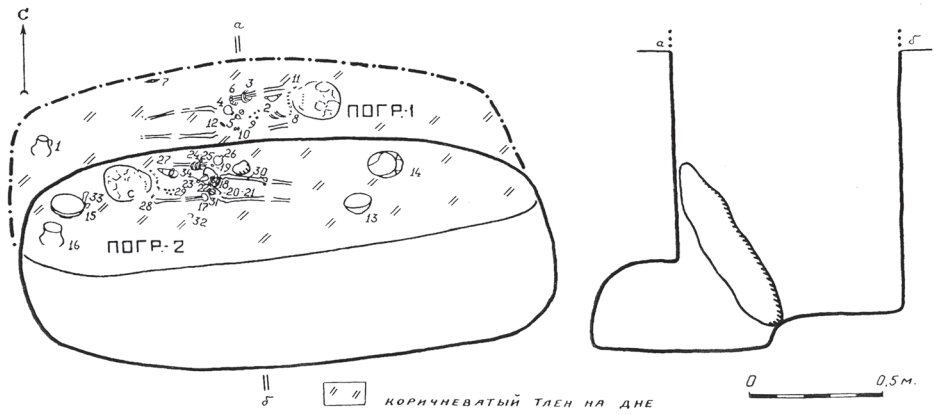


Рис. 1. План и разрез подбойной могилы № 3 Восточного могильника Неаполя Скифского (по: *Шульц*, 1956. Рис. 66)

Существующая схема относительной хронологии (*Гороховский*, 1988. С. 17, 18; *Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 120–124) позволяет лишь встраивать находки в условную временную шкалу, которая, однако, нуждается в надежных датировках, накапливающихся очень медленно, от случая к случаю. В этой связи каждый комплекс, имеющий в своем составе независимые хроноиндикаторы, заслуживает пристального внимания.

К одному из таких комплексов относится подбойная могила № 3, исследованная в 1956 г. на некрополе Неаполя Скифского в Крыму[2] (*Шульц*, 1956. С. 105, 106). Данный памятник был открыт и изучен в 1956–1958 гг. в связи с реконструкцией системы водопровода в г. Симферополе. Его территориальная обособленность и расположение к востоку от городища дали ему условное название «Восточный могильник». Интересующая нас могила находилась в центральной части и имела подбойную конструкцию. Входная яма захоронения удлиненно-овальной формы (рис. 1), ориентированная по линии СВВ – ЮЗЗ, была заполнена камнями. Вход в подбой заложен большими каменными плитами. В могиле находились останки двух ориентированных в разные стороны (на З и В) младенцев (погребения № 1 и 2), помещенных поверх органической подстилки, сохранившейся в виде коричневатого тлена. Захоронения содержали разнообразный инвентарь, большая часть которого связана с костюмом покойных – низки бус, фибулы, браслеты, перстни, колокольчики и проч. (*Сымонович*, 1983. С. 60).

Целью настоящей статьи является повторная публикация одного из браслетов этого комплекса, находившегося на правой руке костяка погребения № 2 (*Шульц*, 1956. Рис. 66: *17*) и резко выделяющегося среди богатого, но не особо разнообразного инвентаря позднескифской культуры Предгорного Крыма. Данный предмет, несомненно, относится к кругу вещей стиля восточноевропейских выемчатых эмалей. Ввиду того, что в книге А. Э. Сымоновича, посвященной

[2] Работами руководил Э. А. Сымонович.

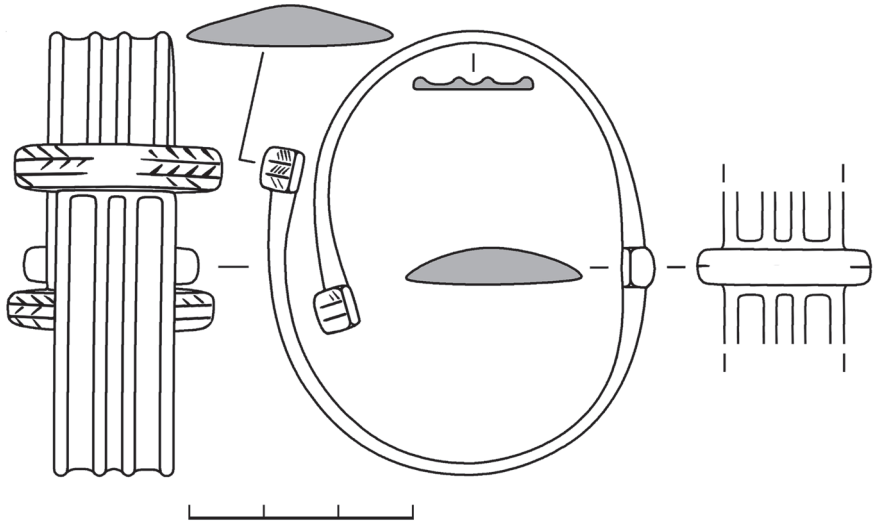


Рис. 2. Браслет стиля восточноевропейских выемчатых эмалей из погребения № 2 (рисунок В. В. Кропотова)

изданию материалов могильника, он был иллюстрирован излишне схематично (*Сымонович*, 1983. Табл. XXXIII: *12*), артефакт до сих пор не привлек к себе внимание исследователей. Так, браслет не упомянут в книге Г. Ф. Корзухиной, посвященной предметам убора с выемчатыми эмалями (*Корзухина*, 1978), и не учтен в сводке украшений этого стиля, собранной недавно А. М. Обломским по материалам, происходящим с территории степей Северного Причерноморья и Крыма (*Обломский*, 2017. С. 55–69).

Браслет хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (г. Москва), инв. № 770[3]. Он представляет собой широкий плоский обод с четырьмя рельефными продольными валиками на внешней стороне и тремя поперечными, треугольными в сечении гребнями на концах и в средней части (рис. 2). Внешнюю сторону двух гребней на концах украшает орнамент в виде «елочки». По идее мастера, обод браслета должен был быть разомкнутым. Но для уменьшения диаметра он был деформирован так, что концы заходят друг за друга. Вероятно, это было сделано намеренно именно для погребенного ребенка.

По признаку наличия характерных поперечных гребней, браслет относится к одной из ярких категорий убора восточноевропейских выемчатых эмалей, первое определение которой дано Г. Ф. Корзухиной: «браслеты широкие, трехгранные в сечении, с гребешками, с эмалью и без эмали» (*Корзухина*, 1978. С. 34, 35. Рис. 26: *3*, *4*; *Хомякова*, 2018. С. 87). Но в то же время он имеет ряд

[3] Выражаем благодарность С. И. Финогеновой – хранителю коллекции некрополя Неаполя Скифского в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (г. Москва) – за предоставленную возможность работать с материалом.

морфологических особенностей, не позволяющих отнести его ни к «классическим» браслетам, ни к браслетам «упрощенной» формы по разработанной недавно типологии О. А. Хомяковой (*Хомякова*, 2018. С. 86–91). Во-первых, его уплощенный в сечении обод отличается от трехгранных в сечении ободов всех известных образцов. Плоский обод позволил в древности довольно легко деформировать браслет с целью уменьшения его диаметра. Во-вторых, количество продольных рельефных валиков (4) превышает максимальное число (3) на известных экземплярах (Там же. С. 86, 91. Рис. 69–71). Эти обстоятельства позволяют считать неапольское украшение нетипичным.

Если бы анализируемый браслет был найден в одном из основных ареалов украшений с выемчатыми эмалями – в Южной Прибалтике, в Среднем Поднепровье, на Днепровском левобережье или в Поочье, то можно было бы задуматься о выделении отдельного редкого типа, представленного пока только одним экземпляром[4]. Но поскольку он найден далеко за пределами основного ареала – на Крымском полуострове, где зафиксировано небольшое количество нехарактерных для этой территории находок стиля восточноевропейских выемчатых эмалей: Чатыр-Даг, Нейзац, Херсонес, Керчь, Скалистое 3 (*Корзухина*, 1978. С. 77; *Щукин*, 1988. С. 136, 137; 2002. С. 7–15; *Воронятов*, 2016. С. 29–32; *Khrapunov*, 2008. P. 189–218; *Храпунов*, 2017. С. 262, 263; *Обломский*, 2017. С. 60–63), можно предположить, что он уникален.

Исключительность браслета может быть обусловлена смешением ювелирных стилей, использованных местным (крымским?) мастером. Стиль восточноевропейских выемчатых эмалей, характерными чертами которого в данном случае являются массивность и три поперечных, треугольных в сечении гребня, мастер мог совместить со стилем одного из типов скифских браслетов (тип 3, по В. Г. Петренко), бытовавших в среде кочевников, в том числе и в Крыму, в период IV–III вв. до н. э.[5] Их отличительной чертой является широкий пластинчатый обод с одним или двумя рельефными валиками на внешней стороне (*Петренко*, 1978. С. 57. Табл. 47: *1, 3–6, 9–12*; *Хомякова*, 2018. С. 91). Для воплощения такого симбиоза мастеру должен был быть знаком облик и скифских браслетов, и браслетов стиля восточноевропейских выемчатых эмалей. Судя по редким находкам украшений с эмалями на территории Крымского полуострова, подобные (но пока не обнаруженные) браслеты могли там оказаться и послужить прототипом неапольского браслета.

Определить, в какое время был изготовлен браслет и когда он оказался в могиле № 3 Восточного могильника Неаполя Скифского, позволяет сопровождающий инвентарь двух детских погребений (рис. 1). В его составе есть бусы, перстни, подвески, браслеты, зеркала с боковым ушком, четырехгранный колокольчик и т. д. Но для датировки в данном случае важны наиболее чувствительные

[4] Пример такой ситуации исследователи наблюдали недавно. За короткий промежуток времени найдено несколько браслетов с шарнирной конструкцией, тип которых не был известен ранее (*Хомякова*, 2018. С. 90. Рис. 42, 76; *Воронятов*, 2013. С. 73, 74. Рис. 1: *3*; 2: *1*).

[5] В связи с этим предположением следует отметить, что среди инвентаря погребения № 2 найден скифский наконечник стрелы с шипом, датирующийся V в. до н. э. (*Сымонович*, 1983. С. 60).

хроноиндикаторы, для которых разработаны качественные типологии и классификации. Речь идет о двух лучковых фибулах и краснолаковых сосудах разнообразных форм (рис. 3; 4).

В погребении № 1 присутствует одночленная лучковая подвязная фибула с фигурной обмоткой «основной» серии (рис. 3: *1*): группа 15, серия I, вариант 5, по типологии А. К. Амброза (*Амброз*, 1966. С. 51); группа 4, серия I, вариант 4, форма 2, по классификации В. В. Кропотова (*Кропотов*, 2010. С. 116. № 174. Рис. 38: *2*). Дата: конец II – III в. н. э. (*Амброз*, 1966. С. 51) или заключительная часть (т. е. последняя четверть или конец) II – первая половина III в. н. э. (*Кропотов*, 2010. С. 80, 333).

В погребении № 2 найдена одночленная лучковая подвязная фибула с накладной «змейкой» «инкерманской» серии (рис. 3: *2*): группа 15, серия II, форма 1, по типологии А. К. Амброза (*Амброз*, 1966. С. 52); группа 4, серия II, вариант 4, форма 2, по классификации В. В. Кропотова (*Кропотов*, 2010. С. 149. № 146. Рис. 43: *3*). Дата: вторая половина II – III в. н. э. (*Амброз*, 1966. С. 52) или заключительная часть (т. е. последняя четверть или конец) II – первая половина III в. н. э., не исключая бытования отдельных экземпляров в более позднее время (*Кропотов*, 2010. С. 132 и сл.).

Также в погребении № 2 были найдены четыре сосуда (*Шульц*, 1956. С. 105; *Сымонович*, 1983. С. 60), имеющие аналогии в материалах могильников юго-западного и центрального Крыма. Так, возле черепа стояли желтоглиняный кувшинчик и краснолаковая тарелка (рис. 1). Кувшинчик (рис. 4: *4*): тип 8, вариант 2, по типологии А. А. Труфанова, датирующийся первой половиной – серединой III в. н. э. (*Труфанов*, 2009. С. 167); тарелка с низким вертикальным бортиком (рис. 4: *3*): форма 4.2 понтийской сигиллаты А, по типологии Д. В. Журавлева, датирующаяся II – первой половиной III в. н. э. (*Журавлев*, 2010. С. 46, 47).

В ногах находились еще два краснолаковых сосуда (*Шульц*, 1956. С. 105; *Сымонович*, 1983. С. 60). Чаша полусферической формы на кольцевом поддоне (рис. 4: *2*): форма 24.1 понтийской сигиллаты А, по типологии Д. В. Журавлева, датирующаяся последней четвертью I – первой четвертью II в. н. э. (*Журавлев*, 2010. С. 57, 58); тарелка с низким вертикальным бортиком (рис. 4: *1*): форма 4.2 понтийской сигиллаты А, по типологии Д. В. Журавлева, датирующаяся II – первой половиной III в. н. э. (Там же. С. 46, 47). Двуручный кувшинчик, найденный в погребении № 1 (рис. 1: *1*), узких датировок не имеет.

Учитывая приведенные определения, можно сделать вывод, что погребения в подбойной могиле № 3, скорее всего, были совершены в первой половине III в. н. э. В этот же период, по-видимому, был изготовлен необычный браслет, совмещающий стиль восточноевропейских выемчатых эмалей и, возможно, скифский стиль ювелирных украшений. Одним из прототипов неапольского браслета должен был быть широкий, трехгранный в сечении браслет с тремя гребнями, торцевые стороны которого украшены продольными канавками. Браслеты с такими морфологическими признаками известны среди браслетов стиля восточноевропейских выемчатых эмалей и относятся к более ранним, датирующимся концом II – началом III в. н. э. (*Хомякова*, 2018. С. 91, 92).

Таким образом, могилу № 3 Восточного могильника Неаполя Скифского можно назвать еще одним надежно датированным комплексом с уникальным

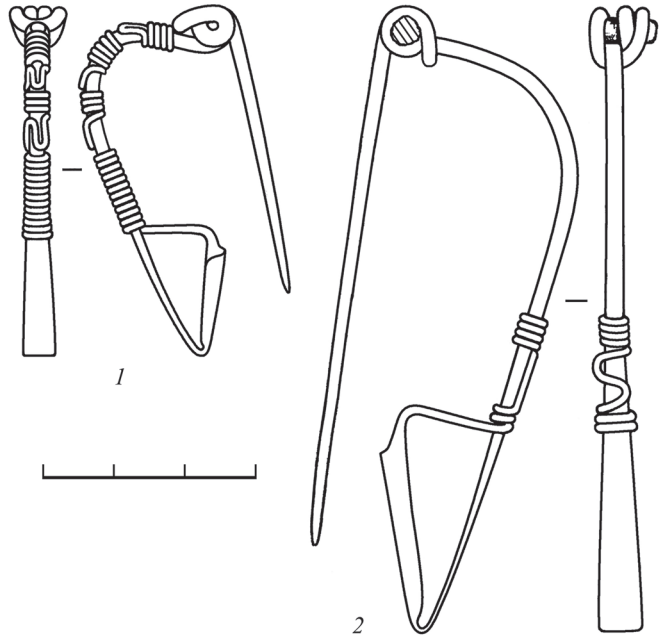


Рис. 3. Лучковые фибулы из погребений № 1 и 2 (рисунок В. В. Кропотова)

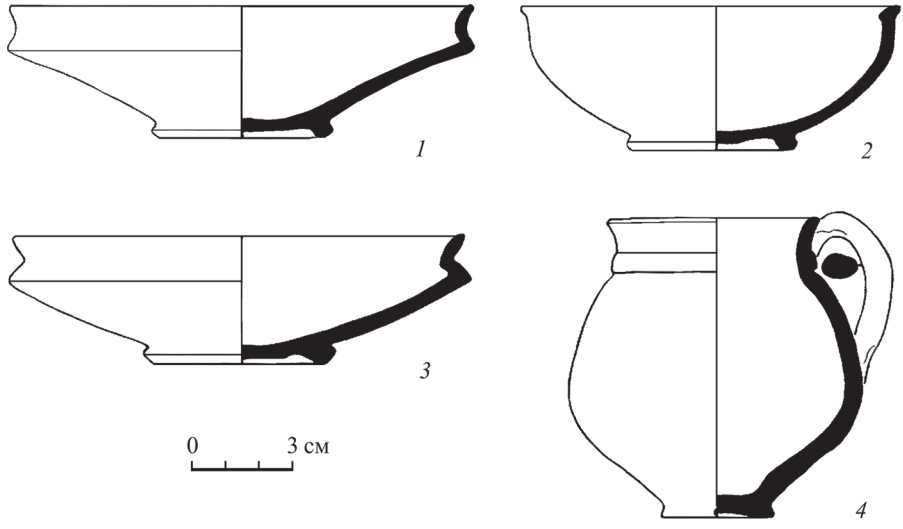


Рис. 4. Сосуды из погребений № 1 и 2 (по: *Шульц*, 1956. Рис. 6)

браслетом стиля варварских выемчатых эмалей. Важно также отметить, что датировка погребений в этой могиле (первая половина III в. н. э.) укрепляет хронологическую схему О. А. Хомяковой, разработанную для браслетов стиля восточноевропейских выемчатых эмалей.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. М.: Наука. 111 с. (САИ; вып. Д1-30.)

Воронятов С. В., 2013. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона: альтернативная атрибуция // Шестая Международная Кубанская конференция. Краснодар: Экоинвест. С. 73–76.

Воронятов С. В., 2016. Забытые предметы круга варварских эмалей из Херсонеса // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ростов-на-Дону: Южный науч. центр РАН. С. 29–32.

Гороховский Е. Л., 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: дис. … канд. ист. наук // Научный архив ИА НАНУ. Ф. 12. Д. 685.

Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: Крымское отд. Ин-та востоковедения Нац. акад. наук Украины. 320 с.

Корзухина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 123 с. (САИ; вып. Е1-43.)

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЭФ-Украина. 386 с.

Обломский А. М., 2017. Украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля в степях Причерноморья и в Крыму // РА. № 1. С. 55–69.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–142. (РСМ; вып. 10.)

Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. М.: Наука. 145 с. (САИ; вып. Д4-5.)

Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова думка. 172 с.

Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // SP. № 4/2005–2009. С. 117–328.

Хомякова О. А., 2018. Браслеты Брянского клада // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 86–94. (РСМ; вып. 18.)

Храпунов И. Н., 2017. Комплекс с перекладчатой фибулой и диким лесным котом из могильника Нейзац // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур / Отв. ред.: В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 262–272. (Раннеславянский мир; вып. 19.)

Шульц П. Н., 1956. Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1956 г. // Научный архив ИА НАНУ. № 2846.

Щукин М. Б., 1988. Ажурные эмалевые фибулы из некрополя Херсонеса и некоторые вопросы балто-черноморских связей // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Севастополь. С. 136–137.

Щукин М. Б., 2002. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен и до наших дней / Сост.: В. Г. Рудницкая, И. Б. Тесленко. Киев: Стилос. С. 7–15.

Khrapunov I. N., 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // The turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period / Ed. B. Niezabitowska-Wisniewska. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. P. 189–218.

Сведения об авторах

Воронятов Сергей Вячеславович, Государственный Эрмитаж, Дворцовая набережная, 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: s.voroniatov@gmail.com;

Кропотов Виктор Валерьевич, научно-образовательный центр «Археологические исследования» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, ул. Университетская, 33, г. Севастополь, 299053, Россия; e-mail: v-kropotov@bk.ru

S. V. Voroniatov, V. V. Kropotov

A BRACELET OF THE EAST EUROPEAN ENAMELED ORNAMENTS STYLE FROM THE SCYTHIAN NEAPOLIS NECROPOLIS

Abstract. This paper is republication of the bracelet made in the East European Enameled Ornaments style (second half of the 2nd–4th century AD) that comes from niche tomb no. 3 in the Vostochny cemetery of Scythian Neapolis. Such jewelry is not typical for the late Scythian culture in the Crimean Piedmont and, possibly, mingles two jewelry styles. Fibulae and red glazed vessels that were found together with this item are used to date the bracelet to the first half of the 3rd century AD. The assemblage with this unique artifact is an important chronological marker that clarifies the overall dating of jewelry made in the East European Ornaments style typical, largely, for the Kiev culture of the Middle Dnieper basin and the Dnieper Left Bank area (3rd – early 5th centuries AD).

Keywords: Roman period, Crimean peninsula, Scythian Neapolis, grave, bracelet, East European Enameled Ornaments style.

REFERENCES

Ambroz A. K., 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR [Fibulae of the South of the European part of the USSR]. Moscow: Nauka. 111 p. (SAI.)

Gorokhovskiy E. L., 1988. Khronologiya yuvelirnykh izdeliy pervoy poloviny I tysyacheletiya n. e. lesostepnogo Podneprov'ya i Yuzhnogo Pobuzh'ya: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Chronology of jewelry of the first half of the 1st millennium AD in forest-steppe Dnieper and Southern Bug region: PhD Thesis]. *Scientific archive of IA NANU.* (In Russian, unpublished.)

Khomyakova O. A., 2018. Braslety Bryanskogo klada [Bracelets of the Bryansk hoard]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of jewelry with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 86–94. (RSM, 18.)

Khrapunov I. N., 2017. Kompleks s perekladchatoy fibuloy i dikim lesnym kotom iz mogil'nika Neyzats [A complex with cross-bar fibula and a wild forest cat from Neyzats cemetery]. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur [Europe from La Tene to Middle Ages: barbaric world and birth of Slavic cultures]*. V. E. Rodinkova, O. S. Rumyantseva, eds. Moscow: IA RAN, pp. 262–272. (RSM, 19.)

Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'e [Headdress items with champlevé enamels of V – first half of VI c. A.D. in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 123 p. (SAI.)

Kropotov V. V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of Sarmatian epoch]. Kiev: ADEF-Ukraina. 386 p.

Oblomskiy A. M., 2017. Ukrasheniya s vyemchatymi emalyami vostochnoevropeyskogo stilya v stepyakh Prichernomor'ya i v Krymu [Ornaments with champlevé enamels of East European style in Pontic steppes and Crimea]. *RA*, 1, pp. 55–69.

Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (dopolnenie svodov G. F. Korzukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Attire details with champlevé enamels in forest-steppe zone of Eastern Europe (supplementum to the corpus by G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kievskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.) [Kiev culture sites in forest–steppe zone of Russia (III – early V c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–142. (RSM, 10.)

Petrenko V. G., 1978. Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n. e. [Scythia ornaments of VII–III cc. BC]. Moscow: Nauka. 145 p. (SAI.)

Shchukin M. B., 1988. Azhurnye emalevye fibuly iz nekropolya Khersonesa i nekotorye voprosy baltochernomorskikh svyazey [Openwork enameled fibulae from necropolis of Chersonese and some issues of Baltic-Pontic relations]. *Problemy issledovaniya antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. 1888–1988 gg. [Problems of study of ancient and medieval Chersonese. 1888–1988]*. Sevastopol, pp. 136–137.

Shchukin M. B., 2002. Ob odnoy interesnoy nakhodke iz mogil'nika na sklone Chatyr-Daga [On an interesting find from the cemetery on the slope of Chatyr-Dag]. *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen i do nashikh dney [Alushta and the Alushta region from ancient times to present day]*. V. G. Rudnitskaya, I. B. Teslenko. Kiev: Stilos, pp. 7–15.

Schulz P. N., 1956. Otchet o raskopkakh Neapolya Skifskogo v 1956 g. [Report on excavations of Scythian Naples in 1956]. *Scientific archive of IA NANU.* (In Russian, unpublished).

Symonovich E. A., 1983. Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam vostochnogo mogil'nika Neapolya Skifskogo) [Population of the capital of Late Scythian Kingdom (based on materials from eastern cemetery of Scythian Naples)]. Kiev: Naukova dumka. 172 p.

Trufanov A. A., 2009. Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. – III v. n. e. [Chronology of cemeteries of the Crimea piedmonts of I c. BC – III c. AD]. *SP*, 4/2005–2009, pp. 117–328.

Voroniatov S. V., 2013. Podveska s vyemchatoy emal'yu iz del'ty Dona: al'ternativnaya atributsiya [Pendant with champlevé enamel from the Don delta: alternative attribution]. *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya konferentsiya [The Sixth International Kuban conference]*. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 73–76.

Voroniatov S. V., 2016. Zabytye predmety kruga varvarskikh emaley iz Khersonesa [Forgotten items of the circle of barbaric enamels from Chersonese]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona [Ancient civilization and barbaric world of Ponto-Caspian region]*. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 29–32.

Zhuravlev D. V., 2010. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n. e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) [Red-lacquer ceramics of Southwestern Crimea, I–III cc. AD (based on materials of Late Scythian necropolises of Belbek valley)]. Simferopol: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya NANU. 320 p.

About the authors

Voroniatov Sergey V., State Hermitage, Dvortsovaya nab., 34, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: s.voroniatov@gmail.com;

Kropotov Viktor V., Scientific and educational center «Archaeological research» of the Institute of social sciences and international relations, Sevastopol State university, ul. Universitetskaya, 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; e-mail: v-kropotov@bk.ru

Н. А. Биркина

ПРЕДМЕТЫ КРУГА ВАРВАРСКИХ ЭМАЛЕЙ ИЗ СОБРАНИЯ В. В. ХВОЙКО В ФОНДАХ ГИМ[1]

Резюме. Статья посвящена комплексному изучению предметов круга восточноевропейских варварских эмалей, проданных В. В. Хвойко в фонды Государственного исторического музея. В публикации актуализированы имеющиеся в распоряжении исследователей сведения об этих украшениях, уточнено описание и внешний вид отдельных вещей. Также в работе рассмотрена технология металлообработки каждого предмета, на основании чего они сгруппированы по уровню работы мастера.

Ключевые слова: восточноевропейские выемчатые эмали, Поднепровье, технология металлообработки.

Введение

Предметы круга восточноевропейских варварских эмалей в последние годы все чаще попадают в сферу внимания исследователей, хотя первые находки подобных вещей были сделаны более ста лет назад. Среди первых публикаций комплекса таких украшений может быть названа работа Булычова Н. И. (*Булычов*, 1899. С. 17–19. Табл. VIII–XIII). Следующий этап изучения приходится на вторую половину XX в. и связан с появлением монографии Корзухиной Г. Ф. (*Корзухина*, 1978), где опубликовано большинство известных на тот момент предметов круга варварских эмалей и разработана типология этих предметов. Кроме того, в ней есть обзор работ предшественников, затрагивавших данную тему. Дополнение этого свода было сделано Обломским А. М. и Терпиловским Р. В. (*Обломский, Терпиловский*, 2007).

В связи с тем, что многие вещи, найденные в XIX и XX вв., не подвергались комплексному исследованию, а уровень их прорисовки не соответствует современному, представляется важным актуализировать имеющиеся в нашем

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40093.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.207-220

распоряжении сведения об этих предметах и подвергнуть их всестороннему изучению. Немаловажным является проведение полного комплекса работ с материалом (фотография, зарисовка, описание, измерение) и дополнение сведений как о технологических приемах, использованных для создания этих предметов, так и об их внешнем виде и стилистических особенностях.

За последние годы значительно возросло количество находок и изменились методы их изучения. Внимание исследователей обратилось в том числе на технологические приемы, использованные при создании таких вещей. Заметим, что анализироваться стали как способы металлообработки, так и специфика нанесения эмалей. Не остается в стороне изучение сырьевой базы и составы металлов. Благодаря такому комплексному подходу появляется возможность всесторонне изучить феномен появления и распространения предметов круга варварских эмалей. Впервые такой подход к исследованию коллекции круга эмалей на современном уровне был применен А. Битнер-Врублевской и Т. Ставярской (*Bitner-Wróblewska, Stawiarska*, 2009). Продолжение он получил в публикации Брянского клада (Брянский клад…, 2018). Наиболее полно вопрос о технологии создания вещей круга варварских эмалей был освещен И. А. Сапрыкиной (*Сапрыкина*, 2018. С. 227–236, *Akhmedov et al*., 2014. P. 130–131). В конце 60-х гг. лабораторией Е. Н. Черныха были произведены отборы проб металла некоторых предметов круга варварских эмалей. В рамках их работы был проведен анализ состава металла предметов из Мощинского клада (*Черных и др*., 1969. С. 112. Рис. 54). На украшениях из собрания В. В. Хвойко тоже зафиксированы следы взятия проб, вероятно, это было сделано тогда же, но не вошло в публикацию.

В ходе естественнонаучного изучения предметов были проанализированы приемы, использованные ювелирами при создании вещей, а также отмечены следы применявшихся инструментов. Эти наблюдения дополнят собираемую базу сведений о технологии изготовления украшений круга эмалей и в дальнейшем, возможно, позволят выделить производственные центры. Исследование предметов производилось с помощью визуального анализа их поверхности и макросъемки следов технических операций и инструментов. Работа выполнялась с помощью стереомикроскопа Stemi 2000C (Zeiss) в фондах отдела Археологических памятников ГИМ.

Исследуемая коллекция

В этой работе рассматривается коллекция вещей из собрания В. В. Хвойко. Все эти предметы были опубликованы в монографии Г. Ф. Корзухиной (*Корзухина*, 1978). Однако в силу того, что исследователь преследовал в своей работе иные цели, украшения не были подробно освещены.

Всего в коллекцию входит одиннадцать предметов: четыре лунницы (три маленькие и одна крупная) (рис. 1: *1, 2, 3, 5*; рис. 3: *1, 2, 3, 5*), два фрагмента подковообразных фибул (рис. 1: *8, 9*; рис. 3: *8, 9*), фрагмент Т-образной перекладчатой фибулы (рис. 1: *7*; рис. 3:*7*), две треугольные фибулы (одна представлена фрагментом) (рис. 1: *11, 10*; рис. 3: *11, 10*), округлая подвеска (рис. 1: *6*; рис. 3: *6*), ромбическое звено цепи (рис. 1: *4*; рис. 3: *4*).

Рис. 1. Предметы из коллекции В. В. Хвойко. ГИМ 44202, оп. Б1257, 1258 (фото: Н. А. Биркина)

Нумерация по описи: *1* – лунница Б1257/1; *2* – лунница Б1257/2; *3* – лунница Б1257/3; *4* – звено цепи Б1257/4; *5* – лунница большая Б1257/5; *6* – привеска округлая Б1257/6; *7* – Т-образная перекладчатая фибула Б1257/7; *8* – тподковообразная фибула Б1257/11; *9* – подковообразная фибула Б1257/12; *10* – треугольная фибула Б1257/14; *11* – фрагмент треугольной фибулы Б1258/1

Все они имеют номер коллекции ГИМ 44202, оп. Б1257, оп. Б1258. В книге поступлений ГИМ указано, что коллекция предметов была куплена у Григория Фролова, запись о поступлении датируется мартом 1907 г., в примечаниях указывается, что предметы принадлежали В. В. Хвойко из Киева. Также упоминается опись, составленная В. А. Городцовым, которая, вероятно, не сохранилась. Местом происхождения находок указана Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин, Трактомирова и Монастырище, одна из фибул (треугольная) найдена в Черниговской губернии. Эти сведения разнятся с данными из монографии Г. Ф. Корзухиной, о чем будет написано ниже, для каждого предмета в отдельности.

Лунница. ГИМ 44202/1, оп. Б1257/1 (рис. 1: *1*; рис. 3: *1*) (*Корзухина*, 1978. С. 65. Табл. 8: *4*). Треугольной формы с ушком для подвешивания. В центральной части гнездо для эмали, повторяющее форму лунницы, внутри остатки красной эмали. На обоих концах расположено по ромбическому выступу с гнездом для эмали, вероятно, что эмали там не было. На каждой из свободных вершин располагается дисковидное окончание с тремя отростками, которые делают форму этих окончаний похожей на ромбы. В дисковидных окончаниях выемки с красной эмалью или ее остатками. Перед ромбическими концевыми щитками лунница орнаментирована двумя параллельными линиями. Размеры: высота с петелькой для подвешивания – 3,2 см; длина максимальная – 4,3 см. Место происхождения: Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин, Трактомирова и Монастырище, не разнится с данными Г. Ф. Корзухиной.

Лунница. ГИМ 44202/2, оп. Б1257/2 (рис. 1: *2*; рис. 3: *2*) (Там же. Табл. 8: *7*). Треугольной формы с ушком для подвешивания. В центральной части два треугольных сквозных отверстия, разделенных вертикальной перемычкой в центре. На обоих концах расположено по ромбическому выступу с гнездом для эмали. На каждой из свободных вершин располагается дисковидное окончание с гнездами для эмали. Во всех выемках не зафиксировано следов эмалевых вставок. Перед левым ромбическим концевым щитком лунница орнаментирована двумя параллельными линиями. Размеры: высота с петелькой для подвешивания – 3,7 см; высота в центральной части – 2,3 см; длина максимальная – 4,8 см. Место происхождения: Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин, Трактомирова и Монастырище, не разнится с данными Г. Ф. Корзухиной.

Лунница. ГИМ 44202/3, оп. Б1257/3 (рис. 1: *3*; рис. 3: *3*) (Там же. Табл. 9: *11*). Треугольной формы с ушком для подвешивания. В центральной части гнездо для эмали, повторяющее форму лунницы, внутри красная эмаль. На обоих концах расположено по выступу в форме полудиска с тремя шариками. На концевых щитках вставки белой эмали. Размеры: высота с петелькой для подвешивания – 2,6 см; высота в центральной части – 2,1 см; длина максимальная – 3,7 см. Место происхождения: Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин, Трактомирова и Монастырище, не разнится с данными Г. Ф. Корзухиной.

На основании классификации Корзухиной Г. Ф. эти три подвески по форме относятся к первому типу – маленькие лунницы (Там же. С. 47). Из описанных выше украшений два (оп. Б1257/1,3) соответствуют средней стадии развития, она характеризуется появлением эмалевой вставки на корпусе, отростками на концах и ажурной орнаментацией (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 119).

Датируется она, вероятнее всего, концом II – III в. н. э. Одна лунница (оп. Б1257/2) относится к финальной стадии, для которой характерно упрощение внешнего вида изделия, наличие прорезного декора без эмалевых вставок. Датируется она, вероятнее, серединой III – второй половиной IV в. н. э.

Звено цепи ромбическое. ГИМ 44202/4, оп. Б1257/4 (рис. 1: *4*; рис. 3: *4*) (*Корзухина*, 1978. С. 65. Табл. 11: *7*). Центральная часть в форме ромба с гнездом для эмали, на двух углах ромба расположены ушки для привешивания, на других углах окончания треугольной формы с выемками для эмали. На окончаниях эмаль красного цвета, в центральной части эмаль красного и голубого цветов. Размеры: высота с петелькой для подвешивания – 3,9 см; длина максимальная – 4,9 см. Место происхождения: Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин, Трактомирова и Монастырище по учетной документации ГИМ. По данным Г. Ф. Корзухиной, близ с. Стайки Обуховского р-на Киевской обл.

По классификации Г. Ф. Корзухиной это звено от цепи 2-го типа, названного вильнюсским, состоящей из литых звеньев и кольчатых цепочек. На основании морфологических и стилистических особенностей она, вероятно, соответствует средней стадии развития и датируется концом II – III в. н. э.

Подвеска лунница большая. ГИМ 44202/5, оп. Б1257/5 (рис. 1: *5*; рис. 3: *5*) (Там же. С. 36, 65. Табл. 8: *1*). Подтрапециевидной формы с дуговидным верхним краем. Сверху петля для привешивания, петля повреждена и разомкнута. Сразу под петлей сквозное прямоугольное отверстие. Справа и слева от него два поля подтреугольной формы, образующие композицию, схожую с трехрогой лунницей, поля заполнены красной эмалью. Ниже расположено три гнезда округлой формы с эмалью красного цвета, два из них являются окончаниями центральных полей с эмалью. От центрального диска отходят три перемычки, соединяющие его с двумя другими дисками и с верхним полем. Перемычки украшены зигзагообразным декором. Ниже под каждым из дисков три литых треугольника, образующих основанием прямую линию. Размеры: высота с петелькой для подвешивания – 5,5 см; длина максимальная – 4,5 см. Место происхождения: Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин, Трактомирова и Монастырище, не разнится с данными Г. Ф. Корзухиной.

Такие лунницы входят в состав цепей борзненского типа, но уверенно говорить, что все подобные подвески соотносились исключительно с этими цепями, пока не представляется возможным. Именно поэтому по классификации Г. Ф. Корзухиной они не включены в группу подвесок-лунниц, а относятся к комплексу цепей 1-го типа. На основании морфологических и стилистических особенностей она, вероятно, соответствует средней стадии развития и датируется концом II – III в. н. э.

Округлая подвеска. ГИМ 44202/6, оп. Б1257/6 (рис. 1: *6*; рис. 3: *6*) (Там же. С. 64. Табл. 10: *4*). В верхней части петля для подвешивания, в центре композиция из ромба с выемкой для эмали. На каждой вершине ромба располагается дисковидное гнездо с красной эмалью. Композиция размещена не симметрично, округлые окончания образуют квадрат, вписанный в окружность внешнего контура подвески, в свою очередь, ромб немного смещен относительно центральной оси. Размеры: высота с петелькой для подвешивания – 4,5 см; диаметр – 3,6 см. Место происхождения: Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин,

Трактомирова и Монастырище. По данным Г. Ф. Корзухиной, близ с. Черняхова Кагарлыкского р-на Киевской обл.

На основании классификации Корзухиной Г. Ф. эта подвеска по форме относится к четвертому типу – подвески круглые и первой подгруппе, к которой относятся и привески из Мощинского клада (*Корзухина*, 1978. С. 47–49). На основании морфологических и стилистических особенностей она, вероятно, соответствует средней стадии развития и датируется концом II – III в. н. э.

Фрагмент треугольной фибулы. ГИМ 44202/14, оп. Б1257/11 (рис. 1: *11*; рис. 3: *11*) (Там же. С. 64. Табл. 6: *2*). На углах верхней части щитка расположены две петли для фиксации пружинного механизма или его имитации. Центральная часть состоит из симметричной композиции геометрических фигур. Верхнее поле состоит из двух параллельных горизонтальных линий, между которыми расположены три косых креста. Следующее поле крупнее, в нем заключено два треугольных гнезда для эмали основаниями вверх, между этими гнездами проходит волнистая перемычка, оканчивающаяся полукругом с полой центральной частью. Ниже повторяется поле с косыми крестами, в силу размеров этой части их только два. Далее следует треугольное гнездо для эмали, основанием вверх. В верхних гнездах видны остатки красной эмали, в нижнем – белой. Размеры: высота с петлями – 8,4 см; ширина в верхней части – 4,9 см. Место происхождения: Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин, Трактомирова и Монастырище. По данным Г. Ф. Корзухиной, близ с. Черняхова Кагарлыкского р-на Киевской обл.

На основании классификации Корзухиной Г. Ф. эта фибула относится к третьему типу – треугольные фибулы; применение более дробной группировки невозможно, т. к. не сохранилась нижняя часть украшения (Там же. С. 24–25). Несмотря на это, на основании морфологических и стилистических особенностей ее следует относить к развитой стадии и датировать концом II – III в. н. э.

Фрагмент Т-образной перекладчатой фибулы. ГИМ 44202/7, оп. Б1257/7 (рис. 1: *7*; рис. 3: *7*) (Там же. С. 65. Табл. 4: *4*). Сохранилась верхняя часть фибулы, ее корпус имеет слегка вогнутые боковые стороны. Сверху расположено три ушка для пружинного аппарата, в боковых ушках по одному сквозному отверстию, в центральном два. Через эти отверстия проходит ось пружины, тетива фиксируется в нижнем отверстии центрального ушка. Под ним находится гнездо для эмали подтрапециевидной формы большим основанием вверх, боковые стороны вогнуты. Гнездо заполнено остатками эмали красного цвета. Параллельно боковым сторонам проходят две углубленные линии. Под боковыми ушками расположено по округлому окончанию со сквозным отверстием в центре. Размеры: высота наибольшая – 4,6 см; ширина в верхней части – 5,3 см. Место происхождения: Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин, Трактомирова и Монастырище. По данным Г. Ф. Корзухиной, близ с. Григоровки Каневского р-на Черкасской обл.

На основании классификации Корзухиной Г. Ф. эта фибула относится ко второму типу – перекладчатые фибулы, более дробная классификация невозможна, т. к. сохранился только фрагмент (Там же. С. 22–24). На основании морфологических и стилистических особенностей она может быть отнесена к средней стадии развития и датирована концом II – III в. н. э. (*Обломский, Терпиловский*,

2007. С. 116, 288. Рис. 136: *14*). По классификации Е. Л. Гороховского (*Гороховский*, 1982а; 1982б) эту фибулу невозможно типологизировать, т. к. по сохранившейся части определение степени ее профилированности затруднительно.

Фрагмент подковообразной фибулы. ГИМ 44202/11, оп. Б1257/11 (рис. 1: *8*; рис. 3: *8*) (*Корзухина*, 1978. С. 65. Табл. 7: *2*). Корпус фибулы представлен тонкой дугой, оканчивающейся диском, декорированным в центральной части углублением в форме ромба с вогнутыми сторонами и точечным орнаментом по краю. Эмаль на фибуле отсутствует. Размеры: длина сохранившейся части фибулы – 4,3 см; диаметр диска окончания – 2,2 см. Место происхождения: Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин, Трактомирова и Монастырище, не разнится с данными Г. Ф. Корзухиной.

На основании классификации Корзухиной Г. Ф. эта фибула относится к пятому типу – подковообразные фибулы, подгруппе 1: фибулы подковообразные с тонким ободком, круглые в сечении, с дисками по концам (Там же. С. 29). На основании классификации Е. Л. Гороховского фибула относится к раннему этапу и датируется второй половиной II в. (*Гороховский*, 1982а; 1982б). С этой классификацией соглашаются и Обломский А. М. с Терпиловским Р. В. и также относят фибулы этого типа к раннему этапу (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 118).

Фрагмент подковообразной фибулы. ГИМ 44202/12, оп. Б1257/12 (рис. 1: *9*; рис. 3: *9*) (*Корзухина*, 1978. С. 65. Табл. 7: *4*). Корпус фибулы представлен тонкой дугой, в центральной части валик сегментовидной в сечении формы, орнаментированной двумя углубленными линиями. Около валика удалось зафиксировать орнамент, который, вероятно, покрывал внешнюю поверхность фибулы в верхней части. Орнамент состоит из трех чеканных окружностей и гравированных линий. Окружности сгруппированы в треугольник, обозначая его углы, а линии соединяют вершину с углами основания. Сохранившаяся часть оканчивается диском, декорированным по краю точечным орнаментом, в центральной части чеканные точечки образуют косой крест. Точечный декор переходит и на дугу фибулы, однако из-за сохранности невозможно установить, где один вариант декора сменял другой. Эмаль на фибуле отсутствует. Размеры: диаметр фибулы – 5,3 см; диаметр диска окончания – 1,8 см. Место происхождения: Киевская губерния, Каневский уезд, села Букрин, Трактомирова и Монастырище, не разнится с данными Г. Ф. Корзухиной.

На основании классификации Корзухиной Г. Ф. эта фибула относится к пятому типу – подковообразные фибулы, подгруппе 1: фибулы подковообразные с тонким ободком, круглые в сечении, с дисками по концам (Там же. С. 29). По классификации Е. Л. Гороховского фибула относится к раннему этапу и датируется второй половиной II в. (*Гороховский*, 1982а; 1982б). Обломский А. М. с Терпиловским Р. В. также относят фибулы этого типа к раннему этапу (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 118).

Треугольная фибула. ГИМ 44202/1, оп. Б1258/1 (рис. 1: *10*; рис. 3: *10*) (*Корзухина*, 1978. С. 71. Табл. 5: *8*). На правом углу верхней части щитка расположена петля для фиксации пружинного аппарата или его имитации, вторая утрачена. Центральная часть состоит из симметричной композиции геометрических фигур. Верхнее поле состоит из двух параллельных горизонтальных линий, между

которыми расположены четыре окружности со сквозным отверстием в центре. К окружностям сверху и снизу вершинами примыкают треугольники. Следующее поле крупнее, в нем заключены два гнезда для эмали, по форме близкие к лунницам, повернутым вертикально, они соприкасаются центральной выпуклой частью. Ниже поле с двумя ромбами со сквозными отверстиями, которые соприкасаются углами, перекрывающимися окружностью. Далее следует треугольное гнездо для эмали, основанием вверх. В нижней части сделаны две горизонтальные перемычки, сильно выдающиеся за границы фибулы. Нижняя часть фибулы выполнена в форме треугольника, на одном из углов основания сохранилось удлинение, завершающееся колечком. В центре нижней части треугольная выемка с эмалью. В верхних гнездах видны остатки красной эмали, в среднем – светло-зеленой или белой, в нижнем – красная эмаль. Размеры: высота с петлями – 12,1 см; высота в центральной части – 10,6 см; ширина в верхней части – 5,6 см; ширина в нижней части – 3,9. Место происхождения: Черниговская губерния, точнее не известно. По данным Г. Ф. Корзухиной, близ с. Старогородки Козелецкого р-на Черниговской обл.

На основании классификации Корзухиной Г. Ф. эта фибула относится к третьему типу, группа 1 – треугольные фибулы с треугольным нижним концом (*Корзухина*, 1978. С. 24–25). Ее следует относить к развитой стадии развития и датировать концом II – III в. н.э.

Как было представлено выше, коллекция украшений из собрания В. В. Хвойко достаточно разрознена, и нам неизвестен контекст находок, все вещи происходят из разных мест. Общие хронологические рамки для рассмотренных украшений довольно широки – с середины II до второй половины IV в. н. э. (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 119)[2]. Уточнить датировки для большинства изделий не представляется возможным.

Естественнонаучные исследования

Все украшения, входящие в коллекцию В. В. Хвойко, были выполнены литьем по утрачиваемым восковым моделям в неразъемную форму. Ни на одном предмете не зафиксированы следы облоя, которые позволяют уверенно говорить об использовании двустворчатых форм. В качестве материала использован сплав на основе меди, РФА-анализ не проводился. На большинстве изделий характерные литейные браки: усадочная пористость и раковины (на всех крупных изделиях и лунницах оп. Б1257/1,2), непроливы (оп. Б1257/14 (рис. 2: *1*), оп. Б1258/1), капли и т. п. Отметим также, что ряд изделий был сломан в древности, например оп. Б1257/7. На этой фибуле в месте слома металл расслоился. Фибула оп. Б1257/11 была сломана намеренно, в месте слома металл деформировался и загнулся (рис. 2: *2*). На всех украшениях зафиксированы следы бытовой полировки, это дает нам право утверждать, что они очень долго были в эксплуатации.

[2] Выше по тексту датировки приводятся по работе: *Обломский, Терпиловский*, 2007, если не указано специально.

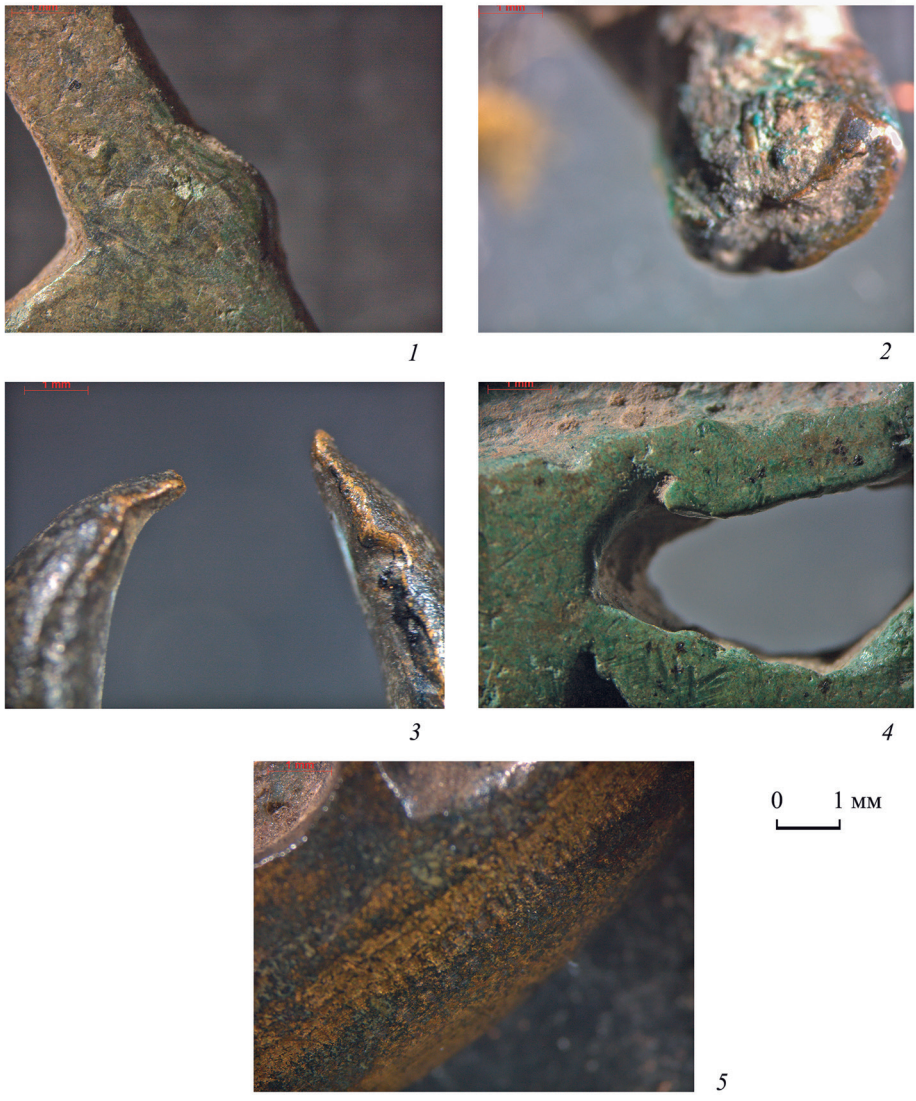


Рис. 2. Макрофотографии технологических приемов и браков

1 – непролив декора на фибуле Б1257/14; *2* – следы древнего слома, подковообразная фибула Б1257/11; *3* – изношенность ушка привески Б1257/6; *4* – неровные края отверстий на фибуле Б1258/1; *5* – следы от напильника на поверхности привески Б1257/6

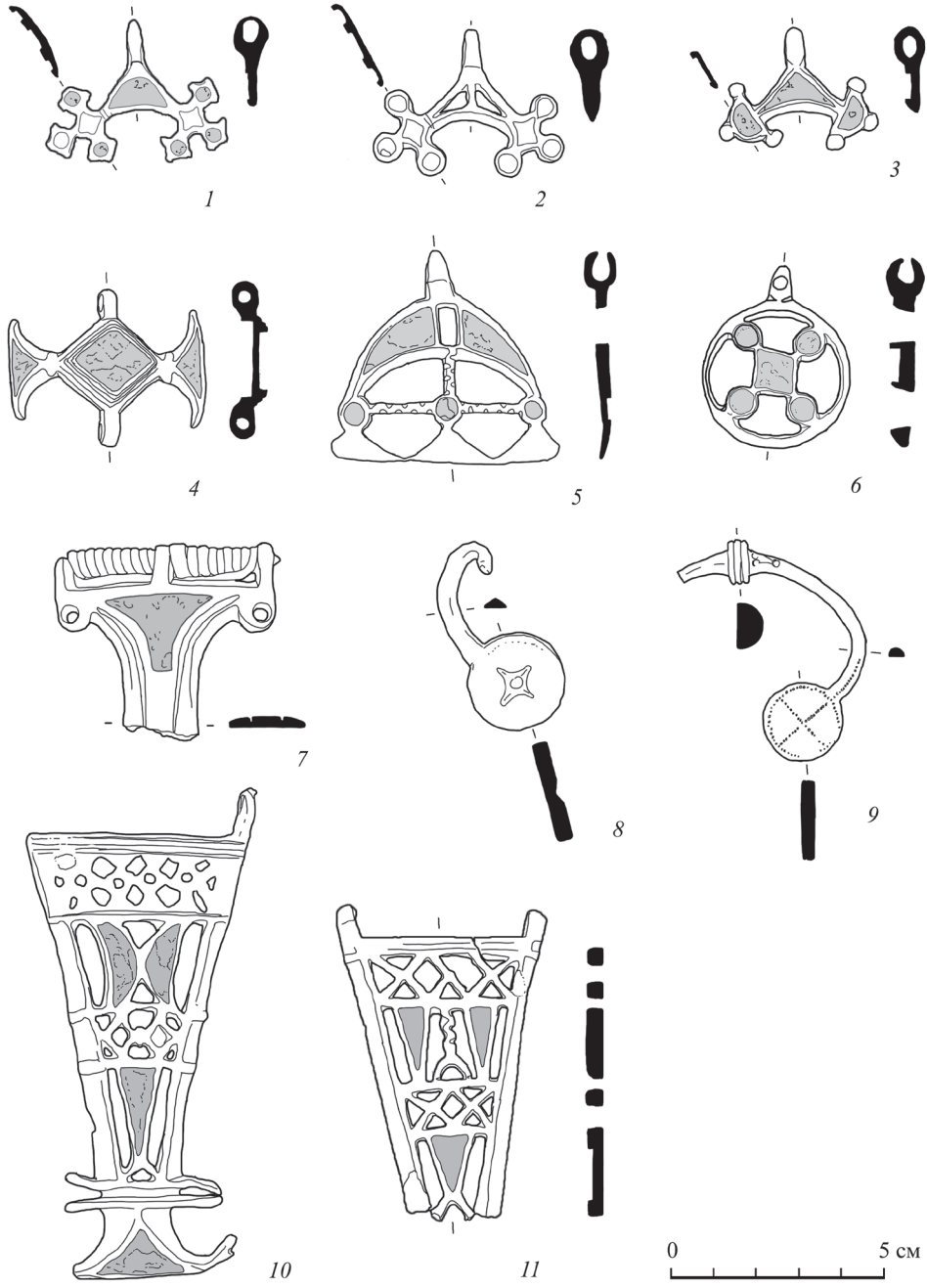


Рис. 3. Предметы из коллекции В. В. Хвойко.
ГИМ 44202, оп. Б1257, 1258 (рисунки: Н. А. Биркина)

Нумерация по описи: *1* – лунница Б1257/1; *2* – лунница Б1257/2; *3* – лунница Б1257/3; *4* – звено цепи Б1257/4; *5* – лунница большая Б1257/5; *6* – привеска округлая Б1257/6; *7* – Т-образная перекладчатая фибула Б1257/7; *8* – подковообразная фибула Б1257/11; *9* – подковообразная фибула Б1257/12; *10* – треугольная фибула Б1257/14; *11* – фрагмент треугольной фибулы Б1258/1

На фибуле оп. Б1257/11 таким образом был сильно сглажен орнамент на дискеокончании. На всех подвесках ушки сильно истерты (рис. 2: *3*).

Следует также отметить, что на большинстве украшений фиксируются следы постлитейной обработки, например доработка формы и поверхностная полировка напильником. О наличии постлитейной обработки нельзя говорить для подковообразной фибулы Б1257/11 и для треугольной фибулы 1258/1. Последняя сильно отличается по качеству изготовления и подходу к обработке готового металлического изделия.

Основываясь на проведенном анализе, были выделены три группы изделий по качеству обработки и наличию брака. Такое разделение позволяет предполагать, что мастера, работавшие над созданием украшений, имели разный навык и уровень знаний о металлообработке. На основании представленных в статье вещах делать выводы о мастерских (в данном случае слово следует понимать как школу, а не как место) неправомерно, но публикация наблюдений и составление базы представляется необходимым этапом.

К первой группе относятся украшения самого низкого уровня, вторая – средний уровень, третья – высокий уровень.

К первой группе относится фибула оп. Б1258/1. Степень проработки восковой модели очень плохая (рис. 2: *4*), многие детали искривлены и плохо проработаны, сквозные отверстия имеют неровные края, гнезда для эмали неглубокие. Такие особенности внешнего вида фибулы могли быть вызваны нарушением технологического процесса: использованием слишком мягкого воска, который не позволял прорезать отверстия с ровными краями, характерными для украшений круга эмалей. Другим объяснением может быть неумелое тиражирование или нарушение температурно-влажностного режима при заливке металла или сушке опоки. На поверхности отсутствуют характерные следы от напильника. Несмотря на низкий уровень изготовления предмета, он был доработан и использован. Наличие эмали в гнездах свидетельствует о том, что изделие не считалось браком и имело законченный вид. Присутствие следов бытовой полировки означает, что предмет использовался по своему назначению и также не считался бракованным его владельцем.

Ко второй группе относится большинство украшений оп. Б 1257/1, 2, 3, 5, 6, 7, 11, 14. Качество проработки значительно выше, есть браки и неровности при создании восковой модели, которые незначительно повлияли на их эксплуатацию в древности. Постлитейная обработка стандартная для украшений круга варварских эмалей (подробнее об этом: *Биркина*, 2020).

К третьей группе отнесены украшения высокого качества проработки оп. Б1257/4, 12. Изделия из этой группы проработаны значительно лучше. Отдельно рассмотрим звено цепи оп. Б1257/4, с обратной стороны которого была сделана ромбическая выемка по размеру гнезда, которая была призвана облегчить вес изделия и сэкономить затраты металла. Данный прием, выполненный на столь высоком уровне, не характерен для изделий круга варварских эмалей, ни на одном из всех обследованных предметов фондов ГИМ он больше не фиксируется. Встречены лишь единичные украшения, например лунницы, которые имеют незначительную выемку с обратной стороны, но она не была выполнена с такой точностью и аккуратностью.

Заключение

Несмотря на то что исследование коллекции В. В. Хвойко осложняется отсутствием комплексов, точного места находок и контекста обнаружения этих предметов, она представляется важным источником для изучения предметов круга варварских эмалей, в том числе технологических особенностей этих изделий. Типологически коллекция тоже неоднородна, в ней представлены разные типы фибул и подвесок, различающихся между собой стилистически.

Хронологические рамки этих предметов широки и охватывают большую часть периода бытования предметов круга варварских эмалей от середины II до второй половины IV в. Датировать украшения возможно только на основании аналогий или стилистико-морфологических особенностей для вещей этого стиля. Более узкое датирование на современном уровне разработки хронологических шкал для украшений круга эмалей не представляется возможным. Известны случаи обнаружения изделий восточноевропейских эмалей в комплексах более позднего времени, например Самоквасовский клад с Дьяково городища или фибула из Кузьминского могильника.

С точки зрения технологии коллекция также не однородна, в ней присутствуют как вещи очень плохого качества изготовления, так и очень высокого, однако большинство относится ко второй группе (среднее качество). На них, как и на большинстве украшений круга эмалей, присутствуют незначительные браки, которые, вероятно, не считались значительным недостатком для тех, кто их носил, т. к. все они имеют следы бытовой полировки. Кроме того, одна из фибул была сломана в древности, что дает возможность предполагать, что она могла входить в состав комплекса вещей, подготовленных для переплавки, либо была ритуально «убита». Однако достоверно подтвердить или опровергнуть эти гипотезы не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

Биркина Н. А., 2020. Некоторые аспекты технологии изготовления вещей из Брянского и Мощинского кладов // КСИА. Вып. 260. С. 247–262.

Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2018. 562 с. (РСМ; вып. 18.)

Булычов Н. И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. 85 с.

Гороховский Е. Л., 1982а. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 115–151.

Гороховский Е. Л., 1982б. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины / Отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка. С. 125–140.

Корзухина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V − первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 123 с. (САИ; вып. Е1-43.)

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Ред.: А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (РСМ; вып. 10.)

Сапрыкина И. А., 2018. Некоторые данные к технике изготовления и химическому составу цветного металла предметов из Брянского клада // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 227–236. (РСМ; вып. 18.)

Черных Е. Н., Хоферте Д. Б., Барцева Т. Б., 1969. Металлургические группы из цветного металла I тысячелетия н. э. из Прибалтики // КСИА. Вып. 119. С. 109–120.

Akhmedov I. R., Rodinkova V. E., Saprykina I. A., 2014. The «belt» from Krasny Bor in the collection of the State Historical Musem, Moscow // Wiadomosci Archeologiczne. LXV. Warszawa. S. 125–133.

Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T., 2009. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią // Bałtowie i ich sąsiedzi: Marian Kaczyński in memoriam / Eds.: A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. S. 303–352.

Сведения об авторе

Биркина Наталья Александровна, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: dulebova_natalya@mail.ru

N. A. Birkina

ITEMS FROM THE BARBARIAN CHAMPLEVÉ CONTEXTS FROM V. V. KHVOIKO COLLECTION IN THE HOLDINGS OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

Abstract. The paper contains information on the comprehensive study of the champlevé enamels from the East European barbarian contexts sold by V. V. Khvoiko to the State Historical Museum. The paper updates available information on these jewelry pieces, clarifies description and appearance of specific items. The paper also explores metalworking technology of each item and groups all items based on artisans' workmanship level.

Keywords: East European champlevé enamels, Dnieper region, metalworking technology.

REFERENCES

Birkina N. A., 2020. Nekotorye aspekty tekhnologii izgotovleniya veshchey iz Bryanskogo i Moshchinskogo kladov [Some aspects of technology used to make items from the Bryansk and Moshchiny hoards]. *KSIA*, 260, pp. 247–262.

Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of ornaments with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, 2018. 562 p. (RSM, 18.)

Bulychov N. I., 1899. Zhurnal raskopok po chasti vodorazdela verkhnikh pritokov Volgi i Dnepra [Diary of excavations in a part of watershed of upper reaches of Volga and Dnieper]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova. 85 p.

Chernykh E. N., Hoferte D. B., Bartseva T. B., 1969. Metallurgicheskiye gruppy iz tsvetnogo metalla I tysyacheletiya n. e. iz Pribaltiki [Metallurgical groups of non-ferrous metal of IAD from Baltic region]. *KSIA*, 119, pp. 109–120.

Gorokhovskiy E. L., 1982a. O gruppe fibul s vyemchatoy emal'yu iz Srednego Podneprov'ya [On the group of fibulae with champlevé enamel from Middle Dnieper region]. *Novye pamyatniki drevney i srednevekovoy khudozhestvennoy kul'tury [New monuments of ancient and medieval art culture]*. V. D. Baran, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 115–151.

Gorokhovskiy E. L., 1982b. Khronologiya ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu Srednego Podneprov'ya [Chronology of ornaments with champlevé enamel from Middle Dnieper region]. *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Ukrainy [Materials on chronology of archaeological sites of Ukraine]*. D. Ya. Telegin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 125–140.

Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyyemchatymi emalyami V − pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'ye [Items of attire with champlevé enamels of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 123 p. (SAI.)

Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyyemchatymi emalyami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (Dopolneniye svodov G. F. Korukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Attire items with champlevé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (Supplement to corpus editions by G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v.) [Kiev culture sites in Russia forest-steppe zone (III – early V c.)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)

Saprykina I. A., 2018. Nekotoryye dannyye k tekhnike izgotovleniya i khimicheskomu sostavu tsvetnogo metalla predmetov iz Bryanskogo klada [Some data on production technique and chemical composition of non-ferrous metal of items from Bryansk hoard]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of ornaments with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 227–236. (RSM, 18.)

About the author

Birkina Natalia A., The State Historical Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: dulebova_natalya@mail.ru

М. М. Казанский, А. В. Мастыкова

АКАЦИРЫ: СЕВЕРНАЯ ОКРАИНА КОЧЕВОЙ СТЕПИ ПОСЛЕ АТТИЛЫ[1]

Резюме. Рассматривается географическая локализация гуннского народа акациры (*Ἀκατίρων, gens Acatzirorum*) в эпоху Великого переселения народов. В эпоху Аттилы, в 440-е гг., этот народ проживал в восточной части степей Северного Причерноморья, скорее всего, в бассейне Нижнего Дона. Впоследствии, около 463 г., в результате войны с сарагурами, оногурами и урогами акациры вытеснены на север, на окраину степи в бассейне Верхнего и Среднего Дона и на Левобережье Днепра. Для позднего гуннского и постгуннского периодов здесь известны единичные захоронения под курганами, типичные для степных кочевников того времени. Видимо, они и являются археологическими следами акацир. В письменных источниках акациры характеризуются как сильный народ (*fortissimo gens*). Скорее всего, это означает, что акациры смогли объединить в свой союз не только кочевников, но и оседлых варваров Верхнего Дона и бассейна Оки.

Ключевые слова: акациры, гунны, гуннский и постгуннский периоды, Великое переселение народов, кочевники.

Данная работа посвящена уточнению географической локализации народа акациры (*Ἀκατίρων, gens Acatzirorum*) в эпоху Великого переселения народов, точнее, в постгуннское время (рис. 1: *А*). Будет также предпринята попытка идентификации археологических памятников на северной окраине восточноевропейской степи, связанных с акацирами (рис. 1: *Б*). В археологической периодизации Барбарикума – это памятники позднегуннского горизонта Смолин (430/440–470/480 гг.) и памятники постгуннского горизонта Шипово (430/440–530/570 гг.) (*Мастыкова*, 2009. С. 19).

[1] Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119 «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.221-241

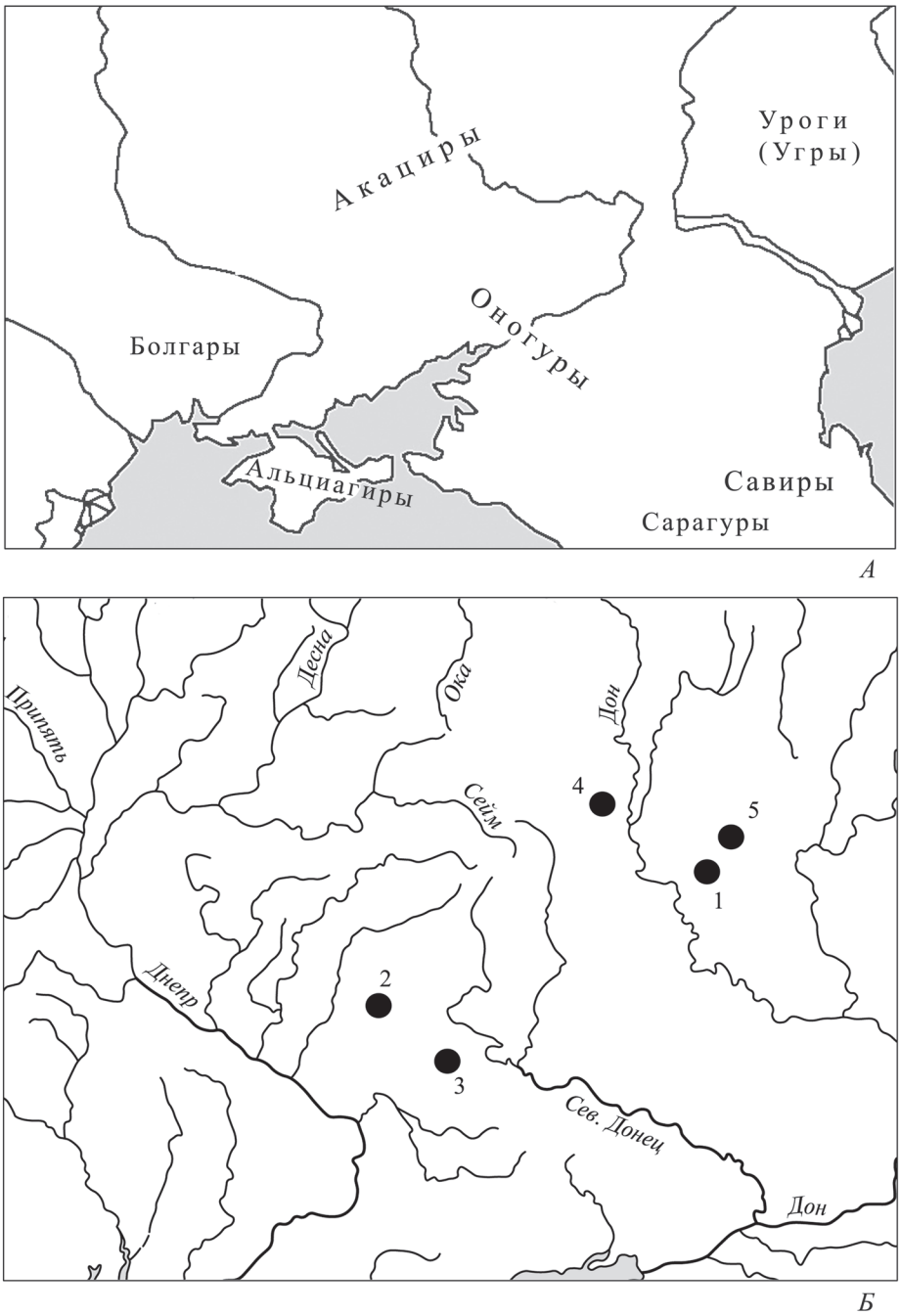


Рис. 1. Степные народы в постгуннское время (А) и карта степных памятников позднегуннского и постгуннского времени (Б)

1 – Новая Чигла; *2* – Лихачевка; *3* – Константиноград; *4* – Подклетное; *5* – Студенец. Ввиду масштаба карты локализация памятников приблизительна

Об акацирах наиболее полную информацию дает Приск, автор V в. (Приск Панийский, Готская история), они также упоминаются в этногеографическом описании Скифии у Иордана, возможно, заимствованном у Кассиодора (о дате этого текста см. ниже) (Иордан, 37), и, наконец, в Космографии Равеннского Анонима, написанной около 700 г. под большим влиянием трудов Иордана (Космография Равеннского Анонима, IV, 1; цит. по: *Подосинов*, 2002. С. 191). Здесь акациры (*Chazaros super scriptus Iordanis Agaziros vocat*) уравнены с хазарами и указано, что через их страну течет р. Куфис, т. е. Кубань (Космография Равеннского Анонима, IV, 1; цит. по: Там же). Видимо, последнее обстоятельство заимствовано из какого-то позднего источника (Там же. С. 248), касающегося непосредственно хазар.

На основании этих сведений древних авторов сегодня и реконструируется в общих чертах история акацир. По Приску, в эпоху Аттилы они жили где-то в «припонтийской Скифии», т. е. в Северном Причерноморье, на восток не далее бассейна Дона (по представлениям античных географов, за Доном начиналась Сарматия) (Приск, фр. 8; цит. по: *Латышев*, 1890. С. 829). Приск акациров иногда называет гуннами, но чаще он именует их «скифами», как, впрочем, и остальных гуннов.

Акациры, несомненно, представляли большой союз (*Артамонов*, 1962. С. 55; *Томпсон*, 2008. С. 120), ими правят много вождей «по коленам и родам», с жесткой иерархией кланов (так называемое сложное вождество). Поэтому, когда они получают дипломатические подарки от римлян, розданные не «по чину», обиженный предводитель Куридах[2], старший во власти, которого ромеи, видимо, по незнанию, обошли, тут же доносит об этом Аттиле. Владетель гуннов обрушивает на акацир военные репрессии и для их проведения направляет туда военачальника Онигисия (см. рассказ грека, встреченного Приском в ставке Аттилы: Приск, фр. 8; цит. по: *Латышев*, 1890. С. 829). Таким образом, около 448 г. акациры попадают в подчинение, вместе с другими варварами, старшему сыну Аттилы, как считается, Эллаку (Приск, фр. 8; цит. по: *Латышев*, 1890. С. 823; *Altheim*, 1952. P. 141; *Артамонов*, 1962. С. 55; *Томпсон*, 2008. С. 120). Этот Эллак погибает в битве при Недао в 454/455 г. (Иордан, 262, 263).

Два обстоятельства позволяют предположить, что в эпоху Аттилы акациры проживали именно в восточной части припонтийской Скифии. Во-первых, они никак не упоминаются в рассказе Приска о походе «царских» скифов Васиха и Курсиха (ранее 433 г.) на Иран, которые, при любом из возможных маршрутов их экспедиции, пересекли западную часть припонтийских степей (подробнее: *Казанский, Мастыкова*, 2009а. С. 123, 124). Во-вторых, перед 463 г. акациры подверглись нападению союза сарагур, оногур и урогов (см. ниже) которые, по совокупности сведений о них в источниках, действуют в восточной половине европейского степного пояса, от Кавказа до Приазовья и не приближаются к степям Северо-Западного Причерноморья. Кстати, в северо-восточной части причерноморских степей, в бассейне Нижнего Дона хорошо представлены

[2] На основании тюркских языков его имя иногда читают как «предводитель пешего войска», см.: *Altheim*, 1952. P. 152. О. Менхен-Хельфен полагает, что это тюркское имя – от *qurtaq, qurt* – «волк» (*Менхен-Хельфен*, 2014. С. 422).

древности кочевников гуннского времени. Это такие находки, как Павловка (Сулин) (*Кропоткин*, 1970. Рис. 55: *2, 3*; *Bóna*, 2002. Fig. 144: *1–3*) (рис. 2: *10–13*), Верхне-Яблочный (*Засецкая*, 1994. Табл. 25: *3*) (рис. 2: *8, 9*), Ивановская (Там же. Рис. 21: *1*) (рис. 2: *14*), Елизаветовское (*Иванов*, 2001) (рис. 2: *1–7*), Цимлянское (*Круглов*, 2021).

В 463 г. посольство от сарагур, оногур и урогов (угров?) появляется в Константинополе. Перед этим, т. е. в конце 450-х – начале 460-х гг., они побили акацир (Приск, фр. 30; цит. по: *Латышев*, 1890. С. 841, 842; см.: *Артамонов*, 1962. С. 76)[3] и, вероятно, заняли их земли. Поскольку руководили коалицией сарагуры, они и названы в качестве победителей акацир, хотя в дальнейшем сарагуры действуют только на Кавказе. Есть все основания полагать, что территорию акацир в степях припонтийской Скифии заняли не сарагуры, а оногуры (подробнее: *Казанский*, 2016).

Акациры же оказались оттесненными куда-то на север, о чем свидетельствует Иордан (или его предшественник Кассиодор) в своем описании Скифии, где акациры оказываются соседями прибалтийских эстиев, проживающих к востоку от устья Вислы (Иордан, 36). Акациры, по Иордану, – «сильнейший народ» (*fortissimo gens*), т. е. должны бы занимать значительную территорию (Иордан, 37). Их зона, по мнению большинства современных исследователей, должна была находиться на некотором удалении от Черного моря, скорее всего, к востоку от Днепра (рис. 1: *А*) (*Фурасьев*, 2013. С. 188. Рис. 2; *Обломский*, 2014. Рис. 3; *Казанский*, 2020. Рис. 25: *2*).

«Ниже» акацир, судя по контексту, к юго-западу от них, явно недалеко от римских границ, над Понтийским морем проживают болгары (Иордан, 37). Впрочем, иногда утверждается, что акациры жили западнее болгар в Поднепровье (*Артамонов*, 1962. С. 56, 84) или же в Северо-Западном Причерноморье, даже указывается нижнее течение Южного Буга и Днестра (*Менхен-Хельфен*, 2014. С. 416, 417)[4]. Но тогда непонятно, почему болгар, а не *fortissimo gens* акацир «весьма прославили несчастья [совершившиеся] по грехам нашим» (Иордан, 37). Действительно, болгары в постгуннское время часто нападают на Империю (см. ниже), что указывает на их близость границам, а акациры – никогда. Акациры вообще особой роли в событиях в Северном Причерноморье в постгуннское время не играют, несмотря на то, что это «сильный» народ, видимо, по причине их удаленности. Поэтому можно предположить, что они были отброшены на северную окраину степи в бассейн Дона или в междуречье Дона и Днепра (*Ромашов*, 2001. С. 263).

[3] Младший сын Аттилы Эрнак (Ирнах) не участвовал в военных операциях и политических демаршах сыновей Аттилы на Нижнем Дунае, поскольку был занят местными войнами (Приск, фр. 36; цит. по: *Латышев*, 1890. С. 843). По М. И. Артамонову, он как раз отражал нашествия сарагур и их союзников (*Артамонов*, 1962. С. 62). Но, по Иордану, сын Аттилы Эрнак (Ирнах) со своей ордой занимает «удаленную часть Малой Скифии», т. е. остается на западной окраине гуннской степи (Иордан, 263) и никакого отношения к акацирам не имеет. Кто же правил у акацир после смерти Эллака, неизвестно.

[4] Впрочем, О. Менхен-Хельфен главным в своем определении местоположения акацир считал не точную географическую привязку, а их степную локализацию (*Менхен-Хельфен*, 2014. С. 417).

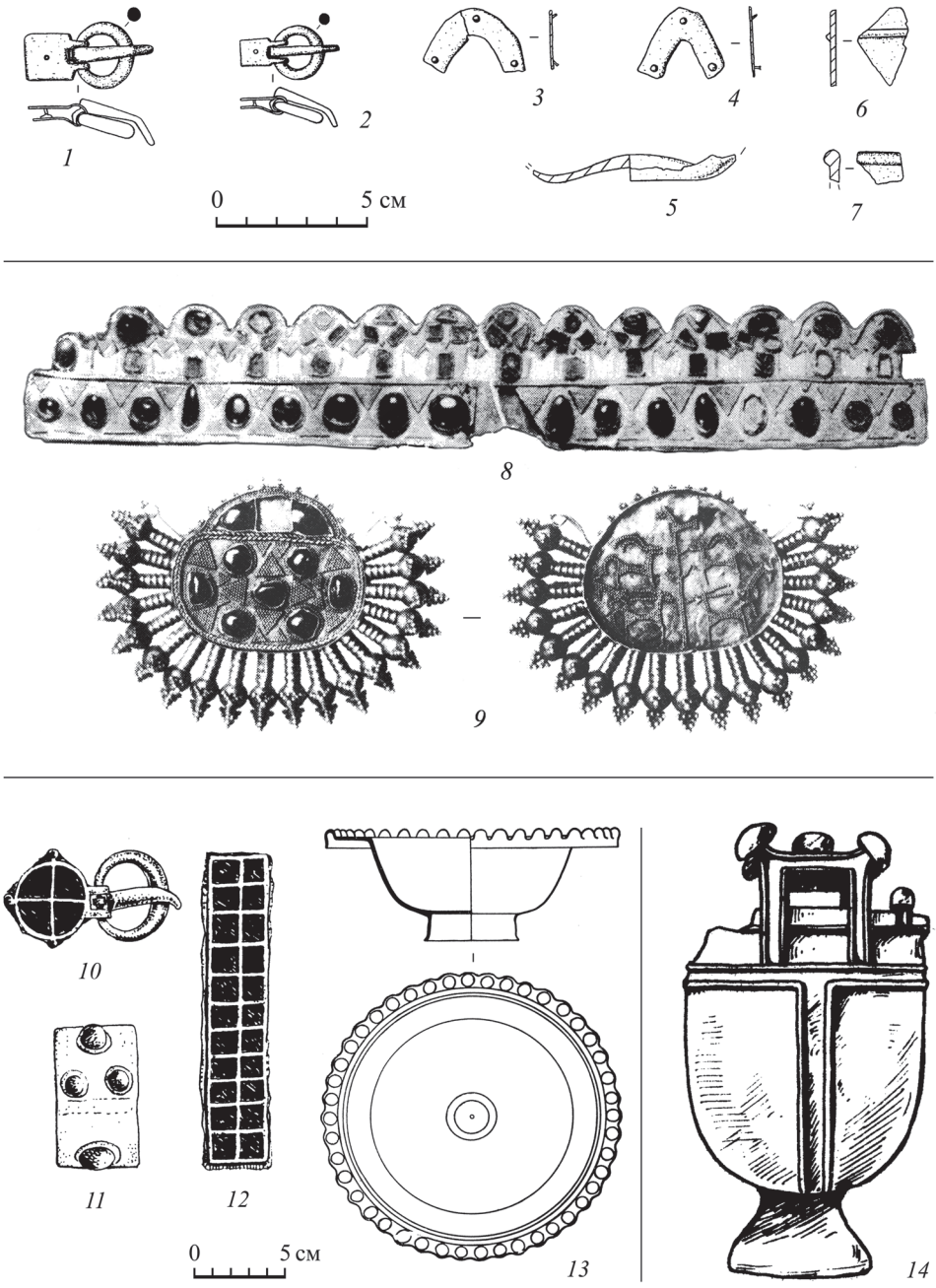


Рис. 2. Находки гуннского времени на Нижнем Дону

1–7 – Елизаветовское; *8, 9* – Верхне-Яблочный; *10–13* – Павловка-Сулин; *14* – Ивановская (*1–7* – по: *Иванов*, 2001. Рис. 1; *8, 9* – по: *Засецкая*, 1994. Табл. 25: *3*; *10–12* – по: *Bóna*, 2002. Fig. 144: *1–3*; *13* – по: *Кропоткин*, 1970. Рис. 55: *2, 3*; *14* – по: *Засецкая*, 1994. Рис. 21: *1*)

По нашему мнению, Иордан дает этногеографическое описание Скифии между 490-ми и 520-ми гг., скорее всего, заимствованное у Кассиодора или какого-нибудь другого автора[5]. Действительно, он упоминает болгар, впервые появившихся на северном рубеже Империи в 480 г. (*Артамонов*, 1962. С. 80). Это дата и должна определять *terminus post quem* этногеографии Иордана. Болгары совершают ряд опустошительных набегов на Дунай в 491, 499, 502, 530 и 537 гг. (Там же. С. 80, 81), что и отразил Иордан в упоминании о «грехах наших», но он не знает кутригур и утигур, доминировавших в понтийских степях в 550-е гг. Поскольку Иордан прямо говорит о враждебных действиях болгар, дата составления данного текста может быть отодвинута ко времени после 491 г. *Terminus ante quem* определяется сообщением об антах за Днестром. До 527 г. единственный серьезный поход за Дунай анты совершили при Юстине, т. е. в 518–527 гг., но были разбиты (*Прокопий Кесарийский*, Война с готами, III.40.6). Их ежегодные нападения начинаются с царствия Юстиниана в 527 г. (*Прокопий Кесарийский*, Тайная история 18.20), что возможно лишь при проживании недалеко от границы (подробнее: *Казанский*, 2014. С. 77). Видимо, до 527 г. антов на дунайской границе не было, что и показано в описании Иордана.

Странное соседство акацир с приморскими эстиями в свое время послужило основанием локализовать акацир и на севере Правобережной Украины, под Коростенем, и даже в Южной Прибалтике (*Томпсон*, 2008. С. 119). Также допускается, что предшественник Иордана Кассиодор получил эту информацию от посольства эстиев, прибывшего в Равенну к Теодориху Великому (*Фурасьев*, 2013. С. 191). Но, вероятнее всего, такая локализация акацир и эстиев у Иордана объясняется незнанием древними авторами территории между Южной Балтикой и Днепровско-Донскими степями. Действительно, с точки зрения позднеантичных географов, Восточная Европа представляла собой довольно узкую полосу суши между северным Океаном (Балтикой) и Меотидой (*Джаксон и др*., 2007. С. 23). На такой карте приазовские степняки неизбежно оказывались соседями прибалтийских народов (наглядно: *Фурасьев*, 2013. Рис. 1; *Обломский*, 2014. Рис. 2). Локализовать же акацир где-нибудь в лесной зоне, к югу и востоку от эстиев, не позволяет и прямое указание Иордана о том, что народ акацир «не ведает злаков» (Иордан, 37). Мы к этому вопросу еще вернемся, здесь же важно уточнить, что все без исключения соседи эстиев вполне «ведали злаки», как это однозначно демонстрирует археологический материал. В целом же в лесной полосе Восточной Европы того времени с земледелием не были знакомы разве что финские обитатели северной кромки этой зоны, где-нибудь на территории современных Архангельской области, Карелии и Северной Финляндии, но вряд ли их имел в виду Иордан при описании акацир. В полной мере это относится и к оседлому населению Верхней Оки, где А. Г. Фурасьев размещает акацир постгуннского времени (*Фурасьев*, 2013. С. 193. Рис. 2). Впрочем, исследователь занимает довольно осторожную позицию и обоснованно предполагает, что в военно-политическую орбиту акацир могли попасть разные народы, в том числе и оседлые варвары Верхнеокско-Донского региона (Там же. С. 193, 194).

[5] Об этнополитической ситуации в черноморских степях в V в. см.: *Засецкая и др*., 2007. С. 102–105; *Казанский*, 2020. С. 115–118.

Акациры, несомненно, кочевой народ (*Томпсон*, 2008. С. 119), об этом свидетельствует как само их проживание в степях припонтийской Скифии, где значительного оседлого населения с V в. не было[6], так и прямое указание Иордана, что они не «ведают злаков», но питаются «от скота и охоты» (Иордан, 37). Такое описание степняков является своего рода топосом, достаточно его сравнить с характеристикой кочевых народов у Захарии Ритора под 555 г., которые «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» (Захария Ритор, Хроника, кн. 12, гл. 7; цит. по: *Пигулевская*, 2011. С. 595). Поэтому акацир обоснованно считают кочевниками, и, на наш взгляд, их поиски за пределами кочевого мира не оправданы. Нельзя согласиться и с выводами А. Г. Фурасьева, что скифами древние авторы называли в основном оседлые народы Барбарикума (*Фурасьев*, 2013. С. 187). Приск именно так многократно называет гуннов, как, впрочем, и остальных варваров, при этом выделяет «царских» скифов, это, видимо, «орда» или «улус» самого Аттилы. В более поздних текстах эта апелляция переходит на авар. Таким образом, «скифы» у Приска и других позднеантичных авторов – это общее название задунайских/причерноморских дикарей и мало что дает для понимания этногеографии Барбарикума гуннского времени.

Название акацир уже давно сопоставлено с тюркским народом «агачери», т. е. «лесные люди» (*Артамонов*, 1962. С. 56; *Томпсон*, 2008. С. 119; *Менхен-Хельфен*, 2014. С. 411, 412, 418; в этих же трудах подробная библиография), на этом часто обосновывается их языковая принадлежность и реконструкция образа жизни. Впрочем, эта гипотеза также довольно давно оспорена (*Артамонов*, 1962. С. 56, примечание Л. Н. Гумилева; *Менхен-Хельфен*, 2014. С. 417, 418). Кстати, а почему это имя должно читаться именно из тюркского, а не других алтайских (монгольский и пр.) или угорских языков? Напомним, что среди степных врагов акацир фигурируют и некие уроги, имя которых нередко воспринимается как «угры». Невольно вспоминается: «Ученые, занимающиеся тюрками, склонны находить их везде. А германисты находят германцев в самых невероятных местах» (*Менхен-Хельфен*, 2014. С. 370)[7]. И кроме того, а насколько этноним, зафиксированный в какое-то конкретное время, отражает реалии именно этого времени? А может быть, он восходит к гораздо более отдаленным эпохам?[8]

[6] Для более раннего времени в понтийских степях известны герулы/элуры Алариха, занимавшие топкие места близ Меотийского болота, что хорошо соответствует устью Дона (Иордан, 117, 118). Это подтверждается и археологическими данными, где в районе Танаиса и дельты Дона зафиксировано оседлое население с германским культурным компонентом (*Shchukin et al.*, 2006. P. 59, 72, 73).

[7] «Тезис о том, что гунны говорили на тюркском языке, имеет долгую историю. Ее ранняя стадия лишена интереса. А последняя все еще продолжается. Полагая как само собой разумеющуюся идентичность гуннов и хунну, некоторые исследователи не сомневаются и не нуждаются в доказательствах того, что гунны говорили на том же языке, что и «восточные» гунны, который они считают тюркским. Следуя такой же логике, норманны, покорившие Англию, должны были говорить на древнескандинавском языке» (*Менхен-Хельфен*, 2014. С. 387).

[8] Пример: этноним «русь», «русские», по мнению ряда лингвистов, восходит к финскому – *Ruotsi*, т. е. «гребцы». Возможно, эта апелляция и отражает некие реалии

Обратимся, однако, к археологическим данным. Для гуннского времени в степных древностях Восточной и Центральной Европы выделяются две большие культурные зоны – западная и восточная, последнюю мы предложили условно назвать акацирской. Граница между ними проходит по Днепру. В целом восточная зона охватывает причерноморские степи к востоку от Днепра, Дон, Северное Предкавказье, Крым, степное Поволжье, Урал (*Казанский, Мастыкова*, 2009а. С. 118–121). Понятно, что нелепо было бы отнести все древности этой огромной зоны к акацирам, наверняка она была заселена самыми различными кочевыми народами, в том числе и акацирами, которых логичнее всего в эпоху Аттилы локализовать в понтийских степях к востоку от Днепра и на Дону (см. выше).

Среди отличительных черт восточной зоны следует назвать (*Казанский, Мастыкова*, 2009а, там же библиография):

– надежно документированные погребения по обряду кремации, где присутствуют обожженные человеческие кости (например, Солончанка, Ровное, Новогригорьевка, Новофилипповка);

– большие кострища на древней дневной поверхности или под курганной насыпью, содержащие фрагменты поврежденных огнем вещей, кости животных, в частности лошади и овцы/козы, частично обожженные, а также фрагменты керамики (степное Поволжье, Урал). Сложно сказать, всегда ли здесь идет речь о реальных погребениях, часть этих кострищ может представлять собой остатки поминальной тризны;

– трупоположения под курганами (Изобильное, Совхоз Калинина, Богачевка, Воздвиженская, Ленинск, Переполовенка, Энгельс-Покровск, Бережновка, Верхне-Погромное, Мертвые Соли и т. д.). К западу от Днепра гуннских курганов пока нет (если не считать таковыми аланские погребения гуннского времени в Бессарабии, на могильнике Кубей);

– захоронения в гротах (Каменная Могила, Кызыл-Адыр) и в каменных склепах античного времени (Крым), возможно, имевших у степняков ту же символическую нагрузку (Беляус, Марфовка, Усть-Альма);

– погребения в деревянных гробах (Ленинск, Энгельс-Покровск, Усть-Альма);

– каменные конструкции в погребениях – вымостки (Новогригорьевка), насыпи (Солончанка);

– трупоположения головой на восток (Мертвые Соли, Зеленокумск, Изобильное, Богачевка, Усть-Альма, Совхоз Калинина) или запад/юго-запад (Марфовка, Павловка-Сулин); последняя ориентация также имеет параллели в центральноазиатском материале, в частности в Киргизии;

– погребения, содержавшие кости овцы/козы или быка (Переполовенка, Ленинск, Верхне-Погромное, Мелитополь);

– мечи с рукоятями, так называемые персидского/иранского типа (Совхоз Калинина);

VIII–IX вв., если правы лингвисты, которые отстаивают эту модель, но она явно не соответствует Руси последующих столетий.

– предметы женского убора, украшенные зернью (стиль Засецкая 1), очень редкие к западу от Днепра, в том числе колты и диадемы (например, Марфовка, Верхне-Яблочный, Старая Игрень, Мелитополь, Солончанка) (рис. 2: *8, 9*). Последние в ряде случаев сопровождаются височными подвесками и пекторальными украшениями (Марфовка, Верхне-Яблочный, Ленинск, возможно, Зеленокумск);

– полихромные украшения, интерпретированные как окончания гривен или иных пекторальных украшений (Марфовка, Ленинск, Зеленокумск). Такие украшения крайне редко встречаются в «западной» зоне.

К 463 г. степи Нижнего Дона занимают оногуры, с которыми, на наш взгляд, связаны такие показательные памятники, как Морской Чулек, Ливенцовский, Ясырев (*Засецкая и др*., 2007; *Казанский*, 2016; 2020). Нас же интересуют находки на северной окраине степи, от бассейна Дона до Днепра, куда, по нашим представлениям, к 463 г. были вытеснены акациры. Это древности смолинского/позднегуннского горизонта D2/D3 (430/440–460/480 гг.) и шиповского/постгуннского горизонта (430/470–530/570 гг.). На северной окраине днепровско-левобережных и донских степей памятники этого времени единичны. Впрочем, их и в целом для степей гуннского и постгуннского времени немного[9].

Новая Чигла (рис. 1: *Б1*). Это, пожалуй, наиболее достоверная находка конца гуннского и постгуннского времени в интересующей нас зоне. Она происходит из курганного могильника в Таловском района Воронежской области. В кургане 20 было обнаружено впускное погребение, совершенное в длинной и относительно узкой яме, 0,6 × 1,8 м, углубленной в материк на 0,9 м, с подбоями-нишами полукруглой формы со стороны коротких стенок. На материковом полу ямы находился скелет, вероятно, мужчины[10] 35–44 лет, положенный на спину, головой на ССВ. Руки вытянуты вдоль тулова, а череп с выраженными признаками искусственной деформации был повернут лицевой частью на СЗ (рис. 3: *1*). В заполнении ямы найдена серебряная подвеска-медальон округлой формы (рис. 3: *2*). В районе шейных позвонков находились украшения, по-видимому, входившие в состав ожерелья, – серебряная плоская лунница, листовидная плоская серебряная подвеска и три бусины: одна биконическая шестигранная из синего стекла и две бипирамидальные янтарные (рис. 3: *3–7*). Две бронзовые литые серьги с полиэдрическими окончаниями обнаружены у левой тазовой кости (рис. 3: *8, 9*). Серьги были надеты одна на другую и, по всей вероятности, являлись «даром» умершему. В районе пояса находилась железная пряжка с рамкой овальной формы, без щитка (рис. 3: *10*). У головы был помещен лепной сосуд вытянутой формы (рис. 3: *11*). Обряд погребения и отмеченная

[9] Мы здесь не рассматриваем находку в Бабичах, на Правобережной Украине (*Гавритухин*, 2004. С. 209, 210; *Казанский*, 2018а. С. 394), так как она скорее тяготеет к зоне расселения болгар над Понтом (см. выше), и вдобавок на территории, занятой не кочевниками, а оседлым населением пеньковской культуры (*Казанский*, 2018б. С. 92, 93). Также по причине близости к зоне расселения болгар мы не рассматриваем захоронения в степной части Днепровского Левобережья, такие как Новогригорьевка, погребение VII.

[10] Половозрастное определение выполнено Марией Всеволодовной Добровольской (ИА РАН). Ею отмечены признаки в строении скелета, типичные как для мужчин, так и для женщин. Предварительная оценка: скелет принадлежит мужчине.

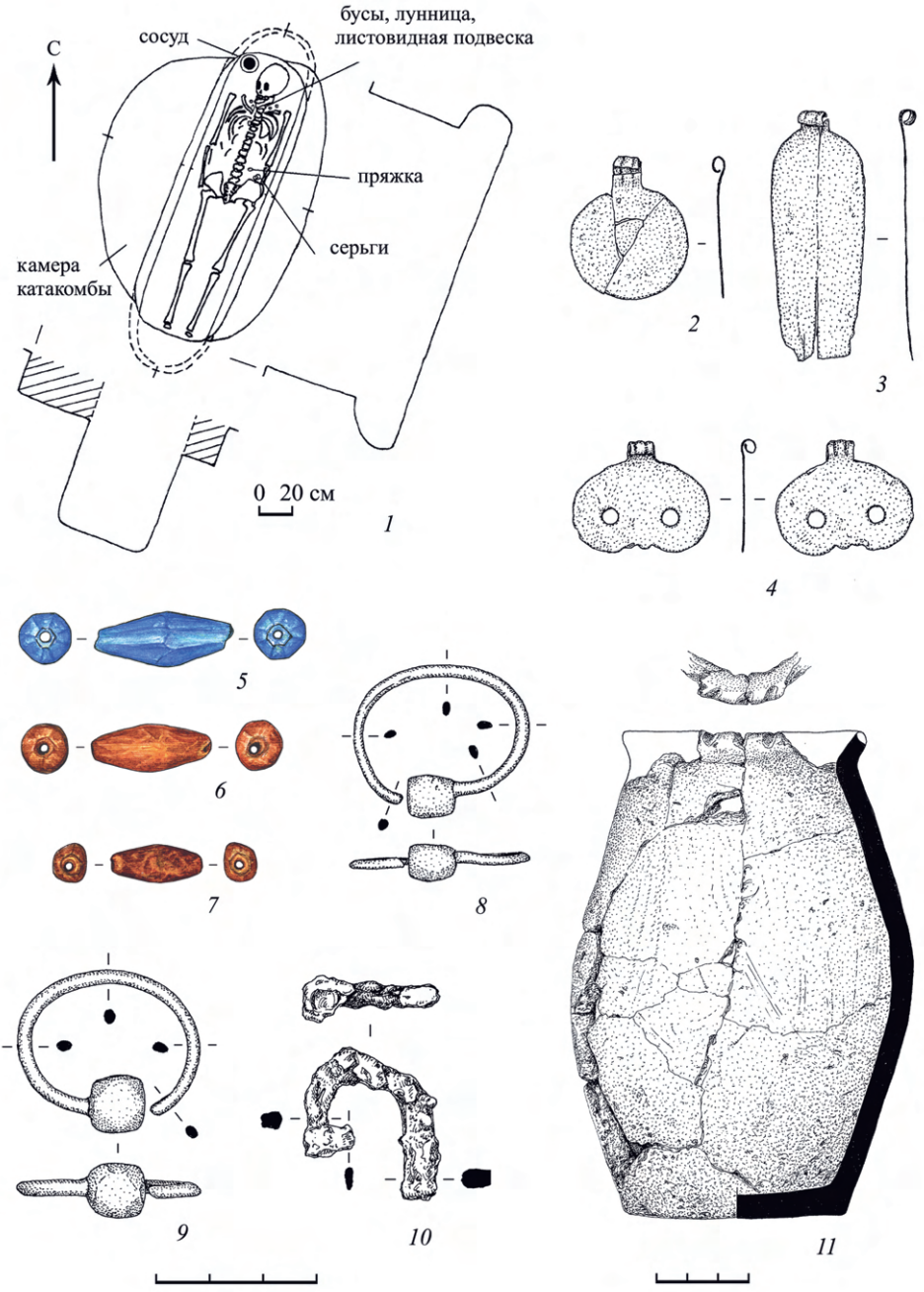


Рис. 3. Новая Чигла, погребение в кургане 20
(по: *Березуцкий, Мастыкова*, 2016. Рис. 2; 3)

деформация черепа в целом типичны для степных кочевников гуннского и постгуннского времени. Зато полиэдрические серьги и металлические пластинчатые подвески в ожерелье, крайне редкие у степняков, указывают на контакты с оседлым понтийским населением. Наиболее показательны полиэдрические серьги, очень редко в гуннское и постгуннское время встречающиеся у кочевников (Беляус, Нейзац), зато хорошо известные у оседлого населения Северного Кавказа, Нижнего Дона, Крыма. По сопровождающему инвентарю погребение датируется временем от второй трети V по первую половину VI в., т. е. финальной фазой гуннского и ранней фазой постгуннского времени в степях Восточной Европы (*Березуцкий, Мастыкова*, 2016).

Лихачевка (рис. 1: *Б2*). Курган 6 этого могильника (Котелевский район, Полтавская обл., бассейн р. Ворскла) содержал впускное погребение-ингумацию, совершенное в берестяном гробу в виде челнока, головой на СВ или СЗЮ. Обнаружены золотые калачевидные серьги у черепа (рис. 4: *5, 6*), ожерелье из стеклянных бус в пекторальной части (рис. 4: *7*), у локтя правой руки найдена бронзовая ременная гарнитура – пряжки и соединители ремней (по А. М. Обломскому – обувная гарнитура, заупокойный дар) (рис. 4: *1–4*), у головы находился сосуд с просом (рис. 4: *8*). Над погребением обнаружены зубы лощади и древесный уголь (*Зарецкий*, 1888. С. 242; *Обломский*, 2002. С. 83, 84; 2004).

Погребение отнесено к постгуннскому времени (*Gorokhovsky*, 1992. P. 147; *Обломский*, 2002. С. 83; 2004; *Гавритухин*, 2004. С. 209; *Комар*, 2004. С. 175–177, 181, 190). Однако пряжки из Лихачевки, послужившие основанием для датировки, вполне могут принадлежать и гуннской эпохе (примеры: *Обломский*, 2004. С. 223). Округлые обоймы пряжек с одной заклепкой, как в Лихачевке (рис. 4: *1*), существуют уже в гуннское время, в период D2/D3, в частности в знаменитой могиле Смолин, в Южной Моравии (L'Or des princes barbares…, 2000. N° 22: *9*; *Tejral*, 2011. Abb. 279). Прямоугольные обоймы пряжек с одной заклепкой (рис. 4: *2*) также известны в гуннском контексте (ср.: *Засецкая*, 1994. Табл. 11.19, 26.10,11 и т. д.; см. также: *Tejral*, 2011. Abb. 167: *9–11*; 209 и т. д.). Плоские язычки пряжек, треугольные в сечении, с загнутым концом и прямоугольным выступом у основания, подобные найденным в Лихачевке (рис. 4: *1, 2*), отмечены для гуннского времени, например, в Венгрии для периода D2/D3 (430/440 – 460/480 гг.) (*Bóna*, 2002. Fig. 151: *1*). Соединительные кольца ременной гарнитуры с тремя обоймами, вроде найденных в Лихачевке (рис. 4: *3, 4*), представлены уже в гуннское время, например, в хорошо известной могиле 88 некрополя Лучистое, в Юго-Западном Крыму (*Айбабин*, 1999. Табл. 27: *119*). Калачевидные серьги (рис. 4: *5, 6*) имеют широкую дату бытования начиная с позднеримского времени (см., напр.: *Мастыкова*, 2009. С. 72). Таким образом, могила в Лихачевке может оказаться гуннской по времени (*Засецкая и др*., 2007. С. 110) и принадлежать, если судить по пряжкам с овальным щитком, смолинскому горизонту, т. е. периоду D2/D3. Как мы могли убедиться, именно в эту эпоху акациры и оттесняются на север.

Константиноград (рис. 1: *Б3*). Характер находок из Константинограда (ныне Красноград, районный центр в Харьковской обл., бассейн Северского Донца) остается неясным. Найденные здесь элементы поясной гарнитуры, пряжки и ременной наконечник отнесены к постгуннскому времени (*Gorokhovsky*, 1992. P. 147;

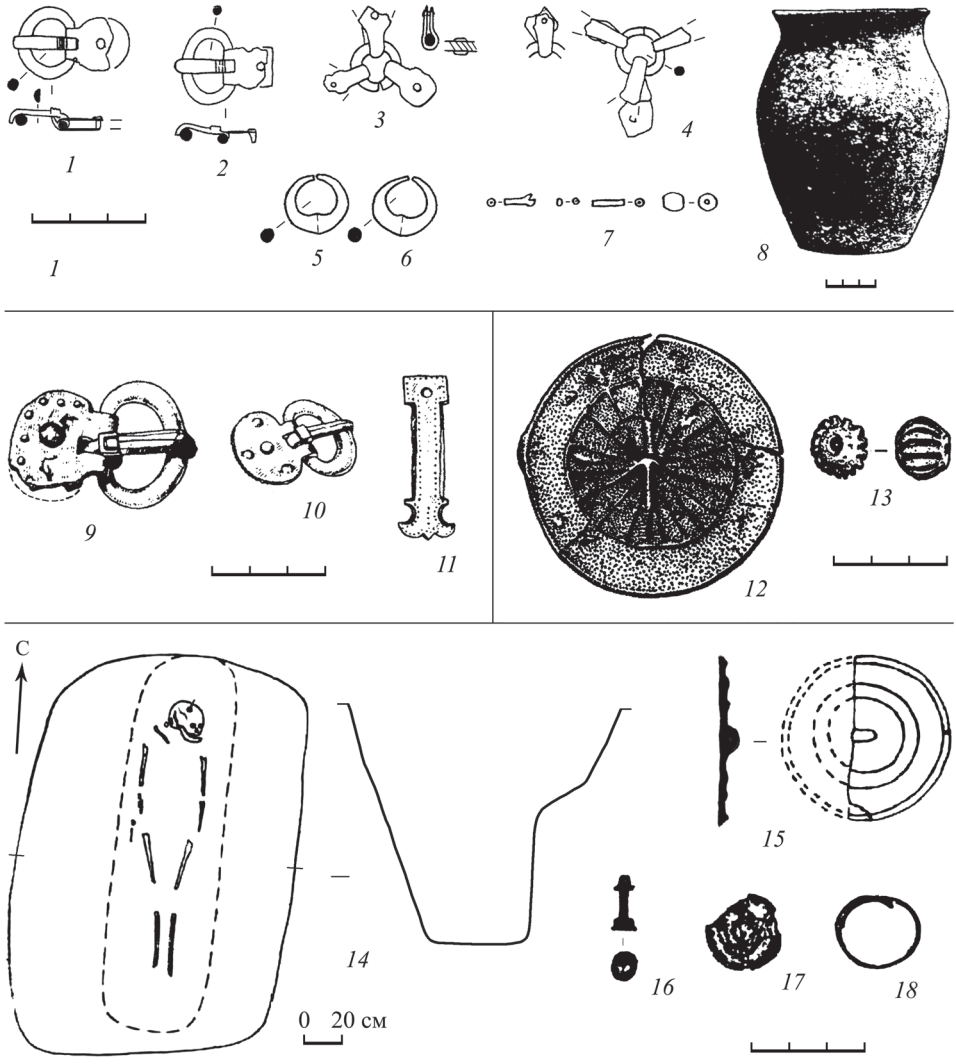


Рис. 4. Находки из погребений позднегуннского и постгуннского времени

1–8 – Лихачевка, курган 6; *9–11* – Константиноград; *12, 13* – Студенец; *14–18* – Подклетное, курган 27 (*1–8* – по: *Обломский*, 2002. Рис. 94: *1–5, 8, 11*; *9–11* – по: *Комар*, 2004. Рис. 3: *2, 3, 23*; *12, 13* – по: *Медведев*, 2008. Рис. 16: *7, 8*; *14–18*: по: *Медведев*, 1990. Рис. 5: *I, 1–4*)

Комар, 2004. С. 177; *Гавритухин*, 2004. С. 211; 2007. С. 32). Но пряжки (рис. 4: *9, 10*), обычно датируемые по аналогии с Лихачевкой, могут принадлежать и к более раннему, гуннскому, времени, поскольку они были синхронизированы с погребением в Смолине (*Gorokhovsky*, 1992)[11]. Пряжка с овальным кольцом и множественными заклепками по краю (рис. 4: *9*) имеет параллели в Муслюмово, на Урале (*Засецкая*, 1994. Табл. 44: *3*), но там представлена более архаичная форма щитка и язычка. Есть такие пряжки и позднее, в Смолине (L'Or des princes barbares…, 2000. N° 22: *7*; *Tejral*, 2011. Abb. 279) и в Белграде, в контексте второй трети V в., т. е. периода D2/D3 (*Tejral*, 1988. Abb. 34: *10*). Вероятно, эти две находки и следует принять в качестве опорных для датировки пряжки из Константинограда.

Наконечник ремня (рис. 4: *11*), по И. О. Гавритухину, может быть датирован первой половиной VI в. и сопоставляется с наконечником из Бабичей. Впрочем, последний представляет собой довольно отдаленную аналогию как по общей морфологии, так и по оформлению окончания. Он скорее напоминает понто-кавказские наконечники гуннского времени (*Малашев*, 2000. С. 210), где, кстати, как в Бабичах и Константинограде, иногда имеется выделенная площадка для заклепки (см., напр.: Там же. Рис. 13: *E2*) – хронологический признак, по И. О. Гавритухину. Эти понто-кавказские наконечники гуннского времени с окончанием в виде полумесяца, по А. В. Комару, являются прототипами для изделия из Константинограда (*Комар*, 2004. С. 183). Видимо, к числу прототипов могут относиться и подвески конского убора из клада гуннского времени в Качине, на Волыни (*Tejral*, 2011. Abb. 127: *1–3, 5, 6*). А. В. Комар отметил сходство окончания константиноградского наконечника с декором щитков пряжек Дюрсо, в частности в погребении 259, третьей фазы могильника (*Комар*, 2004. С. 183). Эта фаза относится, по нашему мнению, к последней трети V – первой трети VI в. (*Казанский*, 2001. С. 52). Еще одна интересная параллель – декор на некоторых пряжках постгуннского времени в лесной зоне (ср.: *Ахмедов*, 2014. Рис. 7: *5, 6*, *8*; 8: *7*).

С учетом всего вышесказанного находки из Константинограда могут быть отнесены как к смолинскому горизонту, так и к началу шиповского горизонта, т. е. приблизительно к середине V в.

Подклетное (рис. 1: Б*4*). В кургане 27 могильника Подклетное (Семилукский район Воронежской обл., западнее Воронежа) выявлено впускное погребение. Это яма «с заплечиками», в ней была совершена ингумация, головой на ССВ (рис. 4: *14*). В состав инвентаря входит зеркало (рис. 4: *15*), проволочное височное кольцо (рис. 4: *18*), бронзовые элементы головного убора (рис. 4: *16, 17*) (*Медведев*, 1990. С. 14. Рис. 5: *1–4*).

Е. Л. Гороховский отнес это погребение к постгуннскому времени, но свою датировку не аргументировал (*Gorokhovsky*, 1992. P. 147). По А. В. Комару, данное погребение узко не датируется, но серьга с несомкнутыми концами, как он

[11] По И. О. Гавритухину, такие пряжки бытуют и позднее, вплоть до конца VI в., в качестве доказательства цитируется Клин-Яр, погребение 357. Однако в публикации данной могилы мы похожих на Константинограда пряжек не обнаружили (*Belinskij, Härke*, 2018. Fig. 110: *D4*).

считает, все же относится к сарматскому времени, аргументация опять не приведена (*Комар*, 2004. С. 174.). На наш взгляд, определяющим для даты этого захоронения является зеркало типа Карповка – Анке-4 (рис. 4: *15*), с центральной петлей и декором в виде двух рельефных концентрических кругов (*Werner*, 1956. S. 22, 23; *Anke*, 1998. S. 26, 27). Такие зеркала появляются в позднеримское время в северокавказском регионе, при этом изредка попадают и довольно далеко на север, в Среднее Поволжье. Зеркала с двумя (или тремя) кругами более всего характерны для гуннского и постгуннского времени, т. е. 360/370–470/480 гг. и соответственно 430/470–530/570 гг. Они концентрируются в западной части северокавказского региона, на Боспоре и в Юго-Западном Крыму и чаще всего встречаются на памятниках оседлого населения (например, Дюрсо, Пашковский, Сопино, Керчь, Джурга-Оба, Карши-Баир и др.), хотя попадают и к кочевникам (Михаэльсфельд, Новопокровка, Пухляковский) (*Мастыкова*, 2022, в печати). В гуннское и постгуннское время зеркала типа Карповка засвидетельствованы и у оседлого населения Верхнего Дона (Мухино, Ксизово-8 и 19, Стаево-4 и 5). Подобные зеркала встречаются и позднее вплоть до салтовского времени, но пик их распространения все же приходится на гуннское и особенно постгуннское время. Данные изделия связаны с материальной культурой оседлого населения понто-кавказского региона, откуда в гуннское и постгуннское время они и попадают на Верхний Дон (из последних работ: *Мастыкова*, 2016; 2020, там же библиография; 2022. С. 85–91). Это позволяет предварительно отнести погребение к интересующей нас эпохе конца гуннского и начала постгуннского периодов.

Студенец (рис. 1: *Б5*). В Аннинском районе Воронежской области, на реке Битюг, было выявлено разрушенное погребение, из него происходит металлическое зеркало и ребристая бусина из так называемого египетского фаянса (*Медведев*, 2008. С. 27. Рис. 16: *7, 8*). Зеркало представляет собой дериват изделий типа Медлинг – Анке-5 (рис. 4: *12*). Это, на наш взгляд, довольно разнородная группа зеркал с центральной петлей и радиальными рельефными линиями, распространенная от Северного Кавказа до Среднего Дуная (*Werner*, 1956. S. 22; *Anke*, 1998. S. 27). Они представлены в гуннское время, в частности в детском погребении в Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) в Нижней Австрии (*Werner*, 1956. Taf. 48: *12*; *Anke*, 1998. Taf. 2: *6*) и в погребении в Мёдлинге (Mödling) (*Werner*, 1956. Taf. 45: *2*; *Anke*, 1998. Taf. 12: *6*). Деградированная форма происходит из погребения 38 некрополя Виминациум (*Viminacium*), оно датировано фазой В этого некрополя, т. е. серединой – второй половиной V в. (*Ivanišević et al.*, 2006. P. 34. Pl. 6: *38.11*; Fig. 42: *6*). Еще одно постгуннское погребение с таким зеркалом известно на Северном Кавказе, в могильнике Лермонтовская скала 1, погребении 5, с характерными для того периода фибулами (*Мастыкова*, 2009. Рис. 95: *1*. Табл. 136: *8*). Зеркало из Студенца представляет собой дериват этой группы, оно имеет широкое неорнаментированное поле по краю. Ребристая бусина из фаянса (рис. 4: *13*) напоминает находку из Айвазовского в Юго-Восточном Крыму, предположительно постгуннского времени (ср.: *Казанский*, 2020. Рис. 8: *13*).

Погребальный обряд вышеперечисленных памятников в целом обычен для степных кочевников гуннского и постгуннского времени. Это ингумации в курганах, в ямах, иногда со ступенями и подбоями. Ориентировка погребенных

головой на север, с отклонениями к востоку (Новая Чигла, Лихачевка, Подклетное) хорошо представлена в гуннское и в постгуннское время. Находки костей лошади (Лихачевка) также обычны для степняков (*Казанский*, 2020. С. 93, 94). Использование бересты для прикрытия покойника в захоронениях изредка фиксируется в постгуннское время (*Обломский*, 2002. С. 84). Наконец, искусственная деформация головы у погребенного в Новой Чигле восходит к обычаю, засвидетельствованному в кочевническом контексте гуннского и постгуннского времени (*Казанский*, 2020. С. 96).

* * *

Итак, серия находок, по всей вероятности связанная с кочевниками, зафиксирована для гуннского и постгуннского времени на северной периферии степи от бассейна Дона до Днепровского Левобережья[12], где есть все основания в это время локализовать акацир. Их очень немного, что в целом соответствует общей археологической ситуации в степи в это время. Здесь уместно вернуться к гипотезе А. Г. Фурасьева, согласно которой объединение акацир включало и оседлые группы варваров, пограничных со степью, прежде всего население Верхнего Дона, и носителей рязано-окской культуры (*Фурасьев*, 2013. С. 193, 194). Это предположение нам кажется вполне вероятным. Такого рода политические образования оседлого населения на границе степи, сохранявшие свою внутреннюю автономию и своих вождей, но подчиненные сильным кочевым союзам, хорошо известны в истории Великого переселения народов и для гуннского времени фиксируются археологически (подробнее: *Казанский, Мастыкова*, 2009б. С. 245–247). Что касается конкретно оседлого населения Верхнего Дона и рязано-окской культуры, то в обоих случаях выявляются археологические признаки существования местных правящих элит, которые и были в первую очередь заинтересованы в военном союзе с гуннами/акацирами. Речь идет об известной «княжеской могиле» в Мухино и «вождеском» погребении могильника Животинное на Верхнем Дону, и о захоронениях воинских предводителей на памятниках рязано-окской культуры (Там же. С. 242, 244, 247). Дальнейшие исследования подтвердят или опровергнут эту гипотезу.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 150 с.

Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.: Изд-во ГЭ. 524 с.

Ахмедов И. Р., 2014. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 138–177 (РСМ; вып. 15.)

[12] Мы не принимаем во внимание памятники, явно принадлежавшие оседлому населению, такие как могильник Животинное на Верхнем Дону или же самое позднее погребение на черняховском могильнике Сумы-Сад с полиэдрическими серьгами, не характерными для кочевников.

Березуцкий В. Д., Мастыкова А. В., 2016. Погребение эпохи Великого переселения народов на Левобережье Среднего Дона // КСИА. Вып. 245. Ч. 1. С. 219–243.

Гавритухин И. О., 2004. Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Отв. ред.: В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 208–220.

Гавритухин И. О., 2007. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения и отдельные находки постгуннского времени // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 30–33. (РСМ; вып. 9.)

Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В., 2007. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур: Знак. 360 с.

Зарецкий И. А., 1888. Заметка о древностях Харьковской губерниии Богодуховского уезда слободы Лихачевки // Харьковский сборник. 2. Харьков: Тип. Губ. Правл. С. 229–246 (2-я паг.)

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс. 222 с.

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во ГЭ. 212 с.

Иванов А. А., 2001. Комплекс гуннского времени из дельты Дона // РА. № 2. С. 119–121.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 508 с.

Казанский М. М., 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир: Армавирский краеведческий музей. С. 41–58.

Казанский М. М., 2014. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 45–137. (РСМ; вып. 15.)

Казанский М. М., 2016. Оногуры в постгуннское время на Дону // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. Воронеж: Научная книга. С. 96–111.

Казанский М. М., 2018а. Погребения и «поминальники» воинских предводителей постгуннского времени в понтийских степях // Relationes rerum: Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / Ed. A. Korom. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet. P. 393–408.

Казанский М. М., 2018б. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // SP. № 4. С. 83–118.

Казанский М. М., 2020. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе // МАИЭТ. Вып. XXV. Симферополь: Соло-Рич. С. 90–167.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2009а. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Науч. ред. и авт. предисл. А. Г. Фурасьев. СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ. С. 114–126.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2009б. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та. С. 225–251.

Комар А. В., 2004. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев; Судак: Академпериодика. С. 169–200.

Кропоткин В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Наука. 280 с. (САИ; вып. Д1-27.)

Круглов Е. В., 2021. О бронзовом котле «гуннского типа» обнаруженном у восточного берега Цимлянского водохранилища // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 14. Ставрополь: Графа. С. 111–137.

Латышев В. В., 1890. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук. 946 с.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232 (Материалы и исследования по археологии Дона.)

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.

Мастыкова А. В., 2016. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. Воронеж: Научная книга С. 241–254.

Мастыкова А. В., 2020. Зеркала типа Карповка – Анке-4 на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье: происхождение, распространение, датировка // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ. С. 389–391.

Мастыкова А. В., 2022. Металлические зеркала с поселения Стаево // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья. / Отв. ред. А. М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История. С. 85–94, 436–442. (РСМ; вып. 21.)

Медведев А. П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 220 с.

Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус. 220 с.

Менхен-Хельфен О., 2014. История и культура гуннов. М.: Центрполиграф. 479 с.

Обломский А. М., 2002. Днепровское Лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М.: Наука. 255 с. (РСМ; вып. 5.)

Обломский А. М., 2004. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Отв. ред.: В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 221–227.

Обломский А. М., 2014. Карта Скифии по «Гетике» Иордана // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 13–25 (РСМ; вып. 15.)

Пигулевская Н. В., 2011. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы. СПб.: Дмитрий Буланин. 832 с.

Подосинов А. В., 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, переводы, комментарий. М.: Индрик. 488 с.

Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.

Прокопий Кесарийский. Тайная история // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., вступит. ст. и коммент. А. А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 261–342.

Ромашов С. А., 2001. Историческая география Хазарского Каганата (V–XIII вв.) // Archivum Eurasiae Medii Aevi. T. 11 (2000–2001). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. С. 219–338.

Томпсон Э. А., 2008. Гунны. Грозные воины степей. М.: Центрополиграф. 256 с.

Фурасьев А. Г., 2013. Акациры – соседи эстиев // АСГЭ. Вып. 39. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 185–196.

Altheim F., 1952. Attila et les Huns. Paris: Payot. 230 p.

Anke B., 1998. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier & Beran. 2 Teile (222 S. + 156 S., 139 Taf.)

Belinskij A. B., Härke H., 2018. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt. 416 p., 7 pl.

Bóna I., 2002. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris: Errance. 240 p.

Gorokhovsky E., 1992. The Nomads of the South-East Europe t the Beginning of the Middle Age // Medieval Europe 1992. Vol. 4. Death and Burial. York: Medieval Europe 1992. P. 145–150.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A., 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. 351 p. (Monographies; 22.)

L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C., 2000. Paris: Réunion des musées nationaux. 224 p.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas – Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR – International Series 1535).

Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. Bd. 72. S. 223–304.

Tejral J., 2011. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno. 466 S.

Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenshcaften. 2 Teile (140 S. + 75 Taf.)

Сведения об авторах

Казанский Михаил Михайлович, Национальный центр научных исследований, UMR 8167 «Восток и Средиземноморье», rue de cardinal Lemoine, 52, Париж, 75005, Франция; Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com;

Мастыкова Анна Владимировна**,** Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия; e-mail: amastykova@mail.ru

M. M. Kazanski, A. V. Mastykova

THE ACATZIRI: NORTHERN BORDERLANDS OF THE NOMADIC STEPPE AFTER ATTILA

Abstract. Acatziri: northern borderlands of the nomadic steppe after Attila. The article deals with the geographical localization of the Hunnic people Acatziri (Ἀκατίρων, gens Acatzirorum) in the Great Migration Period. In the era of Attila, in the 440s, this people lived in the eastern part of the steppes of the Northern Black Sea region, most likely in the basin of the Lower Don. Subsequently, around 463, as a result of the war with the Saraguri, Onoguri and Urogi (Uguri), the Acatziri were pushed northward, to the outskirts of the steppe in the basin of the Upper and Middle Don and on the left bank of the Dnieper. For the Late Hunnic and Post-Hunnic periods, single burials under the mounds, typical of the steppe nomads of that time, are known here. Apparently they are the archaeological traces of Acatziri. The written sources describe the Acatziri as a strong people (fortissimo gens). Most likely, this means that the Acatziri were able to unite in their union not only nomads, but also the sedentary Barbarians of the Upper Don and the Oka basins.

Keywords: Acatziri, Huns, Hunnic and post-Hunnic periods, Great Migration Period, nomads.

REFERENCES

Akhmedov I. R., 2014. Nekotorye indikatory kul'turnykh vzaimodeystviy v drevnostyakh ryazano-okskikh finnov vtoroy poloviny V – nachala VI v. [Some indicators of cultural interactions in tantiquities of the Ryazan-Oka Finns insecond half of V – beginning of VI c.]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Problems of interaction of population of Eastern Europe in Migration period]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 138–177 (RSM, 15.)

Artamonov M. I., 1962. Istoriya khazar [History of the Khazars]. Leningrad: GE. 524 p.

Aybabin A. I., 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of Early Byzantine Crimea]. Simferopol: Dar. 150 p.

Berezutskiy V. D., Mastykova A. V., 2016. Pogrebenie epokhi Velikogo pereseleniya narodov na Levoberezh'e Srednego Dona [The grave on the left bank of the Middle Don dated to the Migration period]. *KSIA*, iss. 245, part 1, pp. 219–243.

Dzhakson T. N., Kalinina T. M., Konovalova I. G., Podosinov A. V., 2007. «Russkaya reka». Rechnye puti Vostochnoy Evropy v antichnoy i srednevekovoy geografii [«Russian River». River routes of Eastern Europe in Ancient and Medieval geography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur: Znak. 360 p.

Furas'ev A. G., 2013. Akatsiry – sosedi estiev [The Acatziri – neighbours of the Aestii]. *ASGE*, 39. St. Petersburg: GE, pp. 185–196.

Gavritukhin I. O., 2004. Srednedneprovskie ingumatsii vtoroy poloviny V–VI vv. [Middle Dnieper inhumations of the second half of V–VI cc.]. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e [Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region at the end of Roman times and Early Middle Ages]*. V. M. Goryunova, O. A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 208–220.

Gavritukhin I. O., 2007. Ingumatsii, svyazannye s kul'turoy osedlogo naseleniya i otdel'nye nakhodki postgunnskogo vremeni [Inhumations related with culture of settled population and individual finds of post-Hunnic period]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in the middle of I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 30–33. (RSM, 9.)

Jordan. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov (Getica) [Jordan. The origin and deeds of the Getae (Getica)]. E. Ch. Skrzhinskaya, transl., ed. St. Petersburg: Aleteyya, 2001. 508 p.

Ivanov A. A., 2001. Kompleks gunnskogo vremeni iz del'ty Dona [The Hun time complex from the Don Delta]. *RA*, 2, pp. 119–121.

Kazanskiy M. M., 2001. Khronologiya nachal'noy fazy mogil'nika Dyurso [Chronology of the initial phase of Dyurso cemetery]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh [Historical and Archaeological miscellany]*, 7. Armavir: Armavirskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 41–58.

Kazanskiy M. M., 2014. Arkheologicheskaya situatsiya v Srednem Podneprov'e v VII v. [Archaeological situation in Middle Dnieper region in VII c.]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Problems of interaction of population of Eastern Europe in Migration period]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 45–137. (RSM, 15.)

Kazanskiy M. M., 2016. Onogury v postgunnskoe vremya na Donu [Onogurs in post-Hunnic time on the Don]. *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'e» [Divnogorye collection: proceedings of the museum-reserve «Divnogorye»]*, 6. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 96–111.

Kazanskiy M. M., 2018a. Pogrebeniya i «pominal'niki» voinskikh predvoditeley post-gunnskogo vremeni v pontiyskikh stepyakh [Burials and «memorials» of military leaders of post-Hunnic period in Pontic steppes]. *Relationes rerum: Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér*. A. Korom, ed. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet, pp. 393–408.

Kazanskiy M. M., 2018b. Prestizhnye nakhodki i tsentry vlasti postgunnskogo vremeni v Podneprov'e [Prestigious finds and centers of power of post-Hunnic period in the Dnieper region]. *SP*, 4, pp. 83–118.

Kazanskiy M. M., 2020. Drevnosti stepnykh kochevnikov postgunnskogo vremeni (seredina V – seredina VI v.) v Vostochnoy Evrope [Antiquities of steppe nomads of post–Hunnic period (mid V – mid VI c.) in Eastern Europe]. *MAIET*, XXV, pp. 90–167.

Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., 2009a. «Tsarskie» gunny i akatsiry [«Royal» huns and Acatziri]. *Gunny, goty, sarmaty mezhdu Volgoy i Dunaem [Huns, Goths, Sarmatians between Volga and Danube]*. A. G. Furas'ev, ed. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, pp. 114–126.

Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., 2009b. Kochevye i osedlye varvary v Vostochnoy Evrope v gunnskuyu epokhu [Nomadic and settled barbarians in Eastern Europe during the Hunnic period]. *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'e» [Divnogorye collection: proceedings of the museum-reserve «Divnogorye»]*, 1. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 225–251.

Komar A. V., 2004. Kutrigury i utigury v Severnom Prichernomor'e [Kutrigurs and Utigurs in North Pontic region]. *Sugdeyskiy sbornik [Sugdea collection]*. Kiev; Sudak: Akademperiodika, pp. 169–200.

Kropotkin V. V., 1970. Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Imported Roman products in Eastern Europe (II c. BC – V c. AD)]. Moscow: Nauka. 280 p. (SAI.)

Kruglov E. V., 2021. O bronzovom kotle «gunnskogo tipa» obnaruzhennom u vostochnogo berega Tsimlyanskogo vodokhranilishcha [On a bronze cauldron of «Hun type» found near the eastern bank of the Tsimlyansk reservoir]. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza [From the cultural history of peoples of the North Caucasus]*, 14. Stavropol: Grafa, pp. 111–137.

Latyshev V. V., 1890. Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze [Ancient authors' records concerning Scythia and the Caucasus], I. Grecheskie pisateli [Greek authors]. St.Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 946 p.

Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of late Sarmatian time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors on the Don]*. Yu. K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232 (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona.)

Mastykova A. V., 2009. Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Female costume of Central and West Caucasus piedmont in late IV – mid VI cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

Mastykova A. V., 2016. Zerkala tipa Karpovka: k voprosu o formirovanii saltovo-mayatskoy kul'tury Srednego Dona [Mirrors of Karpovka type: on formation of the Saltovo-Mayatskaya culture on Middle Don]. *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'e» [Divnogorye collection: proceedings of the museum-reserve «Divnogorye»]*, 6. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 241–254.

Mastykova A. V., 2020. Zerkala tipa Karpovka – Anke-4 na Severnom Kavkaze i v Severnom Prichernomor'e: proiskhozhdenie, rasprostranenie, datirovka [Mirrors of Karpovka – Anke-4 type in North Caucasus and North Pontic region: origin, distribution, dating]. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya [Archaeological heritage of the Caucasus:topical problems of study and preservation. XXXI Krupnov readings]*. M. S. Gadzhiev, ed. Makhachkala: Mavraev", pp. 389–391.

Mastykova A. V., 2022. Metallicheskie zerkala s poseleniya Staevo [Metal mirrors from settlement Staevo]. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya [Trade and craft complex near village Staevo in upper reaches of the Voronezh River (late V – VII cc.) and some problems of archeology of Upper Don region in Early Middle Ages]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow; St. Peterburg: Nestor-Istorija, pp. 85–94, 436–442 (RSM, 21)

Medvedev A. P., 1990. Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ya) [Sarmatians and forest-steppe (on materials of Don basin)]. Voronezh: Voronezhskiy universitet. 220 p.

Medvedev A. P., 2008. Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa [Sarmatians in Tanais upper reaches]. Moscow: Taus. 220 p.

Menkhen-Helfen O., 2014. Istoriya i kul'tura gunnov [History and culture of the Huns]. Moscow: Tsentrpoligraf. 479 p.

Oblomskiy A. M., 2002. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya [Dnieper Left bank forest-steppe in Late Roman and Hunnic times]. Moscow: Nauka. 255 p. (RSM, 5.)

Oblomsky A.M., 2004. Rannesrednevekovoye trupopolozheniye u s. Likhachevka Poltavskoy oblasti [Early medieval inhumation burial near village Likhachevka, Poltava Region]. *Kul'turnyye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'ye* [*Cultural transformations and mutual influence in Dnieper region in the end of Roman time and early Middle Ages*]. V. M. Goryunova, O. A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye, pp. 221–227.

Oblomskiy A. M., 2014. Karta Skifii po «Getike» Iordana [Map of Scythia according to Jordan's «Getica»]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Problems of interaction of population of Eastern Europe in Migration period]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 13–25 (RSM, 15.)

Pigulevskaya N. V., 2011. Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya: Issledovaniya i perevody [Syrian medieval historiography: studies and translations]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 832 p.

Podosinov A. V., 2002. Vostochnaya Evropa v rimskoy kartograficheskoy traditsii: teksty, perevody, kommentariy [Eastern Europe in Roman cartographic tradition: texts, translations, commentary]. Moscow: Indrik. 488 p.

Procopius of Caesarea, 1950. Voyna s gotami [The Gothic War]. S. P. Kondrat'ev, transl. Moscow: AN SSSR. 516 p.

Procopius of Caesarea, 2001. Taynaya istoriya [Secret History]. *Prokopiy Kesariyskiy. Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya [Procopius of Caesarea. The Persian War. The Vandal War. Secret History]*. A. A. Chekalova, transl., ed. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 261–342.

Romashov S. A., 2001. Istoricheskaya geografiya Khazarskogo Kaganata (V–XIII vv.) [Historical geography of Khazar Khaganate (V–XIII cc.)]. *Archivum Eurasiae Medii Aevi, 11 (2000–2001)*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 219–338.

Tompson E. A., 2008. Gunny. Groznye voiny stepey [The Huns. Formidable warriors of the steppes]. Moscow: Tsentropoligraf. 256 p.

Zaretskiy I. A., 1888. Zametka o drevnostyakh Khar'kovskoy guberniii Bogodukhovskogo uezda slobody Likhachevki [A note on antiquities of Kharkov province, Bogodukhovskiy district in Likhachevka settlement]. *Khar'kovskiy sbornik [Kharkov collection]*, 2. Kharkov: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, pp. 229–246 (2nd pag.)

Zasetskaya I.P., 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv.) [Culture of nomads of South Russian steppes in Hun epoch (end of IV – V cc.)]. St. Petersburg: Ellips Ltd. 222 p.

Zasetskaya I.P., Kazanskiy M.M., Akhmedov I.R., Minasyan R.S., 2007. Morskoy Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu [Morskoy Chulek. Burials of aristocracy from Azov Sea region and their position in history of tribes of North Pontic zone in post-Hun epoch]. St. Petersburg: GE. 212 p.

About the authors

Kazanski Michel M., Centre National de la Recherche Scientifique, UMR 8167 «Orient et Méditerranée», 52, rue du cardinal Lemoine, Pairs, 75005, France; V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com;

Mastykova Anna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation; e-mail: amastykova@mail.ru

О. А. Хомякова

ПРЯСЛИЦА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЛЬТУР КАЛИНИНГРАДСКОГО ПОЛУОСТРОВА I–VIII вв.)[1]

Резюме. Пряслица самбийско-натангийской культуры I–V вв. и раннесредневековой культуры пруссов VI–VIII вв. находят в женских погребениях и на поселенческих памятниках. В римское время изделия представлены типами, характерными для соседних центральноевропейских культур, в частности вельбаркской. Часть предметов является импортными. Наиболее ранние пряслица найдены в трупоположениях раннеримского времени, типичным предметом инвентаря они становятся с первой половины – середины II в. Характерные формы изделий существуют на протяжении длительного периода, встречаясь в эпоху Великого переселения народов и в меровингский период. На селищах Калининградского полуострова I тыс. н. э. присутствуют пряслица форм, аналогичных представленным в захоронениях.

Ключевые слова: пряслица, типология, Юго-Восточная Балтия, самбийско-натангийская культура, раннесредневековая культура пруссов.

Введение

В культурах Юго-Восточной Прибалтики I тыс. пряслица представлены как в погребальных комплексах в числе сопровождающего инвентаря, так и на поселенческих объектах в качестве предмета домашнего производства. Тем не менее проблемы их типологии и хронологии, роли и места в объектах погребальной культуры, соотношения с материалами поселений остаются нерешенными.

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.242-260

Характеристика пряслиц Юго-Восточной Балтии носит во многом описательный характер. Впервые внимание на предметы с территории бывшей Восточной Пруссии обратил Э. Блюме. Он выделил изделия биконической и близких к ней форм: дисковидных, цилиндрических и уплощенных шаровидных (бочонковидных) (*Blume*, 1912. S. 113–114). В статье еще одного немецкого археолога В. Ла Бома, которая в настоящее время имеет историографическое значение, пряслица рассматривались в контексте этнографических данных о видах прядения ручным веретеном в Центральной Европе (*La Baume*, 1941). В современных исследованиях изделия I–V вв. также не подвергались анализу, а лишь упоминались среди прочих многочисленных предметов погребального инвентаря (*Кулаков*, 2007. С. 84–86).

Чуть большее внимание уделено пряслицам не столь богатой на инвентарь, как самбийско-натангийская, культуры пруссов (этноним употребляется условно). В. И. Кулаков для VI–XIII вв. выделил бочонковидные шиферные (тип 1), усеченно-биконические глиняные (тип 2), цилиндрические шиферные[2] (тип 3) предметы (*Кулаков*, 1990. С. 34) Попытка классифицировать пряслица меровингского периода осуществлена К. Н. Скворцовым на материалах могильника Митино V–VIII вв. К сожалению, в основу типологии был положен единственный признак – форма изгиба бокового ребра, вследствие чего изделия биконической, усеченно-биконической и шаровидных форм были смешаны (*Скворцов*, 2010. С. 104–106. Рис. 64–66).

В целом отсутствие отдельного исследования данной категории изделий Юго-Восточной Балтии объясняется тем, что могильники Калининградского полуострова богаты на находки предметов убора и импорты, и поэтому роль пряслиц в культурных, типологических построениях и хронологии по умолчанию считается ничтожной[3]. Похожая судьба характеризует пряслица эпохи римских влияний других центральноевропейских культур, среди которых наиболее полно рассмотрены лишь предметы с территории современной Чехии в дипломной работе и статье Х. Читры (см.: *Chytrá*, 2011. S. 389–394). Большее значение пряслицам придается при изучении малоинвентарных восточноевропейских культур. Разработана классификация обширного корпуса находок черняховской культуры, раннеславянских памятников типа Каширки-Седелки и Чертовицкое-Замятино. В основу типологии взяты данные о морфологии, размерах, орнаментации предметов. Типы и их варианты выделяются по форме площадок, боковой поверхности, пропорциональному отношению сторон (*Шарова*, 2004. С. 66–68; *Магомедов*, 2015. С. 17–32. Схемы 2–5; *Обломский*, 2007. С. 86–87).

Данная статья призвана заполнить пробел, касающийся типологии и хронологии пряслиц Юго-Восточной Балтии. Используются материалы памятников

[2] Шиферные пряслица в древностях раннесредневековых пруссов XI–XII вв. не рассматриваются в данной статье.

[3] Для культур остальной Балтии для I тыс. и вовсе выделяются лишь два типа предметов – биконические и цилиндрические. Биконические пряслица, с орнаментом и без, характеризуют погребения VI–IX вв. на территории современной Литвы, они представлены и в поселенческих материалах данного периода (*Tautavičius*, 1996. P. 123–125. Abb. 38–42; *Bliujienė*, 2013. Fig. 106: *4–6*).

Калининградского полуострова: самбийско-натангийской культуры I–V вв. и раннесредневековой культуры пруссов VI–VIII вв. Рассмотрено 162 пряслица с 22 могильников и 5 поселений (см. рис. 1: *II*), привлекаются данные неопубликованных ранее архивов и музейных коллекций.

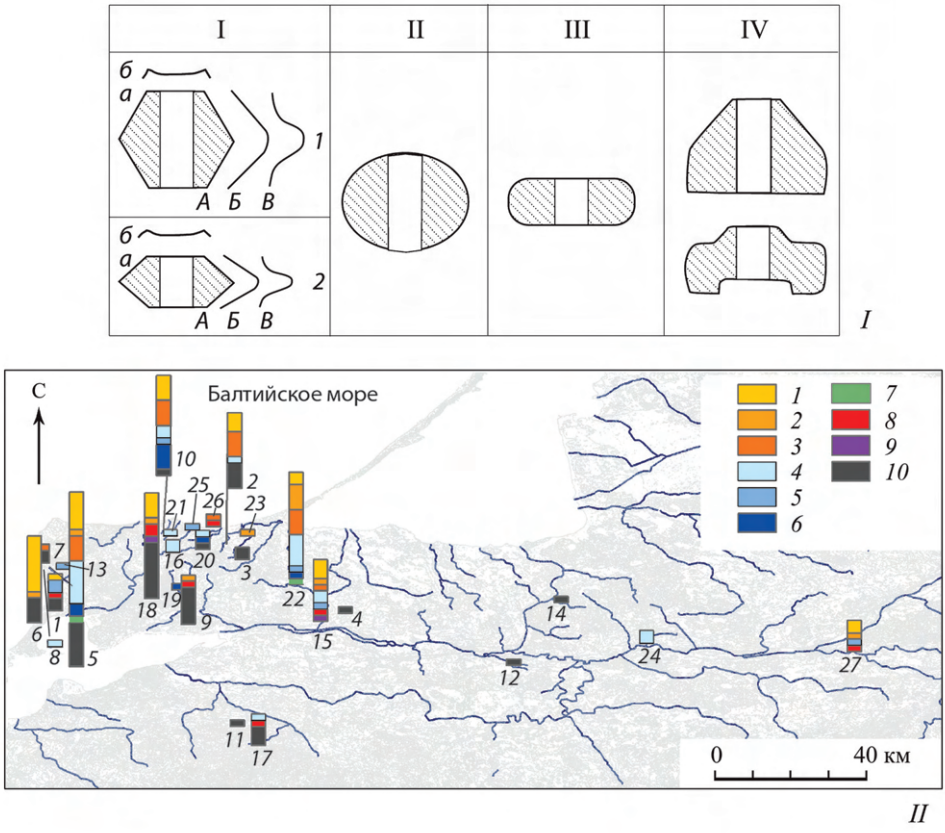


Рис. 1. Пряслица

I – типологическая схема пряслиц; *II* – распространение пряслиц

Памятники: *1–22* – могильники; *23–27* – селища

1 – Corjeiten (Путилово); *2* – Dollkeim (Коврово); *3* – Eisselbitten (Сиренево); *4* – Fürstenwalde-Niedtkeim (Поддубное); *5* – Grebieten Süd (1884 г.) / Окунево; *6* – Grebieten Nörd (1886 г.) / Окунево; *7* – Grebieten Süd (1886 г.) / Окунево; *8* – Grebieten (1907 г.) / Окунево; *9* – Greibau/не был переименован; *10* – Доброе (Hünenberg); *11* – Hoch Schnakeinen (Побережье); *12* – Imten (Ровное); *13* – Kirpehnen-Galgenberge (Русское); *14* – Klein Fließ (Изобильное); *15* – Большое Исаково (Lauth); *16* – Заостровье 5; *17* – Wackern (Елановка); *18* – Warengen (Котельниково); *19* – Wiekau (Хрустальное); *20* – Eisliethen I (1891 г.); *21* – Заостровье 1; *22* – Митино; *23* – Коврово 3; *24* – Кудрявцево 2; *25* – Куликово 8а; *26* – Шумное 6; *27* – Тимофеевка 2

Типы пряслиц: *1* – тип I.1.А; *2* – тип I.1.Б; *3* – тип I.1.В; *4* – тип I.2.А; *5* – тип I.2.Б; *6* – тип I.2.В; *7* – тип II; *8* – тип III; *9* – тип IV; *10* – тип неопределим

Типы и хронология пряслиц

Для западной части Юго-Восточной Балтии можно выделить следующие типы пряслиц[4] (рис. 1: *I*):

Основная форма – биконическая (тип I[5]) (см. рис. 1: *II, 1–3; 2–4*). К данной группе пряслиц относится около 85 % экземпляров двух основных подгрупп: симметричной (около 55 %), у которых соотношение высоты к диаметру составляет 0,5–0,6 – 1,1 (рис. 1: *II, 1–3; 2–3*) и усеченной (около 35 %), с соотношением высоты к диаметру от 0,3 до 0,5–0,6 (рис. 1: *II, 4–6*; 4). Около 20 % биконических изделий украшено декором. Все они изготовлены из обожженой глины.

Остальные формы (типы II–IV) представлены немногочисленными или единичными экземплярами (1: *II, 7–9*).

1. Пряслица биконической формы (тип I) представлены несколькими вариантами:

– Пряслица симметричных пропорций с хорошо выраженным боковым ребром (*тип I.1.А*) (рис. 1: *II, 1*; 2). Диаметр таких изделий – 2,3–5,4 см, высота – 1,7–3,4 см, диаметр отверстия – 0,4–0,9 см.

Встречаются предметы с заглаженным ребром (*тип I.1.Б*).(рис. 1: *II, 2*; *3*: *1–6*). Их диаметр – 2,5–4,9 см, высота – 1,6–3,9 см, диаметр отверстия – 0,4–1,2 см.

Среди симметрично-биконических изделий выделяются пряслица с выраженными (*тип I.1.А.а*) и углубленными (*тип I.1.А.б*) площадками у оснований. Первые – более многочисленны. Обе формы встречаются на протяжении всего рассматриваемого периода.

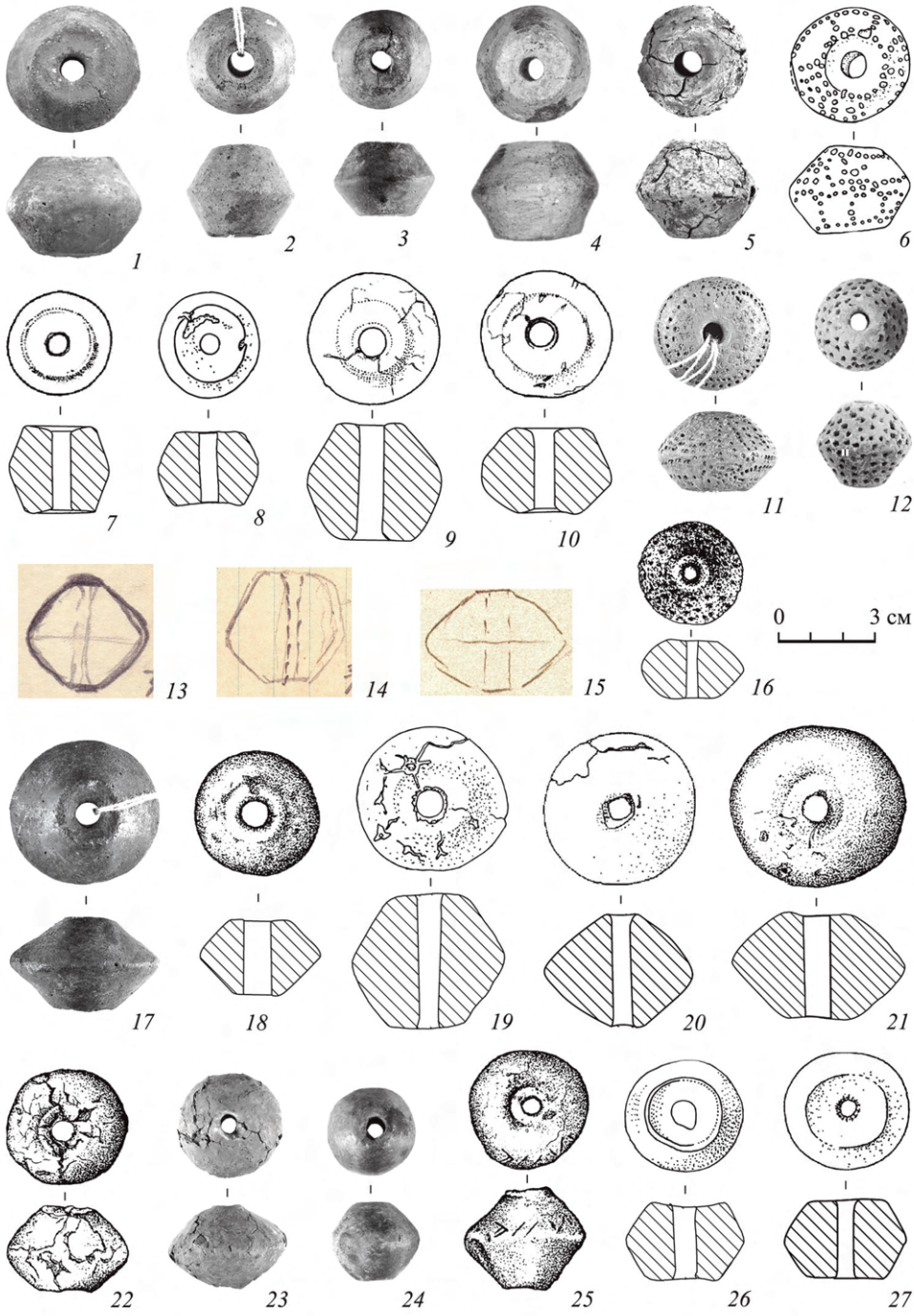
Биконические пряслица – наиболее распространенная форма в Центральной и Восточной Европе с неолита до Средневековья (*Chytrá*, 2011. P. 393). В эпоху римских влияний изделия данного типа широко представлены и на территориях, граничащих с самбийско-натангийским ареалом (напр.: *Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. XXXI: *1*; XXXVI: *14*; *Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn*, 2011. Pl. XI: *20*, XVIII: *4*).

Определимые биконические изделия типов I.1.А-Б.а-б в самбийско-натангийских погребениях датируются фазой B2/C1[6] (напр., Б. Исаково, погр. 36) (рис. 2: *21*) и C1a (напр., Котельниково/Warengen, погр. 10, Коврово/Dollkeim,

[4] Информация о форме, графические изображения отсутствуют для пряслиц из следующих погребений (рис. 1: *I, 10*): Доброе (Hünenberg), погр. 230; Corjeiten, погр. 66 (M8), 204; Dollkeim, погр. 6, 41, 85, 302; Eisliethen I (1891), погр. 4; Eisselbitten, погр. 21, 30; Furstenwalde (Tischler 1877), погр. «a»; Grebieten Nörd (1886), погр. 66, 99, 120, 157; Grebieten Süd (1884), погр. «Grabstätte Kho», «Grabstätte Ld»; Grebieten Süd (1886), погр. 78, 85, 86, 93a, 99, 151, 163; Greibau, погр. 73, 77a, 109a, 127, 180a, 180f; Hoch Schnakeinen, погр. 1; Imten, погр. 8; Klein Fliess II, погр. 3; Wackern, погр. 17, 23a, 35; Warengen, погр. 7, 14, 17, 33, 35, 40, 41.

[5] Может быть соотнесен с типом 2 по классификации В. И. Кулакова (1990. С. 34).

[6] Абсолютные даты периодов следующие: B2 = (около 70/80–150 гг.), B2a = (около 70/80–100/110 гг.), B2b = (около 100/110–150 гг.), B2/C1 = (около 150–200/225 гг.), C1 = (около 200/225–250 гг.); C2 = (около 250/250–310/320 гг.), C3 = (около 310/320–375 гг.), D1 = (около 350/360–375/400 гг.), D2 = (около 375/400–430 гг.), D3/E1 = (около 450–520 гг.).


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
0 3 см
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27

погр. 251) (*Хомякова*, 2022. С. 194–195) (рис. 2: *24*). Такие пряслица известны далее до ранних фаз эпохи Великого переселения народов (как Доброе (Hünenberg), погр. 35 по: *Кулаков*, 2014. С. 208) (рис. 2: *6*). Встречаются они и в погребениях раннесредневековой культуры пруссов (см. погр. 205, 207 могильника Митино по: *Скворцов*, 2010. С. 63–64) (рис. 2: *7*; 3: *18*). С эпохи Великого переселения народов можно отметить тенденцию к увеличению размера площадок у оснований пряслиц (рис. 2: *7–10, 26–27*), в то время как у более ранних она может быть небольшой или полностью отсутствовать (рис. 2: *12, 13, 24*).

Пряслица данного типа с поселенческих объектов в нашей выборке представлены изделиями, найденными в культурном слое селищ Тимофеевка 2, по инвентарю датированного эпохой Великого переселения народов и раннему Средневековью (*Калашников*, 2009. С. 18–19. Рис. 1–2) (рис. 2: *16*), и Коврово 3 позднеримской эпохи и начала Великого переселения народов (рис. 3: *6*).

Наиболее крупные пряслица из погребений – самые ранние (рис. 2: *21*), самые маленькие относятся к эпохе Великого переселения народов и меровингскому периоду (рис. 2: *19*; 3: *12, 15*).

Особняком стоят симметрично-биконические пряслица с выгнутыми сторонами типа I.1.B (рис. 1: *I, 3*; 3: *12–26*). Они имеют чуть более крупные размеры. Диаметр таких пряслиц – 2,6–6,0 см, высота – 1,7–4,8 см, диаметр отверстия – 0,4–0,8 см.

Такие пряслица часто встречаются в погребениях вельбаркской культуры (напр., *Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn*, 2011. Pl. XIII: *5*, XXVIII: *9*, LI: *20*), в то время как на пшеворских и черняховских памятниках они редки (см. типы A122, A21 по: *Магомедов*, 2015. С. 19).

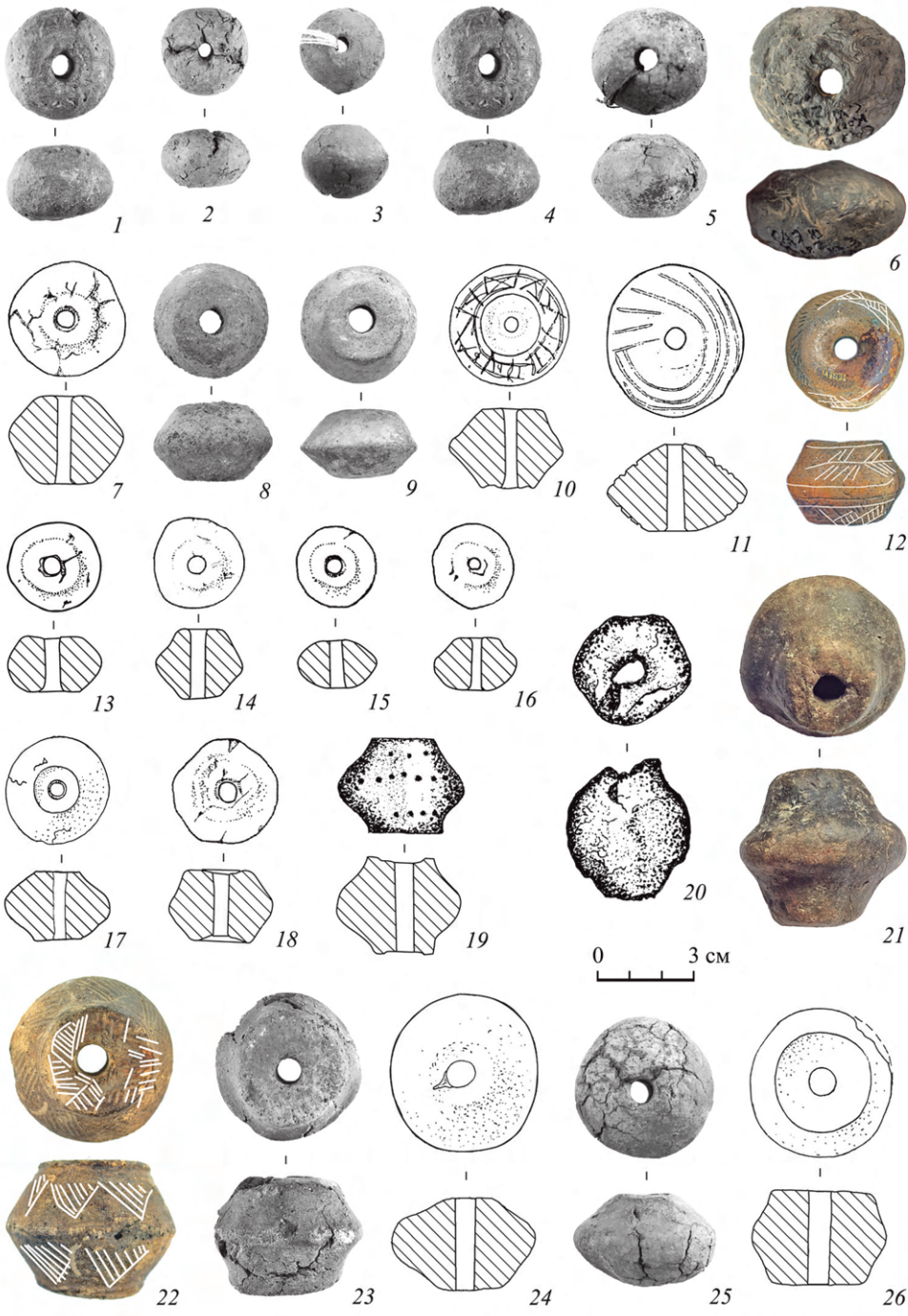
Именно пряслица данной формы, вероятно, имеют самые древние в самбийско-натангийской культуре даты, среди них найдены и наиболее ранние орнаментированные изделия (рис. 3: *22*), как экземпляр из погр. 216 могильника Большое Исаково/Lauth, датируемого фазой B2b (*Хомякова*, 2022. С. 190), погребений 49 и 98 фазы C1a могильника Окунево/Grebieten Süd (1884) (рис. 3: *22, 25*).

К числу пряслиц данного типа, возможно, относятся и предметы из трупоположений фазы B2 (Коврово/Dollkeim, погр. 6, 302 и Ровное/Imten, погр. 8) (Там же), известные только по данным архивов, изображения которых не сохранились.

Рис. 2 (с. 246). Симметрично-биконические пряслица

1 – Warengen, погр. 23; *2* – Grebieten Nörd (1886), погр. 180; *3* – Grebieten Nörd (1886), погр. 90; *4* – Warengen, погр. «Urne 2»; *5* – Grebieten Süd (1884), погр. 131; *6* – Доброе (Hünenberg), погр. 35; *7* – Митино, погр. 207; *8* – Митино, погр. 131; *9* – Митино, погр. 273; *10* – Митино, 217; *11, 14* – Grebieten Süd (1884), погр. 92; *12* – Grebieten Süd (1884), погр. 131; *13* – Warengen, погр. 16; *15* – Warengen, погр. 36; *16* – Тимофеевка 2; *17* – Grebieten Nörd (1886), погр. 84; *18* – Б. Исаково, погр. 16; *19* – Доброе (Hünenberg), погр. 63; *20* – Dollkeim, погр. 364; *21* – Б. Исаково, погр. 36; *22* – Б. Исаково, погр. 40; *23* – Grebieten Nörd (1886), погр. 36; *24* – Warengen, погр. 10; *25* – Б. Исаково, погр. 12; *26* – Доброе (Hünenberg), погр. 60; *27* – Dollkeim, погр. 284

1–4, 11–12, 17, 23–24 – по: SMB–PK/MVF; *6, 19, 26* – по: *Кулаков*, 2014; *7–10* – по: *Скворцов*, 2010; *13–15* – по: *Bitner-Wróblewska et al.*, 2011; *16* – по: *Калашников*, 2009; *18, 21–22, 25* – по: *Skvorzov*, 2007; *20, 27* – по: *Кулаков*, 2007


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
0
3 см
22
23
24
25
26

Наиболее часто пряслица типа I.1.B встречаются в погребениях фазы C1 с многочисленным инвентарем (погр. 251, 254 могильника Ковров/Dollkeim и погр. 217 могильника Путилово/Corjeiten) (*Хомякова*, 2022. С. 194–195) (рис. 3: *12, 19, 20*). В данных комплексах найдено до двух-трех пряслиц. На селище Шумное 6 пряслице типа I.1.B также обнаружено среди индивидуальных находок III в. (Вокруг кольца…, 2021. С. 61) (рис. 3: *21*). Такие пряслица встречаются на других территориях Юго-Восточной Балтии, как, например, в погр. 1 кургана 20 могильника Швайцария, датированного фазой C3-D1 (*Jaskanis*, 2013. P. 90, 110. Tab. CLIII: *4*). Наиболее поздние пряслица меровингского периода из погр. 61, 68, 205 могильника Митино имеют самые маленькие размеры (рис. 3: *14, 16, 18*).

Орнамент на биконических пряслицах типов I.1.A-B представлен графическими композициями из косых линий, заполняющих разделенные на ромбы и треугольники зоны, или так называемым зональным орнаментом (рис. 3: *10, 11, 22*). Такой декор может включать поперечные «пояски» (рис. 3: *12*).

Графические композиции часто характеризуют восточногерманские пряслица и формы керамических сосудов. Декор в виде заштрихованных треугольников характерен для керамики вельбаркской культуры, встречается он и на самбийско-натангийских сосудах. Такой орнамент также имеет аналогии в материалах культуры западно-балтийских курганов второй половины I тыс. до н. э. (подробно: *Кулаков*, 1998. С. 94–95 – там литература). Зональный орнамент, декор в виде линий, нанесенных на ребро, типичен и для пряслиц черняховской культуры и постгуннского горизонта (*Магомедов*, 2015. Рис. 12: *1, 12, 13*; *Гавритухин*, 2007. С. 39. Рис. 16: *18–19*).

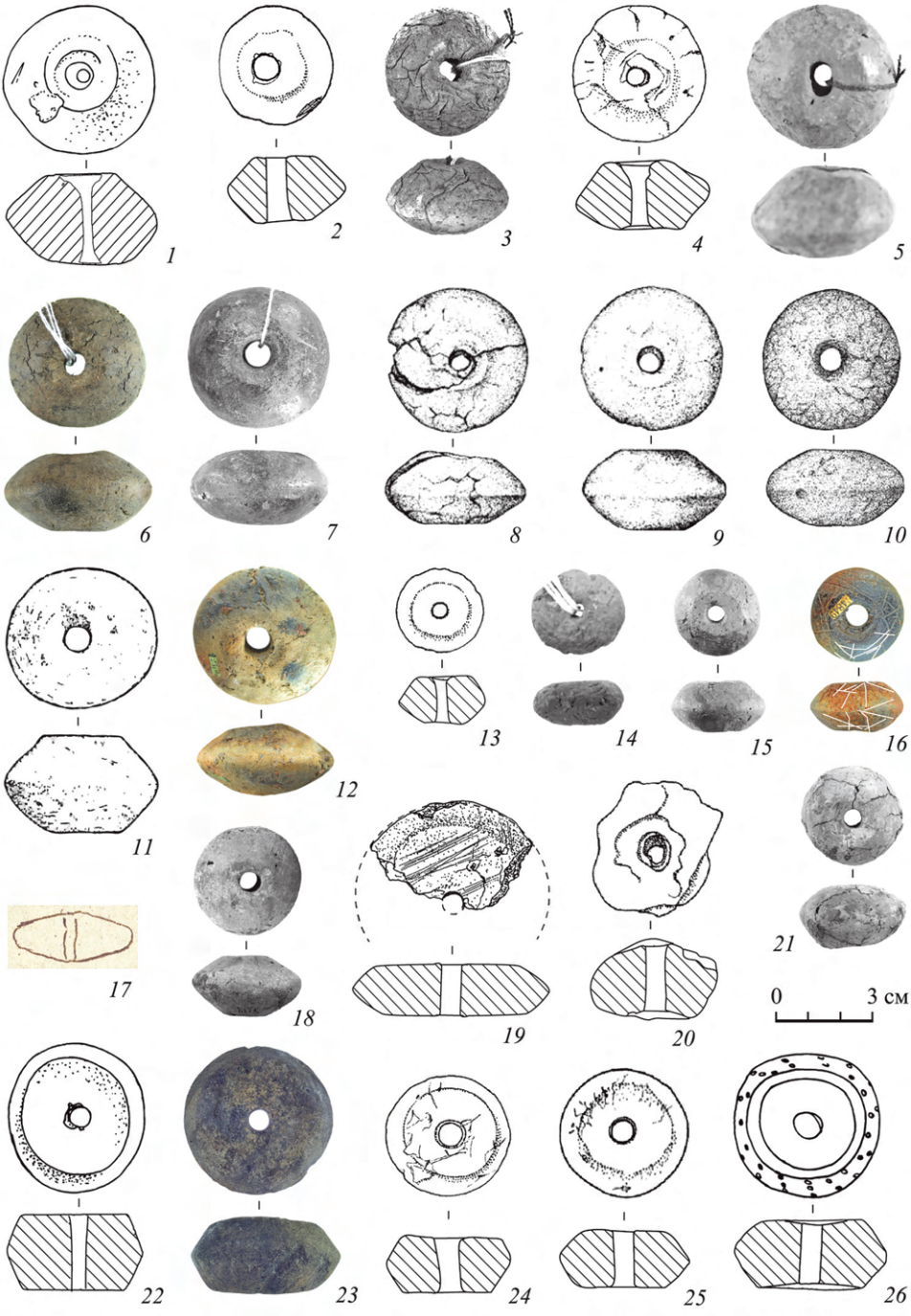
Наиболее ранние пряслица с графическим орнаментом датируются фазой B2b. Наиболее часто встречаются в погребениях фазы C1. Найденное в погр. 273 могильника Ковров/Dollkeim пряслице (рис. 3: *11*) относится к середине – второй половине V в. (*Кулаков*, 2007. С. 16–17).

В погребениях позднеримского периода найдены и пряслица с накольчатым орнаментом (рис. 2: *11–12*; 3: *19*). Он может встречаться и на изделиях эпохи Великого переселения народов (см. погр. 35 могильника Доброе (Hünenberg) по: *Кулаков*, 2014. С. 208) (рис. 2: *6*). Накольчатым орнаментом украшено изделие с селища Тимофеевка 2 (рис. 2: *16*). Наличие такого орнамента отмечается и для биконических изделий из захоронений VII–VIII вв. (погр. 45 могильника Ленче – по: *Кулаков*, 1990. С. 59).

Рис. 3 (с. 248). Симметрично-биконические пряслица

1 – Grebieten Nörd (1886), погр. 32; *2* – Grebieten Süd (1886), погр. «Grabstätte F»; *3* – Grebieten Süd (1884), погр. 94; *4* – Grebieten Nörd (1886), погр. 32; *5, 12* – Corjeiten, погр. 217; *6* – Ковров 3; *7* – Митино, погр. 364; *8, 22* – Grebieten Süd (1884), погр. 98; *9* – Grebieten Süd (1884), погр. 164; *10* – Dollkeim, погр. 254; *11* – Dollkeim, погр. 273; *13* – Митино, погр. 12; *14* – Митино, погр. 61; *15* – Митино, погр. 388; *16* – Митино, погр. 68; *17* – Доброе (Hünenberg), погр. 2k; *18* – Митино, погр. 205; *19, 20* – Dollkeim, погр. 251; *21* – Шумное 6; *23* – Grebieten Süd (1886), погр. «Grabstätte Pa»; *24* – Доброе (Hünenberg), погр. 236; *25* – Grebieten Süd (1884), погр. 49; *26* – Доброе (Hünenberg), погр. 206

1–5, 8–9, 12, 22–23, 25 – по: SMB–PK/MVF; *6* – по: *Радюш*, 2010; *7, 13–18* – по: *Скворцов*, 2010; *19–20* – по: *Кулаков*, 2007; *21* – по: Вокруг кольца…, 2021; *24, 26* – по: *Кулаков*, 2014


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
0
3 см
22
23
24
25
26

Отдельные симметрично-биконические пряслица, вероятно, могут быть украшены и неупорядоченным орнаментом, похожим на имитации рунических знаков (рис. 2: *25*). Он присутствует на изделиях, найденных исключительно в погребениях фаз C1b и C2 (*Хомякова*, 2022. С. 194, 196).

– *Пряслица усеченно-биконической формы* так же, как и предметы симметричной формы, характеризуют экземпляры с выраженным (*тип I.2.А*) (рис. 4: *1–13, 17–18, 22–25*; 5: *3–5*), заглаженным (*тип I.2.Б*) (рис. 4: *14–16, 20, 21*) и выгнутым (*тип I.2.В*) ребром (рис. 4: *26*; 5: *1–2, 6–14*).

Размеры изделий типа I.2.А: диаметр – 2,2–6,3 см, высота – 1,1–3,1 см, диаметр отверстия – 0,3–0,8 см. Пряслица типа I.2.Б имеют следующие параметры: диаметр – 2,8–6,0 см, высота – 1,2–3,2 см, диаметр отверстия – 0,4–0,9 см. Изделия типа I.2.В характеризуют диаметр – 3,0–5,2 см, высота – 1,2–2,6 см, диаметр отверстия – 0,6–0,8 см.

Усеченно-биконические пряслица с углублениями у оснований, как тип I.2.В.б (рис. 4: *21*; 5: *1, 8, 9*), характерны для вельбаркской и пшеворской культур. Формы с выгнутым профилем (тип I.2.В) (рис. 5: *1–5*) и заглаженным ребром, близкие к линзовидным (тип I.2.Б) (рис. 4: *13–17*), многочисленные в самбийско-натангийских погребениях, встречаются в погребениях вельбаркской культуры (напр.: *Jaskanis*, 1996. Taf. XVI: *1*, XLV: *6*). Такие пряслица известны на соседних территориях Мазурского Поозерья и Сувалкии в позднеримский период (*Szymański*, 2005. Tab. XXVI: *1–2*; *Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. V: *6*, XII: *1*; *Jaskanis*, 2013. P. 90, 110. Tab. CCXX: *1*; CCXXI: *2*). Аналогии линзовидные изделия находят и на территории Карпатской котловины (см. варианты A111a–b, A112 и A132 по: *Магомедов*, 2015. С. 18, 20. Рис. 1–2).

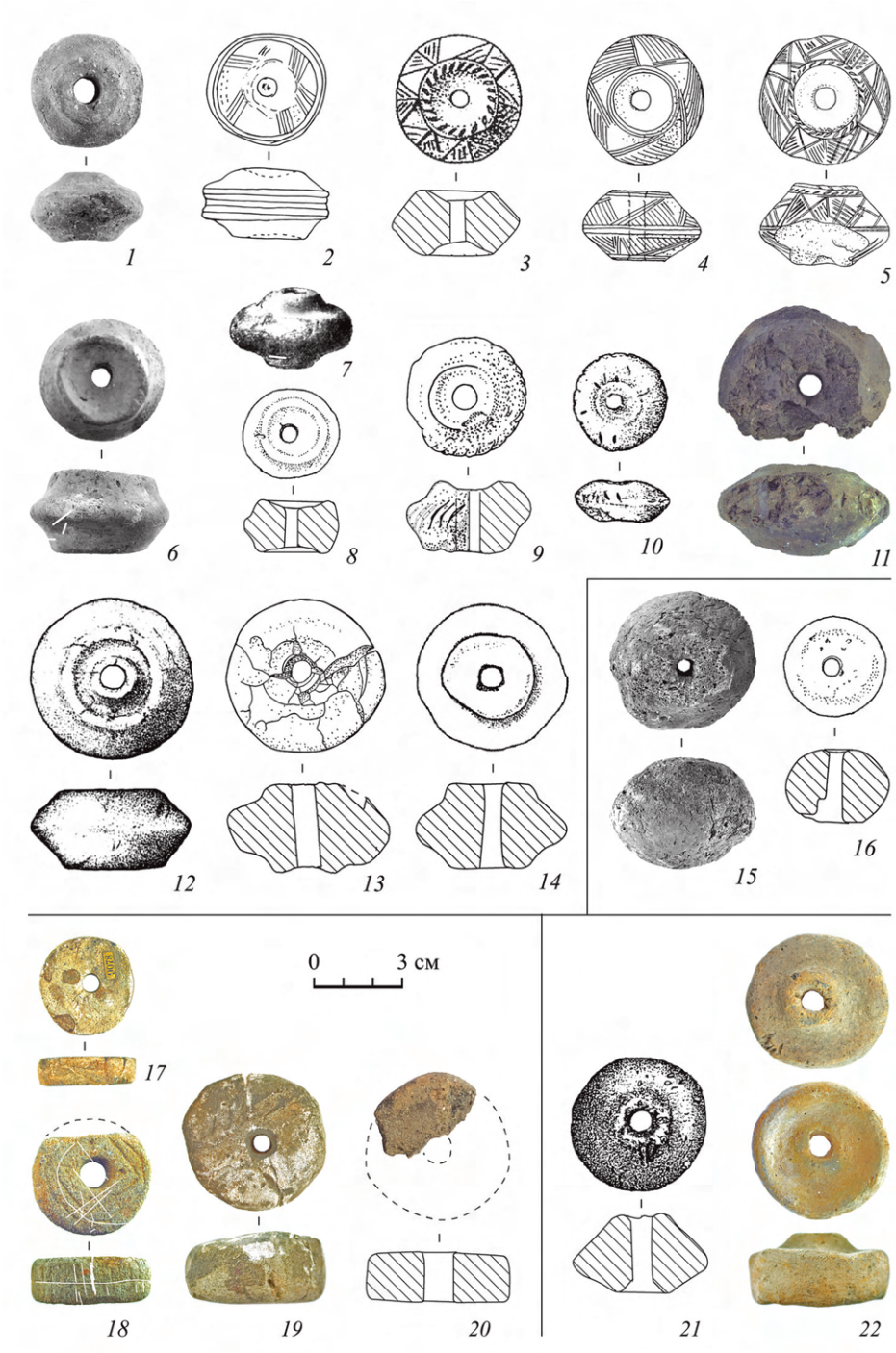
Пряслица данных форм в самбийско-натангийских древностях появляются на фазе B1/C1 (погр. 28 могильника Хрустальное/Wiekau и погр. «РМ III.84.879» могильника Поваровка/Kirpehnen (*Хомякова*, 2022. С. 192–193) (рис. 4: *5*; 5: *2*). Далее они встречаются в рассмотренных нами погребениях до VII/VIII вв.

Изделия усеченно-биконической формы, в том числе орнаментированные, встречены на поселенческих памятниках Юго-Восточной Балтии первой половины – середины I тыс. н. э. К данному типу относятся находки с селища

Рис. 4 (с. 250). Усеченно-биконические пряслица

1 – Доброе (Hünenberg), погр. 40; *2* – Митино, погр. 349; *3* – Grebieten Süd (1884), погр. 136; *4* – Митино, погр. 40; *5* – Kirpehnen-Galgenberge, погр. III.84.879; *6* – Grebieten Süd (1884), погр. 13; *7* – Grebieten Süd (1884), погр. 157; *8* – Заостровье 5, погр. 5; *9* – Заостровье 5, погр. 4; *10* – Заостровье 1, погр. 73; *11* – Куликово 8а; *12* – Eisliethen I (1891), погр. 12; *13* – Митино, погр. 67; *14* – Grebieten Süd (1884), погр. 166; *15* – Grebieten Süd (1884), погр. 100; *16* – Corjeiten, погр. 217; *17* – Grebieten Süd (1884), погр. 26; *18* – Wackern, погр. 43; *19* – Тимофеевка 2; *20* – Митино, погр. 365; *21* – Grebieten Süd (1884), погр. 102; *22* – Доброе (Hünenberg), погр. 26; *23* – Кудрявцево 2; *24* – Митино, погр. 92; *25* – Митино, погр. 244; *26* – Доброе (Hünenberg), погр. 6

1, 22, 26 – по: *Кулаков*, 2014; *2, 4, 13, 20, 24, 25* – по: *Скворцов*, 2010; *3, 5–7, 12, 14–16, 18, 21* – по: SMB–PK/MVF; *8, 9* – по: *Мастыкова и др.*, 2017; *10* – по: *Казанский и др.*, 2018; *11* – по: Вокруг кольца…, 2021; *17* – по: *Bitner-Wróblewska et al.*, 2011; *19* – по: *Калашников*, 2009; *23* – по: *Хомякова*, 2018


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
0 3 см
17
18
19
20
21
22

Кудрявцево 2 (рис. 4: *23*; 5: *11*). На поселении Куликово 8а такое пряслице (рис. 4: *11*) найдено в хозяйственной яме, радиоуглеродная датировка которой – около 560–690 гг. н. э. (Вокруг кольца…, 2021. С. 44. Рис. 41: *2*). Плоское пряслице с выраженным боковым ребром и большой площадкой у основания обнаружено на селище Тимофеевка 2 (рис. 4: *19*).

Изделия из поселенческих объектов (рис. 4: *11, 19, 23*; 5: *11*) – более крупные, чем из погребений аналогичного периода (рис. 4: *2, 4, 13*).

Пряслица усеченно-биконической формы *орнаментированы* такими же графическими композициями, как и изделия типа I.1 (рис. 5: *2–5*). Наиболее ранняя датировка – у предмета из погр. 28 могильника Хрустальное/Wiekau (рис. 5: *2*). Большинство орнаментированных экземпляров типа I.2 датированы фазами С1 и С2.

Эпохой Великого переселения народов датируется пряслице с накольчатым орнаментом (погр. 6 могильника Доброе (Hünenberg) по: *Кулаков*, 2014. С. 204) (рис. 4: *26*). К данному периоду относятся и пряслица с орнаментом в виде насечек на ребре (рис. 5: *9–10*), который не встречается на симметричных изделиях. Пряслице с насечками обнаружено и на поселении Кудрявцево 2 (рис. 5: *11*).

В конце позднеримского периода – начале эпохи Великого переселения народов орнаментация с пряслиц типа I.2.В исчезает. У формы появляется тенденция сводиться к усеченно-биконической со слегка выгнутыми сторонами (рис. 5: *12, 13*). Пряслица с выгнутыми сторонами встречаются в погребениях раннесредневековой культуры пруссов, характеризуемых наиболее многочисленным инвентарем, как погр. 318 могильника Митино (рис. 5: *14*).

2. Единичными экземплярами (около 3 % от общего числа) представлены глиняные пряслица *округлой (шаровидной) формы типа II* (рис. 1: *I, 7*; 5: *15–16*). Они близки симметрично-биконическим экземплярам с сильно заглаженным ребром. Отмечается, что округлые пряслица немногочисленны и в материалах других центрально- и восточноевропейских культур (см. тип С1 по: *Магомедов*, 2015. С. 24). Они встречаются на территориях вельбаркской культуры (напр., погр. 20, 163 могильника Веклице по: *Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn*, 2011. Pl. IV: *1*, LXVIII: *2*). Известны находки таких пряслиц в Мазурском Поозерье (напр., погр. 73В могильника Нетта по: *Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. XXXIV: *2*). В самбийско-натангийских материалах шаровидное пряслице диаметром 4,8 см, высотой 3,6 см выявлено в комплексе фазы С2 (рис. 5: *15*) (*Хомякова*, 2022. С. 196–197) и более мелкое (диам. – 1,4 см, выс. – 2,4 см) в погр. 20 могильника Митино меровингского периода (рис. 5: *16*).

Рис. 5 (с. 252). Усеченно-биконические пряслица и изделия типов II–IV

1 – Eisliethen I (1891), погр. 99; *2* – Wiekau, погр. 28; *3* – Dollkeim, погр. 299; *4* – Доброе (Hünenberg), раскоп XXX, яма Б; *5* – Доброе (Hünenberg), погр. 250; *6* – Grebieten Süd (1884), погр. 149; *7* – Grebieten Süd (1884), погр. 98; *8* – Митино, погр. 156; *9* – Доброе (Hünenberg), погр. 52; *10* – Б. Исаково, погр. 17; *11* – Кудрявцево 2; *12* – Б. Исаково, погр. 165; *13* – Доброе (Hünenberg), погр. 102; *14* – Митино, погр. 318; *15* – Grebieten Süd (1884), погр. 142; *16* – Митино, погр. 20; *17* – Greibau, погр. 25c; *18* – Corjeiten, погр. 214; *19* – Warengen, погр. 4; *20* – Шумное 6; *21* – Б. Исаково, погр. 12; *22* – Warengen, погр. 13

1, 2, 6, 7, 15, 17, 19, 22 – по: SMB–PK/MVF; *3* – по: *Кулаков*, 2007; *4, 5, 9, 13* – по: *Кулаков*, 2014; *8, 14, 16* – по: *Скворцов*, 2010; *10, 12, 21* – по: *Skvorzov*, 2007; *20* – по: Вокруг кольца…, 2021

3. Редки пряслица *дисковидной формы типа III* (около 7 %) (рис. 1: *I, 7*; 5: *17–20*). Все они представлены уплощенными изделиями с соотношением сторон 0,3–0,4. Диаметр – 3,2–5,0 см, высота – 0,8–2,2 см, диаметр отверстия – 0,6–0,8 см. Такие пряслица изготовлены как из глины (рис. 5: *20*), так и из сланца-песчаника (рис. 5: *17–19*). Уплощенные предметы редки в центрально- и восточноевропейских культурах (см. тип D1 по: *Магомедов*, 2015. С. 25). Тем не менее глиняные изделия встречаются в материалах вельбарских памятников нижнего Повисленья (*Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn*, 2011. Pl. CLXXVII: *8*)

Пряслица из *сланца-песчаника* появляются в самбийско-натангийских комплексах фазы B2/C1, как в погр. 37 могильника Еландовка/Wackern и погр. 25с могильника Гребау (*Хомякова*, 2022. С. 192–193) (рис. 5: *17*). Орнаментированное сеткой крупное пряслице найдено в погр. 114 могильника Путилово/Corjeiten фазы C1b (Там же. С. 194–195) (рис. 5: *18*). Указанные изделия происходят из комплексов, выделяющихся качеством погребального инвентаря. С ними найдены предметы, отражающие высокий социальный статус погребенных: шейные гривны, янтарь-сырец, фибулы из бронзы и серебра (Там же. С. 146–147, 164–165).

Плоские пряслица из сланца-песчаника на фазе C1b-C2 находят на территории восточной части Мазурского Поозерья, в частности в трупоположениях погр. 2 кургана LXXVIII и в кургане 59/1960 могильника Швайцария (*Jaskanis*, 2013. P. 59–60, 110. Tab. LXXIX: *7*; CCX: *2*). В аналогичный период их помещают в погребения могильников Западной Литвы, в то время как в нижнем Понеманье они отсутствуют (*Bliujienė*, 2013. P. 402). Такие изделия часто характеризуют женские погребения вельбаркской культуры начиная с раннеримского времени (напр., Гжебница, погр. 10, 11, 19b, 62 – по: *Hahuła, Wołągiewicz*, 2001. P. 20–22, 29).

В самбийско-натангийских погребениях III–IV вв. встречаются и плоские пряслица из глины, которые могли имитировать престижные изделия из сланца-песчаника. Экземпляр формы, близкой описанным изделиям из песчаника, встречен в погр. 119 могильника Большое Исаково фазы C3-D (*Хомякова*, 2022. С. 198–199). Помимо пряслица в данном погребении найдена еще одна имитация «престижного» украшения – гривна с «грушевидным» замком из бронзы (Там же. С. 80. Рис. 64: *1*).

На территории Сувалкии глиняные дисковидные пряслица найдены вместе с изделиями усеченно-биконической формы в кремационном погребении 3 кургана 20 могильника Швайцария, датированного фазой C3-D1 (*Jaskanis*, 2013. P. 90. Tab. CLIV: *6–9*). Известна находка дисковидного керамического пряслица на поселении Шумное 6 северной части Калининградского полуострова, датированном позднеримским периодом (Вокруг кольца…, 2021. С. 61) (рис. 5: *20*).

4. Исключительная форма самбийско-натангийских пряслиц – коническая *типа IV* (рис. 1: *I, 9*). Известно два глиняных экземпляра, один из которых уплощенный с выпукло-вогнутым профилем (диаметр – 4,6 см, высота – 2,1 см) (рис. 5: *22*), другой – в виде конуса (диаметр – 4,4 см, высота – 2,6 см) (рис. 5: *21*).

Такие изделия находят аналогии в пшеворских древностях, встречаются на территории западной части Восточной Европы во второй половине III в. (см. вариант B113 по: *Магомедов*, 2015. С. 22–23. Рис. 6). Примечательно, что в комплексе с коническим пряслицем из погр. 12 могильника Большое Исаково

обнаружены и другие предметы убора, находящие параллели в пшеворских древностях (см.: *Хомякова*, 2022. С. 40. Рис. 30: *1*).

Пряслица типа IV найдены в погребениях фазы С2 (Там же. С. 196–197). Изделия такой формы – довольно редкая категория и в материалах других центральноевропейских культур (*Обломский*, 2007. С. 86; *Магомедов*, 2015. С. 21–22). Тем не менее они известны в материалах вельбаркского могильника Веклице, расположенного на соседней с самбийско-натангийской территории (см. погр. 223 по: *Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn*, 2011. LXXXVII: *2*).

Пряслица как элемент погребального инвентаря

На поселениях Юго-Восточной Прибалтики глиняные пряслица присутствуют с эпохи неолита (*La Baume*, 1941. S. 3). По данным поселения Прибрежное, они представляли собой конусовидные изделия и выполняли в том числе роль грузиков (*Зальцман*, 2019. С. 54. Рис. 136: *2*).

Элементом погребального обряда пряслица становятся только в первых веках н. э. на могильниках самбийско-натангийской культуры. В это время пряслица появляются и в инвентаре ряда центральноевропейских культур.

Традиция помещения пряслица в захоронение, как и многие другие изменения в погребальном обряде европейских варваров рубежа эр, связана с провинциально-римским влиянием. Обычай класть в могилы инструменты текстильного производства (пряслица и веретена) известен по данным надгробных изображений Паннонии середины I – начала II в. н. э. (*Garbsch*, 1965. S. 12–13). Такое отображение экономической и социальной роли женщины с раннего железного века известно у римлян. Предметы, связанные с прядением и ткачеством, были призваны показать статус женщины – жены и хозяйки дома (*La Baume*, 1941. S. 1–3; *Pasztókai-Szeöke*, 2011. P. 125–141 – там литература). В погребальных памятниках Паннонии все без исключения, пряслица по данным антропологии, найдены в могилах взрослых женщин и несовершеннолетних девочек (*Pasztókai-Szeöke*, 2011. P. 126).

В погребениях пшеворской и оксывской культур керамические пряслица находят с конца предримского – начала раннеримского времени. В материалах любошицкой культуры биконические пряслица появляются в захоронениях рубежа фаз B1/B2 (*Магомедов*, 2015. С. 41 – там литература). В аналогичный период пряслица начинают помещать в женские погребения вельбаркской культуры. На могильниках нижнего течения Вислы наиболее ранние трупоположения с пряслицами датируются серединой – второй половиной I в. н. э. (*Wołągiewicz*, 1981. P. 84–85. Fig. 3; 1995. Taf. IV: *12*, XIII: *76*, XVII: *253*; *Jaskanis*, 1996. S. 107).

В материалах варварских культур пряслица в погребениях также символизируют женственность. Оковки для веретен представлены в погребениях вельбаркской культуры нижнего течения Вислы вместе с пряслицами. Примером служат погр. 29 могильника Гжебница и погр. 217 могильника Прущ Гданьки 10, датированные фазами B2a и B2/C1, принадлежащие взрослым женщинам (*Hahuła, Wołągiewicz*, 2001. P. 24; *Piertzak*, 1997. P. 37).

В Юго-Восточной Прибалтике пряслица также появляются в начале эпохи римских влияний вместе с социальными трансформациями и изменениями

в погребальном обряде. Захоронения с пряслицами составляют около 30 % комплексов фемининной и фемининно-нейтральной групп погребений римского времени с набором украшений и являются их основой. В отдельных могилах находят и оковки веретен, как, например, в погр. 78 могильника Большое Исаково (*Хомякова*, 2022. С. 172–173). Обычай помещать в погребение пряслице как символ женственности, вероятно, сохраняется в культуре раннесредневековых пруссов (Там же. С. 13–14, 114).

Признаком женской группы погребений в эпоху римских влияний пряслица являются в культурах остальной Балтии (*Jaskanis*, 2013. P. 215–216). В Мазурском Поозерье и в Западной Литве погребения с ними появляются на фазах B2 и B2/C1 (*Szymański*, 2005. P. 64–65 Tab. XV: *13*, XVI: *1, 2*; *Bitner-Wróblewska*, 2007. P. 85–86; *Banytė-Rowell*, 2014. P. 130–132). Из состава инвентаря там они также исчезают в эпоху викингов (*Bliujienė*, 2013. P. 402).

На Восточноевропейской равнине пряслица находят в погребениях черняховской культуры, связанной с центральноевропейской традицией (*Gopkalo*, 2011. P. 65–80). Вероятно, под ее влиянием в эпоху Великого переселения народов отдельные пряслица появляются, например, и в захоронениях памятников типа Чертовицкое-Замятино (напр., погр. 8 могильника Ксизово 17А, погр. 71 могильника Ксизово 19 по: Острая Лука…, 2015. С. 44, 94. Рис. 194: *7*).

Присутствие пряслиц в захоронениях западной части Восточной Европы как следствие влияния провинциально-римской и центральноевропейской традиции на погребальный обряд, возможно, косвенно подтверждает тот факт, что они отсутствуют в погребальных древностях лесной и лесостепной зон, не затронутых этим влиянием. В то же самое время на поселенческих памятниках культур раннеславянского круга пряслица многочисленны (напр.: *Шарова*, 2004. С. 65. Рис. 2; *Обломский*, 2007. С. 83, 86. Рис. 44; *Лопатин, Фурасьев*, 2007. С. 276).

Заключение

Наиболее ранние пряслица в Юго-Восточной Балтии найдены в женских трупоположениях фазы B2 раннеримского времени самбийско-натангийской культуры. Число захоронений с ними увеличивается с фазы B2/C1. Все они с этого периода представлены кремациями (преимущественно урновыми). Наибольшее типологическое разнообразие пряслиц, в том числе орнаментированных, зафиксировано в женских погребениях фаз C1 и C2, отличающихся количеством и качеством инвентаря. В этот период в комплексах находят до двух-трех предметов. Среди них присутствуют и изделия со знаковыми изображениями и пряслица из сланца-песчаника (рис. 2: *25*; 5: *17–19*). Последние в самбийско-натангийском ареале могли быть импортами с территории соседней вельбаркской культуры. Начиная с фаз C3, D1 в погребения помещается исключительно по одному пряслицу.

Пряслица самбийско-натангийской культуры I–V вв. – часть центральноевропейского массива находок – и представлены типичными для указанного периода формами, распространенными в соседних восточногерманских культурах, в особенности вельбаркской.

Пряслица наиболее многочисленных форм существуют на протяжении длительного периода, встречаясь как в погребениях позднеримской эпохи и Великого переселения народов, так и в материалах раннесредневековой культуры пруссов VI–VIII вв. Для последней более всего характерны изделия биконических форм (рис. 2: *7–9*; 4: *24–25*).

По имеющимся данным, на селищах Калининградского полуострова I тыс. н. э. находят предметы, аналогичные представленным в захоронениях, но, как правило, более крупных размеров (рис. 2: *16*; 3: *6, 21*; 4: *11, 23*; 5: *11*), ведь если в могильном инвентаре пряслица играли символическую роль, то на поселениях имеется дело с предметами, использовавшимися в хозяйстве. Тем не менее полученная информация о типологии и хронологии пряслиц из погребений может использоваться для атрибуции и анализа находок из поселенческих объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Вокруг кольца. Поселения эстиев и пруссов на севере Самбии / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2021. 284 с.

Гавритухин И. О., 2007. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгунского времени // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 30–33. (Раннеславянский мир; вып. 9.)

Зальцман Э. Б., 2019. Восточная группа приморской культуры. Анализ материалов поселенческих комплексов. Ч. 1. М.: ИА РАН. 688 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 26.)

Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н., 2018. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН. 312 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 22.)

Калашников Е. А., 2009. Археологические работы на поселении Тимофеевка – Камсвикус в 2003 году // Надровия: историко-краеведческий журнал. Вып. 6. С. 17–22.

Кулаков В. И., 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука. 166 с. (САИ; вып. Г1-9.)

Кулаков В. И., 1998. Зональный орнамент на сосудах малых форм из могильников Янтарного берега // 20 lat archeologii w Masłomęczu. T. II / Eds.: J. Ilkjaer, A. Kokowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu. P. 91–118.

Кулаков В. И., 2007. Долькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси. 335 с.

Кулаков В. И., 2014. Hünenberg – «Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // Światowit. Supplement series B. Barbaricum. T. 10 / Ed. B. Kontny et al. Warszawa. P. 199–362.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. М.: ИА РАН. 252 с. (РСМ; вып. 8.)

Магомедов Б. В., 2015. Керамические пряслица черняховской культуры. Киев: ИА НАНУ. 170 с.

Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Юганов К. Л., 2017. Могильник Шлакалькен-5: о культурно-хронологической преемственности памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в северной части Самбийского полуострова // КСИА. Вып. 246. С. 28–56.

Обломский А. М., 2007. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 73–132. (РСМ; вып. 9.)

Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. 2015. 660 с. (РСМ; вып. 16.)

Радюш О. А., 2010. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах по теме: Исследования поселений I тыс. н. э. Коврово-2 и Коврово-3 в Зеленоградском районе Калининградской области в 2010 году // Архив ИА РАН. Р-I.

Скворцов К. Н., 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). Материалы исследований 2008 г. Ч. 1. М.: ИА РАН. 302 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 15.)

Хомякова О. А., 2018. Отчет об археологических разведках в Черняховском районе Калининградской области в 2018 году // Архив ИА РАН. Р-I.

Хомякова О. А., 2022. Женский убор самбийско-натангийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология. М.: ИА РАН. 320 с. (Германия – Сарматия. Монографии; вып. 1.)

Шарова О. А., 2004. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в 1-м тыс. н. э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Материалы VI научной конференции. 28 февраля – 3 марта 1995 года. Калуга: Изд-во Н. Ф. Бочкаревой. С. 65–72.

Banytė-Rowell R., 2014. Gender roles in the prehistoric communities of west Lithuania's micro-areas between the late Roman Iron age and the Late Migration period: continuity or change? // Lietuvos Archeologija. T. 40. P. 99–138.

Bitner-Wróblewska A., 2007. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Pánstwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 325 p. (Monumenta archaeologica barbarica; t. XII.)

Bitner-Wróblewska A., Rzeszotarska-Nowakiewicz A., Līga Vīrse I., Bitner-Wróblewska D., 2011. Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona = Das archäologische Vermächtnis Ostpreußens im Archiv des Felix Jakobson / Ed. T. Nowakiewicz. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego. 639 p. (Aestiorum hereditas; t. 2.)

Bliujienė A., 2013. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai / Ed. A. Girininkas. Klaipėda: Klaipėdos Universiteto Leidykla. 750 p. (Lietuvos archeologija; t. III.)

Blume E., 1912. Die Germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passagre zur römischen Kaizerzeit. 1. Würzburg: C. Kabitzsch. 212 S.

Chytrá H., 2011. Přesleny jako součást výbavy hrobů doby římské v Čechách, na Moravě a na jihozápadním Slovensku // Archeologie Barbarů: Hroby a pohřebiště Germánů mezi Labem a Dunajem Sborník příspěvků ze VI. Protohistorické konference Hradec Králové, 6.–9. září 2010 / Ed. E. Droberjar. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci. S. 389–394.

Garbsch J., 1965. Die norisch-pannonische Frauentracht im I. und 2. Jahrhundert. München: Beck. 236 p. (Veröffentlichungen der Kommission zur Archäologischen Erforschung des Spätrömischen Raetien; 5) (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte; 11.)

Gopkalo O., 2011. Male and femaile dress accessories in the Chernyakhiv culture // Ukrainian Archaeology. P. 65–80.

Hahuła K., Wołągiewicz R., 2001. Grzybnica. Ein Gräberfeld mit Steinkreisen der Wielbark-Kultur in Pommern. Warzsawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 184 s. (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. VIII.)

Jaskanis J., 1996. Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Warszawa; Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 226 s. (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. II.)

Jaskanis J., 2013. Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich, Oddział w Warszawie. 326 s.

La Baume W., 1941. Vorgeschichtliche Forschung und Denkmalpflege in Ostpreußen (1939 und 1940) // Nachrichtenblatt fur Deutsche Vorzeit. Bd. 17 / Hrsg.: G. Kossinna, M. Jahn. Leipzig: C. Kabitzsch. S. 82–88.

Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J., 2011. Weklice. A cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 431 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. XVII.)

Pasztókai-Szeöke J., 2011. «The mother shrinks, the child grows. What is it?» The evidence of spinning implements in funerary context from the Roman province of Pannonia // Mujer y vestimenta: aspectos de la identidad femenina en la Antigüedad / Eds.: A. Giner, M. J. Martinez Garcia, J. Ortiz. Valencia: Universidad de Valencia. P. 125–141.

Piertzak M., 1997. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und wielbark kultur in Ostpommern. Krakow: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. 268 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. IV.)

Skvorzov K., 2007. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // Offa. Bd. 61/62 (2004/2005). S. 111–219.

Szymański P., 2005. Mikroregion osadniczy z okresu wpływów rzymskich w rejonie jeziora Salęt na Pojezierzu Mazurskim. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. 284 p. (Swiatowit. Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages; 10.)

Tautavičius A., 1996. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius: Pilių tyrimų centras «Lietuvos Pilys». 367 p.

Wołągiewicz R., 1981. Kultura wielbarska problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej / Ed. T. Malinowski. Słupsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Słupsku. S. 79–106.

Wołągiewicz R., 1995. Lubowidz. Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1 Jhs. V. Chr. Bis zum Anfang des 3 Jhs.n. Chr. // *Monumenta Archaeologica Barbarica* , T. I. Kraków: : Wydawnictwo i Drukarnia Secesja. 124 p.

Сведения об авторе

Хомякова Ольга Алексеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

O. A. Khomyakova

SPINDLE WHORLS OF THE SOUTHEASTERN BALTIC REGION (BASED ON THE MATERIALS OF THE KALININGRAD PENINSULA, 1th–8th CENTURIES)

Abstract. Spindle whorls of the Sambian-Natangian culture of the 1st–5th centuries and the early medieval culture of the Prussians dating to the 6th–8th centuries are found in female graves and at settlements. During the Roman period these items were represented by the types characteristic for neighboring Central European cultures, in particular, the Wielbark culture. Some items are imported. The earliest spindle whorls have been found in inhumation burials of the Early Roman period, they became a typical item of the funerary assemblages starting from the first half – middle of the 2nd century. Characteristic forms of the items existed during a long period, and can be found in the contexts related to the Migration period and the Merovingian dynasty period. The forms of the spindle whorls discovered at the unfortified settlements in the Kaliningrad peninsula dating to the first millennium AD are similar to those found in burials.

Keywords: spindle whorls, typology, southeastern Baltics, Sambian-Natangian cultures, early medieval culture of the Prussians.

REFERENCES

Gavritukhin I. O., 2007. Ingumatsii, svyazannye s kul'turoy osedlogo naseleniya, i otdel'nye nakhodki postgunnskogo vremeni [Inhumations associated with culture of settled population and individual finds of the post-Hunnic period]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 30–33. (RSM, 9.)

Kalashnikov E. A., 2009. Arkheologicheskie raboty na poselenii Timofeevka – Kamsvikus v 2003 godu [Archaeological work at settlement Timofeevka – Kamsvikus in 2003]. *Nadroviya: istoriko-kraevedcheskiy zhurnal [Nadrovia: journal of history and local lore]*, 6, pp. 17–22.

Kazanskiy M. M., Zaltsman E. B., Skvortsov K. N., 2018. Rannesrednevekovyy mogil'nik Zaostrov'e-1 v Severnoy Sambii [Early Medieval cemetery Zaostrovye-1 in Northern Sambia]. Moscow: IA RAN. 312 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 22.)

Khomyakova O. A., 2018. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Chernyakhovskom rayone Kaliningradskoy oblasti v 2018 godu [Report on archaeological exploration in Chernyakhovsk district, Kaliningrad region in 2018]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Khomyakova O. A., 2022. Zhenskiy ubor sambiysko-natangiyskoy kul'tury I–IV vv. Analiz komponentov i khronologiya [Female attire of Sambian-Natangian culture of I–IV cc. Component analysis and chronology]. Moscow: IA RAN. 320 p. (Germaniya – Sarmatiya. Monografii, 1.)

Kulakov V. I., 1990. Drevnosti prussov VI–XIII vv. [Antiquities of the Prussians, VI–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 166 p. (SAI.)

Kulakov V. I., 1998. Zonal'nyy ornament na sosudakh malykh form iz mogil'nikov Yantarnogo berega [Zonal ornament on small vessels from cemeteries of the Amber Coast]. *20 lat archeologii w Masłomęczu*, II. J. Ilkjaer, A. Kokowski, eds. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu, pp. 91–118.

Kulakov V. I., 2007. Dollkaym-Kovrovo. Issledovaniya 1992–2002 gg. [Dollkeim-Kovrovo. 1992–2002 research]. Minsk: Institut istorii NAN Belarusi. 335 p.

Kulakov V. I., 2014. Hünenberg – «Gora Velikanov». Mogil'nik III–IV vv. na severe Sambii [Hünenberg – «Gora Velikanov». Cemetery of III–IV cc. in the north of Sambia]. *Światowit. Supplement series B. Barbaricum*, 10. B. Kontny, ed. Warszawa, pp. 199–362.

Lopatin N. V., Furas'ev A. G., 2007. Severnye rubezhi ranneslavyanskogo mira v III–V vv. n. e. [Northern frontiers of Early Slavic world in III–V cc. AD]. Moscow: IA RAN. 252 p. (RSM, 8.)

Magomedov B. V., 2015. Keramicheskie pryaslitsa chernyakhovskoy kul'tury [Ceramic spindle-whorls of Chernyakhov culture]. Kiev: IA NANU. 170 p.

Mastykova A. V., Dobrovol'skaya M. V., Yuganov K. L., 2017. Mogil'nik Shlakalken-5: o kul'turno-khronologicheskoy preemstvennosti pamyatnikov rimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniya narodov v severnoy chasti Sambiyskogo poluostrova [Shlakalken-5 cemetery: cultural and chronological continuity of the sites dated to the Roman period and Migration period in northern part of the Sambian peninsula]. *KSIA*, 246, pp. 28–56.

Oblomskiy A. M., 2007. Lesostepnoe Podon'e [The Don forest-steppe region]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 73–132. (RSM, 9.)

Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskiy kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.) [Ostraya Luka of the Don in antiquity. Archaeological complex of sites of the Hun time near village Ksizovo (late IV – V c.)]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN. 2015. 660 p. (RSM, 16.)

Radyush O. A., 2010. Otchet ob okhrannykh nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh rabotakh po teme: Issledovaniya poseleniy I tys. n. e. Kovrovo-2 i Kovrovo-3 v Zelenogradskom rayone Kaliningradskoy oblasti v 2010 godu [Report on rescue research archaeological works on the theme: Research of settlements of I mill. AD Kovrovo-2 and Kovrovo-3 in Zelenograd district, Kaliningrad region in 2010]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Sharova O. A., 2004. Dve traditsii izgotovleniya pryaslits Verkhnego Podneprov'ya i prilegayushchikh territoriy v 1-m tys. n. e. [Two traditions in making spindle-whorls in Upper Dnieper region and adjacent territories in 1st mill. AD]. *Voprosy arkheologii, istorii i kultury Verkhnego Pooch'ya. Materialy VI nauchnoy konferentsii. 28 fevralya – 3 marta 1995 goda [Issues of archaeology, history and culture of Upper Oka region. Transactions of VI scientific conference. February 28 – March 3, 1995]*. Kaluga: N. F. Bochkareva Publishers, pp. 65–72.

Skvortsov K. N., 2010. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'). Materialy issledovaniy 2008 g. [Cemetery Mitino, V–XIV cc. (Kaliningrad region). Materials of 2008 research], 1. Moscow: IA RAN. 302 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 15.)

Vokrug kol'tsa. Poseleniya estiev i prussov na severe Sambii [Around the ring. Aestii and Prussian settlements in the north of Sambia]. N. A. Krenke, comp. Moscow: IA RAN, 2021. 284 p.

Zaltsman E. B., 2019. Vostochnaya gruppa primorskoy kul'tury. Analiz materialov poselencheskikh kompleksov [The Eastern group of Pomeranian culture. Analysis of materials from settlement complexes], 1. Moscow: IA RAN. 688 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 26.)

About the author

Khomyakova Olga A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

А. М. Колоколов

НАХОДКА ПОДКОВООБРАЗНОЙ ФИБУЛЫ С ЗООМОРФНЫМИ ОКОНЧАНИЯМИ ИЗ РАСКОПА XXVIII НА ГОРОДИЩЕ СУПРУТЫ

Резюме. В статье приводится анализ уникальной для региона Окско-Донского водораздела находки – фрагмента изделия с окончанием в виде головы мифического животного. Предмет был обнаружен на городище у с. Супруты, в раскопе XXVIII 2007 г. Близкие по морфологии изделия происходят из погребений Гнездовского могильника. Стилистически схожие украшения известны в комплексе поселений и могильников юго-восточной Прибалтики, Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии. На основании немногочисленных аналогий и контекста обнаружения публикуемая находка может быть предварительно датирована серединой – второй половиной X в. Она органично вписывается в комплекс североевропейских древностей городища у с. Супруты и дает дополнительные основания для уточнения хронологии памятника.

Ключевые слова: изделие с зооморфным окончанием, городище у с. Супруты, Окско-Донской водораздел, X в.

Публикуемая находка была сделана в 2007 г. в раскопе XXVIII, заложенном в 2006 г. в приваловой части городища у с. Супруты (рис. 1) Щекинского района Тульской области (среднее течение р. Упа, правого притока р. Ока) и изучавшемся на протяжении двух лет (рис. 2: *2*)[1]. На сегодняшний день это последние работы на памятнике. Материалы данных раскопок введены в научный оборот только частично (*Григорьев*, 2008; 2009) и в настоящее время готовятся к публикации. Находка хранится в фондах Государственного музея-заповедника «Куликово поле» (ВХ-1613/76).

[1] Выражаю благодарность А. М. Воронцову за возможность использовать неопубликованные материалы.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.261-274

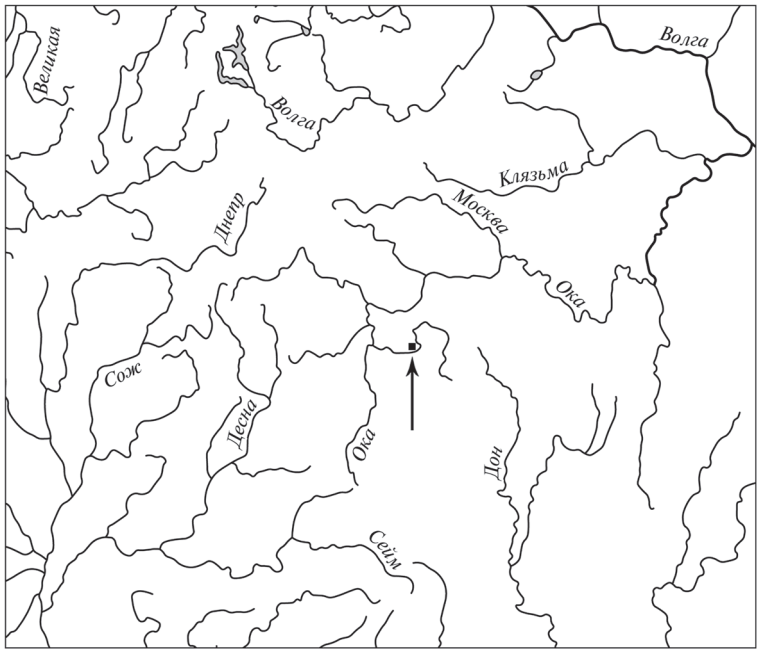


Рис. 1. Расположение городища Супруты

Фрагмент изделия был найден в кв. 51, в непосредственной близости от заглубленной части постройки 1, возможно в верхней части ее заполнения (рис. 2: *1*). Точнее сказать нельзя, так как предмет был обнаружен в процессе переборки грунта при снятии слоя 1. Прочие находки из него представлены битрапециевидным пряслицем, фрагментом чернолощеного пряслица, бронзовой обоймой, неопределимым железным изделием и мелкими фрагментами керамики как роменского, так и мощинского типов (*Воронцов*, 2007. С. 17; 2008. С. 8, 24, 26). Данный слой располагается непосредственно под дерном и имеет смешанный характер.

В слой был углублен котлован постройки 1, контур которой частично попадал в границы квадрата 51 (рис. 2: *1, 3*). По А. В. Григорьеву, постройка относится к III этапу существования славянского поселения на городище, предшествующему времени его гибели (V этап) (*Григорьев*, 2008. С. 95–99; 2011. С. 21–23). Объекты, относящиеся к промежуточному IV этапу, в створе раскопа XXVIII не зафиксированы.

Из заполнения постройки происходит ряд находок (рис. 3). Среди них топор с вогнутой бородкой, вытянутым тонким прокованным полотном, вырезанным обухом (нижний обушной выступ утрачен) и боковыми щековицами (рис. 3: *1*). Морфологически данный топор наиболее близок к типу VI, по А. Н. Кирпичникову, возникновение которого исследователь связывал с территорией Древней Руси (*Кирпичников*, 1966. С. 30. Рис. 6; С. 37). По мнению С. Ю. Каинова, данный тип топоров формируется во второй половине X в. (*Каинов*, 2019. С. 148). Однако изделие из постройки 1 имеет ряд отличий от классической

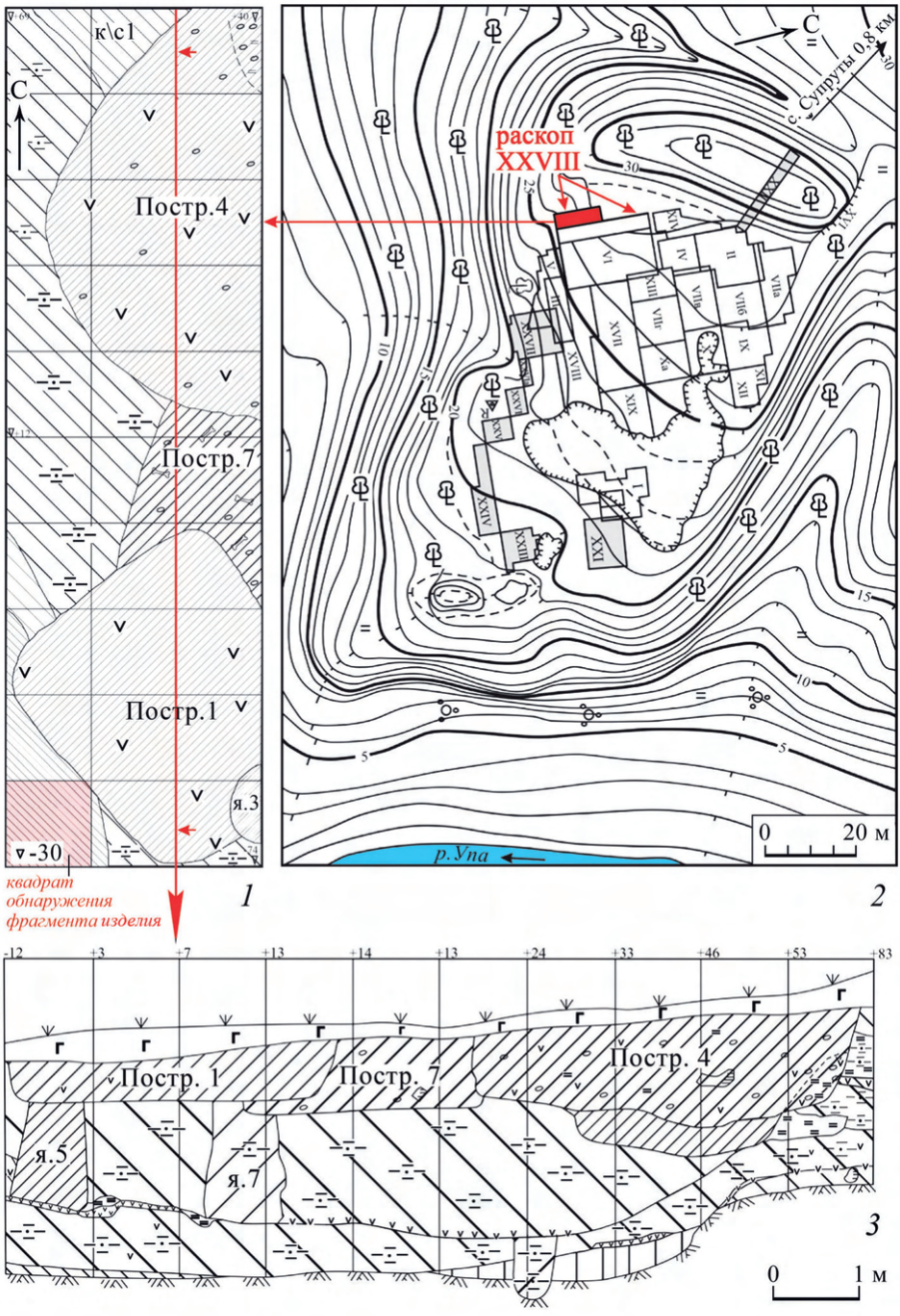


Рис. 2. Раскоп XXVIII

1 – ЮЗ часть раскопа XXVIII на уровне подошвы слоя 1 (по: *Воронцов*, 2008. Рис. 11); *2* – топографический план городища у с. Супруты с нанесенными раскопами (инструментальная съемка Воронцова А. М., 2002 г., сечение горизонталей – 1 м); *3* – стратиграфический профиль ЮЗ части раскопа XXVIII, вид с В

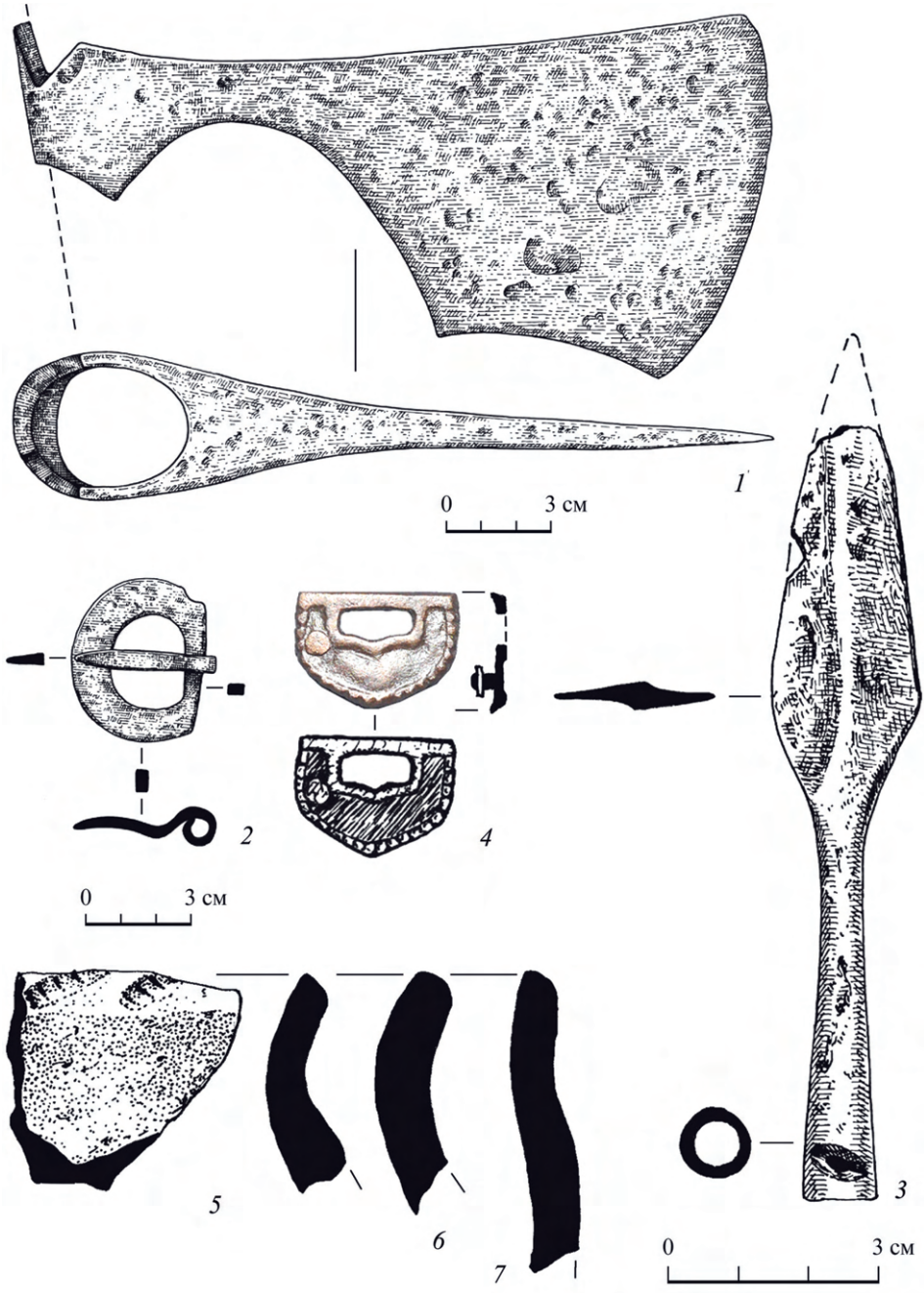


Рис. 3. Находки из заполнения постройки 1 раскопа XXVIII

1 – топор; *2* – подпружная пряжка; *3* – наконечник дротика; *4* – поясная накладка; *5–7* – венчики груболепных сосудов роменского типа

1–3 – железо; *4* – цветной металл; *5–7* – керамика

формы IV типа. Это прежде всего практически прямая линия верхней части полотна и широкая бородка (45 % от общей длины топора). Наиболее близкие аналогии находке из постройки 1 происходят с территории Северной Европы и Восточной Балтики. Аналогичный топор, интерпретированный как боевой, происходит из мужского захоронения 1077 Бирки с крайне скудным погребальным инвентарем (*Arbman*, 1943. Taf. 14: *3*; *Hallinder*, 1986. S. 47). Схожее орудие обнаружено в захоронении середины X в. могильника Боговей, на датском о. Лангеланн (*Grøn et al.*, 1994. P. 120. Fig. 122). На территории Восточной Балтики аналогичное орудие содержится в захоронении в Улиле, Тартумаа (Эстония), которое датируется концом эпохи викингов (*Tvauri*, 2012. P. 126–127. Fig. 82: *2*). Значительное число схожих предметов происходит с территории Польши, из комплексов IX–XI вв. (*Kotowicz*, 2014. Tabl. IX: *7*; XLIII: *3*; CXXXIV: *2*; CLII: *2*).

Пятиугольная поясная накладка с рифленым ободком (рис. 3: *4*), обнаруженная в постройке, относится к виду 1Г, гр. 1 кл. IV, по В. В. Мурашевой (*Мурашева*, 2000. С. 31. Рис. 35). Подобные накладки, в различных орнаментальных вариациях, широко распространены в кочевнических древностях IX–X вв. Встречаются они и на территории Скандинавии – в материалах поселения Черная земля на о. Бьерко (*Jansson*, 1986. S. 94, Abb. 10: *c*). Наиболее близкие и многочисленные аналогии происходят с памятников лесного Поволжья – из комплексов X в. могильников «Черемисское кладбище», Дубовского, Юмского (*Никитина*, 2012. С. 69–70. Рис. 112: *7*; 120: *2*; 215: *1*; 257: *28*; 288: *8*) и Танкеевского (*Казаков*, 1971. С. 121. Табл. XX: *35*).

Втульчатый наконечник сулицы (рис. 3: *3*) имеет ромбовидную форму пера, характерную для древностей Восточной Европы IX–X вв. Он наиболее близок к наконечникам типа III, по А. Н. Кирпичникову (*Кирпичников, Медведев*, 1985. С. 337. Табл. 125). Однако смещение лопастей пера относительно продольной оси нехарактерно для восточнославянских копий. Наконечники близкой формы и сечения пера известны на территории Скандинавии в II–V вв., в частности в материалах Иллеруп Адал, где они выделены в 20-й тип (*Ilkjær*, 1990. Taf. 173). Подобный прием встречается в конструкции некоторых типов скандинавских ланцетовидных стрел эпохи викингов (*Westphalen*, 2002. P. 236. Abb. 109: *3*; *Paulsen*, 1999. P. 110. Abb. 12: *2*). Вероятно, данное изделие также североевропейского производства либо изготовлено под влиянием скандинавских оружейных традиций.

Также в заполнении постройки обнаружено несколько мелких фрагментов груболепных сосудов роменского типа, в том числе три венчика, один из которых орнаментирован веревочным штампом (рис. 3: *5–7*). По мнению А. В. Григорьева, заполнение котлована постройки имеет характер единовременной забутовки (*Григорьев*, 2011. С. 21–23).

Таким образом, интересующая нас находка не имеет четкого контекста. Она может быть связана с заполнением постройки 1, в то же время не исключено ее попадание в слой 1 в финальный этап существования городища, поскольку слой расположен непосредственно под дерном.

Публикуемая находка представляет собой фрагмент бронзового изделия со следами позолоты, в виде изогнутого в двух плоскостях стержня, оканчивающегося литой детально проработанной головой мифического животного

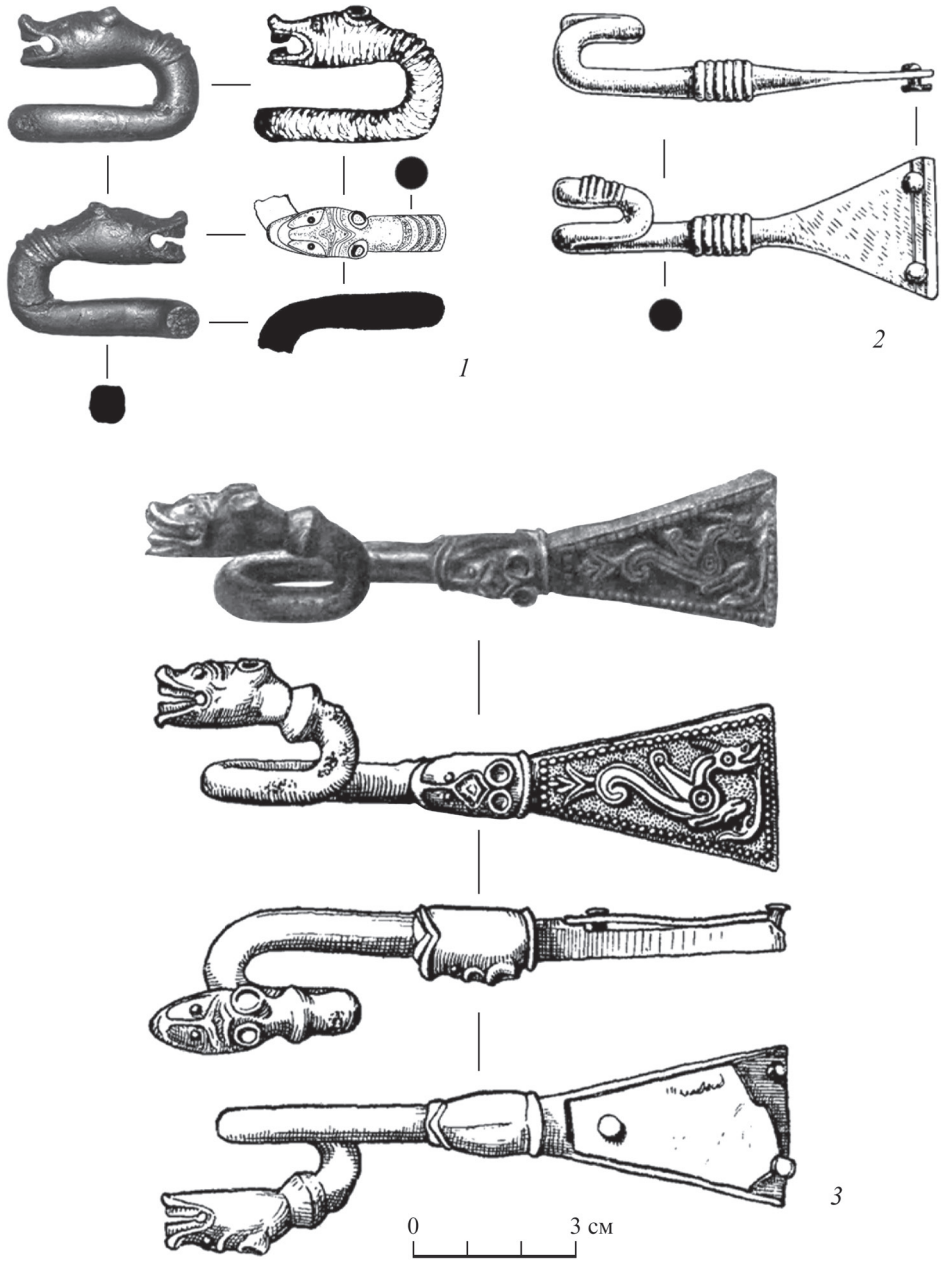


Рис. 4. Находки предметов с зооморфными окончаниями «для подвешивания вещей» (по: *Авдусин*, 1957; 1952; 1989)

1 – г. Супруты, р. XVIII; *2* – Гнездовский могильник (контекст обнаружения неизвестен. По: *Медведев*, 1966. С. 127. Табл. 7: *10*); *3* – Гнездовский могильник, курган Л-47 (по: *Авдусин*, 1957. С. 126. Рис. 10)

1, 3 – бронза; *2* – железо

(дракона?) с открытой пастью. Место перехода от головы к стержню оформлено четырьмя валиками, на участке изгиба в перпендикулярной плоскости изделие сломано (рис. 4: *1*). Подобных находок до настоящего времени на территории Окско-Донского водораздела известно не было. Сохранившийся фрагмент достаточно информативен для его соотношения с морфологически схожими изделиями.

Единичные изделия, схожие с супрутской находкой, известны на древнерусских памятниках. На настоящий момент введено в научный оборот только два экземпляра – они происходят из Гнездовского археологического комплекса.

Первая находка представляет собой сложное изделие в виде трапециевидного щитка, на лицевой стороне которого располагается рельефное изображение мифического животного – дракона или «гиппокампа» – крылатого коня-змея. На тыльной стороне щитка расположена пластина с тремя штифтами для крепления к ремню. От узкого основания трапеции отходит гладкий стержень, изогнутый в двух плоскостях и оканчивающийся детально проработанной головой мифического животного. В отличие от супрутской находки место перехода от головы к дуге оформлено не рельефными валиками, а биконическим утолщением. Переход от щитка к стержню также оформлен в виде головы животного, стилистически идентичной окончанию (рис. 4: *3*). На настоящий момент это наиболее близкое к супрутской находке изделие, введенное в научный оборот. Предмет происходит из кургана Л-47 (*Авдусин*, 1957. С. 126. Рис. 10; 1952. С. 96. Рис. 26: *2*). На основании ряда сопутствующего инвентаря захоронение датируется, по мнению С. Ю. Каинова, не ранее второй четверти – середины X в. (*Каинов*, 2001. С. 60–61).

Второй предмет (рис. 4: *2*), хотя и близок морфологически, стилистически является сильно упрощенным вариантом приведенных выше изделий и в отличие от них изготовлен из черного металла (*Сизов*, 1902. С. 56. Табл. VII: *3*; *Медведев*, 1966. С. 127. Табл. 7: *10*). Кроме того, он значительно уступает в размерах предметам с Супрут и Кургана Л-47 Гнездова. С супрутской находкой данное изделие объединяет рифление, нанесенное при переходе от зооморфного окончания к стержню. Находка обнаружена в ходе работ конца XIX в., контекст ее, к сожалению, неясен.

Стилистически находка с городища Супруты имеет явные североевропейские корни. Несмотря на то что прямых аналогий на территории Северной Европы на настоящий момент неизвестно, окончание в виде головы мифического животного характерно для скандинавских украшений эпохи викингов. Наиболее близкие стилистические аналогии обнаруживаются среди подковообразных фибул с «реалистичными» зооморфными завершениями дуги.

Наиболее представительная серия подобных украшений происходит с о. Готланд (рис. 5: *3–6*). Их свод был представлен в работе А. Карлсона (*Carlsson*, 1988), а затем дополнен в работах Л. Тунмарк-Нюлен. Данные фибулы относятся к типу 8а – подковообразные фибулы с «реалистичными» головами животных, расположенными в параллельной дуге плоскости (*Thunmark-Nylen*, 1995. Abb. 269: *1*; 1998. Taf. 113: *1 a–b*; 114: *1 a–b*, *2 a–b*; 2006. P. 110). Находки фибул типа 8а нередки и для памятников материковой Скандинавии. Серия подобных изделий обнаружена в трех мужских погребениях Бирки – № 477, 644 и 736

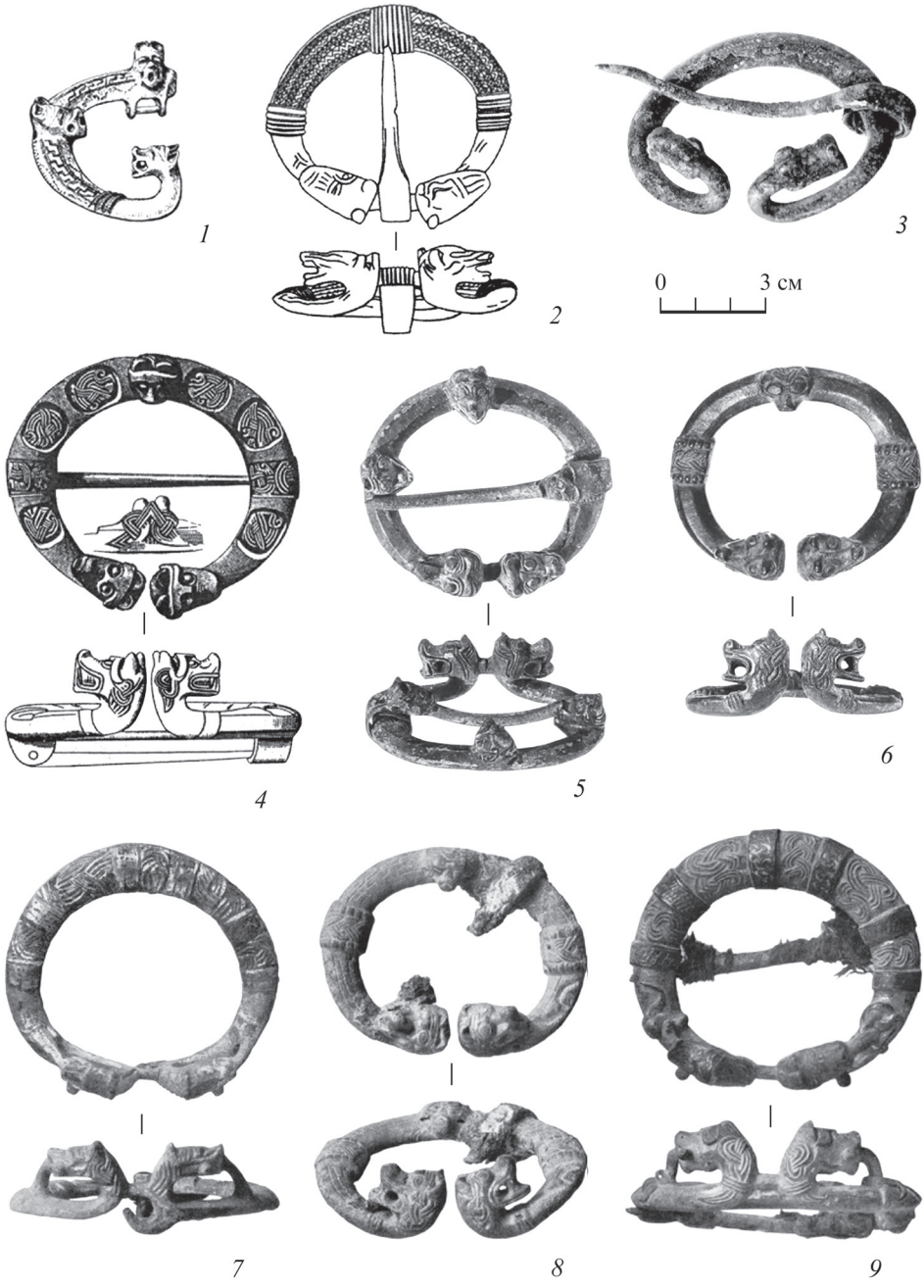


Рис. 5. Подковообразные фибулы с зооморфными окончаниями, обнаруженные на памятниках X–XI вв. на территории Древней Руси, восточной Прибалтики и Скандинавии

1 – Рюриково городище (по: *Хвощинская*, 1997. С. 177. Рис. 1); *2* – Wiskiauten (Kaup), gr. III.92.908:3 (по: *Dworschak*, 2018. P. 153. Abb. 89); *3–6* – Gotland (по: *Thunmark-Nylen*, 1995. Abb. 269: *1*; 1998. Taf. 113: *1 a–b*; 114: *1 a–b, 2 a–b*); *7–9* – Birka (*7* – gr. 644; 8 – gr. 477; *9* – gr. 736) (по: *Arbman*, 1943. Taf. 48: *2–4*)

(рис. 5: *7–9*) (*Arbman*, 1943. Taf. 48: *1–4*). Надежные основания для узкой датировки (дирхем 920/921 гг.; две овальные фибулы типа 51С и большая круглая фибула типа IIB, по И. Янссону) имеет только захоронение 644 – середина – вторая половина X в. (*Arbman*, 1940. P. 221; P. 223. Abb. 183: *1, 2*; *Jansson*, 1984a. S. 47; 1984b. S. 76–77; *Андрощук*, 2010. С. 80–81). Х. Толин выделяет данную категорию вещей из Бирки в тип V: «кольцевые застежки с головками животных» (*Thålin*, 1984. P. 19). Бронзовая фибула с позолотой типа 8а, с незамкнутой дугой (рис. 4: *9*) происходит из раскопок портовой зоны Хедебю (*Kalmring*, 2010. P. 436. Abb. 317: *1*). Единичные экземпляры подковообразных фибул с загнутыми наружу головами животных известны также на территории Норвегии (рис. 5: *9*) (*Petersen*, 1928. P. 191. Fig. 233) и Финляндии (*Thålin*, 1984. P. 19). Из погребения X в. курганного могильника Кауп на Куршской косе происходит фибула с развернутыми противоположно головами дракона (рис. 5: *2*) (*Dworschak*, 2018. P. 153. Abb. 89. P. 269). В. И. Кулаков предлагает более узкую дату для данного захоронения – конец X – начало XI в. (*Кулаков*, 2012. С. 124).

Находки изделий с зооморфными окончаниями, обнаруженные на территории Руси, также происходят с памятников, испытавших серьезное скандинавское влияние. В частности, подковообразные фибулы со схематично изображенными головами животных известны в материалах Гнездовского могильника – в погребении Ц 292, относящемся к середине X – началу XI в. (*Авдусина, Ениосова*, 2001. С. 99. Рис. 17; *Жарнов*, 1992. С. 13, 18), а также в слое конца X в. Новгорода (*Седова*, 1981. С. 89). Фрагмент фибулы с окончаниями в виде «реалистичных» голов животных происходит с Рюрикова городища (рис. 5: *1*) (*Хвощинская*, 1997. С. 176–179).

Таким образом, стилистическая близость изделия с городища Супруты к украшениям, происходящим с памятников Скандинавии и Прибалтики, позволяет нам предположить его принадлежность к североевропейской ювелирной традиции.

Остается неясным функциональное назначение предмета, фрагментом которого является публикуемая находка. Аналогичное изделие из кургана Л-47 Гнездова Д. А. Авдусиным обозначается как «медный крюк» (*Авдусин*, 1957. С. 125), «скоба» (*Авдусин*, 1952. С. 96. Рис. 26: *2*), «скоба для подвешивания вещей» (*Авдусин*, 1989. С. 259. Рис. 88). Морфологически схожее железное изделие, по мнению В. И. Сизова, служило «для привешивания меча или ножа посредством кольца в ножнах» (*Сизов*, 1902. С. 56). В монографии А. Ф. Медведева данный предмет представлен в ряду колчанной фурнитуры (*Медведев*, 1966. С. 19–20; 127. Табл. 7: *10*). Пролить свет на данный вопрос поможет дальнейшее введение в научный оборот подобных предметов, в особенности сохранивших целостность формы и имеющих надежный археологический контекст.

Однозначно датировать находку на настоящий момент сложно. Предположительно, время ее бытования укладывается в промежуток середины – второй половины X в. Для предложенной датировки имеются следующие основания.

1. Единственный аналогичный ей предмет, введенный в научный оборот, происходит из захоронения, датируемого второй четвертью – серединой X в.

2. Высока вероятность происхождения находки из комплекса постройки 1. Обнаружение в постройке топора типа IV, по А. Н. Кирпичникову, позволяет предполагать, что ее заполнение сформировалось не ранее середины X в.

3. Изделия с окончаниями, стилистически близкими супрутской находке, и обладающие надежным археологическим контекстом, связаны с комплексами середины – второй половины X в.

Исходя из предложенной датировки находки и комплекса, с которым она, вероятнее всего, связана, перед нами неизбежно встает вопрос о дате гибели славянского поселения на Супрутском городище. Данная проблема неоднократно освещалась в археологической литературе и на сегодняшний день является дискуссионной.

Финал славянского поселения Супрутского городища А. В. Григорьев, на основании нумизматического комплекса, датирует первой четвертью X в. (*Григорьев*, 2005. С. 139). Иная точка зрения высказывалась на основании находок североевропейских древностей на этом памятнике (*Новиков*, 2012. С. 121).

Наиболее представительные находки скандинавского происхождения содержатся в Супрутском кладе 1969 г., который датируется В. В. Мурашевой первой половиной X в. (*Мурашева*, 2008. С. 34–35). В. В. Новиков, основываясь на анализе элементов конской упряжи, предполагает, что клад был скрыт не ранее середины X в. К периоду середины – второй половины X в. он относит также направляющие ремней оголовья в стиле *Borre* из ямы 16 XXVII раскопа 2002 г. (*Новиков*, 2012. С. 121). Еще одна находка – подковообразная фибула с напускными усеченными пирамидками на дуге и пуансонным орнаментом (Собрание ГИМ, ГК, № 18940966) – по материалам Гнездова датируется второй половиной X – началом XI в. (*Авдусина, Ениосова*, 2001. С. 96–98).

Исходя из предложенных датировок вещей скандинавского облика с городища Супруты, наличие в их ряду публикуемой находки представляется вполне объяснимым.

Углубленное изучение североевропейских импортов, происходящих с этого памятника, позволит уточнить хронологические рамки его финального этапа существования. Сейчас рано говорить об однозначном омоложении момента гибели славянского поселения на городище, однако дальнейшие исследования вещевого комплекса могут сместить эту дату ближе к середине X в.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д. А., 1989. Основы археологии: учебник для вузов, по спец. «История». М.: Высшая школа. 335 с.

Авдусин Д. А., 1952. Гнездовская экспедиция // КСИИМК. Вып. XLIV. С. 93–103.

Авдусин Д. А., 1957. Отчет о раскопках гнездовских курганов (в 1950 и 1952–1955 гг.) // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 2 / Отв. ред. Д. И. Будаев. Смоленск: Смоленское кн. изд-во. С. 113–183.

Авдусина С. А., Ениосова Н. В., 2001. Подковообразные фибулы из Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ. С. 93–101. (Труды ГИМ; вып. 124.)

Андрощук Ф. А., 2010. Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов // Краеугольный камень: археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1 / Отв. ред.: Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ. С. 72–93.

Воронцов А. М., 2007. Отчет об археологических исследованиях на городище Супруты Щекинского района Тульской области в 2006 году. Т. 1. Архив ИА РАН. № 36010.

Воронцов А. М., 2008. Отчет об археологических исследованиях в Щекинском, Плавском, Чернском и Заокском районах Тульской области в 2007 году. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 42641.

Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 207 с.

Григорьев А. В., 2008. О возможности внутренней периодизации Супрутского городища // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1 / Гол. ред. О. П. Моця. Коростень. С. 95–99.

Григорьев А. В., 2009. Постройка XXVIII/4 городища Супруты // Археология XXI века: Синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области: материалы науч. симп. (8–9 апреля 2009 г.). Калуга: Полиграф-Информ. С. 77–80.

Григорьев А. В., 2011. Периодизация славянского поселения на городище у с. Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса). Т. II / Отв. ред.: Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород. С. 22–23.

Жарнов Ю. Э., 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: автореф. дис. … канд. ист. наук / МГУ. М. 23 с.

Казаков Е. П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: Ин-т языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. С. 94–155.

Каинов С. Ю., 2001. Еще раз о датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского // Гнёздово. 125 лет исследования памятника / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ. С. 54–63. (Труды ГИМ; вып. 124.)

Каинов С. Ю., 2019. Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI в. (по материалам Гнездовского некрополя и поселения): дис. … канд. ист. наук. Т. 1. М. 342 с.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X–XIII вв. М.; Л.: Наука. 146 с. (САИ; вып. Е1-36.)

Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука. С. 298–363. (Археология СССР.)

Кулаков В. И., 2012. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: Калининградский обл. музей янтаря. 224 с.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука. 184 с. (САИ; вып. Е1-36.)

Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 136 с.

Мурашева В. В., 2008. Супрутский клад: из раскопок 1969 г. М.: ГИМ. 48 с. (Труды ГИМ; вып. 175.)

Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани: Марийский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. 408 с. (Археология евразийских степей; вып. 14.)

Новиков В. В., 2012. Об одном типе скандинавских оголовий X в. с территорий Древней Руси и Скандинавии // АВ. Вып. 18. СПб. С. 108–123.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Сизов В. И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. 162 с. (Материалы по археологии России; 28.)

Хвощинская Н. В., 1997. Подковообразная фибула со звериными головками с Рюрикова городища // Древности Поволховья / Отв. ред.: А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 176–179.

Arbman H., 1940. Birka I. Die Gräber. Text. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 560 S.

Arbman H., 1943. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 282 Taf.

Carlsson A., 1988. Vikingatida ringspännen från Gotland: text och katalog. Stockholm: Universitet Stockholms. 275 s.

Dworschak N., 2018. Die wikingerzeitlichen Grabbefunde bei Wiskiauten/Mochovoe im Kaliningrader Gebiet: Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Kiel. 393 S., 93 Taf.

Grøn O., Krag A. H., Bennike P., 1994. Vikingetidsgravpladser på Langeland. Rudkøbing: Langelands Museum. 197 s.

Hallinder P., 1986. Streit- und Arbeitsäxte // Birka. II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. S. 45–50.
Ilkjær J., 1990. Illerup Ådal. 2. Die lanzen und speere. Tafelband. Aarhus: Aarhus University Press. 245 Taf.
Jansson I., 1984. Grosse Rundspangen // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. S. 75–84.
Jansson I., 1984a. Ovale Schalenspangen // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. S. 45–57.
Jansson I., 1986. Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ // Birka. II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. S. 77–108.
Kalmring S., 2010. Der Hafen von Haithabu. Neumunster: Wachholtz. 668 S. (Die Ausgrabungen in Haithabu; Bd. 14.)
Kotowicz P. N., 2014. Topory wczesnośredniowieczne z ziem polskich: katalog źródeł. Rzeszow: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego. 443 s.
Paulsen H., 1999. Pfeil und Bogen in Haithabu // Das archäologische Fundmaterial. VI. Neumünster: Wachholtz. S. 93–143. (Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu; 33.)
Petersen J., 1928. Vikingetidens Smykker. Stavanger: Dreyers grafiske anstalt. 222 s.
Thålin H., 1984. Ringspangen // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. S. 15–22.
Thunmark-Nylen L., 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. I. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 396 s.
Thunmark-Nylen L., 1998. Die Wikingerzeit Gotlands. II. Typentafeln. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 333 s.
Thunmark-Nylen L., 2006. Die Wikingerzeit Gotlands. III, 1–2. Text. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 728 s.
Tvauri A., 2012. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. Tartu: University of Tartu Press. 384 p. (Estonian Archaeology; 4.)
Westphalen P., 2002. Die Eisenfunde von Haithabu. Neumünster: Wachholtz. 336 S., 109 Taf. (Die Ausgrabungen in Haithabu; Bd. 10.)

Сведения об авторе

Колоколов Александр Михайлович, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», пр. Ленина, 47, Тула, 300041, Россия; e-mail: kam@kulpole.tula.net

A. M. Kolokolov

THE DISCOVERY OF A HORSESHOE-SHAPED FIBULA WITH ZOOMORPHIC TERMINATION FROM EXCAVATION TRENCH No. 28 AT THE SUPRUTY HILLFORT

Abstract. The paper analyzes a find which is unique for the Oka-Don watershed. It is a fragment of an item terminating in a figure shaped as the head of a mythical animal. This item was discovered at the fortified settlement near the village of Supruty in excavation trench 28 dug in 2007. Morphologically similar items are known from burials of the Gnezdovo cemetery. Stylistically similar jewelry pieces come from settlements and cemeteries in the southeastern part of the Baltics region, Sweden, Denmark, Norway and

Finland. Given a small number of analogies and the context of the discovery, this find can be indicatively dated to the middle – second half of the 10th century. It fits well into the series of North European objects discovered at Supruty, and provides additional grounds for clarification of the site chronology.

Keywords: item terminating in a zoomorphic figure, hillfort near Supruty, Oka-Don watershed, 10th century.

REFERENCES

Androshchuk F. A., 2010. Mechi i nekotorye problemy khronologii epokhi vikingov [Swords and some problems of Viking Age chronology]. *Kraeugol'nyy kamen': arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran [Cornerstone: archeology, history, art, culture of Russia and neighboring countries]*, 1. E. N. Nosov, S. V. Beletskiy, eds. Moscow: Lomonosov", pp. 72–93.

Avdusin D. A., 1952. Gnezdovskaya ekspeditsiya [Gnezdovo expedition]. *KSIIMK*, XLIV, pp. 93–103.

Avdusin D. A., 1957. Otchet o raskopkakh gnezdovskikh kurganov (v 1950 i 1952–1955 gg.) [Report on excavations of Gnezdovo kurgans (in 1950 and 1952–1955)]. *Materialy po izucheniyu Smolenskoy oblasti [Materials on the study of Smolensk region]*, 2. D. I. Budaev, ed. Smolensk: Smolenskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 113–183.

Avdusin D. A., 1989. Osnovy arkheologii: uchebnik dlya vuzov, po spetsial'nosti «Istoriya» [Fundamentals of archaeology: manual for universities, specialty «History»]. Moscow: Vysshaya shkola. 335 p.

Avdusina S. A., Eniosova N. V., 2001. Podkovoobraznye fibuly iz Gnezdova [Horseshoe - shaped fibulae from Gnezdovo]. *Gnezdovo. 125 let issledovaniya pamyatnika [Gnezdovo. 125 years of site research]*. V. V. Murasheva, ed. Moscow: GIM, pp. 93–101. (Trudy GIM, 124.)

Grigor'ev A. V., 2005. Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v kontse I – nachale II tys. n. e. [Slavic population of Oka and Don watershed in late I – early II mill. AD]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole». 207 p.

Grigor'ev A. V., 2008. O vozmozhnosti vnutrenney periodizatsii Suprutskogo gorodishcha [On the possibility of internal periodization of the Supruty hilfort]. *Starodavniy Iskorosten i slov'yans'ki gradi [Ancient Iskorosten and Slavic cities]*, 1. O. P. Motsya, ed. Korosten, pp. 95–99.

Grigor'ev A. V., 2009. Postroyka XXVIII/4 gorodishcha Supruty [Construction XXVIII/4 at Supruty hillfort]. *Arkheologiya XXI veka: Sintez klassicheskikh i sovremennykh metodov issledovaniy – prioritetnoe napravlenie arkheologicheskogo izucheniya Kaluzhskoy oblasti [Archeology of XXI century: Synthesis of classical and modern research methods – a priority trajectory of archaeological study of Kaluga region]*. Kaluga: Poligraf-Inform, pp. 77–80.

Grigor'ev A. V., 2011. Periodizatsiya slavyanskogo poseleniya na gorodishche u s. Supruty [Periodization of Slavic settlement on the hillfort near Supruty village]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda [Transactions of III (XIX) All-Russian archaeological congress]*, II. N. A. Makarov, E. N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod, pp. 22–23.

Kainov S. Yu., 2001. Eshche raz o datirovke gnezdovskogo kurgana s mechom iz raskopok M. F. Kustsinskogo [Once again on dating of the Gnezdovo kurgan with a sword from excavations of M. F. Kustsinsky]. *Gnezdovo. 125 let issledovaniya pamyatnika [Gnezdovo. 125 years of site research]*. V. V. Murasheva, ed. Moscow: GIM, pp. 54–63. (Trudy GIM, 124.)

Kainov S. Yu., 2019. Slozhenie kompleksa vooruzheniya Drevney Rusi X – nachala XI v. (po materialam Gnezdovskogo nekropolya i poseleniya): dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Formation of the weaponry complex of Ancient Russia of X – early XI c. (based on materials of Gnezdovo necropolis and settlement): PhD Thesis. Manuscript], 1. Moscow. 342 p.

Kazakov E. P., 1971. Pogrebal'nyy inventar' Tankeevskogo mogil'nika [Grave goods of Tankeevskiy cemetery]. *Voprosy etnogeneza tyurkoyazychnykh narodov Srednego Povolzh'ya [Issues of ethnogenesis of Turkic-speaking peoples of Middle Volga region]*. A. Kh. Khalikov, ed. Kazan: Institut yazyka, literatury i istorii [Institute of language, literature and history] Kazanskogo filiala AN SSSR, pp. 94–155.

Khvoshchinskaya N. V., 1997. Podkovoobraznaya fibula so zverinymi golovkami s Ryurikova gorodishcha [Horseshoe-shaped fibula with animal heads from Ryurikovo hillfort]. *Drevnosti Povolkhov'ya*

[Antiquities of the Volkhov region]. A. N. Kirpichnikov, E. N. Nosov, eds. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 176–179.

Kirpichnikov A. N., 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Ancient Russian weapons], 2. Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni X–XIII vv. [Spears, javelins, battle axes, maces, flails of X–XIII cc.]. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p. (SAI.)

Kirpichnikov A. N., Medvedev A. F., 1985. Vooruzhenie [Weaponry]. *Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo [Ancient Rus. City, castle, village]*. B. A. Kolchin, ed. Moscow: Nauka, pp. 298–363. (Arkheologiya SSSR.)

Kulakov V. I., 2012. Nemanskiy yantarnyy put' v epokhu vikingov [The Neman amber road in the Viking Age]. Kaliningrad: Kaliningradskiy oblastnoy muzey yantarya. 224 p.

Medvedev A. F., 1966. Ruchnoe metatel'noe oruzhie (Luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. [Hand-held throwing weapons (Bow and arrows, crossbow), VIII–XIV cc.]. Moscow: Nauka. 184 p. (SAI.)

Murasheva V. V., 2000. Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniya (X–XIII vv.) [Old Russian combined belt ornaments (X–XIII cc.)]. Moscow: Editorial URSS. 136 p.

Murasheva V. V., 2008. Suprutskiy klad: iz raskopok 1969 g. [Supruty hoard: from 1969 excavations]. Moscow: GIM. 48 p. (Trudy GIM, 175.)

Nikitina T. B., 2012. Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Burial sites of IX–XI cc. in Vetluga-Vyatka interfluve]. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani: Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy Institut yazyka, literatury i istorii [Institute of language, literature and history]. 408 p. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 14.)

Novikov V. V., 2012. Ob odnom tipe skandinavskikh ogoloviy X v. s territoriy Drevney Rusi i Skandinavii [On one type of Scandinavian horse chamfreins of X c. from territories of Ancient Russia and Scandinavia]. *AV*, 18. St. Petersburg, pp. 108–123.

Sedova M. V., 1981. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of Ancient Novgorod (X–XV cc.)]. Moscow: Nauka. 195 p.

Sizov V. I., 1902. Kurgany Smolenskoy gubernii [Kurgans of Smolensk province], 1. Gnezdovskiy mogil'nik bliz Smolenska [Gnezdovo cemetery near Smolensk]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 162 p. (Materialy po arkheologii Rossii, 28.)

Vorontsov A. M., 2007. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na gorodishche Supruty Shchekinskogo rayona Tul'skoy oblasti v 2006 godu [Report on archaeological research at Supruty hillfort in Shchekinsky district of Tula region in 2006], 1. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Vorontsov A. M., 2008. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Shchekinskom, Plavskom, Chernskom i Zaokskom rayonakh Tul'skoy oblasti v 2007 godu [Report on archaeological research in Shchekinsky, Plavsky, Chernsky and Zaoksky districts of Tula region in 2007], 1. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Zharnov Yu. E., 1992. Pogrebal'nyy obryad v Drevney Rusi po materialam Gnezdovskogo nekropolya: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Burial rite in Ancient Russia based on materials from Gnezdovo necropolis: PhD Thesis]. MGU. Moscow. 23 p.

About the author

Kolokolov Alexandr M., State museum-reserve «Kulikovo pole», prosp. Lenina, 47, Tula, 300041, Russian Federation; e-mail: kam@kulpole.tula.net

В. Б. Степанов, М. Хамакава, Н. А. Красильникова

ГЕОИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ» КАК ИНСТРУМЕНТ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Резюме. Статья отражает предварительные результаты разработки геоинформационной системы «Археологическая карта Московской области», создаваемой в ИА РАН. В настоящее время указанная ГИС рассматривается прежде всего в качестве инструмента, способствующего исполнению работ, направленных на сохранение памятников археологии. По состоянию на январь 2020 г. ГИС содержит сведения о 4427 объектах археологического наследия. В качестве основных источников сведений о памятниках археологии использованы научные отчеты о полевых исследованиях 1930-х гг. – 2020 г. из Научно-отраслевого архива ИА РАН – всего более 1400 отчетов, а также научно-справочное издание АКР МО, ч. 1–4. Сведения о памятниках археологии дополнены в ГИС краткой информацией о шурфах, заложенных при проведении охранных археологических исследований в 2010–2020 гг. Статья иллюстрирована графическими моделями, отражающими примеры использования ГИС Подмосковной экспедицией ИА РАН при проведении археологической разведки на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению (рис. 1–3).

Ключевые слова: Археологическая карта Московской области, геоинформационная система (ГИС), QGis, археологическая разведка, охрана объектов археологического наследия.

Введение

В последние два десятилетия использование методов геоинформатики в археологии получило в России широкое распространение (*Коробов*, 2011). В качестве примеров применения геоинформационного подхода к изучению археологических памятников стоит упомянуть следующие работы: «Археологические памятники Красноярского края» (*Артемьев и др.*, 1998), «Палеолит Северной Азии» (*Деревянко и др.*, 2003), «Археологические памятники Кисловодской

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.275-289

котловины» (*Афанасьев и др.*, 2004), «АИС Археограф» (*Васильев*, 2005), «Археологические памятники Омской области» (*Пуртов и др*., 2006), «Геоинформационная система памятников археологии Удмуртской Республики» (*Беглецова и др.*, 2006), «Археологическая ГИС Маргианы» (*Кошеленко и др.*, 2007), «Археологические памятники России» (*Макаров и др.*, 2015; 2017), «Цифровая карта археологических памятников Чувашской Республики» (*Житова, Шлемпа*, 2017), «Археология Москвы» (От электронного ресурса…, 2019) и др.

В области сохранения объектов археологического наследия (далее – ОАН) актуальность создания ГИС определяется основными задачами археологической разведки на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению:

– установлением наличия либо отсутствия в границах указанных участков ОАН;

– в случае выявления ОАН – мероприятиями по сохранению данного объекта в соответствии с нормами Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ (*Энговатова*, 2013).

В сравнении с бумажными археологическими картами ГИС обладают рядом важных преимуществ (*Пуртов и др.*, 2006; *Белим и др.*, 2016; *Шмидт*, 2017; и пр.), например обеспечивают возможность:

– оперативного отражения на электронных географических картах мест и условий расположения всех памятников археологии, включенных в таблицу данных ГИС (являющуюся неотъемлемой частью системы), а также любой части этих памятников, отсортированной по какому-либо зафиксированному в таблице признаку либо группе признаков;

– отражения изменения степени сохранности и территории указанных памятников (при повторных археологических разведках, раскопках или в результате разрушения памятников);

– определения степени изученности территории, отражаемой ГИС;

– проведения пространственного анализа при определении угроз сохранности ОАН в процессе строительства;

– сокращения времени на поиск архивных материалов об истории археологического исследования территории, а также любого находящегося на этой территории ОАН;

– оперативного отражения результатов полевых археологических работ;

– постоянного повышения информативности ГИС посредством пополнения таблицы данных;

– широкого использования ГИС для создания презентаций в рамках научно-исследовательской, образовательной и просветительной деятельности.

Актуальность создания ГИС «Археологическая карта Московской области»

Москва и Московская область относятся к числу наиболее экономически развитых регионов РФ. На территории Московской области и Новой Москвы[1]

[1] В соответствии с разговорной традицией наименованием «Новая Москва» в статье обозначаются территории, выведенные из состава Московской области и присоединенные к городу Москве в 2010-е гг.

множество земельных участков ежегодно включается в разные виды хозяйственной деятельности, предполагающие проведение земляных работ.

Количество известных[2] в границах этих территорий ОАН значительно превышает их число в большинстве субъектов Российской Федерации (к началу 2020 г., по данным ГИС «Археологическая карта Московской области», насчитывалось 4427 объектов).

Около половины этих объектов включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации либо в перечни выявленных объектов культурного наследия, находящихся на территории Московской области или города Москвы, и состоят на учете государственных органов охраны объектов культурного наследия. Более 55 % ОАН, учтенных в ГИС «Археологическая карта Московской области», не включены ни в Единый государственный реестр объектов культурного наследия, ни в региональные перечни выявленных объектов культурного наследия, однако значимость большинства таких ОАН не вызывает сомнения. Постановка этих ОАН на государственный учет имеет принципиальное значение для обеспечения их сохранности. Этому препятствует характер имеющихся об этих объектах сведений, зачастую устаревших, неточных и неполных. Постановка таких объектов на государственный учет требует актуализации сведений посредством проведения археологических разведок и предоставления обновленных сведений в региональный орган охраны объектов культурного наследия. Вмещая в себя информацию о большинстве ОАН, известных к настоящему моменту на территории Московской области и Новой Москвы, ГИС «Археологическая карта Московской области» является важным инструментом, способствующим постановке ОАН на государственный учет.

В целях обеспечения сохранности ОАН действующим законодательством предусмотрено проведение государственной историко-культурной экспертизы (далее – Экспертиза). Экспертиза направлена на установление наличия либо отсутствия ОАН[3] в границах указанных участков предполагаемых земляных, строительных и иных работ.

В рамках Экспертизы ежегодно проводятся археологические разведки на сотнях таких участков на территории Московской области и Новой Москвы. Разведочные работы ведутся в течение всего года.

Археологические разведки проводятся в три этапа: I – предварительный; II – полевой; III – камеральный. На I этапе по району проведения разведки[4] и земельному участку, в границах которого она проводится, подготавливается комплекс картографических материалов, составляются физико-географическая и историко-археологическая научные справки, разрабатывается план проведения полевых работ.

[2] По документации государственных органов, уполномоченных в области охраны объектов культурного наследия, архивным источникам, научно-справочным изданиям и публикациям.

[3] В случае если орган охраны объектов культурного наследия не располагает сведениями об отсутствии таких объектов на указанных участках.

[4] В практике Подмосковной экспедиции ИА РАН под районом проведения разведки, как правило, понимается территория муниципального образования, в границах которой находится земельный участок, подлежащий археологической разведке.

Важнейшими задачами I этапа являются:

– выяснение степени археологической изученности района проведения разведки;

– составление списка ОАН в границах земельного участка и на прилежащих территориях, включение в этот список ОАН, известных только по архивным источникам, научным и справочным изданиям;

– характеристика указанных ОАН – их обязательная локализация на карте, точная (по географическим координатам) или приблизительная.

До середины 2010-х гг. задачи предварительного этапа археологической разведки на территории, охватываемой ГИС «Археологическая карта Московской области», решались, как правило, на основе издания «Археологическая карта России. Московская область» (далее – АКР МО), ч. 1–4 (1994–1997), в четырех частях которого были обобщены основные результаты полевых исследований, проведенных на указанной территории с 1820-х до середины 1990-х гг.

Это издание не утратило значения до настоящего времени. В практике проведения археологической разведки оно используется в целях первичной локализации на географической карте памятников археологии, известных в районе планируемых полевых работ, а также для поиска по библиографическим спискам архивных материалов и публикаций, дополняющих и уточняющих приведенные в издании сведения. К сожалению, точность привязки к карте многих памятников в АКР МО была невысокой, а некоторые объекты, известные по отчетам и публикациям или включенные в перечни выявленных объектов культурного наследия, были в издании пропущены. Кроме того, в связи с продолжением археологических полевых исследований на территории Московской области спустя короткое время после завершения публикации издания возникла необходимость его дополнения и корректировки.

Процесс актуализации АКР МО потребовал создания специальной ГИС, интегрирующей фактографические электронные базы данных (текстовые, цифровые и т.д.) и геоизображения и адаптированной к проведению археологических разведок.

Первая попытка создания такой ГИС была предпринята в ИА РАН в начале 2000-х гг. в Отделе охранных раскопок (с 2015 г. – Отдел сохранения археологического наследия) Г. В. Требелевой (*Требелева*, 2004). За фактографическую основу ГИС была принята АКР МО; в качестве картографической основы использована карта OpenStreetMap.

Тем не менее эта ГИС не нашла широкого применения. Основными причинами этого стали унаследованная от АКР МО невысокая точность привязки археологических памятников к местности и географической карте; невозможность проводить различные выборки и сортировки; недостаточная информативность, обусловленная отсутствием карт-подложек.

В 2015 г. в связи с новой редакцией «Положения о государственной историко-культурной экспертизе»[5] объем работ, выполняемых ИА РАН при охранных археологических разведках, заметно возрос, особенно на территориях Московской области и Новой Москвы.

[5] Введена Постановлением Правительства РФ от 09.06.2015 № 569.

Тогда же в Отделе сохранения археологического наследия ИА РАН было принято решение о разработке новой ГИС, позволяющей оптимизировать проведение разведок. Фактографической основой новой системы осталось издание АКР МО, поэтому за ГИС закрепилось не вполне корректное название «Археологическая карта Московской области». В 2018 г. разработка большинства основных элементов новой ГИС была завершена, что позволило, не прерывая работы по усовершенствованию системы, приступить к ее практическому использованию.

Разработка и содержание ГИС «Археологическая карта Московской области»

В создании ГИС «Археологическая карта Московской области» различаются три основных направления работ:

– дополнение, уточнение, актуализация сведений об ОАН, находящихся на территории Московской области и Новой Москвы, посредством сбора сведений и сравнения их со сведениями АКР МО (1);

– создание таблицы данных, содержащей характеристику ОАН по единому набору признаков, для всех объектов, известных на территории Московской области и Новой Москвы ко времени завершения работ над проектом (2);

– техническая реализация проекта (3).

1. Дополнение, уточнение, актуализация сведений об ОАН проводится на основе целенаправленного отбора информации, прежде всего из научных отчетов, хранящихся в Научно-отраслевом архиве ИА РАН. Другим важнейшим источником информации является учетная – актуальная и архивная – документация на объекты культурного наследия. Эта документация включает перечни ОАН, паспорта и учетные карточки недвижимых памятников истории и культуры, а также сведения, представляемые в государственные органы для отнесения объекта к выявленным ОАН.

В случаях, требующих получения актуальной информации об ОАН, дополнительно использовались научно-технические отчеты об охранных археологических исследованиях Подмосковной экспедиции ИА РАН, являющиеся служебной документацией Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН.

2. Создание таблицы данных, содержащей характеристику ОАН по единому набору признаков, для всех объектов**,** известных на территории Московской области и Новой Москвы ко времени завершения работ над проектом.

Таблица является важнейшей неотъемлемой частью ГИС, служащей для сбора, хранения данных и их анализа. Унифицированный набор признаков, по которому характеризуются включенные в таблицу объекты, разработан предварительно для обеспечения корректной сопоставимости ОАН. Для создания таблицы использована программа Microsoft Excel, выбранная в связи с простотой и гибкостью.

По состоянию на начало 2020 г. в таблицу внесены сведения обо всех ОАН, включенных в АКР МО. Сведения об этих ОАН проверены и откорректированы

по научным отчетам о полевых исследованиях из Научно-отраслевого архива ИА РАН. Основным содержанием работы по созданию таблицы данных в настоящее время остается внесение в нее сведений об ОАН, не включенных в АКР МО или выявленных, исследованных или описанных в научных отчетах в период после завершения подготовки к изданию заключительной части АКР МО (1995–2020 гг.). По каталогу Научно-отраслевого архива ИА РАН составлен список отчетов, в которых предполагается наличие необходимых сведений.

В таблице данных каждому включенному в нее ОАН присваивается порядковый номер. Признаками ОАН в таблице являются:

– номер и наименование по АКР МО, если объект включен в это издание;
– наименование по учетной документации государственного органа охраны объектов культурного наследия, если объект включен в государственные и региональные перечни;
– юридический статус;
– альтернативные наименования (при наличии);
– тип памятника археологии по классификации, принятой в АКР МО;
– хронологическая принадлежность по археологической или, для сравнительно поздних объектов, исторической периодизации;
– предполагаемая датировка в тысячелетиях и веках;
– наименование муниципального образования, на территории которого находится ОАН;
– наименование ближайшего к ОАН населенного пункта или населенного пункта, непосредственно на территории которого он находится;
– географические координаты в системе WGS-84 с указанием точности определения;
– принадлежность к водному бассейну;
– физико-географические условия расположения;
– характер проведенных полевых исследований;
– фамилии и инициалы исследователей;
– годы проведения исследований.

В таблице предусмотрен столбец для ссылок на документацию госорганов, архивную документацию и литературу, а также столбец для примечаний.

В результате работы, выполненной в 2017–2020 гг., в таблицу Excel внесены данные:

– по 2829 ОАН, вошедшему в АКР МО, в 564 случаях дополненные существенной информацией об исследованиях, проведенных на указанных ОАН после завершения издания АКР МО;
– по 302 ОАН, описанным в АКР МО как не сохранившиеся;
– по 1398 ОАН, в АКР МО не включенным.

Кроме того, для 814 ОАН по географическим координатам поворотных точек границ территорий построены полигоны.

Работа над внесением в таблицу сведений об ОАН, не вошедшим в АКР МО, продолжается.

Техническая реализация проекта ГИС «Археологическая карта Московской области» (осуществляется В. Б. Степановым)

В указанной ГИС для графической визуализации пространственных данных используется программа QGis, важными достоинствами которой являются высокая скорость работы, простота, бесплатность использования, постоянная обновляемость. В настоящее время QGis – это зрелый программный продукт, сравнимый с коммерческими аналогами и поддерживаемый международным сообществом разработчиков и пользователей.

Данные об археологических памятниках из таблицы Excel импортируются в программу QGis на основе полей координат и сохраняются в открытом формате *.geojson, предназначенном для хранения географических структур данных, не имеющем, в отличие от shape-файлов, для текстовых полей ограничения по длине в 255 символов.

Данные в программе QGis представлены в виде слоев, которые могут быть векторными (точечными, полигональными, линейными) или растровыми (например, для хранения разнообразного картографического материала). Программой допускается подключение открытых сервисов, например, Публичной кадастровой карты Росреестра.

Базовыми картами для работы является OpenStreetMap, а также спутниковые карты Яндекс и Google, которые подключаются с помощью встроенного в QGis модуля QuickMapServices. Для работы этих карт необходимо интернет-соединение.

В качестве карт-подложек добавлены: «Топографическая карта Московской губернии. Составлена с топографической съемки, произведенной в 1852 и 1853 годах. Гравирована в военно-топографическом депо. 1860» (Военно-топографическая карта Московской губернии 1860 г. Ф. Ф. Шуберта); листы топографической карты Калужской губернии 1868 г. Ф. Ф. Шуберта; листы топографических межевых карт Тверской, Рязанской, Тульской губерний 1840-х – 1850-х гг. А. И. Менде; карта Московской губернии 1871 г. И. А. Стрельбицкого; сборная карта уездов Московской губернии по состоянию на 1766–1770 гг. из книги В. С. Кусова «Земли Московской губернии в XVIII веке»; географическая карта Московской провинции 1774 г. С. М. Горихвостова; карта Генерального штаба Вооруженных Сил СССР 1985 г.; электронная Карта высот и рельефа Московской области, используемая для определения высот расположения ОАН.

Перечисленные картографические материалы хранятся локально на компьютере в открытом формате представления растровых данных совместно с метаданными о географической привязке археологических памятников.

С рубежа 1990-х – 2000-х гг. археологи начали использовать в своей работе систему глобального позиционирования – GPS. Это позволило не только получать точные координаты исследуемых объектов, но и вносить в базу полигоны, построенные по поворотным точкам границ их территорий, при наличии топографических или глазомерных планов археологических памятников.

Для каждого векторного слоя в программе QGis можно открыть таблицу атрибутов, где представлены все внесенные данные по археологическим памятникам; задать стиль отображения точек и полигонов; форму представления

информации об археологическом памятнике. В любой момент времени указанная таблица атрибутов может быть дополнена новыми данными.

Работа в ГИС позволяет создавать и отражать на картах группы ОАН, отсортированные по одному или нескольким признакам, например, по типу памятника археологии, району расположения, датировке, исследователю и т. д., а также по ключевым словам.

Кроме того, имеется возможность получения пригодных для статистической обработки данных об удаленности археологических памятников от водотоков и водоемов. С этой целью в таблице данных вводится столбец, в котором с помощью встроенной в QGis функции автоматически заполняется поле расстояния от памятника до ближайшего водотока/водоема (используется актуальная выгрузка гидросети с сервера NextGIS). Последующее использование фильтра дает возможность получить данные о количестве археологических памятников для разных интервалов расстояний.

В настоящее время ГИС «Археологическая карта Московской области» представляет собой два логических блока: 1) данные об археологических памятниках (точечные и полигональный слои); 2) блок технической информации (обследованные территории, шурфы). Все слои хранятся в локальной сети ИА РАН. Их можно подключить на любом компьютере с установленной программой QGis. Изменения, которые вносятся на одном локальном компьютере, автоматически обновляются на всех компьютерах.

Практическое применение ГИС «Археологическая карта Московской области»

С весны 2018 г. разрабатываемая ГИС используется при обработке поступающих в ИА РАН заявок на проведение Экспертизы, а также для разработки разделов по сохранению ОАН в проектах хозяйственного освоения земельных участков, в границах которых находятся ОАН.

Заказчиками Экспертизы в ИА РАН представляются дополнительные документы: заключение о необходимости проведения археологических разведок, выписка из государственного кадастра недвижимости, схема расположения земельного участка на кадастровом плане или кадастровой карте, копия градостроительного плана земельного участка.

На основании заявки и этой документации между ИА РАН и заказчиками заключается договор на проведение археологических исследований.

Заключению договора предшествует анализ представленной заказчиками документации, выполняемый при помощи ГИС «Археологическая карта Московской области». Посредством ГИС проверяется:

– соответствие представленного заказчиком картографического материала тексту заявки;

– корректность отражения в картографическом материале границ земельных участков, подлежащих проведению археологической разведки.

По результатам проверки у заказчика при необходимости запрашивается откорректированный или дополнительный картографический материал.

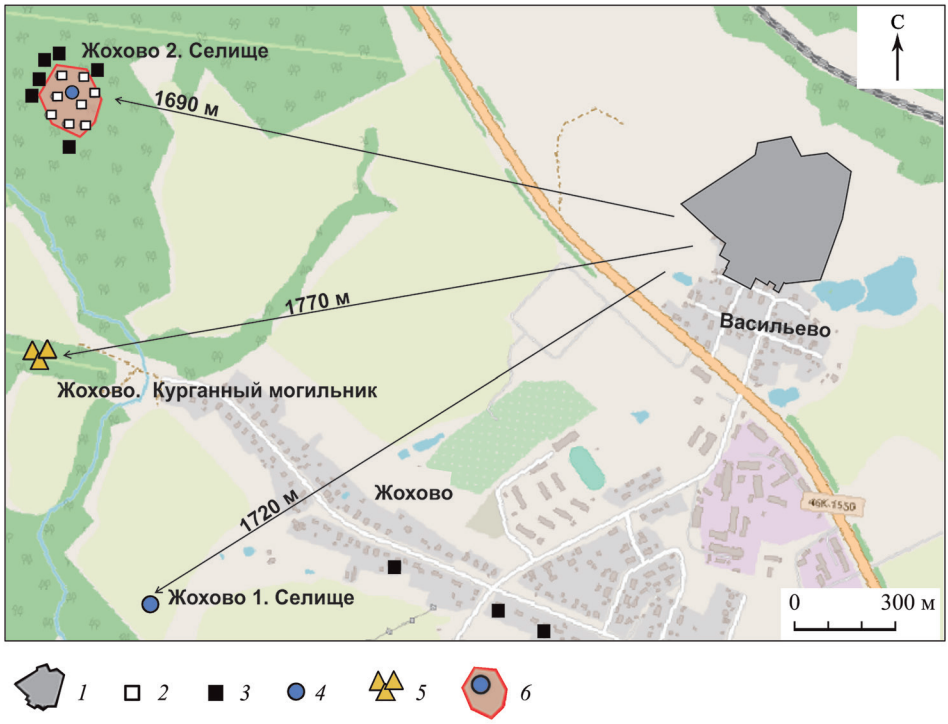


Рис. 1. ГИС «Археологическая карта Московской области». Территориальное соотношение земельного участка, подлежащего археологической разведке в рамках Экспертизы, с ближайшими к участку объектами археологического наследия. Определение расстояний от земельного участка до объектов археологического наследия. Графическая модель на основе Яндекс-карты

1 – земельный участок, подлежащий археологической разведке; *2* – шурф, выявивший наличие культурного слоя; *3* – шурф, не выявивший наличие культурного слоя; *4* – объекты археологического наследия, не имеющие утвержденных границ, селище; *5* – курганный могильник; *6* – объект археологического наследия, имеющий утвержденные границы (полигон объекта)

Границы земельных участков переносятся в базу в виде полигонов или линейных объектов, что позволяет рассчитать и сверить с заявкой площадь и линейные параметры указанных участков.

Таким образом, ГИС «Археологическая карта Московской области» является инструментом проверки предоставляемой заказчиком документации.

В дальнейшем по ГИС устанавливается, имеются ли в границах участка, на котором проводится разведка, или вблизи от него (как правило, на расстоянии до 2–3 км) ОАН, выясняется территориальное соотношение участка с указанными объектами. Подключение спутниковых карт Яндекс и Google, Карты рельефа и высот Московской области позволяет получить информацию о ландшафтной характеристике участка разведки (о рельефе поверхности земли, гидрологической сети, характере растительности, следах техногенного нарушения поверхности земли и т. д.), предварительно определить участки наиболее вероятного

Рис. 2. ГИС «Археологическая карта Московской области». Участок местности, включающий земельный участок, подлежащий археологической разведке в рамках Экспертизы, на Военно-топографической карте Московской губ. 1860 г. («карте Шуберта»). Границы земельного участка, подлежащего археологической разведке в рамках Экспертизы, копированы с Публичной кадастровой карты Московской области. Графическая модель

1 – земельный участок, подлежащий археологической разведке в рамках экспертизы

расположения ОАН и участки приоритетной закладки шурфов, проложить разведочные маршруты и провести приблизительный расчет количества шурфов, необходимого для обеспечения достоверности результатов разведки (рис. 1).

Благодаря использованию в качестве карт-подложек Военно-топографической карты Московской губернии 1860 г. Ф. Ф. Шуберта, листов топографических межевых карт Тверской, Рязанской, Тульской губерний 1840-х – 1850-х гг. А. И. Менде, уже на предварительном этапе разведки неоднократно удавалось локализовать границы распространения культурных слоев Нового времени на местах не существующих ныне деревень. Точность предварительной локализации, как правило, подтверждалась результатами полевых работ. Основываясь на обозначении на картах сельских кладбищ, могут быть предварительно локализованы и участки расположения ряда грунтовых могильников Нового времени (рис. 2).

Наконец, следует отметить, что с целью визуализации уровня археологической обследованности территории Московской области и Новой Москвы в 2017–2020 гг. таблица данных ГИС «Археологическая карта Московской области» была дополнена информацией о почти 11 500 шурфах, заложенных на указанных территориях в 2008–2020 гг. Земельные участки, на которых закладывались

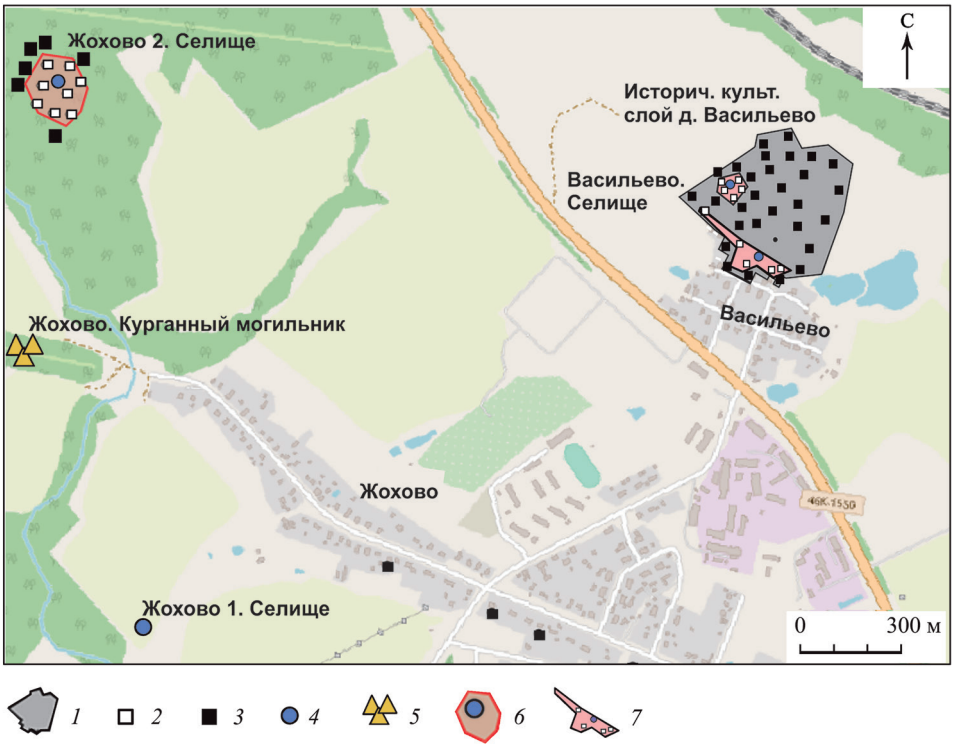


Рис. 3. ГИС «Археологическая карта Московской области». Отражение результатов проведенной археологической разведки. Графическая модель на основе Яндекс-карты

1 – земельный участок, на котором проведена разведка; *2* – шурф, выявивший наличие культурного слоя; *3* – шурф, не выявивший наличие культурного слоя; *4* – объект археологического наследия, не имеющий утвержденных границ, селище; *5* – курганный могильник; *6* – объект археологического наследия, имеющий утвержденные границы (полигон объекта); *7* – объект археологического наследия, имеющий утвержденные либо определенные в результате отчетной разведки границы (полигон объекта)

шурфы, представлены в виде полигонов (около 2000 объектов) и линий (около 150); данные об обследованных территориях – шурфы, полигональные и линейные отводы – в виде отдельных связанных друг с другом слоев. Это позволило оперативно получать информацию по каждому шурфу, полигональному и линейному отводу (название отчета, год проведения полевых исследований, фамилия держателя открытого листа и т. д.), а также открывать файл соответствующего технического отчета непосредственно из базы (рис. 3).

Заключение

Таким образом, разрабатываемая ГИС «Археологическая карта Московской области» к настоящему времени зарекомендовала себя как эффективный ин-

струмент проведения предварительного этапа археологических разведок на территории Московской области и Новой Москвы.

ГИС позволяет:

– оперативно получать информацию о наличии либо отсутствии на обследуемом земельном участке и окружающей территории ОАН;

– точно локализовать ОАН на любой из электронных карт, входящих в состав ГИС, и в дальнейшем на местности;

– получать сведения о ландшафтной и историко-археологической характеристиках местности, на которой проводится разведка, и прогнозировать наличие на определенном участке ранее неизвестных ОАН;

– при разработке плана проведения полевых работ на каком-либо участке и при подготовке смет к договорам прокладывать разведочные маршруты, определять приоритетные участки закладки шурфов, рассчитывать количество шурфов, необходимое для корректного проведения разведки, и т. д.

Основными направлениями дальнейшей работы над ГИС «Археологическая карта Московской области» являются:

– постоянное поддержание в актуальном состоянии таблицы данных о памятниках археологии и шурфах;

– выявление имеющихся противоречий между сведениями о памятниках археологии в учетной документации органов охраны культурного наследия, в научных отчетах о полевых исследованиях и в АКР МО. Устранение таких противоречий в таблице данных ГИС;

– дополнение включенных в ГИС данных о памятниках иллюстративным графическим и фотографическим материалом, потенциально пригодным для использования при подготовке отчетов о выполненных полевых исследованиях, публикаций и презентаций.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев Е. В., Дроздов Н. И., Зайцев Н. К., Шапарев Н. Я., Якубайлик О. Э., Шахматов А. В., 1998. Создание геоинформационной системы «Археологические памятники Красноярского края» // Вычислительные технологии. Т. 3. № 5. С. 5–10.

АКР. Московская область. М.: ИА РАН, 1994–1997. 4 ч.

Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир. 240 с.

Беглецова С. В., Князева Л. Ф., Телегина М. В., 2006. Создание геоинформационной системы памятников археологии Удмуртской Республики // КСИА. Вып. 220. С. 184–193.

Белим С. В., Бречка Д. М., Горбунова Т. А., Ларионов И. Б., Шмидт И. В., 2016. Интеллектуальная геоинформационная система археологических объектов // Математические структуры и моделирование. № 3 (39). С. 119–125.

Васильев С. А., 2005. АИС «Археограф»: Система описания археологических памятников и вывода данных в ГИС // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов / Отв. ред.: М. Г. Иванова, И. В. Журбин. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы Уральского отд. РАН. С. 13–21.

Деревянко А. П., Холюшкин Ю. П., Воронин В. Т., Бердников Е. В., 2003. ГИС «Палеолит Северной Азии» // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Вып. 6 / Отв. ред. Ю. П. Холюшкин. Новосибирск: Новосибирский ун-т. С. 21–29.

Житова Е. Н., Шлемпа О. А., 2017. Технология создания цифровой карты археологических памятников Чувашской Республики Сибири // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Т. 23. № 2. С. 33–39.

Коробов Д. С., 2011. Основы геоинформатики в археологии: учеб. пособие. М.: МГУ. 224 с.

Кошеленко Г. А., Гаибов В. А., Требелева Г. В., 2007. Археологическая геоинформационная система Маргианы // Археология и геоинформатика [Электронный ресурс]. Вып. 4 / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН. CD-ROM.

Макаров Н. А., Зеленцова О. В., Коробов Д. С., Ворошилов А. Н., 2017. Пространство древности: археологические памятники на карте России // Вестник РАН. Т. 87. № 7. С. 622–634.

Макаров Н. А., Зеленцова О. В., Коробов Д. С., Ворошилов А. Н., Черников А. П., 2015. Геоинформационная система «Археологические памятники России»: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения // КСИА. Вып. 237. С. 7–19.

От электронного ресурса – к атласу экологического наследия города Москвы: методические материалы / Отв. ред. Л. А. Беляев. М.: Индрик, 2019. 192 с.

Пуртов А. М., Татауров С. Ф., Шлюшинский А. В., 2006. Разработка ГИС «Археологические памятники юга Западной Сибири» // Омский научный вестник. № 7 (43). С. 140–143.

Требелева Г. В., 2004. ГИС-технологии в охранной археологии Подмосковья (из опыта работы Подмосковной экспедиции ИА РАН) // АП. М.: ИА РАН. С. 216–220.

Шмидт И. В., 2017. Охранная археология в Германии. Часть вторая – тезисы о сложении новой культуры научного исследования и становлении археологической ГИС Саксонии // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 4 (16). С. 235–241.

Энговатова А. В., 2013. Сохранение археологического наследия в России: современное состояние // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 12. № 3. С. 32–47.

Сведения об авторах

Степанов Вячеслав Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: slavik49@yandex.ru;

Хамакава Макото, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: lekfnov@gmail.com;

Красильникова Наталья Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: murlashka@yandex.ru

V. B. Stepanov, M. Hamakawa, N. A. Krasilnikova

GEOGRAPHICAL INFORMATION SYSTEM «ARCHAEOLOGICAL MAP OF THE MOSCOW REGION» AS A TOOL IN THE FIELD OF PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS

Abstract. The article shows preliminary results of developing geographical information system «Archaeological map of the Moscow region», created in the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. The system is mainly applied in archaeological surveys in order to preserve archaeological objects. As of January 2020, the system contains data on 4427 objects. The data of archaeological sites is based on the analysis of more than 1,400 archaeological reports in 1930–2020 from the scientific archive of Institute of Archaeology RAS and the scientific reference publication «Archaeological Map of Russia: Moscow Region, Vol. 1–4» are also used. The information of these sites is complemented by data on test pits excavated during the surveys in 2010–2020. There are several graphical models of applying GIS for conducting archaeological surveys by the Moscow Region Archaeological expedition of the Institute of Archaeology RAS in areas intended for the further development (Fig. 1–3).

Keywords: «Archaeological map of the Moscow region», geographic information system (GIS), QGis, archaeological exploration, archaeological heritage preservation

REFERENCES

Afanas'ev G. E., Savenko S. N., Korobov D. S., 2004. Drevnosti Kislovodskoy kotloviny [Antiquities of Kislovodsk depression]. Moscow: Nauchnyy mir. 240 p.

AKR. Moskovskaya oblast' [AKR. Moscow region]. Moscow: IA RAN, 1994–1997. 4 parts.

Artem'ev E. V., Drozdov N. I., Zaytsev N. K., Shaparev N. Ya., Yakubaylik O. E., Shakhmatov A. V., 1998. Sozdanie geoinformatsionnoy sistemy «Arkheologicheskie pamyatniki Krasnoyarskogo kraya» [Construction of geoinformation system «Archaeological sites of Krasnoyarsk Krai»]. *Vychislitel'nye tekhnologii [Computing technologies]*, vol. 3, no. 5, pp. 5–10.

Begletsova S. V., Knyazeva L. F., Telegina M. V., 2006. Sozdanie geoinformatsionnoy sistemy pamyatnikov arkheologii Udmurtskoy Respubliki [Construction of geoinformation system of archaeological sites of Udmurt Republic]. *KSIA*, 220, pp. 184–193.

Belim S. V., Brechka D. M., Gorbunova T. A., Larionov I. B., Shmidt I. V., 2016. Intellektual'naya geoinformatsionnaya sistema arkheologicheskikh ob"ektov [Intelligent geoinformation system of archaeological sites]. *Matematicheskie struktury i modelirovanie [Mathematical structures and modeling]*, 3 (39), pp. 119–125.

Derevyanko A. P., Kholyushkin Yu. P., Voronin V. T., Berdnikov Ye. V., 2003. GIS «Paleolit Severnoy Azii» [GIS «Palaeolithic of North Asia»]. *Informatsionnyye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh* [*Information technologies in humanities research*], 6. Yu. P. Kholyushkin, ed. Novosibirsk: Novosibirsky universitet, pp. 21–29.

Engovatova A. V., 2013. Sokhranenie arkheologicheskogo naslediya v Rossii: sovremennoe sostoyanie [Preservation of archaeological heritage in Russia: current state]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History, Philology]*, vol. 12, no. 3, pp. 32–47.

Korobov D. S., 2011. Osnovy geoinformatiki v arkheologii: uchebnoe posobie [Fundamentals of geoinformatics for archaeology: manual]. Moscow: MGU. 224 p.

Koshelenko G. A., Gaibov V. A., Trebeleva G. V., 2007. Arkheologicheskaya geoinformatsionnaya sistema Margiany [Archaeological geoinformation system of Margiana]. *Arkheologiya i geoinformatika* [*Archaeology and geoinformatics*], 4. Web resource. D. S. Korobov, ed. Moscow: IA RAN. CD-ROM.

Makarov N. A., Zelentsova O. V., Korobov D. S., Voroshilov A. N., 2017. Prostranstvo drevnosti: arkheologicheskie pamyatniki na karte Rossii [The space of antiquity: archaeological sites on Russia map]. *Vestnik RAN [Bulletin of RAS]*, vol. 87, no. 7, pp. 622–634.

Makarov N. A., Zelentsova O. V., Korobov D. S., Voroshilov A. N., Chernikov A. P., 2015. Geoinformatsionnaya sistema «Arkheologicheskie pamyatniki Rossii»: metodicheskie podkhody k razrabotke i pervye rezul'taty napolneniya [Geo-information system «Archaeological Sites of Russia»: methodic approaches for its elaboration and the first results obtained]. *KSIA*, 237, pp. 7–19.

Ot elektronnogo resursa – k atlasu ekologicheskogo naslediya goroda Moskvy: metodicheskie materialy [From electronic resource to atlas of ecological heritage of Moscow city: methodological materials]. L. A. Belyaev, ed. Moscow: Indrik, 2019. 192 p.

Purtov A. M., Tataurov S. F., Shlyushinskiy A. V., 2006. Razrabotka GIS «Arkheologicheskie pamyatniki yuga Zapadnoy Sibiri» [Development of GIS «Archaeological sites of the South of Western Siberia»]. *Omskiy nauchnyy vestnik [Omsk scientific bulletin]*, 7 (43), pp. 140–143.

Shmidt I. V., 2017. Okhrannaya arkheologiya v Germanii. Chast' vtoraya – tezisy o slozhenii novoy kul'tury nauchnogo issledovaniya i stanovlenii arkheologicheskoy GIS Saksonii [Conservation archaeology in Germany. Part Two – theses on formation of a new culture of scientific research and formation of the archaeological GIS of Saxony]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki [Bulletin of Omsk university. Series: Historical Sciences]*, 4 (16), pp. 235–241.

Trebeleva G. V., 2004. GIS-tekhnologii v okhrannoy arkheologii Podmoskov'ya (iz opyta raboty Podmoskovnoy ekspeditsii IA RAN) [GIS technologies in protection archaeology of Moscow region (from experience of the Moscow Region expedition of IA RAS)]. *AP*. Moscow: IA RAN, pp. 216–220.

Vasil'yev S. A., 2005. AIS «Arkheograf»: sistema opisaniya arkheologicheskikh pamyatnikov i vyvoda dannykh v GIS [AIS «Archaeograph»: system of description of archaeological sites and data output to GIS]. *Arkheologiya i komp'yuternyye tekhnologii: predstavleniye i analiz arkheologicheskikh materialov* [*Archaeology and computer technologies: presentation and analysis of archaeological materials*]. M. G. Ivanova, I. V. Zhurbin, eds. Izhevsk: Udmurtsky institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, pp. 13–21.

Zhitova E. N., Shlempa O. A., 2017. Tekhnologiya sozdaniya tsifrovoy karty arkheologicheskikh pamyatnikov Chuvashskoy respubliki Sibiri [Technology for creating a digital map of archaeological sites of Chuvash Republic of Siberia]. *InterKarto. InterGIS [InterKarto. InterGIS]*, vol. 23, no. 2, pp. 33–39.

About the authors

Stepanov Vyacheslav B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: slavik49@yandex.ru;

Hamakawa Makoto, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: lekfnov@gmail.com;

Krasilnikova Natalia A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: murlashka@yandex.ru

О. В. Зеленцова, П. Р. Холошин

МУРОМА НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ РОССИИ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ[1]

Резюме. Статья посвящена анализу нового свода археологических памятников Муромского Поочья второй половины I – начала II тыс. н. э., который позволяет уточнить ареал и систему расселения муромы, а также наметить пути начального освоения этой территории древнерусским населением. Наиболее освоенным муромой было левобережье Оки, где большая плотность памятников фиксируется в районе Кремлевской горы в территории современного Мурома и в окрестностях с. Чаадаево. Муромские памятники располагались в 20-километровом радиусе от Кремлевской горы – на притоках первого-второго порядка со средне- и слабоподзолистыми почвами, малопригодными для земледелия, но с широкими пойменными лугами, пригодными для содержания скота. В правобережье муромские памятники «жались» к Оке, располагаясь на небольших притоках в 3–5 км от русла. Таким образом, мурома контролировала около 100 км торговой магистрали, от современного Павлова до ст. Черный Яр. Именно это, вероятно, определяло обилие цветного металла и заметное количество монет в муромских захоронениях. Славянская колонизация края начинается со старозаселенных мест в центре муромской земли и археологически улавливается в появлении древнерусских подкурганных и грунтовых захоронений на муромских кладбищах и круговой древнерусской керамики на селищах. Очевидно, именно в муромских поселках первоначально селятся пришельцы. В начале II тыс. н. э. происходят дальнейшие изменения в системе расселения, что выразилось в появлении древнерусских селищ на новых местах и освоении новых территорий.

Ключевые слова: археологическая карта, система расселения, мурома, древнерусское население, селище, грунтовый могильник, курганный могильник.

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-40053 «Археологические исследования двух послевоенных десятилетий (1945–1964 гг.) на карте России».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.290-307

Первые научные представления о локализации племени мурома сложились на основе средневековых письменных источников, преимущественно – Начальной летописи, которая недвусмысленно указывает, что мурома живет по Оке, «где втечет в Волгу», и является первым населением города Мурома (ПСРЛ, 1926. С. 11, 20).

Ранние этапы археологического изучения этой территории немногое добавили к этим самым общим географическим сведениям, т. к. для выделения из обширного массива финских древностей непосредственно муромских требовался достаточный сравнительный материал. Так, А. А. Спицын в 1901 г. обнаруживал ближайшие аналогии материалам муромского Максимовского могильника в Лядинском могильнике древней мордвы, хотя и подчеркивал «разность племенного происхождения погребенных в них лиц» (*Спицын*, 1901. С. 50). При этом он совершенно справедливо указывал на близкое сходство погребений Максимовского могильника с немногочисленными изученными погребениями Урвановского могильника, а также материалами, происходящими с территории города Мурома (Там же. С. 52).

Н. Е. Макаренко, изучивший в 1905 г. Новленский могильник, сближает его с Максимовским, но относит в целом к «восточно-финнской культуре» (*Макаренко*, 1908. С. 25). Однако, как он проницательно отмечает, Урвановский, Муромский и Максимовский могильники – «только начало в сети намечающихся» (Там же. С. 2).

Эти наблюдения были подытожены В. А. Городцовым после знаковых раскопок Подболотьевского могильника в 1910 г. Он также относит раскопанный им Подболотьевский могильник к отдельной группе, включающей другие могильники муромского края (Максимовский, Муромский), и однозначно связывает их с муромой (*Городцов*, 1914. С. 74).

Систематические разведки на территории летописного племени начались в 1920-е гг. усилиями местных краеведов Ф. Я. Селезнева и И. П. Богатова, возглавлявших Муромский музей. Ф. Я. Селезнев провел обследования Пятницкого, Максимовского, Корниловского, Ефановского и Перемиловского могильников и кратко опубликовал результаты (*Селезнев*, 1925). Ставший многолетним директором музея, И. П. Богатов внес в 1930–1950-е гг. наиболее значительный вклад в составление корпуса памятников муромы, открыв не менее половины известных на сегодня памятников этого племени (*Бейлекчи*, 2005. С. 6). В результате своих работ он составил первую карту археологических памятников в окрестностях Мурома, насчитывавшую 37 пунктов, – к сожалению, она, по всей видимости, утрачена.

База источников, сложившаяся к середине прошлого века, позволила исследователям достаточно полно определить археологические признаки непосредственно муромской культуры, в первую очередь касающиеся особенностей погребального обряда и женского костюма (*Дубынин*, 1947; *Алихова*, 1949), что стало основой в том числе для локализации памятников, относимых к муроме.

Работы первых послевоенных десятилетий под руководством в первую очередь А. Ф. Дубынина, Н. Н. Воронина, Е. И. Горюновой также значительно пополняют сведения о материальной культуре и расселении муромы. Впервые проводятся специальные исследования поселений этого племени, наиболее изученным

из которых до сих пор остается раскопанное Е. И. Горюновой Тумовское селище (*Воронин*, 1947а; *Горюнова*, 1961). Она же составляет первую сводную карту памятников территории муромы, приведенную в крупной обобщающей монографии по истории населения Волго-Окского междуречья (*Горюнова*, 1961. Рис. 108)[2]. Число вошедших в данный свод памятников, которые по современным данным можно соотнести с муромой, составляет 30, среди которых 11 могильников, 17 селищ и два городища. Еще 9 упомянутых ею, предположительно, муромских памятников, в том числе два грунтовых могильника (Пополутово, Лобаново), позднейшими полевыми работами локализовать не удалось.

К этому времени объем накопленного материала, разработка хронологии и типологии муромских древностей вполне позволяли ставить вопрос о границах ареала расселения племени на основе археологических данных. Так, центром племенной территории муромы Е. И. Горюнова справедливо указывает междуречье Унжи и Ушны, левых притоков Оки. Северная граница, по материалам тех лет, маркируется Ефановским, Перемиловским (Ефаново 2) и Корниловским могильниками, южная – Урвановским, западная – Малышевским (Там же. С. 155). Отдельно встает вопрос о памятниках пограничной зоны между племенами – в особенности между мерей и муромой. Хотимльский, Холуйский и Новленский могильники Е. И. Горюнова относит к мерянским как по территориальному принципу, так и по материальной культуре, но отмечает при этом вероятную этническую смешанность населения этого пограничья (Там же. С. 119, 124, 126).

Специально вопрос племенной принадлежности могильников северной окраины муромской земли рассмотрел А. Ф. Дубынин (1966). По его мнению, по наличию характерных элементов женского убора Кочкинский и Холуйский могильники допустимо относить к ранним муромским, в то время как Хотимльский не имеет подобных материалов и к муромским не относится.

Исследования 1960–1980-х гг. вновь пополняют список известных муромских памятников. Параллельно велись планомерные и централизованные работы по обобщению археологической информации, увенчавшиеся публикацией главы о финнах Поволжья в томе по финно-уграм серии «Археология СССР» и позднее – изданием «Археологической карты Владимирской области» (*Голубева*, 1987; АКР, 1995).

В разделе о муроме Л. А. Голубева сообщает о 15 могильниках: пять из них были вновь открытыми (Безводнинский, Желтухинский, Кочкинский, Чулковский и Нижневерейский), еще один – Холуйский – она также относит к муроме (*Голубева*, 1987. Табл. 6). Еще семь могильников, о которых упоминает Е. И. Горюнова, не присутствуют в списке Л. А. Голубевой – вероятно, по причине крайне скудных и ненадежных сведений о них. На сводной карте отмечены также 20 муромских селищ, семь из которых вновь открытые, и три городища.

[2] Необходимо отметить, что Е. И. Горюнова при составлении свода указывала местоположение памятника, его хронологические границы, тип и состояние изученности, оставляя за рамками его этническую или культурную принадлежность.

Нужно отметить, что не все памятники, упомянутые Л. А. Голубевой, современные исследователи относят к муроме. Так, Безводнинский могильник оставлен населением, обитавшим в низовьях Оки в эпоху до сложения собственно муромы (*Краснов*, 1980); есть мнение, что к этому же домуромскому горизонту относится и Желтухинский могильник. Данные памятники в настоящее время относятся к древностям безводнинско-ахмыловского типа, которые стали основой сложения муромской и древнемарийской культур (*Никитина*, 2002; *Грибов*, 2018).

Но все же работа Л. А. Голубевой носила преимущественно обобщающий и аналитический характер, в то время как локализация памятников муромской округи и уточнение сведений о них легли на плечи В. П. Глазова и А. Е. Леонтьева, которые на протяжении 1970–1990-х гг. собирали материалы для паспортизации памятников и составления Археологической карты Владимирской области (АКР, 1995. С. 5).

В результате полевой и архивной работы сотрудников Отдела сводов и карт Института археологии в число памятников Владимирской области, связанных с муромой, вошли 14 могильников, 37 селищ и три городища. Из них 10 памятников были обозначены как несохранившиеся (АКР, 1995).

Небольшая часть племенной территории муромы, расположенная на окском правобережье, осталась за рамками данного свода, т. к. относилась к Нижегородской области. Соответствующие тома Археологической карты были подготовлены Т. Д. Николаенко (АКР, 2008; 2013). В число памятников, связанных с культурой муромы, были отнесены 11 могильников, 10 селищ и семь местонахождений. Нужно также отметить уже упоминавшийся Желтухинский могильник, отнесенный составителями карты к муроме, несмотря на значительную удаленность от ее основной территории, и, предположительно, связанное с ним селище Заборово (АКР, 2013. С. 56).

Также необходимо упомянуть два могильника в Ивановской области – Кочкинский и Холуйский[3], – отнесенные к муроме составителями соответствующего тома Археологической карты (АКР, 1993. С. 46). Они также расположены далеко за пределами основного ареала расселения этого племени, соответствующих им селищ до сих пор не найдено.

Таким образом, всего в существующих томах Археологической карты России присутствуют 84 памятника, связываемых составителями с муромой, в числе которых 27 могильников, 47 селищ, семь местонахождений и три городища.

Атрибуция многих поселенческих памятников как муромских при недостаточной изученности их культурного слоя опиралась зачастую только на присутствие значительного количества лепной керамики при малой доле фрагментов древнерусской круговой посуды (*Леонтьев*, 1998. С. 14). Остальные памятники, содержащие помимо муромского слоя отложения древнерусского периода, вероятно, не учитывались. В связи с этим дальнейшие попытки исследователей муромы обозначить ареал и характер ее расселения, а также составить полноценный свод муромских поселений и могильников опираются на значительно

[3] Холуйский могильник, по неясной причине, не вошел в список археологических памятников Ивановской области, несмотря на упоминание во вводной части.

меньшее число памятников. Так, А. Е. Леонтьев говорит всего об одном городище, 11 селищах (из которых только три, по его словам, бесспорно муромских) и 16 могильниках (*Леонтьев*, 1998). В число последних он не включает пограничные Желтухинский, Холуйский и Кочкинский могильники, целый ряд местонахождений с погребальным инвентарем, а также несохранившиеся памятники, такие как могильники Кольдино и Лопатино. Исследователь ограничивает территорию расселения муромы и выделяет три участка концентрации памятников – «гнезда», одно на левобережье в окрестностях Мурома и два на правом берегу – в районе современного Павлова на Перемиловских горах и по течению р. Муромки, притока Оки (*Леонтьев*, 1999. С. 49).

Расширяет данный свод В. В. Бейлекчи в обобщающей монографии, посвященной мурому (2005). Он приводит сведения о 68 памятниках, из которых три городища, 46 селищ и 19 могильников. При составлении свода поселений муромы он также ориентируется на все памятники с муромским горизонтом, определенным по «характерной лепной посуде» (*Бейлекчи*, 2005. С. 17). В число городищ он включает Чаадаевское, Ознобишенское и Кремлевскую гору. Подавляющее большинство поселенческих памятников, учтенных В. В. Бейлекчи, относится к левобережью Оки, в то время как на правобережье он говорит лишь о трех селищах, из которых два (Анцифрово и Корниловка) так и не вошли в АКР по Нижегородской области. К числу могильников муромы он добавляет недавно исследованный, однако известный ранее по случайным находкам Александровский (*Бейлекчи*, 2001), а также Желтухинский и Кочкинский (*Бейлекчи*, 2005. С. 14).

Со времени составления данного свода число известных муромских памятников пополнилось. Так, был обнаружен грунтовый могильник в Муромском районе у села Борисоглеб (*Бейлекчи В., Бейлекчи Вал.*, 2021). В том же районе обнаружен могильник у деревни Михайлово, в Навашинском районе у деревни Елемейка и в Гороховецком районе у деревни Аксаково (работы Волжской экспедиции ИА РАН за 2020–2021 гг.).

При составлении нынешнего свода были привлечены данные о памятниках, чья принадлежность к мурому не вызывает сомнений и которые удалось локализовать разведками за последние полвека. Как уже отмечалось ранее, ГИС «Археологические памятники России», на основе которой составляется свод по муромским памятникам, опирается на определения памятников, содержащихся в научных отчетах (*Макаров и др.*, 2015, С. 82). Поэтому мы вслед за авторами разведок памятники с лепной средневековой керамикой в Муромском Поочье относим к мурому. На наш взгляд, такое допущение вполне обоснованно, в том числе и тем, что эти территории соотносятся с ареалом муромской культуры, и другие средневековые памятники с лепной керамикой здесь не известны. В то же время в свод не вошли памятники, известные только по упоминаниям в дореволюционной литературе, а также большинство местонахождений со случайными находками, которые не получили подтверждения дальнейшими исследованиями.

По тем же принципам были собраны данные о памятниках древнерусского времени – в базу включены памятники, которые в научных отчетах имеют определения «древнерусские» или с «древнерусской гончарной керамикой». Большая часть таких памятников исследована только разведками, имеет широкие

хронологические рамки и датируется в пределах X–XIV – X–XVII вв. В данном случае мы ориентировались на нижнюю дату, которая охватывает X–XII вв., как время проникновения на данную территорию древнерусского населения (*Голубева*, 1987; *Рябинин*, 1997). Также в базу включены курганные могильники, о которых имеются достоверные сведения по результатам раскопок или разведочных работ и которые определяются как древнерусские (рис. 1; табл.).

Таблица. Список памятников VII–XIII вв. на территории Муромского Поочья

1. сел. Павлово 1 (Большая Тарка I)	41. сел. Анцифрово
2. кург. м-к Павлово (Большая Тарка III)	42. сел. Волосово 11 (Велетьминская стоянка)
3. сел. Павлово 2	43. сел. Волосово 12 (Велетьминская 2)
4. сел. Малое Окское 4	44. сел. Покров 2
5. сел. Павлово 3	45. сел. Малое Окулово 5
6. грунт. м-к Павлово 2 (Камушки)	46. сел. Благовещенское
7. сел. Новое Щербинино 7	47. грунт. м-к Молотицы
8. сел. Меленки 1	48. кург. м-к Вареж
9. сел. Вареж 1	49. кург. м-к Борисоглеб 2
10. сел. Вареж 2	50. сел. Волнино 1
11. сел. Липовицы 1	51. сел. Волнино 2 (Чебашихинское)
12. сел. Липовицы 2	52. сел. Борисоглеб 2
13. сел. Степаньково (Семеновский Борок)	53. грунт. м-к Борисоглеб
14. сел. Звягино	54. сел. Битюково 3 (Красный Яр)
15. грунт. м-к Звягино (Чулковский)	55. сел. Старые Котлицы 2 (Михайловское)
16. сел. Высоково	56. сел. Старые Котлицы 1
17. сел. Пожога	57. грунт. м-к Лесниково (Максимовский)
18. грунт. м-к Арефино	58. сел. Савково
19. сел. Сапун	59. сел. Лесниково (Максимовское)
20. грунт. м-к Елемейка	60. гор. Чаадаево (Чаадаевский городок)
21. сел. Елемейка	61. сел. Битюково
22. кург. м-к Вишенки	62. сел. Чаадаево 1
23. сел. Вишенки	63. сел. Чаадаево 4
24. сел. Жайск 1	64. сел. Чаадаево 5
25. сел. Жайск 4	65. сел. Чаадаево 2
26. сел. Короваево 2	66. сел. Чаадаево 3
27. сел. Голенищево 2	67. сел. Булатниково
28. сел. Голенищево 1	68. сел. Мордвиново
29. грунт. м-к Аксаково	69. кург. м-к Зименки (Мары)
30. сел. Вача (Мордовик)	70. сел. Новоселки
31. сел. Базарово (Поповка)	71. сел. Катышево 2
32. кург. м-к Захарово	72. сел. Катышево 1
33. сел. Ефаново 1	73. сел. Минеево 1
34. грунт. м-к Ефаново 1	74. сел. Минеево 2
35. грунт. м-к Ефаново 2 (Перемиловский)	75. сел. Михайлово
36. сел. Корниловка	76. грунт. м-к Михайлово
37. грунт. м-к Корниловка	77. сел. Пестенькино
38. сел. Спас-Седчино 2	78. кург. м-к Пестенькино
39. сел. Коробково 1	79. сел. Ковардицы 1
40. грунт. м-к Анцифрово 2	80. сел. Ковардицы 2

Окончание таблицы

81. сел. Лопатино	107. грунт. м-к Малышево
82. сел. Коржавино 1	108. сел. Малышево
83. сел. Коржавино 2	109. сел. Карпово
84. кург. м-к Тумовка	110. сел. Гусек
85. грунт. м-к Александровский	111. кург. м-к Шушпаново 2
86. сел. Макаровка (Тумовское)	112. кург. м-к Шушпаново 1
87. кург. м-к Кольдино	113. сел. Копнино
88. сел. Вербовское (Подболотьевское)	114. сел. Архангел
89. грунт. м-к Вербовский (Подболотьевский)	115. гор. Архангел
	116. сел. Урваново
90. сел. Черемисино	117. грунт. м-к Урваново
91. сел. Кривицы	118. сел. Верхозерье 1
92. сел. Грибково	119. сел. Верхозерье 2
93. сел. Кожевники	120. мест. Змейка 3
94. грунт. м-к Муром 1	121. мест. Змейка 1
95. грунт. м-к Муром 2	122. сел. Змейка
96. сел. Николо-Набережное	123. грунт. м-к Змейка
97. гор. Кремлевская гора	124. сел. Домнино
98. сел. Спасо-Преображенский монастырь	125. грунт. м-к Казнево
	126. сел. Нижняя Верея
99. грунт. м-к Пятницкий	127. грунт. м-к Нижняя Верея
100. сел. Пятницкое	128. сел. Воютино
101. сел. Панфилово	129. сел. Кононово
102. сел. Талызино	130. сел. Кудрино
103. сел. Новлянка	131. сел. Окшово (Попурино)
104. грунт. м-к Новлянка	Вне карты:
105. сел. Святцы (Дубки)	грунт. м-к Желтухинский, грунт. м-к Кочкинский, сел. Заборово
106. сел. Юромка 2 (Приклон)	

Всего нами было учтено 134 памятника, из которых 26 грунтовых могильников (преимущественно муромских, за исключением могильника Змейка, который в отчете отмечен как славянский), 11 курганных могильников (все – славянские), 92 селища (49 имеют муромский слой, 66 – древнерусский)[4], три городища и два местонахождения.

Настоящая статья посвящена анализу распределения памятников, относимых к мурому, и памятников, атрибутированных как славянские, с целью определения ареала и характера расселения муромы и начального освоения этой территории древнерусским населением.

За время, прошедшее после исследований Е. И. Горюновой в 60-е гг., работ А. Е. Леонтьева в 90-е гг. прошлого столетия и В. В. Бейлекчи в начале 2000-х гг., произошло количественное и качественное изменение базы археологических памятников, относимых к мурому. В первую очередь произошло увеличение количества памятников, и в настоящее время база АСОИ «Терек» (*Макаров и др*., 2015. С. 14) включает данные о 25 грунтовых могильниках муромы, 49 селищах, которые занимают левобережье и правобережье Оки. Картирование данных

[4] Здесь учитываются также селища, имеющие как муромские, так и древнерусские материалы.

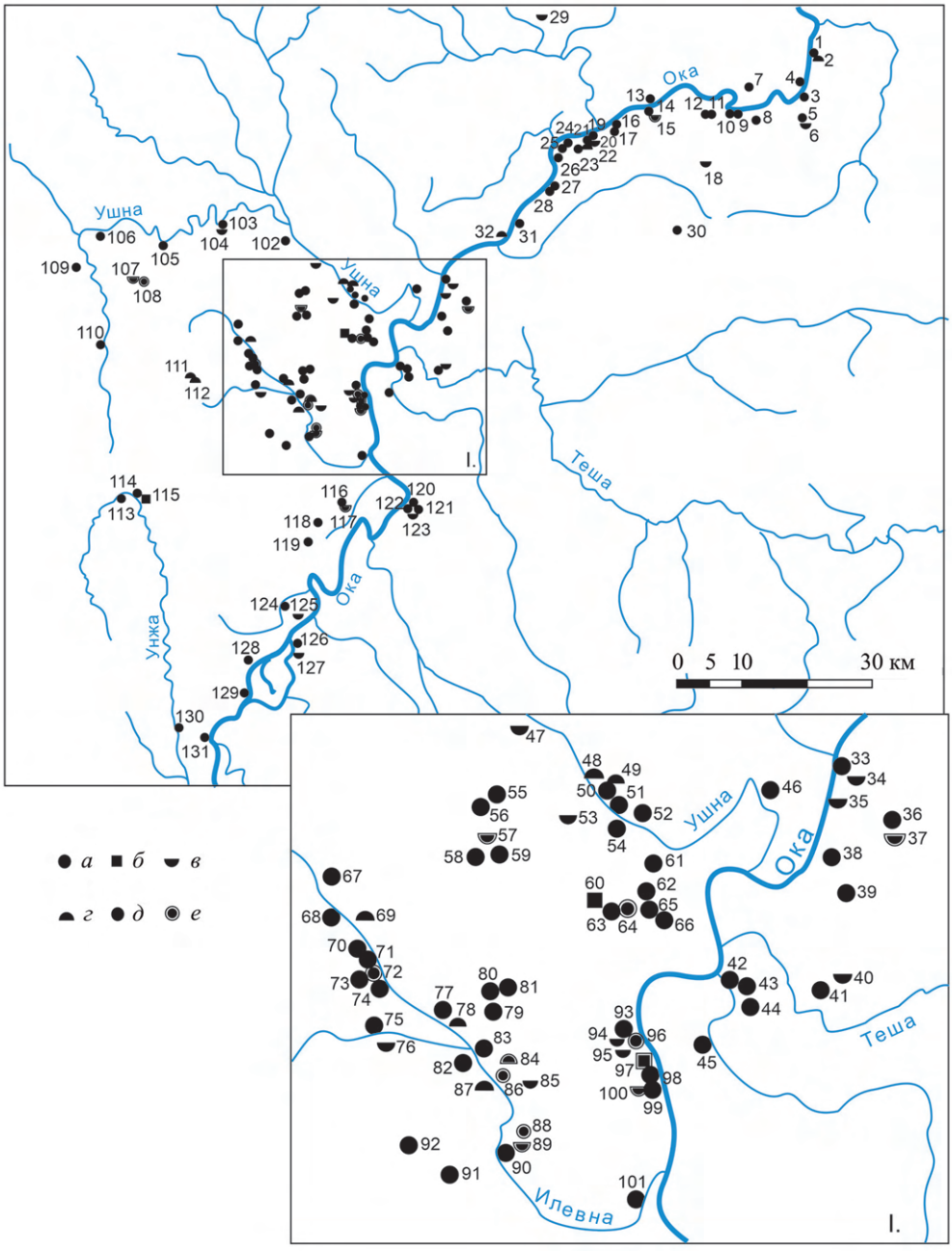


Рис. 1. Памятники VII–XIII вв. на территории Муромского края

Типы памятников: *а* – селища; *б* – городища; *в* – грунтовые могильники; *г* – курганные могильники

Степень изученности: *д* – изученные разведками; *е* – изученные раскопками

демонстрирует, что муромские памятники занимают территорию так называемого Муромского края[5], в основном на окском левобережье, и узкую полосу вдоль правого берега Оки (рис. 1).

В левобережье Оки муромские памятники занимают территорию площадью примерно 1600 кв. км. Здесь расположено 35 селищ, два городища (Кремлевская гора и Чаадаевское) и 13 могильников. Наиболее плотно муромой была освоена центральная часть левобережья, где памятники расположены непосредственно на крутом окском берегу в границах современного Мурома и по притокам Оки – Ушне и Илевне (рис. 2, врезка II). Ядром территории, вероятно, была центральная часть современного Мурома, где на площади 2,7 кв. км расположены три могильника и четыре селища. Имелось ли на Кремлевской горе муромское городище, вопрос на данный момент неразрешимый, но всеми исследователями отмечается, что в нижней части раскопов присутствовала преимущественно лепная керамика (*Воронин*, 1947б. С. 13, 19, 20; *Бейлекчи*, 2005. С. 122–127). В. В. Бейлекчи выделяет шесть точек в пределах исторической части современного Мурома, которые он соотносит с поселениями муромского времени. Три из них – Николо-Набережное селище, Кремлевская гора и Богатырева гора, отделенные друг от друга оврагами, он рассматривает как некий конгломерат с центром на Кремлевской горе (2005. С. 119).

Если принять территорию будущего Мурома с высокой концентрацией поселений и могильников (памятник на 0,54 кв. км площади) за центр муромского заселения, то анализ расстояний от Кремлевской горы до отдельных памятников позволят выделить три зоны освоения территории. Памятники от этого условного центра расположены в радиусе 6–10 км (№ 60–62, 65, 66, 80–83, 85, 86, 88, 89, 101), 13–20 км (№ 46, 47, 50, 53, 54, 56–59, 70, 73–76, 116–119), 31–38 км (№ 103–108, 110, 124–130).

Памятники, расположенные в ближайших радиусах, образуют группы, или «гнезда», по терминологии А. Е. Леонтьева (1998. С. 51). Помимо центральной группы, расположенной в исторической части Мурома, можно выделить еще несколько групп. Заметная концентрация памятников наблюдается в нижнем течении Ушны, где известен Чаадаевский городок (№ 60) и рядом с ним еще четыре селища (№ 61, 62, 65, 66). Выше по Ушне расположены два селища – Битюково 2, Волнино и вновь открытый могильник у с. Борисоглеб (№ 50, 54 и 53). Еще одна группа памятников расположена у р. Барышевка, правом притоке Ушны, где известно три селища и Максимовский могильник (№ 57, 56, 58, 59).

Активно освоена р. Илевна, где фиксируется 12 памятников. Здесь группа памятников концентрируется на правом притоке Илевны, на р. Мучерка расположены селище и могильник у с. Михайлова, и к ним тяготеют два селища у с. Минаево (№ 73,73) и селище Новоселки, расположенные в 2, 3 и 4 км к северу от Михайловского могильника.

[5] Определение и границы «Муромского края» дал В. В. Бейлекчи. Границы в целом соотносятся с территорией Муромского уезда, который включал территории современных Муромского, Меленковского и Селивановского районов Владимирской области, а также территорию, прилегающую к Оке в правобережье в Павловском, Вачском, Навашинском и Выксунском районах Нижегородской области (*Бейлекчи*, 2005. С. 10).

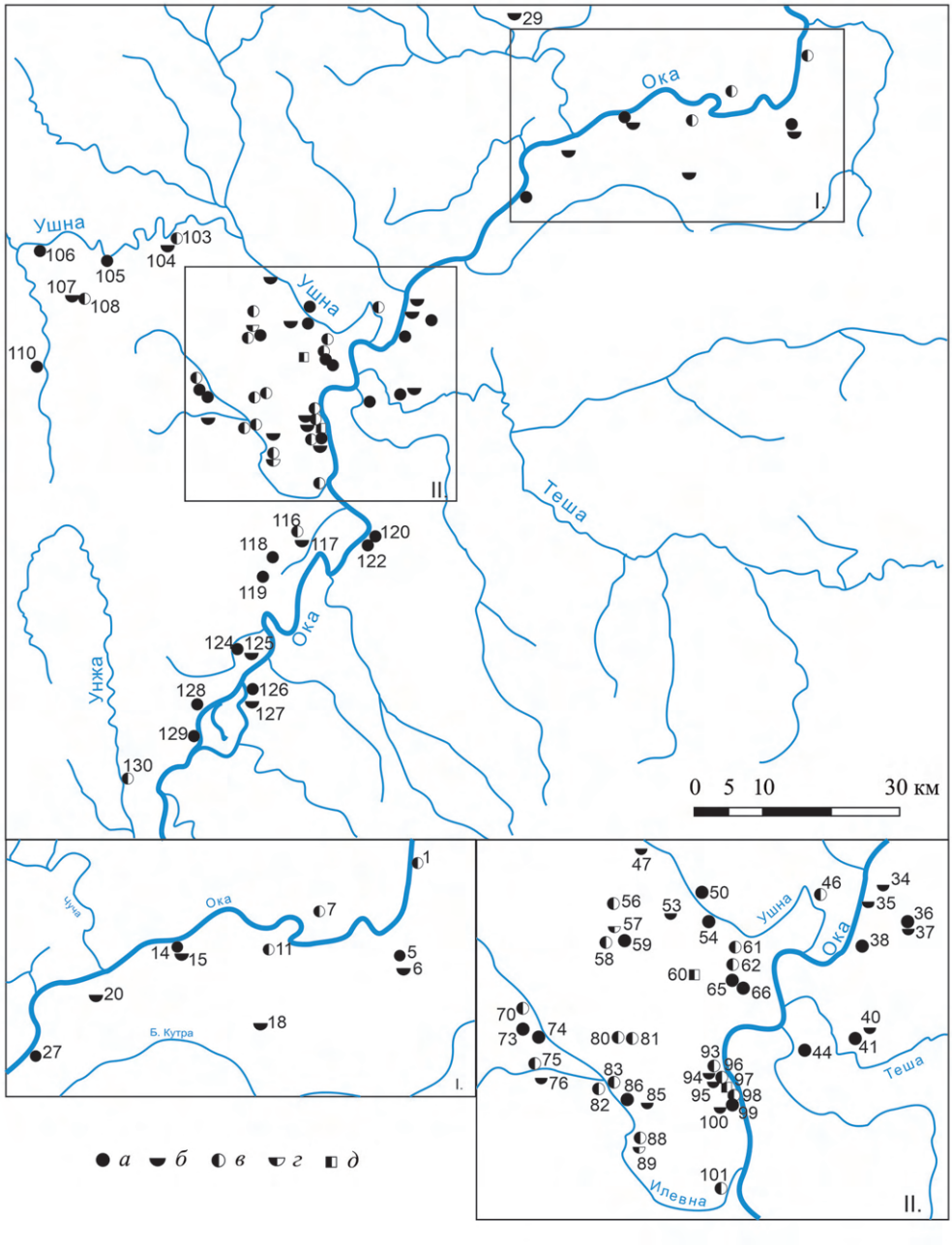


Рис. 2. Памятники VII–XI вв.

Памятники с муромским материалом: *а* – селища; *б* – грунтовые могильники; с муромским и древнерусским материалом: *в* – селища; *г* – грунтовые могильники; *д* – городища

В низовье р. Илевны – от места впадения в нее р. Мучерки – расположены селища Коржавино 1 и Коржавино 2, Тумовское и чуть более километра южнее – Александровский могильник. Еще в 4 км южнее – Подболотьевский могильник и селище (рис. 2, врезка II).

Остальные муромские памятники в левобережье расположены по периферии – семь памятников примерно на равном расстоянии друг от друга в верхнем течении Ушны (рис. 2). Здесь известны две пары памятников – Новленский могильник и селище, Малышевский могильник и селище. Вверх по Оке муромские памятники занимали территорию до границы современного Меленковского района (до старицы Черный Яр). Здесь расположено 9 памятников на левом и четыре на правом берегах Оки, в том числе пары могильник – селище: около с. Урваново на левом берегу и у с. Нижняя Верея на правом.

В правобережье известен 21 памятник, которые занимают небольшую полосу вдоль Оки протяженностью около 100 км (рис. 2). Наиболее хорошо был освоен район «Перемиловских гор», где примерно на площади 300 кв. м известно пять селищ и четыре могильника (№ 1, 5, 6, 11, 14, 15, 18, 20, 27), в том числе четыре парных памятника: поселение Павлово 3 и могильник Камушки (Павлово 2), селище с могильником у с. Звягино (Чулковский могильник и селище) (рис. 2, врезка).

Группа памятников из трех могильников и двух селищ известна в нижнем течении р. Муромки (№ 34, 35, 36, 37, 38). Этот участок, судя по всему, тяготел к левобережному ядру муромских территорий и был также хорошо освоен: здесь вышеозначенные памятники располагались на расстоянии до 3 км друг от друга (рис. 2, врезка II). В 6 км южнее этой группы, в низовье Теши расположены Анциферовский могильник и селище (№ 40, 41).

Помимо количества памятников показателем плотности освоения территории может служить расстояние между памятниками. Так, в левобережье расстояние между соседними поселками внутри выделяемых групп составляет от 1 до 3 км и от 5 до 9 км между «гнездами»[6]. Наиболее плотно населенные пункты расположены в центральной группе памятников (территория современного Мурома), в районе Чаадаевского городка и Максимовского могильника. По Ушне и Илевне поселки расположены на расстоянии примерно 3–5 км друг от друга. На периферии Муромского края – на верхней Ушне и выше по течению Оки – расстояние между памятниками доходит до 9–15 км. Еще меньшая плотность расселения наблюдается в Правобережье – здесь расстояние между муромскими памятниками от 7 до 15 и до 20 км.

Интересная закономерность выявлена при анализе расстояний между парами могильник – селище. Всего выделяется 14 пар (№ 5–6, 14–15, 20–21, 36–37, 40–41, 57–58, 75–76, 88–89, 95–97, 94–96, 103–104, 107–108, 116–117, 126–127). Большинство могильников располагаются в 500–600 м от поселений, только в четырех случаях расстояние доходит до 1 км, что, возможно, связано с недостаточной исследованностью округи могильника (Чулковский могильник и сел. Звягино: № 14–15; Малышевский могильник и селище: № 107 – 108) или с не совсем ясной топографией, как в случае с центром Мурома (№ 95–97, 94–96).

[6] Без учета центральной группы, там расстояние между поселениями от 500 м.

Таким образом, картографирование муромских памятников показывает, что во второй половине – начале II тыс. н. э. левобережье Оки было хорошо освоено, наиболее плотно была заселена территория вокруг Кремлевской горы и Чаадаевского городка. Оба этих участка связаны с большой рекой как торговой артерией, что, вероятно, и определяло эту плотность и некое доминирование. Участок Оки от Перемиловых гор в Правобережье до границы современного Меленковского района (до старицы Черный Яр) на протяжении второй половины I – начала II тыс. н. э. контролировался муромой и, вероятно, именно торговля была основой благосостояния муромы. Включенность муромских территорий в международную торговлю подтверждается обилием цветного металла и заметным количеством монет в захоронениях (например, в Подболотьевском и Максимовском могильниках), а также находками муромского и савковского монетных кладов X в. (*Голубева*, 1987. С. 92).

Именно выгодное положение на Оке стало одним из импульсов продвижения сюда нового населения, которое в определенной мере изменило и систему расселения. Первые прямые контакты муромы с древнерусским населением фиксируются во второй половине X – первой половине XI в., когда на муромских могильниках появляются подкурганные древнерусские захоронения (*Зеленцова, Милованов*, 2015). Анализ расположения памятников начала – первой трети II тыс. н. э. позволяет наметить ход освоения муромских земель древнерусским населением (рис. 3). Славянская колонизация края начинается, вероятно, с центральных территорий, ранее хорошо освоенных муромой, о чем свидетельствует и наличие на муромских селищах древнерусской керамики. Е. И. Горюнова при раскопках Тумовского селища отмечает присутствие 20 % древнерусской керамики, а в одном из объектов – до 96 %, что, на ее взгляд, соотносится с притоком на Оку славянских переселенцев (*Горюнова*, 1961. С. 182). На Подболотьевском селище доля гончарной древнерусской керамики в объектах доходит до 40 % (*Зеленцова*, 2013). Эти наблюдения и присутствие подкурганных захоронений на Подболотьевском и Максимовском могильниках (*Спицын*, 1905) подтверждают предположение, высказанное ранее А. Е. Леонтьевым, что первоначально древнерусские села возникали на месте муромских поселков (*Леонтьев*, 1998. С. 15). Особенно активно осваивается бассейн Илевны, где фиксируется 17 древнерусских селищ и шесть курганных могильников, один из которых раскопан рядом с Тумовским селищем (*Горюнова*, 1949). Также активно осваивается Ушна – особенно округа Чаадаевского городка, в слое которого также была зафиксирована древнерусская керамика; имеется она в слое поселений Чаадаево 1 и Битюково, существовавших и в муромское время. Здесь же расположены два селища только с древнерусской керамикой (№ 63, 64), которые являются свидетельством развития сети древнерусских поселений в домонгольское время. На левом берегу Ушны, где ранее практически отсутствовали муромские памятники, появляются два селища только с гончарной древнерусской керамикой и два курганных могильника (№ 48, 49, 51, 52; рис. 3, врезка II).

Большая часть муромских памятников в 20-километровом радиусе Мурома прекращает функционировать, жизнь продолжается только на трети из всех ранее существовавших селищ (№ 56, 57, 61, 62, 70, 75, 80, 81, 82, 83, 88, 93. 96, 97, 98) (рис. 3). Еще бóльшие изменения происходят на периферии – здесь

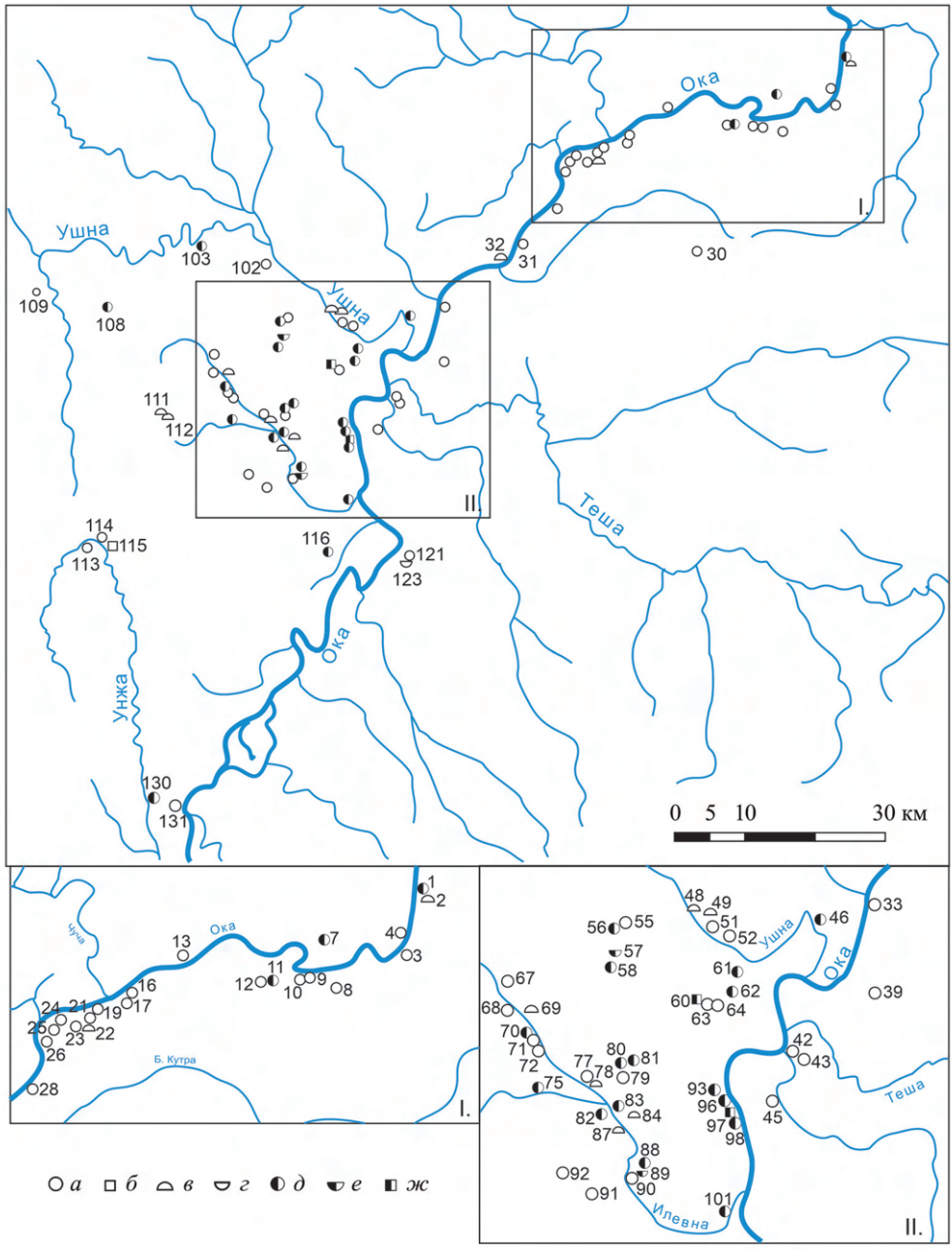


Рис. 3. Памятники XI–XIII вв.

Памятники с древнерусским материалом: *а* – селища; *б* – городища; в – курганные могильники; *г* – грунтовые могильники; с муромским и древнерусским материалом: *д* – селища; *е* – городища; *ж* – грунтовые могильники

оказалось покинуто более половины ранее заселенных мест, и древнерусский материал фиксируется только на двух памятниках (№ 103, 108). Некоторые ранее обжитые территории пустеют полностью. Так, к югу от современного Мурома, вверх по Оке не известно ни одного памятника, муромские памятники исчезли, а новые не появились (рис. 3). Но начинают осваиваться земли по р. Унже, где фиксируется городище древнерусского времени Архангел и два селища (№ 113, 114, 115).

В Правобережье появляются новые поселки, тяготеющие к тем же ранее освоенным муромой землям, но расположенные в новых местах: в 20-километровой округе Мурома из 37 селищ с древнерусской керамикой на 19 не зафиксирована лепная муромская посуда (рис. 3, врезка II). Эти поселки возникли на новых местах.

Хронологически освоение старозаселенных мест и возникновение новых селищ может не совпадать, и, несомненно, это длительный процесс, но эти два явления связаны друг с другом и демонстрируют общую тенденцию славянской колонизации края и возникновения новой сети расселения.

Также археологическая карта демонстрирует незначительное расширение сети поселений по сравнению с муромским временем, что, вероятно, говорит не о слишком массированном колонизационном потоке, который мало повлиял на рост населения в крае.

Освоение древнерусским населением правобережья Оки происходило, вероятно, в том же русле – древнерусские селища располагаются вдоль Оки в районе Перемиловых гор (17 селищ и два курганных могильника); второе «гнездо» селищ расположено в низовьях Велетьмы (три селища), и отдельные селища фиксируются на Оке. Однако преемственность с системой расселения муромского времени здесь прослеживается гораздо слабее: лишь три древнерусских селища имеют слои муромского времени (4 %). Остальные поселения, по всей видимости, возникли в более поздний период на опустевших территориях. Это наблюдение согласуется с хронологическими выводами Н. Н. Грибова о постепенном освоении Поочья древнерусским населением (*Грибов*, 2003).

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А. Е., 1949. Мордва и мурома // КСИИМК. Вып. 30. С. 26–30.

АКР. Владимирская область. М.: ИА РАН, 1995. 379 с.

АКР. Ивановская область. М.: ИА РАН, 1993. 384 с.

АКР. Нижегородская область. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2008. 464 с.

АКР. Нижегородская область. Ч. 3. М.: ИА РАН, 2013. 405 с.

Бейлекчи В. В., 2001. Муромский могильник у с. Александровка // Уваровские чтения – III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность: материалы науч. конф. (1996 г.). Муром: Муромский ист.-худож. музей. С. 245–248.

Бейлекчи В. В., 2005. Древности Нижнего Поочья (погребальный обряд и поселения летописной муромы). М.: Изд-во Московского психол.-соц. ин-та. 278 с.

Бейлекчи В. В., Бейлекчи Вал. В., 2021. Новые сведения о муромском могильнике у села Борисоглеб // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН. С. 228–241.

Воронин Н. Н., 1947а. Муромская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXI. С. 136–140.

Воронин Н. Н., 1947б. Отчет о работе Муромской экспедиции в 1946 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 79. 146 л.

Голубева Л. А., 1987. Весь. Мурома. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 52–107. (Археология СССР.)

Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. // Древности. Труды Императорского Московского Археологического общества. Т. XXIV. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. С. 40–216.

Горюнова Е. И., 1949. Отчет о работе Муромской экспедиции в 1948 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 227. 65 л.

Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Изд-во АН СССР. 267 с. (МИА; № 94.)

Грибов Н. Н., 2003. Сельская округа средневекового Мурома на правобережье р. Оки // Уваровские чтения – V: материалы науч. конф. (2002 г.). Муром: Стерх. С. 18–22.

Грибов Н. Н., 2018. Подвязьевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Археология евразийских степей. № 1. С. 191–199.

Дубынин А. Ф., 1947. Малышевский могильник. К истории Нижней Оки в I тысячелетии н. э. [Рукопись]: дис. … канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Ф. 2. № 362.

Дубынин А. Ф., 1966. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли // СА. № 3. С. 67–79.

Зеленцова О. В., 2013. Отчет о проведении охранных археологических исследованиях Вербовского (Подболотьевского) могильника и селища в Муромском районе Владимирской области в зоне строительства мостового перехода через р. Оку с обходом г. Муром (II этап): в 5 т. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 35118.

Зеленцова О. В., Милованов С. И., 2015. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н. А. Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. С. 122–134.

Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.

Леонтьев А. Е., 1998. Территория летописной муромы по археологическим данным // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: материалы науч. конф. Саранск: Красный Октябрь. С. 14–17.

Леонтьев А. Е., 1999. Меря и мурома: материалы к изучению системы расселения // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: материалы Междунар. полевого симп., посвящ. 100-летию со дня рождения А. П. Смирнова и 25-летию исследований городища Иднакар / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск; Глазов: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы. С. 46–51.

Макаров Н. А., Зеленцова О. В., Коробов Д. С., Ворошилов А. Н., Черников А. П., 2015. Геоинформационная система «Археологические памятника России»: методические подходы к разработке и первые результаты // КСИА. Вып. 237. С. 3–20.

Макаренко Н. Е., 1908. Новленский и Заколпский могильники Владимирской губернии и археологическая поездка по Владимирскому, Судогодскому, Муромскому и Меленковскому уездам // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 10. Владимир: Тип. Губ. правл. С. 1–63.

Никитина Т. Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. 432 с.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926. 151 с.

Рябинин Е. А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ. 260 с.

Селезнев Ф. Я., 1925. Археологические исследования в окрестности Мурома. Культура финнов Средней Оки. Владимир: Призыв. 31 с. (Отт. из «Трудов Владимирского Гос. Обл. Музея; вып. II.). СПб.

Спицын А. А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. 120 с. (Материалы по археологии России; № 25.)

Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 176 с.

Сведения об авторах

Зеленцова Ольга Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru;

Холошин Павел Романович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: Paul.R.Kho@yandex.ru

O. V. Zelentsova, P. R. Kholoshin

THE MUROMA ON THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL MAP: RESEARCH OF THE PAST AND THE PRESENT SITUATION

Abstract. The paper analyzes a new corpus of archaeological sites of the Murom Oka region in the second half of I mill. – early II mill., which clarifies the area and settlement pattern of the Muroma people as well as trace the routes of initial exploitation of this area by the medieval Russian population. The Oka left bank was the most populated Muroma area, high density of the sites has been recorded near the Kremlevskaya Hill and Chaadaevsky gorodok that were directly linked to the Oka. Most Muroma sites were located within 20 km around the Kremlevskaya Hill near the tributaries of the first and second order that had mesopodzol and cryptopodzol soils not very suitable for agriculture and wide floodplain meadows for keeping domesticated animals. In the Oka right bank area the Muroma sites 'clung' to the Oka, they were located near small streams some 3–5 km away from the river channel. Therefore, the Muroma people controlled around 100 km of the trade water route from the site presently known as the town of Pavlovo to the confluence of the Unzha and Oka. This, most likely, explains abundance of non-ferrous metal finds and a large number of coins in the graves. The Slav colonization of this area began from the center of the Muroma land that had been inhabited for a long time; at its initial stage it is attested by appearance of Medieval Russia kurgan burials and in-ground burials at the Muroma cemeteries, and wheel-made pottery of Medieval Russian type at open settlements. It is clear that the newcomers first settled in Muroma open villages. Early in II mill. the settlement pattern underwent some changes. New medieval Russian villages and kurgan cemeteries appeared, and one third of the Muroma sites were abandoned. Only one third of the Muroma settlements continued to be occupied during the Medieval Russia period.

Keywords: archaeological map, settlement pattern, Muroma, Medieval Russia population, unfortified settlement, in-ground cemetery, kurgan cemetery.

REFERENCES

Alikhova A. E., 1949. Mordva i muroma [Mordva and Muroma]. *KSIIMK*, 30, pp. 26–30.

AKR. Ivanovo oblast' [AKR. Ivanovo region]. Moscow: IA RAN, 1993. 384 p.

AKR. Nizhegorodskaya oblast' [AKR. Nizhny Novgorod region], 2. Moscow: IA RAN, 2008. 464 p.

AKR. Nizhegorodskaya oblast' [AKR. Nizhny Novgorod region], 3. Moscow: IA RAN, 2013. 405 p.

AKR. Vladimirskaya oblast' [AKR. Vladimir region]. Moscow: IA RAN, 1995. 379 p.

Beylekchi V. V., 2001. Muromskiy mogil'nik u s. Aleksandrovka [Muromacemetery near village Aleksandrovka]. *Uvarovskie chteniya – III. Russkiy pravoslavnyy monastyr' kak yavlenie kul'tury: istoriya i sovremennost' [Uvarov readings – III. Russian Orthodox monastery as a cultural phenomenon: history and modernity]*. Murom: Muromskiy istoriko-khudozhestvennyy muzey, pp. 245–248.

Beylekchi V. V., 2005. Drevnosti Nizhnego Pooch'ya (pogrebal'nyy obryad i poseleniya letopisnoy muromy) [Antiquities of Lower Oka region (burial rite and settlements of the Muroma of chronicles)]. Moscow: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut. 278 p.

Beylekchi V. V., Beylekchi Val. V., 2021. Novye svedeniya o muromskom mogil'nike u sela Borisogleb [New information on Muroma cemetery near village Borisogleb]. *Finno-ugorskie drevnosti vtoroy poloviny I – nachala II tysyacheletiya n. e.: materialy nauchnogo seminara «Podbolot'evskiy mogil'nik: 100 let issledovaniy» [Finno-Ugric antiquities of second half of I – early II millennium AD: transactions of the scientific seminar «Podbolot'evo cemetery: 100 years of research»]*. Moscow: IA RAN, pp. 228–241.

Dubynin A. F., 1947. Malyshevskiy mogil'nik. K istorii Nizhney Oki v I tysyacheletii n. e. (Rukopis'): dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Malyshevsky cemetery. On the history of the Lower Oka in I millennium AD. PhD Thesis (Manuscript)]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dubynin A. F., 1966. O plemennoy prinadlezhnosti naseleniya severnoy okrainy Muromskoy zemli [On tribal attribution of population of the northern outskirts of Murom land]. *SA*, 3, pp. 67–79.

Golubeva L. A., 1987. Ves'. Muroma. Mordva [Ves'. Muroma. Mordva]. *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ya [Finno-Ugrians and Balts in Middle Ages]*. V. V. Sedov, ed. Moscow: Nauka, pp. 52–107. (Arkheologiya SSSR.)

Gorodtsov V. A., 1914. Arkheologicheskie issledovaniya v okrestnostyakh g. Muroma v 1910 g. [Archaeological research in the vicinity of Murom in 1910]. *Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo Arkheologicheskogo obshchestva [Antiquities. Proceedings of Imperial Moscow Archaeological Society]*, XXIV. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, pp. 40–216.

Goryunova E.I., 1949. Otchet o rabote Muromskoy ekspeditsii v 1948 g. [Report on work of Murom expedition in 1948]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Goryunova E. I., 1961. Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [Ethnic history of Volga-Oka interfluve]. Moscow: AN SSSR. 267 p. (MIA, 94.)

Gribov N. N., 2003. Sel'skaya okruga srednevekovogo Muroma na pravoberezh'e r. Oki [Rural vicinity of medieval Murom on the right bank of Oka river]. *Uvarovskie chteniya – V [Uvarov readings – V]*. Murom: Sterkh, pp. 18–22.

Gribov N. N., 2018. Podvyaz'evskiy mogil'nik na Nizhney Oke: kul'turnye osobennosti i khronologiya (predvaritel'nye itogi issledovaniy 2010, 2012–2015 gg.) [Podvyaz'evskiy cemetery on Lower Oka: cultural features and chronology (preliminary results of 2010, 2012–2015 research)]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of Eurasian steppes]*, 1, pp. 191–199.

Krasnov Yu. A., 1980. Bezvodninskiy mogil'nik (K istorii Gor'kovskogo Povolzh'ya v epokhu rannego srednevekov'ya) [Bezvodninskiy cemetery (On the history of the Gorky Volga region in early Middle Ages)]. Moscow: Nauka. 224 p.

Leont'ev A. E., 1998. Territoriya letopisnoy muromy po arkheologicheskim dannym [Territory of Muroma of the chronicles according to archaeological data]. *Issledovaniya P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy drevnosti i sovremennosti [P. D. Stepanov's research and ethnocultural processes in antiquity and modernity]*. Saransk: Krasnyy Oktyabr', pp. 14–17.

Leont'ev A. E., 1999. Merya i muroma: materialy k izucheniyu sistemy rasseleniya [Merya and Muroma: materials for the study of settlement system]. *Novye issledovaniya po srednevekovoy arkheologii Povolzh'ya i Priural'ya [New research on medieval archeology of Volga region and the Urals]*. M. G. Ivanova, ed. Izhevsk; Glazov: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury, pp. 46–51.

Makarov N. A., Zelentsova O. V., Korobov D. S., Voroshilov A. N., Chernikov A. P., 2015. Geoinformatsionnaya sistema «Arkheologicheskie pamyatniki Rossii»: metodicheskie podkhody k razrabotke i pervye rezultaty [Geo-information system «Archaeological sites of Russia»: methodic approaches for its elaboration and the first results obtained]. *KSIA*, 237, pp. 3–20.

Makarenko N. E., 1908. Novlenskiy i Zakolpskiy mogil'niki Vladimirskoy gubernii i arkheologicheskaya poezdka po Vladimirskomu, Sudogodskomu, Muromskomu i Melenkovskomu uezdam [Novlenskiy and Zakolpskiy cemeteries of Vladimir province and archaeological trip to Vladimir, Sudogoa, Murom and Melenki districts]. *Trudy Vladimirskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Proceedings of Vladimir scientific archival commission]*, 10. Vladimir: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, pp. 1–63.

Nikitina T. B., 2002. Mariytsy v epokhu srednevekov'ya (po arkheologicheskim materialam) [Mari people in the Middle Ages (according to archaeological materials)]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy Nauchno-

issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii [Scientific-research institute for language, literature and culture]. 432 p.
PSRL, I. Lavrent'evskaya letopis' [Lavrent'evskaya chronicle], iss. 1. Povest' vremennykh let. Leningrad, 1926. 151 p.
Ryabinin E. A., 1997. Finno-ugorskie plemena v sostave Drevney Rusi [Finno-Ugric tribes in Ancient Rus]. St. Petersburg: SPbGU. 260 p.
Seleznev F. Ya., 1925. Arkheologicheskie issledovaniya v okrestnosti Muroma. Kul'tura finnov Sredney Oki [Archaeological research in vicinity of Murom. Culture of the Finns of Middle Oka]. Vladimir: Prizyv. 31 p. (Offprint, «Trudy Vladimirskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya, II.). St. Petersburg.
Spitsyn A. A., 1901. Drevnosti basseynov rek Oki i Kamy [Antiquities of Oka and Kama river basins]. 120 p. (Materialy po arkheologii Rossii, 25.)
Spitsyn A. A., 1905. Vladimirskie kurgany [Vladimir kurgans]. *IAK*, 15, 176 p.
Voronin N. N., 1947a. Muromskaya ekspeditsiya [Murom expedition]. *KSIIMK*, XXI, pp. 136–140.
Voronin N.N., 1947b. Otchet o rabote Muromskoy ekspeditsii v 1946 g. [Report on work of Murom expedition in 1946]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Zelentsova O. V., 2013. Otchet o provedenii okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Verbovskogo (Podbolot'evskogo) mogil'nika i selishcha v Muromskom rayone Vladimirskoy oblasti v zone stroitel'stva mostovogo perekhoda cherez r. Oku s obkhodom g. Murom (II etap): v 5 tomakh [Report on the archaeological protective studies of Verbovskiy (Podbolot'evskiy) cemetery and settlement in the Murom district, Vladimir region in construction area of a bridge cross over Oka river with round about Murom (II stage): in 5 vols.]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Zelentsova O. V., Milovanov S. I., 2015. Kurgannyy obryad pogrebeniya v Nizhnem Pooch'e v epokhu Srednevekov'ya [Kurgan burial rite on Lower Oka region in Middle Ages]. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu N. A. Makarova [Cities and villages of Medieval Rus: archeology, history, culture: to 60th anniversary of N. A. Makarov]*. P. G. Gaydukov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 122–134.

About the authors

Zelentsova Olga V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru;

Kholoshin Pavel R., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Paul.R.Kho@yandex.ru

С. В. Бортникова

МИНЕРАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ СЕРЕБРА И СЕРЕБРЯНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В ЕВРОПЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Резюме. В статье приводится классификация рудных источников серебра и определяется их доступность в эпоху раннего металла. Подробно рассматриваются использовавшиеся в указанный период способы выплавки этого драгоценного металла, особое внимание уделяется процессу купелирования. Описываются и оцениваются используемые в настоящее время методы анализа в исследованиях его происхождения, включая спектральный и изотопный анализ свинца, и обсуждаются их интерпретационные ограничения в отношении серебряных артефактов. В статье также рассматриваются наиболее актуальные подходы к исследованию металлургии серебра, представленные в зарубежной научной литературе.

Ключевые слова: серебряная металлургия, археометаллургия, бронзовый век, купелирование, свинцово-изотопный анализ.

Данная статья представляет собой краткий очерк о характере серебряной металлургии в эпоху раннего металла, об использовавшихся для выплавки серебра рудах, способах выплавки серебра в древности и о том, какую информацию может получить исследователь древних артефактов из серебра. Большая часть литературы по данной тематике представлена на английском и немецком языках. Русскоязычные издания, где с той или иной степенью подробности освещались аспекты металлургии драгоценных металлов эпохи бронзы, относительно немногочисленны. Эта работа призвана отчасти восполнить этот пробел путем изложения положений, полезных в интерпретации анализов серебряных изделий. Какие выводы может сделать исследователь-археолог на основании полученных данных о химическом составе серебра? Какие методы и каким образом позволяют сделать выводы касательно происхождения серебра? В чем заключаются ограничения этих методов и в чем необходимо соблюдать осторожность при интерпретации результатов?

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.308-319

Рудные источники серебра

Серебро – редкий драгоценный металл, с древности использовавшийся для изготовления украшений, предметов культового и бытового назначения. В природе серебро встречается в самородном виде, а также в составе различных минералов. Самородное серебро встречается в 5 раз реже самородного золота и в 500 раз реже самородной меди; обычно его находят в таких количествах, которые нерационально сплавлять между собой для получения больших объемов серебра (*Moorey*, 1994. P. 232). Гораздо чаще этот металл встречается в составе различных минералов. Разумно, таким образом, предположить, что основной массив серебряных изделий в археологических культурах изготовлен из выплавленного металла.

Для получения серебра в древности использовались несколько различных типов руд. Исследователи выделяют следующие группы (см.: *Craddock*, 1995. P. 212; *Moorey*, 1994. P. 232; *Gale, Stos-Gale*, 1981):

1. Самородное серебро – крайне редко; чаще встречается в месторождениях, богатых арсенидами и сульфидами кобальта и никеля (например, месторождение Кобальт в Канаде, Конгсберг в Норвегии, Рудные Горы в Саксонии и т. д.).

2. «Сухие руды» («dry ores»), к которым относят кераргирит (AgCl), аргентит (Ag_2S), а также смешанные руды: пираргирит (Ag_3SbS_3), прустит (Ag_3AsS_3), стефанит (Ag_5SbS_4). Для получения драгоценного металла из руды данного типа необходимо использовать флюсы, поскольку она содержит недостаточное количество свинца.

3. Электрум – минерал, представляющий собой природный сплав серебра с золотом. Различное соотношение составляющих металлов влияет на цвет электрума.

4. Пиритовые руды – сульфиды железа: пирит (FeS_2), халькопирит ($CuFeS_2$), арсенопирит (FeAsS).

5. Сложные полиметаллические руды – такие как ярозитовые и блеклые («fahlerz»). Ярозитовые руды – различающиеся по составу и цвету глубоко залегающие сульфаты калия и железа, которые могут включать олово, золото, свинец, медь, серебро, мышьяк, сурьму (*Craddock et al.*, 1987. P. 8). Блеклые руды – сложные сульфиды меди, мышьяка, сурьмы с примесями различных элементов, включая серебро.

6. Серебросодержащие свинцовые руды – галенит (PbS), церуссит ($PbCO_3$), англезит ($PbSO_4$).

На заре серебряной металлургии не все эти рудные источники были доступны для человека. Существенным ограничением выступало отсутствие технологий, необходимых для выплавки серебра из определенных типов руд. Так, несмотря на то что природный электрум был хорошо известен мастерам Древнего Египта, они еще не умели разделять его на золото и серебро. Для этого требуется знание метода цементации, который в подробностях был описан Диодором Сицилийским в I в. до н. э. в утраченной работе «Об Эритрейском море» (фрагменты цитируются Агатархидом Книдским, II в. н. э.); самое раннее упоминание о цементации относится, вероятно, к IV в. до н. э. (*Ramage, Craddock*, 2000. P. 33, 34).

Пиритовые руды часто содержат серебро и золото в высоких концентрациях (и обычно золота больше, чем серебра) и используются в качестве источника золота (в халькопирите, однако, может содержаться больше серебра). Как и в случае с электрумом, пиритовые руды стали применяться металлургами только после изобретения метода цементации в середине I тыс. до н. э. (*Gale, Stos-Gale*, 1981).

Комплексные полиметаллические руды (ярозитовые и блеклые) использовались начиная с позднего бронзового века (Ibid.). Наиболее древние разработки ярозитовых руд известны в горном районе Рио Тинто (юго-запад Пиренейского п-ова), где их разрабатывали финикийцы, а затем – римляне (втор. пол. VII – перв. пол. VI в. до н. э.) (*Kassianidou*, 2003. P. 200). Эти руды отличались высоким содержанием серебра, однако были сложны в обработке. При извлечении серебра из ярозитовых руд образовывались промежуточные продукты (шпейза, штейн) и отходы, которые усложняли и без того непростой процесс получения благородного металла (Ibid. P. 198). Ключом к их выплавке является применение флюса, позволяющего отделять металл от пустой породы. Например, в металлургическом центре в Монте Ромеро (Испания, провинция Уэльва) применение флюса при плавке блеклой руды подтвердилось обнаружением бария в шлаках из-за присутствия в шихте барита ($BaSO_4$) (Ibid. P. 202). Процесс выплавки серебра из полиметаллических руд также подразумевал купелирование свинца в качестве последнего этапа.

Итак, до появления новых технологий в середине I тыс. до н.э. человечество было знакомо с тремя источниками серебра: 1) самородным серебром; 2) «сухими» рудами; 3) серебросодержащими свинцовыми рудами. Самородное серебро было чрезвычайно редко и не могло составлять существенной доли в качестве рудного источника. «Сухие» руды считаются одним из первых источников серебра. Население аргарской культуры Испании раннего бронзового века выплавляло серебро, как показывают анализы металла, без применения купелирования. Обработка таких руд происходила так же, как и обработка медных руд – выплавка с подачей воздуха. По мнению П. Крэддока, первыми минералами, из которых стали выплавлять серебро, стали аргентит (Ag_2S) и кераргирит (AgCl). Они не обладают ярким цветом или блеском по сравнению с медными и свинцовыми минералами, но просты в выплавке (*Craddock*, 2014. P. 1085). Т. Вертайм полагает, что серебро стали получать путем случайного купелирования серебросодержащих свинцовых руд, притом преимущественно церуссита ($PbCO_3$), а не галенита (PbS). Церуссит реже встречается, но содержит значительно больше серебра. К тому же к моменту появления первых изделий из серебра металлический свинец был известен уже несколько тысячелетий – достаточный срок для проведения экспериментов, случайных и осознанных (*Prag*, 1978. P. 40).

Л. Эйчисон еще в середине прошлого века выделил 4 стадии развития серебряной металлургии: 1) использование самородного серебра; 2) использование белого электрума (с небольшим содержанием золота); 3) купелирование серебросодержащего свинца; 4) отделение серебра от золота (только с середины I тыс. до н. э.) (*Aitchison*, 1960. P. 45, 46). Последний пункт этой схемы можно дополнить открытием в качестве источника серебра полиметаллических руд. Таким образом, до эпохи поздней бронзы, с большой долей вероятности, могли

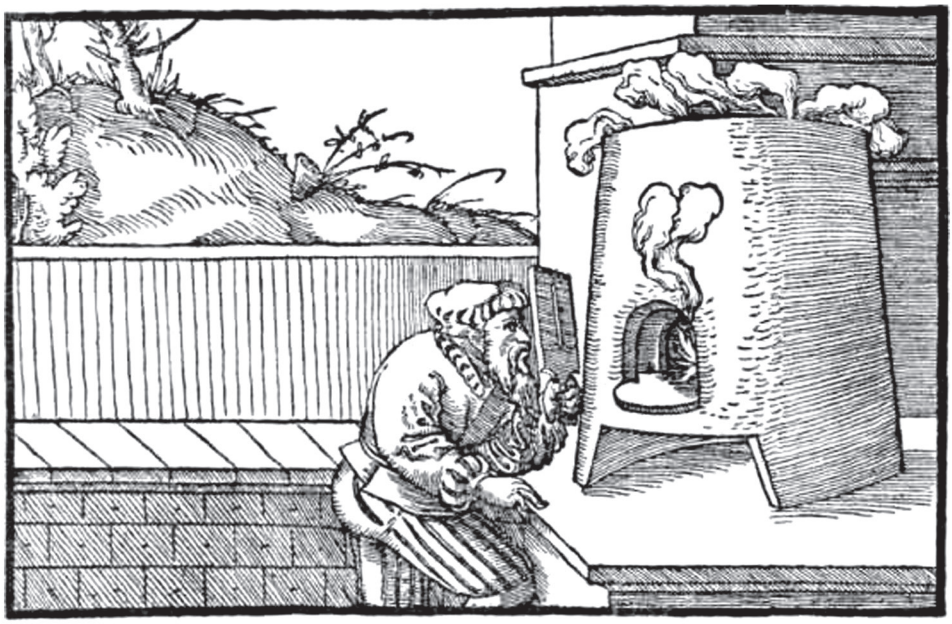
использоваться только три источника серебра: самородный металл (не требующий выплавки), «сухие руды» (требующие только одной плавки) и серебросодержащие свинцовые руды (требующие купелирования).

Методы получения серебра

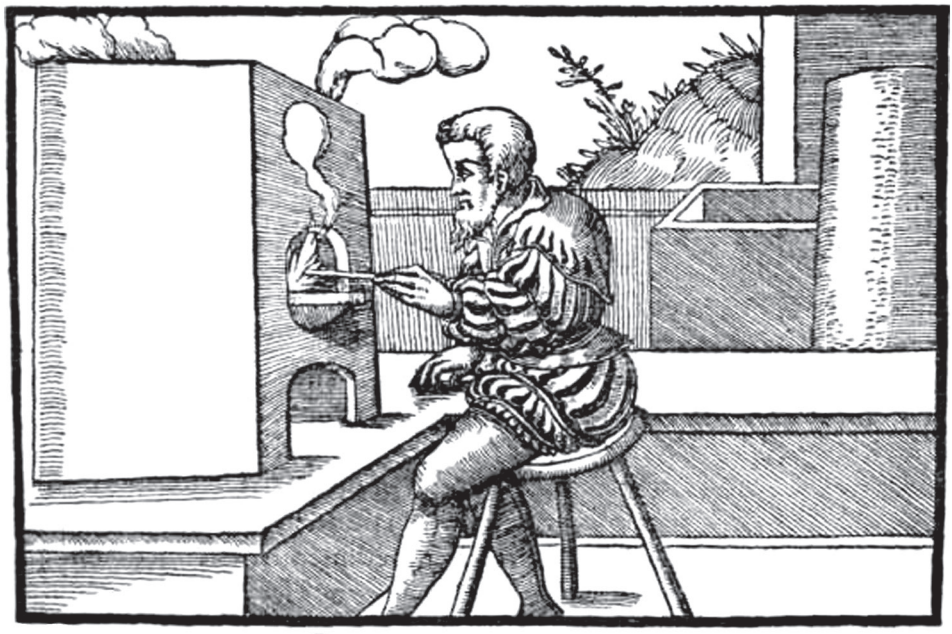
Следует дать описание основным методам выплавки серебра, главным из которых является *купелирование* – пирометаллургический процесс окисления расплавленного свинца, содержащего золото или серебро, для выделения из него благородного металла. Купелированию подлежали серебросодержащие свинцовые руды, такие, как галенит (PbS) (рис. 1), церуссит ($PbCO_3$); англезит ($PbSO_4$) встречался гораздо реже (*Gale, Stos-Gale*, 1981. P. 174). Чаще всего использовался галенит (PbS), содержащий порядка 80 % свинца и не требующий предварительного обжига для удаления серы (*Craddock*, 1995. P. 206).

Купелирование проходило в два этапа – выплавка металлического свинца из руды и его последующее окисление. При необходимости производился предварительный обжиг руды для того, чтобы свинец «притянул» к себе серебро и драгоценный металл не попал в шлаки. Обжиг серебросодержащей свинцовой руды происходил в плавильной печи при температуре, превышающей 1000 °C; также для окисления были необходимы сильные потоки воздуха (рис. 2). В результате первичного обжига получался металлический свинец, который проходил повторную процедуру обжига, но уже в специальной таре – купелях. Купели,

Рис. 1. Кристаллы галенита в природе



ROUND ASSAY FURNACE.



RECTANGULAR ASSAY FURNACE.

Рис. 2. Печи для купелирования (по: *Agricola*, 1950. P. 223)

чьи находки известны, например, в Монте Ромеро (Испания) (*Kassianidou*, 2003. P. 200), представляли собой небольшие чашечки из пористого материала. В римское время металлурги научились изготавливать купели из костной муки со связующим веществом, они поглощали больше оксида свинца, однако распространение подобные купели получили только в Средние века (C*raddock*, 1995. P. 228, 229). До этого использовались глиняные купели, требующие особого подхода к обжигу, так как глина начинает разрушаться уже при температуре 600–700 °C, а окисление свинца начинается при температуре 900 °C. Глиняные купели были известны уже в IV тыс. до н. э. в погребениях из Библа (Левант) (*Prag*, 1978. P. 38). Выходом мог стать обжиг глиняной купели сверху, однако точный процесс обжига, используемый в бронзовом веке, установить пока не удалось (C*raddock*, 1995. P. 229–231). Вероятно, в качестве купелей могли также использоваться обычные ямы с глиняной обкладкой, свидетельства чему обнаружены при исследовании металлургического центра в Сардах (Лидия, VI в. до н. э.) (*Ramage, Craddock*, 2000. P. 208).

Окисление металла в купели происходит следующим образом. При достижении температуры 900 °C получается т. н. свинцовый глет – сплавленная окись свинца с примесью окисей других металлов. В ходе окисления на плавленом свинце возникает пленка из глета, предотвращающая дальнейшее окисление металла. Поскольку целью купелирования является окисление всех недрагоценных металлов, то от пленки необходимо избавиться. Купели использовались именно в этих целях – поверхностное натяжение плавленого галенита меньше, чем у свинца, поэтому он утекал в поры купели, пропитывая ее и давая окислиться остальному свинцу. Что касается прочих металлов, то сначала окислялись (и частично улетучивались) сурьма, мышьяк и олово; медь – чуть позднее (*Craddock*, 1995. P. 228, 229). Висмут имеет свойство не окисляться в ходе одного купелирования, поэтому его присутствие в серебре может говорить либо о том, что купелирований было несколько, либо о том, что серебро было получено иным образом.

Во время плавки свинца серебро наряду с золотом переходило в расплавленное состояние и, по выражению Плиния Старшего, «плыло» над оксидом свинца как «масло по воде» (*Ramage, Craddock*, 2000. P. 200, 201). В конце процедуры при достижении 1000–1100 °C в купели проявляются капли серебра. Объем получившегося металла зависит от его изначальной концентрации в руде и от материала купелей. По данным П. Крэддока, в Сардах каждое купелирование приносило порядка 200 г серебра (Ibid.). Что касается соотношения серебра к свинцу, то оно, по данным К. К. Паттерсона, составляло в известных галенитовых рудах 1 к 400 (*Patterson*, 1971. P. 288). Процедура купелирования сохранилась с древности почти в неизменном виде, совершенствовались лишь печи для обжига, а также форма, размер и материал купелей (рис. 3).

Помимо купелирования в истории известен метод *амальгамации*, с помощью которого также возможна добыча золота и серебра. Его суть заключается в смешении мелкодробленой руды с ртутью для получения амальгамы драгоценного металла, который легко образует связь с ртутью. Металл затем восстанавливался при помощи дистилляции амальгамы. Этот метод довольно поздний и использовался, в первую очередь, для добычи золота. Так, Плиний в «Естественной истории» указывает, что к ртути «притягивалось» только золото. Самое

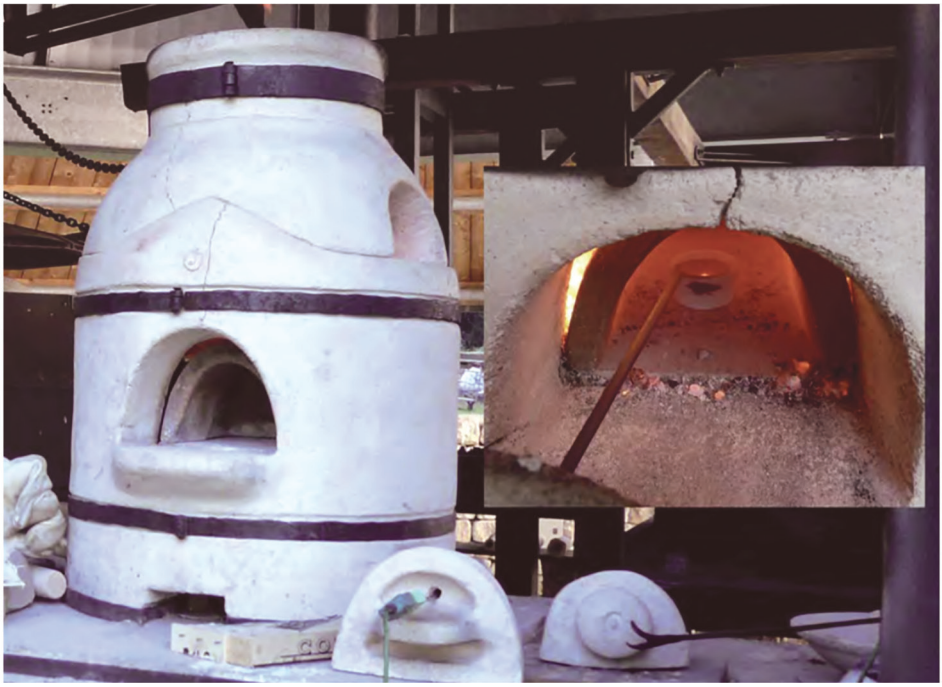


Рис. 3. Современная экспериментальная печь для купелирования и помещенная в печь купель со свинцом (по: *L'Héritier et al.*, 2015. Fig. 1)

раннее упоминание амальгамации серебра есть у аль-Хамдани, оно относится к середине X в. н. э. Процесс добычи серебра с помощью амальгамации из минеральных руд не подтверждается до XVI в. (*Ramage, Craddock*, 2000. P. 236).

Заслуживает упоминания и метод *ликвации* – получение серебра из комплексной медно-серебряной руды. Ликвация включает несколько этапов: собственно ликвации и купелирования/высушки. Сначала медно-серебряная руда плавилась со свинцом при температуре 700–800 °С, в результате чего образовывался свинцово-серебряный сплав с высоким содержанием меди и медно-свинцовый сплав с содержанием серебра. Затем свинцово-серебряный сплав подвергали купелированию, а медно-свинцовый – высушке (обжигу при строгом соблюдении режима температуры в 900–950 °С) (*L'Heritier, Tereygeol*, 2010). Ликвация подробно описана Агриколой в «De Re Metallica» (1556 г.) (*Agricola*, 1950). Поскольку эта технология получения серебра крайне чувствительна к температурным границам (как нижним, так и верхним), неудивительно, что она получает распространение только в позднем средневековье. Точное время изобретения ликвации неясно. Как указывает П. Крэддок, ликвация была известна римлянам. Он также приводит мнение Ровира и Рензи о том, что ликвацию могли применять тартессийцы в начале I тыс. до н. э.; есть также точка зрения, что ликвация, возможно, использовалась на о. Сардиния даже раньше – в позднем бронзовом веке (*Craddock*, 2014. P. 1091).

Определение происхождения серебра

Возможность выплавки серебра из конкретного типа руд зависела не только от владения необходимыми технологиями, но и от наличия удобных для разработки залежей. Представляется, что на раннем этапе развития серебряной металлургии особым значением обладали три фактора: 1) внешняя примечательность минерала – яркий цвет и/или блеск; 2) доступность рудных залежей – на поверхности или неглубоко под землей; 3) достаточно высокое содержание серебра в руде. Яркие, блестящие минералы с большей вероятностью могли привлечь внимание древних металлургов. Также логично предположить, что в первую очередь стали разрабатываться рудные залежи, выходящие на поверхность, ввиду их заметности. Наконец, содержание серебра в залежах разнится – соответственно, далеко не в каждом случае окупались трудозатраты по добыче драгоценного металла.

Проблема определения места происхождения серебряной руды, послужившей материалом для изготовления неких изделий, достаточно непроста. В первую очередь интересен состав металла, в особенности содержание в нем тех или иных элементов-примесей. По данным американского геохимика К. К. Паттерсона (*Patterson*, 1971. P. 301), для самородного серебра характерны примеси меди не более 0,5 %, висмута – не более 0,05 %, а золота и свинца – менее 0,01 %. Также для него характерны включения ртути. Однако стоит отметить, что исследования Паттерсона базируются на американских источниках серебра, обладающих своей спецификой, неприменимой к другим регионам. В частности, присутствие ртути характерно только для месторождений типа Кобальт (в провинции Онтарио, Канада). Также стоит учитывать, что самородный металл мог переплавляться, к нему могли добавляться (с целью экономии) другие металлы, поэтому изначальный его химический состав мог быть существенно искажен. Для серебра, полученного из «сухих руд», характерны малые примеси свинца и висмута, содержание золота – до 0,5 %. Однако при получении серебра из кераргирита (AgCl) содержание свинца может достигать 2,5 %. Для серебра, прошедшего через купелирование, характерна концентрация свинца в пределах 0,05–2,5 %. Меньший процент свинца говорит о том, что купелирование, скорее всего, не применялось, однако и больший его процент не является абсолютным доказательством купелирования, поскольку он может быть следствием высокого содержания свинца в изначальной руде. Кроме того, высокое содержание свинца может указывать, в частности, на недостаточную эффективность процедуры купелирования (*Gitler, Ponting*, 2007. P. 378). Единственный показатель, на который может опираться исследователь в своих предварительных выводах, это наличие цинка. Этот металл полностью улетучивается в ходе купелирования. Также стоит обратить внимание на содержание золота (характерно – от 0 до 0,5 %), меди (меньше 0,5 %), висмута (от 0,01 до 1 %, иногда больше) (*Moorey*, 1994. P. 233).

Итак, химический состав изделия дает исследователю ряд «подсказок» для определения первоначальной руды. Но эти данные нельзя назвать в полной мере надежными ввиду того, что химический состав металла может существенно меняться при металлургическом переделе, а завышение концентрации отдельных элементов может обуславливаться их намеренным добавлением в шихту

для улучшения свойств металла (*Hauptmann et al.*, 2002. P. 58). Также стоит отметить, что из одного и того же рудника можно получать руду с несколько различающимся химическим составом. Интересное дополнение к данному методу приводится в работе Н. Гейла и З. Стос-Гейл (*Gale, Stos-Gale*, 1981. P. 203). Они обратили внимание на постоянство соотношения содержания золота к серебру в рудах – это соотношение мало изменяется при металлургических процессах. Значение соотношения для одного рудника может варьировать в пределах нескольких степеней; тем не менее этот метод подходит как для «сухих руд», так и для свинцовых, и для его осуществления не нужны дополнительные анализы.

В настоящее время для определения происхождения металла активно применяется свинцово-изотопный метод анализа. В археологии он известен с середины 1960-х гг. и получил распространение в рамках систематических исследований Н. Гейла и З. Стос-Гейл (*Gale, Stos-Gale*, 1981; *Stos-Gale, Gale*, 1982) по происхождению серебра в изделиях Восточного Средиземноморья и Эгеиды в 1980-х гг. (*Artioli et al.*, 2020. P. 54). Впоследствии свинцово-изотопный анализ стал применяться не только для свинцовых и серебряных изделий, но и для изделий на основе меди. Его суть заключается в следующем. Атомы свинца встречаются в виде изотопов с относительными атомными массами 204, 206, 207 и 208, и разница масс изотопов настолько мала, что они практически не разделяются в ходе химических процессов. Из этого следует, что свинец, входящий в состав металлического изделия, имеет то же соотношение изотопов, что и свинец в месторождении (*Gale, Stos-Gale*, 1981. P. 203). Различное соотношение изотопов свинца в месторождениях обусловлено тем, что часть атомов ^{206}Pb, ^{207}Pb, ^{208}Pb получаются, соответственно, разложением ^{238}U, урана ^{235}U и тория ^{232}Th, содержание которых в различных рудах разнится. Помимо этого, на изотопный состав свинца влияет геологический возраст рудника (Ibid.). Примечательно, что концентрация различных изотопов свинца, и соответственно изотопная «подпись», может быть одинакова в разных рудах одного и того же месторождения. Причина заключается в том, что различные минералы рудника содержат один и тот же свинец со специфическим для данного рудника соотношением изотопов. К подобным рудникам относятся, в частности, Кебан в Восточной Анатолии, рудники Лавриона и Сифноса в Греции (*Sayre et al.*, 1992. P. 83).

Для использования этого метода необходимы данные о соотношении изотопов свинца по предполагаемым рудникам и такие же анализы находок. Сравнение данных обычно проводится визуально, путем оценки сходства имеющихся графиков соотношения изотопов. Однако применяются и количественные и вероятностные математические методы (например, ядерная оценка плотности). Это становится все более важным ввиду того, что «изотопный почерк» рудного месторождения не является уникальным – накопленные на данный момент базы данных показывают наличие на графиках множества наложений изотопных соотношений в разных рудниках. Поэтому в дальнейшем интерпретация данных свинцово-изотопного анализа наверняка потребует привлечения более сложных методов анализа (*Artioli et al.*, 2020. P. 55). На данный момент базы данных по изотопам свинца покрывают почти все крупные рудные месторождения Европы; есть базы данных по Анатолии, Восточному Средиземноморью,

Северной Африке, Закавказью, Ирану, Оману, по азиатскому региону в целом (*Artioli et al.*, 2020. P. 55).

Преимуществом свинцово-изотопного анализа в определении происхождения металла является то, что обработка металла не способна повлиять на соотношение свинцовых изотопов в нем. Исключением являются сплавы (в качестве примера можно привести медно-серебряные изделия из Царской гробницы в Арслантепе VI B в Восточной Анатолии, первая пол. III тыс. до н. э.). При их анализе необходимо быть уверенным в том, какой именно металл привнес с собой изучаемые изотопы свинца, и, соответственно, какую именно «изотопную подпись» нужно искать (*Hauptmann et al.*, 2002. P. 58). Также в интерпретации результатов анализов нельзя исключать случаи, в которых металлурги могли получать серебряную руду из разных источников и выплавлять металл с различными изотопными «маркерами». Стоит отметить, что в отечественной науке свинцово-изотопный анализ до сих пор не получил широкого распространения. На данный момент известны лишь немногочисленные исследования: в частности, изучение бронзовых изделий скифского времени, серебряных – ахеменидского периода, а также вещей из поднепровских кладов V–VII вв. и серебряных античных монет (*Сапрыкина и др.*, 2020. С. 149; *Абрамзон и др.*, 2021).

Свинцово-изотопный метод не лишен недостатков: 1) невозможно различить между собой два рудных месторождения одного геологического возраста исключительно по составу изотопов; 2) метод позволяет однозначно исключить некоторые неподходящие рудные месторождения, но не позволяет доказать использование руды конкретного месторождения, покуда не исключены все иные варианты (*Artioli et al.*, 2020. P. 54). Попытка соотнесения какого-либо изделия с конкретным месторождением при недостатке данных для сравнения может либо оказаться безрезультатной, либо навести на ложный след. Вышеуказанные сложности и нехватка данных стали в последние несколько десятилетий причиной дискуссий о надежности свинцово-изотопного анализа (Ibid.). В целом, этот метод анализа продолжает активно развиваться. Накапливаются базы данных, самой известной и обширной из которых является, пожалуй, оксфордская OXALID (*Stos-Gale, Gale*, 2009), охватывающая образцы (анализы археологических артефактов и руд) с территории Греции, Болгарии, Италии, Испании, Турции, Ближнего Востока, Египта и т. д.

Заключение

Определение типа руды, использованной для получения серебра, и установление ее вероятного месторождения – это комплексная задача, которая должна решаться с применением всей совокупности данных: химических, свинцово-изотопных, геологических, археологических. Сужение круга возможных рудников помогает исследователю определить, был ли металл получен из источников, расположенных поблизости, или же доставлен издалека. Циркуляция драгоценного металла, несомненно являлась значимым экономическим предприятием в любое время и в любом обществе; ее изучение помогает прояснить характер торговых контактов, социальных и культурных связей в древности.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Сапрыкина И. А., Чугаев А.В., 2021. Комплекс римских серебряных монет из погребения 3 могильника Фронтовое 3 (юго-западный Крым): исследование металла методами РФА и изотопного состава свинца в серебре // КСИА. Вып. 263. С. 287–297.

Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., Смекалова Т. Н., 2020. Исследование серебряных античных монет методом рентгенофлюоресцентного анализа и изотопного состава свинца (фонды Анапского археологического музея) // Сибирские исторические исследования. № 2. С. 148–169.

Aitchison L., 1960. A History of Metals. Vol. 1. London: Macdonald and Evans. 304 p.

Agricola G., 1950. De Re Metallica. New York: Dover Publications. 638 p.

Artioli G., Canovaro C., Nimis P., Angelini I., 2020. LIA of Prehistoric Metals in the Central Mediterranean Area: A Review // Archaeometry. Vol. 62. P. 53–85.

Craddock P., 2014. Production of Silver across the Ancient World // Iron and Steel Institute of Japan International. Vol. 54. No. 5. P. 1085–1092.

Craddock P. T., 1995. Early metal mining and production. Edinburg: Edinburgh University Press. 363 p.

Craddock P. T., Freestone I. C., Hunt-Ortiz M., 1987. Recovery of silver from speiss at Rio Tinto (SW Spain) // Institute for Archaeo-Metallurgical Studies: Newsletter. Vol. 10/11. P. 8–11.

Gale N. H., Stos-Gale Z. A., 1981. Cycladic Lead and Silver Metallurgy // The Annual of the British School at Athens. Vol. 76. P. 169–224.

Gitler H., Ponting M., 2007. Rome and the East. A Study of the Chemical Composition of Roman Silver Coinage during the Reign of Septimius Severus AD 193–211 // Production and échanges dans la Syrie gréco-romaine: Actes du colloque de Tours, june 2003 / Ed. M. Sartre. Paris: De Boccard. P. 375–397.

Hauptmann A., Schmitt-Strecker S., Begemann F., Palmieri A., 2002. Chemical Composition and Lead isotopy of Metal Objects from the «Royal» Tomb and Other Related Finds at Arslantepe, Eastern Anatolia // Paléorient. Vol. 28. No. 2. P. 43–69.

Kassianidou V., 2003. Early extraction of silver from complex polymetallic ores // Mining and metal production through the ages / Eds.: P. Craddock, J. Lang. London: The British Museum Press. P. 198–206.

L'Héritier M., Baron S., Cassayre L., Téreygeol F., 2015. Bismuth behaviour during ancient processes of silver–lead production // JAS. Vol. 57. P. 56–68.

L'Heritier M., Téreygeol F., 2010. From copper to silver: Understanding the saigerpozess through experimental liquation and drying // Historical Metallurgy. Vol. 44. P. 136–152.

Moorey P. R. S., 1994. Ancient Mesopotamian Materials and Industries. Oxford: Clarendon Press. 414 p.

Patterson C.C., 1971. Native Copper, Silver and Gold, Accessible to Early Metallurgists // American Antiquity. Vol. 36. Iss. 3. P. 286–321.

Prag K., 1978. Silver in the Levant in the fourth millennium B.C. // Archaeology in the Levant. Essays for Kathleen Kenyon / Eds.: P. R. S. Moorey, P. J. Parr. Warminster: Aris & Phillips. P. 36–45.

Ramage A., Craddock P. T., 2000. King Croesus' Gold: Excavations at Sardis and the History of Gold Refining. Cambridge: Harvard University Art Museums. 272 p. (Archaeological exploration of Sardis; 11.)

Sayre E. V., Yener K. A., Joel E. C., Barnes I. L., 1992. Statistical Evaluation of the Presently Accumulated Lead Izotope Data from Anatolia and Surrounding Region // Archaeometry. Vol. 34. No. 1. P.73–105.

Stos-Gale Z., Gale N., 1982. The Sources of Mycenaean Silver and Lead // Journal of Field Archaeology. Vol. 9. Iss. 4. P. 467–485.

Stos-Gale Z., Gale N., 2009. Metal Provenancing Using Isotopes and the Oxford Archaeological Lead Isotope Database (OXALID) // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 1. P. 195–213.

Сведения об авторе

Бортникова Светлана Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: magixen@yandex.ru

S. V. Bortnikova

MINERAL SOURCES OF SILVER AND SILVER METALLURGY IN EUROPE AND THE NEAR EAST DURING THE EARLY METAL PERIOD

Abstract. This paper presents the classification of the mineral sources of silver and defines their availability in antiquity. It provides a detailed review of silver extraction methods with close attention to cupellation. The article also describes and evaluates currently employed methods of analysis in provenance studies, including spectral and lead isotope analysis, as well as discusses their interpretational limitations regarding silver artefacts. This article uses up-to-date approaches to the research of silver metallurgy described in foreign scientific literature.

Keywords: silver metallurgy, archaeometallurgy, provenance studies, Bronze Age, cupellation, spectral analysis, lead isotope studies.

REFERENCES

Abramzon M. G., Saprykina I. A., Chugaev A. V., 2021. Kompleks rimskikh serebryanykh monet iz pogrebeniya 3 mogilnika Frontovoe 3 (yugo-zapadnyy Krym): issledovanie metalla metodami RFA i izotopnogo sostava svintsa v serebre [The Roman silver coin assemblage from the Frontovoe 3 necropolis tomb 3 (Southwestern Crimea): Investigation of metal by means of X-ray spectroscopy and Pb isotopic analysis]. *KSIA*, 263, pp. 287–297.

Saprykina I. A., Chugaev A. V., Abramzon M. G., Novichikhin A. M., Smekalova T. N., 2020. Issledovanie serebryanykh antichnykh monet metodami rentgenofluorestsentnogo analiza i izotopnogo sostava svintsa (fondy Anapskogo arkheologicheskogo muzeya) [Investigation of Ancient silver coins by X-ray fluorescence analysis and isotopic composition of lead (collections of Anapa archaeological museum)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian archaeological studies]*, 2, pp. 148–169.

About the author

Bortnikova Svetlana V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: magixen@yandex.ru

Н. А. Кренке, Е. Г. Ершова, И. Н. Ершов, В. А. Раева, К. А. Ганичев,
А. Л. Александровский, М. А. Кулькова, П. Киттель, М. М. Певзнер,
Е. В. Пономаренко, Н. Г. Лавренов, М. В. Лавриков, С. Н. Чаукин

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ СМОЛЕНЩИНЫ В 2014–2021 гг.[1]

Резюме. В статье приведены результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников и природных объектов (озерных и болотных отложений, погребенных почв), где производился антракологический и спорово-пыльцевой анализы. В качестве наиболее существенных результатов отмечаются следующие: 1) на Соборной горе в Смоленске выявлены остатки поселения культуры шнуровой керамики бронзового века, которому соответствует дата, указывающая на втор. пол. III тыс. до н. э.; 2) здесь же выявлен культурный слой поселения VII–IX вв. (видимо, древнейшего Смоленска русской летописи), датированного по серии образцов, включая обугленные зерна культурных злаков; 3) датирование древесных колец дубовых надгробий XIII в. древнейшего кладбища Вязьмы позволило построить дендрохронологическую шкалу по дубу для Смоленщины. Серия спорово-пыльцевых колонок из болот, расположенных в разных частях Смоленской области, выявила динамику ландшафтов за последние пять тысяч лет. В этом хронологическом интервале выделено несколько пиков хозяйственной активности. Большинство из этих пиков демонстрируют хорошее соответствие известным археологическим данным, но некоторые, например пик с возрастом 2800–2900 л. н., пока не имеют подтверждения в археологических памятниках, хотя логично предполагать, что в финале бронзового века в «предгородищенское» время территория была освоена.

Ключевые слова: Смоленск, радиоуглеродное датирование, спорово-пыльцевой анализ, зерна культурных злаков, подсека, шнуровая керамика.

[1] Археологические работы проводились с привлечением средств гранта РФФИ 20-09-00171, палеоботанические анализы проводились с привлечением средств гранта РФФИ 19-04-01246.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.320-344

В процессе работы Смоленской экспедиции ИА РАН и связанного с ней коллектива ботаников биологического факультета МГУ было получено около ста радиоуглеродных дат для археологических (табл. 1, все таблицы см. в конце статьи) и природных (табл. 2) объектов, составляющих еще не очень «плотный», но уже пригодный для обсуждения «хронологический каркас» истории заселения, хозяйственного освоения территории и ее «естественной истории».

Датирование проводилось в четырех лабораториях. Три из них получают даты на сцинтилляционных счетчиках – Геологический институт РАН (Москва), Российский гос. пед. университет им. Герцена (Санкт-Петербург) и Лаборатория абсолютного датирования в Кракове (Польша); четвертая лаборатория (Университет Оттавы, Канада) использует ускорительную масс-спектрометрию (AMS). В ряде случаев проводилось перекрестное датирование одновременно в разных лабораториях, что повышает надежность выводов. Для AMS-датирования по возможности отбирались материалы с наименьшим собственным возрастом – семена, тонкие побеги, береста.

Кроме того, проведены дополнительные ботанические исследования: древесные угли определялись до рода, зерна культурных злаков – до вида. В тех случаях, если предстояло датировать погребенные почвы или наносы, а не культурный слой, образцы объемом около 3 литров промывались через сито (*Пономаренко*, 2017), после чего состав угольного пула анализировался во фракциях крупнее 0,6 мм и сравнивался с диагностическими признаками подсечных слоев. Анализ таких промывок позволил обнаружить обломки зерен культурных злаков, замаскированных разнообразными поверхностными образованиями или преобразованных мацерацией (рис. 1: *1–8*).

Начнем обсуждение с самого крупного объекта – города Смоленска, для которого всего получено 44 даты, в том числе две современные (табл. 1). В хронологии Смоленска существует главная проблема, которая подразделяется на две составляющие: 1) возраст поселения на Соборной горе; 2) начальный возраст городского культурного слоя на Подоле. В обоих случаях результаты радиоуглеродного датирования играют существенную роль.

За более чем 150 лет археологических исследований в Смоленске (начало им было положено в 1867 г. при раскопках собора на Протоке М. П. Полесским-Щепило) на склонах Соборной горы были собраны разнообразные находки бронзового века (*Лявданский*, 1926; 1927; *Шмидт*, 1976), и сформировалось представление, что Соборный холм это «место древних поселений» (*Шмидт*, 1976. С. 230). Предполагалось, что там было поселение (или городище?) сер. и третьей четв. I тыс. н. э. и, возможно, детинец древнерусского времени. Спорово-пыльцевые исследования показали, что участок имел длительную историю освоения и формирования исторического ландшафта (*Ершова, Кренке*, 2017).

Даты получены по образцам из шурфа № 1 2021 г., расположенного на расстоянии нескольких метров от шурфа 1925/1926 гг., рядом с колокольней на северо-западном краю верхней площадки Соборной горы, а также из шурфов 2014–2017 гг., исследованных в верхней части северо-восточного склона (ул. Мало-Школьная, 7; 20а). Даты относятся к четырем стратиграфическим кластерам – 1) погребенная почва; 2) нижний культурный слой; 3) конструкции

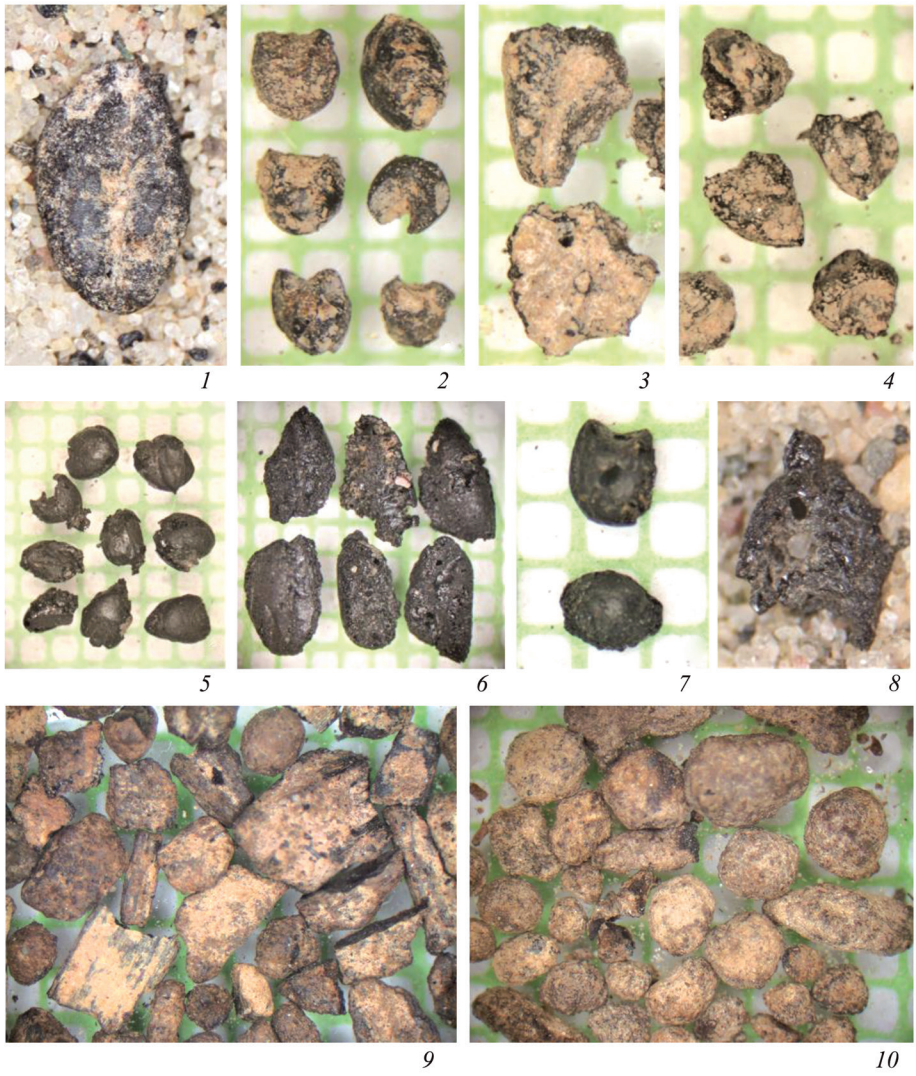


Рис. 1. Ботанические исследования на датированных объектах

Селище Демидовка: шурф 12-2021, ячмень (*1*) и просо (*2*); шурф 16-2021, обломки ферментированного ячменя (*3*) и проса или чумизы (*4*)

Смоленск (Соборная гора, раскопки 2021г.): мацерированное и проросшее зерно – просо или чумиза (*5*) и ячмень (*6*) из нижней части культурного слоя; зерна проса (*7*) и обломки мацерированного, проросшего зерна ячменя (*8*) из почвы, погребенной под культурным слоем. Мацерированные проросшие зерна связаны с приготовлением солода

Смоленск, Соборная гора (*9*), *Демидовка* (*10*): «подсечные» угольки – окатанные, густо покрытые грязевой шапочкой, вторично ожелезненные или оглиненные, из почв, погребенных под культурным слоем

вала, перекрывающего нижний культурный слой; 4) частокол ограды древнерусской усадьбы, прорезавший нижний культурный слой (рис. 2).

Исследования 2014–2021 гг. позволили сделать важные дополнения и существовавшей ранее информации о Соборной горе.

Культурный слой, выявленный в основании шурфа 1925 г. у колокольни, прослежен теперь на значительной площади, включая верхнюю площадку и северо-восточный склон, из него получены представительная коллекция находок и репрезентативная серия радиоуглеродных дат (см. ниже).

Изображения крепости на Соборной горе на польских гравюрах 1630-х гг. нашли археологическое подтверждение – по бровке верхней площадки выявлен оборонительный вал, сложенный из материкового песка с линзами темно-серого культурного слоя, включавшего керамику конца I тыс. н. э., аналогичную керамике из культурного слоя, подстилавшего насыпь вала. В желто-буром песке насыпи вала присутствовала керамика круга шнуровых культур бронзового века (рис. 3). Один фрагмент керамики того же круга был найден на северном склоне (*Кренке и др.*, 2015. Рис. 2: *13*).

В погребенной под культурным слоем почве по образцу угля дуба получена дата 3811 ± 27 BP (UOC-16866), т. е. 2291–2202 cal BC (вероятность 68,3 %). Окатанные угли лиственных пород с медианным размером 4–6 мм, с грязевым покрытием и вторичной садкой окислов железа на поверхности грязевых шапочек (рис. 1: *9*) образуются при сведении леса в системе подсечно-огневого земледелия и, с большой вероятностью, указывают на то, что участок использовался в качестве подсеки[2]. А находки керамики в пределах площадки Соборной горы позволяют предполагать наличие здесь поселения. Дата хорошо соответствует представлениям о том, как датируется подобная шнуровая керамика (*Furholt*, 2003; The Absolute Chronology…, 2001). В данном случае дата отражает время сведения леса под лядину, однако «эффект старого дерева» также следует принять во внимание при интерпретации дат, полученных по фрагментам дуба. Поселение могло быть не вполне синхронно подсеке. Для более поздней эпохи (X–XI вв.) было зафиксировано чередование использования территории Соборной горы то для поселения, то в качестве поля (*Кренке и др.*, 2015). Тем не менее полученная дата является важным хронологическим ориентиром и надежным подтверждением человеческой деятельности на Соборной горе во втор. пол. III тыс. до н. э.

Дата для могильника с кремациями 1340 ± 30 BP (ГИН-16098), т. е. 652 (52,2 %) 681 cal AD и 746 (16,1 %) 759 cal AD, расположенного на первой террасе левого берега Днепра на ул. Б. Краснофлотская, 1/3, является пока уникальным свидетельством освоения территории центра Смоленска в VII в. н. э. Погребения были безынвентарными, перекрыты культурным слоем втор. пол. X – XI в.

Весьма информативной представляется серия из семи дат, полученных из нижнего черного, углистого, слоя на Соборной горе. Эти даты распределились в диапазоне от 1211 ± 12 BP (UOC-18182), 784–879 (95,4 %) cal AD, до 1310 ± 40 BP (ГИН-16135), 649 (93,9 %) 777 cal AD. Они увеличивают

[2] Морфологические признаки «подсечных» горизонтов почв и особенности угольных спектров см.: (*Ponomarenko et al.*, 2019; *Пономаренко и др.*, 2021).

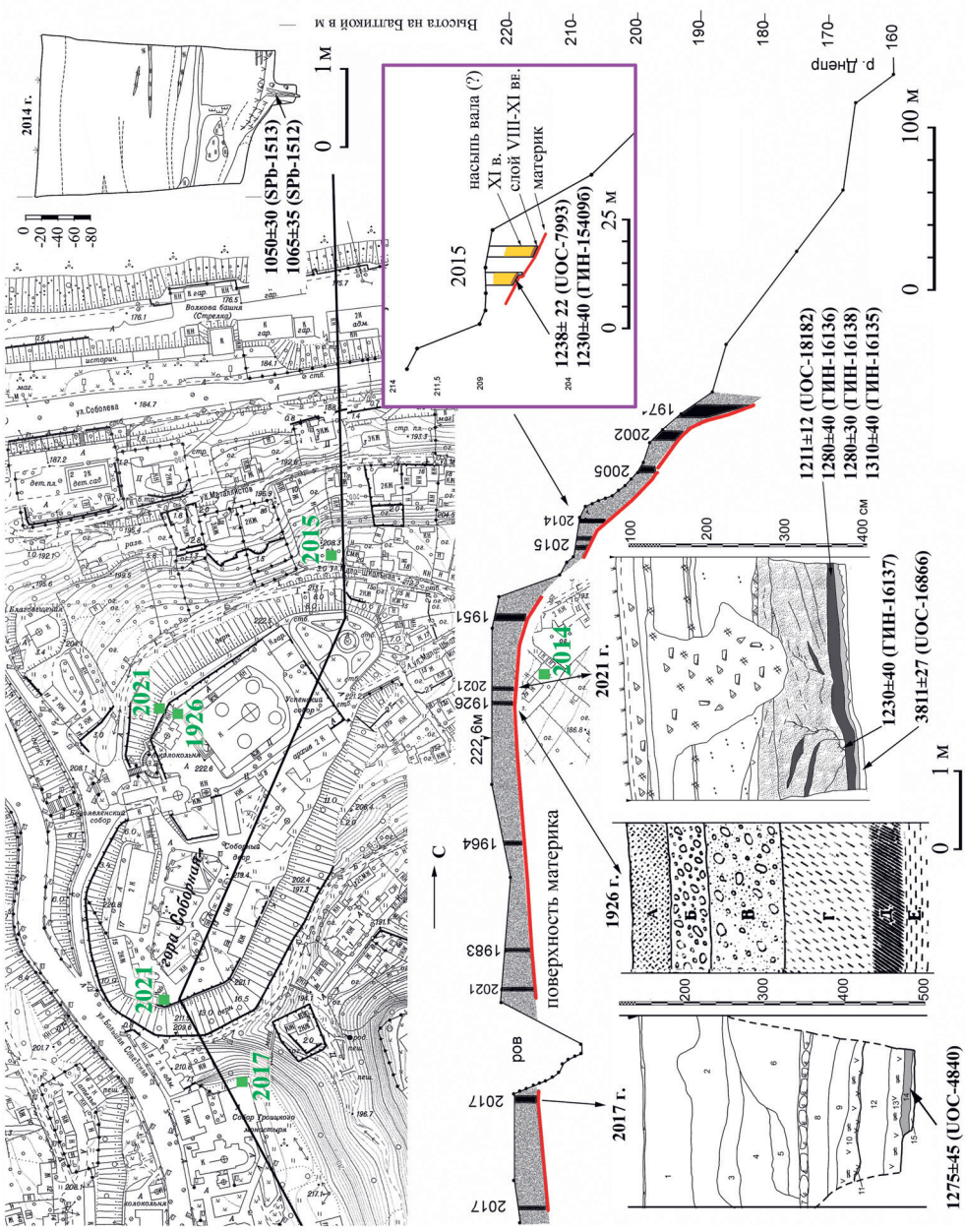


Рис. 2. Смоленск, Соборная гора. План и разрез с археологическими шурфами (зеленым цветом), в которых получены ^{14}C даты

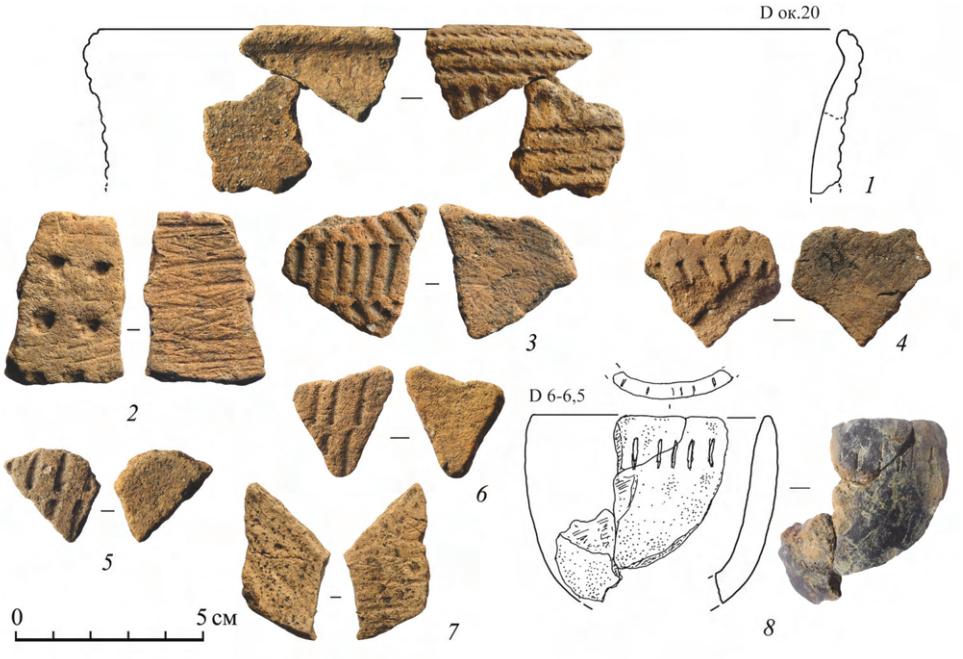


Рис. 3. Смоленск, Соборная гора (раскопки 2015 и 2021 гг.).
Керамика бронзового века с верхней площадки (*1–7*) и северо-восточного склона (*8*)

надежность археологического определения возраста слоя в хронологическом интервале VIII–IX вв. н. э., может быть, даже захватывая конец VII в. н. э. (?). Нужно подчеркнуть, что очень близкие результаты были получены по обугленным зернам в двух разных лабораториях. Археологический контекст очень хорошо соответствует этим датам – лепная керамика (*Кренке и др.*, 2020) и украшения (рис. 4), типичные для культуры смоленских длинных курганов.

Большое значение имеет единичная пока дата из бревна конструкции вала на Соборной горе, лежавшего непосредственно на культурном слое – 1230 ± 40 BP (ГИН-16137). Эта дата идентична датам из подстилающего вал культурного слоя. Калиброванное ее значение сильно «размазано» из-за формы калибровочной кривой на данном хронологическом участке и охватывает интервал с VII по IX в. н. э. для вероятности 95,4 %. Область наиболее вероятных значений – 785–835 cal AD (33 % при вероятности 68,3 %). Выходит, эта дата указывает, что вал создан, скорее всего, в начале IX в., еще до первого достоверного летописного упоминания «града Смоленска» (882 г).

Дата 1210 ± 30 BP (ГИН-16086), т. е. 784–877 cal AD, полученная по образцу древесины верхнего яруса дороги из раскопа по адресу: ул. Б. Краснофлотская, 1/3 (табл. 1), противоречит археологическому контексту, который категорически не укладывается не только в IX, но и в X в. Верхний ярус дороги синхронен слоям с круговой керамикой XI в. Кроме того, для нижнего яруса дороги была получена более молодая дата 960 ± 30 BP (ГИН-16084). Значит, либо возраст древесины

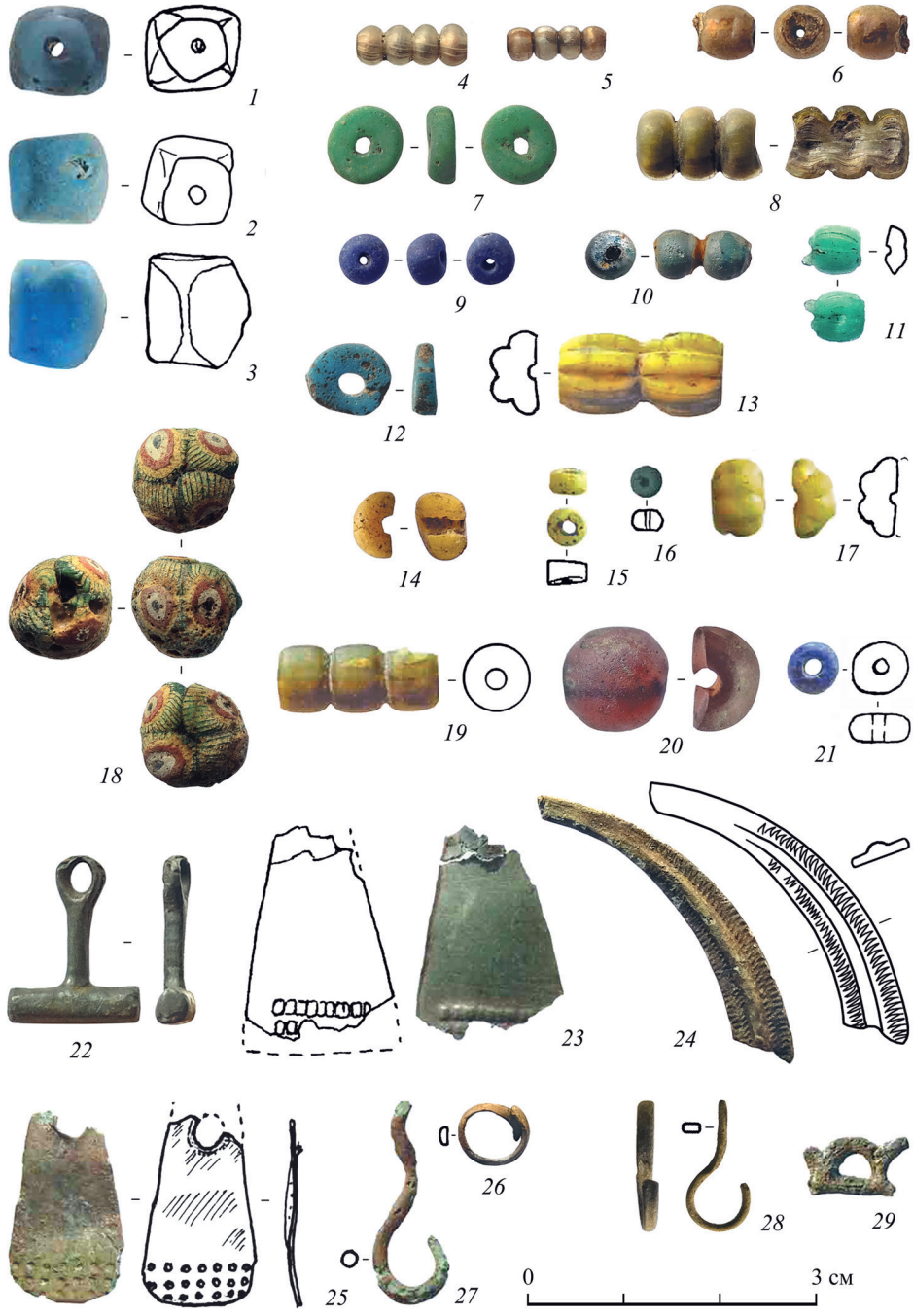


Рис. 4. Смоленск, Соборная гора. Находки VIII–X вв. из нижнего черного слоя

1–21 – бусы и бисер из стекла; *22–29* – бронзовые украшения (*23, 25* – трапециевидные подвески; *24* – серповидное височное кольцо)

дорожного настила древнее вмещающего археологического контекста (что маловероятно), либо какой-то неизвестный нам фактор повлиял на результаты датирования.

Серия дат в интервале значений от 1080 ± 30 BP (ГИН-16087), т. е. 957 (38,3 %) 996 cal AD, до 1120 ± 30 BP (ГИН-16094), т. е. 940 (34,2 %) 977 cal AD, была получена для нижних горизонтов ям от построек вдоль левого берега Днепра на западной окраине города в Пятницком конце (Б. Краснофлотская ул., 1/3). Калиброванное значение этих дат указывает на X в. Нужно отметить, что для датирования в данном случае использовались в том числе тонкие жерди от изгородей. Эти результаты представляются крайне важными и позволяют предполагать, что на смоленском Подоле в районе Пятницкого ручья существовало поселение X в. Круговая керамика, найденная здесь же, практически не отличается от гнёздовской, которую исследователи традиционно относят к X в. (рис. 5; 6). Вероятно, следует говорить о втор. пол. X в. Эти результаты важны для давней дискуссии о соотношении Смоленска и Гнёздова (*Кренке и др.*, 2020; *Шмидт*, 2013), так как ранее не было надежных данных о существовании Смоленска в X в.

Большая серия дат с разных раскопов Смоленска указывает на конец X – XI в., что логично увязывается с археологическими данными. Так, одна из ранних дат этой группы получена по частоколу усадьбы в верхней части склона Соборной горы – 1065 ± 35 BP (SPb-1512), т. е. 900–1024 cal AD (53,7 % при вероятности 68,3 %). Дата 925 ± 29 BP (UOC-14548), т. е. в целом 1045–1163 cal AD, по скорлупе ореха из основания культурного слоя на Подоле (ул. Соболева, 16) свидетельствует, что накопление культурного слоя здесь стартовало во втор. пол. XI в. или перв. пол. XII в. Этот результат совпадает с выводами авторов многолетних раскопок на улице Соболева под руководством Д. А. Авдусина, а также с данными дендрохронологического датирования – древнейшее дендрохронологическое определение относится к 1064 г. (*Мясникова*, 1980; *Черных*, 1996).

Переходя от Смоленска к другим объектам, следует отметить, что существенное значение имеет серия дат, полученных в пойме Днепра для второй (т. н. «Гнёздовской») погребенной почвы. Эти даты получены по образцам из шурфов в излучине левого берега возле бывшего Борисоглебского монастыря на Смядыни, на правом берегу Днепра возле Ольшанского городища в Гнёздове, в районе устья р. Катынки на стоянке Катынь 23. Во всех случаях идет речь о датировании угольков, отложившихся на стабильной поверхности пойменной почвы и, вероятно, связанных с деятельностью людей. Крайние позиции в этой серии занимают даты 1243 ± 21 BP (UOC-7994) и 1878 ± 27 BP (UOC-5858). То есть интенсивное, постоянно продолжавшееся во времени освоение пространства поймы приходится на I–IX вв. н. э. Это наблюдение находится в соответствии с данными спорово-пыльцевого анализа как погребенных почв, так и органических отложений в пойме Днепра, которые свидетельствуют о сведении лесов, изменении их состава и распространении пахотных угодий и выпасов. Важно подчеркнуть, что эти наши данные получили подтверждение в результате серийного датирования пойменных, безусловно, антропогенных объектов, находившихся на том же стратиграфическом уровне, в Гнёздове (*Мурашева и др.*, 2020).

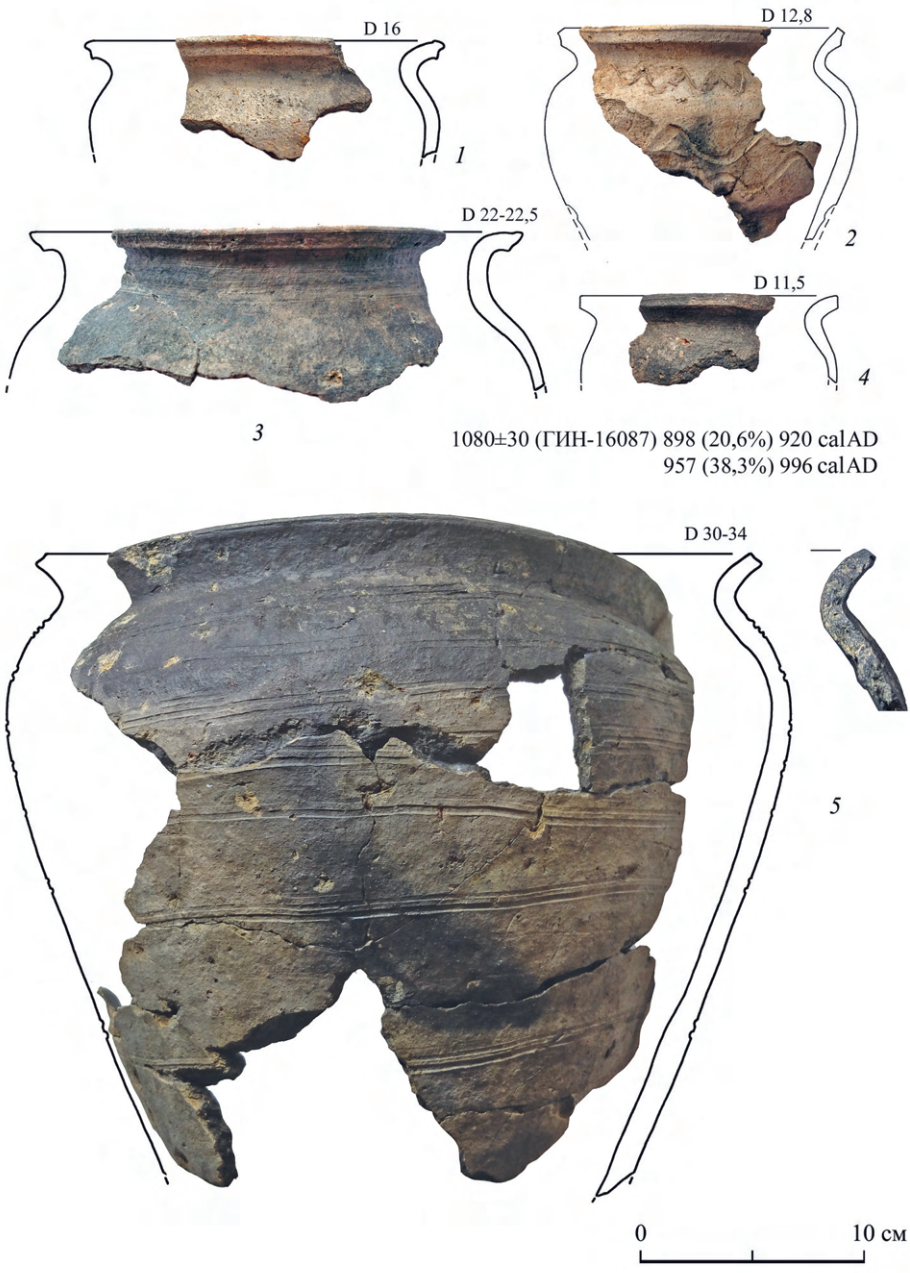


Рис. 5. Смоленск, ул. Б. Краснофлотская, 1/3, раскоп 2020 г.
Архаичная круговая керамика X в.

1 – пласт 6; *2* – пласт 5; *3* – яма 10; *4, 5* – яма 16

Даты: 1110±30 (ГИН-16083) - 895 (29,6%) 925 calAD 949 (38,7%) 988 calAD;
1080±30 (ГИН-16087) - 898 (20,6%) 920 calAD 957 (38,3%) 996 calAD

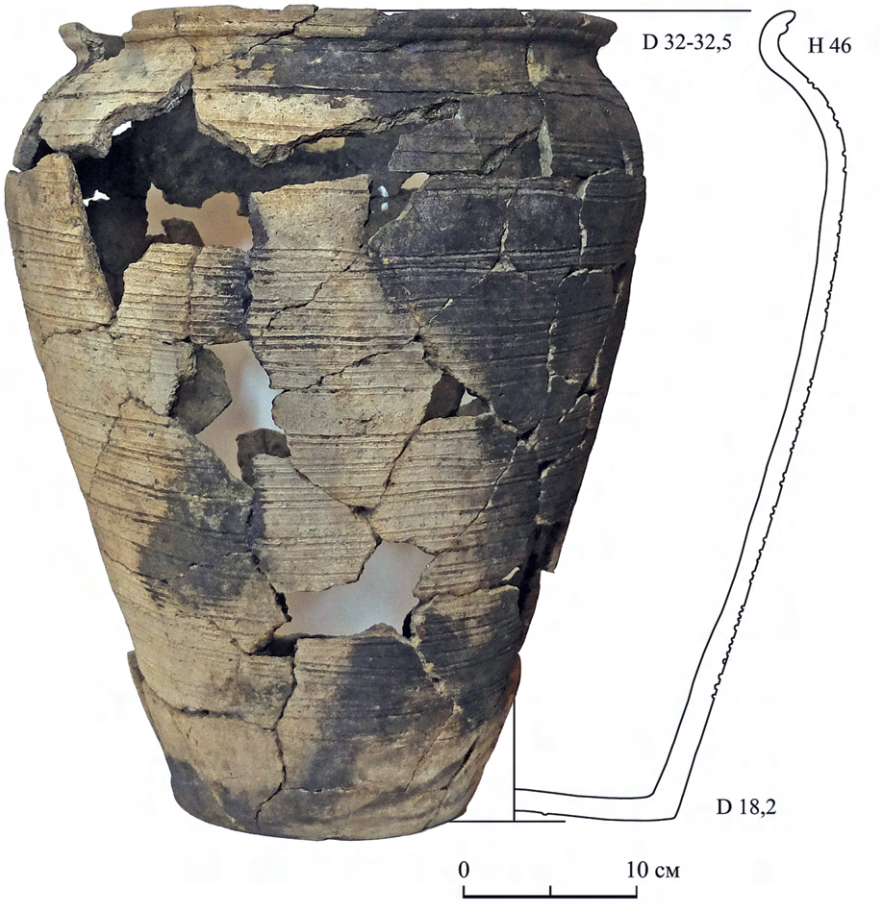


Рис. 6. Смоленск, ул. Б. Краснофлотская, 1/3, раскоп 2020 г., яма 16. Горшок X в.

Второй по размерам средневековый город Смоленщины – Вязьма, для него получена серия из десяти дат, которая распадается на две группы. Первая группа представлена образцами из древнейшего культурного слоя города, залегающего на Соборном холме; вторая происходит из годичных колец дубовых надгробий кладбища, также расположенного на Соборном холме. В первую группу входят даты, полученные по скорлупе орехов, и они с довольно большой степенью надежности указывают на перв. пол. XIII в. как на начальную «точку отсчета» формирования культурного слоя. Археологические материалы из раскопок 2017 г. подтверждают этот вывод (*Кренке и др.*, 2019). Датирование годичных колец позволило привязать «плавающую» дендрошкалу, которая затем была состыкована с дендрошкалами соседних территорий (*Карпухин и др.*, 2020; *Khasanov et al.*,

2021). Древнейшее из изученных погребений на кладбище Вязьмы, в соответствии с этой шкалой, относится к 1241 г.

Последняя серия дат, которую необходимо проанализировать, – это даты по городищам и связанным с ними поселениям. Основным объектом исследования было городище Демидовка, имеющее сложную стратиграфию, включающую пачку нижних слоев и слой «большого дома» эпохи переселения народов. Для пачки нижних слоев Демидовки получены не противоречащие стратиграфии даты: 2380 ± 30 BP (ГИН-16100); 2119 ± 29 BP (UOC-15957); 2070 ± 30 BP (ГИН-16099); 2042 ± 21 BP (UOC-15956). Для образцов из «большого дома», отобранных еще в 1960-е гг. и хранившихся в Смоленском музее, была получена серия близких дат: 1565 ± 42 BP (UOC-10742); 1554 ± 45 BP (UOC-10743); 1554 ± 44 BP (UOC-10741), указывающих на V–VI вв. н. э. Аналогичные поздние даты получены и для городища Драветчино 1, расположенного близ Демидовки, что дает основание предполагать их синхронность.

Важно, что совсем рядом с городищем Демидовка (расстояние 150 м) было обнаружено небольшое по размерам поселение на кромке берега соседнего оврага. В образцах из шурфа были найдены обугленные зерна пшеницы, по которым сделана дата 2099 ± 29 BP (UOC-16871) Таким образом, для днепродвинских городищ получены первые материалы для реконструкции системы землепользования, аналогичной лучше изученной системе хозяйства городищ дьякова типа (*Кренке*, 2011).

Кроме археологических раскопок в 2017–2021 гг. в Смоленской области был проведен ряд палеоэкологических исследований, направленных на общую реконструкцию истории изменений ландшафтов. Объекты таких исследований – отложения водоемов и болот, анализ которых на пыльцу и споры позволяет получить представление о последовательных сменах растительности, связанных как с изменениями климата и гидрологического режима, так и с хозяйственной деятельностью.

Чтобы выявить локальные следы хозяйственной деятельности конкретных культур, были исследованы водоемы, расположенные в непосредственной близости от известных археологических памятников. Так, спорово-пыльцевой анализ отложений пересохшей старицы в устье р. Катынки в пойме Днепра показал следы массового сведения пойменных широколиственных лесов под подсечное земледелие начиная с V–VI вв. н. э. и использование поймы под пашни и пастбища в последующие века (*Ershova et al.*, 2020). По торфяным отложениям небольшого болота рядом с Акатовским озером в Демидовском районе (рядом находятся одноименные многослойное городище железного века и грунтовый могильник эпохи переселения народов), была детально реконструирована локальная динамика экосистем за последние 1400 лет. По пыльце культурных злаков выделены три периода сельскохозяйственной активности: около 1400 л. н., 1200–1000 л. н. и с 870 л. н. до современности, что хорошо согласуется с археологическими данными (*Шмидт*, 1976; АКР…, 1997. С. 168–170).

Для реконструкции общих для региона закономерностей изменения ландшафтов, обусловленных как антропогенными, так и климатическими факторами, было выбрано несколько природных объектов, максимально удаленных от известных памятников. Это болото Мшары (Исток Днепра) в Сычёвском

районе на севере Смоленской области, болото Радомский Мох у д. Гусино в Краснинском районе на западе и безымянное болото у д. Красный Холм под Вязьмой. Все эти болота достаточно большие по площади, чтобы улавливать региональный пыльцевой сигнал, и в них сохранились относительно мощные не нарушенные торфоразработками отложения. Как показал анализ, несмотря на отсутствие поблизости известных археологических памятников, во всех полученных спорово-пыльцевых диаграммах отразились в разной степени выраженные следы антропогенных изменений. Обобщая данные полученные палинологическим методом, можно предварительно констатировать, что на западе и севере региона выделяются как минимум четыре периода наиболее активной хозяйственной деятельности: 2900–2800 л. н., 2300–2000 л. н., 1700–1150 л. н. и 900–500 л. н., в то время как в самой юго-восточной точке из исследованных (болото у деревни Красный Холм) отчетливо определяется только последний период, средневековый (*Лавренов и др.*, 2021). Также новые спорово-пыльцевые данные, полученные на стоянке Сертея II (СЗ Смоленской области, бассейн Западной Двины), показывают, что «сигнал» земледелия впервые фиксируется в отложениях возрастом 1000 AD, а интенсивно, начиная с XIV в. н. э. (*Wieckowska-Lüth et al.*, 2021).

При анализе озерных и болотных отложений для радиоуглеродного датирования выбирали образцы торфа или сапропеля, в которых, согласно спорово-пыльцевому анализу, были отмечены признаки наиболее заметных изменений, связанных с хозяйственной деятельностью, таких как пожары, обусловленные подсечно-огневым земледелием[3], сведение коренного леса, появление пыльцы культурных злаков и пашенных сорняков, индикаторов выпаса и т. д. Все образцы имели объем 1 см^3 и датировались методом AMS (табл. 2).

Выводы. В качестве наиболее существенных результатов можно выделить следующие: 1) на Соборной горе в Смоленске выявлены остатки поселения культуры шнуровой керамики бронзового века, которому соответствует дата, указывающая на втор. пол. III тыс. до н. э.; 2) здесь же выявлен культурный слой поселения VII–IX вв. (видимо, древнейшего Смоленска русской летописи), датированного по серии образцов, включая обугленные зерна культурных злаков; 3) датирование древесных колец дубовых надгробий XIII в. древнейшего кладбища Вязьмы позволило построить дендрохронологическую шкалу по дубу для Смоленщины. Серия спорово-пыльцевых колонок из болот, расположенных в разных частях Смоленской области, выявила динамику ландшафтов за последние пять тысяч лет. В этом хронологическом интервале выделено несколько пиков хозяйственной активности. Большинство из этих пиков находят хорошее соответствие с известными археологическими данными, но некоторые, например пик с возрастом 2800–2900 л. н., пока не имеет подтверждения в археологических памятниках, хотя логично предполагать, что в финале бронзового века в «предгородищенское» время территория была освоена.

[3] Подробно о пыльцевых индикаторах подсечно-огневого земледелия в почвах и торфах см.: (*Пономаренко и др.*, 2021; *Ponomarenko et al.*, 2019).

ЛИТЕРАТУРА

АКР. Смоленская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1997. 296 с.

Ершова Е. Г., Кренке Н. А., 2017. Археолого-палинологические исследования на Соборной горе в Смоленске // РА. № 1. С. 81–89.

Карпухин А. А., Хасанов Б. Ф., Кренке Н. А., Певзнер М. М., Соловьева Л. Н., 2020. Дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование восточноевропейского дуба (1074–1306 гг.) // РА. № 1. С. 9–21.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Аникин И. С., Войцик А. А., Муренцева Т. Ю., Раева В. А., Лавриков М. В., Столярова Т. В., 2015. Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске // КСИА. Вып. 240. С. 141–149.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Кудрявцев Б. В., Платоновский Р. Б., Раева В. А., 2019. Соборный холм Вязьмы в свете новых раскопок 2017 г. // ТТЗ. Вып. XII. С. 388–405.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А., 2020. Смоленск и Гнёздово // АВ. Вып. 28. С. 296–303.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А., Войцик А. А., Лавриков М. В., 2020. Керамика из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска // Смоленская керамика VIII–XIX вв. / Авт.-сост. Н. А. Кренке; отв. ред. Л. А. Беляев. М.; Смоленск: Свиток. С. 30–48.

Лавренов Н. Г., Ершова Е. Г., Кренке Н. А., Журавкова М. М., 2021. Ландшафты Смоленской области как следствие древней антропогенной деятельности: Палеоэкологическое исследование болота Радомский Мох // ПА. Т. 38. № 4. С. 235–246.

Лявданский А. Н., 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. Т. 3. Вып. 3. С. 175–296.

Лявданский А. Н., 1927. Некоторые данные о каменном веке и о культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии // Известия Смоленского государственного университета. Т. 4. Вып. 3. С. 217–260.

Мурашева В. В., Панин А. В., Шевцов А. О., Малышева Н. Н., Зазовская Э. П., Зарецкая Н. Е., 2020. Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования // РА. № 4. С. 70–86.

Мясникова Н.В., 1980. К дендрохронологии Смоленска // СА. № 2. С. 246–251.

Пономаренко Е. В., 2017. Методы изучения угольного спектра почв // Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы истории, методологии и социологии почвоведения» / Ред.: И. В. Иванов, Л. С. Песочина, С. Н. Удальцов. Пущино: Товарищество научных изданий КМК. С. 319–322.

Пономаренко Е. В., Ершова Е. Г., Кренке Н. А., Бакуменко В. О., 2021. Следы подсечного земледелия железного века под славянскими курганами на Звенигородской биостанции МГУ // КСИА. Вып. 263. С. 60–73.

Черных Н. Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.: Nox. 212 с.

Шмидт Е. А., 1976. Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н. э.). Смоленск. 288 с.

Шмидт Е. А., 2013. Письменные источники о кривичах и их граде Смоленске в IX – X вв. н. э. // Музейный вестник. Вып. VII. Смоленск. С. 36–43.

Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // Radiocarbon. Vol. 51. No. 1. P. 337–360.

Ershova E., Krenke N., Kittel P., Lavrenov N., 2020. Archaeological sites in the Katynka River basin (Smolensk region): Paleogeographic study // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vol. 438. No. 012007.

Furholt M., 2003. Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südskandinavien. Bonn: Habelt. 282 S.

Khasanov B. F., Karpukhin A. A., Krenke N. A., Pevzner M. M., Tarabardina O. A., Vasyukov D. D., Yermokhin M. V., Savinetsky A. B., 2021. Long oak tree-ring chronologies from central Russia and their potential for dating // Tree-ring research. Vol. 72. Iss. 2. P. 53–62.

Ponomarenko E., Tomson P., Ershova E, Bakumenko V., 2019. A multi-proxy analysis of sandy soils in historical slash-and-burn sites: a case study from southern Estonia // QI. Vol. 516. P. 190–206.

Reimer P., Austin W. E. N., Bard E. et al., 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. Vol. 62. Iss. 4. P. 725–757.

The Absolute Chronology of Central Europe 3000–2000 BC / Eds.: J. Czebreszuk, J. Müller. Poznań: Leidorf, 2001. 338 p.

Wieckowska-Lüth M., Gauthier E., Thiebaut E., Słowiński M., Krąpiec M., Dolbunova E., Mazurkevich A., Maigrot Y., Danger M., Kittel P., 2021. The palaeoenvironment and settlement history of a lakeshore setting: An interdisciplinary study from the multi-layered archaeological site of Serteya II, Western Russia // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 40. Part B. 103219.

Сведения об авторах

Кренке Николай Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ершова Екатерина Георгиевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ГСП-1, Ленинские горы, 1/12, Москва, 119991, Россия; e-mail: ekaterinagershova@mail.ru;

Ершов Иван Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: erschovin@yandex.ru;

Раева Вера Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: veraraeva@mail.ru;

Ганичев Кирилл Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kirganichev@mail.ru;

Александровский Александр Леонтьевич, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: alexandrovskiy@mail.ru;

Кулькова Марианна Алексеевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, 48 /12, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kulkova@mail.ru;

Киттель Петр, Университет г. Лодзь, Факультет географических наук, Отдел геологии и геоморфологии, ул. Нарутовича, 88, Лодзь, 90-139, Польша; e-mail: piotr.kittel@geo.uni.lodz.pl;

Певзнер Мария Михайловна, Геологический институт РАН, Пыжевский пер., 7, Москва, 119017, Россия; e-mail: m_pevzner@mail.ru;

Пономаренко Елена Викторовна, Университет Оттавы, Лорье-авеню Ист, 75, Оттава, ON K1N 6N5, Канада; e-mail: ecosystemarchaeology@gmail.com;

Лавренов Никита Геннадиевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ГСП-1, Ленинские горы, 1/12, Москва, 119991, Россия; e-mail: lavren.ng@gmail.com;

Лавриков Михаил Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: lavrikov516@mail.ru;

Чаукин Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: schaukin@mail.ru

N. A. Krenke, E. G. Ershova, I. N. Ershov, V. A. Raeva, K. A. Ganichev,
A. L. Aleksandrovskiy, M. A. Kulkova, P. Kittel, M. M. Pevzner,
E. V. Ponomarenko, N. G. Lavrenov, M. V. Lavrikov, S. N. Chaukin

RADIOCARBON DATING OF ARCHAEOLOGICAL SITES AND NATURAL FEATURES IN THE SMOLENSK REGION IN 2014–2021

Abstract. The paper reports on the results of radiocarbon dating of archaeological sites and natural features (lacustrine and palustrine deposits, buried soils) accompanied by anthracological and pollen analyses. The key results are described below: 1) remains of a Bronze Age settlement attributed to the Corded Ware culture were identified at Sobornaya Hill in Smolensk, with the data obtained falling within the second half of III mill. BC; 2) the same site revealed an occupation layer dating to the 7th–9th centuries (apparently of the oldest Smolensk mentioned in Russian chronicle) dated based on a series of samples including charred grains of domesticated gramineous plants; 3) dating of tree-rings of 13th century oak tombstones in the oldest Vyazma cemetery made it possible to construct an oak dendroscale for the Smolensk region. A series of pollen spectra from the marshes located in various parts of the Smolensk region revealed changes in landscapes over time in the last 5000 years. Several peaks of economic activity were identified within this time range. Most peaks are quite consistent with available archaeological data; though some peaks, for example, the peak corresponding to 2800–2900 BP, have not yet been confirmed in archaeological sites. However, it is logical to assume that during the final stage of the Bronze Age in the pre-hillfort time this area was settled.

Keywords: Smolensk, radiocarbon dating, pollen analysis, grains of domesticated gramineous plants, slash-and-burn agriculture, Corded Ware ceramics.

REFERENCES

AKR. Smolenskaya oblast' [AKR. Smolensk region], 1. Moscow: IA RAN, 1997. 296 p.

Chernykh N. B., 1996. Dendrokhronologiya i arkheologiya [Dendrochronology and archaeology]. Moscow: Nox. 212 p.

Ershova E. G., Krenke N. A., 2017. Arkheologo-palinologicheskie issledovaniya na Sobornoy gore v Smolenske [Archaeological-palinological studies at Sobornaya Gora in the city of Smolensk]. *RA*, 1, pp. 81–89.

Karpukhin A. A., Khasanov B. F., Krenke N. A., Pevzner M. M., Solov'eva L. N., 2020. Dendrokhronologicheskoe i radiouglerodnoe datirovanie vostochnoevropeyskogo duba (1074–1306 gg.) [Dendrochronological and radiocarbon dating of Eastern European oak (1074–1306)]. *RA*, 1, pp. 9–21.

Krenke N. A., 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [D'yakovo hillfort: culture of Moscow River basin population in I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 548 p.

Krenke N. A., Ershov I. N., Anikin I. S., Voytsik A. A., Murentseva T. Yu., Raeva V. A., Lavrikov M. V., Stolyarova T. V., 2015. Novye dannye ob arkheologii Sobornoy gory v Smolenske [New data on archaeology of Sobornaya Hill in Smolensk]. *KSIA*, 240, pp. 141–149.

Krenke N. A., Ershov I. N., Kudryavtsev B. V., Platonovskiy R. B., Raeva V. A., 2019. Sobornyy kholm Vyaz'my v svete novykh raskopok 2017 g. [Sobornyy kholm in Vyazma in the light of 2017 new excavations]. *TTZ*, XII, pp. 388–405.

Krenke N. A., Ershov I. N., Raeva V. A., 2020. Smolensk i Gnezdovo [Smolensk and Gnezdovo]. *AV*, 28, pp. 296–303.

Krenke N. A., Ershov I. N., Raeva V. A., Voytsik A. A., Lavrikov M. V., 2020. Keramika VIII–XI vv. iz drevneyshego sloya na Sobornoy gore Smolenska [Ceramics of VIII–XI cc. from the earliest layer

on the Sobornaya Hill of Smolensk]. *Smolenskaya keramika VIII–XIX vv. [Smolensk ceramics of VIII–XIX cc.]*. N. A. Krenke, comp., L. A. Belyaev, ed. Moscow; Smolensk: Svitok, pp. 30–48.

Lavrenov N. G., Ershova E. G., Krenke N. A., Zhuravkova M. M., 2021. Landshafty Smolenskoy oblasti kak sledstvie drevney antropogennoy deyatel'nosti: Paleoekologicheskoe issledovanie bolota Radomskiy Mokh [Landscapes of Smolensk region as a consequence of ancient anthropogenic activity: Paleoecological study of the Radomskiy Mokh swamp]. *PA*, vol. 38, no. 4, pp. 235–246.

Lyavdanskiy A. N., 1926. Nekotorye dannye o gorodishchakh Smolenskoy gubernii [Some data on the hillforts in Smolensk province]. *Nauchnye izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific news of Smolensk state university]*, vol. 3, iss. 3, pp. 175–296.

Lyavdanskiy A. N., 1927. Nekotorye dannye o kamennom veke i o kul'ture bronzovoy epokhi v Smolenskoy gubernii [Some data on the Stone Age and Bronze Age culture in Smolensk province]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Smolensk state university]*, vol. 4, iss. 3, pp. 217–260.

Murasheva V. V., Panin A. V., Shevtsov A. O., Malysheva N. N., Zazovskaya E. P., Zaretskaya N. E., 2020. Vremya vozniknoveniya poseleniya Gnezdovskogo arkheologicheskogo kompleksa po dannym radiouglerodnogo datirovaniya [The time of emergence of the Gnezdovo settlement based on radiocarbon dating]. *RA*, 4, pp. 70–86.

Myasnikova N. V., 1980. K dendrokhronologii Smolenska [On Smolensk dendrochronology]. *SA*, 2, pp. 246–251.

Ponomarenko E. V., 2017. Metody izucheniya ugol'nogo spektra pochv [Methods of studying soils coal spectrum]. *Materialy III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Problemy istorii, metodologii i sotsiologii pochvovedeniya» [Materials of III All-Russian scientific conference with international participation «Issues of history, methodology and sociology of soil science»]*. I. V. Ivanov, L. S. Pesochina, S. N. Udal'tsov, eds. Moscow; Pushchino: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, pp. 319–322.

Ponomarenko E. V., Ershova E. G., Krenke N. A., Bakumenko V. O., 2021. Sledy podsechnogo zemledeliya zheleznogo veka pod slavyanskimi kurganami na Zvenigorodskoy biostantsii MGU [Traces of Iron Age slash-and-burn agriculture under the Slavic kurgans at the MSU Zvenigorod biological station]. *KSIA*, 263, pp. 60–73.

Shmidt E. A., 1976. Arkheologicheskie pamyatniki Smolenskoy oblasti (s drevneyshikh vremen do VIII veka n. e.) [Archaeological sites of Smolensk region (from ancient times to VIII c. AD)]. Smolensk. 288 p.

Shmidt E. A., 2013. Pis'mennye istochniki o krivichakh i ikh grade Smolensk IX–X vv. n. e. [Written sources on the Krivichi and their city of Smolensk in IX–X cc. AD]. *Muzeynyy vestnik [Museum bulletin]*, VII. Smolensk, pp. 36–43.

About the authors

Krenke Nikolaj A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ershova Ekaterina G., Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie gory, 1/12, Moscow, 119191, Russian Federation; e-mail: Federation; e-mail: ekaterinagershova@mail.ru;

Ershov Ivan N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: erschovin@yandex.ru;

Raeva Vera A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: veraraeva@mail.ru;

Ganichev Kirill A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kirganichev@mail.ru;

Aleksandrovskiy Alexander L., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: alexandrovskiy@mail.ru;

Kulkova Marianna A., Herzen Russian State Pedagogical University (Herzen University), nab. reki Moyki, 52/1, St. Petersburg, 191186; Russian Federation; e-mail: kulkova@mail.ru;

Kittel Piotr, University of Lodz, Faculty of Geographical Sciences, Department Geology of Geomorphology, ul. Narutowicza, 88, Łódź, 90-139, Poland; e-mail: piotr.kittel@geo.uni.lodz.pl;

Pevzner Mariya M., Geological Institute Russian Academy of Sciences, Pyzhevsky per., 7, Moscow, 119017; Russian Federation; e-mail: m_pevzner@mail.ru;

Ponomarenko ElenaV., University of Ottawa, Laurer Avenue East, 75, Ottawa, ON K1N 6N5, Canada; e-mail: ecosystemarchaeology@gmail.com;

Lavrenov Nikita G., Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie gory, 1/12, Moscow, 119191, Russian Federation; e-mail: lavren.ng@gmail.com;

Lavrikov Mikhail V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: lavrikov516@mail.ru

Chaukin Sergey N. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: schaukin@mail.ru

Таблица 1. Радиоуглеродные даты для археологических объектов Смоленщины (по материалам работ Смоленской экспедиции ИА РАН)

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
Смоленск			
UOC-16866	3811 ± 27	2291–2202 (68,3 %) BC	Соборная гора, шурф 1 (2021 г.), погребен. почва, уголь дуба
ГИН-16098	1340 ± 30	652 (52,2 %) 681 AD 746 (16,1 %) 759 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, погр. 3, уголь
ГИН-16135	1310 ± 40	649 (93,9 %) 777AD* 792 (0,9 %) 800 AD 812 (0,6 %) 818 AD	Соборная гора, шурф 1 (2021 г.), я. 2 в материке, уголь
ГИН-16136	1280 ± 40	657 (81,7 %) 778AD* 786 (11,4 %) 830 AD 855 (2,3 %) 873AD	Соборная гора, шурф 1, я. 1 в материке, уголь
ГИН-16138	1280 ± 30	662 (90,8 %) 777 AD* 791 (4,6 %) 821 AD	Соборная гора, шурф 1, пласт 12, угли из промывки черного слоя
UOC-4840	1275 ± 45	671–773 (68,3 %) AD	Б. Советская, 7, шурф 1 (2017 г.), погребен. почва, зерно пшеницы
ГИН-16095	1260 ± 30	679 (58,8 %) 748 AD 758 (7,1 %) 770 AD 794 (2,4 %) 798 AD	Б.Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, я. 10, разрез А-А1, обр. № 5, глуб. +10+20 см, углистая масса
UOC-7993	1238 ± 22	705 (30,0 %) 738 AD 788 (38,3 %) 826 AD	М. Школьная, 20а, шурф 1 (2015 г.), погребен. почва со следами распашки, обугленные зерна пшеницы
ГИН-15409б	1230 ± 40	705 (18,7 %) 738 AD 785 (33,0 %) 835 AD 846 (16,6 %) 877 AD	М. Школьная, 20а, шурф 1 (2015 г.). Промывка нижнего слоя, уголь
ГИН-16137	1230 ± 40	705 (18,7 %) 738 AD 785 (33,0 %) 835 AD 846 (16,6 %) 877 AD	Соборная гора, шурф 1 (2021 г.), пласт 11а, бревно в СЗ углу, гл. 352–362 см, уголь
UOC-18182	1211 ± 12	784–879 (95,4 %) AD*	Соборная гора, шурф 1 (2021 г.), нижний черный слой, ферментированное** зерно ячменя
ГИН-16086	1210 ± 30	784 (41,4 %) 835 AD 843 (26,9 %) 877 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 4, кв. 91, пласт 7, плахи верхн. яруса дороги, древесина
ГИН-16094	1120 ± 30	893 (34,1 %) 933 AD 940 (34,2 %) 977 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, пласт 6, на дне я. 10 (ровик), древесина
ГИН-16090	1120 ± 30	893 (34,1 %) 933 AD 940 (34,2 %) 977 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), шурф 3, пласт 8а, древесина
ГИН-16085	1110 ± 30	895 (29,6 %) 925 AD 949 (38,7 %) 988 AD	Б. Краснофлотская 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, пласт 5, гл. +65+70 см, лага от дороги, древесина

Продолжение табл. 1

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
ГИН-16083	1110 ± 30	895 (29,6 %) 925 AD 949 (38,7 %) 988 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), я. 16 (кол на дне), древесина
ГИН-16096	1090 ± 30	896 (26,6 %) 925 AD 950 (41,7 %) 944 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, я. 10 (кол со дна), древесина
ГИН-16087	1080 ± 30	898 (20,6 %) 920 AD 957 (38,3 %) 996 AD 1005 (9,4 %) 1017 AD	Б. Краснофлотская 1/3 (2020 г.), на дне я. 16, кв. 107, древесина
ГИН-15414б	1075 ± 50	896 (18,9 %) 924 AD 950 (49,4 %) 1022 AD	Наб. М. Горького, 24 (2015 г.), шурф 1, прирезка 2, кв. 5, я. 1 (верх), обр. № 3, уголь
SPb-1512	1065 ± 35	900 (13,6 %) 917 AD 974 (54,7 %) 1024 AD	М. Школьная, 7А, шурф 1 (2014 г.), столб. яма у восточн. борта в канавке в материке, древесина
ГИН-16093	1050 ± 30	987–1026 (68,3 %) AD	Б. Краснофлотская, 1/3, шурф 3 (2020 г.), кв. 2, траншея частокола гл. 300 см, доска забора, древесина
SPb-1513	1050 ± 30	987–1026 (68,3 %) AD	М. Школьная, 7А, шурф 1 (2014 г.), столб. яма у западн. борта в канавке в материке, древесина
UOC-6370	1041 ± 29	993–1025 (68,3 %) AD	Коненкова, 13а, кв. 7 (2017 г.), погребен. почва, уголь березы
ГИН-16097	1040 ± 70	894 (12,4 %) 928 AD 946 (46,9 %) 1046 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 4, кв. 100, 104, пласт 7, частокольная канава, древесина
ГИН-16092	1040 ± 30	992–1027 (68,3 %) AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, я. 10, обр. № 1, гл. +45+55 см, уголь
ГИН-16088	1040 ± 30	992–1027 (68,3 %) AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 4, северн. прирезка, кв. 128, я. 22, тлен от столба, древесина
ГИН-16091	1000 ± 30	994 (51,3 %) 1045 AD 1085 (5,3 %) 1093 AD 1105 (11,7 %) 1121 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 1, кв. 31, 32; пласт 7, яма жилища, древесина
ГИН-15410	970 ± 40	1027 (17,2 %) 1050 AD 1081 (51,1 %) 1153 AD	М. Школьная, 20а (2015 г.), шурф 2, пласт 9, я. 1, плашка, обр. № 1, гл. 333 см, уголь
ГИН-16084	960 ± 30	1034 (12,6 %) 1048 AD 1083 (55,7 %) 1151 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 4, пласт 7а, нижний ярус дороги, древесина
ГИН-15412	930 ± 20	1046 (33,4 %) 1084 AD 1094 (6,6 %) 1103 AD 1123 (28,3 %) 1159 AD	Наб. М. Горького, 24 (2015 г.), шурф 1, кв. 2, я. 1 (нижний уровень), обр. № 3, уголь
UOC-14548	925 ± 29	1045 (31,7 %) 1085 AD 1093 (7,4 %) 1105 AD 1121 (29,2 %) 1163 AD	Соболева, 16 (2020 г.), шурф 1, гл. 460–475 см, слой в основании, скорлупа ореха

Продолжение табл. 1

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
ГИН-15413	910 ± 30	1047 (28,6 %) 1084 AD 1096 (2,8 %) 1102 AD 1125 (30,1 %) 1179 AD 1191 (6,8 %) 1204 AD	Наб. М. Горького, 24 (2015 г.), шурф 1, прирезка 2, кв. 5, я. 1 (нижний уровень), угли
SPb-1517	870 ± 25	1171–1216 (68,3 %) AD	Бакунина, 2 (2014 г.), раскоп 1, кв. 15, пласт 3, гл. 210 см, образец плахи с гвоздем из ЮЗ угла клети, уголь
SPb-1514	870 ± 30	1163–1219 (68,3 %) AD	Бакунина, 2 (2014 г.) раскоп 1, кв. 17, ЮВ угол клети, обр. № 3, гл. 190 см, уголь
SPb-1515	866 ± 25	1172–1217 (68,3 %) AD	Бакунина, 2 (2014 г.) раскоп 1, кв. 15, пласт 3, гл. 200 см, ЮЗ угол клети (каша?), уголь
SPb-1511	866 ± 30	1164–1219 (68,3 %) AD	М. Школьная, 7А (2014 г.), шурф 1, пласт 6, гл. 215–222 см, древесина
SPb-1516	856 ± 25	1175–1221 (68,3 %) AD	Бакунина, 2 (2014 г.), раскоп 1, гл. 175, обр. № 1, у южной стенки клети, уголь
ГИН-15415	730 ± 40	1260 (64,2 %) 1300 AD 1233 (4,1 %) 1239 AD	Наб. М. Горького 24 (2015 г.), шурф 1, я. 1, кв. 2, разбор бровки, уголь
UOC-6370	624 ± 22	1303 (31,9 %) 1324 AD 1354 (18,5 %) 1368 AD 1389 (17,9 %) 1393 AD	Б. Советская, 7, шурф 1 (2017 г.), пласт 11, уголь ели
ГИН-15922	410 ± 50	1436 (53,7 %) 1511 AD 1592 (14,6 %) 1619 AD	Авраамиев монастырь, шурф 1 (2018 г.), южный борт, гл. 220 см (над погр. 1), уголь
UOC-8783	329 ± 22	1506 (16,3 %) 1529 AD 1542 (39,1 %) 1595 AD 1617 (2,9 %) 1635 AD	Авраамиев монастырь, шурф 1 (2018 г.), погр. 1, зуб
UOC-13715	314 ± 35	1515 (54,4 %) 1591 AD 1620 (13,9 %) 1640 AD	Соболева, 16, шурф 1 (2020 г.), пласт 17, береста
SPb-1518	Современный		Бакунина, 2 (2014 г.), шурф 1, пол котлована, гл. 302, 310 см, обр. № 4, уголь
ГИН-16089	« »		Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 61, пласт 7, гл. +70+80 см, забор из досок, древесина
Смядынь			
SPb-1473	1606 ± 55	419–537 (68,3 %) AD	Шурф 1 (2014 г.), гл. 370–400 см, почва
UOC-7994	1243 ± 21	703 (38,1 %) 740 AD 789 (30,2 %) 824 AD	Шурф 6, погребен. почва 2, уголь
SPb-1473A	762 ± 30	1229 (20,3 %) 1245 AD 1256 (48,0 %) 1280 AD	Шурф 1, гл. 370–400 см, древесина

Продолжение табл. 1

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
городище Демидовка и шурфы рядом с ним			
UOC-13717	3216 ± 22	1504 (18,7 %) 1492 BC 1482 (49,6 %) 1450 BC	шурф 5 (2019 г.), серая почва под темным слоем, уголь
ГИН -16100	2380 ± 30	510 (1,9 %) 506 BC 481 (66,4 %) 398 BC	2020 г., кв. 270, пласт 20, гл. 332 см, прослойка углей на материке, обр. № 5, уголь
UOC-15957	2119 ± 29	174 (58,5 %) 96 BC 72 (9,7 %) 57 BC	2020 г., кв. 270, гл. 220 см, уголь вяза
UOC-16871	2099 ± 29	156 (49,3 %) 91 BC 79 (18,9 %) 54 BC	шурф 12-2021, зерна пшеницы, уголь
ГИН-16099	2070 ± 30	148 (6,7 %) 136 BC 112 (57,0 %) 41 BC 9 (4,6 %) 1 BC	2020 г., кв. 270, гл. 305 см, обр. № 3, уголь
UOC-15956	2042 ± 21	53 (33,2 %) 25 BC 20 BC (35,0 %) 8 AD	2020 г., гл. 200–210 см, кв. 270, уголь
UOC-10742	1565 ± 42	435 (21,6 %) 466 AD 473 (29,6 %) 518 AD 529 (17,1 %) 554 AD	раскопки Шмидта 1961 г., кв. 35, пласт 1, постройка, уголь ели
UOC-10741	1554 ± 44	435 (18,7 %) 465 AD 474 (23,5 %) 517 AD 530 (26,1 %) 569 AD	раскопки Шмидта 1961 г., кв. 7, пласт 2, уголь ели
UOC-10743	1554 ± 45	435 (18,7 %) 465 AD 474 (23,5 %) 517 AD 530 (26,1 %) 569 AD	Обугленные зерна проса
UOC-13716	117 ± 25	1693 (10,7 %) 1712 AD 1718 (4,9 %) 1726 AD 1811 (7,3 %) 1824 AD 1831 (37,2 %) 1894 AD 1904 (8,2 %) 1918 AD	шурф 5 (2019 г.), верх темного слоя, уголь
городище Старое Куприно			
UOC-13001	1769 ± 26	244 (14,5 %) 258 AD 281 (53,8 %) 330 AD	шурф 2 (2019 г.), погребен. почва под валом, уголь ясеня
городище Драветчино-1			
ГИН-16033	1620 ± 30	414 (22,9 %) 440 AD 458 (15,3 %) 478 AD 496 (30,1 %) 534 AD	шурф 2 (2019 г.), в толще насыпи вала, гл. 60–70 см
ГИН-16032	1610 ± 30	419 (17,9 %) 440 AD 454 (19,1 %) 478 AD 496 (31,3 %) 534 AD	шурф 2 (2019 г.), в толще насыпи вала, гл. 55–60 см
Вязьма			
UOC-4836	756 ± 45	1228–1283 (68,3 %) AD	Вязьма, Соборный холм (2017 г.), раскоп 3, кв. 9, пласт 15, пожар 5, скорлупа орехов

Продолжение табл. 1

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
UOC-4837	763 ± 45	1228–1280 (68,3 %) AD	Вязьма, Соборный холм (2017 г.), раскоп 4, кв. 5, пласт 18а, скорлупа орехов
UOC-4838	819 ± 45	1180 (6,5 %) 1189 AD 1208 (61,8 %) 1270 AD	Вязьма, Соборный холм (2017 г.), почва под культурным слоем, корень ели
UOC-4276	754 ± 35	1230 (17,6 %) 1245 AD 1256 (50,7 %) 1284 AD	Вязьма, погр. 5 (2017 г.), береста покрышки гроба
UOC-4275	776 ± 35	1229 (28,8 %) 1246 AD 1255 (39,5 %) 1276 AD	Вязьма, раскоп 3 (2017 г.), пожар 5, уголь
UOC-4277	822 ± 35	1213–1267 (68,3 %) AD	Вязьма (2017 г.), раскоп 3, погр. 2, береста
ГИН-15741	745 ± 30	1233 (5,5 %) 1239 AD 1260 (62,7 %) 1288 AD	Вязьма, надгробие погр. 3, обр. 1711, древесина дуба, кольца 172–214
ГИН-15742	915 ± 30	1046 (31,0 %) 1085 AD 1094 (4,8 %) 1103 AD 1123 (32,5 %) 1175 AD	Вязьма, надгробие погр. 3, обр. № 1711, древесина дуба, кольца 73–103
UOC-7058	945 ± 23	1041 (8,4 %) 1051 AD 1079 (25,4 %) 1109 AD 1114 (34,5 %) 1153 AD	Вязьма, надгробие погр. 39, древесина дуба, кольцо 10
UOC-7059	865 ± 25	1172–1217 (68,3 %) AD	Вязьма, надгробие погр. 39, древесина дуба, кольцо 120
устье р. Катынка (стоянка Катынь 23)			
MKL-3629	1690 ± 70	250 (16,9 %) 295 AD 311 (51,4 %) 431 AD	Шурф 1 (2017 г.), погребен. почва, гл. 130–135 см, уголь
MKL-3630	3330 ± 90	1736 (5,5 %) 1716 BC 1693 (62,8 %) 1506 BC	Шурф 1 (2017 г.), погребен. почва, гл. 215 см, уголь
UOC-5857	1697 ± 26	265 (6,5 %) 272 AD 350 (61,8 %) 406 AD	шурф 3 (2017 г.), гл. 187–195 см, подсека; уголь ели
UOC-5858	1878 ± 27	130 (16,2 %) 146 AD 153 (52,1 %) 206 AD	шурф 3 (2017 г.), гл. 200–210 см, подсека; уголь дуба
селище Силуяново-1			
UOC-4839	707 ± 45	1267 (51,6 %) 1305 AD 1365 (16,7 %) 1383 AD	Шурф 13-2 (2017 г.), пласт 3, погребен. почва, подсека; уголь осины
UOC-6370	1041 ± 29	993–1025 (68,3 %) AD	Шурф 13-2 (2017 г.) сев. ст., погребен. почва, подсека; уголь березы
UOC-5366	2472 ± 22	752 (17,2 %) 716 BC 711 (12,9 %) 684 BC 668 (13,6 %) 634 BC 622 (3,2 %) 613 BC 591 (21,4 %) 542BC	Шурф 13-2 (2017 г.), сев. ст., погребен. почва, подсека; уголь липы

Окончание табл. 1

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
Гнёздовский комплекс			
UOC-5860	1554 ± 26	438 (18,4 %) 462 AD 477 (18,4 %) 498 AD 532 (31,5 %) 566 AD	Селище в пойме у Ольшанского городища, шурф 2 (2017 г.), погребен. почва, образцы на СП № 2–6, подсека, уголь ели

Примечания:

Лабораторные индексы образцов: ГИН – Геологический институт РАН, Москва; SPb – Педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; UOC – Университет Оттавы (Канада); MKL – Лаборатория абсолютного датирования (Laboratory of Absolute Dating), Краков (Польша);

Приведение радиоуглеродных дат к календарному возрасту выполнено по программе калибровки OxCal 4.4. (*Bronk Ramsey*, 2009) использовалась калибровочная кривая IntCal 20 (*Reimer, Austin, Bard et al.*, 2020), при одной сигме, а также у четырех образцов (отмечены *) при двух сигмах. Значение календарного возраста приводится в годах: BC – до н. э.; AD – н. э.;

BP – дата от наших дней (лет назад);

** – определение материала – Е.В. Пономаренко

Таблица 2. Радиоуглеродные даты для природных объектов Смоленщины (по материалам работ биологического факультета МГУ)

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 σ (IntCal 20)	Палеоэкологический контекст, материал образца
Болото рядом с д. Акатово			
UOC-15213	1409 ± 43	605–657 (68,3 %) AD	Центр болота, гл. 295–300 см, торф с эоловым песком (перевевание песков в результате пожаров и выпаса); остатки насекомых
UOC-15217	1284 ± 27	676 (29,6 %) 707 AD 727 (38,7 %) 771 AD	Центр болота, гл. 225–230 см, начало кривых Cerealia и *Centaureacyanus* (земледелие); торф
UOC-13721	3431 ± 30	1867 (8,8 %) 1851 BC 1770 (59,5 %) 1687 BC	Окраина болота, гл. 175–180 см, пик *Artemisia* (признак выпаса); сапропель
Аксёнинский мох (Исток Днепра)			
UOC-14969	462 ± 34	1425–1453 (68,3 %) AD	Центр болота, гл.120–125 см; резкий рост антропогенных индикаторов, начало стабильной кривой *Cerealia* (сведение леса, земледелие); торф
UOC-14970	1346 ± 41	648(44,7 %) 685 AD 744 (23,6 %) 772 AD	Центр болота, гл. 217–220 см, начало резкого сокращ. доли широколиствен. деревьев на фоне роста антропоген. индикаторов и *Cerealia* (сведение леса, земледелие); торф
UOC-14971	3632 ± 31	2034–1944 (68,3 %) BC	Центр болота, граница сапропеля и торфа, гл. 324–326 см; возможно, заболачивание началось после череды пожаров (подсека?); торф с углем
Болото рядом с д. Красный Холм, Вязьма			
UOC-15210	203 ± 26	1658 (21,5 %) 1680 AD 1740 (10,1 %) 1753 AD 1763 (36,7 %) 1800 AD	Центр болота, гл. 44–46 см, начало кривой *Cerealia* (земледелие); торф
UOC-15211	1675 ± 26	363–418 (68,3 %) AD	Центр болота, гл. 78–80 см; резкое сокращ. доли широколиственных деревьев и начало роста доли антропогенных индикаторов (сведение леса); торф
UOC-15212	4117 ± 27	2851 (21,7 %) 2810 BC 2747 (9,3 %) 2727 BC 2697 (37,3 %) 2623 BC	Центр болота, основание торфяной залежи, гл. 100–108 см; торф с илом
Болото Радомский Мох (Гусино)			
UOC-13723	2654 ± 27	826–797 (68,3 %) BC	Центр болота, гл. 130–132,5 см, пик пыльцы водных растений (резкое обводнение); торф с песком
UOC-13724	2936 ± 26	1211 (67,1 %) 1110 BC 1063 (1,2 %) 1060 BC	Центр болота, гл. 162,5–165 см, угольная прослойка в торфе (серия пожаров-подсек?); древесный уголь

Окончание табл. 2

Лаб. номер	**^{14}C дата BP**	**Калиброванный возраст 1 σ (IntCal 20)**	**Палеоэкологический контекст, материал образца**
UOC-15216	588 ± 27	1321 (52,7 %) 1358 AD 1390 (15,6 %) 1403 AD	Центр болота, гл. 50–52,5 см, резкая олиготрофизация болота, восстановление леса; торф
Устье р. Катынки, пойма Днепра			
MKL-3628	2890 ± 80	1205 (65,9 %) 980 BC 948 (2,4 %) 938 BC	Бывшая старица, торф, 90–100 см; начало сокращения доли широколиственных деревьев (сведение леса); уголь
UOC ‑ 6364	3639 ± 27	2035–1951 (68,3 %) BC	Бывшая старица, гл. 125–130 см; сапропель
UOC ‑ 6365	3866 ± 28	2452 (14,6 %) 2421 BC 2406 (16,3 %) 2376 BC 2352 (37,4 %) 2290 BC	Бывшая старица, гл. 190–195 см; сапропель
UOC ‑ 6366	4217 ± 32	2893 (28,6 %) 2866 BC 2803 (33,1 %) 2766 BC 2717 (6,6 %) 2706 BC	Бывшая старица, гл. 240–245 см; единичные *Cerealia*; сапропель

Примечания: см. табл. 1

И. В. Шмидт

РОМБОВИДНЫЕ ЗНАКИ ЧЕРНООЗЕРЬЯ II И ПЕГАНА – ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ИНВАРИАНТЫ? ПОПЫТКА ОБОСНОВАНИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИИ СТИЛЯ

Резюме. В исследовании рассмотрена стилистическая общность орнаментальных сюжетов двух кинжалов – из Черноозерья II (Саргатский р-н Омской области; ОМК 9675/702) и погребения Пеган (Макушинский р-н Курганской области; ЧОКМ ОФ-556/1). Пеганский сюжет, основой которого является «цепочка ромбов», представлен инвариантом черноозерского прототипа. Выявленная комплексность аналогии, заключающаяся в знаковом синтаксисе орнаментального текста, форме и морфологии ключевого знака, порядке его графического построения, не может быть случайностью; иллюстрирует близость двух орнаментальных традиций финала палеолита и мезолита, бытовавших на территориях между Средним Прииртышьем и Зауральем. Контакты между указанными регионами теперь находят подтверждение не только в технико-типологических факторах каменных индустрий, но и в стилистике орнаментального оформления костяных изделий. Приведенные аргументы позволяют задуматься над возможностью локализации зоны устойчивого в своем орнаментальном исполнении мотива. Выводы носят предварительный характер. Для уверенных заявлений необходимы дальнейшие исследования (продолжение археологических работ и изучение существующих музейных коллекций) юго-запада сибирского региона.

Ключевые слова: юго-запад Сибири, финал палеолита – ранний мезолит, стоянка Черноозерье II, погребение Пеган, костяной кинжал, орнаментальный сюжет, ромбовидные знаки.

Введение

Принимая орнаментальное оформление древних изделий за аналог текста/информационного сообщения, мы допускаем присущие данному формату особенности бытования: развитие, деформация/модификация, наличие консервативных сюжетов и т. д. (*Эко*, 2016а. С. 217; *Eggert*, 2010; *Палагута*, 2020). Любое сообщество и в любые времена контролирует обозначенную динамику текстовой

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.345-363

реальности, как и знаковый актив, информационно-тематическую актуальность, структуру узоров/сообщений, их внешние и технические параметры; они несут на себе «отпечаток коллективного сознания» (*Эко*, 2016а. С. 88, 92; *Лотман*, 2004. С. 400; 2014. С. 374–375; *Клейн*, 1991. С. 222; 2013. С. 457; *Корнева*, 2017. С. 57). В пределах родственных и контактирующих групп эти тексты могут обнаружить «стилистические точки соприкосновения», инвариантность друг другу в графических аспектах текста: в начертательности простейших элементов, морфологии и синтаксисе знаков, объединенных в сюжет и композицию; в чем-то зрительном, что «…не может лгать», в работе с простейшими иконологемами (*Эко*, 2016а. С. 469–470). Таким образом, если мы хотим отметить «родственность» коллективов, языки которых исчезли, нам необходимо обратиться к анализу простейших, зафиксированных на поверхностях созданных ими предметов «мнемонических цепочек знаков» (*Лотман*, 2014. С. 374), их «правильных последовательностей» (*Топоров*, 1972. С. 79); к чему-то общему в порядке моделирования их графических текстов.

Каждый из отдельно взятых сюжетов палеолита и мезолита может быть назван относительно «простым»: они состоят из «примитивных» по форме знаков, вариации которых в рамках композиции сильно ограничены. Это отличает их от аналогов последующих эпох, рождает впечатление простого синтаксиса и проблему «канонического/ключевого текста». У каждой группы и в любую эпоху таковой быть должен – он определяет специфику и глобальность ее мировоззрения. Подобной значимости тексты не обязательно фиксируются графически, но «отдельные тезисы», безусловно. При рассмотрении их графической близости может обсуждаться вопрос и о потенциальном «родстве» мировоззрений коллективов-авторов.

Источники и цель исследования

Одним из признаков канонического текста является его многознаковость (*Фролов*, 1974. С. 41–46; *Ларичев*, 1984. С. 3–8; *Клейн*, 2013. С. 460; *Эко*, 2016б. С. 35). Данное условие в предлагаемом исследовании соблюдено. Оно посвящено соотнесению монументальных по меркам палеоорнаментологии текстов, выгравированных на поверхностях двух кинжалов – со стоянки финала палеолита Черноозерье II (Саргатский р-н Омской области; ОМК 9675/702) и погребения, вероятно, мезолитического возраста, обнаруженного у д. Пеган (Макушинский р-н Курганской области; ЧОКМ ОФ-556/1). Артефакты территориально близки (рис. 1), но не синхронны друг другу. Качество и объем сохранившихся сюжетов позволяют отметить наличие графических маркеров их «родства». Подтвердим объективность данного впечатления, важного в рамках развивающейся дискуссии о существовании единого культурного пространства в финальном палеолите – мезолите восточнее Урала, на юго-западе Западной Сибири.

Ввиду удовлетворительной опубликованности черноозерского кинжала (*Шмидт*, 2005; 2006; 2017а) и ограниченности объема сообщения, сосредоточим внимание на презентации второго артефакта, обоснуем стилистическую близость его оформления хронологически старшему черноозерскому образцу.

Методические основания исследования

Стилистическая близость двух орнаментальных текстов, разумеется, не может быть принята знаком генетической родственности двух социальных групп. П. М. Кожин указывает на распространенность и консервативность формы морфологически простого знака и, одновременно, динамику его семантического характера (быстро меняется содержательно, при неизменности формы и автохтонности ее генезиса). Это исключает форму знака из рассуждений об общности групп (*Кожин*, 1991. С. 132–133). Американский исследователь Я. Ходдер повторяет эту же мысль, но в отношении структуры орнаментальных сюжетов (*Hodder*, 1991. P. 52). К этим замечаниям, безусловно, необходимо прислушаться. Ни знак, ни морфология/структура записи сами по себе не могут являться аргументами в решении вопроса о родстве групп-авторов. Но, если исследование обращается к анализу *совокупности* параметров актуальных для данных групп узоров, игнорировать преемственность/связь между сопоставляемыми материалами становится сложно (*Newell et al*., 1990; *Кузьмина*, 1983; *Ковтун*, 2005). Что подразумевается под «достаточной» совокупностью? Помимо отмеченных параметров – форма знаков, их синтаксис в композиции – для данного исследования принципиально важны наблюдения за моделированием морфологии знака (порядком его «написания»). К примеру, фигуру ромба можно получить несколькими начертательными способами (как минимум тремя), и именно способ его получения (порядок переплетения линий), а не форма знака (ромб), особенность его соединения с другим знаком могут стать репрезентантом культурной традиции, мигрирующей сквозь века. Осознание важности данного аспекта пришло в ходе экспериментальной реконструкции отдельных орнаментальных сюжетов и трасологических исследований полученных образцов.

Фиксация обозначенных знаковых взаимоотношений и критериев произведена с опорой на метод литерации сем А.-Ж. Греймаса (*Greimas*, 1966).

Важная роль в исследовании отведена качественным снимкам и последующей трассировке отдельных сюжетов орнаментальной записи. Фотофиксация осуществлялась зеркальной фотокамерой Canon EOS 800D (размеры матрицы 22,3 × 14,9 мм, разрешение 24,2 млн пикс.) и макрообъективом Canon EF-S 60mm f/2.8 Macro USM. Обработка снимков проведена с опорой на метод стекинга (в программе Helicon Focus).

Итак, единство трех аргументов: форма знака, его морфология/морфологический генезис, особенности синтаксиса знаков в сюжетах и композиции – приняты базовыми маркерами сравниваемых орнаментальных текстов. Совпадения обозначенного комплекса признаков двух разных текстов станут основанием для «подозрений» наличия некоторой связи между их коллективами-авторами. Выявление характера предполагаемых связей не является задачей данного исследования. Но отметим, учитывая хронологическую дистанцию и территориальную близость двух артефактов, его можно определить культурной преемственностью с той долей условности, с которой мы являемся преемниками текстов о Гильгамеше или Ветхого Завета.

Основная часть

Черноозерский кинжал обнаружен в 1970 г. на стоянке Черноозерье II, материалы которой ныне датируемы переходным периодом от палеолита к мезолиту (Equus ferus: 10526 ± 44 (MAMS-27135) (10659–10288 cal BC); Lepus timidus: 10975 ± 40 (MAMS-41253) (11021–10775 cal BC)). О его находке сообщается в нескольких публикациях, но тонкости контекста обнаружения остаются непонятны (*Генинг, Петрин*, 1985. С. 6). Артефакт интересен своим оформлением, которое обнаруживало параллели в материалах восточных палеолитических памятников (Там же. С. 56–57). Уточнение палеографической специфики композиции случилось позже (*Шмидт*, 2005). Озвучим характерные, необходимые для продолжения рассуждений, детали:

– «жемчужная нить» – орнаментальный мотив, являющийся визуальным маркером

черноозерского материала; результат сверления лунок по руслу пропила;

– три ромбовидные фигуры, компактно включенные в «жемчужную нить» (рис. 2: *А*).

Подробнее остановимся на графических особенностях короткой цепочки ромбов. Редкий сюжет, развитие которого заключается в ритмичном преобразовании прямого пропила[1] в колено зигзага, после чего данный участок дополняется метрически идентичным, инверсивным, плотно прилегающим к колену звеном. Результат – ромбовидные фигуры, включенные в линейный пропил. Если данный синтаксис выразить знаковой/буквенной нотацией, то получим следующее выражение: прямая (П) – колено зигзага (КЗ) + инверсивное колено зигзага (иКЗ) – короткая прямая (КП) – КЗ + иКЗ – КП – КЗ + иКЗ – П. Всю линейную структуру покрывают ритмично расположенные по каналам пропила и прорезям лунки округлой конфигурации, превращая ее в «жемчужную нить» с «ячеистым плетением» в месте расположения ромбов.

Как отмечено выше, – сюжет редкий, внимание в анализе которого разделено между «лунками в пропиле» и «цепочкой ромбов». Первооткрывателей увлекли лунки и зигзагообразные резные линии (на некоторых других предметах), параллели которым были обнаружены в материалах Мальты и родственных ей памятников (*Генинг, Петрин*, 1985. С. 56–58). Если строго анализировать морфологию названных знаков и сюжетов из сравниваемых коллекций, то они, бесспорно, близки, но не идентичны друг другу (*Шмидт*, 2017а; 2017б). О «ромбах» же надолго забыли – три знака в обилии «крестов», «насечек», «зигзагов», яркой «жемчужности» не особо интересны, да и в мальтинской группе памятников аналогов им нет. Их «одиночество»/уникальность длилось до 2019 г., пока не были проведены исследования фрагментов костяных предметов со стоянки Черноозерье II, хранящихся в Омском государственном историко-краеведческом музее. Результатом работ стало открытие композиции на фрагменте изделия ОМК 9675/713 (рис. 2: *Б*) – глубоко прорезанная линия зигзага, одно колено

[1] Если терминологию рассуждений привести в соответствие с реальностью, то вчернноозерском тексте мастер обращался к резьбе, местами углубленной пропилом; в пеганском – к гравировке, едва заметной на поверхности кости.

Рис. 1. Географический контекст расположения обсуждаемых памятников: стоянка Черноозерье II, погребение Пеган (указано положение села-эпонима) и пещеры Шульган-Таш (Каповой)

которого дополнено едва заметным инверсивным звеном. Мастер обратился к уже представленному выше графическому алгоритму, который практиковался при создании композиции кинжала, но в режиме несколько иного синтаксиса знаков (короткая прямая между звеньями предусмотрена не была) (*Шмидт*, 2021). Это небольшое открытие сосредоточило внимание не только на морфологической особенности черноозерских ромбов, но и потребовало заняться поиском им комплексных аналогий, отвечающих единству формы и структуры знака, синтаксису знаков в записи. В условиях слабой изученности среднеиртышского палеолита и мезолита эти попытки равны нулю. Опираясь на тезис о медленной деформации внешних орнаментальных признаков, хронологические ограничители поиска были расширены до эпохи финала камня включительно. Но даже эта «жертва» не дала результатов, материалы юга Западной Сибири и близлежащих регионов интересующих периодов плохо опубликованы. Было решено «пересмотреть» все кинжалы и иные материалы «с ромбами» эпохи камня, обнаруженные в периметре тысячи километров от Черноозерья. Отчаянный поиск привел к положительным результатам, а именно к поддерживающим развитие темы двум артефактам – кинжалу из Айткулово (*Ковалева, Цапко*, 1998; *Толпеко и др*., 2021), в данном сообщении не будем его касаться, и кинжалу из Пегана.

Кинжал из Пегана обнаружен в 1949 г. Б. А. Трубчаниновым, в урочище Притык, недалеко от с. Пеган Лопаткинского района юго-востока Курганской области (рис. 1; 3)[2]. Местные жители обратили внимание автора открытия на полуразрушенное строительными работами вертикальное погребение. При осмотре остатков комплекса «в ногах костяка» Б. А. Трубчаниновым были зафиксированы следующие предметы: каменный шлифованный топор, костяной однолезвийный вкладышевый нож, одна сторона которого орнаментирована

[2] См.: с 2004 г. это д. Пеган Макушинского р-на Курганской области.

Рис. 2. Стоянка Черноозерье II

А – фрагмент черноозерского кинжала (ОМК 9675/702) с ключевым сюжетом орнаментальной записи и его трассировка. Красным обозначены инверсивные элементы (фото: Т. Е. Ростяженко); *Б* – фрагмент ОМК 9675/713: фото орнаментированной части изделия и трассировка записи. Красным обозначен инверсивный элемент (фото: И. В. Шмидт)

серией замкнутых и незамкнутых ромбов; обломок еще одного ножа, украшенный заштрихованными ромбами, соединенными прямыми линиями; костяная иглообразная поделка (*Сальников*, 1952. С. 15). Через несколько лет данному открытию была посвящена отдельная публикация сотрудника Челябинского областного краеведческого музея К. В. Сальникова, где дана следующая презентация интересующего нас артефакта: «Нож кинжалообразный – из кости, рукоятка отломана. Длина 26,5 см, ширина 4 см, толщина 0,7 см. Одна сторона тщательно отшлифована и покрыта геометрическим орнаментом, состоящим из группы ромбов. Линии, образующие стороны ромбов, нанесены в виде цепочек, составленных из мелких ромбовидных звеньев, вырезанных очень тонким острием. Другая сторона ножа, без орнамента, обработана менее тщательно и сохраняет ноздреватость кости…» (Там же. С. 16).

Статья и прилагаемые к ней изображения оставляли двойственное впечатление. Но обнадеживало «обилие» ромбов в оформлении нескольких обнаруженных

**Рис. 3. Кинжал из погребения Пеган (ЧОКМ ОФ-556/1)
(фото: И. В. Шмидт)**

в погребении предметов и, судя по иллюстрации, на интересующем нас кинжале они шли в сопровождении чего-то «жемчужного»[3] (рис. 4: *А*). Реальность оказалась много интереснее.

Однолезвийный вкладышевый кинжал (ЧОКМ ОФ-556/1) на момент проведения исследования (14.05.2019) обладал полнотой формы (повреждение зоны рукоятки сомнительно) и идеальной сохранностью. Заготовка получена из стенки диафиза трубчатой кости крупного животного. На обороте (вентральная сторона) заметен рельеф естественного желоба и остатки губчатой структуры внутренней полости кости. Дорсальная поверхность, светло-бежевая с фарфоровым эффектом (характерным для диафизных частей крупных костей), оформлена сложным узором. В основании изделия и зоне острия на лицевой поверхности фиксируются плотные концентрации дендритов. В 3–4 см от острия наблюдается участок разрушений поверхности корнеходами кустарниковой и древесной растительности.

Форма орудия моделирована последовательностью узнаваемых (по их следам) процедур продольного строгания и скобления: выпрямлена и уплощена вентральная плоскость заготовки, сформирована зона рукояти, заострен конец клинка. Для пазов на противолежащих краях/латералях изделия были подготовлены площадки 3–4 мм шириной, но прорезан лишь один V-образный в сечении канал. Он начинается в 11 мм от острия и завершается за 37 мм до основания изделия (в зоне рукояти). Ранее был заполнен пластинами, в прорези заметны редкие остатки их фрагментов и скрепляющего раствора.

Длина изделия – 264 мм; ширина основания – 29,2 мм; максимальная ширина в медиальной части изделия – 39 мм; толщина: основания – 6,7 мм, в медиальной зоне – 7,3 мм. Длина V-образного паза составляет 216 мм, ширина – 0,8 мм, глубина – 2,2–2,3 мм.

Перед нанесением орнамента лицевая/дорсальная поверхность, по-видимому, была залощена. Орнамент прорезался инструментом с узкой кромкой, очевидно, посаженным в удлиненную рукоять – тонкость узора требовала хорошего обзора орнаментируемого поля и возможности быстро менять наклон резца, в нужных местах контролируя нажим. Возникает ощущение, что мастер держал инструмент в руке подобно тому, как мы сегодня держим ручку для письма. Судя по легкости скольжения и размаху, линии проводились, преимущественно, без сильного нажатия на резец, и в быстрой динамике – часты недоводы линий, ведущие к разомкнутости контуров знаков, пренебрежение необходимыми отрывами, углами поворотов. Перед нами образец «скорописи» (рис. 5: *А*).

Ширина каналов варьируется от 0,1 до 0,5 мм. Глубина визуально не превышает 0,1–0,2 мм, что типично для материалов мезолита и последующих эпох, уделявших внимание оформлению костяных изделий. В отличие от палеолитических они не углублены в поверхность, построены на переплетении «паутинных линий». Возможно, для лучшего их наблюдения и повышения контрастности каналы заполнялись красителем. Зафиксировано несколько участков, сохранивших

[3] Если бы текст был изначально прочтен внимательнее, то ни о каком «жемчуге» грезить бы не пришлось: «Линии, образующие стороны ромбов, нанесены в виде цепочек, составленных из мелких ромбовидных звеньев», но специфика иллюстрации материала «давала надежду» (рис. 4: *А*)

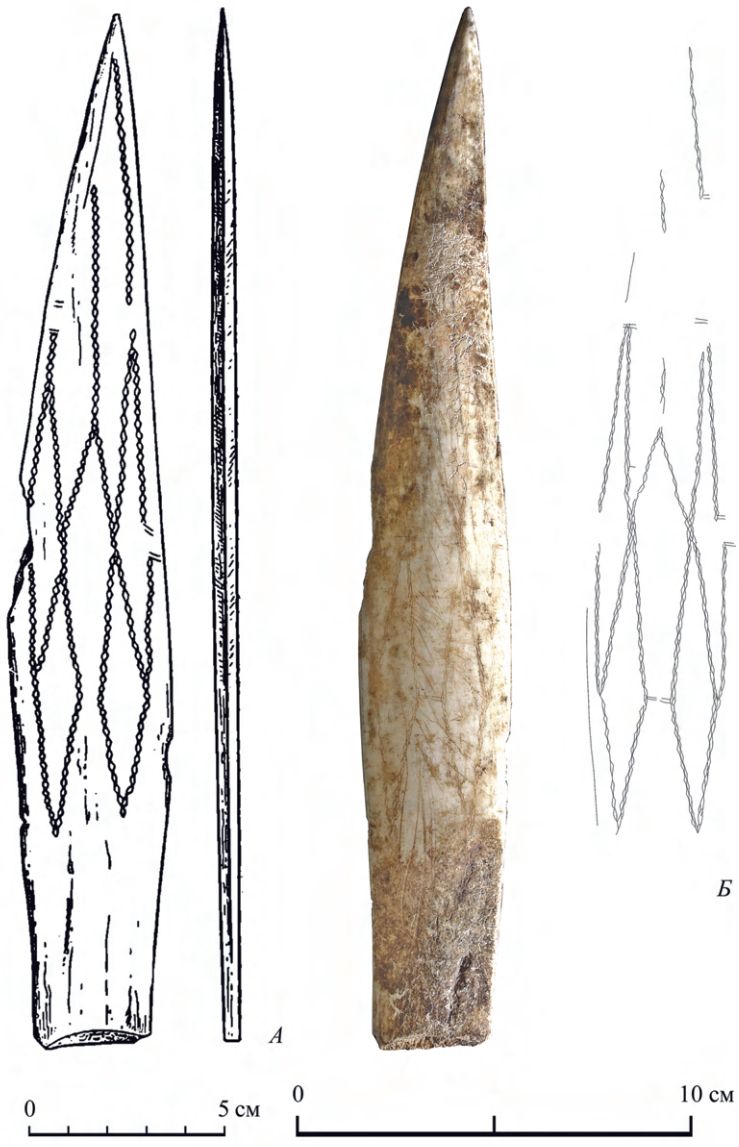


Рис. 4. Кинжал из погребения Пеган (ЧОКМ ОФ-556/1)

А – иллюстрация кинжала в статье К. В. Сальникова (1952. С. 16. Рис. 1); *Б* – фото кинжала и трассировка орнаментальной записи (2019 г., фото: И. В. Шмидт)

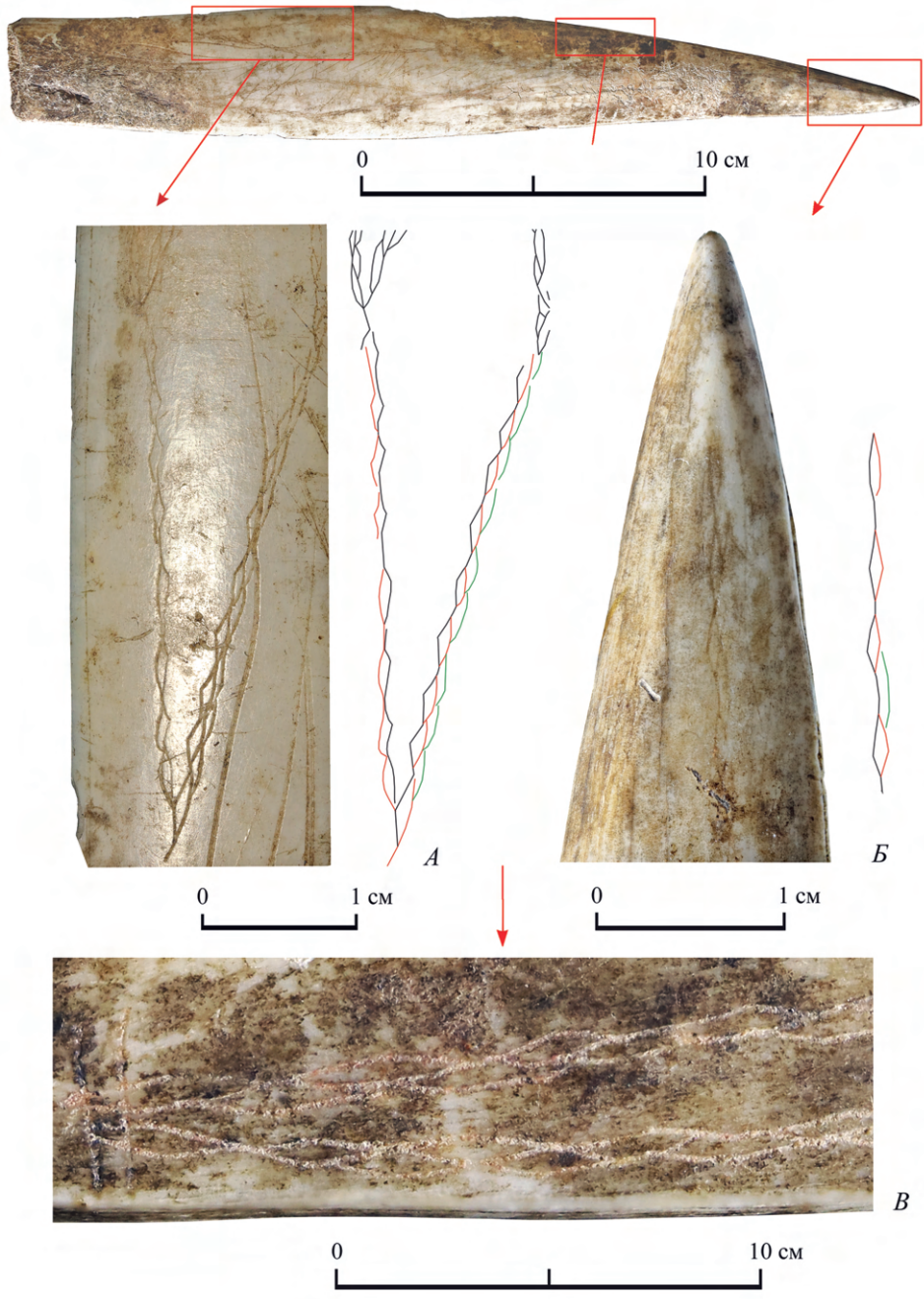


Рис. 5. Кинжал из погребения Пеган (ЧОКМ ОФ-556/1)

А и *Б* – участки, содержащие отчетливые сюжеты «цепочек ромбов» и их трассировка: черным обозначена основная линия, красным – инверсивные элементы, зеленым – комплементарные; *В* – сюжет записи, демонстрирующий заполнение каналов гравировки красителем (фото: И. В. Шмидт)

остатки красноватого пигмента (рис. 5: *В*), но его появление на поверхности до конца не понятно. Подошва/дно резных каналов неровное, мелко-ребристое, что характеризует работу каменного инструмента (возможно и породу камня).

Ключевой формой орнаментальной записи является небольших размеров ромбовидный знак. Его метрические параметры нестабильны, но чаще всего – 4 × 2 мм по внутренним диагоналям. Знак «подлинзовидного» контура, напоминающий ромб, – производный от него. Его морфология передана соединением колена зигзага и дуги. В цепочках присутствуют и линзовидные знаки, образованные соединением дугообразных элементов, что, вне сомнений, является следствием скорописной деформации ромбовидного знака.

Каждый из знаков (будь то ромб, полу-ромб или линза) соединен с другим короткой прямой прорезью (рис. 5: *А, Б*). Если данный синтаксис (см. один из трассированных сюжетов на рис. 5: *Б*) выразить предложенным выше образом, то получим следующую запись (сверху вниз): дуга (Д) + инверсивная дуга (иД) – КП – КЗ + иКЗ – КП – КЗ + иКЗ – КП – комплементарная дуга (КД) – КЗ + иКЗ – КП.

Представленный сюжет чрезвычайно близок в морфологическом, синтаксическом, графическом отношениях черноозерскому (что отмечено в результатах литерации, фиксируется визуально). Особенностью являются его продолжительность и активность неизвестных черноозерской практике дугообразных элементов, природа которых, впрочем, уже объяснена – они результат «небрежного» выполнения КЗ в условиях быстрого темпа нанесения записи. Элемент, обозначенный как «комплементарная дуга», порой это «комплементарное звено зигзага», размещен в зоне КП или на стыке двух знаков (в редких случаях КП отсутствует). Его расположение производит эффект удвоения цепи или сращения двух цепочек. Он важен для понимания генезиса и организации основного сюжета – в Пегане им является «КП – КЗ + иКЗ – КП»; КД инвертирована позже, в уже существующую запись. Другие варианты невозможны.

Таким образом, основой/доминантой записи на кинжале из Пегана необходимо признать цепочку ромбовидных знаков (рис. 4: *Б*), аналогичную черноозерскому сюжету. Ее построение ведется с подключением комплементарного звена зигзага или его «синонима-деградата» (КД) к КЗ.

Характеристика структуры всей орнаментальной композиции была дана К. В. Сальниковым: «группы ромбов», «…ромбы имеют в двух местах разрывы, ограниченные в обоих случаях парами черточек, поставленных перпендикулярно к сторонам ромбов» (*Сальников*, 1952. С. 16–17). Действительно, соединенные между собой ромбы, «оплетающие» лицевую сторону изделия, похожи на крупноячеистую сеть, накинутую поверх предмета. С учетом потерь можно предположить их изначальное количество – семь крупных ромбов. Их параметры варьируются, но в целом близки друг другу (78 × 36 мм – диагонали одного из них). Местами заметны размыкающие элементы – пары коротких прямых нарезок, симметрично расположенных друг против друга; на момент исследования зафиксированы в четырех зонах композиции[4]. Они не всегда «размыкают»

[4] Обилие различного формата коротких насечек и нарезок, часто бессистемно рассредоточенных по полю композиции, оставляет вопрос о принципах их регистрации в качестве ее элементов открытым.

фигуры. В медиальной зоне нижних ромбов чувствуется их соединительный характер, хотя эффект соединения знаков в композиции чаще всего реализован через переплетения цепочек-граней фигур в местах их соприкосновения (рис. 4: *Б*).

«Оплетающе-заполняющая» композиция по левой грани лицевой стороны изделия ограничена тонкой, оконтуривающей край, резной линией (рис. 4: *Б*; 5: *А*); с правой следов контура не заметно.

Интересна хронологическая атрибуция пеганского узора. Нивелировка глубины каналов (в сравнении с палеолитическими образцами), позволившая легкость «плетения» узора на поверхности кости, указывает на относительно молодой возраст текста[5]. На момент первой публикации погребальный комплекс у с. Пеган и предметы, связанные с ним, были датированы эпохой неолита (*Сальников*, 1952. С. 18, 23). Несколько позже предполагался их позднемезолитический и мезолитический возраст (*Косарев*, 2000. С. 44; *Ковалева, Цапко*, 1998. С. 16), что снимает остроту хронологической диахронии между пеганским и черноозерским образцами. В сообщении приведены аргументы о хронологическом старшинстве черноозерской записи, но не стоит спешить объявлять ее исключительным источником сюжета для пеганского материала. Ромбовидный знак в качестве графического архетипа известен на Урале со времен палеолита (*Житенев*, 2014; 2016; *Шмидт*, 2021). Таким образом, сюжет, к которому обратился мастер, оформивший пеганский кинжал, в отдельных своих акцентах на Урале известен давно. Очевидно, мотив, лежащий в его основе, был понятен и приемлем восточнее Урала, что привело к адаптации его графического выражения.

Обсуждение результатов

В морфологии орнаментальной композиции пеганского кинжала отчетливо выделена черноозерская протооснова, сюжет/реликт – цепочка ромбовидных знаков. Для мастера из Пегана она является базовым конструктом текста. В орнаментальных практиках обоих коллективов наблюдаемый графический регламент изложения мысли, очевидно, был устойчив, что подтверждается наличием дополнительных материалов (рис. 2: *Б*; *Сальников*, 1952. С. 15–16. Рис. 1).

Сюжет, по-видимому, берет начала своего формирования в палеолите уральского региона (территории западнее уральского хребта не рассматриваются ввиду удаленности; в других направлениях он пока не встречается). Несколько позже, в финале палеолита его инвариант обозначил свое присутствие тысячу километров восточнее, в Черноозерье[6]. В дальнейшем сюжет в единстве трех факторов/

[5] Чем древнее орнамент, тем глубже он прорезан – это наблюдение можно подкрепить почти аналогичным высказыванием Н. Б. Ахметгалеевой (см.: *Ахметгалеева, Дудин*, 2017. С. 31).

[6] Как это стало возможным, догадаться несложно, сложнее подтвердить догадку. Всем известны проблемы археологии рассматриваемых регионов. Главная из них – ее мало. Огромные территории требуют интенсивных полевых исследований. Погребение Пеган – случайная находка. Кинжал из Айткулово – случайная находка. Поэтому

признаков становится алгоритмом записи, размещенной на поверхности пеганского кинжала, свидетельствуя интенсивность развития иллюстрируемой им традиции в пространстве между двумя палеолитическими памятниками уже в мезолитические времена (рис. 1). Таким образом, на территориях восточнее южной оконечности Урала в финале палеолита и мезолите бытует некая тема, обладающая устойчивостью графического выражения, – от формы знака, порядка его построения до морфологических особенностей сюжета.

Подобная консервативность в передаче определенной идеи на протяжении нескольких тысячелетий, в пределах локальной территории как минимум настораживает. Только «канонический текст»/канонический мотив может оказаться в центре столь пристального внимания меняющихся с течением тысячелетий групп. Они продолжают его транслировать на «языке предков», возможно, уже не понимая содержания, но с опорой на графические принципы и, не исключено, с привязкой к типам предметов (в обоих случаях речь идет о «кинжалах»). Его прячут в основу записи либо могут сделать основным сюжетом (об этом мог поведать второй, затерявшийся фрагмент кинжала из Пегана). С точки зрения теории культуры и палеолингвистики, это приемлемое развитие событий, что позволяет поставить вопрос о наличии, в пределах рассматриваемой территории, некоего культурного пространства, в котором регламентированы не только смыслы текстов (*Марр*, 1936. С. 69–70; *Иванов*, 1963. С. 23, 42; *Chomsky*, 1965. P. 220–235; *Напольских*, 2002. С. 197–198; *Bybee*, 2002; *Posner*, 1991. S. 46; *Лотман*, 2004. С. 426; *Леви-Стросс*, 2008. С. 270; *Barnard*, 2008; *Eggert*, 2010), но и графика их выражения (*Иванов*, 1963. С. 27; *Калинина*, 2009. С. 95; *Корнева*, 2017. С. 57).

Заключение

Дискуссии о «культурных пространствах» типичны и продолжительны в палеолитоведении. Полученные результаты будут актуальны для развития заявленной (в 1980-х гг. прошлого века) проблемы территориального выделения верхнепалеолитической уральской культуры. Ее рассмотрение основывается на анализе технико-типологических факторов индустрий конкретных памятников (*Павлов*, 2007; 2008; 2012), вопросы к которым (и памятникам, и факторам) тоже озвучены (*Мельничук*, 2009; *Котов*, 2014). В одном из последних сообщений П. Ю. Павлов обращает внимание на возможность рассмотрения стоянки Черноозерье II в качестве юго-восточного участника данного пространства (*Павлов*, 2019). Зная о состоянии коллекций комплекса, сомневаюсь, что тщательные исследования по данному вопросу проведены, но «орнаментальные соприкосновения» между материалами финального палеолита-мезолита Урала и Среднего Прииртышья, безусловно, есть, и они не единичны. Разрозненные артефакты – на данный момент это материалы Черноозерья II и хронологически последующие из Пегана – обнаруживают потенциальную возможность локализации

заключения о «господстве» сюжета на определенной территории принципиально предварительны, но его известность отрицать сложно.

пространства с единой/близкой графической и стилистической практикой. Это может стать первым иконографическим аргументом в технико-типологических дискуссиях о путях культурного освоения юго-запада Западной Сибири и развитии контактных зон в пределах данной территории.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметгалеева Н. Б., Дудин А. Е., 2017. Новые произведения искусства с верхнепалеолитической стоянки Костенки 11, 1а культурный слой: технологический анализ и предварительные трасологические наблюдения // Археология евразийских степей. Каменный век и начало эпохи раннего металла. Технология изготовления и функции костяных изделий в древних культурах Евразии. № 2. С. 31–42.

Генинг В. Ф., Петрин В. Т., 1985. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука. 88 с.

Житенев В. С., 2014. Первая находка фрагментов орнаментированных костей верхнепалеолитического возраста из Каповой пещеры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 7: Археология и этнография. С. 45–51.

Житенев В. С., 2016. Костяная индустрия Каповой пещеры и пещерных памятников верхнего палеолита с настенными изображениями Франко-Кантабрии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. № 2 (33). С. 5–15.

Иванов С. В., 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX века). М.; Л.: Изд-во АН СССР. 500 с.

Калинина И. В., 2009. Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во СПбГУ. 272 с.

Клейн Л. С., 1991. Археологическая типология. Л.: Изд-во АН СССР. 448 с.

Клейн Л. С., 2013. Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 2. Донецк: Донецкий нац. ун-т. 599 с.

Ковалева В. Л., Цапко Ю. Г., 1998. Проблема эволюции художественного стиля и культуры населения лесной зоны Урала в каменном веке // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург. С. 4–28.

Ковтун И. В., 2005. Инвариантный анализ изобразительных стилей // АЭАЕ. № 1 (21). С. 40–49.

Кожин П. М., 1991. О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука. С. 129–151.

Корнева Т. К., 2017. Знаковые изображения на гальках и каменных плитках в палеолите Северной Евразии // АВ. Вып. 23. СПб. С. 56–66.

Косарев М. Ф., 2000. Приобщение к внеземным сферам в сибирском язычестве (по жертвенным ритуалам и погребальным обрядам) // Жертвоприношение: ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / Отв. ред. Л. И. Акимова. М.: Языки русской культуры. С. 42–57.

Котов В. Г., 2014. Проблемы верхнего палеолита Урала и концепция Г. П. Григорьева // Каменный век от Атлантики до Пацифики / Отв. ред.: Г. А. Хлопачев, С. А. Васильев. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН: ИИМК РАН. С. 366–385. (Замятнинский сборник; вып. 3.)

Кузьмина Е. Е., 1983. О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени // ВДИ. № 1 (163). С. 95–97.

Ларичев В. Е., 1984. Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры. Постановка проблемы. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии. 60 с. (Препринт.)

Леви-Строс К., 2008. Структурная антропология. М.: Академический Проект. 555 с.

Лотман Ю. М., 2004. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб. 704 с.

Лотман Ю. М., 2014. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука. 416 с.

Марр Н. Я., 1936. Общий курс учения об языке // *Марр Н. Я.* Избранные работы. Т. 2. Основные вопросы языкознания. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. С. 23–126.

Мельничук А. Ф., 2009. Проблема взаимодействия древних общин Среднего Приуралья с населением центральной части Восточной Европы на грани позднего плейстоцена – раннего

голоцена // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Н. Н. Гуриной. СПб.: ИИМК РАН: Кунсткамера. С. 39–41.

Напольских В. В., 2002. Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / Ред. С. Г. Кляшторный. Казань: Рухият. С. 195–203.

Павлов П. Ю., 2007. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене / Отв. ред. М. Г. Жилин. М.: ИА РАН. С. 73–85.

Павлов П. Ю., 2008. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // АЭАЕ. № 1 (33). С. 33–45.

Павлов П. Ю., 2012. Культурные связи населения уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. Серия: История. № 1 (18). С. 6–23.

Павлов П. Ю., 2019. Уральская позднепалеолитическая культура: хронология, культурные особенности, происхождение // V Северный археологический конгресс: тез. докл. / Ред. Н. М. Чаиркина и др. Екатеринбург: Альфа-Принт. С. 31–33.

Палагута И. В., 2020. Орнамент как особый вид искусства // Художественная культура. № 1. С. 45–64.

Сальников К. В., 1952. К вопросу о неолите степного Зауралья // КСИИМК. Вып. XLVII. С. 15–22.

Толпеко И. В., Шмидт И. В., Кирюшин К. Ю., Кунгуров А. Л., 2021. Кинжал из Айткулово в контексте проблем и исследований // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». Т. 8. № 2 (30). С. 130–138.

Топоров В. Н., 1972. К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства / Сост. С. Ю. Неклюдов; отв. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Искусство. С. 77–98.

Фролов Б. А., 1974. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука. 240 с.

Шмидт И. В., 2005. Об информационном характере Черноозерского орнамента (на примере анализа записей кинжала) // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. Вып. 11. С. 98–105.

Шмидт И. В., 2006. Особенности орнамента – свидетельство взаимоотношения культур (по материалам палеолитических стоянок Мальта и Черноозерье II) // Труды по археологии и этнографии Омского гос. историко-краеведческого музея. Омск. С. 45–49.

Шмидт И. В., 2017а. Орнаменты палеолита Северной Азии: исследование иконографии // Universum Humanitarium. № 2 (5). С. 48–67.

Шмидт И. В., 2017б. Черноозерский орнаментальный мотив: реконструкция эволюции // Программа международной научно-практической конференции «Большой шигирский идол в контексте искусства каменного века Северной Евразии» (Екатеринбург, 12–16 июня 2017 г.). Екатеринбург: Свердловский обл. краевед. музей. С. 12–13.

Шмидт И. В., 2021. Информационный потенциал орнаментированных фрагментов костяных изделий из черноозерской коллекции // Уральский исторический вестник. № 1 (70). С. 11–20.

Эко У., 2016а. От древа к лабиринту: исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический Проект. 559 с.

Эко У., 2016б. Роль читателя: исследования по семиотике текста. М.: АСТ: Corpus. 640 с.

Barnard A., 2008. The Co-Evolution of Language and Kinship // Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction. Malden, MA: Blackwell Publishing. P. 232–243.

Bybee J., 2002. Sequentiality as the Basis of Constituent Structure // The Evolution of Language out of Pre-Language. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 109–134.

Chomsky N. A., 1965. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, MA: MIT Press. 261 p.

Eggert M. K. H., 2010. Hermeneutik, Semiotik und Kommunikationstheorie in der Prähistorischen Archäologie: Quellenkritische Erwägungen // Bilder in der Archäologie – eine Archäologie oder Bilder? / Hrsg.: C. Juwig, C. Kost. Münster: Waxmann. S. 49–74. (Tübinger Archäologischer Taschenbücher; № 8.)

Greimas A.-J., 1966. Sémantique structurale: recherche de méthode. Paris: Larousse. 262 p.

Hodder J., 1991. Reading the Past. Current approaches interpretation in Archaeology. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 235 p.

Newell R. R., Kielman D., Constandse-Westermann T. S., van der Sanden W. A. B., van Gijn A., 1990. An Inquiry into the Ethnic Resolution of Mesolithic Regional Groups. The Study of Their Decorative Ornaments in Time and Space. Leiden: Brill. 499 p.

Posner R., 1991. Kultur als Zeichensystem: zur semiotischen Explikation kulturwissenschaftlicher Grundbegriffe // Kultur als Lebenswelt und Monument. Frankfurt am Main: Fischer. S. 37–74.

Сведения об авторе

Шмидт Ирина Викторовна, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, пр. Мира 55а, Омск, 644077; Россия; e-mail: rebew@rambler.ru

I. V. Shmidt

RHOMBIC SIGNS FROM CHERNOOZERYE II AND PEGAN: ORNAMENTAL INVARIANTS? ATTEMPT TO JUSTIFY AND LOCALIZE THE STYLE

Abstract. The study explores stylistical similarity of decorative patterns on two daggers, one from Chernoozerye II (Sargatsky district, Omsk region) and the Pegan grave (Makushinsky district, Kurgan region). The Pegan decorative pattern based on a ‘chain of rhombs’ is represented by an invariant of the Chernoozerye type. The identified complexity of the analogy which manifests itself in sign syntax of the decorative text, the form and morphology of the key sign, the pattern of its graphical layout cannot be incidental as this complexity illustrates similarity of two decorative traditions that existed in the final stage of the Paleolithic and the Mesolithic and were common in the areas between the Middle Irtysh region and the Trans-Urals. The contacts between these regions are now confirmed not only by technical and typological factors of lithic industries but also by stylistics of decorative patterns on bone items. These reasons allow us to attempt to localize the area where the ornamental representation of the motif is constant. The conclusions provided are preliminary. For these statements to be more valid, it is necessary to have follow-up studies (continue archaeological research and study available museum collections) in the southwestern part of the Siberian region.

Keywords: southwestern part of Siberia, final stage of the Paleolithic – early Mesolithic, Chernoozerye II site, Pegan grave, bone dagger, decorative pattern, rhomboid signs.

REFERENCES

Akhmetgaleeva N. B., Dudin A. E., 2017. Novye proizvedeniya iskusstva s verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Kostenki 11, 1a kulturnyy sloy: tekhnologicheskiy analiz i predvaritelnye trasologicheskie nablyudeniya [New works of art from the Upper Paleolithic site Kostenki 11, 1a cultural layer: technological analysis and preliminary tracewear observations]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey. Kamennyy vek i nachalo epokhi rannego metalla. Tekhnologiya izgotovleniya i funktsii kostyanykh izdeliy v drevnikh kulturakh Evrazii [Archaeology of the Eurasian steppes. Stone Age and the beginning of the Early Metal period. Manufacturing technology and functions of bone items in ancient cultures of Eurasia]*, 2, pp. 31–42.

Eco U., 2016a. Ot dreva k labirintu: istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii [From the tree to the labyrinth: historical studies of sign and interpretation]. Moscow: Akademicheskiy Proekt. 559 p.

Eco U., 2016b. Rol chitatelya: issledovaniya po semiotike teksta [The role of reader: research on the semiotics of text]. Moscow: AST: Corpus. 640 p.

Frolov B. A., 1974. Chisla v grafike paleolita [Numbers in the Paleolithic graphics]. Novosibirsk: Nauka. 240 p.

Gening V. F., Petrin V. T., 1985. Pozdnepaleoliticheskaya epokha na yuge Zapadnoy Sibiri [Late Paleolithic era in the South of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. 88 p.

Ivanov S. V., 1963. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (po materialam XIX – nachala XX veka) [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials of XIX – early XX century)]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 500 p.

Kalinina I. V., 2009. Ocherki po istoricheskoy semantike [Essays on historical semantics]. St. Petersburg: SPbGU. 272 p.

Klein L. S., 1991. Arkheologicheskaya tipologiya [Archaeological typology]. Leningrad: AN SSSR. 448 p.

Klein L. S., 2013. Arkheologicheskoe issledovanie: Metodika kabinetnoy raboty arkheologa [Archaeological research: Methodology of the archaeologist's desk work], 2. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet. 599 p.

Korneva T. K., 2017. Znakovye izobrazheniya na gal'kakh i kamennykh plitkakh v paleolite Severnoy Evrazii [Iconic images on pebbles and stone plates in the Paleolithic of Northern Eurasia]. *AV*, 23. St. Petersburg, pp. 56–66.

Kosarev M. F., 2000. Priobshchenie k vnezemnym sferam v sibirskom yazychestve (po zhertvennym ritualam i pogrebal'nym obryadam) [Contact with extraterrestrial spheres in Siberian paganism (according to sacrificial rituals and funeral rites)]. *Zhertvoprinoshenie: ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dney [Sacrifice: ritual in culture and art from antiquity to the present day]*. L. I. Akimova, ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, pp. 42–57.

Kotov V. G., 2014. Problemy verkhnego paleolita Urala i kontseptsiya G.P. Grigor'eva [Issues of the Urals Upper Paleolithic and the concept of G.P. Grigor'ev]. *Kamennyy vek ot Atlantiki do Patsifiki [Stone Age from the Atlantic to Pacifica]*. G. A. Khlopachev, S. A. Vasil'ev, eds. St.Petersburg: Muzey antropologii i etnografii RAN: IIMK RAN, pp. 366–385. (Zamyatninskiy sbornik, 3.)

Kovaleva V. L., Tsapko Yu. G., 1998. Problema evolyutsii khudozhestvennogo stilya i kul'tury naseleniya lesnoy zony Urala v kamennom veke [The problem of evolution of artistic style and culture of population of the Ural forest zone in Stone Age]. Voprosy arkheologii Urala [Problems of Ural archaeology], 23. Ekaterinburg, pp. 4–28.

Kovtun I. V., 2005. Invariantnyy analiz izobrazitel'nykh stiley [Invariant analysis of pictorial styles]. *AEAE*, 1 (21), pp. 40–49.bolic

Kozhin P. M., 1991. O drevnikh ornamental'nykh sistemakh Evrazii [On Eurasia ancient ornamental systems]. *Etnoznakovye funktsii kul'tury [Ethnosymbolic functions of culture]*. Yu. V. Bromley, ed. Moscow: Nauka, pp. 129–151.

Kuz'mina E. E., 1983. O «prochtenii teksta» izobrazitel'nykh pamyatnikov iskusstva evraziyskikh stepey skifskogo vremeni [On «reading the text» of pictorial monuments of art of the Eurasian steppes of the Scythian time]. *VDI*, 1 (163), pp. 95–97.

Larichev V. E., 1984. Lunno-solnechnaya kalendarnaya sistema mal'tinskoy kul'tury. Postanovka problemy [Lunar-solar calendar system of Malta culture. Raising the problem]. Novosibirsk: Institut istorii, filologii i filosofii. 60 p. (Preprint.)

Lévi-Strauss K., 2008. Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. Moscow: Akademicheskiy Proekt. 555 p.

Lotman Yu. M., 2004. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. 704 p.

Lotman Yu. M., 2014. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside the thinking worlds]. St. Petersburg: Azbuka. 416 p.

Marr N. Ya., 1936. Obshchiy kurs ucheniya ob yazyke [General course of language teaching]. Marr N. Ya. *Izbrannye raboty [Selected works], 2. Osnovnye voprosy yazykoznaniya [Basic issues of linguistics]*. Leningrad: Gos. sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, pp. 23–126.

Mel'nichuk A. F., 2009. Problema vzaimodeystviya drevnikh obshchin Srednego Priural'ya s naseleniem tsentral'noy chasti Vostochnoy Evropy na grani pozdnego pleystotsena – rannego golotsena [The problem of interaction of ancient communities of Middle Urals with the population of Central part of Eastern Europe on the verge of Late Pleistocene – Early Holocene]. *Vzaimodeystvie i khronologiya kul'tur mezolita i neolita Vostochnoy Evropy [Interaction and chronology of Mesolithic and Neolithic cultures of Eastern Europe]*. St. Petersburg: IIMK RAN: Kunstkamera, pp. 39–41.

Napolskikh V. V., 2002. Predystoriya narodov ural'skoy yazykovoy sem'i [Prehistory of the peoples of Uralic language family]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen [History of the Tatars since ancient times], 1. Narody stepnoy Evrazii v drevnosti [Peoples of steppe Eurasia in antiquity]*. S. G. Klyashtornyy, ed. Kazan: Rukhiyat, pp. 195–203.

Palaguta I. V., 2020. Ornament kak osobyy vid iskusstva [Ornament as a special kind of art]. *Khudozhestvennaya kul'tura [Artistic culture]*, 1, pp. 45–64.

Pavlov P. Yu., 2007. Pozdniy i final'nyy paleolit severo-vostoka Evropy [Late and Final Paleolithic of Northeastern Europe]. *Svoeobrazie i osobennosti adaptatsii kul'tur lesnoy zony Severnoy Evrazii v final'nom pleystotsene – rannem golotsene [Originality and features of adaptation of forest zone cultures of Northern Eurasia in Final Pleistocene – Early Holocene]*. M. G. Zhilin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 73–85.

Pavlov P. Yu., 2008. Paleolit severo-vostoka Evropy: novye dannye [Paleolithic of Northeastern Europe: new data]. *AEAE*, 1 (33), pp. 33–45.

Pavlov P. Yu., 2012. Kul'turnye svyazi naseleniya ural'skogo regiona v epokhu paleolita [Cultural relations of population of the Ural region in the Paleolithic epoch]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of Perm university. Series: History]*, 1 (18), pp. 6–23.

Pavlov P. Yu., 2019. Ural'skaya pozdnepaleoliticheskaya kul'tura: khronologiya, kul'turnye osobennosti, proiskhozhdenie [Ural Late Paleolithic culture: chronology, cultural features, origin]. *V Severnyy arkheologicheskiy kongress [V Northern archaeological congress]*. N. M. Chairkina, ed. Ekaterinburg: Alfa-Print, pp. 31–33.

Salnikov K. V., 1952. K voprosu o neolite stepnogo Zaural'ya [On the Neolithic of the steppe Transurals]. *KSIIMK*, XLVII, pp. 15–22.

Shmidt I. V., 2005. Ob informatsionnom kharaktere Chernoozerskogo ornamenta (na primere analiza zapisey kinzhala) [On informational nature of the Chernoozer'e ornament (by the example of analysis of the dagger records)]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [News of Omsk State museum of history and local lore]*, 11, pp. 98–105.

Shmidt I. V., 2006. Osobennosti ornamenta – svidetel'stvo vzaimootnosheniya kul'tur (po materialam paleoliticheskikh stoyanok Malta i Chernoozer'e II) [Features of ornament as evidence of relationship of cultures (based on materials from the Paleolithic sites of Malta and Chernoozer'e II*)]. Trudy po arkheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Works on archaeology and ethnography of Omsk State museum of history and local lore]*. Omsk, pp. 45–49.

Shmidt I. V., 2017. Ornamenty paleolita Severnoy Azii: issledovanie ikonografii [Ornaments of the Paleolithic of Northern Asia: a study of iconography]. *Universum Humanitarium*, 2 (5), pp. 48–67.

Shmidt I. V., 2017a. Chernoozerskiy ornamental'nyy motiv: rekonstruktsiya evolyutsii [Chernoozer'e ornamental motif: reconstruction of evolution]. *Programma mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Bol'shoy shigirskiy idol v kontekste iskusstva kamennogo veka Severnoy Evrazii» [Program of international scientific and practical conference «Big Shigir idol in context of Stone Age art of Northern Eurasia»]*. Ekaterinburg: Sverdlovskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey, pp. 12–13.

Shmidt I. V., 2021. Informatsionnyy potentsial ornamentirovannykh fragmentov kostyanykh izdeliy iz chernoozerskoy kollektsii [Informational potential of ornamented fragments of bone items from the Chernoozer'e collection]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Uralian historical bulletin]*, 1 (70), pp. 11–20.

Tolpeko I. V., Shmidt I. V., Kiryushin K. Yu., Kungurov A. L., 2021. Kinzhal iz Aytkulovo v kontekste problem i issledovaniy [The dagger from Aytkulovo in context of problems and research]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» [Bulletin of Omsk university. Series «Historical sciences»]*, vol. 8, no. 2 (30), pp. 130–138.

Toporov V. N., 1972. K proiskhozhdeniyu nekotorykh poeticheskikh simvolov. Paleoliticheskaya epokha [To the origin of some poetic symbols. Paleolithic epoch]. *Rannie formy iskusstva [Early forms of art]*. S. Yu. Neklyudov, comp., E. M. Meletinskiy, ed. Moscow: Iskusstvo, pp. 77–98.

Zhitenev V. S., 2014. Pervaya nakhodka fragmentov ornamentirovannykh kostey verkhnepaleoliticheskogo vozrasta iz Kapovoy peshchery [The first discovery of fragments of ornamented bones of Upper Paleolithic age from Kapova cave]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:*

Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State university. Series: History, Philology], vol. 13, iss. 7. Arkheologiya i etnografiya, pp. 45–51.

Zhitenev V. S., 2016. Kostyanaya industriya Kapovoy peshchery i peshchernykh pamyatnikov verkhnego paleolita s nastennymi izobrazheniyami Franko-Kantabrii [Bone industry of Kapova cave and Upper Paleolithic cave sites with wall images in Franco-Cantabria]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. Tyumen', 2 (33), pp. 5–15.

About the author

Shmidt Irina V., Dostoevsky Omsk State University, pr. Mira, 55a, Omsk, 644077, Russian Federation; e-mail: rebew@rambler.ru

Т. Х. Йонукс

АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРЫ КАМЕННОГО ВЕКА ИЗ КОСТИ И РОГА С ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНИИ – РАЗНЫЕ СТИЛИ, РАЗНЫЕ ТОЛКОВАНИЯ?

Резюме. В статье дается обзор антропоморфных фигурок, найденных на территории Эстонии. Фигурки можно разделить на две категории: единичная антропоморфная скульптура, найденная в реке Пярну, и 11 небольших подвесок из роговых пластинок, обнаруженных на могильнике-поселении Тамула I. Помимо морфологических и хронологических различий, очевидно, существуют также различия семантического характера. В заключении говорится о том, что фигуркам охотников-собирателей эпохи каменного века не стоило бы приписывать одно-единственное исчерпывающее значение. Скорее, искусство эпохи каменного века отображает ряд различных значений даже в пределах одной и той же хозяйственной системы.

Ключевые слова: антропоморфные фигурки, Эстония, мезолит, шаманизм, искусство.

Антропоморфные фигуры в окрестностях Балтийского моря

В искусстве каменного века антропоморфные фигуры являются основными заслуживающими внимания. Частично это связано с обширным использованием изображений человеческих фигур на протяжении каменного века (*Iršenas*, 2000. Diagr. 1), а с другой стороны, нам очень интересно изучить, как люди в каменном веке представляли себе самих себя или других атропоморфных существ. Подобные анализы завершаются обширными обобщениями, в которых присутствуют попытки найти одно универсальное толкование для антропоморфных фигур, объясняющее их создание и значение на протяжении различных периодов и в разных регионах (*Gimbutas*, 1992). Большинство анализов основывается на материале конкретных регионов, результаты которых распространяют и на другие территории (*Lesure*, 2011). В то же время человеческим фигурам лесной зоны Восточной

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.364-380

Рис. 1. Места находок роговых и костяных антропоморфных фигурок каменного века на территории Эстонии

1 – местонахождение на реке Пярну; *2* – поселение-могильник Тамула I

Европы было уделено меньше внимания (*Butrimas*, 2000; *Кашина*, 2009). Большая часть материала лесной зоны Евразии не была включена в недавно изданный объемный справочник «Oxford Handbook of Prehistoric Figurines» (*Insoll*, 2017).

В статье я рассмотрю костяные и роговые антропоморфные фигурки эпохи каменного века, найденные на территории современной Эстонии. В более широком контексте я рассмотрю их диахронически, уделяя внимание различным вариантам толкования фигур. Все примеры взяты из каменного века, который характеризовался промысловым хозяйством, а также, возможно, схожим общественным устройством и картиной мира. Переход общества с промысловым

хозяйством к производящему хозяйству по большей части не являлся процессом, имеющим четкие границы. Особенно в обществах, проживающих в лесной зоне Севера Евразии, где климат не способствовал такому быстрому и эффективному переходу, оба способа ведения хозяйства существовали параллельно долгое время. Большинство рассматриваемых фигурок были найдены в Южной Эстонии, в могильнике возле поселения Тамула I (рис. 1: *2*). Изотопные исследования скелетов позволили предположить, что основной пищей людей являлась пресноводная рыба, что указывает на промысловое хозяйство (*Tõrv*, 2018. P. 127).

Начало искусства в Прибалтике зависит от того, что считать искусством. Старейшие примеры орнаментированных предметов датируются ранним мезолитом, однако примеры изобразительного искусства в регионе можно отнести приблизительно к VI тыс. до н. э. Именно к этому периоду относятся посохи с лосиной головой (*Iršenas*, 2000; *Kashina, Zhulnikov*, 2011), а также антропоморфные скульптуры из могильника на Оленьем острове в Онежском озере. Древнейшие скульптурные изображения на территории Эстонии – фигуры птиц и человека из рога – также относятся к VI тыс. до н. э. (*Jonuks*, 2013; 2016). Скульптурное искусство продолжилось в следующие тысячелетия, приблизительно в IV–III тыс. до н. э. к скульптурам добавились небольшие трехмерные фигуры в виде вырезанных из кости маленьких пластин-подвесок. На них были изображены как животные, птицы, так и люди, а область распространения таких подвесок охватывала Южную Финляндию, страны Балтии и северо-западную часть России. Отдельные подвески также были найдены в Швеции.

Антропоморфные фигуры с территории Эстонии

Найденные в Эстонии человеческие фигуры принадлежат к двум группам, имеющим разные хронологические и стилистические параметры. Эти различия, вероятно, указывают на разные нюансы, связанные со значением и способами использования.

Антропоморфные скульптуры из реки Пярну

Две антропоморфные фигурки были найдены на дне реки Пярну в первые десятилетия XX в. (рис. 1: *1*). Одна из них исчезла во время Второй мировой войны, и сохранилась только ее газетная фотография низкого качества (*Jonuks*, 2019). Со дна реки были собраны многочисленные костяные и роговые изделия каменного века и кости животных (*Jonuks*, 2016). Когда река Пярну в VII тыс. до н. э. изменила свое русло из-за скопления отложений Литоринового моря (*Nirgi et al*., 2020), она затопила поселения, где под водой сохранились предметы из органики.

Скульптура размером 10 см вырезана из отростка рога (рис. 2). Тело отшлифовано, при помощи углублений обозначены подколенные впадины, талия и шея; грудь плоская, а острый разрез изображает линию подбородка. На теле не изображено ни одной детали, на лице при помощи впадины перед выступаю-

Рис. 2. Антропоморфная скульптура из реки Пярну

щим подбородком показан рот, при помощи шлифования также имеется намек на нос. Четкие линии разрезов на туловище указывают, что фигурка закончена и ее простота и схематичность были целью автора.

Возраст скульптуры вызвал множество споров. Ее сопоставляли со стилизованными женскими фигурами Трипольской культуры (*Ebert*, 1913. P. 520; *Childe*, 1925. P. 162; *Ailio*, 1922. P. 108; *Лозе*, 1987. С. 39). Были попытки связать скульптурку с уже известными в то время керамическими фигурками эпохи финской культуры ямочно-гребенчатой керамики (*Glück*, 1914. P. 234; *Leppäaho*, 1937. P. 41). Адомас Бутримас связал пярнускую фигурку с антропоморфной фигуркой из погребения 23 на Оленьем острове и датировал ее эпохой мезолита (*Butrimas*,

2000. P. 10), а не неолита, как другие исследователи. Ее мезолитический возраст – около 6220–6020 гг. до н. э. – подтвердила дата пробы, взятой из головы фигуры (*Jonuks*, 2016. P. 117). Аналогичная дата – 6000–5840 гг. до н. э. – была получена и для роговой фигурки птицы со дна реки Пярну (*Jonuks*, 2013).

Характерным признаком фигурки из Пярну является ее стилизованность и отсутствие деталей. У большинства изображений каменного века именно наличие конечностей или черт лица показывало, что речь идет о человеке. Изображение деталей на роге не было трудной задачей. Учитывая завершенность обработки, создается впечатление, что отсутствие изображения конечностей или четких деталей лица было намеренным и, очевидно, именно в этом следует искать способы ее толкования.

Отсутствие конечностей и изображение тела в виде плавных изгибов создает впечатление, что речь идет о человеке, чье тело чем-то покрыто или во что-то завернуто, вероятнее всего, в кожи, что указывает на мертвое тело, завернутое в кожи. Подобное предположение высказала Лив Нильссон Штутц (*Nilsson Stutz*, 2006. P. 232) при толковании фигур финской культуры ямочно-гребенчатой керамики, где также по причине отсутствия конечностей фигурки рассматривались как завернутые в кожу мертвые тела. Заворачивание в кожу часто присутствует в археологических толкованиях, связанных с погребениями, однако по большей части для этого нет достаточного количества доказательного материала (*Nilsson Stutz*, 2003. P. 296). В датских могильниках эпохи мезолита Skateholm I и II, Vedbæk-Bøgebakken на основании расположения костей удалось предположить, что мертвые тела были во что-то завернуты (Ibid. P. 298).

Помимо того, что фигурка, вероятно, изображает завернутое тело, на то, что это мертвое тело, на мой взгляд, указывает лицо скульптурки. На ее лице обозначены сглаженный нос и рот, но нет глаз. Именно глаза являются основным признаком у большинства изображений человека в лесной зоне эпохи мезолита (*Iršenas*, 2010. P. 182). В глобальной перспективе прежде всего глаза являются основной чертой на лице, и они практически всегда присутствуют и «оживляют» образ (*Watson*, 2011. P. 95). Живые открытые глаза являются самой заметной частью лица, в то время как остекленевшие глаза мертвого человека являются характерным признаком мертвого тела, и в большинстве культур их пытаются скрыть, например, закрывая веки. В мезолитическом могильнике Звейниеки на глазах погребенных найдены янтарные диски (*Zagorskis*, 1987; *Zagorska*, 2008. P. 122), а в Финляндии – диски из глины или сланца (*Edgren*, 2006). Отсутствие у фигурки из Пярну глаз, а также невыразительное выражение лица могут служить подтверждением того, что речь идет о мертвом теле.

В Оленеостровском могильнике в погребении 23 найдена стилизованная фигурка (*Гурина*, 1956. С. 220, 221), очень похожая на скульптуру из Пярну. Она, правда, имеет две ноги, однако остальная часть тела также скрыта. Характерной особенностью этой фигуры являются два лица. На первом более четком изображены признаки человеческого лица – нос, рот, брови, обозначающие местоположение глаз. Безглазое лицо с другой стороны головы до крайности стилизовано. Возможно, здесь речь идет о попытке символическим образом изобразить человека, в котором присутствует как его живая, так и неживая сторона? В описаниях ритуалов, связанных с трансом, часто упоминается, что во время транса лицо

человека меняется и глаза стекленеют. Возможно, что фигура из погребения 23 изображает кого-то в подобном состоянии и, следовательно, в этом человеке словно сочетаются признаки живого и мертвого существа или же несколько личностей? Такое толкование можно использовать для антропоморфной подвески из могильника-поселения Kretuonas IC в Литве, на которой с одной стороны изображен мужчина с бородой, а с другой – женщина или подросток (*Butrimas*, 2000. P. 24).

Фигуры, изображающие мертвых предков, являются универсальными, они используются во многих религиях (*Insoll*, 2011). Например, ханты хранили в своих домах скульптуры предков или домашних духов, которые должны были защищать деревню или семью. У них должны были быть глаза и уши, чтобы все видеть и слышать (*Jordan*, 2003. P. 170; Fig. 6: *13*), что как раз и отличает эти скульптуры от найденной в Пярну фигурки, которая изображена подчеркнуто пассивной и мертвой, а следовательно, она не смогла бы выполнять защитную функцию. Значит, эта фигура изображает мертвого человека, который, очевидно, являлся членом сообщества, также можно предположить, что 8000 лет назад мертвым присваивалась совершенно другая агентность, чем в более поздних культурах.

Антропоморфные изображения из поселения-могильника Тамула I

Тамула I – поселение и крупнейший в Эстонии могильник каменного века с более чем 25 погребениями (*Tõrv*, 2018). В торфяной почве Тамула сохранились предметы из органики, в т. ч. двенадцать антропоморфных изображений из костяных и роговых пластин. Эти изображения датируются на пару тысяч лет позднее, чем находка из Пярну, и выполнены в совершенно другом стиле.

Известны фрагменты шести фигур, изображающих человека целиком (рис. 3). Две из них из культурного слоя поселения найдены почти целыми (рис. 3: *2, 3*). Обе они стилизованы, небольшого размера 3,5 и 6,5 см, имеют ровную заднюю поверхность. Фигурки похожи, статически изображают человека анфас, руки опираются на бедра. Деталей изображено мало, у обеих скульптур прослеживаются брови, указывающие на расположение глаз, одна фигура также имеет нос и рот (рис. 3: *2*).

Третья найденная на поселении скульптурка высотой 4 см имеет наибольшее число деталей (рис. 3: *4*). Перед нами человек с вытянутым лицом и бородой. Оба плеча и передняя часть украшены линиями, которые могут изображать одежду (*Indreko*, 1931. P. 34). Нижняя часть фигурки обломана. Индреко реконструировал отсутствующую часть на основании фигур Юодкранте в виде костяной пластины с отверстиями (*Johanson et al*., 2013. Fig. 11), однако, на наш взгляд, у фигурки скорее было изображено человеческое тело, похожее на предыдущие.

Четвертая скульптура обнаружена в женском погребении X под головой вместе с костяной подвеской в виде птицы, подвесками из янтаря, клыков бобра и куницы, возможно, они крепились к головному убору. Фигурка состоит из трех фрагментов. Самая крупная ее часть изображает руки, опирающиеся на бедра,

Рис. 3. Антропоморфные фигуры из поселения-могильника Тамула I

и бедренную часть обеих ног (рис. 3: *1*). В центре сделано отверстие для подвешивания. Погребение датировано 3620–2750 гг. до н. э. (*Tõrv*, 2018. P. 135). Даты по другим погребениям также укладываются в этот временной промежуток. Поскольку все скульптурки из Тамула схожи, можно предположить все антро-, зоо- и орнитоморфные фигуры памятника относятся к IV–III тыс. до н. э.

Пятая и шестая человеческие фигурки найдены случайно, они изображают тело человека и его ноги до коленей (рис. 3: *5*). Руки фигуры сломаны, но одна рука сохранилась как отдельный фрагмент, а местоположение второй демонстрирует кисть руки на бедре. Голова и ступни не сохранились.

Все эти фигурки похожи. Люди изображены анфас, стоя, в статической позе, руки опираются на бедра, ноги немного врозь. Им аналогичны и другие антропоморфные фигуры, обнаруженные в Прибалтике (*Butrimas*, 2000; *Кашина*, 2009), которые отображают похожую культурную традицию и, очевидно, мировоззрение. Обломок плоской антропоморфной фигурки, напоминающей фигурки из Тамула, найден на поселении Бесов Нос VI на берегу Онежского озера (*Лобанова*, 1995).

В Тамула также найдено шесть плоских изображений человеческих лиц (рис. 4). Аналогично предыдущим, они также очень однотипные, статичные и схематичные. Артефакты тщательно обработаны, для экспонирования предназначена лишь одна сторона. Все они закругленно-подтреугольной формы, глаза и рот выполнены в виде просверленных отверстий. Три личины выполнены более детально, на них изображены нос и брови. У трех оставшихся на человеческое лицо указывают только форма изделия и отверстия. Меньшее количество деталей может вызвать сомнение в антропоморфности предмета. То, что здесь показаны лица, подтверждается тем, что в погребении VIII найдено три таких предмета. Два из них четко изображают человека (рис. 4: *1, 3*), а один не имеет носа и линии бровей (рис. 4: *2*). Таким образом, эти предметы можно считать изображениями антропоморфных личин. Подвески из янтаря в форме трапеции, даже если на них не изображены глаза или другие элементы, считаются изображениями лиц. В этом случае важны схожая форма и орнамент предметов (*Indreko*, 1957. P. 77). Подвески с геометрическим орнаментом в форме трапеции ассоциируются с фигурой человека на Пиренейском полуострове, они считаются изображениями предков (*Lillios*, 2003).

В отношении человеческих фигур каменного века Северной Европы многие исследователи отмечают правило иконографии, по которому человек изображается анфас, а животные в профиль (*Гурина*, 1997. С. 121). Очевидно, что речь идет о проблемах передачи образа и его характерных признаков. Где можно, если речь идет о трехмерном материале, фигура изображалась трехмерной (рис. 5) (*Butrimas*, 2000. Fig 36, 38). Многие исследователи связывают фигуры Тамула с янтарными фигурками Юодкранте из Литвы (*Jaanits*, 1961. С. 36; *Студзицкая*, 1985. С. 111). Костяные подвески в виде человеческих голов найдены в Литве в могильнике Kretuonas I С. В некоторых случаях в качестве материала использовался череп человека (*Butrimas*, 2000). Фигурки стилизованы – на них изображены только наиболее важные детали, отмечены глаза, рот и нос при помощи вырезанных или просверленных отверстий, или же процарапанных линий. Только лишь на одной подвеске на лице можно предположить передачу эмоций, здесь изображен словно бы рот с зубами и злобное выражение, переданное

Рис. 4. Антропоморфные личины из поселения-могильника Тамула I

при помощи диагональных линий на щеках (*Butrimas*, 2000. P. 24). Похожие подвески в виде пластин найдены на поселении Бесов Нос VI на берегу Онежского озера (*Лобанова*, 1995), в могильнике Звейниеки (*Butrimas*, 2000), в Ниде в Литве, в Метсяпиртти в Карелии (*Indreko*, 1949; *Werbart*, 2007), на Кольском полуострове (*Гурина*, 1997; *Butrimas*, 2000; *Кашина*, 2009).

В центральной Швеции в могильнике-поселении Корснас была найдена костяная подвеска с просверленными отверстиями, указывающими на подмышки, похожая на скульптурки из Тамула, считается, что она предназначена для крепле-

Рис. 5. Фигурка бобра из поселения-могильника Валма

ния на мягкое основание (*Olsson et al*., 1994). Эта фигурка, вероятно, также изображала человека целиком, как и образцы с Тамула. Фигура из янтаря в виде головы человека была найдена в Альвареде, западная Швеция (*Larsson*, 2001. P. 73).

Большинство фигурок из Тамула обнаружены в культурном слое поселения, где контекст неясен. Фигурки, связанные с погребениями, найденные в районе коленей (погребение VIII) (рис. 4: *1–3*) и под головой (погребение X) (рис. 3: *1*), очевидно, крепились к одежде. С учетом контекста находок, они, вероятно, не были свободно свисающими подвесками, а плотно крепились к головному убору (захоронение X) или к верхней одежде/элементу одежды наподобие фартука (захоронение VIII). Их задняя сторона не имеет отделки, что указывает на демонстрацию только лицевой стороны. Для крепления можно было использовать отверстия глаз или рта, но крепление из растительного волокна или кожаные шнурки можно было обматывать и вокруг фигурки. Фигурки с одним отверстием для крепления служили свободно свисающими подвесками. Поскольку антропоморфные подвески в погребениях лежат вместе с подвесками в форме животных или птиц, а также из зубов или клыков нет причин рассматривать их отдельно от остальных подвесок. Они все составляют единый комплекс, отображающий обширный пласт мировоззрения. Говоря о расположении подвесок (как в виде фигур, так и из зубов или клыков) на теле, можно сделать вывод, что по большей части они располагаются в районе головы, затем следует грудная клетка, конечности украшались реже. Подвески у головы чаще всего рассматриваются в качестве остатков украшения головного убора (*Jaanits*, 1961; *Gerhards et al*., 2003. P. 559; *Zagorska, Lõugas*, 2000). Следует отметить, что район головы вообще является наиболее предпочтительным для помещения предметов, сюда же клали ножи, скребла и другие утилитарные вещи.

Интерпретация антропоморфных фигур

Значению подобных подвесок уделяется меньше внимания, чем их описаниям и проблемам датирования. В толковании по большей части проводятся аналогии с охотниками Северной Европы и их духовными верованиями. Большинство толкований связывает их с духовными предметами, целью которых является предоставление укрытия духам умерших предков (*Indreko*, 1931; *Jaanits*, 1961). Согласно другому мнению, они представляют собой антропоморфных духов природы (*Гурина*, 1997). Третья точка зрения связывает их с целительной магией (*Jaanits*, 1961) с использованием в качестве аналогов кукол, обладающих волшебной целительной силой, например, в Удмуртии (*Popova*, 2007). В последнем случае очень важным фактором являлось присваивание болезни фигурке, которую затем выбрасывали, а не носили с собой. В связи с этим фигурки, имеющие целительные свойства, изготавливались из простых, легкодоступных материалов, и на их отделку не обращали особого внимания. Человеческие фигуры эпохи каменного века в более широком смысле связывают с защитными амулетами, а также с защитной магией (*Butrimas*, 2000). В археологической традиции стран Балтии сильную роль также играет археомифология (*Jonuks*, 2011. С. 882), и фигурки эпохи камня рассматриваются в качестве мифологических. Бутримас рассматривает женскую фигурку с Т-образной головой, найденную в детском погребении в могильнике Звейниеки, как женщину-мать (*Butrimas*, 2000), есть мнение, что костяные плоские подвески можно рассматривать в качестве мифологических существ, большинство из которых мужчины (*Студзицкая*, 1985). Интересно утверждение Яанитса, что подобные подвески, найденные в Тамула, аналогичны фигурам духов-защитников, которые, по данным этнографии, являются частью ритуального костюма шаманов лесной зоны, также он предполагает, что подвески из Тамула в форме человека могли принадлежать местным ведьмам (*Jaanits*, 1961). Многие исследователи толковали подвески и фигурки в качестве изображений шамана (*Werbart*, 2007. P. 222). Как правило, при этом без ответа остается следующий вопрос: для чего нужно было изображать шамана в виде фигуры и почему фигурку, изображающую шамана, хоронили в могиле вместе с мертвым телом?

Что касается стиля фигурных подвесок, по моему мнению, наиболее важным является факт, что они статичные, обезличенные и не изображают конкретных лиц, которых можно было показать через индивидуальные черты. Все фигуры максимально стилизованы, и передаются лишь наиболее важные детали, чтобы они лишь в общих чертах походили на изображаемый объект. Прежде всего, это касается фигурок людей. Стиль и уровень отделки фигурок животных отличаются, среди них встречаются как с прекрасной обработкой, так и стилизованные экземпляры (*Jonuks*, 2009). Однако и у них, независимо от степени отделки, прослеживается, что животные изображаются в статичной позе. Статичность, стилизованность, обезличенность и способ использования подвесок – все это признаки того, что фигуры не конкретны, а скорее являются символами.

При истолковании объектов искусства следует учитывать временной и пространственный контексты их создания, а также мировоззрение и религию (*Panofsky*, 1972). Как видно из перечисленных выше вариантов толкований,

религия каменного века в основном истолковывается на основании феноменов/явлений. Вместо системной религии и мировоззрения отдельным предметам присваиваются широкие и универсальные толкования, например защитная магия. В качестве религии в этих толкованиях, как правило, имеются ссылки на шаманизм как наиболее близкий аналог (*Loorits*, 1957. P. 399). Шаманизм – это сложный религиозно-феноменологический комплекс, который используется по всему миру и в то же время по-разному толкуется в разных его частях (*Price*, 2001; *Klein et al*., 2002). Обстоятельство, которое позволяет связать фигурки эпохи каменного века с феноменом, аналогичным шаманизму, – это трактовка одухотворенного мира. Многие исследователи считают наиболее характерным признаком шаманизма экстатические ритуалы, для антропологического шаманизма в Евразии скорее характерно восприятие мира как одухотворенной среды (*Paulson*, 1958; *Zvelebil*, 2004). Подобный взгляд на мир в общем и целом создает предпосылки для появления шаманизма. Основной функцией шамана является общение с духами и воздействие на них наиболее благоприятным для его среды обитания образом (*Hultkranz*, 1978. С. 47). Шаман общается с миром духов, находясь в трансе и используя духов-помощников. Феномен духов-помощников – это фактор, который отличает шамана от других лиц, впадающих в транс, без них духовное путешествие шамана по разным мирам было бы невозможным (*Eliade*, 1972. P. 95). Фигуры духов-помощников как наиболее важных соратников шамана крепились к ритуальному наряду. Большая часть подвесок каменного века Северной Европы, обнаруженных в погребениях, очевидно, также прикреплялась к одежде. В антропологических описаниях часто упоминаются духи-помощники, которые крепились к ритуальной одежде или к барабану (*Eliade*, 1972; *Graueva*, 1978; *Djakonova*, 1978; *Dolgikh*, 1978). На тех же основаниях Звелебил связывает фигурки людей и животных, подвески из бобровых резцов в мезолитических могильниках – с шаманизмом (*Zvelebil*, 2003; *Кашина*, 2009). Духи-помощники имеют разное происхождение (*Eliade*, 1972). Шаман может заполучить духов-помощников в период обучения или инициации, или же они могут перейти к нему по наследству (*Gračeva*, 1978. С. 318). В любом случае они связаны с шаманом лично, и шаман использует их в качестве спутников в своих духовных странствиях. Часто духами-помощниками являются животные, птицы или рыбы, реже – растения. Наиболее распространенными образами духов-помощников являются животные, которые объединяют в себе разные миры, – водоплавающие птицы, змеи, рыбы (*Strassburg*, 2000; *Price*, 2002; *Lahelma*, 2005) или бобры. Также ими могут быть души предков, которые помогают душе шамана перемещаться в сверхъестественных сферах (*Eliade*, 1972). Из антропологических описаний мы знаем, что шаманов хоронили вместе с их ритуальной одеждой, а ритуальные атрибуты закапывали близко от могилы (*Kenin-Lopsan*, 1978). Это можно объяснить тем, что духи-помощники, оставшиеся без присмотра шамана, могут причинить вред людям.

Может быть, поэтому многие подвески в захоронениях сломаны, и у них отсутствуют фрагменты. В ряде описаний духи-помощники умершего шамана считаются опасными, т. к. шаман, который мог их контролировать, умер (*Mikhailova*, 2006). Возможно, подвески, символизирующие духов-помощников,

похороненные вместе с шаманом, были сломаны специально, чтобы их «умертвить». Это объяснило бы, почему не сохранилось ни одной целой антропоморфной подвески, а у большинства фигур птиц отсутствует голова. Если такие подвески позволяют связать погребения с шаманами, похороненными в своем ритуальном одеянии, то в этнографических примерах фигурки шамана не всегда клали в могилу вместе с ним. В Сибири цепочки и подвески снимали с одежды шамана после его смерти. Это считается причиной, по которой в захоронении предполагаемого шамана с оленьими рогами в Ведбек в Дании не было подвесок (*Mikhailova*, 2006).

Таким образом, можно связать подвески в изголовье в погребении X могильника Тамула с головным убором шамана, где они изображали духов-помощников. В качестве ритуального одеяния можно рассматривать расположение подвесок в захоронении VIII, где подвески из зубов отмечают рукава, а ряд плоских подвесок – нижний край одежды или фартука. Возможно, что эта одежда не была повседневной или «праздничной», а предназначалась для особых ситуаций, целью ее было удержать духов-помощников и дать обладателю одежды над ними власть. Такую ритуальную одежду, вероятно, носили редко, поэтому следы крепления и износа на подвесках могли не сформироваться.

Несомненно, не все фигурки каменного века можно считать изображениями духов-помощников. Среди находок, рассмотренных в статье, выделяются более крупные скульптуры, выполненные совсем в другом стиле.

Таким образом, в искусстве Балтийского моря видны две традиции. Более ранняя традиция создания объемных скульптурных изображений, датируемая приблизительно 6000 лет до н. э., куда входят антропоморфная фигура, найденная в Пярну, фигуры из Оленеостровского могильника и посохи с головой лося с восточного побережья Балтийского моря. Скульптуры имеют хорошую отделку, множество деталей и отличаются натурализмом. Что касается антропоморфных фигур, можно предположить, что в данном случае изображены лица с множеством личностей или же мертвые люди. Позднее, приблизительно 4000 лет до н. э., фиксируется традиция вырезания из костяных и роговых пластинок небольших фигурок, отделка которых на первый взгляд более небрежная. Обе традиции были утрачены приблизительно 2000 лет до н. э. В это время в странах Балтии началось постепенное освоение производящего хозяйства (*Крийска*, 2009). Эти изменения не могли не повлиять на мировоззрение населения. В новую картину мира, вероятно, больше не вписывались изображения древних духов природы, что отразилось в изменении стиля искусства.

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н. Н., 1956. Оленеостровский могильник. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 432 с. (МИА; № 47.)

Гурина Н. Н., 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение. 240 с.

Кашина Е. А., 2009. Резные антропоморфные изображения неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4. Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та. С. 38–51.

Крийска А., 2009. Некоторые вопросы возникновения земледелия в Восточной Прибалтике // ТАС. Вып. 7. Тверь: Триада. С. 39–48.

Лобанова Н. В., 1995. О двух костяных изделиях из мезолитического слоя поселения Бесов Нос VI // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 3. Петрозаводск: Полипринт. С. 19–22.
Лозе И. А., 1987. Изображения человека в искусстве каменного века Восточной Прибалтики // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения / Отв. ред. Р. С. Василевский. Новосибирск: Наука. С. 37–48.
Студзицкая С. В., 1985. Изображение человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: ГИМ. С. 100–118. (Труды ГИМ; вып. 60.)

Ailio J., 1922. Fragen der Russischen Steinzeit. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. 110 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; 29, 1.)
Butrimas A., 2000. Human figurines in Eastern-Baltic Prehistoric art // Prehistoric Art in the Baltic Region / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Academy of Fine Art. P. 7–29. (Acta Academiae Artium Vilnensis; 20.)
Childe G. V., 1925. The Dawn of European Civilization. London: Paul Kegan. 320 p.
Djakonova V. P., 1978. The vestments and paraphernalia of a Tuva shamaness // Shamanism in Siberia / Eds.: V. Diószegi, M. Hoppál. Budapest: Akadémiai Kiadó. P. 325–339.
Dolgikh B. O., 1978. Nganasan shaman drums and costumes // Shamanism in Siberia / Eds.: V. Diószegi, M. Hoppál. Budapest: Akadémiai Kiadó. P. 341–351.
Ebert M., 1913. Die baltischen Provinzen Kurland, Livland, Estland 1913 // Praehistorischen Zeitschrift. Vol. V. No. 3/4. S. 498–559.
Edgren T., 2006. Kolmhaara reconsidered. Some new observations concerning the Neolithic burial practice in Finland // Back to the Origin: New Research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki cemetery and environment, Northern Latvia / Eds.: L. Larsson, I. Zagorska. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. P. 327–336.
Eliade M., 1972. Shamanism. Archaic Techniques of Ecstasy. Princeton: Princeton University Press. 610 p.
Gerhards G., Zarina G., Zagorska I., 2003. Burial traditions in the East Baltic Mesolithic // Mesolithic on the Move: Papers presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000 / Ed. L. Larsson et al. Oxford: Oxbow. P. 558–562.
Gimbutas M., 1992. The Goddesses and Gods of Old Europe, 6500–3500 BC: myths and cult images. Berkely: University of California. 304 p.
Glück E., 1914. Zusammenfassende Betrachtung der in den Jahren 1911 und 1912 erworbenen neolitischen Gegestände und die daraus gewonnenen Erkenntnisse // Sitzungsberichte der Altertumforschungen Gesellschaft zu Pernau. Vol. 7. Pernau: Laakman. P. 233–272.
Gračeva G. N., 1978. A Nganasan shaman costume // Shamanism in Siberia / Eds.: V. Diószegi, M. Hoppál. Budapest: Akadémiai Kiadó. P. 315–323.
Hultkrantz A., 1978. Ecological and phenomenological aspects of shamanism // Shamanism in Siberia / Eds.: V. Diószegi, M. Hoppál. Budapest: Akadémiai Kiadó. P. 27–58.
Indreko R., 1931. Skulptuur ja ornament Eesti kiviaja luuriistades // Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat. Vol. VI (1930). Tartu. P. 47–70.
Indreko R., 1949. Einige Bemerkungen über die Idole der kammkeramischen Kultur // Apophoreta Tartuensia. Societas litterarum Estonica in Svecia. Stockholm. P. 129–139.
Indreko R., 1957. Die Idolanhänger–Amulette // Studia Neolithica in honorem Aarne Äyräpää. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. P. 61–79. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; 58.)
Insoll T., 2011. Ancestor Cults // Oxford Handbook of the Archaeology of Ritual and Religion / Ed. T. Insoll. Oxford: Oxford University Press. P. 1043–1058.
Insoll T., 2017. The Oxford Handbook of Prehistoric Figurines / Ed. T. Insoll. Oxford: Oxford University Press. 960 p.
Iršėnas M., 2000. Elk figurines in the Stone Age art of the Baltic Area // Prehistoric Art in the Baltic Region / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Academy of Fine Art. P. 7–29. (Acta Academiae Artium Vilnensis; 20.)
Iršėnas M., 2010. Anthropomorphic and zoomorphic Stone Age art in Lithuania and its archaeological cultural context // Archaeologia Baltica. Vol. 13. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 175–190.
Jaanits L., 1961. Jooni kiviaja uskumustest // Religiooni ja ateismi ajaloost Eestis: Artiklite kogumik II. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus. P. 5–70.

Johanson K., Jonuks T., Kriiska A., Tõrv M., 2013. From the first people to idols and figurines: Richard Indrek oas a scientist // Man, his Time, Artefacts and Places: Collection of articles dedicated to Richard Indreko / Eds.: K. Johanson, M. Tõrv. Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia Instituudi. P. 95–179. (Muinasaja teadus; vol. 19.)

Jonuks T., 2009. Eesti muinasusund: Dissertationes archaeologicae Universitatis Tartuensis 2. Tartu.

Jonuks T., 2011. The archaeology of Baltic religions // Oxford Handbook of the Archaeology of Ritual and Religion / Ed. T. Insoll. Oxford: Oxford University Press. P. 877–891.

Jonuks T., 2013. An antler object from the Pärnu River – an axe, a god or a decoy? // Man, his Time, Artefacts and Places: Collection of articles dedicated to Richard Indreko / Eds.: K. Johanson, M. Tõrv. Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia Instituudi. P. 225–246. (Muinasaja teadus; vol. 19.)

Jonuks T., 2016. A Mesolithic human figurine from River Pärnu, South-West Estonia: a century-old puzzle of idols, goddesses and ancestral symbols // Estonian Journal of Archaeology. Vol. 20. No. 2. P. 111–127.

Jonuks T., 2019. Mesolithic anthropomorphic sculptures from the Northern Europe // Quaternary International. Vol. 573. P. 104–112.

Jordan P., 2003. Material culture and sacred landscape. The anthropology of the Siberian Khanty. Oxford: Altamira Press. 312 p.

Kashina E., Zhulnikov A., 2011. Rods with elk heads: symbol in ritual context // Estonian Journal of Archaeology. Vol. 15. No. 1. P. 18–31.

Kenin-Lopsan M. B., 1978. The funeral rites of Tuva shamans // Shamanism in Siberia / Eds.: V. Diószegi, M. Hoppál. Budapest: Akadémiai Kiadó. P. 291–298.

Klein C. F., Guzmán E., Mandell E. C., Stanfield-Mazzi M., 2002. The role of shamanism in Mesoamerican art // Current Anthropology. Vol. 43. No. 3. P. 383–419.

Lahelma A., 2005. Between the worlds: rock art, landscape and shamanism in Subneolithic Finland // Norwegian Archaeological Review. Vol. 38. Iss. 1. P. 29–47.

Larsson L., 2001. The sun from the sea – amber in the Mesolithic and Neolithic of Southern Scandinavia // Baltic Amber / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla. P. 65–75. (Acta Academiae Artium Vilnensis; 22.)

Leppäaho J., 1937. Pohjankurun «puujumalainen» // Suomen Museo. Vol. XLIII. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. P. 38–42.

Lesure R. G., 2011. Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art. Cambridge: Cambridge University Press. 260 p.

Lillios K. T., 2003. Creating memory in prehistory: the engraved slate plaques of Southwest Iberia // Archaeologies of Memory / Eds.: R. M. Van Dyke, S. E. Alcock. Blackwell Publishing. P. 126–150.

Loorits O., 1957. Grundzüge des Estnischen Volksglaubens. Bd. 3. Heft. 1. Lund: Carl Blom. 691 p. (Skrifter Utgivna av Kungl. Gustav Adolfs Akademien för Folklivsforskning; 18, 3.)

Mikhailova N., 2006. The cult of the deer and «shamans» in deer hunting society // Archaeologia Baltica. Vol. 7. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 187–198.

Nilsson Stutz L., 2003. Death, Emotion and Identity in Late Mesolithic Cemeteries: Embodied Rituals and Ritualized Bodies: Tracing Ritual Practices in Late Mesolithic Burials. Lund: Almqvist & Wiksell International. 395 p. (Acta Archaeologica Lundensia; no. 46.)

Nilsson Stutz L., 2006. Unwrapping the dead. Searching for evidence of wrappings in the mortuary practices at Zvejnieki // Back to the Origin: New Research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki cemetery and environment, Northern Latvia / Eds.: L. Larsson, I. Zagorska. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. P. 217–233.

Nirgi T., Rosentau A., Habicht H.-L., Hang T., Jonuks T., Jõeleht A., Kihno K., Kriiska A., Mustasaar M., Risberg J., Suuroja S., Talviste P., Tõnisson H., 2020. Holocene relative shore-level changes and Stone Age palaeogeography of the Pärnu Bay area, eastern Baltic Sea // The Holocene. Vol. 30. Iss. 1. P. 37–52.

Olsson E., Granath Z., Mohr A., 1994. Korsnäs. En gropkeramisk grav- och boplats på Södertörn. Stockholm: Riksantikvarieämbetet. 100 s. (Rapport; 63.)

Panofsky E., 1972. Studies in iconology: humanistic themes in the art of the Renaissance. New York: Harper & Row. 260 p.

Paulson I., 1958. Die Primitiven Seelenvorstellungen der Nord-Eurasischen Völker. Eine Religionsethnographische und Religionsphänomenologische Untersuchung // The Ethnographical Museum of Sweden. Stokholm: Statens etnografiska museum. 408 p. (Monograph Series; no. 5.)

Popova E., 2007. Anthropomorphic figures in the Besermians' modern treatment methods of illnesses // Medica IV. Ethnomedicine and Ethnobotany within Cultural Context and Everyday Life. International Colloquium: Abstracts / Ed. R. Sõukand. Tartu: Estonian Folklore Institute: Department of Folkloristics at the Estonian Literary Museum. P. 15.

Price N. S., 2001. The Archaeology of Shamanism. London; New York: Taylor & Francis. 256 p.

Price N. S., 2002. The Viking Way: Religion and War in Late Iron Age Scandinavia. Uppsala: Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University. 435 p. (Aun; 31.)

Strassburg J., 2000. Shamanic Shadows. One Hundred Generations of Undead Subversion in Southern Scandinavia, 7,000–4,000 BC. Stockholm: Stockholm University. 462 p. (Studies in Archaeology; 20.)

Tõrv M., 2018. Persistent Practices. A Multi-Disciplinary Study of Hunter-Gatherer Mortuary Remains from c. 6500–2600 cal. BC, Estonia. Hamburg: Wachholtz. 310 p. (Untersuchungen und Materialien zur Steinzeit in Schleswig-Holstein und im Ostseeraum; 9.)

Watson B., 2011. The eyes have it: human perception and anthropomorphic faces in world rock art // Antiquity. Vol. 85. Iss. 327. P. 87–98.

Werbart B., 2007. One sea, many landscapes and human interaction // Cultural Interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe. Stockholm University Studies in Archaeology. Vol. 44. P. 218–224.

Zagorska I., 2008. The Use of Ochre in Stone Age Burials of the East Baltic // The Materiality of Death: Bodies, Burials, Beliefs / Eds.: F. Fahlander, T. Oestigaard. Oxford: Archaeopress. P. 115–124. (BAR. International Series; 1768.)

Zagorska I., Lõugas L., 2000. The tooth pendant head-dresses of Zvejnieki cemetery // Muinasaja teadus. Vol. 8. Tallinn. P. 223–244.

Zagorskis F., 1987. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga: Zinātne. 132 p.

Zvelebil M., 2003. People behind the lithics. Social life and social conditions of Mesolithic communities in temperate Europe // Peopling the Mesolithic in a Northern Environment / Eds.: L. Bevan, J. Moore. Oxford: Archaeopress. P. 1–26. (BAR International Series; 1157.)

Zvelebil M., 2004. The Mesolithic of Eastern Europe // Ancient Europe 8000 B.C.–AD 1000. Encyclopedia of the Barbarian World. Vol. 1 / Eds.: P. Boovcki, P. J. Crabtree. New York: Charles Scribner's Sons. P. 183–192.

Сведения об авторе

Йонукс Тынно Хельмутович, Эстонский литературный музей, Ванемуйзе, 42, Тарту, 51003, Эстония; e-mail: tonno@folklore.ee

T. H. Jonuks

BONE AND ANTLER ANTHROPOMORPHIC FIGURES DATING TO THE STONE AGE FROM THE TERRITORY OF ESTONIA – DIFFERENT STYLES, DIFFERENT INTERPRETATIONS?

Abstract. The paper provides an overview of anthropomorphic figures found in Estonia. Such figures can be divided into two categories: a singular anthropomorphic sculpture found in the Pärnu river and 11 small pendants made from antler plates discovered at Tamula I which is a settlement and a burial ground. Besides morphological and chronological differences, some differences are, apparently, of semantic nature. The final part of the paper emphasizes that the interpretation of the figures made by Stone Age hunter-gatherers

should not be considered exhaustive. Most likely, the art of the Stone Age reflects different meanings even within the same economic system.

Keywords: anthropomorphic figures, Estonia, Mesolithic, shamanism, art.

REFERENCES

Gurina N. N., 1956. Oleneostrovskiy mogil'nik [Oleneostrovskiy cemetery]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 432 p. (MIA, 47.)

Gurina N. N., 1997. Istoriya kul'tury drevnego naseleniya Kol'skogo poluostrova [Cultural history of ancient population of the Kola Peninsula]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 240 p.

Kashina E. A., 2009. Reznye antropomorfnye izobrazheniya neolita-eneolita lesnoy zony Vostochnoy Evropy i Skandinavii [Carved anthropomorphic images of Neolithic-Eneolithic of forest zone of Eastern Europe and Scandinavia]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik [Upper Don archaeological collection]*, 4. Lipetsk: Lipetskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 38–51.

Krijska A., 2009. Nekotorye voprosy vozniknoveniya zemledeliya v Vostochnoy Pribaltike [Some issues of emergence of agriculture in Eastern Baltic region]. *TAS*, 7, pp. 39–48.

Lobanova N. V., 1995. O dvukh kostyanykh izdeliyakh iz mezoliticheskogo sloya poseleniya Besov Nos VI [On two bone items from Mesolithic layer of the Besov Nos VI settlement]. *Vestnik Karel'skogo kraevedcheskogo muzeya [Bulletin of Karelian museum of local lore]*, 3. Petrozavodsk: Poliprint, pp. 19–22.

Loze I. A., 1987. Izobrazheniya cheloveka v iskusstve kamennogo veka Vostochnoy Pribaltiki [Human images in art of the Stone Age of Eastern Baltic area]. *Pervobytnoe iskusstvo. Antropomorfnye izobrazheniya [Early art. Anthropomorphic images]*. R. S. Vasilevsky, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 37-48.

Studzitskaya S. V., 1985. Izobrazhenie cheloveka v melkoy plastike neoliticheskikh plemen lesnoy zony Evropeyskoy chasti SSSR [Human images in portable art of Neolithic tribes of forest zone of the European part of the USSR]. *Novye materialy po istorii plemen Vostochnoy Evropy v epokhu kamnya i bronzy [New materials on the history of tribes of Eastern Europe in Stone and Bronze Ages]*. N. Ya. Merpert, ed. Moscow: GIM, pp. 100–118. (Trudy GIM, 60.)

About the author

Jonuks Tonno H., Estonian Literary Museum, Vanemuise 42, Tartu, 51003, Estonia; e-mail: tonno@folklore.ee

С. Ф. Кокшаров

АНТРОПОМОРФЫ БОЛЬШОГО ШИГИРСКОГО ИДОЛА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Резюме. В историографическом очерке, посвященном изучению антропоморфных персонажей на Большом Шигирском идоле (рис. 1: *А*), отражен ход научной мысли и вклад отдельных исследователей. В хронологической последовательности рассмотрены ключевые находки и датирующие материалы, позволившие понять семантику отдельных образов на изваянии. Отмечена значимость энеолитической керамики с рисунками антропоморфов с поселения Волвонча I (Западная Сибирь) и палеолитических росписей Игнатиевской пещеры (Южный Урал), позволивших идентифицировать разнополых существ на изваянии (рис. 1: *А*, *4, 7*; *Б*, *1–4*). Особую ценность представляют калиброванные ^{14}C даты для древесины идола. Они подтверждают раннеголоценовый возраст образцов и придают убедительность сопоставлениям художественных образов палеолита и мезолита. В этой связи актуализируются частные сюжеты, связанные с отражением в искусстве перспективы, рентгеновского стиля и др. (рис. 2: *А–В*). Автор критически оценивает взгляды археологов на интерпретации как отдельных существ на Шигирском изваянии, так и всей его композиции. В заключении отмечается значимость идола как археологического источника по изучению искусства каменного века. Это касается, в частности, понимания процессов трансформации изобразительного творчества от палеолита к мезолиту и проблемы доминирования антропоморфных образов в искусстве раннего голоцена.

Ключевые слова: Большой Шигирский идол, Волвонча I, Игнатиевка, искусство, перспектива, рентгеновский стиль, Урал.

Введение

Со времени публикации графической реконструкции Большого Шигирского идола, высеченного из ствола лиственницы, прошло чуть более века (*Толмачев*, 1916. С. 96, 98–99. Табл. II), но интерес к этому уникальному объекту возрастает год от года. Исследователи склоняются к мнению, что археологический предмет

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.381-395

в экспозиции Свердловского областного краеведческого музея (г. Екатеринбург) является важнейшим источником в изучении тысячелетней истории и изобразительного творчества не только уральского региона, но и Северной Евразии. Подтверждение тому – международный форум «Большой Шигирский идол в контексте искусства каменного века», прошедший в 2017 г. в г. Екатеринбурге, и тематический выпуск журнала «Quaternary International» (2021. Vol. 573). В историографическом обзоре отражены основные результаты археологического изучения деревянного изваяния.

Прочтение образов и определение возраста идола

Официальной датой открытия Большого Шигирского идола (рис. 1: *А*) считается 24 января 1890 г. (*Савченко, Жилин*, 2004. С. 130), когда его обломки извлекли из заболоченного Шигирского озера, расположенного в ~ 70 км к СЗ от г. Екатеринбурга. Работая с фрагментами изваяния, В. Я. Толмачев предложил наиболее полный вариант графической реконструкции. Судя по ней, его высота достигала 5,3 м (*Толмачев*, 1916. С. 94–96, 98, 99. Табл. II).

Рисунок В. Я. Толмачева, наиболее полно отражающий облик предмета, привлек внимание С. В. Иванова и В. И. Мошинской, опубликовавших труды по древней и современной скульптуре народов севера Евразии.

В монографии С. В. Иванова реконструкция В. Я. Толмачева не фигурирует, отсутствует и анализ декора на «теле» идола. Исследователя привлекали скульптурные детали главного образа, венчающего изваяние, и личины на широких плоскостях. В вопросе датировки он ссылался на мнения археологов, относивших идола к середине III тыс. – перв. четв. II тыс. до н. э. (*Иванов*, 1970. С. 61, 285). В исследовании В. И. Мошинской, вышедшем спустя шесть лет, рисунок переопубликован. Внимание обращено на скульптурные детали изваяния и резной орнамент, отнесенный к индивидуальным и характерным чертам находки (*Мошинская*, 1976. Табл. II). Декор рассмотрен в целом, без зонирования по всей 5-метровой композиции, и не связан с отдельными личинами.

Прочтение антропоморфных образов, рассредоточенных по лиственничному брусу и выполненных, как выяснилось, в комбинированной скульптурно-орнаментальной технике, произошло после получения новых материалов из таежных районов Западной Сибири.

Речь идет о группе антропоморфов на керамической посуде периода энеолита с поселения Волвонча I. Оно расположено в ~ 560 км к СВ от г. Екатеринбурга на р. Конда (приток р. Иртыша). В 1978–1979 гг. его изучали раскопками С. А. Днепров и Н. К. Стефанова. Памятник датирован финальным энеолитом (*Кокшаров, Стефанова*, 1993. С. 63) или последней третью III тыс. до н. э. (*Кокшаров*, 2015. С. 24. Рис. 4).

В коллекции выделялись два горшка, на внешних и внутренних стенках которых помещены 3 антропоморфных существа (*Кокшаров*, 1990а. С. 5–14. Рис. 1; 2: *1*; 3: *1*, *4*, *5*; 6). Они плоскостные, воспроизведены зубчатыми штампами. У всех прорисованы позвоночные столбы и ребра, что позволяет говорить о специфическом варианте рентгеновского стиля (рис. 1: *Б*, *1–3*). Однако

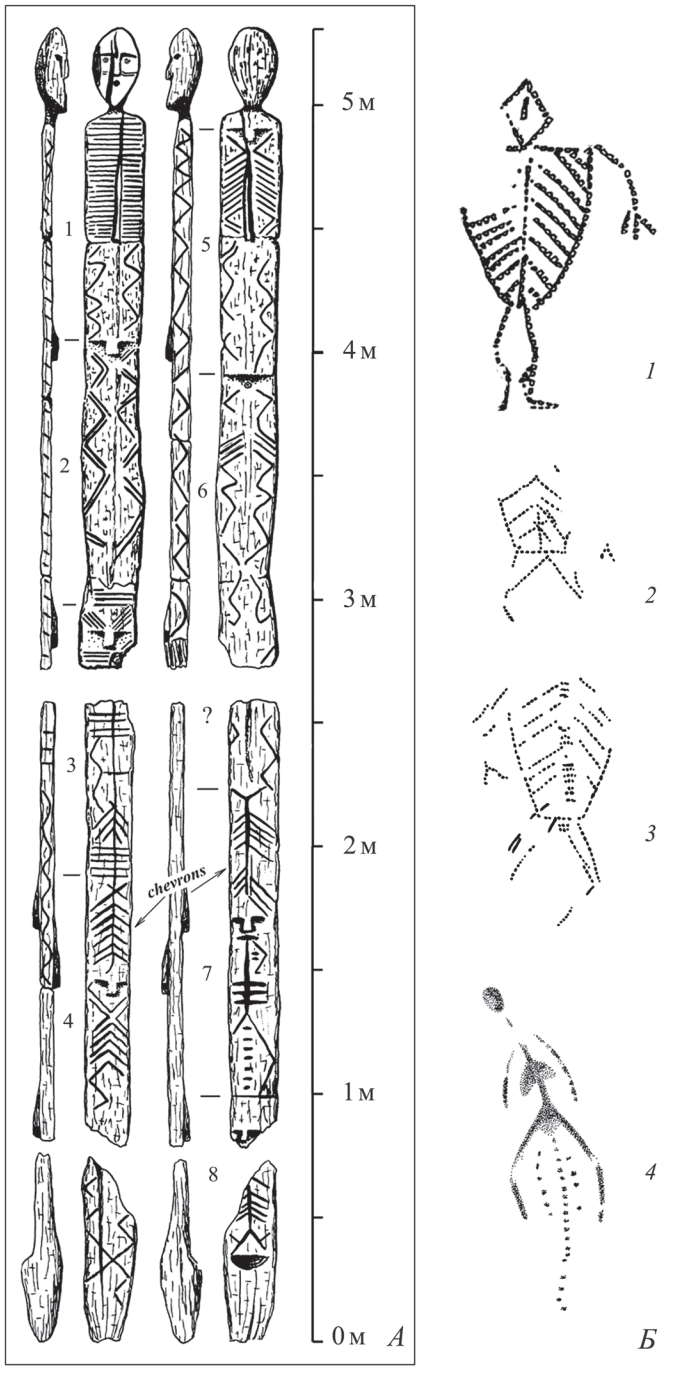


Рис. 1. Разнополые антропоморфы Шигирского изваяния (*А, 4* и *7*), поселения Волвонча I (*Б, 1–3*) и Игнатиевской пещеры (*Б, 4*)

последний точнее определить как «скелетный», так как понятие «рентгеновский стиль» отождествляется с «интеллектуальным реализмом» и по содержанию более емкое. В отличие от «зрительного реализма», он демонстрирует знания художника не только о внешней оболочке изображаемого существа, но и о его примитивном анатомическом строении. Это воспроизведение деталей скелета (позвоночника и ребер), внутренних органов, мышечных тканей и эмбрионов. Образы животных передавались по принципу *pars pro toto*, через оставленные ими следы (*Кабо*, 1972. С. 291, 292; *Елинек*, 1982. С. 293).

Рисунки Волвончи и Шигира сближаются стилистически и композиционно. Это проявляется во фронтальном размещении персонажей на полусогнутых ногах с развернутыми на 180º ступнями (рис. 1: *А, персонажи 4 и 7*). В обоих случаях они воспроизведены на предварительно подготовленных плоскостях: на затесанном стволе лиственницы и на стенках керамических емкостей. В поиске аналогов сибирским материалам был рассмотрен не только Шигирский идол (*Кокшаров*, 1990а. Рис. 3: *3, 6*; 4), но и среднеуральские писаницы с антропоморфами, выполненными анфас в уже знакомой скелетной манере (Там же. Рис. 2: *2–4*; 1990б. С. 80–83).

Тогда же внимание привлек антропоморф, обнаруженный в Игнатиевской пещере, находящейся в ~ 280 км к ЮЗ от г. Екатеринбурга. Сейчас Игнатиевка является второй крупной пещерой с палеолитическими рисунками на территории Южного Урала после Каповой (Шульган-Таш) (*Ščelinskij, Širokov*, 1999. Abb. 146–150). Интересующий нас образ, входящий в композицию «Красного панно» на потолке Дальнего зала, находится в оппозиции крупному млекопитающему (*Окладников, Петрин*, 1982. Рис. на с. 74).

Исследователи обратили внимание на детали, передающие половую принадлежность пещерного антропоморфа (рис. 1: *Б*, *4*). Ее выдавала не только грудь, но и многочисленные ряды точек, помещенных между ног. Рисунок уникален, поскольку ни на одном другом памятнике наскального искусства Урала нет человекообразных существ с линиями пятен между ногами (*Широков*, 2006. С. 103). Тот же способ подчеркивания пола фиксируется и у фигуры, находящейся в основании Шигирского идола (рис. 1: *А, персонаж 7*). В результате исследования на противоположных плоскостях идола были дифференцированы персонажи с гендерными отличиями (*Кокшаров*, 1990а. С. 8–14. Рис. 3).

Разумеется, между сравниваемыми рисунками Шигира, Волвончи и Игнатиевки есть существенные отличия. Это проявляется в их локализации (ствол дерева, стенки горшков и потолок пещеры), технике воспроизведения (резьба по дереву, штампованный орнамент на керамике, минеральный пигмент на скальной плоскости) и детализации образов.

Например, антропоморф с Волвончи имеет широкие прямые плечи и выступающие мышцы голеней на полусогнутых ногах, которые подчеркивают силу существа мужского пола (рис. 1: *Б*, *1*). У персонажей, помещенных внутри другой емкости, сила согнутых в коленях ног передана контурной прорисовкой бедер (рис. 1: *Б*, *2, 3*). Очевидно, что они варьируют в рамках одного изобразительного канона, передающего индивидуальность. К сожалению, образы Волвончи рассредоточены по разным емкостям, и их иерархия видна не столь четко, как на идоле. Говоря о женском существе из пещеры, следует указать его

абстрактность, усиленную линейной манерой воспроизведения, что отличает его от шигирского. У последнего минимальная детализация лица (глаза, нос, рот), переданное в скелетной манере тело и согнутые конечности. Внимание обращает различное заполнение тел разнополых образов («лесенка» и «шевроны») (рис. 1: *А, 4* и *7*).

Несоответствия можно объяснить несинхронностью сравниваемых материалов. Допустимо также предположить, что они отражают разные по содержанию повествования с активным участием мифических героев, значимых для оставивших их популяций. Существа визуализированы для восприятия в соответствующем контексте: например, на кухонной (культовой?) посуде у обитателей долговременного поселения, во мраке пещерного святилища или в пределах культовой площадки (святилища) на берегу Шигирского палеоозера.

Сходство образов на керамике Волвончи и деревянном идоле дало основания для отнесения последнего к энеолиту (*Кокшаров*, 1990а. С. 14, 23). Тогда же отмечался единый способ передачи гендерных признаков у женских персонажей (Там же. С. 14. Рис. 3: *б*), один из которых уверенно датируется поздним палеолитом (*Окладников, Петрин*, 1982. С. 74; *Петрин*, 1992. Рис. 42, 43; *Ščelinskij, Širokov*, 1999; *Широков, Петрин*, 2013. Рис. 24. Фото 85; и др.). Однако кардинальный пересмотр возраста изваяния был невозможен без привлечения новых фактов (*Кокшаров*, 2020. С. 140).

Таким образом, в 1980–1990 гг. был снят с обсуждения вопрос о преемственности изобразительного творчества древних уральцев в конце плейстоцена – начале голоцена, который, вроде бы, напрашивался сам собой. Несмотря на это, продолжалась работа по детальному анализу образов и знаков на идоле. Параллельно образцы древесины готовились к радиоуглеродному датированию. Значительный прорыв в обоих направлениях был достигнут С. Н. Савченко и М. Г. Жилиным. Анонсированные мезолитические даты, полученные для внутренних слоев лиственничного ствола, из которого высечено изваяние (*Савченко*, 1999. С. 52), были подтверждены последующими исследованиями археологов из Германии (*Савченко и др.*, 2018. С. 11–14. Табл. 5). Коллеги уточнили, что В. И. Мошинская с предшественниками упустили из внимания даже не 4, а 7 личин. Наконец, опубликована прорисовка новой личины, отсутствовавшей на рисунке 1916 г., которая была выявлена на тыльной стороне идола (*Савченко, Жилин*, 2004. С. 131. Рис. 1: *2*).

При детальном осмотре экспоната выявлены другие важные детали главного персонажа: под надбровными дугами имелись неглубокие округлые выемки, обозначающие глаза, а по обе стороны от кончика носа, поперек лица – парные резные линии, упущенные В. Я. Толмачевым. Новые детали главного образа и еще одна 8-я личина, неучтенные в рисунке 1916 г., отражены в одной из недавних статей (*Савченко и др.*, 2018. Рис. 2). К сожалению, серый фон, передающий фактуру древесины и изломы, осложнял восприятие личин и резьбы. Это вынудило автора сделать новую графическую прорисовку изваяния (рис. 1: *А*). Перечисленные открытия и факты вновь подтвердили высокий информационный потенциал уральской находки.

Важный вывод о раннеголоценовом возрасте идола стимулировал поиск иных созвучий в изобразительном творчестве ледниковой эпохи и мезолита.

В докладе, зачитанном на упоминавшейся конференции 2017 г., автором был поднят вопрос о передаче перспективы в резном орнаменте, сопутствующем мужскому и женскому существам. Внимание было сфокусировано на шевронах, расположенных над головами разнополых персонажей, которые могли передавать множественность антропоморфов (*Кокшаров*, 2020). В этой связи замечу, что поднятая тема является лишь малой частью блока проблем, связанных с изучением палеолитического искусства.

Проявление перспективы обнаруживается как в монументальных, так и в мобильных формах искусства верхнего палеолита («parietal» and «mobiliary» art). С позиций эволюционизма, доминировавших в перв. пол. XX в., в развитии палеолитического искусства следовало выделять формирующую фазу (подражательный натурализм), зрелость (творческий натурализм) и упадок (геометризм и абстракция) (*Palacio-Perez*, 2013. P. 703, 704, 707). Согласно озвученному подходу, появление данного приема, демонстрирующего достаточно высокий уровень художественного мастерства, произошло не сразу.

По этому поводу высказывает сомнения чешский археолог Я. Елинек, отмечая ошибочность выводов А. Брейля о проявлении перспективы как надежного хронологического признака (*Елинек*, 1982. С. 458). Действительно, взгляды последнего противоречат материалам пещеры Шовэ, открытой в 1994 г. Совершенство обнаруженных в ней рисунков и построение композиций указывают на постоянный поиск древними художниками перспективы (*Широков, Петрин*, 2013. С. 140; *Дэвлет*, 2016. С. 314). Самое примечательное, что изображения в Шовэ одни из ранних в европейском пещерном искусстве (древнее 30 тыс. л. н.). Несмотря на то что возраст изображений имеет разброс в 13 тыс. лет, гипотеза о появлении палеолитического искусства в готовом, сформировавшемся, виде получает новое подтверждение (*Григорьев*, 2016. С. 304). С другой стороны, в европейских пещерах в слоях ориньякского времени найдено много орнаментированных вещей (Там же. С. 305).

Высота Шигирского идола и наличие на нем ярусно-расположенных объемных личин дают основания на первый взгляд для его сравнения с монументальными формами искусства (*Бобров*, 2018. С. 46). Если же учесть, что идол не вкапывался и мог перемещаться в пределах сакрального пространства, то он сопоставим скорее с мобильными образцами. Из множества последних внимание привлекают лучевая кость орла из пещеры Тейжа и каменная плитка из Шаффо с гравировками движущихся копытных. В обоих случаях перспектива объединяет образы животных, совмещая фигуративные изображения с нефигуративными или переходными от них формами (*Кокшаров*, 2020. Рис. 3: *1, 2*). Утрачивая узнаваемый облик, копытные превращались в абстрактные единицы, удобные для счета (*Фролов*, 1974. С. 83. Рис. 43: *4*).

Вполне допустимо, что древние обитатели Шигирского озера обратились к тому же изобразительному приему в передаче антропоморфов на лиственничном стволе. Вертикальное положение идола предопределило и соответствующую передачу перспективы в виде шевронов, возвышающихся над головами некоторых антропоморфов.

Варианты интерпретации образов и композиции на идоле

Раскрытие смыслового содержания всей скульптурно-орнаментальной композиции, покрывающей плоскости лиственничного бруса, – одна из важных, но нерешенных задач. В ходе поисков специалисты неизменно обращались к фольклору и данным этнографии народов Сибири. Следует признать, что изложенные ниже мысли и суждения носят не утвердительный, а, скорее, предположительный характер.

По В. И. Мошинской, изваяние могло находиться на святилище древних уральцев, являясь деталью культовой постройки. Параллели главному образу и «человеческим личинам» она находит у манси, веривших в лесных духов-великанов (менквов) (*Мошинская*, 1976. С. 46). На самом деле, находка из Шигира свидетельствует о функционировании озерного культового комплекса, хотя его первоначальный облик останется для нас вечной загадкой. Ясно лишь то, что оно было не единственным на Среднем Урале. И внешне, и функционально оно диссонировало с другим мезолитическим святилищем, приуроченным к гроту в Камне Дыроватом на р. Чусовой (*Баранов и др.*, 2000. Рис. на с. 45).

Автор озвучивал мысли об иерархии образов на идоле, огромном хронологическом разрыве между археологическими и этнографическими материалами, препятствующими персонификации изображений, и возможной связи последних с разнополыми мифическими героями (*Кокшаров*, 1990а. С. 14). Они были поддержаны С. Н. Савченко, М. Г. Жилиным, Н. М. Чаиркиной и В. Н. Широковым (*Савченко, Жилин*, 2004. С. 132, 133; *Чаиркина*, 2013. С. 102; *Широков*, 2018. С. 41).

С. Н. Савченко и М. Г. Жилин предположили, что Шигирский идол отражает сложную систему мифологических представлений древних уральцев. Запечатленные на нем существа встроены в определенную иерархию и не поддаются однозначному прочтению (*Савченко, Жилин*, 2004. С. 134). С одной стороны, исследователи разделяют мнение В. И. Мошинской об изображении на идоле духов окружающего мира, а с другой, допускают принадлежность персонажей на лицевой и обратной сторонах к разным сферам космоса. На мой взгляд, спорной представляется интерпретация антропоморфного изображения, тулово которого и зона над головой заняты вертикальными шевронами (рис. 1: *А*, *4*). Сходство последних с ветвями ели привело к поспешному выводу о связи этого существа с растительным миром (Там же. С. 133). Предположено, что другие образы соответствуют определенным стихиям или существам, населяющим мир. Взятые вместе, они повествуют о сотворении мира. По существу, коллеги впервые поставили вопрос об одном из ранних космогонических мифов народов Северной Евразии, запечатленном в изваянии. При всей привлекательности высказанной гипотезы она нуждается в более весомой аргументации.

Н. М. Чаиркина провела отдельное исследование по раскрытию семантики фигуративных и нефигуративных образов на идоле. По ее мнению, резные узоры, сопутствующие личинам, воспроизводят не только тело существ, но и одежду, головные уборы или стихии, которые олицетворял конкретный персонаж (*Чаиркина*, 2013. С. 106). Опираясь на работы по миропониманию обских угров, исследователь допускает отражение на идоле одной из моделей вертикального

устройства мира. Ею предложено выделить 7 сфер, занятых таким же количеством образов (*Чаиркина*, 2013. С. 103). Три персонажа в верхней части изваяния и такое же количество в его основании отождествляются со сверхъестественными силами Верхнего и Нижнего миров. Со Средним миром, обжитым людьми, сложнее. К нему отнесено существо с невнятно прорисованным туловищем и отсутствующими конечностями (рис. 1: *А*, *3*). Это, скорее, антропоморф, но никак не человек.

В этнографической литературе, привлеченной Н. М. Чаиркиной, имеются публикации современников, не все из которых являются источниками. К сожалению, обойдена вниманием монография К. Ф. Карьялайнена «Религия югорских народов» (*Карьялайнен*, 1995), посвященная сакральным комплексам XIX – начала XX в. в Обь-Иртышье. Возражения вызывает и прямой перенос данных этнографии таежных угров на археологический материал, которые разделяют тысячелетия. С другой стороны, на Урале и в Западной Сибири проживали не только ханты и манси, но и ненцы, селькупы, чьим верованиям не уделено никакого внимания. При кажущейся логичности соотнесения 7 существ с 7 сферами в предложенной конструкции не учтен 8-й персонаж, который, кстати, может быть и не последним (*Савченко и др.*, 2018. С. 9). Изложенное не позволяет принять выводы Н. М. Чаиркиной. Остается добавить, что трехчастная модель мира представляет очень позднее явление (Там же. С. 10).

Любопытный подход к раскрытию шигирских образов и всей композиции предложен Е. Г. Дэвлет. Скелетное заполнение существ сравнивается ею с рисунками на одежде шаманов Восточной Сибири, трактуемых иногда как части скелета шамана-предка (*Дэвлет*, 2018. С. 24). Иерархия антропоморфов на идоле, воплощенных в рентгеновском стиле, концептуально согласуется со взглядами о шаманских кланах, о наследуемом шаманском даре, о череде шаманов-предков, передающих преемнику особые силы (Там же. С. 26).

При кажущейся убедительности гипотезы Е. Г. Дэвлет, необходимо учесть следующее. Во-первых, шаманство не получило широкого распространения у всех народов Сибири (оно почти не проявляется у таежных угров). Во-вторых, шаманство, как ранняя форма религии, эволюционировало от эпохи камня до исторического времени, когда его зафиксировали этнографы (*Басилов*, 1993. С. 222). В-третьих, подход Е. Г. Дэвлет не объясняет в полной мере множественности образов Шигира. В-четвертых, в фольклоре аборигенов Сибири есть иное объяснение прозрачности, реализованное в искусстве рентгеновским стилем.

В этой связи обратимся к героям средневекового эпоса южных хантов. Это богатыри, выделяющиеся среди прочих людей особой красотой (белизной и прозрачностью тела): у них сквозь кости был виден мозг, а сквозь мозг видны кости (*Патканов*, 1891. С. 108). Таежные воины обладали сверхъестественным зрением и были способны видеть окружающих насквозь. Появление на поле битвы непрозрачного на солнечном свету противника могло означать, что его тело покрывал доспех. С другой стороны, прозрачность тела героя могла свидетельствовать о преобладании красоты над силой, а непрозрачность расценивалась наоборот (Там же). Важно отметить, что богатыри вели происхождение от громовников, выступая посредниками между небожителями и людьми. Они могли перевоплощаться в птиц, готовых оставить землю и взлететь на небо или,

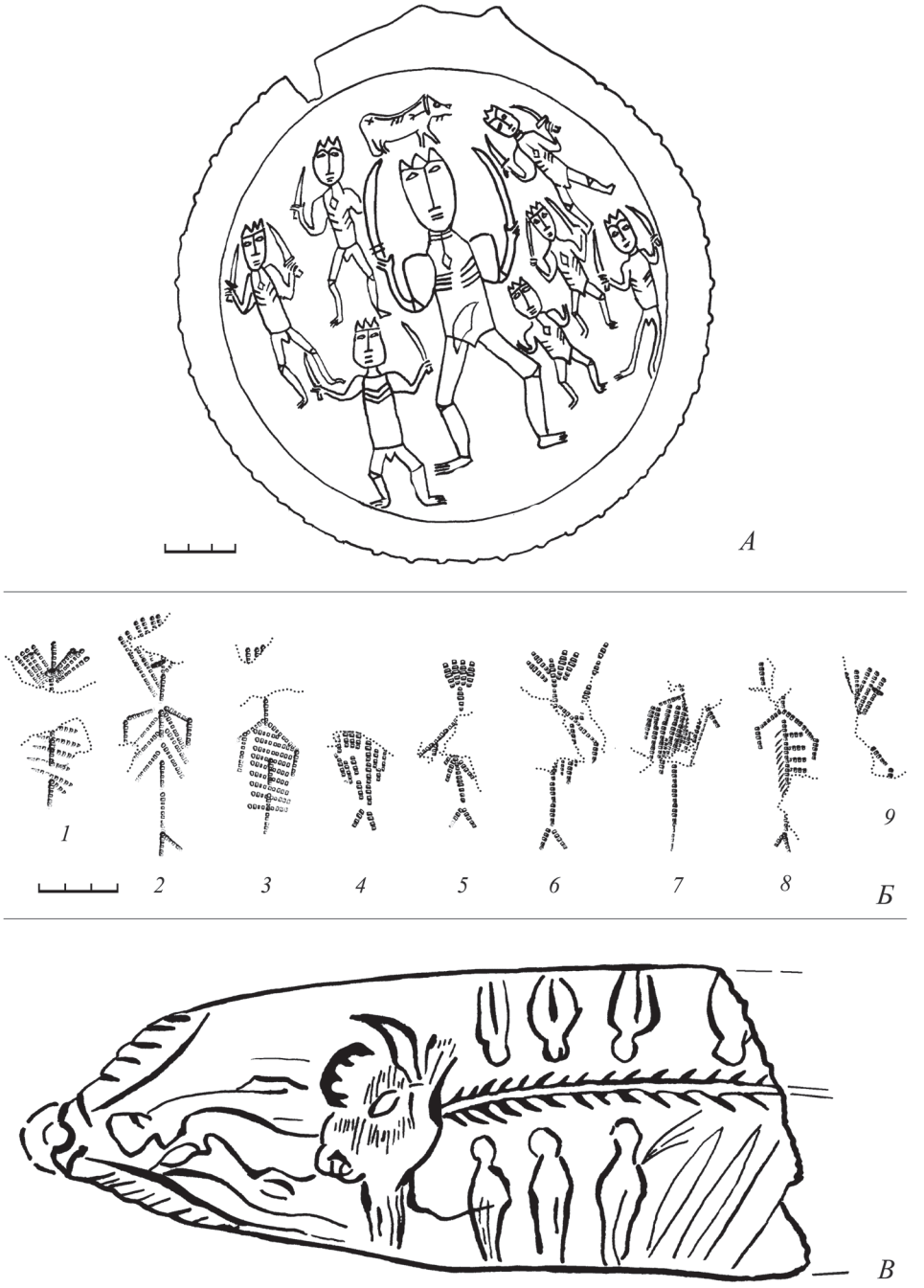


Рис. 2. Вариативность рентгеновского стиля в искусстве каменного века – Средневековья

А – гравировка с таежными богатырями на хазарском блюде (по: *Плетнева*, 1981. Рис. 49: *2*); *Б* – образы на керамике с поселения Большая Умытья 9 (по: *Клементьева, Погодин*, 2017. Рис. 2); *В* – сцена поедания бизона на пластине из грота Раймонден (по: *Ефименко*, 1938. Рис. 243)

напротив, нырнуть в воду (*Кокшаров*, 2000. С. 41–53). Таким образом, герои остяцких былин наделялись функциями медиаторов, как и восточносибирские шаманы. Неудивительно, что эпические воины запечатлены в рисунках средневекового населения Приобья (рис. 2: *А*).

В разное время в урало-сибирской тайге возникали многочисленные святилища в честь языческих героев, воспринимавшихся в качестве ранжированных духов-покровителей. Следя за порядком, отраженным в мифологической картине мира, они защищали людей от врагов, болезней и прочих бед. В соответствии со статусом, они окружались помощниками и помощницами, среди которых нашлось место духах-мэнквам. На святилища приносилось оружие, посуда и другие предметы, необходимые покровителям, совершались жертвоприношения. Вспоминая слова К. Ф. Карьялайнена, что в богатом мире духов обских угров никогда не удастся выявить их число и имена (*Карьялайнен*, 1995. С. 6), мы вправе отнести их и к многочисленным антропоморфным образам Шигирского идола.

Изложенное выше не противоречит рисункам на энеолитическом сосуде с поселения Большая Умытья 9 на р. Конда (*Клементьева, Погодин*, 2017. Рис. 1–2). Несмотря на значительную стилизацию 9 запечатленных персонажей, хорошо читается их множественность, воплощенная отчасти в скелетной манере (рис. 2: *Б*, *1–9*). Локализация существ в одной орнаментальной зоне может отражать их равенство. Вероятно, это еще одна группа мифических героев (антропоморфных, зооморфных или иных?), встроенных в систему миропонимания древнего населения р. Конды.

Выводы

Многолетнее изучение Шигирского идола показывает, что информация, содержащаяся в его фигуративных и нефигуративных образах, может быть понята и проинтерпретирована с привлечением новых археологических источников, новых датировок или при обращении к фольклору и этнографии народов Сибири. В процессе работ обозначились исследовательские темы частного и общего характера.

Один из поднятых сюжетов сфокусирован на реализации перспективы при передаче множественности однотипных антропоморфных образов. Конечно, он является достаточно узким, уходящим в плоскость более широкой проблемы преемственности в изобразительной деятельности древнего уральского населения в позднем палеолите и мезолите (*Широков*, 2018. С. 39–43). В этой связи справедливо мнение А. П. Окладникова об условности разрыва между искусством палеолита и последующего времени (*Окладников*, 1967. С. 127).

Совершенно очевидно, что при дефиците хорошо датированных источников любое суждение по данному поводу будет оспорено как недоказуемое и ошибочное. Однако это не повод отказаться от поиска переходных форм палеолитического искусства к мезолитическому. Трансформация могла принять неожиданное художественное решение, отражая в проявлении своеобразный информационный код.

В поиске палеолитических истоков рентгеновского стиля обращает внимание сюжетный рисунок-гравюра из грота Раймонден (*Ефименко*, 1938. Рис. 243). 7 статичных обезличенных антропоморфов с хордами, лишенные индивидуальных особенностей, окружают бизона во время его обрядового поедания (рис. 2: *В*). Детально проработанные голова и передние конечности зверя контрастируют со схематично изображенным позвоночником и ребрами, напоминающими, скорее, рыбные. Животное воплощено в своеобразном сплаве реализма и скелетного стиля, нетипичном для ледниковой эпохи. В той же (но не аналогичной) манере предстают разнополые персонажи в Шигире (рис. 1: *А*, *4, 7*).

На идоле отчетливо фиксируется иконографический канон в воплощении антропоморфов в рентгеновском стиле. Они расположены анфас, на согнутых в коленях ногах, и со ступнями, разведенными на 180º (*Кокшаров*, 1990а. С. 23; 2010. С. 20). При необходимости в области головы схематично обозначались глаза и рот, хотя обезличенные персонажи были тоже нередки. Древние художники проявляли исключительную вариативность в реализации рентгеновского стиля.

И, наконец, последнее замечание. Изобразительное творчество мезолита демонстрирует отход от выраженного зооморфизма, присущего палеолитическому искусству. Возникает закономерный вопрос: почему человек (антропоморф) оттесняет образы животных? В этом отношении любопытны размышления В. В. Евсюкова о том, что более или менее отвлеченное понятие «человек» (и стало быть, тиражирование его образа. – *С. К.*) становится возможным только после установления регулярных межродовых брачных связей. Чтобы увидеть себя, человек нуждается в отражении себе подобных, которые располагались бы не слишком близко, но и не чересчур далеко. Иначе, в первом случае отражение сольется в одно пятно, а во втором, будучи недосягаемым для взгляда, вынужденно будет уступить место фантастическим образам (*Евсюков*, 1988. С. 119).

ЛИТЕРАТУРА

Баранов Н. Н., Белобородов В. К., Вершинин Е. В., Горшков С. В., Дмитриева Т. Н., Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Миненко Н. А., Морозов В. М., Патрикеев Н. Б., Попов Н. Н., Прищепа А. И., Шашков А. Т., Черкашин Г. В., 2000. Очерки истории Югры. Екатеринбург: Волот. 408 с.

Басилов В. Н., 1993. Шаманство [Шаманизм] // Свод этнографических терминов и понятий. М.: Наука. С. 221–225.

Бобров В. В., 2018. Шигирский идол: истоки монументальной скульптуры // УИВ. № 1 (58). С. 45–54.

Григорьев Г. П., 2016. Палеолит: Начало искусства // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт. С. 310–319.

Дэвлет Е. Г., 2016. К истокам изобразительной деятельности: древнейшее искусство в пещерах и под открытым небом // Верхний палеолит: образы, символы, знаки: каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт. С. 310–319.

Дэвлет Е. Г., 2018. «Прозрачная плоть»: к проблеме интерпретации антропоморфных изображений на Шигирском идоле // УИВ. № 1 (58). С. 20–28.

Евсюков В. В., 1988. Мифология китайского неолита. Новосибирск: Наука. 128 с.

Елинек Я., 1982. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия. 560 с.

Ефименко П. П., 1938. Первобытное общество. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. 636 с.

Иванов С. В., 1970. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX вв. Л.: Наука. 296 с.

Кабо В. Р., 1972. Синкретизм первобытного искусства (по материалам австралийского изобразительного искусства) // Ранние формы искусства / Сост. С. Ю. Неклюдов; отв. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Искусство. С. 275–299.

Карьялайнен К. Ф., 1995. Религия югорских народов. Т. 2. Томск: Томский ун-т. 248 с.

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2017. Сюжетный рисунок на энеолитическом сосуде с верховьев Конды // Археология и история Северо-Западной Сибири / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий. С. 50–58. (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. VI.)

Кокшаров С. Ф., 1990а. Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи энеолита // *Кокшаров С. Ф., Широков В. Н.* Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Препринт. Свердловск: УрО АН СССР. С. 4–28.

Кокшаров С. Ф., 1990б. К вопросу о содержании и датировке одной группы уральских писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.: Наука. С. 79–83.

Кокшаров С. Ф., 2000. Громовержцы обских угров // Историческая наука на рубеже веков: статьи и материалы науч. конф., посвящ. 60-летию ист. факультета Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург: Волот. С. 40–56.

Кокшаров С. Ф., 2010. Об истоках антропоморфных образов на керамике самусьской культуры // УИВ. № 1 (26). С. 15–20.

Кокшаров С. Ф., 2015. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург. 48 с.

Кокшаров С. Ф., 2020. Вариант передачи перспективы в резьбе Большого Шигирского идола // Вестник Томского государственного университета. История. № 67. С. 137–144.

Кокшаров С. Ф., Стефанова Н. К., 1993. Поселение Волвонча I на реке Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: УИФ Наука. С. 54–67. (Вопросы археологии Урала; вып. 22.)

Мошинская В. И., 1976. Древняя скульптура народов Урала и Западной Сибири. М.: Наука. 132 с.

Окладников А. П., 1967. Утро искусства. Л: Искусство. 136 с.

Окладников А. П., Петрин В. Т., 1982. Новая пещера на Урале с палеолитическими росписями // Природа. № 1. С. 70–75.

Патканов С. К., 1891. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. III. С. 85–116.

Петрин В. Т., 1992. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука. 207 с.

Плетнева С. А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 62–75. (Археология СССР.)

Савченко С. Н., 1999. История формирования коллекции шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В. Ф. Генинга: материалы науч. конф. Ч. 1. Из истории уральской археологии / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т. С. 46–53.

Савченко С. Н., Жилин М. Г., 2004. О новых деталях изображений Большого Шигирского идола // Четвертые Берсовские чтения / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Аква-Пресс. С. 130–147.

Савченко С. Н., Жилин М. Г., Тербергер Т., Хойсснер К.-У., 2018. Большой Шигирский идол в контексте раннего мезолита Урала // УИВ. № 1 (58). С. 8–19.

Толмачев В. Я., 1916. Деревянный идол из Шигирского торфяника // ИАК. Вып. 60. С. 94–99.

Фролов Б. А., 1974. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука. 240 с.

Чаиркина Н. М., 2013. Большой Шигирский идол // УИВ. № 4 (41). С. 100–110.

Широков В. Н., 2006. Проблема возраста настенных изображений Игнатиевской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красного пигмента // РА. № 2. С. 99–105.

Широков В. Н., 2018. Плейстоценовые прототипы голоценовых изображений Урала // УИВ. № 1 (58). С. 39–44.

Широков В. Н., Петрин В. Т., 2013. Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург: Ажур. 190 с.

Palacio-Perez E., 2013. The Origin of the Concept of «Palaeolithic Art»: Theoretical Roots of an Idea // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 20. No. 4. P. 682–714.
Quaternary International. 2021. Vol. 573. 112 p.
Ščelinskij V. E., Širokov V. N., 1999. Höhmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhölen im südlichen Ural. Thorbecke: Sigmaringen. 171 p.

Сведения об авторе

Кокшаров Сергей Федорович, Центр археологии эпохи металла Институт истории и археологии УрО РАН, ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108; Уральский федеральный университет, ул. Тургенева, 4, Екатеринбург, 620083, Россия; e-mail: serg.koksharov@mail.ru; sergey.koksharov@urfu.ru

S. F. Koksharov

ANTHROPOMORPHS OF THE BIG SHIGIR IDOL (HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

Abstract. This historiographical essay describing studies of the anthropomorphic figures on the Big Shigir idol (Fig. 1: *A*) reflects the flow of thought and contribution of some researchers. Key finds and dating materials that offered an opportunity to understand semantics of specific figures on this sculpture are reviewed chronologically. It highlights importance of Eneolithic pottery featuring drawings of anthropomorphs from the Volvoncha I site (Western Siberia) and Paleolithic drawings at Ignatievskaya Cave (Southern Urals) that helped identify creatures of different sexes on the sculpture (Fig. 1: *A, 4, 7*; *B, 1–4*). Of special value are calibrated ^{14}C dates for the idol timber. They confirm the early Holocene Age of the samples and lend credibility to comparison of figurative images dating to the Paleolithic and the Mesolithic. In this connection, particular narratives related to perspective representation, an X-ray style in art, etc. are updated (Fig. 2: *A–B*). The author takes stock of archaeologists' views regarding interpretation of both separate creatures on the Shigir idol and the entire composition. The final part of the essay emphasizes importance of the idol as an archaeological source for studying Stone Age art. This is in particular true with respect to understanding the processes of artwork as it transformed during transition from the Paleolithic to the Mesolithic as well as the issue of predominance of anthropomorphic images in the art of the early Holocene.

Keywords: Big Shigir idol, Volvoncha I, Ignatievka, art, perspective, X-ray style in art.

REFERENCES

Baranov N. N., Beloborodov V. K., Vershinin E. V., Gorshkov S. V., Dmitrieva T. N., Zykov A. P., Koksharov S. F., Minenko N. A., Morozov V. M., Patrikeev N. B., Popov N. N., Prishchepa A. I., Shashkov A. T., Cherkashin G. V., 2000. Ocherki istorii Yugry [Essays on the history of Ugrians]. Yekaterinburg: Volot. 408 p.
Basilov V. N., 1993. Shamanstvo (Shamanizm) [Shamanism (Shamanism)]. *Svod etnograficheskikh terminov i ponyatiy [A corpus of ethnographic terms and concepts]*. Moscow: Nauka, pp. 221–225.
Bobrov V. V., 2018. Shigirskiy idol: istoki monumental'noy skul'ptury [Shigir idol: the origins of monumental sculpture]. *UIV*, 1 (58), pp. 45–54.
Chairkina N. M., 2013. Bol'shoy Shigirskiy idol [Big Shigir idol]. *UIV*, 4 (41), pp. 100–110.

Devlet E. G., 2016. K istokam izobrazitel'noy deyatel'nosti: drevneyshee iskusstvo v peshcherakh i pod otkrytym nebom [To the origins of visual activity: the earliest art in caves and in open air]. *Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki: katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya MAE RAN [Upper Paleolithic: images, symbols, signs: catalog of portable art objects and unique finds of Upper Paleolithic from archaeological collection of MAE RAS]*. G. A. Khlopachev, ed. St.Petersburg: Ekstraprint, pp. 310–319.

Devlet E. G., 2018. «Prozrachnaya plot'»: k interpretatsii antropomorfnykh izobrazheniy na Shigirskom idole [«Transparent flesh»: on interpretation of anthropomorphic images on the Shigir idol]. *UIV*, 1 (58), pp. 20–28.

Efimenko P. P., 1938. Pervobytnoe obshchestvo [Prehistoric society]. Leningrad: Gos. sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 636 p.

Elinek Ya., 1982. Bol'shoy illyustrirovannyy atlas pervobytnogo cheloveka [Big illustrated atlas of prehistoric man]. Praha: Artiya. 560 p.

Evsyukov V. V., 1988. Mifologiya kitayskogo neolita [Mythology of Chinese Neolithic]. Novosibirsk: Nauka. 128 p.

Frolov B. A., 1974. Chisla v grafike paleolita [Numbers in Paleolithic graphic art]. Novosibirsk: Nauka. 240 p.

Grigor'ev G. P., 2016. Paleolit: Nachalo iskusstva [Palaeolithic: The beginnings of art]. *Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki: katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya MAE RAN [Upper Paleolithic: images, symbols, signs: catalog of portable art objects and unique finds of Upper Paleolithic from archaeological collection of MAE RAS]*. G. A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: Ekstraprint, pp. 310–319.

Ivanov S. V., 1970. Skul'ptura narodov severa Sibiri XIX – pervoy poloviny XX v. [Sculpture of peoples of the North of Siberia of XIX – first half of XX c.]. Leningrad: Nauka. 296 p.

Kabo V. R., 1972. Sinkretizm pervobytnogo iskusstva (po materialam avstraliyskogo izobrazitel'nogo iskusstva) [Syncretism of primitive art (based on materials of Australian figurative art)]. *Rannie formy iskusstva [Early forms of art]*. S. Yu. Neklyudov, comp., E. M. Meletinskiy, ed. Moscow: Iskusstvo, pp. 275–299.

Kar'yalaynen K. F., 1995. Religiya yugorskikh narodov [Religion of the Ugric peoples], 2. Tomsk: Tomskiy universitet. 248 p.

Klement'eva T. Yu., Pogodin A. A., 2017. Syuzhetnyy risunok na eneoliticheskom sosude s verkhov'ev reki Kondy [Subject drawing on a Neolithic vessel from the Konda river upper reaches]. *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoy Sibiri [Archaeology and history of Northwest Siberia]*. A. Ya. Trufanov, ed. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Uralskiy rabochiy, pp. 50–58. (Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoy Sibiri, IV.)

Koksharov S. F., 1990a. Opyt rekonstruktsii nekotorykh mifologicheskikh predstavleniy kondinskogo naseleniya epokhi eneolita [The experience of reconstruction of some mythological representations of the Konda population of the Eneolithic era]. *Koksharov S. F., Shirokov V. N. Materialy po izobrazitel'noy deyatel'nosti drevnego naseleniya Urala [Materials on visual activity of the Urals ancient population]*. Preprint. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, pp. 4–28.

Koksharov S. F., 1990b. K voprosu o soderzhanii i datirovke odnoy gruppy ural'skikh pisanits [On the content and dating of one group of Ural rock art objects]. *Problemy izucheniya naskal'nykh izobrazheniy v SSSR [Problems of studying rock art in the USSR]*. M. A. Devlet, ed. Moscow: Nauka, pp. 79–83.

Koksharov S. F., 2000. Gromoverzhtsy obskikh ugrov [Thunder gods of the Ob Ugrians]. *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov [Historical science at the turn of the century]*. D. A. Redin, ed. Yekaterinburg: Volot, pp. 40–56.

Koksharov S. F., 2010. Ob istokakh antropomorfnykh obrazov na keramike samus'skoy kul'tury [On the origins of anthropomorphic images on ceramics of Samus culture]. *UIV*, 1 (26), pp. 15–20.

Koksharov S. F., 2015. Kul'tura naseleniya severa Zapadnoy Sibiri v bronzovom veke: avtoreferat dissertatsii … doktora istoricheskikh nauk [Culture of population of the North of Western Siberia in the Bronze Age: Thesis presented for the degree of Doctor of Science]. Yekaterinburg. 48 p.

Koksharov S. F., 2020. Variant peredachi perspektivy v rez'be Bol'shogo Shigirskogo idola [A variant of showing perspective in carving of Big Shigir idol]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk state university. History]*, 67, pp. 137–144.

Koksharov S. F., Stefanova N. K., 1993. Poselenie Volvoncha I na reke Konde [Settlement of Volvoncha I on Konda river]. *Pamyatniki drevney kul'tury Urala i Zapadnoy Sibiri [Monuments of ancient culture in the Urals and Western Siberia]*. Yekaterinburg: UIF Nauka, pp. 54–67. (Voprosy akheologii Urala, 22.)

Moshinskaya V. I., 1976. Drevnyaya skul'ptura Urala i Zapadnoy Sibiri [Early sculpture of Urals and Western Siberia]. Moscow: Nauka. 132 p.

Okladnikov A. P., 1967. Utro iskusstva [The dawn of art]. Leningrad: Iskusstvo. 136 p.

Okladnikov A. P., Petrin V. T., 1982. Novaya peshchera na Urale s paleoliticheskimi rospisyami [A new cave in Urals with Paleolithic paintings]. *Priroda [Nature]*, 1, pp. 70–75.

Patkanov S. K., 1891. Starodavnyaya zhizn' ostyakov i ikh bogatyri po bylinam i skazaniyam [Ancient life of the Ostyaks and their heroes according to epics and legends]. *Zhivaya starina [Living Past]*, III, pp. 85–116.

Petrin V. T., 1992. Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoy peshchere na Yuzhnom Urale [Paleolithic sanctuary in Ignatievskaya cave in Southern Urals]. Novosibirsk: Nauka. 207 p.

Pletneva S. A., 1981. Saltovo-mayatskaya kul'tura [Saltov-Mayatskaya culture]. *Stepi Evrazii v epokhu Srednevekov'ya [Steppes of Eurasia in Middle Ages]*. S. A. Pletneva, ed. Moscow: Nauka, pp. 62–75. (Arkheologiya SSSR.)

Savchenko S. N., 1999. Istoriya formirovaniya kollektsii shigirskikh drevnostey v Sverdlovskom oblastnom kraevedcheskom muzee [History of formation of the collection of Shigir antiquities in Sverdlovsk regional museum of local lore]. *120 let arkheologii vostochnogo sklona Urala: Pervye chteniya pamyati V. F. Geninga [120 years of archaeology of the Urals eastern slope: The first readings in memory of V. F.], 1. Iz istorii ural'skoy arkheologii [From the history of Ural archeology]*. V. T. Kovaleva, ed. Yekaterinburg: Ural'skiy gos. universitet, pp. 46–53.

Savchenko S. N., Zhilin M. G., 2004. O novykh detalyakh izobrazheniy Bol'shogo Shigirskogo idola [On new details of the images on Big Shigir idol]. *Chetvertye Bersovskie chteniya [Fourth Bers readings]*. V. T. Kovaleva, ed. Yekaterinburg: Akva-Press, pp. 130–147.

Savchenko S. N., Zhilin M. G., Terberger Th., Heussner K.-U., 2018. Bol'shoy Shigirskiy idol v kontekste rannego mezolita Zaural'ya [Big Shigir idol in context of Early Mesolithic of the Trans-Urals]. *UIV*, 1 (58), pp. 8–19.

Shirokov V. N., 2006. Problema vozrasta nastennykh izobrazheniy Ignatievskoy peshchery v svyazi s pervymi radiouglerodnymi datirovkami krasnogo pigmenta [The problem of age of the wall images of the Ignatievskaya cave in relation with the first radiocarbon datings of red pigment]. *RA*, 2, pp. 99–105.

Shirokov V. N., 2018. Pleystotsenovye prototipy golotsenovykh izobrazheniy Urala [Pleistocene prototypes of Holocene images of the Urals]. *UIV*, 1 (58), pp. 39–44.

Shirokov V. N., Petrin V. T., 2013. Iskusstvo lednikovogo veka. Ignatievskaya i Serpievskaya 2 peshchery na Yuzhnom Urale [The art of Glacial Age. Ignatievskaya and Serpievskaya 2 caves in South Urals]. Yekaterinburg: Azhur. 190 p.

Tolmachev V. Ya., 1916. Derevyannyy idol iz Shigirskogo torfyanika [A wooden idol from Shigir peat bog]. *IAK*, 60, pp. 94–99.

About the author

Koksharov Sergey F., Center of Metal Epoch Archaeology of the Institute of History and Archaeology Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. S. Kovalevskoy, 16, Yekaterinburg, 620108; Ural Federal University, ul. Turgeneva, 4, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; e-mail: serg.koksharov@mail.ru; sergey.koksharov@urfu.ru

А. Н. Медведь

ДРЕВО-ЗЕМЛЯНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ В ИТАЛИИ XVI в. – СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ

…земляные работы – это в большей степени занятие солдата, нежели каменщика.

Г. Галилей

Резюме. Статья посвящена истории развития древо-земляной фортификации в Европе второй половины XVI в. Рассматриваются два трактата, посвященные созданию древо-земляных укреплений, – Дж. Лантьери «Duo libri del modo di fare le fortificazioni di terra» (1550-е гг.) и Г. Галилея «Breve Instruzione all'architettura militare» (1590-е гг.). Анализируются особенности создания укреплений, изложенные в этих трактатах, сравниваются технологические приемы, описанные авторами. Проводится сравнение с более ранними итальянскими произведениями на аналогичную тематику. Делается вывод о том, что во второй половине XVI в. в Италии сформировалась и получила свое дальнейшее развитие технологическая традиция создания земляных фортификаций.

Ключевые слова: история фортификации, Джакомо Лантьери, Галилео Галилей, эпоха Ренессанса, земляные укрепления в Италии, теория фортификации.

Целью данной работы является введение в научный оборот новых для отечественной историографии источников, связанных с историей развития древо-земляных фортификаций.

Древо-земляные укрепления бытовали на территории современной Италии еще с эпохи античности, возможно, вобрав в себя опыт еще более ранних исторических периодов. Так, известно, по крайней мере, три случая, когда итальянские средневековые замки основывались на местах существования поселений бронзового века. Например, в Castione Marchesi были выявлены укрепления, состоявшие из деревянных срубов, рубленных «в обло». Бревна таких срубов были квадратными в сечении, а сами срубы были забиты землей, представлявшей

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.396-409

собой культурный слой поселения бронзового века (*Bottazzi*, 1998. P. 86) (рис. 1: *а*). Датировка данного укрепления (бронзовый век) проводилась авторами раскопок именно по заполнению срубов, хотя очевидно, что сами срубы имели средневековое происхождение.

Надо отметить, что в эпоху античности в итальянских землях сооружались укрепления с использованием дерева и земли, однако они не были предметом теоретического осмысления. Например, в трактате Витрувия «Десять книг об архитектуре» мы не встретим описания технологии создания таких фортификаций – основное внимание автор уделяет сооружению каменных стен и башен. Но при этом он кратко останавливается на способе создания земляных валов для размещения на них каменных стен. Насыпи из дерева и земли упоминаются в трактате Вегеция «О военном деле». Хотя и в нем не дается описания технологии возведения таких насыпей.

Итальянские исследователи отмечают, что укрепления с использованием как земли и дерева вместе, так и обоих этих элементов по отдельности были широко распространены в эпоху Средневековья, когда уже существовали вполне развитые строительные технологии, использовавшиеся при создании каменной фортификации.

Так, укрепление, созданное из дерева, изображено на фреске Палаццо Публико в Сиене (1320-е гг.), это каменный замок в провинции Тоскана (регион Маремма), окруженный деревянным частоколом. Причем частокол защищал не только территорию, примыкающую непосредственно к замку, но и церковь, и дома поселения (*Farinelli*, 2013. P. 65) (рис. 1: *б*). Он представлял собой вертикально вбитые заостренные в верхней части колья, соединенные в трех местах (в нижней части, у самой земли, в середине и чуть ниже верха) горизонтальными перемычками. Между кольями имелось пространство, шириной примерно равное ширине колов. Ворота в этой стене также были деревянными. Очевидно, что подобные оборонительные сооружения были еще актуальны в эпоху, предшествовавшую распространению огнестрельного оружия. Кстати, на другой фреске из этого же архитектурного комплекса изображен еще один частокол, защищавший другой замок и полевой лагерь (рис. 1: *в*).

Р. Фаринелли упоминает и о других примерах, известных по документам, когда для защиты поселений в XIII и XIV вв. использовались земляные насыпи, рвы и деревянные палисады. Причем в ряде случаев в таких оборонительных комплексах стены были земляными, а ворота сооружались из камня (Ibid. P. 65). Такие укрепления возводились руками самих жителей городов и не требовали серьезных знаний в области теории фортификации. Фаринелли для характеристики таких работ использовал определение «esperienze comunali» («общественные мероприятия»).

С развитием огнестрельного оружия усложнились и системы обороны, а с распространением бастионной системы от создателей крепостей (в том числе и древо-земляных) стал требоваться несколько больший объем знаний, умений и навыков. Кроме того, несколько изменился и состав людей, создававших такие укрепления, – к группам горожан или крестьян, сооружавших земляные стены для защиты своих городов и поселков, добавились военные подразделения, солдаты, строившие полевые укрепления для ведения боевых действий. Вероятно,

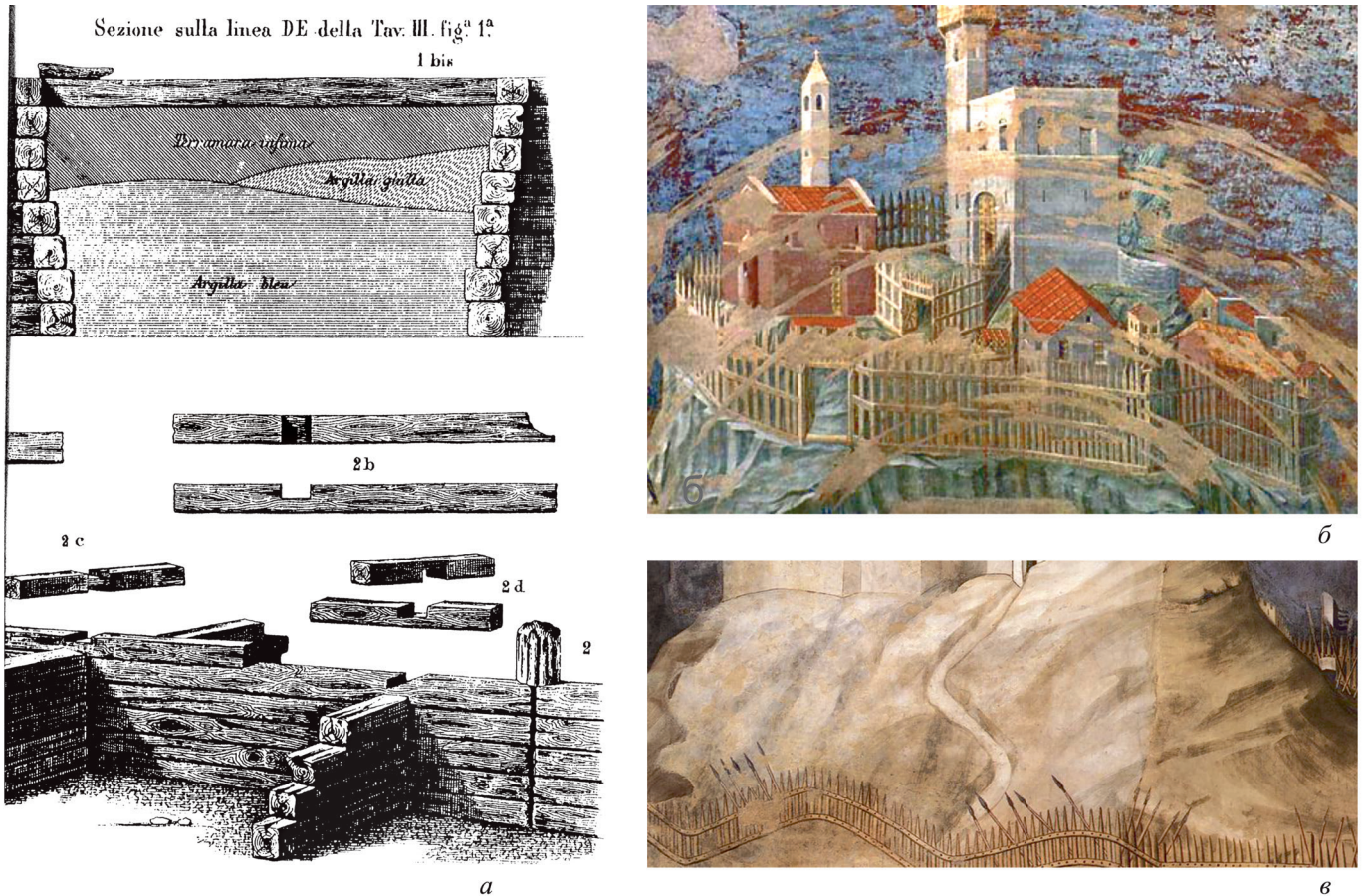


Рис. 1. Средневековые древо-земляные укрепления на территории Италии

а – срубные конструкции, обнаруженные во время раскопок Castione Marchesi; *б* – фрагмент фрески из Палаццо Публико (1320-е гг.) с изображением каменного замка, окруженного деревянным частоколом; *в* – фрагмент фрески из Палаццо Публико с изображением деревянного частокола, окружавшего полевой лагерь

с такими изменениями и связано появление первых теоретических работ, посвященных технологии создания древо-земляных укреплений.

Первым из известных нам произведений, где был обобщен опыт создания древо-земляных укреплений, стал трактат итальянского фортификатора Джованни Баттисты Беллуцци «Tratato dele fortificatio ni de terra» – «Трактат о земляных укреплениях» (Trattato…), созданный между 1540 и 1554 гг., где автор рассматривает технологию создания полевых укреплений с использованием земли и деревянных конструкций.

Биографию автора, равно как и сам трактат, мы кратко рассматривали в отдельной публикации (*Медведь*, 2021).

Каково было дальнейшее развитие идей Дж. Б. Беллуцци?

Здесь надо отметить, что во второй половине XVI в. в Италии появляется довольно много работ, посвященных сооружению земляных укреплений. Ряд из них представлял собой компиляцию из трактата Дж. Б. Беллуцци, а некоторые являлись прямым плагиатом этой работы.

Например, известен Джакомо Лантьери из Брешии и его трактат «Duo libri del modo di fare le fortificazioni di terra» («Две книги о том, как сделать земляные укрепления»), опубликованный в Венеции в 1559 г. (Lanteri, 1559). Первая книга этого трактата не что иное, как слегка переделанная работа Беллуцци. Кстати, эта же участь постигла и некоторые другие трактаты Беллуцци – так, болонский автор Франческо де Марчи вообще полностью скопировал трактат о фортификации 1550 г., подготовленный Беллуцци для Медичи. Причем Марчи скопировал не только текст, но и все 62 рисунка фортов и крепостей, спроектированных Беллуцци (правда, рукопись де Марчи так и осталась неопубликованной) (*Lamberini*, 2007. P. 127).

Из наиболее полных, кроме трактатов Дж. Б. Беллуцци, Ф. де Марчи и Дж. Лантьери, отметим работы Бернардо Пуччини, Джованни Баттиста Делла Валле, Дж. Б. Занки и трактата Пьетро Катанео; в любом случае они являются первыми изданными в печатном виде и посвященными конкретно земляным укреплениям.

В этом ряду трактат упомянутого выше Дж. Лантьери «Duo libri del modo di fare le fortificazioni di terra» («Две книги о том, как сооружать земляные укрепления») признается исследователями самым первым печатным трактатом, специально посвященным земляным укреплениям.

В отличие от Дж. Б. Беллуцци, биография Джакомо Лантьери изобилует белыми пятнами[1]. Лантьери происходил из Брешии. Год его рождения неизвестен, но предполагается, что будущий фортификатор родился ок. 1530 г. Пик его деятельности пришелся на 1560-е гг., когда под его фамилией публикуется ряд трактатов на латинском и итальянском языках. Известно, что перу Лантьери принадлежит несколько трактатов по фортификации, агрономии и экономике. Об успехе произведений мы знаем из источников (почти все они подчеркивают некоторую известность, приобретенную Лантьери с его трактатами, и то, как они способствовали приобретению должности у короля Испании Филиппа II).

[1] Биография Лантьери фрагментарно рассмотрена в работе Марко Биффи (*Biffi*, 2017). Мы используем данные из этой статьи.

Впрочем, даже несмотря на эту известность, год смерти Дж. Лантьери точно неизвестен. Некоторые документальные источники упоминают имя Лантьери в 1571 г. Вероятно, Лантьери скончался в 1570-е гг. Известно лишь, что он был похоронен в Неаполе, а на его могиле был выгравирован девиз «Numquam sistenda» («Никогда не останавливайся»).

Несмотря на очевидный плагиат, содержащийся в первой книге Лантьери «Две книги о том, как сооружать земляные укрепления», тем не менее в целом этот труд является дальнейшим развитием теории земляной фортификации[2]. Кстати, содержание первой книги трактата Дж. Лантьери в отдельных разделах уточняет и расширяет аналогичные разделы в трактате Дж. Б. Беллуцци[3]. То есть с полным правом первую книгу трактата можно посчитать творчески переосмысленным плагиатом.

В первой книге мы встречаемся с уже знакомыми нам по трактату Беллуцци терминами («stipa», «catene» и др.), описаниями конструкции земляных стен. Разве что трактат Беллуцци содержит гораздо большее количество рисунков, поясняющих текст, – рисунков в работе Лантьери несколько меньше.

Вторая книга трактата Дж. Лантьери посвящена пространственной организации укреплений. Хотя здесь вновь можно встретиться с сюжетами, о которых автор говорил в первой книге. Так, после краткого введения в разделе VI он вновь обращается к технологии создания свайного поля, дополненного «catene» («цепью») – деревянными рейками, соединенными друг с другом. Как и у Беллуцци, сваи должны были располагаться в шахматном порядке, однако при этом они забивались в землю, оставаясь над ней на небольшой высоте – не более 1 браччо (рис. 2: *а*). В трактате описано устройство, применявшееся для удержания свай в вертикальном состоянии во время забивки (рис. 3: *а*).

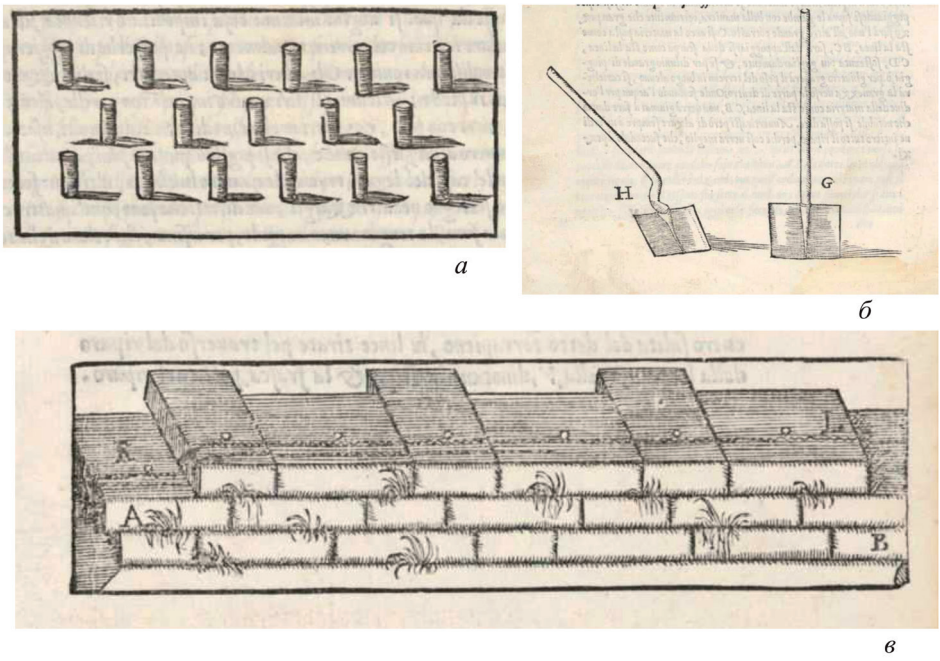
XIII глава подробно (с иллюстрациями) рассказывает о методике создания дерновых кирпичей. Описываются и два инструмента для таких работ – это нечто вроде заступа (для вертикальной нарезки) и приспособление для горизонтальной подрезки грунта (рис. 2: *б*).

Следующая глава посвящена укладке таких кирпичей. Дерновые кирпичи были двух видов – прямоугольные и квадратные. При укладке следовало чередовать квадратный и прямоугольный кирпичи. В чем-то это напоминает кладку «тычок-ложок», однако имеется нюанс – прямоугольные кирпичи были длиннее и выступали за линию кладки в ее задней части (рис. 2: *в*). Вероятно, такая конструкция была должна обеспечить плотный контакт передней и задней линий кладки. Дерновые блоки соединялись друг с другом «гвоздями» («chiodi»). Скорее всего, так были обозначены тонкие деревянные колышки.

[2] G. Lanteri, Duo libri di M. Giacomo Lanteri di Paratico da Brescia del modo di fare le fortificationi di terra intorno alle città, & alle castella per fortificarle, et di fare così i forti in campagna per gli alloggiamenti de gli esserciti, come anco andar sotto ad una terra, & di fare i ripari nelle batterie, Appresso B. Zaltieri, per F. Marcolini, Venezia 1559.

Электронная копия трактата опубликована: https://archive.org/details/dvolibridimgiaco00lant/mode/2up

[3] В своей статье М. Биффи привел несколько примеров таких отличий.



а *б* *в*

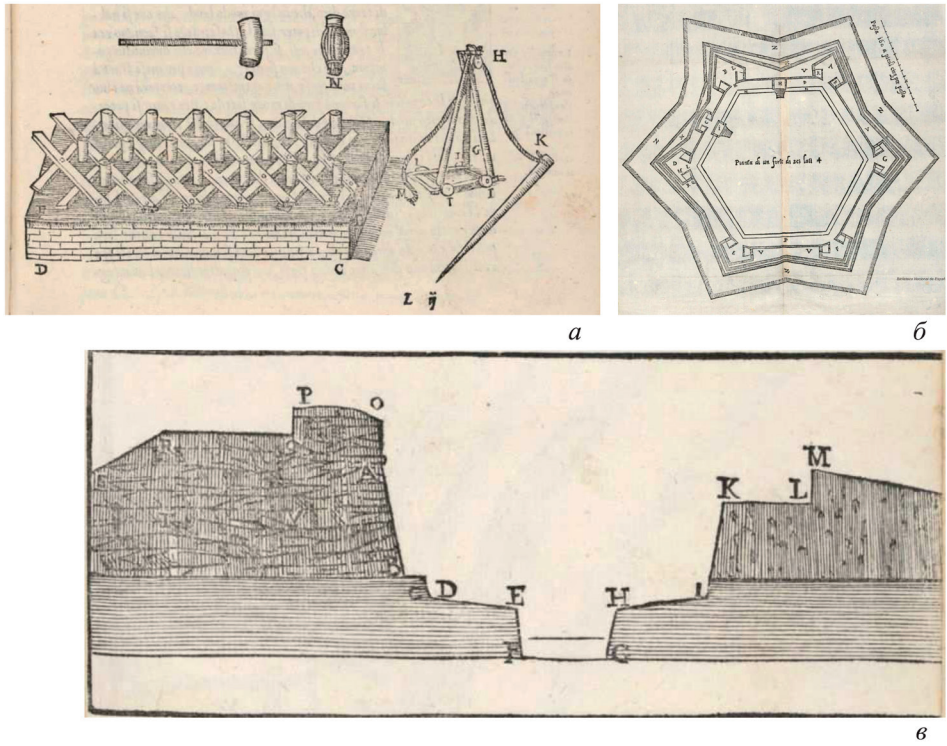
Рис. 2. Рисунки из трактата Дж. Лантьери

а – свайное основание крепостной стены; *б* – инструменты для нарезки земляных кирпичей; *в* – порядок укладки земляных кирпичей

В этой же главе опубликован рисунок профиля земляной крепости. На этом профиле мы видим собственно стену, состоящую из трех частей, – внутренней части, имеющей наклон в 45° в сторону тыла, средней части (боевого хода) и парапета, внешняя часть которого имеет небольшой наклон вперед. Насыпь имеет откос в нижней части («scarpa»). Сопутствующие элементы древо-земляной крепости стандартны: эскарп, ров (с плоским дном), контрэскарп, за которым следовала эспланада (рис. 3: *в*).

Дж. Б. Беллуцци почти ничего не говорил о форме земляных крепостей, вероятно, считая, что она в каждом конкретном случае зависит от местности, в которой эти крепости создаются. Хотя использование терминологии, характерной для каменной архитектуры (амбразура, парапет, бастион, кавальер и др.), подразумевает, что форма земляных крепостей должна была повторять общий рисунок бастионных крепостей Италии того времени.

В трактате Дж. Лантьери уже содержатся планы крепости и схемы, помогающие создать земляные бастионы. Ожидаемо эти планы полностью повторяют аналогичные схемы и планы, содержавшиеся в трактатах, описывавших каменные фортификации. Земляная крепость Лантьери в трактате имела классическую шестиугольную форму (по более поздним представлениям, именно она являлась оптимальной для бастионных фортификаций) (рис. 3: *б*).



а *б* *в*

Рис. 3. Рисунки из из трактата Дж. Лантьери

а – конструкция основания древо-земляной крепости и отдельные приспособления для забивки свай; *б* – план крепости; *в* – крепостные сооружения в разрезе

С распространением и совершенствованием каменной бастионной фортификации фортификация земляная также получила свое развитие.

Трактат Лантьери позже стал объектом копирования (как творческого, так и вполне банального). Уже в 1571 г. латинская версия «Duo libri…» была повторно использована Джакомо Видали, который заменил первые 4 страницы и озаглавил это произведение «De subtilitate ac stratagemate utenda in rebus bellicis ad destruendos hostes, necnon castra, eorumque oppida fortissima… Riolante Iabico Brixiensi authore». Это произведение формально не было плагиатом, так как Дж. Видали намекнул на настоящего автора, зашифровав его имя в анаграмме Riolante Iabico (под этим именем скрывался Iacobi Lanterio); и в 1601 г. «Две книги» были вновь опубликованы в сборнике с текстами Джанбаттисты Занки и Антонио Лупичини.

В целом можно отметить, что во второй половине XVI в. в Италии сформировалась технологическая традиция сооружения земляных укреплений, получившая свое отражение в теоретических трактатах на эту тему. Тезис о наличии такой традиции подтверждается еще одним итальянским трактатом, где сооружению укреплений из земли уделено значительное внимание. Мы имеем в виду

трактат Г. Галилея «Breve Instruzione all'architettura militare» («Краткое наставление по военной архитектуре»)[4]. Он был создан великим итальянским ученым в 1592–1593 гг. на основе его лекций, читанных в Падуанском университете.

Трактат посвящен в основном каменной фортификации, однако в нем имеется раздел «Del fortificar di terra» («Укрепления из земли»).

Структура трактата Галилея в чем-то напоминает структуру произведения Беллуцци, в несколько более кратком варианте. Вначале Галилей кратко останавливается на специфике земляных укреплений, отличии технологии их сооружения от каменных крепостей. Далее он описывает материалы, которыми следовало обкладывать земляные стены, – таковыми должны были стать кирпичи, создававшиеся по двум технологиям (рис. 4: *а*). Первая технология могла использоваться в регионах, где было достаточно земли, – тогда следовало просто аккуратно вырезать куски дерна и укладывать их один на один, трамбуя. Если же в регионе было мало земли, то следовало делать сырцовые кирпичи из глины (или иного вязкого материала) с добавлением измельченного льна, пшеничной мякины. Получившаяся масса разбавлялась водой, тщательно перемешивалась, потом из нее формировались прямоугольные куски, которые просушивались и помещались в кладку.

Описываются и инструменты, которые использовались строителями, – их номенклатура в целом мало отличается от инструментов, описанных в трактате Беллуцци. Здесь мы можем видеть нож для нарезания дерновых кирпичей («coltellaccio»), деревянную лопатку для разглаживания поверхностей («mestola»), грабли для измельчения земли («rastrello»), поршень («pistone») и маццаранга (использовались для ручной трамбовки земли) (рис. 4: *б*).

Основой для **земляной стены** должна была стать конструкция из свай длиной около 14 браччо (более 8 м) и забитых в шахматном порядке. Галилей четко определял ширину свайного поля – оно должно было составлять пять рядов свай, забитых на расстоянии около 3 браччо (1,8 м) друг от друга (рис. 5: *а*). Сваи перевязывались друг с другом гибкими ветками, образуя сеть («catene») (термин, встречавшийся и в трактате Беллуцци, и у Лантьери). Особо любопытно описание корзин-габионов, которые предлагалось размещать на вершине стены, – конфигурация этих корзин почти полностью повторяет форму таких же габионов, описанных в трактате Беллуцци (рис. 5: *б*).

Сама стена выкладывалась из слоев плотной и прочной земли. Эти слои должны быть не слишком толстыми, так как их надо было максимально утрамбовать, «вбить» в предыдущий слой земли. Слои земли перемежались со слоями тонких, но прочных и длинных веток (самые толстые части должны были быть направлены наружу, тонкие – внутрь стены). Каждый слой засыпался землей, которая плотно утрамбовывалась «поршнем» либо деревянными киянками. Встречены также упоминания о фашинах (связанных вместе ветках) – их слой следовало выкладывать на два слоя утрамбованной земли.

[4] Опубликован в: Galileo Galilei. Le opera Galileo Galilei. Vol. II, sotto gli auspici di Sua Maestà il Re d'Italia. A cura di Antonio Favaro. Firenze, Tipografia di Barbera, 1891. P. 57–68.

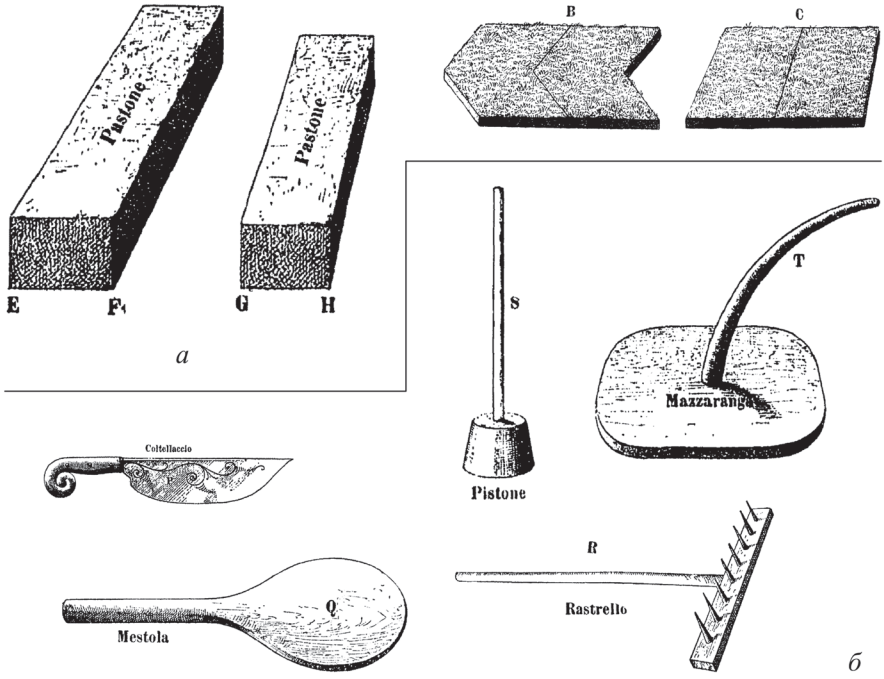


Рис. 4. Рисунки из трактата Г. Галилея

а – земляные кирпичи разной формы; *б* – инструменты, предназначенные для сооружения земляной крепости

Как и Дж. Б. Беллуцци, и Дж. Лантьери, Г. Галилей описал создание откоса в нижней части древо-земляной стены. Он создавался при помощи инструмента, аналогичного инструменту, описанному Беллуцци (рис. 5: *г*).

Верхняя площадка имела два уровня – для размещения артиллерии и пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием (рис. 5: *в*).

Артиллерийские площадки должны были делаться следующим образом. Длина и ширина площадки должны были составлять 20 браччо (12 м). Площадка имела уклон к внутренней стороне. Внешний и внутренний края артиллерийской площадки фиксировались плетнями («graticcio»). Такие же плетеные элементы должны были поддерживать площадки и с боков. Для того чтобы пушки не увязали в земле, их планировалось передвигать по доскам в три пальца толщиной.

Мы предполагаем, что уклон площадки к внутренней стороне стены делался для того, чтобы после выстрела орудие можно было откатить назад для перезарядки и охлаждения, снизив угрозу поражения пушки и прислуги ответным огнем противника.

Между площадками для артиллеристов сооружалась площадка для стрелков. Она должна была быть абсолютно горизонтальной и иметь ширину в 10 браччо (ок. 6 м). С внешней стороны стрелки были закрыты плетнями, которые изнутри

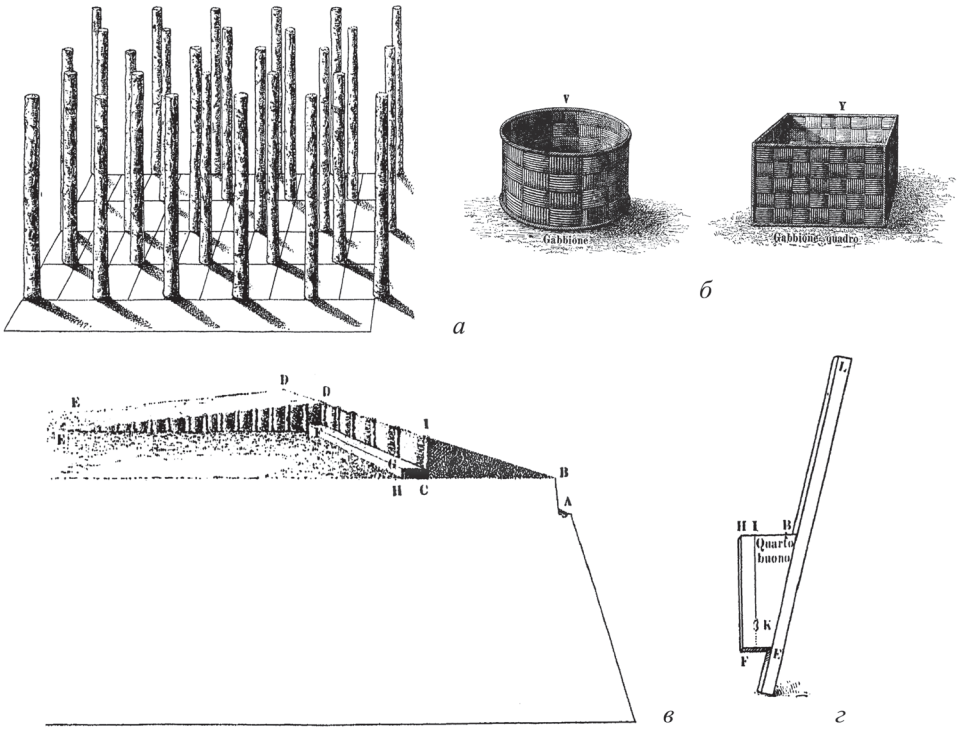


Рис. 5. Рисунки из трактата Г. Галилея

а – схема свайного поля как основы стены; *б* – корзины-габионы, располагавшиеся наверху стены; *в* – верх стены с защитными элементами и разделенный на площадки для артиллеристов и стрелков; *г* – приспособление для проверки вертикального уклона стены крепости

дополнялись толстой доской (или небольшим бревном), на которую могли опираться стрелки.

Галилей упоминал и о мерлонах, однако как их требовалось размещать, не совсем понятно.

Этот небольшой трактат завершается общими советами, как и где следует сооружать крепость. Советы эти имеют универсальный характер и касаются как каменных, так и земляных крепостей.

Кроме того, в конце трактата содержится несколько десятков чертежей, где Г. Галилей привел примеры проектирования крепостей, исходя из их возможной геометрической формы. Судя по характеру изложения материала, автор не делал различия между формой земляной и каменной фортификации – этот раздел, которым завершалась работа Галилея, словно бы объединял обе фортификации.

Как видим, в трактате Галилея встречается довольно много пересечений как с трактатом Беллуцци, так и работой Лантьери, что позволяет предположить знакомство Галилея с этими произведениями. С другой стороны, то, что знаменитый итальянец решил создать такое же произведение в рамках большого трактата о фортификации, свидетельствует о признании автором важного

значения земляных укреплений в фортификации Италии конца XVI – XVII в. При этом, конечно же, не будем сбрасывать со счетов и тот факт, что Г. Галилей не являлся профессиональным фортификатором, да и его трактат предназначался для студентов, только ступавших на путь профессиональной подготовки. А потому следует признать трактат Г. Галилея все-таки вторичным произведением, ведь в университетах чаще всего преподается знание, уже признанное научным сообществом.

Представляется, что даже столь общий анализ трех разновременных трактатов дает некоторое представление об эволюции взглядов на земляные укрепления в Италии второй половины XVI – начала XVII в.

Если же кратко резюмировать те особенности конструкций, которые были зафиксированы в рассмотренных нами итальянских трактатах, то это можно сделать следующим образом.

1. Каждый из трех авторов описывал технологию создания свайного поля, которое являлось внутренним каркасом для земляной насыпи. Также сходными были и приемы крепления свай друг с другом («catene»). Однако существовали нюансы. В трактате Дж. Б. Беллуцци говорилось о том, что сначала сваи вбивались в забутованную мелким белым камнем землю, а потом в эту же массу вбивались сваи, возвышавшиеся над поверхностью на несколько браччо. В трактате Дж. Лантьери указывалось, что сваи вбиваются глубоко в землю (не укрепленную забутовкой) и чуть выступают над ее поверхностью, образуя фундамент. А вот в трактате Г. Галилея мы опять встречаемся со сваями, значительно возвышающимися над землей и стянутыми либо ветками, либо веревками (для укрепления конструкции). Но при этом Галилей ничего не говорил о забутовке земли, сваи должны были вбиваться непосредственно в землю.

2. У всех трех авторов в качестве основного материала для стены упоминалась плотная суглинистая земля, армированная слоями тонких, но прочных веток, дополненных фашинами. Выкладка из таких веток засыпалась землей и тщательно утрамбовывалась, после чего поверх этого слоя выкладывались новые ветки с последующей засыпкой и трамбовкой. Беллуцци, впрочем, почти ничего не писал о ветках, отдавая предпочтение фашинам как части земляной стены.

3. В каждом трактате описывалась технология обкладки фаса стены дерновыми блоками. Впрочем, здесь наблюдались отличия. Дж. Б. Беллуцци предлагал закреплять блоки дерна на вертикальных колышках. А, кроме того, между насыпью и дерновыми блоками должен был располагаться вертикальный слой фашин. Дж. Лантьери также упоминал о колышках, которыми должны были скрепляться дерновые блоки. Однако он ничего не говорил о фашинах. У Г. Галилея ничего не говорится ни о колышках, ни о фашинах – он лишь указывал, что дерновые блоки должны быть просто максимально плотно утрамбованы.

4. Значительные отличия мы наблюдаем и в разделах, посвященных организации парапетов и боевого хода. Если у Дж. Б. Беллуцци функцию парапетов выполняли габионы, наполненные землей, то у Дж. Лантьери мы наблюдаем широкий парапет, созданный из плотно утрамбованной земли и обложенный дерном, – каких-либо плетеных конструкций здесь нет. В трактате Галилея предлагается третий вариант организации верхней части стены – вероятно, парапет мог создаваться как из габионов (либо плетней), так и из дерновых (либо

сырцовых) кирпичей. Причем у Галилея наблюдается четкое разделение на места для стрелков из ручного оружия и артиллеристов. Это имело под собой определенные основания, так как для артиллеристов требовалась иная организация пространства вокруг орудий.

Одним из наиболее важных является вопрос о том, почему итальянские фортификаторы в качестве основы для стен использовали сваи? Вероятно, такие конструкции стали творческим переосмыслением идущей еще от Витрувия строительной традиции, соединившейся с технологиями народов Центральной Европы. По крайней мере, технология создания свайного поля (правда, применительно к каменным сооружениям) описывалась Витрувием. Напомним, что он предлагал использовать сваи для фундаментов там, где эти фундаментные траншеи невозможно докопать до материковых грунтов (это могли быть болотистые, аллювиальные и подобные грунты). Тогда рукотворное свайное поле заменяло прочную материковую основу. Вероятно, столь распространенная в каменном строительстве технология стала частью технологии создания земляных укреплений. А вот о происхождении технологического приема «сваи как каркас» можно только высказывать различные гипотезы. Возможно, такая технология имела северное влияние (Франция, германские земли, территория Венгрии), хотя можно и предположить наличие итальянской традиции, не зафиксированной в трактатах по военному делу и архитектуре. Вопрос о том, насколько подобная конструкция является долговечной и оптимальной, остается дискуссионным, однако частое упоминание именно конструкции с использованием вертикальных свай говорит о распространенности этой технологии. Примечательно, что в некоторых итальянских трактатах по военному искусству упоминаются насыпи, рвы и деревянные палисады, однако их описание слишком общее, да и взгляды на такие укрепления разнились. Например, Н. Макиавелли, упоминая о том, что древние римляне всегда обносили палисадом, рвом и валом свои лагеря, отмечал, что, по его мнению, столь мощную защиту имело бы смысл делать, если бы войско стояло бы на одном месте всю зиму. Далее он отметил: «Ров и вал были бы у меня не меньше римского[5], а даже больше, смотря по необходимости. Кроме того, я устроил бы для артиллерии в каждом углу лагеря окоп в виде полукруга и получил бы таким образом возможность обстреливать продольным огнем неприятеля, штурмующего ров» (*Макиавелли*, 1939. С. 173). Это прекрасный пример упоминания о земляном укреплении, использовавшемся в новой, «огнестрельной», парадигме. Упоминания, увы, без технических подробностей.

В целом следует отметить важность этих и других трактатов итальянских авторов для становления и развития не только итальянской школы земляных укреплений, но и шире – европейской традиции создания таких укреплений (прежде всего французской и голландской школ). Элементы земляных укреплений, описанные в итальянских трактатах XVI в., в разных вариациях описываются в трактатах французских, голландских и немецких фортификаторов XVII и даже XVIII вв.

[5] Чуть выше Макиавелли написал, что римляне устраивали «ров шириной в 6 локтей и глубиной в 3 локтя, увеличивая его размеры, если собирались долго пробыть на одном месте или опасались неприятеля». О высоте вала он ничего не писал.

ЛИТЕРАТУРА

Макиавелли Н., 1939. О военном искусстве. М.: Воениздат. 223 с.
Медведь А. Н., 2021. Джамбаттиста Белуцци и его «Трактат о земляных укреплениях» // КСИА. Вып. 264. С. 376–389.

Biffi M., 2017. Prime annotazioni sul lessico architettonico militare di Giacomo Lanteri // Studi di Memofonte. No. 18. P. 145–181.
Bottazzi G., 1998. I castelli in terra e legno in Emilia; aspetti topografici // Fortificazioni altomedievali in terra e legno: ricerche, territorio e conservazione: Convegno nazionale (21–22 settembre 1996, Pieve di Cento). Roma: Istituto italiano dei castelli. P. 83–97.
Farinelli R., 2013. Fortificazioni di terra nella Maremma Toscana. Evidenze archeologiche e testimonianze documentarie per i secoli X–XIV // Archeologia Medievale. XL. P. 61–68.
Galileo Galilei, 1891. Le opera Galileo Galilei. Vol. II, sotto gli auspici di Sua Maestà il Re d'Italia. A cura di Antonio Favaro. Firenze, Tipografia di Barbera. P. 57–68.
Lanteri G., 1559. Duo libri di M. Giacomo Lanteri di Paratico da Brescia del modo di fare le fortificationi di terra intorno alle città, & alle castella per fortificarle, et di fare così i forti in campagna per gli alloggiamenti de gli esserciti, come anco andar sotto ad una terra, & di fare i ripari nelle batterie, Appresso B. Zaltieri, per F. Marcolini, Venezia. [Электронный ресурс] // URL: https://archive.org/details/dvolibridimgiaco00lant/mode/2up (дата обращения: 26.05.2022).
Lamberini D., 2007. Il Sanmarino. Giovan Battista Belluzzi architetto e trattatista del Chinquencento. 1. La vita e le opere. Firenze: Leo S. Olschki. 388 p.
Trattato delle fortificazione di Terra [Электронный ресурс] // URL: https://www.wdl.org/ru/item/10651/ (дата обращения: 26.05.2022).

Сведения об авторе

Медведь Александр Николаевич, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, Москва, 125043, ГСП-3, Россия; e-mail: man1153@yandex.ru

A. N. Medved

WOOD AND EARTH FORTIFICATIONS IN 16th-CENTURY ITALY – ESTABLISHMENT OF THE TRADITION)

Abstract. The article is devoted to the history of the development of wooden and earth fortification in Europe in the 2nd half of the 16th century. We consider two treatises devoted to the creation of wooden and earth fortifications – G. Lantieri «Duo libri del modo di fare le fortificazioni di terra» (1550s) and G. Galileo «Breve Instruzione all'architettura militare» (1590s). We analyze the peculiarities of building fortifications described in these treatises and compare the technological methods described by the authors. A comparison is made with earlier Italian works on the same subject. The conclusion is made that in the second half of the 16th century in Italy was formed and further developed the technological tradition of building earth fortifications.

Keywords: history of fortification, Giacomo Lanteri, Galileo Galilei, Renaissance epoch, earth fortifications.

REFERENCES

Medved A. N., 2021. Dzhambattista Belutstsi i ego «Traktat o zemlyanykh ukrepleniyakh» [Giovan Battista Belluzzi and his «Treatise on fortifications of earth»]. *KSIA*, 264, pp. 376–389.

About the author

Medved Aleksandr N., Russian State university for the Humanities, Miusskaya pl., 6, Moscow, 125043, GSP-3, Russian Federation; e-mail: man1153@yandex.ru

В. Ю. Коваль

К ПОИСКАМ «ИТАЛЬЯНСКОГО СЛЕДА» В ДРЕВО-ЗЕМЛЯНОЙ ФОРТИФИКАЦИИ РУСИ[1]

Резюме. Трактат итальянского архитектора первой половины XVI в. Д. Б. Белуцци, в котором изложена технология строительства земляных стен с деревянными внутренними конструкциями, демонстрирует ее принципиальные отличия от средневековой русской древо-земляной фортификации. На территории Руси имеется пока только один пример применения такой технологии при строительстве не сохранившегося до наших дней вала Китай-города в Москве в 1534 г. (да и тот – лишь в летописном тексте). Появление в Италии такой оригинальной технологии связано с противодействием огнестрельной артиллерии, а применение дерева в земляных насыпях может объясняться как отсутствием опыта использования древесины в насыпях, так и следованием рекомендациям Вегеция (V в.), предназначавшимся для строительства валов вокруг лагерей римских войск.

Ключевые слова: фортификация, валы, земляные стены, деревянные конструкции.

О роли итальянских архитекторов в становлении русской кирпичной фортификации Нового времени написано достаточно много, и сегодня оказанное ими влияние на формирование оборонного зодчества Руси в XVI в. – признанный факт (*Мильчик*, 2003; *Носов*, 2009; 2020; 2021). Дискуссии идут в основном о деталях: какие именно элементы этих фортификаций являются прямыми заимствованиями, а какие – творческой переработкой итальянских (и шире – европейских) образцов. В отношении древо-земляной фортификации до недавних пор таких данных известно не было, и эта часть оборонного зодчества рассматривалась как целиком самобытная, пришедшая из средневекового (древнерусского) прошлого. Обсуждался лишь вопрос о том, что сохранившиеся до наших дней «валы» не были специально созданными насыпями, служившими основой для целиком

[1] Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.410-418

деревянных пустотелых стен (как считалось ранее), а представляют собой руины деревянных стен, внутренний объем которых был заполнен землей (*Моргунов*, 2009; 2019; *Коваль*, 2020б; 2021). Современная интерпретация валов в целом не вызывает в научной печати аргументированных возражений, но и не принимается теми археологами, кто, следуя авторитету П. А. Раппопорта (1956; 1961), продолжает писать о «внутривальных конструкциях» и пустотелых стенах.

В этой ситуации обращение исследователей к итальянским научным трактатам XVI в., излагавшим нормы строительства земляных стен с внутренним каркасом из деревянных столбов и жердей (*Медведь*, 2021), заставляет осмыслить роль таких новаций по отношению к русской фортификации на пороге Нового времени. Правда, археологически зафиксированных фактов использования таких конструкций не имеется, поскольку поздние оборонительные сооружения либо вовсе не изучались методами археологии, либо результаты таких исследований не публиковались. Но А. Н. Медведь, введший в научный оборот чрезвычайно интересный трактат Д. Б. Белуцци, посвященный именно таким фортификациям, резонно указал на те случаи в оборонном зодчестве Руси XVI в., которые можно рассматривать как результат применения итальянской технологии строительства земляных стен с деревянными внутренними конструкциями. Речь идет о деятельности итальянского архитектора Петрока Малого, отождествляемого рядом исследователей с Пьетро Франческо Анибале (*Кивимяэ*, 1997; *Подъяпольский*, 1983), который в 1534 г. построил вал вокруг Китай-города Москвы (в 1535–1538 гг. заменив его на кирпичную стену) и земляные (?) укрепления городов Пронска и Себежа в 1535 г. Действительно, итальянский архитектор мог возводить все эти крепости, исходя из тех знаний и умений, которые привез с собой с родины. При этом вал Китай-города был снесен почти сразу после постройки, и следов его не сохранилось, а укрепления Пронска и Себежа никогда не изучались археологами, и об их конструкции нет никаких сведений. Письменные же источники, хотя и дают об этих крепостях некоторые данные, позволяющие допускать использование итальянского опыта, все же не столь однозначны, чтобы формулировать категорические выводы (*Носов, Медведь*, 2020).

Единственным источником знаний о строительных приемах Петрока Малого стала поэтому летописная запись о возведении земляного оборонительного рубежа Китай-города. Эта запись уже многократно цитировалась, но в контексте данного исследования ее необходимо повторить: «…и устроиша хитрецы велми мудро… исплетаху тонкий лес около болшого древия и внутрь насыпаху землю и велми крепко утвержаху» (ПСРЛ, 1853. С. 292). Совершенно очевидно, что прием, использованный Петроком Малым, был неведом на Руси и поэтому вызвал удивление летописца, назвавшего строителей вала лестным именем «хитрецы». К сожалению, из летописного описания трудно понять, как именно использовался «тонкий лес» (т. е. жерди, ветви?) и большие «древия» (столбы?). Такое описание могло относиться как к плетням из тонких веток, так и к жердям, соединенным между собой в единую «сеть». Ясно только, что какое-то «плетение» тут имело место, поскольку именно к этой крепости впервые было применено слово «кита», обозначавшее нечто сплетенное (*Даль*, 1865. С. 725). Таким образом, летописное описание как нельзя лучше соответствует той схеме использования древесины (вертикальные столбы, соединенные между собой

жердями или планками), которая проиллюстрирована в трактате Белуцци (*Медведь*, 2021. Рис. 3). Следует признать, что «вал», построенный Петроком Малым, в действительности был земляной стеной, сооруженной аналогично тому образцу, который осуществил Белуцци при своих фортификационных работах 1543–1544 гг. во владениях Флоренции. Заметим, что Петрок Малый возводил земляную стену Китай-города десятью годами ранее строительного опыта Белуцци и написания им упомянутого выше трактата (1545 г.), следовательно, он пользовался теми же источниками знаний и опыта, что и его коллега, остававшийся все это время в Италии. Вероятно, речь может идти о тех образцах пока неизвестной нам земляной фортификации, которые создавались на Апеннинском полуострове в начале XVI в.

Но имел ли этот опыт какое-то продолжение на Руси в дальнейшем? Видимо, нет, поскольку итальянские архитекторы на Русь больше не приезжали, а древо-земляная фортификация стала развиваться по иному пути – строительству стен в виде «тарас» (см. ниже). Лишь в XVII в. началось постепенное освоение европейского опыта возведения земляных бастионов, а полный переход к бастионной фортификации можно связывать лишь с эпохой Петра I. Таким образом, земляные стены «итальянского образца» (в Москве и, возможно, в Себеже и Пронске) остались в России XVI в. уникальными случаями, не имевшими прямого продолжения.

Совершенно очевидно (и искреннее удивление летописца в 1534 г. это подтверждает), что земляные стены с деревянными внутренними конструкциями не имеют никакого отношения к русской древо-земляной фортификации, развивавшейся по меньшей мере с IX в. Тем более важно выяснить, откуда тянутся корни той традиции, которую применяли итальянские фортификаторы в 1530–1540-х гг. К сожалению, сведений о земляной и древо-земляной фортификации стран Европы в XIV–XV вв., т. е. в предшествующее рассматриваемому эпизоду время, практически нет. А именно в этот период огнестрельная артиллерия уже активно развивалась и все шире использовалась при осаде крепостей и в полевых сражениях. Несмотря на это, в указанный период в Европе повсеместно еще строились каменно-кирпичные крепости. Очень трудно назвать точную дату, начиная с которой такие крепости стали дополняться земляными укреплениями, призванными защитить их от пушечного обстрела, однако ясно, что в начале XVI в. строительство таких укреплений в Италии уже велось.

Получается, что земляные стены вполне могли быть «нововведением» наступившей эпохи огнестрельной артиллерии и конструктив земляных стен итальянским архитекторам пришлось изобретать фактически с нуля, без практического опыта создания насыпей. В современной строительной инженерии деревянные конструкции внутри насыпей совершенно исключены, поскольку после истлевания дерева образуются пустоты, которые приводят к деформации насыпной конструкции. Итальянские архитекторы, даже если они не имели богатого опыта работы с деревом и земляными насыпями, не могли не знать таких элементарных вещей. Однако надо учитывать три важных фактора:

1. Создававшиеся ими земляные фортификации вокруг городов воспринимались как временные, на смену которым впоследствии должны были строиться более мощные, с каменной облицовкой. Полевые же укрепления вообще строились

на очень ограниченный срок, за который дерево истлеть не успело бы. А после того как военная кампания заканчивалась, надобность в полевых укреплениях исчезала и судьба построенных земляных стен уже никого не волновала.

2. Перед строителями земляных укреплений ставилась задача создать не просто насыпь (вал), а вертикальную земляную стену, которая служила бы не только для защиты от артиллерийского огня, но и противостояла бы штурму вражеских войск. Именно стремление достичь вертикальности стены могло заставить прийти к мысли об использовании деревянных свай в основании и горизонтальных связей внутри нее. Оба этих приема широко использовались при каменном строительстве, где свайные поля должны были обеспечить надежность фундамента даже при недостаточно прочном (например, песчаном) подстилающем грунте, а деревянные горизонтальные связи обеспечивали сейсмоустойчивость стен. Все эти приемы были хорошо известны любому мало-мальски грамотному архитектору.

3. Главным теоретическим источником опыта строительства земляных укреплений, который был доступен итальянским фортификаторам Нового времени, был трактат позднеримского военного историка Вегеция «Краткое изложение военного дела», в третьей книге которого дается описание технологии сооружения вала в походном лагере римских войск при помощи нарезания кусков дерна, забивания деревянных кольев и укладки в вал стволов и ветвей деревьев (*Вегеций Флавий Ренат*, 1940. С. 264). Вряд ли стоит сомневаться, что Вегеций зафиксировал реально существовавшую традицию строительства валов вокруг походных лагерей римских войск. Но как именно сформировалась такая традиция, кто и когда придумал использовать древесину при возведении валов (земляных стен) – точно не установлено. Не исключено, что одним из источников такого опыта были «галльские стены» из слоев бревен и камней, с которыми римляне познакомились в ходе завоеваний Юлия Цезаря (*Цезарь Гай Юлий*, 1948. С. 153). Как бы то ни было, трактат Вегеция был хорошо известен в средневековой Европе, и его рекомендации не могли не учитываться фортификаторами XVI в.

Таким образом, использование деревянных конструкций при строительстве земляных стен выглядело вполне оправданным по целому ряду оснований: его рекомендовал авторитетный античный автор, земляные стены априори рассматривались как временные сооружения, к тому же при этом адаптировался имеющийся опыт использования деревянных конструкций при каменном строительстве. Однако по мере увеличения мощности земляных фортификаций и накопления опыта в их строительстве нельзя было не заметить, что деревянные конструкции не только ничем не «укрепляют» земляные стены, но и удлиняют время стройки, а также в разы увеличивают затраты на нее. Поэтому уже очень скоро от сложных деревянных конструкций при строительстве земляных стен полевых укреплений (и тем более – бастионных крепостей вокруг городов) стали отказываться (вероятно, это случилось уже в конце XVI в.).

В руководствах по военному делу XVIII в. применение таких конструкций уже не предусматривалось, а единственными органическими элементами при строительстве полевых укреплений (редутов, флешей, реданов и т. п.) остались деревянные «гвозди» и фашины (связки прутьев, тонких веток) (*Соловьев*, 2022. С. 358–362). Фашинами обкладывались фасы земляных стен, а «гвозди» скрепляли их между собой и с насыпью (кроме того, ими скреплялись куски нарезанного

дерна). Интересно, что смысл использования фашин нигде специально не оговаривался, но можно думать, что он виделся в том, что при краткосрочном назначении редутов и других подобных укреплений фашины были способны заменить дорогостоящий камень и дерево, обеспечивая вертикальность фасов земляных стен.

В связи с рассматриваемыми итальянскими нововведениями XVI в. трудно пройти мимо одного письменного свидетельства о «валах» с «плетнями», касающегося укреплений Смоленска. Оно принадлежит перу посетившего этот город в 1582 г. посла папы Римского ко двору царя Ивана Грозного Антонио Поссевино, который выполнял, по сути, функции шпиона, собиравшего сведения о военном потенциале Руси и укреплениях ее городов. Поссевино был прекрасно осведомлен о том, что стены городов Руси состояли из деревянных четырехугольных срубов, заполненных внутри землей, т. е. городней. Тем удивительнее его сообщение о том, что в Смоленске городские укрепления «состоят из земляного вала и плетней, спрессованных до твердого состояния» (*Поссевино*, 1983. С. 44). Перевод «земляной вал» (в источнике *aggeres*, т. е. насыпи) не бесспорен, поскольку древо-земляные стены также создавались с насыпкой в срубы земли, однако в целом допустим, поскольку такие стены разрушались и «превращались» в осыпь («вал») за 30–40 лет (*Коваль*, 2022. С. 156–167). Но вот «плетни, спрессованные до твердого состояния» (в источнике – «*vimine contextus et ad duritiem pressis*») – фраза туманная. Зачем плетни спрессовывать до твердого состояния и чем такая операция строителей может помочь в обороне города? Видимо, дословный перевод этой фразы с латыни не помогает расшифровать ее смысл.

Можно, конечно, вновь вспомнить о «плетениях», применявшихся в 1534 г. в земляной стене Китай-города, однако даже если бы в «валах» Смоленска имелись какие-то внутренние плетневые или жердевые конструкции, Поссевино не имел шанса их узреть, рассматривая внешний вид фортификаций. Допускать же, что он присутствовал при строительстве смоленской крепости, тоже невозможно – в этом случае такой факт обязательно был бы отражен в его книге. Значит, римский посланец мог видеть только то, что находилось на поверхности укреплений или как-то характеризовало их внешний вид. Теоретически это могли быть какие-то плетневые ограждения наподобие «габионов» (бруствер из наполненных землей огромных корзин), но такие конструкции ему были хорошо знакомы (их использовали в Италии и других странах Европы) и он описал бы их в привычных ему выражениях.

Возможно, разгадка таинственного отрывка кроется в другом важном пассаже, также цитировавшемся, но оставленном без внимания всеми исследователями Смоленска. А. Поссевино засвидетельствовал, что увиденный им в 1582 г. «земляной вал»… «имеет на небольшом расстоянии друг от друга отверстия, где можно разместить для защиты небольшие пушки» (*Поссевино*, 1983. С. 46). Но в полностью земляной насыпи практически невозможно проделать отверстия для пушек, они просто осыпятся и завалят орудия землей. Значит, речь шла не вполне о насыпи, а о древо-земляной конструкции с камерами для пушек. И такая конструкция на Руси в XVI в. уже была известна и применялась – это стены, рубленые «тарасами», т. е. с чередованием пустотелых и заполненных землей срубов, связанных перерубами в единую систему, т. е. фактически

«сплетенных» между собой. Пустотелые срубы как раз и предназначались для размещения огнестрельного оружия. Так, может быть, папский посол имел в виду именно эту разновидность фортификаций, как раз в XVI в. распространившуюся в Московии? Но описал он ее настолько сложно (или невнятно), что сегодня мы гадаем над значением его терминологии.

Сложнее объяснить, почему эти «сплетенные» конструкции названы «спрессованными», но и здесь есть возможность для интерпретации, если имелось в виду, что срубы для пушек были очень узкими, небольшими по размерам. В этом случае замечание А. Поссевино, что в смоленском валу можно разместить не просто пушки, а именно «небольшие пушки», становится ключевым. В узкие (тесные) камеры можно поместить только небольшие пушки.

Если предложенное объяснение верно, то рассказ итальянского посла-шпиона обретает смысл. В отличие от большинства древо-земляных крепостей Руси, где сохранялись еще стены из одних только заполненных землей «городней», в Смоленске он мог увидеть техническое новшество – аналогичные стены с не заполненными землей узкими промежутками для размещения в них пушек, т. е. конструкцию, которую можно назвать «тарасами». Правда, к 1582 г. эта стена, видимо, уже рунировалась до состояния «вала».

Тарасы были новым словом в фортификации Руси XVI в. Впервые они упоминаются в письменных источниках в 1552 г. в качестве оборонительных сооружений осажденной Казани (*Носов*, 2010. С. 66). Неясно только, могли ли такие стены строиться в русских городах до середины XVI в. или их распространение относится к периоду после взятия Казани. Раскопки на валах Смоленска не обнаружили нигде никаких «плетней», зато выявили срубные конструкции (*Сапожников*, 1991; 2016; *Пронин, Соболь*, 2012; *Коваль*, 2020а)[2]. Правда, и следов пустотелых камер для пушек также не обнаружено, но найти их небольшими раскопами было мало шансов. В любом случае, никакого отношения к итальянским нововведениям в фортификации этот случай не имеет.

Итак, земляные стены «по Белуцци» с большим числом вертикальных кольев и горизонтальных деревянных связей, скорее всего, были результатом инженерного творчества итальянских архитекторов рубежа XV–XVI вв., опиравшегося разве что на трактат Вегеция. От этой технологии строительства пришлось отказаться довольно быстро, вероятно, еще до конца XVI в. из-за ее неоправданной дороговизны, трудоемкости и слишком большой (для полевой фортификации) длительности строительства. Но именно она, вероятно, оказалась в арсенале знаний Петрока Малого (Пьетро Франческо Анибале?), строительные приемы которого зафиксированы летописью в 1534 г. Таким образом, технология строительства земляных стен, представленная в трактате Д. Б. Белуцци 1545 г., не была его личным изобретением, а отражала общую тенденцию в развитии

[2] Н. В. Сапожников полагал, что он обнаружил при своих раскопках как раз плетневые (либо перекладные, хаковые) конструкции. Однако отчетная документация и проделанное им сведение воедино (в аксонометрии) всех остатков дерева при раскопках вала однозначно показывают, что в действительности там были обнаружены именно остатки срубных городней. В раскопе Г. В. Пронина на Молоховских воротах городни сохранились гораздо лучше, и их интерпретация безальтернативна.

итальянской фортификации первой половины XVI в. Россия же оказалась одной из тех стран, куда новая технология возведения оборонительных сооружений была импортирована и где она оставила свой след в летописном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

Вегеций Флавий Ренат, 1940. Краткое изложение военного дела // ВДИ. № 1. С. 231–293.

Даль В. И., 1865. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. М.: Тип. Лазаревского Ин-та вост. языков. С. 619–1317.

Кивимяэ Ю. Ю., 1997. Пётр Фрязин или Пётр Ганнибал? Итальянский архитектор в позднесредневековой Руси и Ливонии // Крепость Ивангород: Новые открытия / Сост., науч. ред. М. И. Мильчик. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 236–245, 273.

Коваль В. Ю., 2020а. Проблемы изучения древо-земляной фортификации средневекового Смоленска // Вестник МГУ. Серия 8: История. № 4. С. 132–160.

Коваль В. Ю., 2020б. Проблемы реконструкции русской средневековой деревянной фортификации // АВ. Вып. 30. СПб. С. 263–276.

Коваль В. Ю., 2021. Древнерусские древо-земляные крепости: преодоление стереотипов // ВИЖ. № 4. С. 77–85.

Коваль В. Ю., 2022. Снова о фортификации Смоленска в XVI веке // АП. Вып. 18. М.: ИА РАН. С. 164–173.

Медведь А. Н., 2021. Джамбаттиста Белуцци и его «Трактат о земляных укреплениях» // КСИА. Вып. 264. С. 376–387.

Мильчик М. И., 2003. Кремли России, построенные итальянцами, и проблема их дальнейшего изучения // Материалы и исследования. Вып. XV. Кремли России. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник Московский Кремль. С. 509–517.

Моргунов Ю. Ю., 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси. М.: Наука. 303 с.

Моргунов Ю. Ю., 2019. К методике изучения валов древнерусских городищ // Методика полевых археологических исследований. Вып. 10. М.: ИА РАН. 31 с.

Носов К. С., 2009. Итальянское влияние на русское оборонительное зодчество // ВИЖ. № 5. С. 46–51.

Носов К. С., 2010. Терминология оборонительного зодчества на Руси в XI–XVII веках. М.: Рос. акад. гос. службы. 90 с.

Носов К. С., 2020. Оборонительные сооружения Московского Кремля эпохи правления Ивана III // ВИЖ. № 10. С. 62–74.

Носов К. С., 2021. Смоленская крепостная стена рубежа XVI–XVII вв. в кругу русских крепостей «в итальянском стиле» конца XV – начала XVIII вв. // Вопросы истории фортификации. № 8. С. 114–151.

Носов К. С., Медведь А. Н., 2020. Две крепости Петрока Малого – Себеж и Пронск, 1535 год. Факты и предположения // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 415–424.

Подъяпольский С. С., 1983. Архитектор Петрок Малой // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Стиль, атрибуции, датировки / Ред. В. П. Выголов и др. М.: Наука. С. 34–50.

ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб.: Археографическая комиссия, 1853. 358 с.

Поссевино А., 1983. Исторические сочинения о России XVI в. М.: МГУ. 271 с.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е., 2012. Оборонительные укрепления Смоленска конца XVI – XVII вв. у Молоховских ворот. Смоленск: Свиток. 120 с.

Раппопорт П. А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 184 с. (МИА; № 52) (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; т. 5.)

Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 246 с. (МИА; № 105.)

Сапожников Н. В., 1991. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово / Ред. Д. А. Авдусин. М.: МГУ. С. 50–79.

Сапожников Н. В., 2016. Историческая топография Древнего Смоленска. Смоленск: Свиток. 192 с.

Соловьев Д. Б., 2022. Русская полевая фортификация эпохи наполеоновских войн // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 14. Тверь: Тверской науч.-исслед. ист.-археолог. и реставрац. центр. С. 341–368.

Цезарь Гай Юлий, 1948. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об африканской войне. М.: АН СССР. 560 с.

Сведения об авторе

Коваль Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kovaloka@mail.ru

V. Yu. Koval

SEARCHING THE «ITALIAN TRACE» IN THE WOOD AND EARTH FORTIFICATION OF THE MEDIEVAL RUSSIA

Abstract. The treatise of Giovanni Battista Belluzzi, an Italian architect of the 16th century, that describes the technology of constructing earth walls with wooden structural elements placed inside the walls, demonstrates its principal differences from the medieval Russian wood and earth fortifications. So far, only one example of this technology applied in practice has been recorded for Medieval Russia, it is a Kitai-gorod rampart in Moscow built in 1534 that has not survived (it is mentioned only in a chronicle). Appearance of this original technology in Italy was caused by a need to find protection against fire artillery, while the use of wood in earth ramparts can be explained both by a lack of experience in using wood in earth walls and recommendations of Vegetius (5th century) developed specifically for construction of ramparts around the camps of the Roman troops.

Keywords: fortification, ramparts, earth walls, wooden structures.

REFERENCES

Caesar Gaius Julius, 1948. Zapiski Yuliya Tsezarya i ego prodolzhateley o gall'skoy voyne, o grazhdanskoy voyne, ob afrikanskoy voyne [The commentarii of Gaius Julius Caesar and his continuators on the Gallic Wars, the Civil War, on the African War]. Moscow: AN SSSR. 560 p.

Dal V. I., 1865. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language], 2. Moscow: Tipografiya Lazarevskogo Instituta vostochnykh yazykov, pp. 619–1317.

Kivimyae Yu. Yu., 1997. Petr Fryazin ili Petr Gannibal? Ital'yanskiy arkhitektor v pozdnesrednevekovoy Rusi i Livonii [Peter Fryazin or Peter Hannibal? Italian architect in Late Medieval Russia and Livonia]. *Krepost' Ivangorod: Novye otkrytiya [Ivangorod fortress: New discoveries]*. M. I. Mil'chik, ed., comp. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 236–245, 273.

Koval V. Yu., 2020a. Problemy izucheniya drevo-zemlyanoy fortifikatsii srednevekovogo Smolenska [Issues of studying wood-earth fortification of medieval Smolensk]. *Vestnik MGU. Seriya 8: Istoriya [Bulletin of Moscow State University. Series 8: History]*, 4, pp. 132–160.

Koval V. Yu., 2020b. Problemy rekonstruktsii russkoy srednevekovoy derevyannoy fortifikatsii [Issues of reconstruction of Russian medieval wooden fortification]. *AV*, 30. St. Petersburg, pp. 263–276.

Koval V. Yu., 2021. Drevnerusskie drevo-zemlyanye kreposti: preodolenie stereotipov [Ancient Russian wood-earth fortresses: overcoming stereotypes]. *VIZh*, 4, pp. 77–85.

Koval V. Yu., 2022. Snova o fortifikatsii Smolenska v XVI veke [Once again on fortification of Smolensk in XVI century]. *AP*, 18. Moscow: IA RAN, pp. 164–173.

Medved A. N., 2021. Dzhambattista Belutstsi i ego «Traktat o zemlyanykh ukrepleniyakh» [Giovan Battista Belluzzi and his «Treatise on fortifications of earth»]. *KSIA*, 264, pp. 376–387.

Mil'chik M. I., 2003. Kremli Rossii, postroennye ital'yantsami, i problema ikh dal'neyshego izucheniya [Kremlins of Russia built by Italians and the problem of their further study]. *Materialy i issledovaniya [Materials and investigations], XV. Kremli Rossii [Kremlins of Russia]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik Moskovskiy Kreml, pp. 509–517.

Morgunov Yu. Yu., 2009. Drevo-zemlyanye ukrepleniya Yuzhnoy Rusi [Wood-earth fortifications of South Russia]. Moscow: Nauka. 303 p.

Morgunov Yu. Yu., 2019. K metodike izucheniya valov drevnerusskikh gorodishch [On the methodology of studying ramparts of ancient Russian hillforts]. *Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy [Methodology of field archaeological research]*, 10. Moscow: IA RAN. 31 p.

Nosov K. S., 2009. Ital'yanskoe vliyanie na russkoe oboronitel'noe zodchestvo [Italian influence on Russian defensive architecture]. *VIZh*, 5, pp. 46–51.

Nosov K. S., 2010. Terminologiya oboronitel'nogo zodchestva na Rusi v XI–XVII vekakh [Terminology of defensive architecture in Russia in XI–XVII centuries]. Moscow: Rossiyskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby. 90 p.

Nosov K. S., 2020. Oboronitel'nye sooruzheniya Moskovskogo Kremlya epokhi pravleniya Ivana III [Defensive structures of Moscow Kremlin during the reign of Ivan III]. *VIZh*, 10, pp. 62–74.

Nosov K. S., 2021. Smolenskaya krepostnaya stena rubezha XVI–XVII vv. v krugu russkikh krepostey «v ital'yanskom stile» kontsa XV – nachala XVIII vv. [Smolensk fortress wall of the turn of XVI–XVII cc. in the circle of Russian fortresses «in Italian style» of late XV – early XVIII cc.]. *Voprosy istorii fortifikatsii [Issues of history of fortification]*, 8, pp. 114–151.

Nosov K. S., Medved A. N., 2020. Dve kreposti Petroka Malogo – Sebezh i Pronsk, 1535 god. Fakty i predpolozheniya [Two fortresses of Petrok Malyy – Sebezh and Pronsk, 1535. Facts and assumptions]. *AP*, 16. Moscow: IA RAN, pp. 415–424.

Pod"yapol'skiy S. S., 1983. Arkhitektor Petrok Maloy [Architect Petrok Maloy]. *Pamyatniki russkoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva: Stil, atributsii, datirovki [Monuments of Russian architecture and monumental art: Style, attribution, dating]*. V. P. Vygolov, ed. Moscow: Nauka, pp. 34–50.

PSRL, 6. Sofiyskie letopisi [Sofiyskie chronicles]. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1853. 358 p.

Possevino A., 1983. Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v. [Historical writings about Russia XVI в.]. Moscow: MGU. 271 p.

Pronin G. N., Sobol V. E., 2012. Oboronitel'nye ukrepleniya Smolenska kontsa XVI – XVII vv. u Molokhovskikh vorot [Defensive fortifications of Smolensk of late XVI – XVII cc. at the Molokhovsky Gate]. Smolensk: Svitok. 120 p.

Rappoport P. A., 1956. Ocherki po istorii russkogo voennogo zodchestva X–XIII vv. [Essays on history of Russian military architecture of X–XIII cc.]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 184 p. (MIA, 52) (Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov, 5.)

Rappoport P. A., 1961. Ocherki po istorii voennogo zodchestva Severo-Vostochnoy i Severo-Zapadnoy Rusi X–XV vv. [Essays on history of military architecture of North-Eastern and North-Western Rus in X–XV cc.]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 246 p. (MIA, 105.)

Sapozhnikov N. V., 1991. Oboronitel'nye sooruzheniya Smolenska (do postroyki kreposti 1596–1602 gg.) [Defensive structures of Smolensk (before construction of the fortress of 1596–1602)]. *Smolensk i Gnezdovo [Smolensk and Gnezdovo]*. D. A. Avdusin, ed. Moscow: MGU, pp. 50–79.

Sapozhnikov N. V., 2016. Istoricheskaya topografiya Drevnego Smolenska [Historical topography of ancient Smolensk]. Smolensk: Svitok. 192 p.

Solov'ev D. B., 2022. Russkaya polevaya fortifikatsiya epokhi napoleonovskikh voyn [Russian field fortification of the Napoleonic Wars]. *TTZ*, 14, pp. 341–368.

Vegetius Flavius Renatus, 1940. Kratkoe izlozhenie voennogo dela [Epitoma rei militaris]. *VDI*, 1, pp. 231–293.

About the author

Koval Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kovaloka@mail.ru

М. В. Вдовиченко

ИСТОЧНИКИ О СЛОЖЕНИИ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА НАБЕРЕЖНЫХ ПРИКАЗОВ XVII в.

Резюме. В результате раскопок Института археологии РАН в Большом Кремлевском сквере обнаружены фундаменты береговых Приказов XVII в. Здание было известно лишь по гравюрам XVIII в., по которым составить полное представление о его архитектуре не представлялось возможным, поэтому оно не было введено в историю русского искусства. Обнаруженные археологами фрагменты здания дают первые материальные свидетельства его существования, раскопки инициировали изучение его истории и архитектуры. В статье систематизируются собранные к настоящему времени архивные сведения, реконструирующие хронологию строительства комплекса приказных зданий. Письменные и изобразительные источники свидетельствуют, что сооружение Приказов охватывало период с 1675 по 1702 г. и происходило в шесть этапов. Каждый этап нашел отражение в декорации фасадов здания, запечатленных на сохранившемся чертеже северного фасада 1740-х гг. Набережные Приказы, таким образом, встраиваются в линию развития столичной архитектуры последней четверти XVII в. и занимают в ней место одного из первопамятников благодаря особенностям фасадной декорации и своим объемно-пространственным решениям.

Ключевые слова: архитектурная археология, Московский Кремль, Приказы XVII в., хронология строительства, датировка по письменным источникам, фасадная декорация, декорация наличников.

Основной круг архитектурных памятников XVII в. сложился еще в середине XIX в. с началом систематизации знаний о русском искусстве. Сохранившиеся постройки с разной степенью подробности изучены и в общих чертах встроены в единую линию развития архитектуры. Включение в каталог позднесредневекового искусства новых архитектурных объектов случается крайне редко. К такому

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.419-436

Рис. 1. Фундамент набережных Приказов в раскопках в Большом Кремлевском сквере. Вид с запада на восток. Фото 2020 г.

событию можно отнести обнаружение благодаря археологическим работам фрагментов кладок, а также появление на сохранившемся чертеже облика здания Приказов XVII в. в Московском Кремле.

Археологические работы на территории Большого Кремлевского сквера в Московском Кремле проводятся Институтом археологии РАН под руководством Н. А. Макарова и В. Ю. Коваля с 2019 г. (*Макаров и др*., 2019; 2020; 2021). Их главной целью стало изучение древнейших культурных слоев Боровицкого холма – в перспективе обнаружение первейших следов пребывания человека на территории Кремля. В результате начального этапа раскопок археологи раскрыли значительный фрагмент фундамента здания Приказов (рис. 1), сооруженных в XVII в. на месте «старых» Приказов, построенных в конце XVI в. Здание «новых» Приказов просуществовало чуть менее 100 лет – до 1770-х гг., когда было разобрано перед запланированной грандиозной перестройкой Кремля В. И. Баженова. Оно явилось вторым каменным зданием исполнительного института власти средневековой Руси, который можно определить как канцелярию правительства. Хотя его силуэт и местоположение были в какой-то степени известны благодаря сохранившимся панорамам и планам Кремля XVIII в., особенности его архитектуры и, в целом, памятник не были введены в научный оборот истории русского искусства.

Имеющиеся на данный момент систематизированные историко-архивные сведения и первые выводы об архитектуре Приказов представляются вниманию читателя в настоящей статье[1].

Хронология строительства по письменным источникам

Основные сведения об обстоятельствах постройки Приказов содержатся в «Истории города Москвы» И. Е. Забелина (*Забелин*, 1905. С. 240–247). Подлинные документы хранятся в РГАДА и ГИМ, их содержание пересказано И. Е. Забелиным, но все же в оригиналах существуют дополняющие историю возведения Приказов детали, а обнаруженные дополнительные архивные документы позволяют восстановить полную хронологию их строительства в XVII в.

По одному из документов (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15625. Л. 1–7), хранящемуся в фонде Оружейной палаты, судя из контекста, написанному не ранее 1678 г., следует, что в прошедших годах, а точнее – в 1675 г., «по указу блаженныя памяти великого государя царя и Великого князя Алексея Михайловича… велено построить ис приказу каменных дел в Кремле новые приказы против чертежу каков прислан ис посольского приказу майя 7…» (Там же. Л. 1). По этому царскому указу было велено построить шесть Приказов – «Розряд Посольского с четвертьми Большая казна Поместной Стрелецкой Казанской дворец» – и на это подмастерьями каменных дел была составлена сметная роспись. Строительные расходы несли эти шесть Приказов и частично Приказ каменных дел из доходов «мытенных и из кирпичной продажи». По этой росписи были построены нижние «житья» (этажи) для шести зданий Приказов (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15625. Л. 5; *Забелин*, 1905. С. 242): «И сделано тех вышеписанных шести приказов ныне нижние житья 28 полат».

Окончание к 1677–1678 гг. строительства нижних этажей отдельных зданий Приказов подтверждается и другим сохранившимся документом (Дополнения к актам…, 1875. № 27. С. 81), датированным 2 февраля 1678 г., – «Памятью дьякам, думному Лариону Иванову и Василью Бобинину», в котором царь Федор Алексеевич «указал новые полаты, которые построены на Посольский и на Малороссийский Приказ в Кремле, покрыть в два теса и внутри в тех полатах мосты и лавки и столы и печи построить денежным доходом из Посольского и из Малороссийского Приказа, а верхних полат на тех Приказах не делать, и в те новые Приказы вам дьякам и подъячим перейтить и дела перенесть и делать в тех новых Приказах» (РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 68. Л. 1).

Однако в первом цитируемом документе из РГАДА далее говорится: «Да в прошлом же во 186 году декабря в 10 день по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича… велено сметить на тех вышеписанных приказех на нижних житьях чтобы сделать верхние житья мерою против нижних житей и к тем верхним полатам перила и с крыльца а на проезжих воротах церковь Трех Исповедников» (Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15625. Л. 5).

[1] Сердечно благодарю коллег за помощь в работе над статьей: В. В. Зубарева, Е. А. Кадейшвили, В. С. Курмановского, М. В. Николаеву, А. В. Яганова.

К этому распоряжению опять существует сметная роспись на строительные запасы, а в конце документа содержится запись о том, что средства на строение верхних «житий» будут взяты из средств, выделенных по первой сметной росписи, а если их будет недостаточно, то предлагается получить дополнительные с тех же Приказов, которым палаты предназначаются (Там же. Л. 7; Ф. 159. Оп. 1. № 68. Л. 1; *Забелин*, 1905. С. 242–243).

В следующем документе (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19546. Л. 1–8) содержится роспись новопостроенным приказам с указанием общих размеров и деталей расположения 28 палат. В нем говорится, что по указу царя Федора Алексеевича от 13 февраля 1680 г. в новых зданиях должны были разместиться те же самые шесть приказов, только их расположение в конкретных помещениях немного корректировалось (Там же. Л. 2–3). Теперь они должны были разместиться в следующем порядке: Посольский, Разрядный, Большой Казны (Новгородский с четвертьми), Поместный, Казанского дворца, Стрелецкий. По другим источникам, И. Е. Забелину было известно, что в новое здание Посольского приказа его руководитель, думный дьяк Ларион Иванов, переехал 30 мая 1680 г. (*Забелин*, 1905. С. 243).

Таким образом, начатые в 1675 г. два крыла Приказов в 1677–1678 гг. получили первый этаж, а в 1680 г. отдельные приказы (по меньшей мере – Посольский, по данным И. Е. Забелина) уже начали свою работу в новых палатах. В сооруженных зданиях насчитывалось всего 28 палат: 15 палат в западном крыле, составлявших фасад в 33 сажени, и 13 палат в восточном крыле с общей длиной 28 саженей «без чети». Если обозначить эти размеры на сохранившемся плане второго этажа Приказов, снятом в начале 1760-х гг., то западный корпус Приказов был выстроен до восточной стены трапезной надвратных церквей, а граница восточного корпуса должна была проходить сразу за вторым от церквей крыльцом (рис. 3).

Документ из ГИМ проливает свет на следующий этап строительства набережных Приказов (ОР ГИМ. Увар. 337-1^0 (ГИМ 80269/340. ГК 21279643). Книга Пушкарского приказа. 1680 г. Лл. 400 об. – 402 об.). Он датируется 1680 г., и в нем говорится: «Мая в 6 день. В Рейтарском приказе уговорились Костромского уезду Ипатцкого манастыря крестьянин Васка Ларионов с товарыщи подрядился зделать в Кремле Городе от Стрелецково Приказу до двора князя Михаила Яковлевича Черкаского построить приказы каменные из Рейтарского Приказу» (ОР ГИМ. Увар. 337-1^0. Л. 401). Это здание должно было иметь 33,5 сажени в длину и состоять из 16 палат, размеры которых последовательно оговаривались в грамоте. Был указан и срок завершения работ – сентябрь (Семенов день) 1681 г. По чертежу 1760-х гг. расстояние в 33,5 сажени от предполагаемого места окончания Стрелецкого приказа приходится как раз на восточную границу здания, изображенного на плане. То есть мы имеем все основания предполагать, что к осени 1681 г. первый этаж всех зданий, входивших в комплекс, снесенный в 1770-х гг. береговых Приказов, был завершен.

По данным И. Е. Забелина, одновременно с Приказами не была выстроена церковь, задуманная в их линии на проходных воротах к Тайницкой башне. Сооружение храма началось, как пишет историк, в 1681 г., и вместо постройки одной церкви и освящения престола в честь Трех Исповедников, как первоначально

было задумано, было сооружено два стоящих рядом и имеющих общую стену храма, куда были перенесены престолы разрушенных церквей с Ивановской площади – Черниговских Чудотворцев (князя Михаила и боярина Федора) и Александра Невского. Новые храмы были освящены осенью 1683 г.: первый – патриархом Иоакимом в присутствии юного царя Петра, второй – Крутицким митрополитом Варсонофием (*Забелин*, 1905. С. 244).

Новый этап строительства относится к 1682–1684 гг., когда Посольский приказ возглавил В. В. Голицын. Над ним и Малороссийским приказами тогда «был надстроен второй каменный этаж, на который с Ивановской площади вела каменная лестница с рундуком, перилами и восьмьюдесятью балясами» (*Шахова*, 2009. С. 86). Строительство вела артель каменщика Бориса Иванова. Документы описывают исключительную отделку помещений московского дипломатического «офиса» с потолочными росписями на астрономические сюжеты и голландскими кожаными обоями. Приводятся сведения о том, что на кровле здания по фасаду была устроена открытая галерея длиной 40 сажень, шириной 2 аршина, толщиной в два кирпича, украшенная двадцатью круглыми столбиками с «дыньками» наверху (РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 2670. Л. 86–87) (Цит. по: *Шахова*, 2009. С. 89).

В 1683 г. вторым этажом начали надстраивать Поместный приказ, располагавшийся сразу за проездными воротами: «192 го Декабря в 4 день. Великие Государи Цари… и сестра их Великая Государыня Благоверная Царевна… указали Помесного приказу на нижних полатах на том же основании зделать верхние полаты» (РГАДА Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890. Л. 1). На 60 листах цитируемого документа скрупулезно расписаны сделанные строительные траты и перечислены поставщики, работавшие на сооружении Приказа. Из него же можно почерпнуть небольшие сведения об особенностях архитектуры верхнего этажа здания[2]. Из документа, хоть его конец утерян, становится ясным, что строительство верхнего этажа Поместного приказа и часть внутренней отделки были завершены к 1685 г.[3]

Остается открытым вопрос о надстройке вторым этажом Разрядного приказа. Прямых документальных сведений об этом пока не найдено, но логично предположить, что он был надстроен также в период между 1682 и 1684 г.

[2] «194 го октября в 2 день. По указу Великих Государей от строения Помесного приказу верхних полад подрядчиком и камещиком Ивашке Понамареву с товарыщи от дела, что они против записи своей и выписки 193 го году недоделали, а ныне зделали, от стенки, что в казенке да от всходу, что на кровлю, да от лесницы, что зделана в нижние полаты, денег дано шесть рублев. А что они недодели на всходе шатрика и отходу лещедьми не покрыли, и то зделать нането на их же каменщиковы денги, от дела дано четыре рубли» (РГАДА Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890. Л. 57–57 об.). На рисунке фасада Приказов, о котором речь пойдет ниже, существует круглая башенка на северо-западном углу здания Поместного приказа. По всей видимости, именно о ее шатрике идет речь в цитируемом документе.

[3] На последних листах документа, датированных ноябрем 1685 г., перечисляются закупки материалов, необходимых для оконных и дверных рам и для их железной фурнитуры, и фурнитуры для деревянной мебели в Приказ. Эти закупки совершались ближе к концу строительства, поэтому 1685 г. можно считать окончанием этого строительного этапа.

Архивные документы свидетельствуют о важных работах по перестройке Посольского и Малороссийского приказов, предпринятой подмастерьем каменных дел О. Д. Старцевым в 1697 г.[4] (Там же. Ф. 141. 1697 г. Д. 861). В их результате Посольский приказ получил новую – взамен существовавшей ранее – крытую лестницу с белокаменными резными элементами: четырьмя столбами, «перемычками и кзымсами каменнымми», а также 13 столбами с карнизом поверху. Описание этих работ находим в письменном документе, а на сохранившемся чертеже из ГИМ 1703 г. видим результат этой перестройки[5], придавший Посольскому приказу исключительно парадный вид.

Под 1701 г. значится подряд, в котором за строительством «против Посольского приказу в сенях для бережи денежныя казны и дел зделана полатка с сводом» (Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 46. Л. 2) (Цит. по: Словарь…, 2008. С. 534) наблюдал И. А. Софонов (Сафонов). Необходимость возведения свода над «казенкой» в Посольском приказе была обозначена еще в документах с именем О. Д. Старцева. Возможно, эти работы им выполнены не были или после них потребовались другие.

Целая серия архивных подрядных грамот начала XVIII в. фиксирует еще одну надстройку нижнего этажа зданий Приказов. Первым документом в их ряду стоит подряд от 3 февраля 1702 г. на разборку «…в Кремле под строительство цехгауза (Арсенала) Судного дворцового приказа и житницы» (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1031. Л. 396 об. – 397 об.) (Цит. по: *Николаева*, 2004. С. 21–22), находившихся в противоположной, северной, части Кремля относительно зданий Приказов на Ивановской площади. По всей видимости, из-за необходимости размещения в новом месте снесенных помещений в тот же день, 3 февраля 1702 г., последовал подряд «на старом Московском судном и на Адмиралтейском приказех зделать новую приказную полату на длиннике от Приказу земских дел до Приказу военных дел, толщиною против старых стен каменную». Подряд был заключен с «архитектурных и каменных резных дел мастером» Г. И. Устиновым и подрядчиком М. В. Богдановым (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1031. Л. 393) (Цит. по: *Николаева*, 2004. С. 18–19).

Еще в одном подряде от 9 марта 1702 г. целая группа мастеров снова договорилась «делать на Московском судном и Адмиралтейском приказах палаты “против обрасца, каков Помесной приказ”, и починить бык» (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1031. Л. 593) (Цит. по: *Николаева*, 2004. С. 24–25). Были ли это

[4] Документ полностью приведен в диссертации В. П. Выголова (*Выголов*, 1955. С. 439–441). Это челобитная самого подмастерья и «пояснительная записка» к этой челобитной.

[5] Чертеж был опубликован в 1916 г. И. Е. Бондаренко (*Бондаренко*, 1916. С. 103, 105. Рис. 6, 7) с датировкой его 1676 г., затем еще раз чертеж опубликовала Н. А. Бакланова с датировкой 1703 г. (*Бакланова*, 1926. С. 99–100). В. П. Выголов подробно разобрал и чертеж, и документы к нему (*Выголов*, 1955. С. 427–452). Чертеж 1703 г. сделан каменных резных дел мастером Г. И. Устиновым после пожара, произошедшего в Кремле 24 ноября 1702 г. На чертеже зафиксирован вид Приказов после перестройки О. Д. Старцева и новые послепожарные проектные предложения Г. И. Устинова, не все из которых, по всей видимости, были воплощены в жизнь.

последовательно заключенные подряды на разные объемы или на одни и те же палаты, неизвестно, но из второго документа понятно, что образцом выступил построенный пятнадцатью годами ранее второй этаж Поместного приказа. Названия приказов часто менялись, как и их функции, но определить, где строилась обозначенная палата, возможно. Она должна была появиться, судя по упомянутым в подряде приказам, над восточным крылом здания, первый этаж которого в составе 16 палат был сооружен в 1680–1681 гг.[6]

24 ноября 1702 г. произошел пожар, от которого сильно пострадало как минимум западное крыло береговых Приказов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 46. Л. 1) (Цит. по: Словарь…, 2008. С. 577; *Сытин*, 1950. С. 193). Серия документов 1703 г. фиксирует послепожарные ремонты, которые подряжается провести Г. И. Устинов. Среди работ перечисляются: ремонт сводов с перекрытием лещадью кровель (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1032. Л. 867–867 об., 899–899 об.) (Цит. по: *Николаева*, 2004. С. 24–25, 32–33), скульптурное убранство интерьеров (четыре персоны вырезаны на гранях столба Большой палаты), сверх подряда «в стене от Москвы-реки… прибавил полкирпича», а также наращен столб, высота в палатах прибавлена, разобрана старая казенная палатка, вырезана резьба около четырех окон Малороссийского приказа (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 46. Л. 1–3) (Цит. по: Словарь…, 2008. С. 575–577). Впервые в подряде встречаем упоминание изготовления фасадных наличников, однако можно предположить, что это были работы по поновлению первоначальных окон. Чертеж из ГИМа запечатлел те проектные предложения, которые внес Г. И. Устинов к существовавшему зданию: восьмигранный объем над рундуком[7], балюстрада на крыше, глобус и крест в качестве венчания фронтона, рельефный двуглавый орел под ним и две грозящие в разные от него стороны пушки. Что из этих

[6] Московский Судный приказ, упомянутый в подряде, назван «старым», по всей видимости, потому, что в 1685 г. он был слит с главным в иерархии судных министерств Владимирским судным приказом с сохранением собственного штата и делопроизводства, которое велось и после упразднения в 1699 г. самого Владимирского судного приказа (*Лисейцев и др*., 2015. С. 182, 192). По изобразительным источникам первой половины XVIII в., о которых речь пойдет ниже, Судный приказ располагался в восточной части зданий приказов на кромке Боровицкого холма. Адмиралтейский приказ образован в 1700 г. из той части Владимирского судного приказа, которая ведала строительством флота (и куда в 1696 г. были переданы списки кумпанств из Поместного приказа) (Адмиралтейский приказ, 1911. С. 155–157). Адмиралтейский приказ мог быть размещен в палатах старого Московского судного приказа (с 1685 г. слитого с Владимирским судным), а также в помещениях приказа Казанского дворца (по росписи времени Федора Алексеевича), располагавшегося рядом со Стрелецким приказом. Приказ земских дел был преобразован из Стрелецкого приказа в 1701 г. в связи с постепенной ликвидацией стрелецких полков в конце XVII в. (*Лисейцев и др*., 2015. С. 178). Как мы видели из указа Федора Алексеевича 1680 г., Стрелецкий приказ был шестым в ряду построенных одноэтажных зданий на бровке Боровицкого холма. Под Приказом военных дел, видимо, подразумевался Воинский морской приказ, учрежденный Петром I в 1698 г. для управления флотом и слитый впоследствии с Адмиралтейским приказом (Государственность России…, 1996. С. 103).

[7] Ближайшую аналогию ему, на мой взгляд, видим в низком восьмерике церкви трапезного комплекса Новодевичьего монастыря.

предложений было воплощено в жизнь, не вполне определено, но фронтон с двуглавым орлом запечатлен еще на одном, более позднем, чертеже (см. ниже).

Впоследствии ремонты в зданиях Приказов фиксировались в документах нередко. В 1716 г. на Посольском и Малороссийском приказах перекрывались заново кровли (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1282. Л. 548–548 об., 579 об. – 580) (Цит. по: *Николаева*, 2004. С. 39–42). Под 1728 г. есть упоминание составления описи здания, сметы и чертежей на ремонт Приказа Большой Казны (Словарь…, 2008. С. 171). В 1737 г. открылось и длилось до 1753 г. дело, по которому И. Ф. Мичурин описывал здание и сметил ремонт Вотчинной коллегии (РГАДА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1071 (1737–1753 гг.). В 1752–1755 гг. состоялись работы по приспособлению Вотчинной коллегии и примыкающих к ней помещений к перемещению в них Сената, руководил работами Д. И. Ухтомский (*Михайлов*, 1954. С. 66–73). Представляется, что в результате этих работ прежняя лестница была заменена новой – более протяженной по сравнению с остальными. В 1757 и 1758–1761 гг. он же проводил работы на воротах под церквями и на площадке перед ними (РГАДА Ф. 248. Оп. 100. Кн. 7995. Л. 489–500; Ф. 248. Оп. 100. Кн. 8010. Д. 57. 1758–1761 гг. Л. 443–453). Летом 1760 г. «ветхости» Иностранной коллегии были осмотрены той же командой Ухтомского и составлены рапорты (РГАДА. Ф. 297. Оп. 1. Д.1078. 1760 г. Л. 1–1 об., 2, 6–7). В 1763 г. составляли опись на помещения, находившиеся во владении Юнкерской школы в здании Вотчинной коллегии (РГАДА. Ф. 287. Оп. 1. Д. 1018. 1763 г. Л. 2).

11 августа 1769 г. начальник Экспедиции Кремлевского строения «генерал-порутчик Михайла Измаилов» в своем докладе писал: «…При отъезде же моем из Санкт-Петербурга ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Высочайше указать соизволила начинать разбирать старые в Кремле строении, как в плане означено, зачиная разборку от Стараго Сената, где ныне Главной Магистрат находится, до Набережнаго Сада…» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29007. 1769 г. Л. 1–1 об.). В журнале, заведенном для разборки Кремлевских зданий, в одном из подрядных договоров читаем: «Которую разборку и будут производить, не требуя наперед денег, а за те цены на ниже писанных кондициях: …Начинать им каждое строение с самаго верху до земли по фундамент, а фундамент оставлять в земле, к чему оне Спесивцов и Лебедев иметь должны весь потребной инструмент от себя, также и работных людей, словом, не требуя ничего к той разборке казенного, да и очищать разобранное место по гаризонт Ивановской площади» (Там же. Д. 29008. 1769–1773 гг. Лл. 75–75 об.). По документам разборка длилась до 1771–1772 гг.

Суммируем выводы по хронологии строительства набережных Приказов и разделим длительный период на этапы, отметив, что отдельные этапы происходили не последовательно, а одновременно:

1675–1680 гг. – **I этап**: сооружены одноэтажные объемы шести Приказов с обеих сторон от проездных ворот к Тайницкой башне (всего 28 палат).

1680–1681 гг. – **II этап**: к востоку от построенных шести приказов возвели еще 16 палат для нескольких Приказов.

1681–1683 гг. – **III этап**: сооружение церквей над воротами.

1682–1684 гг. – **IV этап**: возведен второй этаж над западным крылом, в котором располагались Разрядный, Посольский и Малороссийский приказы.

1683–1685 гг. – **V этап**: надстройка вторым этажом Поместного приказа и палат, следующих за ним к востоку (13 палат первого этажа).

1697–1702 гг. – **VI этап**: перестройка Посольского и Малороссийского приказов и надстройка второго этажа над самыми восточными палатами Приказов (16 палат).

Таким образом, полный цикл строительства набережных Приказов охватывает период с 1675 по 1702 г., после чего происходили ремонты отдельных помещений и зданий комплекса.

Археология об архитектуре

Кладка нижних частей стен береговых Приказов XVII в. до нас практически не дошла, она аккуратно выбрана, оставив археологам для изучения только фундамент и часть цоколя (рис. 1)[8]. На тех участках раскопа, где удалось раскрыть субструкции здания на всю высоту, предстает следующая картина: фундаменты сложены из 7–8 рядов необработанных белокаменных блоков на известково-песчаном растворе. Многие блоки – во вторичном использовании, редко встречаются блоки, грани которых обработаны для лицевой кладки, т. е. когда-то они составляли лицевую фасадную поверхность. Встречаются блоки другого назначения – каменной лещади, декоративные белокаменные элементы.

В качестве части цоколя можно интерпретировать сохранившиеся фрагментарно верхние два ряда кладки, сформированные крупными плоскими блоками с более регулярной обработкой поверхности, чем квадры, лежащие в нижних рядах субструкций. Цоколь имеет небольшой уступ между рядами. Выравнивающий ряд кирпича практически не сохранился, но там, где он имеется, использован большемерный кирпич (30,5–32 × 14,5–15,5 × 7,5–8 см), традиционный для строительства третьей четверти XVII в. (*Киселев*, 1990. С. 15)[9]. Причем в верхнем ряду цокольной кладки кирпич использован в качестве регулярной забутовки: лицевая кладка сформирована квадрами белого камня, а внутренняя часть ряда состоит из кирпичной выкладки в верстовой перевязи, в бутовой части кладки встречается кирпич во вторичном использовании меньших размеров, чем кирпич XVII в. Аналогичным образом сложены более тонкие стены каменной камеры, врезанной в кладку продольной стены здания, но ее основная кладка выполнена из белого камня, из кирпича сложены лишь верхние ряды.

Продольная стена фундамента имеет серьезную ширину – до 2,4 м и глубину около 190 см, что свидетельствует о том, что над ней планировалось расположить двухэтажное здание со сводчатыми перекрытиями. Сейчас нам известно по документам, что сначала был сооружен только первый этаж Приказов, а его надстройка

[8] Отходящая к северу перпендикулярно основной фундаментной ленте кладка является остатками восточного корпуса (перекладины буквы «П») Приказов XVI в.

[9] Собранная в процессе раскопок коллекция строительных материалов дает примеры кирпичей с клеймами: «орел» – по сведениям И. А. Киселева, клеймо датируется серединой XVII в. – 1684 г.; «Н» и «П» – 1690-е гг. – первая четверть XVIII в. (*Киселев*, 1990. С. 18, 20).

вторым этажом произошла через небольшое время. Однако в тех же документах сказано, что денег, запланированных на начальный этап строительства, должно было в целом хватить и на второй этаж. Соответственно, здание мыслилось двухэтажным сразу, что абсолютно естественно, учитывая необходимость в новых площадях для разрастающихся в объемах своего делопроизводства Приказов.

Применение белого камня для кладки подземных частей фундаментов Приказов имеет простое объяснение. Для этих целей, по всей видимости, был использован материал разобранных кремлевских построек, бывших на южном участке Ивановской площади: старого здания Приказов конца XVI в. и храмов Александра Невского (первая половина XVII в., 1630-е гг. (?)) и Черниговских чудотворцев (точная дата неизвестна – около 1570-х гг.). Именно поэтому в кладке фундамента встречаются декоративные белокаменные элементы.

Источники об архитектуре

Изобразительные источники, которые могли бы что-то прояснить в деталях архитектуры здания набережных Приказов, были ограничены планами и несколькими гравированными панорамами Кремля со стороны Москвы-реки, на которых Приказы показаны очень условно.

Наиболее детализированное изображение Приказов сохранилось на гравюре Питера Пикара, демонстрирующей их южный фасад – со стороны Москвы-реки. На ней видим двухэтажные объемы последовательно поставленных в одну линию зданий с отдельными кровлями и многоглавый объем церкви над арками ворот. Гравюра сделана в период с 1703 по 1708 г. и важна для предмета нашего исследования, кроме того, что демонстрирует общую композицию здания, еще и тем, что показывает церкви в ряду Приказов пятиглавыми, в то время как более поздние виды демонстрируют другое завершение – после перестройки 1722 г. каждый храм стал венчаться одной главой.

Эта гравюра давала практически единственные данные для выводов об архитектуре Приказов и церквей над воротами. Они сводились в общих чертах к следующему: «Архитектура зданий Присутственных мест, в соответствии с деловым назначением постройки, характеризовалась сравнительной простотой и скромностью. Оконные и дверные проемы были обрамлены типичными для второй половины XVII в. наличниками» (Несохранившиеся памятники архитектуры…). По этому описанию архитектура Приказов XVII в. была более чем скромна, хотя в силу назначения здания его художественное воплощение должно было быть значительнее.

Облик наличников окон – наиболее показательная часть декора – по гравюре не может быть точно определен, хотя в литературе и существует его гипотетическая реконструкция[10], сделанная на основе гравюры Пикара и плана здания

[10] В литературе можно встретить реконструкцию северного фасада Приказов, выполненную П. А. Александровым, которую часто использовали как единственно существующее изображение. Эта реконструкция была опубликована: *Тихомиров, Иванов*, 1967. Илл. на с. 169.

1750–1760-х гг.[11] Реконструкция является скорее воспроизведением пространственной композиции Приказов, в то время как фасадная декорация на ней показана схематично и условно.

Можно было надеяться, что в результате раскопок будут получены детали декора здания, которые позволили бы сделать вывод о декоративном наборе, использованном на фасадах. Собранная в результате раскопок коллекция архитектурно-строительных находок многочисленна: только в 2020 г. в нее включены фрагменты более 100 предметов (*Макаров и др*., 2021. Т. 3. С. 180–215). Среди них белокаменные и кирпичные детали, которые могут иметь отношение к фасадной декорации здания XVII в. Белокаменных фрагментов среди них меньше, чем фрагментов фигурных кирпичей, они составляют примерно четвертую часть всей коллекции. Подобная статистика может помочь в качестве дополнительной аргументации в определении особенностей фасадного декора, но решающих аргументов в этом вопросе она не дает. К сожалению, среди найденных фрагментов не оказалось таких, которые бы безусловно смогли помочь с атрибуцией декора тому или иному декоративному направлению последней четверти XVII в. – все детали обладают достаточно универсальными характеристиками или сильно фрагментированы. Отсутствие в земле подобных характерных элементов свидетельствует о тщательной разборке приказов в 1770-х гг.

В решении вопроса о стиле фасадной декорации Приказов помогли архивные источники. В Национальном музее Стокгольма (Швеция) хранится чертеж (Nationalmuseum (Stockholm). Inventory No. NMH THC 9076:55), дающий полное представление о фасадной декорации здания (рис. 3)[12]. Это карандашный рисунок на бумаге (высота – 31,5 см, длина – 120 см), состоящий из четырех листов, склеенных вместе на подложенном листе. В музейной коллекции рисунок имеет подпись «Здание коллегий (Приказ)» (Collegiate buildings (Prikas)). На нем представлен северный фасад зданий береговых Приказов. Над каждым объемом здания поставлены подписи на немецком языке, слева направо: 1) Судной Приказ (Sudnoi Prikas oder Ri[chter] Colligium), Адмиралтейская коллегия ([нрзб] daß Admiralitets Collegium); 2) Юстиц-коллегия (Daß Justitz Collegium);

[11] «Генеральной план верхн[е]го апартамента коллегиям и канцеляриям, находящимся в Кремле», хранящийся в отделе изобразительных материалов ГИМ (ГИМ 54014/94. Л. 3653) и опубликованный в урезанном виде в статье Н. А. Баклановой с широкой датировкой XVIII веком (*Бакланова*, 1926. Рис. 3 между с. 56 и 57), был составлен Петром Романовичем Никитиным, учеником и преемником Д. В. Ухтомского на посту руководителя московской архитектурной школы, после 1752–1755 гг. (времени ремонта палат Вотчинной коллегии, предпринятого Д. В. Ухтомским, в ходе которого было снесено старое крыльцо Приказа и построено парадное новое, более протяженное по сравнению с остальными, которое мы и видим на чертеже) (*Михайлов*, 1954. С. 66–73) и 1763 г., когда П. Р. Никитин был отправлен в Тверь для составления регулярного плана города. Скорее всего, план был сделан в самом начале 1760-х гг., когда П. Р. Никитин после отставки Д. В. Ухтомского возглавил московскую школу архитекторов (Там же. С. 268–272). Именно в этот период он мог подписывать своим именем общие чертежи, составленные командой архитекторов.

[12] Чертеж впервые опубликован в России в статье Г. К. Смирнова (*Смирнов*, 2006. С. 8–13).

3) Правительственная канцелярия (Die Gouvernements Cantzeley); 4) Вотчинная коллегия (Daß Wottschenij oder Landcollegium); 5) Военная коллегия, Иностранная коллегия (Daß Kriegs (?) Collegium, Daß Richs (?) Collegium derer auswertigen affairen); 6) Сенат (Der Senath)[13].

Точной даты чертеж не имеет. Он происходит из коллекции Фридриха Вильгельма фон Берхгольца (Friedrich Willhelm von Bergholtz) – придворного немецких герцогов, приезжавшего на протяжении своей жизни в Россию три раза и собравшего уникальную коллекцию изображений российских архитектурных объектов (*Крашенинников*, 1996. С. 92–94; *Смирнов*, 2006. С. 8–9; *Берхгольц*, 2018. С. 42). Большинство вещей из коллекции собрано в последний приезд Берхгольца в Россию, длившийся с 1742 по 1746 г. Точное время появления нашего рисунка определить не представляется возможным, но по соотнесению фактов его нужно отнести к периоду 1737–1746 гг. Непосредственного автора чертежа мы не знаем, им, скорее всего, был человек из окружения Ф. Берхгольца, который по его поручению делал копии с чертежей и натуры. Надписи на чертеже на немецком языке принадлежат, как выяснил шведский исследователь, перу самого Ф. Берхгольца, который делал разнообразные пометки на поступавших в его коллекцию листах – не всегда, правда, его надписи можно считать верными (*Hallström, Björn*, 1963. P. 12).

Приказы, таким образом, запечатлены на рисунке через 50–60 лет после строительства, это единственное изображение, которое дает достоверное представление о фасадах здания, снесенного в начале 1770-х гг. Аккуратность и старательность, с которыми выполнен чертеж, позволяют сделать наблюдения, необходимые для определения стиля первоначальной декорации, особенностей архитектуры в целом и осуществить привязку раскрытой в раскопе кладки к плану XVIII в. и современному плану Большого Кремлевского сквера (рис. 2).

Судя по деталям, не вся декорация, запечатленная на рисунке, осуществлена в один период. Фасад первого слева здания «Судного Приказа»[14] несет элементы как декора XVII в., так и декора XVIII в. Фасад «Правительственной канцелярии» получил свое оформление после пожара 1737 г. В архивах сохранились документы, фиксирующие ремонт 1737 г., документацию на который составлял И. Ф. Мичурин, признанный мастер аннинского барокко (РГАДА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1071. 1737–1753 гг. Л. 230–235 об.). Остальная декорация Приказов, судя по изображению, выполнена в рамках 1675–1700-х гг. и состоит из элементов двух основных декоративных систем этого времени – узорочья и ордерного стиля, который принято называть нарышкинским. Разделяя декор этого периода по формальным признакам, можно определить стилистические группы и соотнести их с данными письменных источников.

[13] Благодарю кандидата филологических наук А. Е. Манькова (ПСТГУ) за прочтение и перевод надписей на чертеже.

[14] Названия отдельных набережных Приказов, их функции и расположения в палатах очень часто менялись, проследить последовательность этих изменений очень сложно, а порой невозможно. Названия Приказов на стокгольмском рисунке отражают состояние на короткий период времени, поэтому названия берутся в кавычки.

Рис. 2. Совмещение плана раскопок 2018–2021 гг. (голубой заливкой) и плана набережных Приказов 1750–1760-х гг. с современным планом Большого Кремлевского сквера. Реконструкция автора. Чертила Е. Н. Пророкова

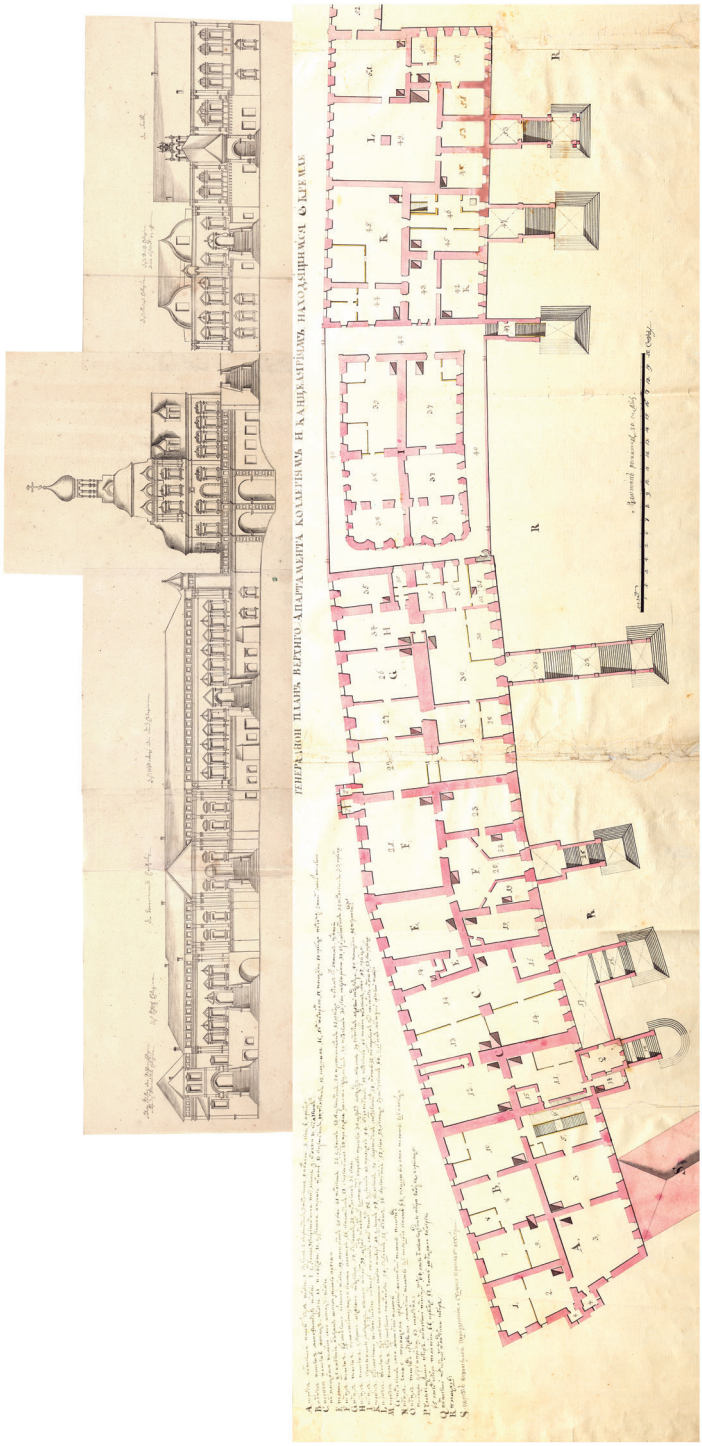


Рис. 3. Набережные Приказы: северный фасад, рисунок из Стокгольмского музея (1737–1746 гг.) и фрагмент плана второго этажа из ГИМ, 1750–1760-е гг.

Первой стилистической группе – условно назовем ее «узорочье 1» – соответствует I строительный этап. В нее входит декорация первого этажа нескольких Приказов. Элементы второй группы – «узорочье 2» – появились в III строительный период, при декорации церквей. Третья группа – «ордерная 1» – объединяет фасады с чередующимися наличниками с простыми треугольными фронтонами и раскрепованными треугольными фронтонами второго этажа нескольких Приказов, что соответствует IV и V этапам строительства. К четвертой группе – «ордерная 2» – принадлежит декорация «Сената», фасады которого получили оформление в VI этап сооружения комплекса.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники соотносятся с изобразительными и формируют непротиворечивую картину сложения архитектурного облика береговых Приказов. Восстановленная полностью хронология строительства здания предоставляет возможность дальнейшего анализа архитектурных форм, которые позволяют уже сейчас определить береговые Приказы в качестве одного из первопамятников регионального архитектурного стиля последней четверти XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

Адмиралтейский приказ (1700–1712 гг.) // Военная энциклопедия. Т. 1 / Под ред. В. Ф. Новицкого. СПб.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 155–157.

Бакланова Н. А., 1926. Обстановка Московских приказов в XVII веке // Труды ГИМ. Вып. 3. Разряд общий исторический. М. С. 53–100.

Берхгольц Ф. В., 2018. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, 1721–1726. М.: Кучково поле: Ретроспектива. 864 с.

Бондаренко И. Е., 1916. Здания Посольского Приказа // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М.: Т-во А. А. Левенсон. С. 98–107.

Выголов В. П., 1955. Творчество зодчего О. Д. Старцева: дис. … канд. искусствоведения. М. 508 с.

Государственность России: словарь-справочник. Кн. 1 (А–Г). М.: Наука, 1996. 330 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 9. СПб., 1875.

Забелин И. Е., 1905. История города Москвы. М.: Изд. авт. 652 с.

Киселев И. А., 1990. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам: метод. пособие. М.: Ин-т «Спецпроектреставрация». 34 с.

Крашенинников А. Ф., 1996. История Стокгольмской коллекции русских чертежей или шпионаж против России, принесший ей пользу через 200 лет // Архитектура в истории русской культуры. М.: УРСС. С. 92–94.

Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М., 2015. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 303 с.

Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Модин Р. Н., Курмановский В. С., Кузина И. Н., Васильева Е. Е., 2019. Отчет об археологических раскопках в Московском Кремле в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 64743. Приложения и альбомы иллюстраций к отчету: № 60744–60747.

Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Модин Р. Н., Курмановский В. С., Кузина И. Н., Панченко К. И., 2020. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 2020 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 68121. Приложения и альбомы иллюстраций к отчету: № 68122–68125.

Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Модин Р. Н., Курмановский В. С., Кузина И. Н., Панченко К. И., 2021. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 2021 г. Архив ИА РАН. Приложения и альбомы иллюстраций к отчету. На регистрации.

Михайлов А. И., 1954. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре. 372 с.

Несохранившиеся памятники архитектуры в Московском Кремле. [Электронный ресурс] // URL: https://kremlin-architectural-ensemble.kreml.ru/architecture/view/nesokhranivshiesya-pamyatniki-arkhitektury/#mobile-jump (дата обращения: 07.05.2021).

Николаева М. В., 2004. Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII века. Подрядные записи. Т. 2. М.: Едиториал УРСС. 410 с.

Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века / Отв. ред. И. А. Бондаренко. М.: ЛКИ, 2008. 772 с.

Смирнов Г. К., 2006. Графика из собрания Берхгольца: архитектура Москвы // Собраніе. № 3 (10). С. 8–13.

Сытин П. В., 1950. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Т. 1. М.: Упр. культ.-просвет. предприятий Мосгорисполкома. 416 с. (Труды Музея истории и реконструкции Москвы.)

Тихомиров Н. Я., Иванов В. Н., 1967. Московский Кремль: История архитектуры. М.: Стройиздат. 259 с.

Шахова А. Д., 2009. Палаты Посольского приказа в Кремле // Каптеревские чтения: сб. ст. Вып. 7. М.: Ин-т всеобщей истории РАН. С. 85–92.

Hallström B. H., 1963. Russian architectural drawings in the Nationalmuseum. Stockholm: Nationalmuseum. 143 p.

Сведения об авторе

Вдовиченко Марина Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: zakomara@yandex.ru

M. V. Vdovichenko

SOURCES ON DEVELOPMENT OF PRIKAZ EMBANKMENT ARCHITECTURAL LOOK IN THE 17th CENTURY

Abstract. The excavations carried out by the Institute of Archaeology, RAS, in the Grand Kremlin Public Garden discovered foundation pits of the river bank building of the Prikazes (prikaz is an administrative, judicial, territorial, or executive office) from the 17th century. The building was known only from 18th century engravings that could not give a full understanding of its architecture; for this reason, it was not included in the history of Russian art. Fragments of the building found by the archaeologists provide the first material evidence of its existence, the excavations launched the study of its history and architecture. The paper systemizes available archival data reconstructing chronology regarding the construction of the prikaz group of buildings. Written and illustrative sources demonstrate that the Prikazes were built in the period from 1675 to 1702 in six stages. Each stage was reflected in the decoration of the building façade documented in a schematic drawing of the northern façade made in the 1740s. Naberezhnye Prikazes, therefore, fit into the development trends of the capital architecture in the last quarter of the 17th century, being one of the first historical sites due to specific features of their façade decoration and building massing.

Keywords: architectural archaeology, Moscow Kremlin, 17th century Prikazes, building construction chronology, dating based on written sources, façade decoration, decoration of window surround design.

REFERENCES

Admiralteyskiy prikaz (1700–1712 gg.) [Admiralty prikaz (1700–1712)]. *Voennaya entsiklopediya [Military encyclopedia]*, 1. V. F. Novitskiy, ed. St.Petersburg: Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina, 1911, pp. 155–157.

Baklanova N. A., 1926. Obstanovka Moskovskikh prikazov v XVII veke [Situation of Moscow prikazes in XVII century]. *Trudy GIM [GIM Transactions], 3. Razryad obshchiy istoricheskiy [General historical category]*. Moscow, pp. 53–100.

Bergholtz F. W., 2018. Dnevnik kamer-yunkera Fridrikha Vilgelma Berkhgoltsa, 1721–1726 [Diary of chamber junker Friedrich Wilhelm von Bergholtz, 1721–1726]. Moscow: Kuchkovo pole: Retrospektiva. 864 p.

Bondarenko I. E., 1916. Zdaniya Posol'skogo Prikaza [Buildings of the Embassy Prikaz]. *Sbornik statey v chest' grafini Praskov'i Sergeevny Uvarovoy [Collection of articles in honor of Countess Praskovya Sergeevna Uvarova]*. Moscow: Tovarishchestvo A. A. Levenson, pp. 98–107.

Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoyu komissiey [Supplementa to historical acts collected and published by Archeographic Commission], 9. St. Petersburg, 1875. VII, 353, 2 p.

Gosudarstvennost' Rossii: slovar'-spravochnik [Statehood of Russia: dictionary-reference], 1. Moscow: Nauka, 1996. 330 p.

Kiselev I. A., 1990. Datirovka kirpichnykh kladok XVI–XIX vv. po vizual'nym kharakteristikam: metodicheskoe posobie [Dating of brick masonry of XVI–XIX cc. by visual characteristics: methodological guide]. Moscow: Institut «Spetsproektrestavratsiya». 34 p.

Krasheninnikov A. F., 1996. Istoriya Stokgol'mskoy kollektsii russkikh chertezhey ili shpionazh protiv Rossii, prinesshiy ey pol'zu cherez 200 let [The history of Stockholm collection of Russian drawings or espionage against Russia, which benefited her after 200 years]. *Arkhitektura v istorii russkoy kul'tury [Architecture in history of Russian culture]*. Moscow: URSS, pp. 92–94.

Liseytsev D. V., Rogozhin N. M., Eskin Yu. M., 2015. Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: slovar'-spravochnik [Prikazes of Moscow state of XVI–XVII cc.: dictionary-reference]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 303 p.

Makarov N. A., Koval V. Yu., Modin R. N., Kurmanovskiy V. S., Kuzina I. N., Vasil'eva E. E., 2019. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Moskovskom Kremle v 2019 g. [Report on archaeological excavations in Moscow Kremlin in 2019]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.) Prilozheniya i al'bomy illyustratsiy k otchetu [Appendices and albums of illustrations to the report]: Nos. 60744–60747.

Makarov N. A., Koval V. Yu., Modin R. N., Kurmanovskiy V. S., Kuzina I. N., Panchenko K. I., 2020. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Moskovskom Kremle v 2020 g. [Report on archaeological works in Moscow Kremlin in 2020]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.) Prilozheniya i al'bomy illyustratsiy k otchetu [Appendices and albums of illustrations to the report]: Nos. 68122–68125.

Makarov N. A., Koval V. Yu., Modin R. N., Kurmanovskiy V. S., Kuzina I. N., Panchenko K.I., 2021. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Moskovskom Kremle v 2021 g. [Report on archaeological excavations in Moscow Kremlin in 2021]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.) Prilozheniya i al'bomy illyustratsiy k otchetu [Appendices and albums of illustrations to the report]. On registration.

Mikhaylov A. I., 1954. Arkhitektor D. V. Ukhtomskiy i ego shkola [Architect D. V. Ukhtomskiy and his school]. Moscow: Gos. izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture. 372 p.

Nesokhranivshiesya pamyatniki arkhitektury v Moskovskom Kremle [Non-preserved architectural monuments in the Moscow Kremlin]. [Electronic resource]. URL: https://kremlin-architectural-ensemble.kreml.ru/architecture/view/nesokhranivshiesya-pamyatniki-arkhitektury/#mobile-jump (accessed: 07.05.2021).

Nikolaeva M. V., 2004. Chastnoe stroitel'stvo v Moskve i Podmoskov'e. Pervaya chetvert' XVIII veka. Podryadnye zapisi [Private construction in Moscow and Moscow region. The first quarter of XVIII century. Contract records], 2. Moscow: Editorial URSS. 410 p.

Shakhova A. D., 2009. Palaty Posol'skogo prikaza v Kremle [Chambers of Embassy prikaz in the Kremlin]. *Kapterevskie chteniya [Kapterev readings]*, 7. Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN [Institute of General History of RAS], pp. 85–92.

Slovar' arkhitektorov i masterov stroitel'nogo dela Moskvy XV – serediny XVIII veka [Dictionary of architects and masters of construction in Moscow, XV – mid XVIII century]. I. A. Bondarenko, ed. Moscow: LKI, 2008. 772 p.

Smirnov G. K., 2006. Grafika iz sobraniya Berkhgol'tsa: arkhitektura Moskvy [Graphics from Berkhgolts collection: architecture of Moscow]. *Sobranie [Collection]*, 3 (10), pp. 8–13.

Sytin P. V., 1950. Istoriya planirovki i zastroyki Moskvy. Materialy i issledovaniya [History of Moscow planning and development. Materials and investigations], 1. Moscow: Upravlenie kul'turno-prosvetitel'nykh predpriyatiy Mosgorispolkoma. 416 p. (Trudy Muzeya istorii i rekonstruktsii Moskvy.)

Tikhomirov N. Ya., Ivanov V. N., 1967. Moskovskiy Kreml': Istoriya arkhitektury [The Moscow Kremlin: History of architecture]. Moscow: Stroyizdat. 259 p.

Vygolov V. P., 1955. Tvorchestvo zodchego O. D. Startseva: dissertatsiya … kandidata iskusstvovedeniya [Creativity of architect O. D. Startsev: PhD Thesis. Manuscript]. Moscow. 508 p.

Zabelin I. E., 1905. Istoriya goroda Moskvy [History of the city of Moscow]. Moscow: Izdanie avtora. 652 p.

About the author

Vdovichenko Marina V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: zakomara@yandex.ru

В. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин

«НУЖЕН СОВЕРШЕННО НОВЫЙ МУЗЕЙ»: РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГГ.

Резюме. В раннесоветский период неоднократно обсуждались проекты организации археологических музеев. Проект организации Центрального археологического музея был выдвинут в Государственном институте истории искусств в 1917 г. Эта тема обсуждалась на первой Всероссийской музейной конференции в 1919 г., решения которой попыталась претворить в жизнь Комиссия по организации Центрального музея истории материальной культуры РАИМК в 1920–1921 гг. Для реализации этого проекта затем комиссия была трансформирована в совместную, организованную РАИМК и Государственным Эрмитажем. В конце 1920-х гг. в ГАИМК обсуждался уже проект организации Музея человеческой культуры. Ни один из этих проектов не был воплощен ввиду нехватки материальных ресурсов, нерешенности проблем с насыщением новых музеев экспонатами, однако сохранившиеся документы из РО НА ИИМК РАН наглядно демонстрируют ход дискуссий вокруг предназначения и структуры музея как такового и археологических музеев в частности. Проекты организации Музея истории материальной культуры – памятник неосуществленным амбициозным проектам в музейной сфере 1920-х гг.

Ключевые слова: музей, археология, Академия истории материальной культуры.

В литературе неоднократно отмечалась связь, существующая между процессами развития науки и музеев соответствующего профиля. Эта связь может быть охарактеризована как взаимонаправленная и двусторонняя: с одной стороны (и это тезис, ставший уже давно классическим), музеи являются неисчерпаемыми репозиториями тех материалов, которые наука использует в качестве источников профильных исследований (*Neustupny*, 1968). С другой же (и это то, что более или менее детально стало разрабатываться лишь в историографии

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.437-449

конца XX в.), организация и презентация этих материалов в музеях оказывают значительное влияние на складывание и трансформацию дисциплинарных матриц данной научной дисциплины. Особенно значимым этот процесс будет для таких гуманитарных дисциплин, как археология и искусствоведение, подавляющее большинство источников для первой и значительное число которых для второй находятся именно в музейных собраниях (*Whitehead*, 2009).

Таким образом, в периоды наиболее активных поисков границ дисциплинарности для той или иной науки актуальными могут оказываться вопросы музейного строительства в соответствующей области. Причем, если развитие науки может быть достаточно специальной сферой, музейное дело (в силу особого статуса музея как инстанции не только научного, но и художественного, и идеологического дискурсов) (см.: *Беззубова*, 2003) привлекает достаточно пристальное внимание широких кругов общественности.

В России для археологии периодом такой активизации дискуссий стало начало XX в., когда, как было показано в новейшей литературе, сосуществовало несколько моделей ее дисциплинарной матрицы (*Платонова*, 2010). Хотя первые археологические музеи (как музеи, бóльшая часть коллекций которых состояла из археологических предметов) и появились на юге Российской империи еще в начале XIX в. (что было связано с развитием классической археологии), лишь в начале XX в. на повестку дня был поставлен и начал осмысливаться как насущный вопрос о создании центрального археологического музея (как музея, отражающего дисциплинарную матрицу археологии в ее самобытности и отличии от смежных дисциплин). Этот вопрос обсуждался на крупнейших музейных профессиональных форумах революционной эпохи: весной – летом 1917 г. в ходе заседаний подкомиссии по музейному делу и охране памятников комиссии по выработке проекта министерства искусств на эту тему спорили такие крупные специалисты, как М. И. Ростовцев[1], О. Ф. Вальдгауер[2], Б. В. Фармаковский[3], А. А. Миллер[4], Н. М. Могилянский[5] (*Ананьев*, 2017). В феврале 1919 г. на Первой всероссийской конференции по делам музеев в обсуждении доклада все

[1] Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк, археолог, искусствовед, профессор Санкт-Петербургского университета (1902), член-корреспондент (1908), действительный член (1917) РАН; с 1918 г. – в эмиграции: профессор университетов Мадисон (1920) и Йель (1925).

[2] Вальдгауер Оскар Фердинандович (1883–1935) – историк античного искусства, профессор Петроградского университета (1919), с 1904 г. в Эрмитаже, в 1927–1928 гг. – исполняющий обязанности директора Эрмитажа.

[3] Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928) – археолог, историк искусства, член-корреспондент ИАН (1914), профессор Петроградского университета (1919), Ученый секретарь РАИМК (ГАИМК) в 1921–1928 гг., сотрудник Эрмитажа с 1924 г.

[4] Миллер Александр Александрович (1875–1935) – археолог, этнограф, один из создателей палеоэтнологической школы, с 1907 г. в Русском музее, в 1918–1921 гг. – директор, репрессирован.

[5] Могилянский Николай Михайлович (1871–1933) – этнограф, антрополог, с 1901 г. в Русском музее, в 1910–1918 гг. заведующий его Этнографическим отделом, с 1918 г. – в эмиграции.

того же А. А. Миллера на эту тему приняли участие С. А. Жебелёв[6], Н. Я. Марр[7], Б. М. Соколов[8] и другие (*Ананьев, Бухарин*, 2021).

В итоге принятая по докладу Миллера резолюция не просто признавала «желательным создание археологического музея в Петрограде», но и рекомендовала «дело организации музея поручить Государственной археологической комиссии» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 228. Л. 29 об.). Археологическая комиссия уже через несколько месяцев после этого решения была упразднена, а в апреле 1919 г. на ее основе создана Российская академия истории материальной культуры (далее – РАИМК). В начале 1920-х гг. ее сотрудниками предпринимались попытки воплотить на практике решение конференции 1919 г. Хотя задумывавшийся музей так и не был создан, материалы, отложившиеся в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, позволяют реконструировать ход имевших место обсуждений и осветить неизвестную прежде страницу в истории отечественной археологии.

Как отмечали впоследствии сами участники, Музейная конференция 1919 г. «нашла желательным основать в Петрограде Центральный Археологический музей и устройство его передала бывшей Археологической комиссии». Для этого при втором (археологическом) отделении РАИМК была выбрана специальная комиссия. Совет академии в феврале одобрил выработанный комиссией проект положения музея и поручил комиссии взять на себя дальнейшее проведение в жизнь учреждаемого музея, выработав инструкцию для действий комиссии и привлекши к своей деятельности представителя из первого отделения академии и других специалистов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 46).

И действительно, как следует из архивных материалов, 21 февраля 1920 г., т. е. примерно через год после музейной конференции 1919 г., Совет РАИМК принял решение для «подготовительных работ по образованию и начальной организации музея» сформировать специальную комиссию из трех представителей от Отделений РАИМК, по одному от каждого (этнологического, археологического и художественно-исторического), ученого секретаря и трех приглашенных специалистов по музейному делу. Комиссии было делегировано право кооптировать в качестве членов специалистов, «участие в работах которых ею будет признано желательным» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 42). Кроме этого, с самого начала предполагалось достаточно широкое привлечение научной общественности Петрограда к обсуждению рассматривавшихся

[6] Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941) – историк, филолог-антиковед, действительный член АН СССР (1927), заслуженный деятель науки РСФСР (1940).

[7] Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – историк культуры, филолог, археолог-кавказовед, действительный член ИАН (1912), председатель РАИМК (ГАИМК) в 1919–1920, 1922–1934 гг.

[8] Соколов Борис Матвеевич (1889–1930) – этнограф, фольклорист, литературовед, в 1918–1919 гг. заведующий Этнографическим отделением Румянцевского музея, профессор Саратовского университета (1919), директор Центрального музея народоведения СССР (1924–1930).

комиссией вопросов, что еще раз подчеркивало центральный статус планируемого ею музея. В проекте инструкции о комиссии говорилось: «Для обсуждения выработанных ею положений предварительно доклада их Совету Академии, Комиссия созывает особое совещание из представителей петроградских научных культурно-исторических и художественно-исторических музеев, а именно: Эрмитажа, Русского музея, Этнографического музея и Азиатского музея, по одному от каждого из отделов этих музеев, петроградских учреждений, входящих в объединение с Академией, Института археологической технологии, Керамического института и специалистов, участие коих Комиссией будет признано желательным» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 42 об.).

Проект инструкции предполагал, что комиссия выполняет следующие функции: 1) собирает литературу и архивные материалы, могущие дать указания насчет наиболее целесообразного устройства музея; 2) организует справочное бюро по выяснению состава коллекций существующих музеев; 3) в контакте с разрядами и постоянными комиссиями РАИМК вырабатывает план состава коллекций музея, осуществляет меры по его реализации; 4) собирает сведения об отдельных предметах и коллекциях, могущих служить пополнению коллекций музея; 5) до выбора личного состава выполняет его функции; 6) ищет нужные помещения; 7) составляет проект технического оборудования и инвентаря; 8) составляет проект устава, штаты, инструкцию для избрания личного состава (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 42 об.). Репертуар функций был достаточно широк и предполагал наличие профессиональных знаний не только в области археологии, но и в сфере музейного строительства. Это определило персональный состав комиссии.

Возглавил комиссию Б. В. Фармаковский (товарищ председателя РАИМК). В состав вошли С. С. Лукьянов[9] (ученый секретарь РАИМК), Л. А. Мацулевич[10], А. А. Спицын[11], С. Н. Тройницкий[12] (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 4. Л. 21–21 об.). В мае 1920 г. состоялось формальное избрание членами комиссии служивших в Эрмитаже Л. А. Мацулевича и О. Ф. Вальдгауера (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 4. Л. 38 об. – 39), но реальное их участие в работе может быть датировано началом марта 1920 г., когда (10 марта) состоялось первое заседание комиссии, ход которого нашел отражение в специально составленном журнале (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 48). Тогда на заседании, проходившем под председательством Б. В. Фармаковского, присутствовали

[9] Лукьянов Сергей Сергеевич (1898–1938) – антиковед, публицист, профессор Петроградского университета (1919), в 1920–1927 г. в эмиграции во Франции, репрессирован, расстрелян.

[10] Мацулевич Леонид Антонович (1886–1959) – археолог, искусствовед, сотрудник Русского музея (1918) и Эрмитажа (1919–1949), профессор ЛГУ, член-корреспондент АН Грузинской ССР (1946).

[11] Спицын Александр Андреевич (1858–1931) – археолог, профессор Петроградского университета (1919), член-корреспондент АН СССР (1927).

[12] Тройницкий Сергей Николаевич (1882–1948) – искусствовед, хранитель отделения драгоценностей (до 1918), директор (1918–1927) Государственного Эрмитажа.

О. Ф. Вальдгауер, Б. Г. Крыжановский[13], С. С. Лукьянов, Э. Э. Малер[14], Л. А. Мацулевич, А. А. Спицын и С. Н. Тройницкий. Для составления журнала была приглашена ученица Фармаковского Е. О. Прушевская[15]. Вальдгауер, Крыжановский и Фармаковский высказались против увеличения численности комиссии, т. к. в ней «имеются представители от всех специальностей и что число членов комиссии является уже предельным для рабочей комиссии». Это предложение было принято, и собравшиеся решили новыми постоянными членами число членов комиссии не увеличивать (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 48).

Заведующим разрядам и председателям постоянных комиссий РАИМК от лица ученого секретаря была направлена записка, в которой тот просил предоставить в ближайшее время «соображения разрядов и постоянных комиссий относительно того, какие предметы или их воспроизведения должны были бы быть представлены <…> в коллекциях музея из областей, представляющих предмет специальных занятий каждого разряда и каждой комиссии», «с тем, чтобы они были пополнены впоследствии по мере развития дальнейших работ разрядов и постоянных комиссий» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 45–45 об.).

Результатами проведенных работ стали Проект положения о Центральном музее истории материальной культуры в Петрограде и Объяснительная записка к нему, представлявшие структуру и обоснование планируемого учреждения. Проект положения целью музея ставил – «дать в образах, дошедших от старины, наглядную картину истории общемировой культуры, которая содействовала бы развитию общей творческой энергии масс населения и обслуживала бы живые интересы производств и хозяйство страны, а равно способствовала бы расширению и углублению научных изысканий специалистов» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 41).

Для решения поставленной цели предполагалось решение следующих задач: 1) собирать и пополнять («чтобы представлять в каждый момент последнее слово науки») «типичные предметы, которые представляют основные факты в общей эволюции мировой культуры и являются существенными для воссоздания картины ее генезиса и современного положения, и всякого рода пособия, могущей служить для разъяснения собираемых в музее коллекций»; 2) помогать другим музеям, «в том числе музеям специальных назначений, устраиваемым при производственных пунктах»; 3) содействовать охране «городов, музеев и находящихся в них памятников и собранию древностей»; 4) организовывать и принимать участие в производимых РАИМК раскопках, экспедициях и поездках, получая тем самым для своих коллекций предметы; 5) содействовать

[13] Крыжановский Борис Георгиевич (1886–1937) – этнограф, музеевед, сотрудник Этнографического отдела Русского музея, преподаватель ряда высших учебных заведений, репрессирован, расстрелян.

[14] Малер Эльза Эдуардовна (1882–1970) – филолог-классик, с 1920 г. в эмиграции, профессор Базельского университета (Швейцария).

[15] Прушевская Евгения Оттоновна (1890–1942) – археолог, антиковед, музейный работник, в 1918–1933 гг. в Эрмитаже, с 1933 г. – в Музее Академии художеств.

расширению знаний по истории материальной культуры («распространяя разные воспроизведения предметов из коллекций музея, устраивая специальные выставки, производя экспертизу, выдавая справки, руководя экскурсиями по музею, организуя лекции и занятия, устраивая совещания специалистов, участвуя в работе съездов и конгрессов в России и за границей, публикуя в печатных изданиях материалы музея и сочинения по специальности музея и т. д.») (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 41).

В вопросе об источниках пополнения фондов проект был крайне уклончив, оговаривая, однако, что из-за недостатка оригиналов в музее «временно выставляются возможно более точные воспроизведения типов предметов, долженствующих войти в музей <…> когда к тому окажется возможность» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 41 об.). При этом предлагая и такое направление политики комплектования фондов, которое едва ли могло быть поддержано другими музеями: «Фонды, могущие войти в учреждаемый музей из других государственных музеев, устанавливаются конференцией Академии на основании специальной инструкции, утверждаемой также конференцией» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 41 об.).

Структура будущего музея выглядела вполне классической и строилась преимущественно по хронологическому принципу. В нем должно было быть пять отделений: 1) древностей; 2) Средних веков; 3) Нового времени; 4) Новейшего времени (со второй половины XIX в.); 5) областей особого значения. Отделения музея делились на разряды, которые могли образовываться «в зависимости от научных требований момента» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 41 об.).

Объяснительная записка была более развернутой и прямо увязывала проводимые работы с решениями музейной конференции 1919 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 46). По мнению ее составителей, «учреждаемый новый музей должен быть построен в масштабе, соответствующем масштабу АИМК. В нем должны быть представлены документы не только в узком смысле археологические, но и памятники искусства, и материалы этнологические. Музей должен <…> материализировать в собираемых образах древности всю работу АИМК, должен давать ей завершение» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 46). Этим и объяснялось изменение названия от археологического музея к музею истории материальной культуры, с одной стороны, отвечавшее названию учреждения, при котором фактически музей создавался, но, с другой стороны, предполагавшее и постановку принципиального вопроса о сути и границах археологического знания, разрешавшегося в пользу холистического подхода. Поэтому над созданием музея должны работать все отделы РАИМК, занимавшиеся изучением памятников материальной культуры. Любопытным кажется уточнение о том, что именно следует понимать под таковыми. Памятниками материальной культуры признавались памятники, «которые имеют известное протяжение в пространстве» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 46), вероятно, тем самым проводилась демаркационная линия между ними, с одной стороны, и письменными источниками, а также обрядами и обычаями (этнографическими фактами) – с другой.

Создание музея рассматривалось как обязательное условие того, что РАИМК «в состоянии будет оказать народным массам ту пользу, которая от Академии

ожидается, и только с учреждением музея Академия будет в состоянии развить все свои функции» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 46 об.).

Хотя среди функций музея, вполне в соответствии с настроениями, характерными для новой советской политики в области культуры, на первый план выдвигалась просветительская – «Учреждаемый музей должен быть прежде всего учреждением, полезным народу», – раскрытие этой функции явно выдавало приверженность создателей проекта классической модели музея, в которой центром и основой всей его деятельности все же является исследовательская работа. В проекте оговаривалось: «Таким образом, он может быть строго научным учреждением, каким еще в 1733 г. был задуман Британский музей и каким представляли себе Берлинский музей[16] его первые деятели: В. фон Гумбольдт[17], Бунзен[18] и Герхард[19], положившие начало идее современного музея. Музей должен быть нужен не для одних специалистов. В нем должны получить постоянное освежение художественное научное воспитание, духовный подъем и усиление общей творческой энергии широкие массы народа. Производства страны и хозяйства равным образом должны черпать из музея нужные знания, справки, разного рода информации» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 46 об.).

Как и сама РАИМК, музей должен был выполнять функции своеобразного методического центра, помогая уже существующим музеям, «объединяющимся с ним в общей работе, оказывая им содействие в пополнениях специальных коллекций; представляя общую картину эволюции человеческой культуры, новый музей тем самым должен будет содействовать выяснению специальных задач, имеющихся у всех существующих ныне русских музеев» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 46 об.).

Необходимым признавалось в основу структуры музея положить строгую систему: «Никакой научный музей не может быть рассматриваем как собрание диковинных редкостей, требуемых праздным любопытством; никакой научный музей не нуждается в роскошных апартаментах дворцового типа, считавшихся долго правилом, т. к. прежде моделью для музеев считались папские музеи в Риме или коллекции королей и императоров, славившие своих владельцев» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 47).

Но что именно должна была представлять собой эта система, оставалось не до конца понятным. Как и во многих других проектах первых послереволюционных лет, сциентистская ориентация парадоксальным образом сопрягалась с утопическими фантазиями, и отсылки к строгой научности не мешали полету воображения: «Новый музей не должен представлять еще одно собрание хорошо

[16] Имеется в виду Старый музей в Берлине.

[17] Гумбольдт Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд, фон (1767–1835) – немецкий философ, филолог, государственный деятель. Руководил комиссией по созданию музея, во многом определил его программу.

[18] Бунзен Христиан Карл Иосия, фон (1791–1860) – немецкий археолог, государственный деятель. Активно участвовал в пополнении музейных фондов, немецком музейном строительстве в Риме.

[19] Герхард Фридрих Вильгельм Эдуард (1795–1867) – немецкий антиковед, археолог, с 1833 г. в Королевском музее в Берлине.

известного уже типа <…> Нужен совершенно новый музей, подобно которому не было и нет. И новый музей ставит целью содействие и помощь существующим музеям, совершенно не являясь им в каких-либо отношениях соперником и нимало не претендуя на обогащение их фондами <…> Музей должен своими коллекциями иллюстрировать в каждый данный момент наглядно современное состояние науки по каждому вопросу, показывая и силу науки, и ее недочеты, и desiderata» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 47).

Чуть более четко в объяснительной записке прописаны были положения политики музея в области комплектования фондов: «В новый музей не входят предметы местного и специального значения, каковым место в других музеях: например, в Эрмитаже для памятников мирового искусства, в Русском музее для памятников русского искусства, в Историческом музее в Москве – для памятников русской культуры и т. п. Новый музей, блюдя интересы общего дела, должен озаботиться и целостью городов-музеев и находящихся в них коллекций местных памятников. До сих пор городов-музеев, можно сказать, у нас не было. Древности большею частью увозились в столичные музеи, а на местах оставлялось только мало интересное» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 47).

Разрабатываемый проект предлагал новый подход: «Новый музей собирает только типы, основные факты эволюции мировой культуры, иногда типы эти могут быть представлены и не показными (по старой ненужной терминологии) предметами. Все документы в новом музее должны храниться на равных основаниях» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 47 об.). Динамичный характер эпохи находил отражение и в постулируемой динамике музейной работы и ее постоянном приведении в соответствие с актуальным уровнем научного знания: «Работа над организацией музея будет непрерывная, постоянная. Успехи науки требуют постоянно новых перемещений, новой классификации, новых пополнений» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 47 об.).

Фондом для музея должны были служить, прежде всего, коллекции самой РАИМК, под которыми, вероятно, понимались и уже наличные материалы (полученные «по наследству» от Археологической комиссии), и материалы проводимых ею раскопок. Однако и те и другие конференция РАИМК должна была распределять по всем заинтересованным музеям страны, в центральный же музей должны были передаваться «лишь предметы, удовлетворяющие основным задачам музея». По решению конференции РАИМК сюда могли бы передаваться и предметы из других музеев, «если они в этих задачах не отвечали бы задачам их» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 47 об.).

Признавая отсутствие в настоящее время достаточной базы для развертывания полноценного музея, авторы объяснительной записки предлагали следующее решение для текущего момента: «Пока нет подлинников, в новом музее помещаются воспроизведения типов, которые в оригиналах войдут в музей, когда к тому будет возможность. Кроме коллекций, новый музей собирает пособия, нужные для изучения и уразумения собираемых в нем материалов (книги и др.). Музей прилагает все усилия для популяризации своих коллекций и имеет для того свои издания <…> Пока можно было бы составить в образах план состава музея, выставив частью оригиналы из коллекций Академии, частью слепки,

чертежи, рисунки, фотографии и т. п.» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 70. Л. 47 об.).

Вопрос формирования музейных фондов традиционно к началу XX в. принадлежал к числу самых слабо разработанных вопросов отечественного музееведения. Практически во всех проектах создания музея, появлявшихся в России с начала XIX в., он или обходился стороной, или сводился к набору трюизмов, нежизнеспособность которых была очевидна для любого, знакомого с музейной деятельностью. Проект создания Центрального музея истории материальной культуры не стал в этом отношении исключением. Очень скоро стало понятно, что отсутствие фондов для столь масштабного проекта не оставляет практически никаких шансов для его реализации.

29 ноября 1920 г. ученый секретарь комиссии по организации музея Б. Г. Крыжановский доложил правлению РАИМК, что ввиду того, что «для организации совершенно самостоятельного Музея понадобится значительный персонал и долголетнее собирание материала, а в то же время в Эрмитаже имеется и то и другое, было бы целесообразным попытаться организовать археологический музей в Эрмитаже, расширив соответствующим образом его отделение Древностей» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 5. Л. 122). Его поддержали С. Ф. Ольденбург[20] и С. Н. Тройницкий, а А. А. Миллер (автор озвученного на конференции 1919 г. проекта археологического музея) указал на заинтересованность Русского музея в организации Археологического музея, внеся в обсуждение некоторый дух соревновательности. Впрочем, сторонники «унии» с Эрмитажем постарались тут же эту соревновательность нивелировать, заявив, что после получения согласия Эрмитажа «к обсуждению этого вопроса будут привлечены все заинтересованные учреждения и общества и, вероятно, Отдел музеев[21]». Совет РАИМК постановил: запросить совет Эрмитажа, считает ли он возможным взять на себя организацию археологического музея, получить заключение второго отделения Академии и совещания Отдела древностей Эрмитажа по соответствующему вопросу и поставить вопрос на обсуждение совета РАИМК 6 декабря (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 5. Л. 122).

6 декабря 1920 г. отношение правления РАИМК по данному вопросу, а также рапорт О. Ф. Вальдгауера о том, что Отдел древностей, заслушав предложение, «всецело присоединяется» к этому пожеланию РАИМК, были вынесены на обсуждение совета Эрмитажа. Совет постановил: «Ввиду того, что археология и история искусства, различествуя в методах, имеют объектом изучения один и тот же материал, вследствие чего при образовании нового мирового музея, посвященного археологии, в обоих музеях будут лакуны из-за невозможности дублировать как раз наиболее ценные в научном и художественном отношении памятники, а в других частях будет вредный параллелизм, – считать крайне

[20] Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед-индолог, историк, литературовед, археолог, искусствовед, этнограф; ординарный академик ИАН (1908); в 1904–1929 гг. – непременный секретарь Императорской академии наук (РАН, АН СССР).

[21] Имеется в виду Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса.

желательным образование музея мировой археологии в Эрмитаже, уже обладающем самыми богатыми в России археологическими коллекциями и готовым для развития этого дела научным аппаратом.

Для разработки плана организации такого музея образовать смешанную комиссию из представителей Эрмитажа и Российской Академии истории материальной культуры» (Журналы заседаний…, 2009. С. 259, 260). В тот же день отношение Эрмитажа было доложено правлению РАИМК и принято к передаче в совет РАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 5. Л. 125). Тогда же в связи с перераспределением Отделений РАИМК было предложено упразднить самостоятельную комиссию по организации музея, включив ее (наряду с комиссией по переводам) в состав комиссии популяризации археологических знаний (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 5. Л. 126). И хотя 3 января 1921 г. в качестве представителей РАИМК для работы в комиссии по созданию археологического музея (показательное обращение к старому названию как маркер возвращения к более осуществимому проекту) советом РАИМК были избраны Б. В. Фармаковский, А. А. Миллер, С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд[22] и Н. П. Сычев[23] (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. (1921). Д. 4. Л. 3–4), и эта (совместная с Эрмитажем) комиссия не принесла ожидаемых результатов. Хотя передачи археологических материалов из РАИМК в Эрмитаж способствовали расширению археологического фонда последнего (см., напр.: Журналы заседаний…, 2009. С. 282, 283 и др.).

Впрочем, планы создания собственного музея в РАИМК забыты не были. Так, например, в 1925 г. С. А. Жебелёв (заместитель (товарищ) председателя академии с 1923 г.) пытался заручиться поддержкой возглавлявшего РАИМК Н. Я. Марра в деле передачи сюда коллекций ликвидированного Петроградского археологического института (см. подробнее: *Ананьев, Бухарин*, 2020). 9 июля 1925 г. он писал В. В. Бартольду: «Хлопочу о передаче Академии музея бывшего Археологического института, его, музей, хотели рассовать по Университету и тем самым погубить. А у нас, если бы мы его получили, он составил бы ядро будущего археологического музея, о котором мы так мечтали» (СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 92. Л. 5 об.). Усилия Жебелёва оказались тщетными. А 23 мая 1930 г. на собрании сотрудников ГАИМК совместно с музейными работниками Ленинграда по вопросу чистки академии Ф. В. Кипарисов[24], фактически возглавлявший ее с 1929 г., хотя и значившийся формально заместителем председателя, прямо связал создание музея с актуальнейшими задачами, которые ставила перед академией современная политическая ситуация. Он говорил: «Теперь относительно увязки научной работы с актуальными задачами. Это нужно сказать.

[22] Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) – востоковед-иранист, тюрколог, арабист, действительный член ИАН (1913).

[23] Сычев Николай Петрович (1883–1964) – искусствовед, специалист по древнерусскому искусству, профессор Петроградского университета (1919), директор Русского музея (1922–1926), репрессирован.

[24] Кипарисов Федор Васильевич (1886–1936) – археолог, филолог-антиковед, в 1929–1934 гг. – первый заместитель председателя ГАИМК; с 1934 г. – председатель; репрессирован, расстрелян.

Особенно актуальная задача – переработка человеческих мозгов, искоренение тех предрассудков, или ложных, квазинаучных представлений о ходе человеческой истории, которые, увы, господствуют в наших головах. Это совершенно актуальная задача, идущая в линии всего нашего социалистического строительства, широко понимаемого.

В частности, – те товарищи, с которыми я работаю, это знают, что наша мечта – проработать план грандиозного музея истории человеческой культуры, поставить сейчас проблему, чтобы через пять лет, когда государство будет в состоянии 20–30 миллионов бросить на постройку нового музея, в котором собрать всю историю человека – до наших октябрьских дней. В этот музей собрать все, что есть нужного и ценного в наших музеях, остальные музеи рассматривать как резерв. Теоретически проработать план такого музея, который дал бы возможность историю человеческой культуры на всем его протяжении показать с точки зрения классовой борьбы и тех законов, которые ею управляют. Разработать пока только теоретический план такого музея – задача необычайно сложная, которая должна быть проведена на протяжении нескольких лет с привлечением всех марксистских сил. Этот музей явился бы грандиозным памятником В. И. ЛЕНИНУ, именно в нашей стране, у нас» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 5. Л. 97). Но и здесь план не был реализован, а сам его автор вскоре погиб в круговороте репрессий.

Таким образом, как видим, вопрос создания в Петрограде-Ленинграде специализированного археологического музея, заявленный самими представителями научного сообщества еще в позднеимперский период, продолжал оставаться актуальным и в первые десятилетия советской власти. Надежды на централизацию всей археологической и памятникоохранительной деятельности в системе РАИМК, казавшиеся реальными сразу после создания академии, вскоре столкнулись с проверкой суровой реальностью: недостатком финансирования, нехваткой кадров, идеологическим давлением, институциональной чехардой. Материальных условий для создания практически с нуля масштабного профильного музея не было. Не вполне четким было и концептуальное представление о его границах на перекрестье археологии, этнографии и истории искусства. В середине 1920-х гг. в связи с появлением целостного профильного собрания, оказавшегося «бесхозным», надежды на создание музея, хотя и в более скромном масштабе, возродились, но и им не суждено было реализоваться. Наконец, чистки и репрессии начала 1930-х гг. окончательно сняли с повестки дня утопические планы создания монументального музея истории всего человечества. Дальнейшее развитие этого направления, уже после включения ГАИМК в систему АН СССР, будет связано с созданием гораздо менее амбициозных научно-исследовательских музеев при ряде академических учреждений страны.

ЛИТЕРАТУРА

Ананьев В. Г., 2017. «До сих пор нет археологического музея в настоящем смысле этого слова». Петроград: Проекты и планы 1917 г. // РА. № 2. С. 172–177.

Ананьев В. Г., Бухарин М. Д., 2020. К истории Музея Петербургской духовной академии в послереволюционный период. Письмо С. А. Жебелёва Н. Я. Марру // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. Т. 36. Вып. 1. С. 171–178.

Ананьев В. Г., Бухарин М. Д., 2021. Проект создания археологического музея на Первой всероссийской музейной конференции 1919 г. // КСИА. Вып. 262. С. 437–443.

Беззубова О. В., 2003. Музей как инстанция художественного, научного и идеологического дискурсов: автореферат дис. … канд. философ. наук. СПб. 24 с.

Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II. 1920–1926 годы / Ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. 880 с.

Платонова Н. И., 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История. 316 с.

Neustupny J., 1968. Museum and research. Prague: Office of Regional and Museum Work of the National Museum in Prague. 159 p.

Whitehead C., 2009. Museums and the Construction of Disciplines: Art and Archaeology in Nineteenth-century Britain. London: Duckworth. 160 p.

Сведения об авторах

Ананьев Виталий Геннадьевич, Институт всеобщей истории РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119334; Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: v.ananev@spbu.ru;

Бухарин Михаил Дмитриевич, Институт всеобщей истории РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119334, Россия; e-mail: michabucha@gmail.com

V. G. Ananyev, M. D. Bukharin

«AN ABSOLUTELY NEW MUSEUM IS NEEDED»: THE RUSSIAN ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE AND THE PROJECT ON CREATING THE CENTRAL MUSEUM FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE IN THE 1920S

Abstract. The early Soviet period saw repeated discussions of various projects on organization of archaeological museums. The project on organization of the Central Archaeological Museum was proposed by the Institute of Art History in 1917. This subject was discussed at the first All-Russian Museum Conference in 1919; the Commission on organization of the Central Museum for the History of Material Culture tried to implement decisions made at this conference in 1920–1921. For this project to come to fruition, this Commission was transformed into a joint commission of the Russian Academy for the History of Material Culture and the State Museum of Hermitage. At the end of the 1920s the State Academy for the History of Material Culture discussed another project aimed to organize the Museum of Human Culture. None of the projects was implemented because of the lack of resources and outstanding issues related to insufficient number of exhibits to be put on display; however, the documents from the archives of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, clearly demonstrate how the discussions on the mission and the structure of this museum, in general, and archaeological museums, in particular, proceeded. The projects on organizations of the Museum for the History of Material Culture is a memorial to unrealized ambitious projects in the museum sector in the 1920s.

Keywords: museum, archaeology, Academy for the History of Material Culture.

REFERENCES

Ananyev V. G., 2017. «Do sikh por net arkheologicheskogo muzeya v nastoyashchem smysle etogo slova». Petrograd: Proekty i plany 1917 g. [«There is still no archaeological museum in true sense of the word». Petrograd: Projects and plans, 1917]. *RA*, 2, pp. 172–177.

Ananyev V. G., Bukharin M. D., 2020. K istorii Muzeya Peterburgskoy dukhovnoy akademii v poslerevolyutsionnyy period. Pis'mo S. A. Zhebeleva N. Ya. Marru [On history of the Museum of the St. Petersburg Theological Academy in the post-revolutionary period. Letter from S. A. Zhebelev to N. Ya. Marr]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology]*, vol. 36, iss. 1, pp. 171–178.

Ananyev V. G., Bukharin M. D., 2021. Proekt sozdaniya arkheologicheskogo muzeya na Pervoy vserossiyskoy muzeynoy konferentsii 1919 g. [The project of archaeological museum at the All-Russian museum conference of 1919]. *KSIA*, 262, pp. 437–443.

Bezzubova O. V., 2003. Muzey kak instantsiya khudozhestvennogo, nauchnogo i ideologicheskogo diskursov: avtoreferat dissertatsiya … kandidata filosofskikh nauk [Museum as an instance of artistic, scientific and ideological discourses: PhD Thesis]. St. Petersburg. 24 p.

Platonova N. I., 2010. Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka [History of archaeological thought in Russia. The second half of XIX – first third of XX century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 316 p.

Zhurnaly zasedaniy Soveta Ermitazha [Logs of the Hermitage Council meetings], II (1920–1926). M. B. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: GE, 2009. 880 p.

About the authors

Anan'yev Vitaliy G., Institute of World History RAS, Leninskiy prosp., 32a, Moscow, 119334; Institute of Philosophy, St.Petersburg State university, Mendeleyevskaya liniya, 5, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: v.ananev@spbu.ru;

Bukharin Mikhail D., Institute of World History RAS, Leninskiy prosp., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; e-mail: michabucha@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АКР – Археологическая карта России. М.
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИЖ – Военно-исторический журнал
ВНИИСМИ – Всероссийский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт механизированного и ручного строительно-монтажного инструмента
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН. М.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
МИИГАиК – Московский государственный университет геодезии и картографии
ПА – Поволжская археология. Казань
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС – Тверской археологический сборник

ТТЗ – Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УИВ – Уральский исторический вестник. Екатеринбург

AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
AKR – Arkheologicheskaya karta Rossii [Archaeological map of Russia]. Moscow
AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN
ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
BAR – British Archaeological Reports
DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphics, numismatics and philology of Cimmerian Bosporus]. Moscow: IA RAN
Doc. Praehist. – DocumentaPraehistorica
GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]
GMII – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IAK – Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Proceedings of Imperial archaeological commission]. St. Petersburg
IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
IOSPE – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
IV RAN – Institut vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental Studies of RAS]. Moscow
JAS – Journal of Archaeological Science
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
MAE RAN – Muzey antropologii i etnografii RAN im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstkammer); St. Petersburg
MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
MIAK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani [Materials and research on archaeology of Kuban]. Krasnodar
MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]; Armavir
PA – Povolzhskaya Arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]. Kazan'
PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]. Magnitogorsk
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete corpus of Russian chronicles]
QI – Quaternary International

RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
TAS – Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver' archaeological transactions]
TTZ – Tver, tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, Tver Land and adjacent territories in Middle Ages]. Tver
TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad
UIV – Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical bulletin]. Ekaterinburg
UrO RAN – Ural Branch of RAS
VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow
VIZh – Voenno-istoricheskiy zhurnal [Journal of military history]

ОТ РЕДАКЦИИ

Журнал «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.
2. Рукопись подается в электронном формате (Microsoft Word).
3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из:
   а) основного текста,
   б) списка литературы (см. п. 10),
   в) списка подрисуночных подписей,
   г) резюме и ключевых слов (см. п. 11),
   д) списка сокращений,
   е) таблиц (см. п. 8),
   ж) иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7),
   з) сведений об авторе (авторах; см п. 12).

Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. Допускается увеличение количества иллюстраций, компенсированное уменьшением объема текста. В объем рукописи включается все составные части статьи, перечисленные в п. 3 (а-е). Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б…).

5. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте следует сопровождать необходимыми пояснениями.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике.

Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 13 × 19 см.

В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны иметь тематический заголовок и номер в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений.

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2…

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей

Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии – диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора книги, а после места издания – издательство. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита.

Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Седов В. В., 1979б. …

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Чернов С. З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4. Архив ИА РАН. Р-1, № 6695.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I. The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // Antiquity. Vol. 53. P. 6–22.

Semav S., Rogers M., Stout D., 2009. The Oldowan Acheulian Transition: Is there a “Developed Oldowan” Artifact Tradition? // Sourcebook of Palaeolithic Transitions:

Methods, Theories, and Interpretations / Eds.: M. Camps, P. Chaukhan. Berlin: Springer Verlag. P. 173–193.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Седов*, 1979. С. 50). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте (Hrd. IV, 119) и в список литературы не включаются.

11. К статье прилагается список ключевых слов (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Текст резюме должен быть структурирован следующим образом: постановка проблемы, цель и задача статьи, применяемые методы, результаты, выводы. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (Abstract) и ключевых слов (Keywords).

12. К статье прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса и полного названия учреждения — места работы, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Выпуск 267

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки – бронзовая статуэтка Зевса/Юпитера
(к статье Д. В. Журавлева и др.)

Редакторы: Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 06.06.2022. Формат 70×100 1/16.
Уч.-изд. л. 35,62. Тираж 250. Заказ №

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57.
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01.
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30.
E-mail: ksia@iaran.ru